

**ВЕСТНИК
Томского государственного университета**

2021. № 463. Февраль

• ФИЛОЛОГИЯ	• PHILOLOGY
• ФИЛОСОФИЯ	• PHILOSOPHY
• СОЦИОЛОГИЯ
И ПОЛИТОЛОГИЯ	• SOCIOLOGY
AND POLITICAL SCIENCE
• ИСТОРИЯ	• HISTORY
• ПЕДАГОГИКА	• PEDAGOGICS
• ПРАВО	• LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2021. № 463. February

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Учредитель – Томский государственный университет

Founder – Tomsk State University

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глушенко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р
филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**,
д-р техн. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол.
наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р
ист. наук, проф.; **Д.А. Катунин**, канд. филол. наук, доц.;
А.Г. Коротаев, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.;
И.Ю. Малкова, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-
минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского
Дома Томского государственного университета; **Т.С. Портунова**,
канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ;
А.И. Потехаев, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**, д-р
юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слижов, канд. хим. наук, доц.; **В.С. Сумарокова**, директор
Издательства ТГУ; **С.П. Сушенко**, д-р техн. наук, проф.;
П.Ф. Тарасенко, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьяна**,
канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук,
проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.;
Э.И. Черняк, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р
пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р техн. наук, проф.

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chair-
man); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Pro-
fessor (Vice Chairman); **N. Glushchenko**, PhD in History, Associate
Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Math-
ematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Pro-
fessor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vo-
robyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of
Engineering, Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor;
S. Gural, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Phi-
lology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr.
of History, Professor; **D. Katunin**, PhD in Philology, Associate
Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior
Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**,
Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk
State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical
Literature Publishing House; **A. Potekhaev**, Dr. of Physics and Mathemat-
ics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**,
PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry,
Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing
House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**,
PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**,
PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr.
of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics,
Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr.
of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глушенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент
Л.М. Прозументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

Editor-in-Chief

Vasilii P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,

Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Будникова Н.Н. Основания выделения дезинтеграционных процессов в синтаксисе	5
Волкова Е.В. Реализация информационно-просветительской стратегии врача в медиадискурсе социальной сети	15
Гончарова Н.В. Личная библиотека А.В. Никитенко как «Летопись русской литературы»	25
Каминская Ю.В. Коллекционирование как основополагающий творческий принцип поэтики К. Вагинова	32
Надточий Е.Е. К истории становления жанра некролога в русской литературе: некрологи Н.М. Карамзина	42
Сайни С., Поплавская И.А., Саксена Р. Особенности литературной рефлексии героев в прозе С.А. Алексиевич («Цинковые мальчики»)	47

ФИЛОСОФИЯ

Ростова Н.Н. Антигуманизм: преодоление гуманизма или его новая версия?	55
Соломко Д.В. Бытие человека: формирование экологической культуры	63
Шабалина А.О. Два значения «познания» в теории воплощенного познания	69

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Внукова Л.Б., Власкина Т.Ю. Самоидентификация жителей Донбасса в контексте социально-политических воззрений: социально-лингвистический аспект	73
Недоспасова О.П., Павлова И.А., Барышева Г.А., Рождественская Е.М. Формирование запроса на социальное предпринимательство в интересах старшего поколения (на примере Томской области)	87

ИСТОРИЯ

Бойко В.П. Эволюция облика русского купечества и отечественного предпринимательства в творчестве П.И. Мельникова (Андрея Печерского)	98
Буянов Д.Е. Духовные христиане в г. Благовещенске Амурской области в конце XIX – начале XX в.	104
Колева Г.Ю., Колев Ж.М. Начальный период формирования советского газового экспорта в Европу (1944–1967 гг.)	107
Матханова Н.П., Родигина Н.Н. «Приамурье не Сибирь»: репрезентация отличий Сибири и Дальнего Востока в отчетах генерал-губернаторов второй половины XIX в.	117
Тепляков Д.А. Антропологические поиски А.А. Богданова	125
Шевцов Д.В. Развитие русскоязычной периодической печати в Калифорнии: от становления до начала Второй мировой войны	137

CONTENTS

PHILOLOGY

Budnikova N.N. Bases of Disintegration Processes Allocation in Syntax	5
Volkova E.V. Communicative Tactics of the Doctor's Informational and Educational Strategy in the Media Text of the Social Network Instagram	15
Goncharova N.V. Aleksandr Nikitenko's Private Library as a "Chronicle of Russian Literature"	25
Kaminskaya Yu.V. Collecting as a Fundamental Creative Principle of Konstantin Vaginov's Poetics	32
Nadtochi E.E. To the History of the Formation of the Obituary Genre in Russian Literature: Obituaries by Nikolay Karamzin	42
Saini S., Poplavskaya I.A., Saxena R. Specific Features of Protagonists' Literary Reflections in the Writings of Svetlana Alexievich (<i>Zinky Boys</i>)	47

PHILOSOPHY

Rostova N.N. Antihumanism: Overcoming Humanism or a New Version of It?	55
Solomko D.V. Human Existence: Formation of Ecological Culture	63
Shabalina A.O. Two Meanings of "Cognition" in the Theory of Embodied Cognition	69

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Vnukova L.B., Vlaskina T.Yu. Self-Identification of Donbass Residents in the Context of Socio-Political Views: A Sociolinguistic Aspect	73
Nedospasova O.P., Pavlova I.A., Barysheva G.A., Rozhdestvenskaia E.M. Formation of Demand for Social Entrepreneurship to Serve the Interests of the Older Generation (The Case of Tomsk Oblast)	87

HISTORY

Boiko V.P. The Evolution of the Image of Russian Merchants and Domestic Entrepreneurship in the Writings of Pavel Melnikov (Andrey Pechersky)	98
Buyanov D.E. Spiritual Christians in Blagoveshchensk, Amur Oblast, in the Late 19th – Early 20th Centuries	104
Koleva G.Yu., Kolev Zh.M. The Initial Period of Soviet Gas Exports to Europe (1944–1967)	107
Matkhanova N.P., Rodigina N.N. "Amur Region Is Not Siberia": Representation of Differences between Siberia and the Far East in the Reports of Governor-Generals in the Second Half of the 19th Century	117
Teplyakov D.A. Anthropology Searches by Alexander Bogdanov	125
Shevtsov D.V. Development of Russian Periodical Press in California: From the Formation to the Beginning of World War II	137

ПЕДАГОГИКА

Викторов Д.В. Прикладное физкультурное образование студентов	145
Камалева А.Р., Новожилова Н.В. Формирование валеологической культуры у будущих медицинских работников среднего звена с учетом отечественного и зарубежного опыта	150
Малеев Д.О. Формирование адаптоспособности лыжников-гонщиков в условиях интегративного тренировочного процесса	156
Меженина Н.М. Об опыте проведения промежуточного итога по математической статистике с использованием системы КАНООТ!	162
Мелёхина Е.А., Приставко К.В. Коммуникативная компетенция как ключевая компетенция в подготовке переводчиков русского жестового языка	170
Тарнаева Л.П., Баева Г.А., Грецкая Т.В. Лингводидактический потенциал теории внутренней валентности слова в обучении беспереводной семантизации терминологической лексики медицинского дискурса (на материале немецкого языка)	179
Savchenko I.A., Barseghyan S.S. Bilingualism as a Phenomenon of Transcultural Communication in Foreign Language Teaching	188

ПРАВО

Архипова А.Г., Абросимова Е.А. Арбитрабельность морских споров с публично-правовым элементом	196
Данилова Н.В. Институт возмещения экологического вреда в российских правовых исследованиях (обзор научной литературы за 2009–2019 гг.)	206
Исаева А.А. Содержание свободы совести и индийская доктрина «основной религиозной практики»: конституционно-правовой обзор	218
Кашуба Ю.А., Алексеев А.Ю. Специальные правовые режимы в пенитенциарных учреждениях зарубежных государств: некоторые юридические последствия	227
Корнакова С.В. Сравнительно-правовой анализ регламентации правил оценки доказательств в уголовно-процессуальном законодательстве стран СНГ	234
Отчешская Т.И., Мишакова Н.В., Голощанова Т.И. Честность как базисная составляющая профессионального профиля судьи	240
Стовба А.В. Классическая и неклассическая теория права	251
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	257

PEDAGOGICS

Viktorov D.V. Methods of Applied Physical Education of Students	145
Kamaleyeva A.R., Novozhilova N.V. Formation of Valeological Culture in Future Middle-Level Medical Workers with Regard to Domestic and Foreign Experience	150
Maleev D.O. Formation of Ski Racers' Adaptability in the Conditions of an Integrative Training Process	156
Mezhennaya N.M. On the Experience of Conducting Interim Assessment in Mathematical Statistics Using Kahoot!	162
Melekhina E.A., Pristavko K.V. Communicative Competence as a Key Competence for Future Interpreters of the Russian Sign Language	170
Tarnaeva L.P., Baeva G.A., Gretskaya T.V. The Linguodidactic Potential of Valency Theory in Teaching the Untranslatable Semantization of Medical Discourse Terminology (On the Material of the German Language)	179
Savchenko I.A., Barseghyan S.S. Bilingualism as a Phenomenon of Transcultural Communication in Foreign Language Teaching	188

LAW

Arkhipova A.G., Abrosimova E.A. Arbitrability of Maritime Disputes with a Public Element	196
Danilova N.V. Compensation for Environmental Damage in Russian Legal Studies (Review of Literature for 2009–2019)	206
Isaeva A.A. The Content of Freedom of Conscience and the Indian "Essential Practice of Religion" Doctrine: A Constitutional Legal Review	218
Kashuba Yu.A., Alekseev A.Yu. Special Legal Regimes in Penitentiary Institutions of Foreign States: Some Legal Consequences	227
Kornakova S.V. A Comparative Legal Analysis of the Regulation of Rules for Evaluating Evidence in the Criminal Procedure Legislation of the CIS Countries	234
Otchetskaya T.I., Mishakova N.V., Goloshchapova T.I. Honesty as a Basic Component of the Judge's Professional Profile	240
Stovba O.V. Classical and Non-Classical Theory of Law	251
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS IN RUSSIAN	257

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81.367

Н.Н. Будникова

ОСНОВАНИЯ ВЫДЕЛЕНИЯ ДЕЗИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СИНТАКСИСЕ

Представлены основания выделения дезинтеграционных процессов: абзаца, парцелляции, вставки, синтаксической импликации. Впервые разработаны основания, которые позволяют отнести синтаксический процесс к дезинтеграционному процессу. В качестве оснований отнесения процесса к дезинтеграционному выделены: нарушение структурно-семантического единства между компонентами синтаксического процесса, отсутствие формальных показателей связи между компонентами синтаксического процесса, использование шрифтовых маркеров.

Ключевые слова: синтаксический процесс; дезинтеграционный синтаксический процесс; основания выделения дезинтеграционных синтаксических процессов; компоненты синтаксического процесса; взаимодействие компонентов синтаксического процесса.

В настоящее время синтаксические процессы современного русского языка активно изучаются лингвистами (Г.Н. Акимова, А.А. Вердеш, Е.А. Иванчикова, Н.А. Кожевникова, Л.П. Крысин, О.В. Марьяна, В.А. Мишланов, Л.Н. Мурзин, Е.А. Покровская, А.А. Чувакин и др.). Исследователи распределяют их на две группы – интеграционные и дезинтеграционные процессы, которые характеризуются противоположным влиянием на текст: одни – способствуют объединению компонентов процесса или самих процессов друг с другом в тексте (интеграционные процессы), другие – разъединению компонентов процесса или самих процессов (дезинтеграционные процессы). Неоднозначность в понимании процессов, в их отнесении к одной из двух существующих групп, в назывании самих групп (слияние – интеграция, расчленение – дезинтеграция) позволяет говорить об актуальности проблемы, связанной с интеграционными и дезинтеграционными синтаксическими процессами. Сложившееся в синтаксисе текста положение не всегда позволяет понять принцип отнесения синтаксического процесса к одной из двух групп.

Синтаксические процессы, влияющие на расчленение текста, описываются в трудах А.А. Вердеш, З.Я. Омаевой, Е.А. Покровской, Г.Е. Щербань, О.М. Юрченко и др. Отметим, что исследователи по-разному определяют объем дезинтеграционных процессов. Так, С.А. Шулькис [1. С. 95] говорит об аструктурированных предложениях, Е.В. Харитонова [2. С. 123] – о сегментированных, присоединительных и парцеллированных конструкциях, Е.А. Покровская к расчлененным конструкциям относит неграмматическое обособление второстепенных членов, вставные конструкции, парцелляцию, неполное предложение и неполную конструкцию с прямой речью, сегментацию [3. С. 279]. Мы предполагаем, что назрела необходимость в разработке оснований, которые бы позволили отнести тот или иной синтаксический процесс к интеграционному или дезинтеграционному процессу.

Вслед за О.В. Марьиной под *дезинтеграционным синтаксическим процессом* понимаем процесс разъединения компонентов синтаксического процесса или самих синтаксических процессов [4. С. 87]. В нашей работе мы остановимся на описанных исследователем

дезинтеграционных процессах: абзацном членении, вставке, парцелляции, синтаксической импликации, потому что они разнообразны по степени наполнения компонентов и способам их взаимодействия в составе процесса, и рассмотрим их в контексте оснований дезинтеграции.

Проведенная работа позволит определить, являются ли предложенные нами основания выделения процесса универсальными. Актуальность исследования состоит в том, что в нем впервые рассматриваются основания, которые в отдельности друг от друга или во взаимодействии друг с другом указывают на процессы, в которых наблюдается разъединение компонентов, их составляющих.

Основания дезинтеграционных синтаксических процессов:

1. Нарушение структурно-семантического единства между компонентами синтаксического процесса. Реализация в текстовом фрагменте смысловых и структурных возможностей языка происходит в результате отбора и комбинирования языковых средств согласно авторскому замыслу.

Под нарушением структурного единства понимаем разрушение связности линейных последовательностей, последовательностей языковых единиц, несоответственность грамматических форм, где на синтагматической оси находятся элементы, «отклоняющиеся от системного, парадигматического» варианта [5. С. 97].

На структурном уровне нарушение единства проявляется в отступлении от линейного развернутого повествования, синтагматическая связь компонентов не прослеживается, отсутствует координация времени во вставном и включающем компонентах, наблюдается разный тип повествования, изменяется логика композиционного построения, когда текстовый фрагмент предстает неоднородным, компактным [6]. При отсутствии структурного единства вставной компонент не может быть включен в состав предложения без изменения своей структуры.

Грамматическим средством координации времени являются видовременные формы глаголов. Нарушение в последовательности повествования, обнаруживаемое при использовании в предложении, сложном синтаксическом целом глаголов-сказуемых разных

видов и времен, ведет к нарушению единства между компонентами процесса и является прямым указанием на расчлененность текста.

Смена типа повествования между компонентами синтаксического процесса также становится показателем расчлененности, поскольку комбинации «повествователь → рассказчик» / «рассказчик → повествователь» меняют пространственно-временную парадигму текстового фрагмента, «что приводит к преодолению линейности текста» [7].

Разрушение композиционного единства есть нарушение структурной упорядоченности текстового фрагмента, нарушение формально-структурной формы сегментирования текста на отдельные структурно-семантические блоки. Нарушение композиционного единства в дезинтеграционных процессах вариативно: так, способ развития мысли может быть последовательным или параллельным, а вот логическое движение мысли – вертикальным. Таким образом, возможны следующие модификации разрушения композиционного единства. Последовательный способ развития мысли (показатели – единство видовременных форм), логическое движение мысли – вертикальное (показатели – смена типа повествования, создание двуплановости через включения новой микротемы / микротем). Параллельный способ развития мысли (показатели – разные видовременные форм и / или смена типа повествователя), логическое движение мысли – вертикальное (показатели – видовременные формы и тип повествования, создание двуплановости через включения новой микротемы / микротем, связанных между собой за счет ассоциаций, взаимодействия внутритекстовых элементов и внетекстовой сферы).

На уровне семантики возникает двуплановость повествования, проявляющаяся в наличии внутреннего образного и внешнего предметного планов, несовпадение времени повествования и времени события [8]. При нарушении семантического единства наблюдаем в одном из компонентов процесса появление новой микротемы, которая включена в текстовый фрагмент в результате желания автора пояснить, уточнить, подытожить сказанное ранее. Новая микротема может являться следствием устранения так называемых смысловых скважин (по терминологии Н.И. Жинкина), которые становятся «показателем зоны непонимания» [9] между автором и реципиентом. Уверенность автора в отсутствии фоновых знаний читателя, определенного опыта, стремление автора к точному пониманию текста приводят к трансформации смыслового уровня текстового фрагмента, появлению двуплановости.

Таким образом, нарушение структурно-семантического единства проявляется в разъединении компонентов синтаксического процесса, показателями которого становятся разные хронологические пространства компонентов процесса, смена типа повествования, нарушение композиции текстового фрагмента; на семантическом уровне у каждого компонента процесса (и при последовательном, и при параллельном взаимодействии компонентов) наблюдается своя микротема, появляется двуплановость, нарушается логическое следование.

Нарушения структурно-семантического единства комплексно реализуются в каждом дезинтеграционном процессе: наблюдается модификация структурных характеристик на фоне семантической двуплановости и нарушения причинно-следственных связей, что, в первую очередь, связываем с особенностями конкретного дезинтеграционного процесса.

Появление в тексте **абзаца** традиционно связывается с переходом автора к новой мысли. Структурные особенности процесса абзацного членения могут иметь следующие модификации: единство временного плана / сосуществование разных временных планов (прошлое ↔ настоящее), единый тип повествования / изменение типа повествования (повествователь ↔ рассказчик), композиционное строение усиливает экспрессивную и динамическую организацию текста. Нарушение семантического единства абзацного членения проявляется в наличии двух и более микротем в компонентах процесса, изображения разных предметов реальной действительности.

Рассмотрим структурно-семантические модификации процесса абзацного членения:

Он по-прежнему пил и не пьянел, и по-прежнему уговаривал Лейлу пожениться. Мать уехала, строго-настроено наказав дочери с Васгеном не связываться. К тому же они поспорили из-за Сарьяна. Мама сказала, что он хороший живописец, но плохой рисовальщик. С последним Васген никак не хотел соглашаться.

«А у тебя рыжие веснушки, какие и должны быть у рыжего солнца» (А. Омар «Васген»).

Абзацы отнесены к разным временным планам – план прошлого (1-й абзац: прошедшее время глаголов) и план настоящего (2-й абзац: временные формы, использованные в прямой речи, участвуют в моделировании настоящего действующих лиц, их «сейчас», «теперь» [10]); события первого абзаца подаются с позиции повествователя, события второго абзаца – с позиции героя; развитие ситуации – вертикальное, показателем вертикального движения мысли на структурном уровне становится изменение темпоральных характеристик. На семантическом уровне выделяем две микротемы: микротема первого абзаца – действия Васгена, микротема второго абзаца – лирическое описание Лейлы.

Нарушение структурно-семантического единства может происходить и при сохранении единых хронологических рамок во фрагменте текста:

На исходе дня двое вернулись с несколькими картофелинами и куском жмыха в кармане.

Христьян был мертв. Рядом гуртились вороны.

Обложили его камнями, засыпали листьями, хворостом, жухлой травой.

Шел 1944 год. Христьяну было 31.

Я знал его еще до войны, он был очень похож на отца: высокий, поджарый, длинноносый, белобрысый. Сохранилась фотография, на которой мы трое запечатлены на траве в летнюю пору за околицей Мангейма (Г. Бельгер «Умер по дороге домой»).

Фрагмент текста отнесен к плану прошлого, однако смена повествования (первые четыре абзаца показаны с позиции повествователя, последний абзац с

позиции рассказчика) на структурном уровне становится показателем вертикального движения мысли. На семантическом – выделяем две микротемы: первая микротема (1–4-й абзацы) рассказывает о смерти Христьяна, вторая микротема – воспоминания рассказчика о Христьяне.

При **парцелляции** нарушение структурно-семантического единства проявляется в структурной и семантической неполноте парцеллята. Структурные модификации процесса отсутствуют, поскольку базовый компонент и парцеллят сохраняют грамматическую связь, которая подтверждается «проверочной» депарцелляцией, при синтаксической самостоятельности компонентов процесса. Композиционно парцелляция проявляется значимым делением на базовый компонент и парцеллят при неизменной постпозиции парцеллята. Нарушение смыслового единства в процессе парцелляции связано с появлением в парцелляте добавочного смыслового значения (уточнения, конкретизации, описание состояния героя, его внешности, детализация значимых для автора моментов). Семантически парцеллят неполнозначен без базового компонента, это «фрагмент новой мысли, возникшей в рамках основного высказывания» [11. С. 32], обладающий дополнительными смыслами.

Базовый компонент и парцеллят представляют собой формально завершённые предложения, характеризующиеся прерывистым ритмом (избыточной паузой) и интонацией пояснения, реализуемой в парцелляте; на письме этому соответствует знак точки [12]. Однако с точки зрения структуры парцеллят не способен функционировать в речи самостоятельно [13. С. 70]: *Объектив фотокамеры выхватил только младенца. И руки, купающие его...* (У. Тажикинова «Остановись, мгновенье!»). На структурном уровне парцеллят не обладает предикативностью, следовательно, невозможно определить его положение на временной плоскости, тип повествования, предположительно, – позиция повествователя. При этом базовый компонент отнесен к плану прошлого (*выхватил*), тип повествования – от 3-го лица (позиция повествователя). На семантическом уровне парцеллят создает иллюзию «стоп-кадра», когда намеренно подчеркивается фрагмент действительности [14] – сначала появилось фото младенца, а затем рук, которые его купали.

При дистантном расположении компонентов процесса парцелляции структурная и семантическая неполнота парцеллята сохраняется: *А я не приемлю легкомысленного отношения к жизни, ибо жизнь – при всей ее хрупкости – священный дар. Ну, а при слове «дар» мгновенно стучится в сознание Пушкин. Легко, изящно, бесстрашно* (Г. Бельгер «Сердце, сердце, что случилось?»). Парцеллят не обладает предикативностью, базовый компонент соотносится с настоящим временем (стучится), тип повествования от 1-го лица (позиция рассказчика). Семантически автор акцентирует внимание на парцелляте, определяет его «как гравитационный центр мысли, который не является при этом синтаксически законченной конструкцией» [15], смысловая значимая часть высказывания приходится на парцеллят.

Вставка традиционно рассматривается в русле исследований, связанных с расчленением художественного текста, и имеет следующие структурные модификации: единый тип повествования / разный тип повествования, хронологическое единство / отсутствие хронологического единства, в композиционном плане способ развития мысли – параллельный, логическое движение мысли – вертикальное. На семантическом уровне наблюдаем появление новой микротемы во вставном компоненте. Рассмотрим структурные модификации вставки: *Вечером в управлении «Алтай-энерго» в конференц-холле заседание Клуба книголюб-вов. Краевед Станислав Евгеньевич Черных подготовил доклад о творчестве нашего земляка Горбачёва. (По прошествии лет я напишу об этом писателе-земляке главу в сборник «Литература ВКО»)* (В. Минаев «Страницы жизни»).

Вставной и включающий компоненты имеют единый тип повествования (рассказчик – 1-е лицо, показатели – жанр автобиографии, характерное для всего произведения в целом, местоимение «я» во вставном компоненте); наблюдается «временной сдвиг»: включающий компонент отнесен к плану прошлого, вставной – к плану будущего; композиция представлена параллельным развитием мысли автора: *С.Е. Черных → глава в сборнике*, движение мысли вертикальное, ассоциативное. Семантически фрагмент включает в себя две микротемы: первая – заседание клуба книголюб-вов, вторая – глава в сборник.

Двуплановость повествования наблюдается в том случае, когда повествующий представляет читателю большой объем информации и при этом поясняет, добавляет что-либо в уже выстроенный текст. По мнению Е.А. Иванчиковой, вставки заставляют удерживать в памяти две или больше линий мысли и способны вызвать впечатление внутренней напряженности [16]: *Среди частых гостей я побаивался, а значит, уважал больше всех Кайнекей-ага; он мало говорил, но всегда веско и остроумно (позже, когда мы жили у него на квартире, я близко познакомился с его уникальной, редкостной библиотекой); рокошущие оглушал Хаман, а Сыракен (огромный и телом и душой) и Касым-ага (рядом они смотрелись как Давид и Голиаф, но надо сказать, Касым-ага был профессиональным борцом) – с их детьми мы росли вместе – норовили стиснуть меня своими сильными руками. Помню лучезарную чету Узденбаевых, задиристого дядю Муху, смешливым и добрым остался в моей памяти Шамиль Мухамеджанов («Хан Шамиль» в шутку звал его отец), застенчиво молодыми помню любимчиков отца – Тумаши и Саги (Б. Каирбеков «Путь воды»).* Включающие компоненты текстового фрагмента – рассказ о частых гостях отца. Вставные компоненты вводят дополнительную информацию, благодаря которой рассказчик пытается ближе познакомить читателя со знакомыми для него людьми. Первый вставной компонент (*позже, когда мы жили...*) меняет композицию текстового фрагмента с рассказа о Кайнекее-ага на воспоминания о библиотеке, о которой рассказчик узнал позже (на это указывает и наречие, помещенное во вставной компонент). Второй (*огромный и телом и душой*) и третий

(рядом они смотрелись...) – дают внешнюю характеристику Сыракену и Касыму-ага, из вставного компонента читатель узнает о роде занятий одного из героев. Четвертый вставной компонент (с их детьми...) вводит информацию о наличии детей у названных лиц и позволяет сделать вывод, что эти дети ровесники рассказчика. Пятая вставка («Хан Шамиль») – это прямая речь отца рассказчика. Если убрать вставные компоненты из включающих, то получаем следующее линейное повествование: *Среди частых гостей я побавался, а значит, уважал больше всех Кайнекей-ага; он мало говорил, но всегда весело и остроумно; рокочуще оглушал Хаман, а Сыракен и Касым-ага норовили стиснуть меня своими сильными руками. Помню лучезарную чету Узденбаевых, задиристого дядю Муху, смешливым и добрым остался в моей памяти Шамиль Мухамеджанов, застенчиво молодыми помню любимчиков отца – Тумаши и Саги.* Двуплановость повествования исчезла.

Синтаксическая импликация «не имеет синтаксических показателей, равных по своему механизму вставке, парцелляции, абзацному членению» [17. С. 150], в связи с чем структурные модификации процесса отсутствуют. Однако, несмотря на отсутствие структурных показателей, выделенное нами основание позволяет отнести синтаксическую импликацию к дезинтеграционному процессу: синтаксическая импликация проявляется на уровне текста и его протекание обеспечивается нерегламентированными знаками препинания, вследствие этого расчленение компонентов процесса происходит на смысловом уровне (подробнее в исследованиях Н.С. Валгиной, Ф.Т. Гришко, А.И. Ефимова, Е.А. Иванчиковой, О.В. Марьиной и др.): *Окна смотрят на юг. Далеко виден город. Взгляд ищет зацепки, знакомых из книг деталей.* (У. Тажикенова «Наши в старом свете»). Предшествующий компонент (*Взгляд ищет зацепки*) разделен с последующим компонентом (*знакомых из книг деталей*) нерегламентированным знаком препинания – запятой (вместо отсутствия знака препинания). Структурная связь компонентов последовательная, на смысловом уровне появляется двуплановость: микротема предшествующего компонента связана с тематической группой «смотреть» (смотрят, виден, взгляд), микротема последующего компонента – знакомые детали из книг, на которых повествователь акцентирует внимание читателя. Особенность синтаксической импликации состоит в том, что нерегламентированные знаки препинания позволяют «расчленять» текст «без грамматического, пунктуационного на то указания» [4. С. 199].

Таким образом, несмотря на возможные модификации нарушения структурно-семантического единства между компонентами синтаксических процессов, данное основание позволяет говорить о разрыве, разъединении компонентов абзацного членения, парцелляции, вставки, синтаксической импликации, прерыванием их структурно-семантических связей, нарушении линейного повествования. Отсутствие семантического единства проявляется в появлении новых (добавочных) микротем, наличии двуплановости и характерно для всех дезинтеграционных процес-

сов. Структурное нарушение связываем с темпоральными характеристиками компонентов процесса, типом повествования. Взаимодействие компонентов абзацного членения и вставки приводит к изменению /не изменению хронологии компонентов на синтагматической оси, при парцелляции и синтаксической импликации временные рамки компонентов не изменяются. Направленность парцелляции на монологичность (один тип повествования) обуславливает один тип повествования в базовом компоненте и парцелляте; абзацное членение и вставка могут быть диалогичными (изменение типа повествования) или монологичными; синтаксическая импликация не обладает возможностью изменения типа повествования. Композиционное единство фрагмента «разрушается» в абзацном членении, парцелляции, вставке, синтаксической импликации за счет сегментирования компонентов процессов на структурно-смысловые / смысловые блоки.

Итак, нарушение структурно-семантического единства приводит к разъединению текста на семантическом и / или структурном уровнях. При изменении композиционной структуры меняется вектор логического движения мысли: отделенная часть (абзац, парцеллят, вставной компонент, последующий компонент) получают свое, отличное от базовой части, смысловое наполнение, которое способствует появлению двуплановости повествования.

2. Отсутствие формальных показателей связи между компонентами синтаксического процесса. Связь компонентов синтаксических процессов обуславливают формальные показатели связности – соответствующие языковые единицы, передающие смысловую и структурную целостность. Отсутствие формальных показателей связи может свидетельствовать о разрыве смысловой и структурной связи между компонентами процесса.

К формальным показателям связи относим лексические (лексические повторы, слова-заместители), морфологические (однотипность / разнородность видовременных форм, сохранение / изменение морфологических категорий слов, входящих в компоненты процесса, местоименные слова), синтаксические (синтаксический параллелизм, сочинительные и подчинительные союзы, союзные слова, интонация), стилистические (стилизация речи героев, стилизация вопросно-ответной формы в процессе конструирования чужой речи), которые все сразу или выборочно «выключены» из структурного взаимодействия компонентов. Вследствие этого формальные показатели связности компонентов отходят на второй план, компоненты дезинтеграционного процесса приобретают структурную и/или семантическую автономность.

Значимым для дезинтеграционных процессов становится «видимый разрыв» между компонентами процессов. На стыке компонентов появляется интонация конца предложения (абзацное членение, парцелляция), особая интонация вставочности (вставка), которая «не зависит ни от структурного типа вставки, ни от ее позиции в пределах основного высказывания, ни от способа ее включения в контекст» [18. С. 58], нерегламентированные знаки препинания (синтаксическая импликация) способны передать тончайшие смысловые и эмоцио-

нальные оттенки высказывания [19]. При абзацном членении таким визуальным разрывом становится абзацный отступ, при парцелляции – точка, при вставке – скобки / двойное тире, при синтаксической импликацией – нерегламентированный знак препинания.

Отсутствие формальных показателей связи между компонентами процесса реализуется по-разному: наблюдаем модификации данного основания в зависимости от особенностей конкретного дезинтеграционного процесса при сознательном исключении замыслом автора межфразовой связи из структуры текстового фрагмента.

Отсутствие формальных показателей связи процесса **абзацного членения** может иметь следующие модификации: отсутствие лексических, морфологических, синтаксических, стилистических показателей; отсутствие лексических, синтаксических, стилистических показателей при сохранении морфологических показателей (однотипность видовременных форм); отсутствие морфологических, синтаксических, стилистических показателей при наличии лексических; отсутствие морфологических, синтаксических показателей при наличии лексических и морфологических.

Рассмотрим модификации отсутствия формальных показателей связи процесса абзацного членения:

(1) *Может, она уже стала для него туркменкой?*

(2) *После распада сельджукской династии и угасания Мерва, центр науки и культуры переместился в Гургандж (У. Тажикинова «Очищение»).*

Компоненты абзацного членения не включают в себя лексические (нет слов-заместителей и лексических повторов), синтаксические (отсутствуют союзы, союзные слова), стилистические (нет стилизации речи героев, конструирования чужой речи) показатели. Формально видовременные формы глаголов совпадают (прошедшее время), однако указание времени второго абзаца (*распад сельджукской династии – начало XII в.*) позволяет говорить и об отсутствии морфологических показателей связи между компонентами процесса.

При отсутствии лексических, синтаксических и стилистических показателей связи компоненты абзацного членения разъединяются на уровне семантики:

(1) *Перед сном иду на улицу. Небо словно остеклено. Тускло мерцают редкие звезды. Круто изогнулись рога месяца. Кажется, к морозу. Снег взжигивает под ногами.*

(2) *Дважды моргает лампочка в окне. Значит, через минуту-другую умолкнет и совхозный движок, и все погрузится во мрак (Г. Бельгер «Аул в снегу»).*

Между компонентами абзацного членения отсутствуют лексические, синтаксические и стилистические показатели связи, при этом морфологические показатели (единство видовременных форм – глаголы настоящего времени) «помещают» изображаемые события в одну хронологическую плоскость.

Отсутствие синтаксических и стилистических показателей при наличии лексических и / или морфологических влияет на появление в условно втором абзаце добавочного смысла:

(1) *Из отпуска он на работу не вышел, прислал по почте заявление об уходе. На звонки не отвечал и двери не открывал.*

(2) *Ему было стыдно (Б. Каирбеков «История четвертая. Человек и змея»).*

Второй абзац объясняет причину того, что происходит в первом, его смысл.

Итак, полное или частичное отсутствие формальных показателей связи при абзацном членении приводит к автономии компонентов процесса на структурном и семантическом уровнях. Показателем визуального разрыва компонентов процесса становится абзацный отступ.

Парцелляция разрывает, главным образом, синтагматические связи базового компонента и парцеллята, где этот «разрыв» подчеркивается точкой на пунктуационном и интонационном планах. Модификация основания «отсутствие формальных показателей связи» зависит от того, предусмотрены ли указанные показатели структурой исходного (не парцеллированного) предложения. Нами выделены следующие модификации: отсутствие лексических, морфологических, синтаксических, стилистических показателей; отсутствие лексических, синтаксических, стилистических показателей при сохранении морфологических показателей; отсутствие лексических, стилистических показателей при наличии синтаксических и /или морфологических показателей.

Рассмотрим выделенные модификации: *А может, он что-то почувствовал. Недоброе* (А. Омар «У дороги»). Отсутствуют лексические показатели (повторы, слова-заместители), морфологические (отсутствие в парцелляте форм глаголов не позволяет определить их временную отнесенность, отсутствуют местоименные слова), синтаксические (отсутствуют синтаксический параллелизм, сочинительные и подчинительные союзы, союзные слова), стилистические (парцеллят не представляет стилизацию речи героев и не является несобственно-прямой речью).

При появлении в тексте нескольких парцеллятов возможна модификация, сохраняющая синтаксический показатель: *Да, он устал. Не от жизни. Не от слабости или хворостей. От ощущения своей ненужности* (Г. Бельгер «Между жизнью и смертью»). Отсутствуют лексические, морфологические, стилистические показатели, однако наблюдаем синтаксический параллелизм первого и второго парцеллятов (*Не от жизни. Не от слабости или хворостей*), что обусловлено спецификой парцеллирования однородных членов предложения.

Особой зоной разделения смысловых составляющих парцеллированной конструкции могут стать союзные средства, предусмотренные структурой исходного предложения [11. С. 33]: *Она еще проводит руками по металлическим гранкам. И уходит, попрощавшись с нами обоими* (А. Омар «Анна и «Либерти»»). Отсутствуют лексические и стилистические показатели. Наблюдаем морфологический показатель (единство видовременных форм базового компонента и парцеллята) и синтаксический показатель (союз «и»).

Итак, отсутствие лексических и стилистических показателей связи сигнализирует о разрыве базового компонента и парцеллята и на семантическом уровне перераспределяет и / или корректирует фокус вни-

мания реципиента с базового компонента на парцеллянт [13. С. 196]; отсутствие морфологических и синтаксических показателей связи разрывает структуру исходного предложения, что визуально подчеркивается замкнутыми графическими границами (точкой в конце базового компонента и заглавной буквы парцеллянта в начале предложения) и интонацией конца предложения.

Отсутствие формальных показателей во **вставке** свидетельствует об автономии вставного и включающего компонентов в структурном и семантическом планах. Нами выделены следующие модификации данного основания: отсутствуют лексические, морфологические, синтаксические, стилистические показатели; отсутствуют лексические, синтаксические, стилистические показатели при наличии морфологических (единство видовременных форм).

Вставной и включающий компоненты не содержат формальных показателей, в этом случае вставной компонент может иметь отличную от включающего компонента микротему: *Она считает себя последовательницей американской поэтессы Эмили Дикинсон. «Дикинсон научила меня самосохранению всего того, что передано мне мамой (живая мысль! живое чувство!) и совершенно не вписывается в наш рыночный век, но человек рождается не для рынка, а для небес»* (Б. Канапьянов «Кофе-брейк»). Вставной компонент не имеет формальных показателей связи с включающим компонентом – это комментарий автора на слова героини.

Отсутствие формальных показателей связи вставного и включающего компонентов актуализирует важную для автора информацию, ставит смысловое наполнение вставки в иную плоскость, чем все повествование: *И главное: большинство из них – о Аллах, о майн Готт! – жаждет возвратиться в свой исторический фатерланд* (Г. Бельгер «Байсунская, 59»).

Вставной и включающий компоненты могут не иметь формальных показателей связности за исключением морфологических – частичное совпадение видовременных форм глаголов: *Поставила на землю пакет (опять не подмели эти дворники-сорлылар, вокруг все заплевано, а ведь деньги исправно берут), оглянулась кругом, постояла, чтоб отдышаться* (У. Тажикинова «Ось существования (роман-пунктир»). Вставной и включающий компоненты не содержат лексических, синтаксических, стилистических показателей; включающий компонент отнесен в план прошлого (поставила, постояла), включающий – в план прошлого (не подмели) и настоящего (берут).

Таким образом, отсутствие формальных показателей связи во вставном компоненте с внешним, включающим компонентом, становится основанием для отнесения вставки к дезинтеграционному процессу. В этом случае вставной компонент не может быть включен (при элиминации знаков препинания при вставке) в структуру включающего компонента.

При **синтаксической импликации** формальные показатели отсутствуют, если нерегламентированный знак препинания ставится там, где формальные показатели не предусмотрены структурой предложения:

И эти самые блески ему удалось запечатлеть на бумаге. Правда, не с первого раза: он извел почти полальбома для рисования, чтобы добиться того, чего задумал, а именно – полета этих самых блесков с ветвей сияющего черного дерева (Б. Канапьянов «Почтовый холст»). Нерегламентированное тире вместо двоеточия актуализирует последующий компонент, который, с позиции автора, имеет особую значимость.

В случае постановки нерегламентированного знака препинания в сложносочиненных / сложноподчиненных предложениях при разделении частей сложного предложения может быть формальный показатель: *Питаясь лишь награбленным, он сообразил! – что так долго продолжаться не может и однажды все откроется, а в тюрьме, он слышал, кормили только куриным паитетом* (Б. Каирбеков «История первая. Куриный город»). Нерегламентированные знаки препинания восклицательный знак и тире на место запятой интонационно выделяют слово «сообразил», формальный показатель сохраняется (подчинительный союз что).

Итак, отсутствие формальных показателей связи приводит к независимости, автономному существованию компонентов синтаксического процесса. Абзацное членение, вставка, парцелляция, синтаксическая импликация могут не иметь формальных показателей связи в своих компонентах либо отсутствие формальных показателей может быть реализовано в синтаксическом процессе частично; в любом случае наблюдается разъединение компонентов синтаксических процессов, т.е. дезинтеграция.

3. Использование шрифтовых маркеров. Основанием для рассмотрения дезинтеграционных процессов служит наличие в текстовом фрагменте, содержащем синтаксический процесс, шрифтовых маркеров: курсив, авторская отбивка, подчеркивание, нумерация, многоточие, восклицательный и вопросительный знаки, тире, скобки.

Шрифтовые маркеры (метаграфические средства по терминологии С.В. Лосевой [20], Ф.Р. Одековой [21]) – «это невербальные знаки, которые, как и вербальные, участвуют в смысловой организации текста» [21], и включают в себя абзацный отступ, шрифтовые выделения, нумерацию и маркеры, вставки (тире, скобки). А.А. Леонтьев относит к внелингвистическим маркерам пробелы, чередование строчных и прописных букв, а также шрифтовые выделения [22. С. 86]. Считаем, что включение внелингвистических маркеров в текст направлено на нарушение смыслового единства и единства текстовой формы [23], коррелирует с сущностью дезинтеграционных процессов: разрыв структурно-семантического единства, создание экспрессии текста, привлечение внимания читателя к его смысловой составляющей. Н.Л. Шубина отмечает: включение шрифтовых маркеров в текст способствует активизации «речемыслительной деятельности реципиента в процессе восприятия и интерпретации информации» [24. С. 183].

Каждый из анализируемых нами процессов уже имеет в своей основе четко определенный шрифтовой маркер. Для абзацного членения – это абзац:

(1) *Раннее утро в Монтекатини Терме. С балкона второго этажа отеля просматривается вся небольшая площадь в обрамлении старинных домов. Напротив, чуть наискосок, на первом этаже – кафе с небольшой открытой верандой. Пол на веранде моет пожилой мужчина. Он тщательно выжимает тряпку и аккуратно, не торопясь, подтирает пол шваброй. Виде его несколько необычен для уборщика помещений: в белой рубашке, сером костюме.*

(2) *Седой. Элегантный* (У. Тажикенова «Наши в старом свете»).

Подчеркнутая элегантность итальянского уборщика вынесена автором в новый абзац.

Визуальным маркером парцелляции становится точка между базовым компонентом и парцеллятом и заглавная буква первого слова парцеллята: *...И снится Марте один и тот же сон. Без начала и конца* (Г. Бельгер «Рыжий Рысбек из аула Кастек»).

Вставной компонент всегда отграничивается от включающего компонента скобками, реже – двойным тире: *Или (в портрете Кыз-Жибек): «В чести и славе она, всех величавей она. Даже с Лейли красотой соперничать вправе она»* (А. Омар «Пространство и время в мифологии доисламских тюрков»); *Как же могло случиться, что тысячи трудящихся из немцев Поволжья, которые с оружием в руках боролись с гитлеровцами, согласно сообщению ТАСС, через полтора месяца – по словам Указа от 28 августа 1941 года – обернулись пособниками фашизма?!* (Г. Бельгер «Глухими зимними ночами...»).

При синтаксической импликации ставится нерегламентированный знак препинания, который становится визуальным разграничителем компонентов процесса: *Да так много нарисовал, что – когда они все вдруг распахнулись, – сильный сквозняк случился* (Б. Каирбеков «История третья. Жил человек»). Нерегламентированные знаки препинания – двойное тире вместо запятых – зрительно отграничивают предшествующий компонент от последующего.

Помимо шрифтовых маркеров процесса (абзаца, точки, нерегламентированного знака препинания) в дезинтеграционных процессах могут быть использованы маркеры, визуализирующие структуру текстового фрагмента, и маркеры, выделяющие значимую для автора информацию.

К маркерам визуализации структуры текста относим абзац-отбивку (по терминологии О.В. Марьиной) и нумерацию.

Абзац-отбивка представляет собой дополнительный пропуск строки между двумя абзацами. Появление абзац-отбивки может свидетельствовать о смене темы, времени действия, места действия, речевой партии [25]:

И вот все было кончено: ей сообщили, что он умер. Умер от болезни.

А может, и не было ничего этого, а просто жадные до слухов люди так все представили да расписали (У. Тажикенова «Доля»). Абзац-отбивка показывает смену темы: окончание «истории матери и сына» и предположение повествователя: а было ли это на самом деле.

Нумерация как маркер структуры текста используется в текстах научного характера и практически не встречается в текстах художественных:

Предложенные варианты разбивок отличаются грамматической и литературной недостаточностью.

Прежде всего грамматической.

1) *В разбивке Мусина-Пушкина утрачено по крайней мере два сказуемых. Они «подразумеваются». Этот недостаток не устраняется и следующими «членителями».*

2) *Начинательный союз «и» в памятнике всегда употребляется перед глаголом. Н.М. Дылевский отметил этот пример как особый: «встречен только один случай с начинательным «и» не перед глаголом – «и с хитию на кровать»* (О. Сулейменов «АЗиЯ»). Произведение О. Сулейменова «АЗиЯ» не является художественным произведением, размышляя о построении «Слова о полку Игореве», он использует нумерацию.

Достаточно широко представлены в современных художественных текстах маркеры, выделяющие информацию, имеющую для автора первостепенное значение. К ним мы относим все виды шрифтовых выделений (написание слова заглавными буквами, разрядкой, курсивом, жирным шрифтом, подчеркивание), разделение слова на слоги или морфемы с помощью дефиса, включение в один из компонентов процесса восклицательного, вопросительного знаков, тире, скобок, многоточия.

В тексте могут быть выделены слово или словосочетание: *Двадцать три года и один день спустя Президиум Верховного Совета СССР Указом от 29 августа 1964 года постановил ОТМЕНИТЬ Указ 1941 года «в части, содержащей огульные обвинения в отношении немецкого населения, проживающего в районах Поволжья»* (Г. Бельгер «Там, в долине»). Автор использует заглавные буквы в слове «ОТМЕНИТЬ», чем привлекает внимание читателя; шрифтовая разрядка *огульные обвинения в отношении* «заставляет» читателя остановиться взглядом на словосочетании, прочесть его медленнее, чем остальной текст.

Многоточие перед абзацным отступом, абзац-отбивка, выделение части текста курсивом могут сигнализировать о логическом и / или содержательном отступлении от того, о чем говорилось ранее:

На углу, напротив центрального входа в санаторий, каждое утро маленькая хрупкая старушка продает цветы. У нее тонкий, иконописный лик, так и просящийся на полотно, светящиеся большие глаза, добрая, мягкая улыбка. Красивая старость – успокоившаяся, умиротворенная, смиренная.

(1)

...В связи с началом оседлости в поселениях джейтунской культуры упоминаются хазарские племена...

(2)

...Середина 3 века до н.э., возникновение Парфянского государства, с центром-крепостью Ниса...

...224 год до н.э., Разгром Парфии персидскими царями, эпоха Сасанидов. <...>

...В низовьях Сырдарьи, неподалеку от станции Кармакшы, в Казахстане, находится самое достоверное, по мнению многих ученых, место захоронения великого мыслителя, жырау-сказителя, кобызи, кюйши Коркут-ата, почитаемого во всем тюркском мире.

(3)

Черты лица этой старой женщины утонченные, благородные. У нее очень трогательная улыбка, да такая, что теплый свет ее проникает в душу собеседника <...> (У. Тажикинова «Очищение»).

Первый абзац-отбивка разделяет «современное повествование» и «историческое»; второй абзац-отбивка в сочетании с курсивом и начальным многоточием показывает «путешествие» повествователя по историческим эпохам; третий абзац-отбивка «возвращает» читателя в художественное пространство произведения. Многоточие и курсив становятся показателями ассоциативности, отрывочности передаваемых исторических сведений.

При вставке разрыв вставного и включающего компонентов усиливается при использовании маркеров, свидетельствующих о значимости информации для повествователя. Традиционные скобки, сочетание жирного шрифта и курсива, восклицательного знака может показывать отношение автора к прошлому: *Я похвалил Игоря за контакт с Ельциным (тогда он был нашим кумиром – увь!), сын обрадовался* (В. Минаев «Страницы жизни»). Ситуация показана с позиций «тогда» и «сейчас».

Вставка, оформленная в виде абзаца визуально разграничивает вставной и включающий компоненты:

И вот именно в эту пору подоспел срок вступить мне в ряды ленинского комсомола.

(Тут считаю нужным заметить в скобках: нет, нет, не желаю прослыть запоздалым кощунником или ерничать почему зря. В моей жизни это

был волнительный этап. О том я сужу не только по памяти, но и по своему сохранившемуся школьному дневнику, в котором зафиксированы все подробности того события.) (Г. Бельгер «Кто такой Бо-И-БО?»).

Маркерами синтаксической импликации, в первую очередь, становятся нерегламентированные знаки препинания между предшествующим и последующим компонентами, которые могут быть усилены шрифтовыми выделениями: *Итак, в Начале было... море* (Б. Каирбеков «Песня на заре»). В предшествующем компоненте слово *Начало* дается с большой буквы, компоненты разделяет нерегламентированный знак препинания между подлежащим и сказуемым – многоточие, указывающий на необычность, алогизм (сравним: в начале было слово).

Итак, внелингвистические маркеры становятся равноправными участниками смысловой интерпретации текстового фрагмента. Анализ модификаций использования шрифтовых (внелингвистических) маркеров показал, что разъединение компонентов синтаксического процесса усиливается (на визуальном, структурном и смысловом уровнях), если вместе с внелингвистическим маркером конкретного процесса используется маркер семантического выделения и / или маркер структуры текста.

Таким образом, в ходе исследования были выделены основания, которые в отдельности друг от друга или во взаимодействии друг с другом позволяют отнести синтаксический процесс к дезинтеграционному: нарушение структурно-семантического единства, отсутствие формальных показателей, наличие шрифтовых (внелингвистических) маркеров. На наш взгляд, разработанные основания применимы для описания дезинтеграционных процессов в художественных текстах и текстах иной направленности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шулькис С.А. О формально-структурной дезинтеграции сложного предложения в устно-речевом потоке // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М. : МАКС Пресс, 2005. Вып. 31. С. 95–103.
2. Харитонова Е.В. Тенденция к дистриктивности в синтаксисе современного русского языка (на материале прессы) // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 3. Т. I (Гуманитарные науки). С. 123–126.
3. Покровская Е.А. Русский синтаксис в XX веке. Ростов н/Дону : Изд-во Ростов. ун-та, 2001. 435 с.
4. Марьина О.В. Интеграционные и дезинтеграционные процессы в синтаксисе русской художественной прозы 1980-х – 2000-х гг. : дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2012. 384 с.
5. Блохина Н.Г. Явления изоморфизма в парадигматических и синтагматических отношениях на разных лингвистических уровнях // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2004. № 3. С. 95–104.
6. Перфильева Н.П. Семантико-прагматические потенции вставок // Языковая личность: проблема выбора и интерпретации знака в тексте : межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1994. С. 38–46.
7. Мальцева В.В. Полидискурсивность как преодоление линейности текста (на материале романа Е.Г. Водолазкина «Лавр»). URL: <http://oaji.net/articles/2017/999-1496824963.pdf> (режим доступа свободный).
8. Валгина Н.С. Теория текста. М. : Логос, 2003. 173 с.
9. Богословская И.В. Объективность структуры текста и субъективность процесса понимания. URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/007-02.pdf> (режим доступа свободный).
10. Тураева З.Я. Время художественное и время грамматическое : дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1974. 302 с.
11. Севрюгина Е.В. Присоединение-парцелляция // Наука и школа. 2012. № 5. С. 31–34.
12. Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика. Курс лекций и словарь риторических фигур. Ростов н/Дону : Изд-во Ростов. ун-та, 1994. 192 с.
13. Боговяленская Ю.В. Теория и методология сопоставительного когнитивно-семиотического корпусного исследования парцелляции во французских и русских печатных СМИ : дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2016. 502 с.
14. Петренко Т.Ф., Слепакова М.Б. Парцелляция в новеллах А. Сомон как проявление кинематографичности текста // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2007. № 3–4. С. 121–124.
15. Нашхоева М.Р. Парцелляция как средство создания экспрессивности текста. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2009/english/nashkoeva.pdf (режим доступа свободный).
16. Иванчикова Е.А. О развитии синтаксиса русского языка в советскую эпоху // Развитие синтаксиса современного русского языка. М. : Наука, 1966. С. 4–19.

17. Марьина О.В., Ткачева Н.К. Синтаксическая импликация как синтаксический процесс (на материале цикла стихотворений В. Павловой «Письма в соседнюю сторону: тысяча и одно признание в любви») // Педагогическое образование на Алтае. 2016. № 1. С. 149–151.
18. Златопольский Ю.М. Интонационная специфика вставных конструкций в русской речи // Филологические науки. 1980. № 4. С. 57–61.
19. Андросова Ф.С. Экспрессивное использование пунктуации в художественном тексте (на материале французского языка). URL: <http://ej.kubagro.ru/2011/06/pdf/57.pdf> (режим доступа свободный).
20. Лосева С.В. Частицы в системе метатекстовых операторов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2004. 23 с.
21. Одекова Ф.Р. О графических метатекстовых операторах русского языка. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1993-5552_2008_2-2_51.pdf (режим доступа свободный).
22. Марьина О.В. Дезинтеграционные процессы в синтаксисе художественной прозы 1980-х – 2000-х гг. Барнаул : АлтГПА, 2011. 185 с.
23. Вольская Н.Н. Маркеры интертекстуальности в креолизованном медиатексте. URL: <http://www.mediascope.ru/2361> (режим доступа свободный).
24. Шубина Н.Л. Невербальная сфера коммуникации в русском тексте // Язык. Функции. Жизнь : сб. ст. в честь проф. А.В. Бондарко. СПб., 2000. С. 180–194.
25. Марьина О.В., Кузнецова А.С. Виды абзацев в текстах русской прозы рубежа XX–XXI вв. // Культура и текст. 2018. № 3. С. 142–150.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 18 апреля 2020 г.

Bases of Disintegration Processes Allocation in Syntax

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 463, 5–14.

DOI: 10.17223/15617793/463/1

Natalya N. Budnikova, Sarsen Amanzholov East Kazakhstan University (Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan). E-mail: nbh177@mail.ru

Keywords: syntactic process; disintegration syntactic process; basis of disintegration syntactic process allocation; components of syntactic process; interaction of syntactic process components.

The article presents one of the possible options for a comprehensive analysis of disintegrating syntactic processes from the standpoint of a structural and semantic approach. This work continues the research of syntactic processes of disintegration laid down in the works of A. A. Chuvakin and O. V. Maryina. The aim of the study was to develop the basis for distinguishing disintegrating syntactic processes. To achieve this aim, observation, comparison, interpretation in the study of syntactic processes, and the method of contextual analysis in describing the interaction of components of syntactic processes were used. The research material was the texts of representatives of modern Russian-language Kazakh prose: G. Belger, B. Kairbekov, B. Kanapyanov, V. Minaev, A. Omar, O. Suleymenov, U. Tazhikenova, created in the late 20th and early 21st centuries, from which the units of analysis were selected by the method of continuous sampling. Disintegration as a syntactic process is the process of separating components of syntactic processes or syntactic processes themselves. The article examines the following disintegration processes: paragraph division, insertion, parceling, and syntactic implication. The author has developed the following grounds for classifying the syntactic process as a disintegrative one: 1. Violation of structural and semantic unity, which is comprehensively implemented in each disintegration process: there is a modification of structural characteristics against the background of semantic duplicity and violation of cause-and-effect relationships, which is associated with the features of a particular disintegration process. 2. Absence of formal indicators of syntactic relations between components of the process/syntactic processes indicates rupture of the semantic and structural links between the components of the process leading to independence and autonomous existence of the components of the syntactic process. 3. Use of font (non-linguistic) markers: font highlighting, italics, author's selection, underscores, numbering, ellipsis, exclamation and question marks, dashes, brackets. The analysis of the use of font markers has shown that the separation of components of the syntactic process is enhanced (at the visual, structural and semantic levels) if the semantic selection marker and/or the text structure marker are used together with the non-linguistic marker of a particular process. In the course of the study, the author has identified the grounds that, separately from each other or in interaction with each other, allow attributing the syntactic process to a disintegrative one: violation of structural and semantic unity, lack of formal indicators, and presence of font (non-linguistic) markers. In the author's opinion, the developed grounds are applicable to the description of disintegration processes in literary texts and texts of a different orientation.

REFERENCES

1. Shul'kis, S.A. (2005) O formal'no-strukturnoy dezintegratsii slozhnogo predlozheniya v ustno-rechevom potoke [On the formal-structural disintegration of a complex sentence in the oral speech flow]. In: Krasnykh, V.V. & Izotov, A.I. (eds) *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication]. Vol. 31. Moscow: MAKS Press. pp. 95–103.
2. Kharitonova, E.V. (2013) Tendentsiya k distinktnosti v sintaksise sovremennogo russkogo yazyka (na materiale pressy) [The tendency towards distinction in the syntax of the modern Russian language (based on the material of the press)]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslav Pedagogical Bulletin*. 3 (1). pp. 123–126.
3. Pokrovskaya, E.A. (2001) *Russkiy sintaksis v XX veke* [Russian syntax in the twentieth century]. Rostov-on-Don: Rostov State University.
4. Mar'ina, O.V. (2012) *Integratsionnye i dezintegratsionnye protsessy v sintaksise russkoy khudozhestvennoy prozy 1980-kh – 2000-kh gg.* [Integration and disintegration processes in the syntax of the Russian literary prose of the 1980s–2000s]. Philology Dr. Diss. Barnaul.
5. Blokhina, N.G. (2004) Yavleniya izomorfizma v paradigmaticeskikh i sintagmaticeskikh otnosheniyakh na raznykh lingvisticheskikh urovnyakh [Phenomena of isomorphism in paradigmatic and syntagmatic relations at different linguistic levels]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series Humanities*. 3. pp. 95–104.
6. Perfil'eva, N.P. (1994) Semantiko-pragmaticheskie potentsii vstavok [Semantic and pragmatic potential of insertions]. In: *Yazykovaya lichnost': problema vybora i interpretatsii znaka v tekste* [Language personality: the problem of choice and interpretation of the sign in the text]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 38–46.
7. Mal'tseva, V.V. (2017) *Polidiskursivnost' kak preodolenie lineynosti teksta (na materiale romana E.G. Vodolazkina "Lavr")* [Polydiscursiveness as the overcoming of text linearity (based on the novel "Laurel" by E.G. Vodolazkin)]. [Online] Available from: <http://oaji.net/articles/2017/999-1496824963.pdf>.
8. Valgina, N.S. (2003) *Teoriya teksta* [Text theory]. Moscow: Logos.
9. Bogoslovskaya, I.V. (2010) *Ob'ektivnost' struktury teksta i sub'ektivnost' protsessa ponimaniya* [The objectivity of the structure of the text and the subjectivity of the process of understanding]. [Online] Available from: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/007-02.pdf>.
10. Turaeva, Z.Ya. (1974) *Vremya khudozhestvennoe i vremya grammaticheskoe* [Literary time and grammatical tense]. Philology Dr. Diss. Leningrad.

11. Sevryugina, E.V. (2012) Prisoedinenie-partsellyatsiya [Joining-parceling]. *Nauka i shkola*. 5. pp. 31–34.
12. Khazagerov, T.G. & Shirina, L.S. (1994) *Obshchaya ritorika. Kurs lektsiy i slovar' ritoricheskikh figur* [General rhetoric. A course of lectures and a dictionary of rhetorical figures]. Rostov-on-Don: Rostov State University.
13. Bogoyavlenskaya, Yu.V. (2016) *Teoriya i metodologiya sopostavitel'nogo kognitivno-semioticheskogo korpusnogo issledovaniya partsellyatsii vo frantsuzskikh i russkikh pechatnykh SMI* [Theory and methodology of a comparative cognitive-semiotic corpus study of parceling in the French and Russian print media]. Philology Dr. Diss. Yekaterinburg.
14. Petrenko, T.F. & Slepakova, M.B. (2007) Partsellyatsiya v novellakh A. Somon kak proyavlenie kinematografichnosti teksta [Parceling in A. Somon's novels as a manifestation of the cinematic nature of the text]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 3–4. pp. 121–124.
15. Nashkhoeva, M.R. (2009) *Partsellyatsiya kak sredstvo sozdaniya ekspressivnosti teksta* [Parceling as a means of creating expressiveness of the text]. [Online] Available from: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2009/english/nashkhoeva.pdf.
16. Ivanchikova, E.A. (1966) O razvitií sintaksisa russkogo yazyka v sovetskuyu epokhu [On the development of the syntax of the Russian language in the Soviet era]. In: Pospelov, N.S. & Ivanchikova, E.A. (eds) *Razvitie sintaksisa sovremennogo russkogo yazyka* [Development of the syntax of the modern Russian language]. Moscow: Nauka. pp. 4–19.
17. Mar'ina, O.V. & Tkacheva, N.K. (2016) Sintaksicheskaya implikatsiya kak sintaksicheskii protsess (na materiale tsikla stikhotvoreniy V. Pavlovoy "Pis'ma v sosednyuyu storonu: tysyacha i odno priznanie v lyubvi") [Syntactic implication as a syntactic process (based on the cycle of poems "Letters to the neighboring side: a thousand and one declaration of love" by V. Pavlova)]. *Pedagogicheskoe obrazovanie na Altae*. 1. pp. 149–151.
18. Zlatopol'skiy, Yu.M. (1980) Intonatsionnaya spetsifika vstavnykh konstruksiy v russkoy rechi [Intonation specificity of inserted constructions in Russian speech]. *Filologicheskie nauki*. 4. pp. 57–61.
19. Androsova, F.S. (2011) *Ekspressivnoe ispol'zovanie punktuatsii v khudozhestvennom tekste (na materiale frantsuzskogo yazyka)* [Expressive use of punctuation in the literary text (based on the material of the French language)]. [Online] Available from: <http://ej.kubagro.ru/2011/06/pdf/57.pdf>.
20. Loseva, S.V. (2004) *Chastitsy v sisteme metatekstovykh operatorov* [Particles in the system of metatext operators]. Abstract of Philology Cand. Diss. Vladivostok.
21. Odekova, F.R. (2008) *O graficheskikh metatekstovykh operatorakh russkogo yazyka* [On Russian graphic metatext operators]. [Online] Available from: http://scjournal.ru/articles/issn_1993-5552_2008_2-2_51.pdf.
22. Mar'ina, O.V. (2011) *Dezintegratsionnye protsessy v sintaksise khudozhestvennoy prozy 1980-kh – 2000-kh gg.* [Disintegration processes in the syntax of the fictional prose of the 1980s–2000s]. Barnaul: Altai State Pedagogical Academy.
23. Vol'skaya, N.N. (2017) Markers of Intertextuality in a Creolized Media Text. *Mediascope*. 3. [Online] Available from: <http://www.mediascope.ru/2361>. (In Russian).
24. Shubina, N.L. (2000) Neverbal'naya sfera kommunikatsii v russkom tekste [Non-verbal sphere of communication in the Russian text]. In: *Yazyk. Funktsii. Zhizn': sb. st. v chest' prof. A.V. Bondarko* [Language. Functions. Life: Collection of articles in honor of Prof. A.V. Bondarko]. St. Petersburg. pp. 180–194.
25. Mar'ina, O.V. & Kuznetsova, A.S. (2018) Vidy abzatsev v tekstakh russkoy prozy rubezha XX–XXI vv. [Types of paragraphs in the texts of the Russian prose at the turn of the 21st century]. *Kul'tura i tekst – Culture and Text*. 3. pp. 142–150.

Received: 18 April 2020

Е.В. Волкова

РЕАЛИЗАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ СТРАТЕГИИ ВРАЧА В МЕДИАДИСКУРСЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-29-09132
«Новая грамотность» в новых текстах средств массовой коммуникации».*

Исследуется медицинская коммуникация в Instagram как новая форма профессиональной коммуникации. В результате дискурсивного и коммуникативно-прагматического анализа выявляются коммуникативные способы реализации информационно-просветительской стратегии врача. Определяются ядерные тактики дефиниции, краткой справки, инструкции, апелляции к авторитетным источникам, рекомендации, дискредитации медицинских мифов и формирования хода мыслей, а также представлены языковые средства их репрезентации.

Ключевые слова: медиадискурс; поликодовый текст; медиатекст; интернет-коммуникация; социальная сеть; медицинская коммуникация; медиаграмотность; коммуникативная стратегия; коммуникативная тактика; информационно-просветительская стратегия.

Введение

Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий трансформирует существующую социокультурную реальность, предоставляя человеку новые возможности взаимодействия в глобальной сети. «Современный Интернет становится подобен реальному социальному пространству: в нем представлены практически все социальные сообщества, имеющие самый разный социальный статус» [1. С. 35]. Профессиональные сообщества активно осваивают различные средства массовой коммуникации, многоканальность и мультимедийность которых позволяют оперативно, целенаправленно и эффективно доносить специализированную информацию до целевой аудитории. Сетевая форма социокультурного взаимодействия требует от коммуникантов освоения новой грамотности – медиаграмотности – компетенции, необходимой для участия в медиакоммуникации [2–4]. Научный интерес в современной лингвистике к становлению коммуникативных практик профессиональных сообществ в Интернете обусловил актуальность исследования способов успешной коммуникации субъектов институциональных дискурсов в массмедиа.

В настоящее время наблюдается активная популяризация медицинского дискурса, что обусловлено как социально-экономическими условиями проникновения консьюмеристской культуры в различные области жизнедеятельности, так и стремлением широкой аудитории к информационной грамотности в связи с доступностью специализированной информации в интернете [5]. Появляются информационно-просветительские порталы и форумы, теле- и радиопрограммы, кинофильмы и сериалы, посвященные медицинской деятельности. Врачи создают персональные медицинские сайты и блоги в социальных сетях для общения с массовым адресатом на темы, связанные с медициной и здоровьем. Таким образом, профессиональная медицинская коммуникация, воплощенная в медиатекстах нового типа, становится доступной для дискурсивного, прагматического и лингвистического анализа.

Объектом данного исследования является медицинская интернет-коммуникация. Предметом – ком-

муникативная стратегия информационно-просветительской деятельности врача в социальной сети. Цель исследования заключается в выявлении и анализе коммуникативных тактик, обеспечивающих эффективность реализации информационно-просветительской стратегии врача в медиадискурсе социальной сети Instagram.

В силу значимости коммуникативного аспекта в процессе взаимодействия участников медицинского дискурса коммуникация врача и пациента является актуальным объектом лингвистических исследований [6, 7]. Работы последних лет демонстрируют научный интерес к анализу медицинской интернет-коммуникации.

К.В. Ахниной выполнено одно из наиболее полных исследований функционирования медицинского дискурса в интернете [8]. Фокус внимания ученого сосредоточен на описании типологии и жанрового репертуара сетевого медицинского дискурса. Исследователь отмечает, что в медицинской интернет-коммуникации находят репрезентацию различные стратегии речевого воздействия на оппонента, выбор которых в каждом конкретном случае определяется контекстом коммуникативного воздействия, уровнем сформированности профессиональной и коммуникативной компетенции участников общения. Однако в задачи исследования не входит подробный анализ стратегического планирования массовой коммуникации врача в социальных медиа.

Т.А. Пивоварчик рассматривает проблему трансформации традиционных и формирования новых коммуникативных практик в русскоговорящем сетевом медицинском дискурсе [9]. По мнению ученого, новые способы и формы «упаковывания» и распространения медицинского знания обуславливают процесс гибридизации медицинского, маркетингового и социального дискурсов. Тем не менее в исследовании Т.А. Пивоварчик не представлен анализ коммуникативных и лингвистических средств, реализующих информационно-просветительское воздействие на массового адресата в медицинской интернет-коммуникации.

К вопросам изучения социолекта и лингвопрагматических особенностей сетевого медицинского дис-

курса обращается Е.В. Варнавская [10]. Исследователь делает вывод о потенциале медицинских персональных интернет-журналов, размещенных на блог-платформе LiveJournal, как средства популяризации медицинских знаний, однако фокус внимания ученого сосредоточен на лексических особенностях специализированной коммуникации в блогосфере, а отдельные коммуникативные стратегии врача и тактики их реализации не являются предметом исследования.

Особое внимание в работах, посвященных медицинской интернет-коммуникации, уделяется имиджевому аспекту взаимодействия врача и пациента в глобальной сети. В статье И.В. Губаловой, Ю.А. Эмер, В.Е. Ершовой представлен анализ коммуникативных стратегий продвижения профессионального имиджа врача, которые реализованы в социальной сети в соответствии с ключевыми образами, моделируемыми врачами [11]. Образ «я – врач» репрезентуется стратегиями актуализации принадлежности к профессиональному сообществу, профессионального информирования и презентации собственного профессионального опыта. Образ «я – эксперт в области медицины» оформляется стратегией экспертной оценки чужого профессионального опыта. Образ «я – пациент=врач» – стратегией распространения опыта пациента.

В работе Е.В. Волковой интернет-коммуникация врача и «массового пациента» также рассматривается как способ формирования имиджа медицинского сообщества [12]. Автор подчеркивает, что для формирования позитивного имиджа врача в интернете важны не только профессиональная, но и коммуникативная компетентность, умение ориентироваться на ожидания массовой аудитории, грамотное построение медиатекста с учётом особенностей медиадискурса. В работе затрагивается вопрос трансформации профессиональных коммуникативных целей под влиянием медиадискурсивных практик, однако способы реализации стратегий медицинского дискурса в интернете не анализируются.

Таким образом, несмотря на то, что вопросы популяризации медицинского знания и планирования специализированной интернет-коммуникации рассматриваются в отдельных лингвистических исследованиях, коммуникативно-прагматическая организация медицинского медиатекста с точки зрения информационно-просветительского воздействия на массового адресата остается малоизученной и требует системного анализа.

Научная новизна настоящей работы определяется тем, что процесс ведения специализированного блога в соцсети рассматривается как новая дискурсивная практика медицинского сообщества, представлен анализ трансформации целей институционального общения в социальных медиа: выявлены доминирующие коммуникативные стратегии врача-блогера, проанализированы вербальные и невербальные средства реализации ведущей информационно-просветительской стратегии, цель которой – повышение медицинской грамотности массовой аудитории. Новым является подход к исследованию медицинского медиатекста, предполагающий коммуникативно-прагматический анализ его поликодовой природы и мультимедийных

возможностей воздействия на адресата. Результаты, представленные в данной статье, отражают один из этапов комплексного исследования стратегического планирования медицинской коммуникации в медиадискурсе.

Теоретическая значимость настоящей работы состоит в развитии теории институциональных дискурсов, коммуникативной лингвистики и медиалингвистики. Практическая ценность определяется возможностью использования результатов исследования в лингводидактических целях в процессе обучения будущих медиков умениям профессиональной коммуникации, а также в сферах маркетинга, PR-деятельности и работы с персоналом.

Материал и методы

Эмпирической базой проведенного анализа являются медиатексты социальной сети. Исследователи отмечают, что медиатекст как единица медиадискурса наделен неоднозначным статусом, являясь одновременно результатом и инструментом дискурсивной практики [13]. В связи с этим необходимо дать пояснения понятиям «медиатекст» и «медиадискурс».

Медиадискурс в данной работе рассматривается как «функционально-обусловленный тип дискурса, который понимается как совокупность речевых практик и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [14. С. 182]. Т.Г. Добросклонская выделяет несколько подходов к определению медиадискурса, для настоящей работы интерес представляют определения с точки зрения структурного и функционального подходов.

Структурный подход позволяет охарактеризовать категории медиадискурса и медиатекста через обращение к классической модели коммуникации, которая состоит из таких базовых компонентов, как отправитель и получатель сообщения, канал коммуникации, обратная связь, само сообщение, процессы его кодирования и декодирования, а также контекст и ситуация общения. Таким образом, медиатекст определяется как сообщение плюс канал его передачи, а медиадискурс – как сообщение в совокупности со всеми остальными компонентами коммуникации. С точки зрения функционального подхода под медиадискурсом понимается совокупность текстов, функционирующих в сфере массовой коммуникации. А медиатекст представляет собой «последовательность знаков различных семиотических систем – языковых, графических, звуковых, визуальных, специфика сочетания которых обусловлена конкретным каналом массовой информации» [14. С. 182]. В комплексе данные подходы позволяют создать объемное представление об анализируемых категориях и обратить внимание на зависимость способов конструирования смыслового содержания медиатекста от используемого автором средства массовой коммуникации.

В данной работе медиадискурс представлен коммуникацией в социальных медиа, предназначенных изначально для межличностного общения и обмена контентом в сети интернет. Увеличение вовлеченно-

сти современных пользователей в интернет-общение способствует расширению функций социальных медиа, объединяющих такие интернет-платформы, как блоги, форумы, социальные сети, мессенджеры и др. Исследователи отмечают, что в настоящее время социальные медиа рассматриваются как «самостоятельное средство массовой коммуникации» [15], «новый вид онлайн-СМИ» [16. С. 112].

Социальная сеть как частная разновидность социальных медиа обладает собственной спецификой осуществления массовой коммуникации, которая заключается в коммуникативном равноправии участников общения, целевой установке коммуникантов на самопрезентацию, возможности использования различных мультимедийных способов кодирования сообщения. Медиатекст социальных сетей конструируется под влиянием следующих тенденций: коллоквиализация (интеграция в письменную речь участников общения разговорной лексики и синтаксических конструкций); игровая экспрессивность (использование прописных букв, иноязычных акронимов, мемов); поликодовость (использование паравербальных факторов и экстралингвистических явлений); снижение и огрубление речи [17. С. 414–415]. Выявленные особенности позволяют определить социальные сети как особый тип медиадискурса, коммуникативные характеристики которого (цель общения, особенности статусов коммуникантов, способы построения и воспроизводства сообщения, лингвистические средства и мультимедийные возможности) определяют специфику медиатекста соцсетей.

Материалом настоящего исследования послужили медиатексты, созданные врачами на страницах профессиональных аккаунтов социальной сети Instagram. Выбор Instagram в качестве источника материала обусловлен популярностью использования интерактивной интернет-платформы для личной и профессиональной коммуникации, а также выраженной поликодовостью текстов соцсети, в которых вербальные и невербальные компоненты взаимодополняют друг друга и в совокупности воздействуют на массовую аудиторию. Социальная сеть предлагает многочисленные мультимедийные возможности, позволяющие задействовать различные каналы восприятия информации: хештеги, исчезающие истории, возможность размещения в одном посте до десяти фотографий и видеороликов, сервис IGTV для воспроизведения продолжительных видеоматериалов. Технологические инструменты Instagram высоко оцениваются исследователями в области коммуникации и взаимодействия с целевой аудиторией [18].

Для данной работы было выбрано 60 аккаунтов врачей в социальной сети Instagram. Из рассмотренных аккаунтов было выбрано 15, в которых проанализировано 45 медиатекстов, созданных авторами с целью популяризации специализированного медицинского знания в период с января 2019 г. по февраль 2020 г.

Специфика материала определила методическую проблему выбора инструментов анализа. Применяется комплексный подход к изучению специализированного медиатекста как коммуникативного события, тре-

бующего всестороннего анализа формы, содержания и интенциональной направленности.

Методологической основой анализа являются дискурсивный и коммуникативно-прагматический подходы. Дискурсивный подход опирается на метод критического дискурса-анализа Нормана Фэркло [19] и заключается в изучении процесса ведения специализированного блога в социальной сети как новой дискурсивной практики профессионального сообщества. Создание медиатекста в социальной сети рассматривается как коммуникативное событие и имеет три измерения анализа: социальная практика, дискурсивная практика и текст. Анализ предполагает исследование социальной практики, к которой принадлежит коммуникативное событие, дискурсов и жанров, используемых в процессе производства и восприятия медиатекста (уровень дискурсивной практики), и, наконец, лингвистической организации текста.

На этапе анализа уровня текста применяется коммуникативно-прагматический подход, цель которого заключается «в выявлении разноаспектных свойств текста, а в задачи входит выявление и описание композиционных, семантических и прагматических свойств текста и способов его оформления в соответствии со стилистическими нормами и функциями языка» [20. С. 445].

Необходимо отметить, что в исследовании мультимодального воздействия поликодового медиатекста «важна не столько комбинация определённых средств (или их “набор”), сколько коммуникативный эффект – социальная репрезентация и её рецепция» [21. С. 168]. В связи с этим изучение эффективности массовой коммуникации необходимо проводить с учётом влияния на нее фундаментального свойства медиадискурса – диалогичности, реализованной в категориях адресанта и адресата. Анализ коммуникативной деятельности опирается на выявление целевой установки автора и изучении вербальных и невербальных средств, выбранных им для реализации определенных коммуникативных целей. Выбор тех или иных средств обусловлен гипотезой адресата – «моделируемой смысловой позицией будущего реципиента сообщения, на которую ориентируется автор при написании текста и которой определяются многие речевые свойства медиатекстов» [17. С. 33].

Таким образом, перспективным видится комплексное исследование всех компонентов воздействия в медиатексте в их композиционной и смысловой целостности, что определяет значимость не столько количественных, сколько качественных методик анализа [21].

Результаты исследования

Трёхмерная аналитическая структура исследования дискурса по Н. Фэркло включает анализ уровня социальной (или социокультурной) практики коммуникативного события – поста, созданного врачом в Instagram. Социальная практика профессиональной коммуникации в интернете становится традиционной для всех областей институционального взаимодействия, в том числе медицинской. Более того, в силу дискурсивной специфики анализируемой деятельности,

а также глобализации сетевых средств массовой коммуникации потенциальным адресатом специализированного общения в области медицины может стать человек любого пола и возраста, интересующийся вопросами здоровья. Социальная значимость и гетерогенность субъектной сферы медицинского дискурса обеспечили стремительное развитие данного специализированного сегмента интернет-коммуникации [22. С. 77].

В рамках данного исследования важно отметить, что традиционная институциональная практика медицинской коммуникации подвергается влиянию медиапрактик, что приводит к смешению элементов из разных дискурсов и жанров, к образованию новых гибридных дискурсов. Взаимодействие врача и пациента остается в границах статусно-ролевого институционального общения, однако перемещение коммуникации в интернет-пространство обусловило трансформацию стратегий медицинского дискурса и заимствование коммуникативных тактик из медиадискурса. Таким образом, отношения врача и «массового пациента» в социальных сетях оформляются под влиянием медиасферы в новую дискурсивную практику – медицинский блогинг. Врач, осваивая коммуникативные навыки блогера, репрезентует широкой аудитории посредством медиатекста свои профессиональные компетенции в области медицины.

Полижанровость медицинской коммуникации в глобальной сети также обусловлена смешением дискурсов, что позволяет выявить тексты, соотносимые с жанрами как собственно медицинской, так и рекламной и PR-коммуникации. Дневниковая модель жанра блога используется врачами как эффективный способ самопрезентации и способствует формированию целевой аудитории. Таким образом, медицинский блогинг как новая дискурсивная практика обнаруживает черты массмедийного, маркетингового и лично ориентированного дискурсов.

Анализ формы и содержания медиатекста предполагает исследование его поликодовой природы в коммуникативно-прагматическом аспекте, учитывающем интенциональную направленность в реализации дискурсивной практики, задействованность вербальных и невербальных средств, а также мультимедийных возможностей используемого средства онлайн-общения.

В данном исследовании внимание сфокусировано на коммуникативных стратегиях и тактиках медицинской интернет-коммуникации. Генеральная цель традиционного медицинского общения – оказание медицинской помощи пациенту – реализуется посредством диагностирующей, лечашей и рекомендующей коммуникативных стратегий [6]. Опосредованный и дистантный характер общения в глобальной сети преобразовал коммуникативные стратегии медицинского дискурса – основными становятся информирование и просвещение массовой аудитории в области медицины и здорового образа жизни. К медицинским добавляются воздействующие на массовую аудиторию стратегии медиадискурса: самопрезентационная, направленная на формирование целевой аудитории, и стратегия вовлечения в диалог и удержания адресата. Реализация перечисленных стратегий параллельно осуществляется на разных уровнях поликодового ме-

диатекста, позволяющего использовать различные тактики персуазивного (убеждающего) и суггестивного (внушающего) воздействия на реципиента. В настоящей работе рассматриваются коммуникативные способы репрезентации информационно-просветительской стратегии.

Просветительская миссия деятельности медика в виртуальном пространстве осознаётся адресантом, что находит воплощение в метакоммуникативных высказываниях врачей, презентующих свои специализированные блоги. Авторы аккаунтов объясняют причины их появления любовью и преданностью к профессии и желанием донести специализированное знание до широкой аудитории: *Люблю лечить, учить и помогать; Веду свой просветительский блог; Мой блог носит информационный характер, а у меня миссия «помочь всем понять свой желудочно-кишечный тракт»; Основная идея при создании профессионального блога – соединить медицину и просвещение «в одном флаконе».*

Такие высказывания акцентируют внимание на практической пользе чтения медицинских блогов для повышения медицинской грамотности массового адресата: *Я хочу научить пациентов жить со своим заболеванием, правильно его лечить и контролировать, а тем, кто не болеет, – дать реальные инструменты профилактики; А также, пользуясь знакомством со многими специалистами, хочу быть полезна для вас, поэтому впереди совместные эфиры с врачами других специальностей и даже очные консультации; Читая мой блог, вы будете понимать – о чём говорит ваш гастроэнтеролог.*

Необходимо отметить, что в процессе осуществления коммуникативной цели адресант может применять различные коммуникативные тактики, предоставить «исчерпывающее же описание стратегий и тактик, даже в рамках того или иного дискурса, не представляется возможным ввиду безграничной вариативности реализации коммуникативного планирования» [23. С. 9]. В данном исследовании представлены тактики, наиболее часто встречающиеся в языковой репрезентации информационно-просветительской стратегии в медиатексте врача в Instagram. Отдельные терминологические обозначения коммуникативных тактик заимствованы из работы Т.Е. Арсеньевой «Коммуникативные стратегии и тактики просветительского радиодискурса» [24].

Коммуникативная тактика дефиниции. Тактика дефиниции в силу специфики институционального общения «специалиста – неспециалиста» относится к одной из частотных и используется с целью установления смысла медицинских терминов и номинаций. Тактика реализуется приёмами адаптации информации, объяснения, синонимизации: *Бактериофаги – это полезные организму человека вирусы, избирательно уничтожающие бактериальные клетки; Диспансеризация – комплекс мероприятий, включающий в себя профилактический медицинский осмотр и дополнительные методы обследования; Вакцинация / иммунизация / прививка – это введение препарата, содержащего антигены возбудителей инфекционных болезней.*

Необходимость пояснения специализированного контента осознаётся врачами как важное условие успешной коммуникации с «массовым пациентом», что находит отражение в описаниях медицинских аккаунтов: *О здоровье доступным языком; Объясню, как лечить болезни – поймёт даже ребёнок!; Понятным почерком об аллергии; Перевожу с врачебного на русский.*

Коммуникативная тактика краткой справки. Тактика краткой справки используется для донесения до аудитории основной медицинской информации о болезни, её симптомах, истории возникновения, статистических данных, способах лечения, лекарствах и т.д.: *ЖКБ (желчнокаменная болезнь. – Прим. авт.) характеризуется достаточно высокой распространённостью в странах с западным стилем жизни – Европа, Северная Америка, Россия. Регистрируется с частотой ≈ 10–15%! Максимальная частота клинических проявлений регистрируется в возрасте 40–69 лет. Риск развития ЖКБ у женщин выше примерно в 2–3 раза, что связывают с влиянием эстрогенов на литогенные свойства желчи.*

Довольно часто тактика краткой справки используется комплексно с тактикой дефиниции и предоставляет возможность автору актуализировать ключевые моменты в содержании поста. На лексическом уровне тактика реализуется с помощью использования медицинских терминов, в том числе на языке-источнике, числительных, топонимов. Синтаксический уровень характеризуется частотным употреблением предложений с составными именными сказуемыми, однородными членами, утвердительными неэкспрессивных предложений. Однако отмечается, что при обсуждении социально важных тем врачи прибегают к выражению экспрессии посредством различных средств креолизации текста: цветового выделения, прописных букв, эмодзи, восклицательных знаков и т.д. С этой же целью врачи используют слова и высказывания со значением акцентирования внимания: *запоминаем, важно, помним, читать до конца.*

Коммуникативная тактика инструкции. Следующий способ просвещения подписчиков – тактика инструкции. Её цель – предоставить информацию в доступной форме в виде чёткого алгоритма, памятки или руководства к действию. К средствам воплощения тактики относятся перечни необходимых анализов и этапов обследования, списки мероприятий для профилактики заболеваний и оказания первой медицинской помощи и т.д.: *Диагностика подострого тиреоидита включает, помимо УЗИ, лабораторную диагностику: – Клинический анализ крови + СОЭ, – ТТГ, – С-реактивный белок; Диспансеризация проводится в два этапа: 1) 1 раз в три года в возрасте от 18 до 39 лет включительно; 2) ежегодно в возрасте 40 лет и старше.*

Часто подобные инструкции оформляются непосредственно в визуальной части поста, но необходимо отметить, что печатный или устный текст, включённый в визуальный компонент поликодового медиатекста Instagram, все еще остается ведущим в процессе реализации коммуникативных тактик медицинского дискурса, а изображение или видео выполняют

аттрактивную функцию, усиливая информационно-просветительское воздействие на массовую аудиторию. Композиционная структура вербального текста оформляется различными паралингвистическими средствами креолизации с помощью рисунков, графиков, таблиц, маркированных списков, цветового выделения, шрифтов и т.д. Задачей тактики инструкции является систематизация информации для облегчения ее восприятия адресатом. С целью экономии речевых средств и сокращения времени восприятия медицинского контента врачи-блогеры обращаются к функции «карусель», размещая информацию в серии сменяющих друг друга изображений или видеоэлементов. Более подробный анализ способов воздействия на массовую аудиторию посредством сочетания вербальных и невербальных компонентов в медицинском медиатексте соцсети Instagram был предпринят в предыдущем исследовании [25].

Коммуникативная тактика апелляции к авторитетным источникам. В процессе реализации информационно-просветительской стратегии врачи прибегают к тактике апелляции к авторитетным источникам, которая направлена на обеспечение достоверности информации, предоставляемой врачом, и возможности верификации данных реципиентом. К авторитетным источникам можно отнести ссылки на статистические данные Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) и других организаций здравоохранения, медицинские интернет-ресурсы, регламентирующие профессиональную деятельность документы, исторические данные, мнение и опыт эксперта в мире медицины и т.д.: *По оценкам ВОЗ, данное мероприятие позволяет ежегодно предотвратить от 2 до 3 млн. случаев смерти (цифры зависят от того, о каком заболевании идет речь; В нашей стране реализуется масштабная государственная политика, направленная на раннее выявление и профилактику заболеваний, являющихся основными причинами смертности. Прежде всего, это сердечно-сосудистые заболевания, онкологические, а также сахарный диабет. Вся эта деятельность описана и регулируется приказом Министерства здравоохранения РФ от 13 марта 2019 г. № 124н; Вакцинация известна с 1796 г., когда Эдвард Дженнер впервые привил человека против натуральной осы.*

Разновидностью тактики апелляции к авторитетным источникам являются ссылки на Instagram-страницы других представителей медицинского сообщества, репосты коллег, рекомендации научной и научно-популярной литературы и т.д.: *У Мухтара Рашидовича @dr.molov на странице вы сможете более подробно ознакомиться с ультразвуковыми признаками подострого тиреоидита и другими интересными клиническими ситуациями глазами врача УЗИ; Страница Анны изобилует полезностями экспертного уровня, смело рекомендую; Как и обещала, хочу порекомендовать крутую новую книгу о ДМ (доказательной медицине. – Прим. авт.): Роксана Мухарямова – «Доказательная медицина. Чек-лист здорового человека, или что делать, пока ничего не болит».*

В данном случае к информационно-просветительским присоединяются маркетинговые тактики

взаимного продвижения коммуникативных ресурсов представителей медицинского сообщества, на лексическом уровне используются положительные оценочные средства деятельности коллег: *Мое новое руководство под названием «Тонзиллитник» почти готово. Но я не смог бы его сделать таким крутым, если бы не помощь замечательного ЛОРа Анатолия Власенко @doctorvlasenko; Недавно у меня была интереснейшая беседа с моей коллегой врачом эндокринологом @dr_hristyanova об изменчивости ТТГ.*

Коммуникативная тактика рекомендации. Одной из важнейших тактик в просветительском медицинском медиатексте является тактика рекомендации, обусловленная спецификой институционального медицинского общения. Она направлена на реализацию цели медицинского дискурса – оказать помощь заболевшему человеку. Коммуникативный успех данной тактики возможен при достижении доверительных отношений между врачом и «массовым пациентом». Именно поэтому тактика рекомендации нередко используется совместно с самопрезентационными и воздействующими тактиками медиадискурса, нацеленными на формирование положительного имиджа врача-блогера в сознании целевой аудитории.

Одним из приёмов реализации тактики рекомендации является прямая подача личного мнения врача как авторитетного, апелляция к своему профессиональному или жизненному опыту: *Как я уже и сказала, я за индивидуальный набор исследований; Я советую выбирать импортные препараты; Я всецело за то, чтобы хоть раз в год позволить себе убедиться в том, что за здоровье опасаться не стоит; В общем, своим детям противовирусные при ОРВИ я не назначаю.*

Часто подобные высказывания оформляются вводными лексемами, выражающими степень уверенности говорящего (например, *конечно, разумеется, несомненно*): *Если уж применять этот препарат, то предпочтение, конечно, надо отдавать оригинальному физиотензу, а не копеечным копиям. У них и эффект такой же, сколько они стоят;* конструкциями категоричной подачи информации с отсылками к профессиональной принадлежности адресанта: *Как врач я бы хотела предупреждать заболевания или «ловить» их в начальной стадии, когда помочь человеку гораздо легче, и шансы на его выживание выше; Я убеждена, что многие болезни уже перестали бы существовать, если бы вакцинация была массовой, и отвечал за неё только врач; Я уже писала, что никогда не начинаю лечение ринита у детей, у себя и у пациентов с сосудосуживающего средства.*

Следующий способ реализации тактики рекомендации – профессиональный нарратив, демонстрирующий случай из врачебной практики. При описании истории пациентов врачи прибегают к таким приёмам убеждения, как апелляция к тяжёлым последствиям и положительному исходу болезни при своевременном лечении: *Если бы каждый видел те смерти, которых могло не быть, прививался бы; Несомненно, чем раньше пневмония диагностирована и начато лечение, тем меньше шансов получить осложнения и выше шансы быстро вылечиться; Ребенка не спасли.*

Несмотря на то, что печень легко восстанавливающийся орган. Достаточно было обратиться за советом вовремя. Врач мог бы назначить ацетицистеин, лекарство от бронхита, которое было бы противо-ядием.

В историях врача на лексическом уровне выделяется большой пласт профессиональных жаргонизмов, эвфемизмов, просторечной околomedicalной лексики, употребляемой медиками для описания ситуации приёма пациента, симптомов и причин заболевания: *Да и человеческий организм – штука хоть и изученная, но на деле непредсказуемая; Я боюсь передозировать парацетамол; Так они попали в приёмник; Типичная клиническая картина: в семье кто-то болел, пусть даже соплями; Да и вообще, младенцы высоко температуру не задирают; Не вижу смысла брать кровь на 100 показателей, сеять все биосреды организма, ковырять серу в ушах и делать МРТ / КТ с головы до пяток.*

Тактика рекомендации в медиатексте медицинского блогера в конечном счете реализует основную цель – убедить пациента в необходимости очного обращения к специалисту. Большинство постов параллельно с информацией содержат предостережение от самолечения и призыв похода к врачу: *Помните: самостоятельно назначать себе какие-либо препараты нельзя; Ещё лучше – согласовать набор исследований с Вашим личным врачом; Как всегда предупреждаю вас о том, что любое недомогание – повод обратиться к врачу; Когда голова начинает болеть часто, это может быть причиной очень серьезных проблем, поэтому поход к врачу необходим; Если пищевое отравление коснулось ребёнка или пожилого человека, то, конечно же, стоит обратиться к врачу немедленно.*

Коммуникативная тактика дискредитации медицинских мифов. Информационно-просветительская стратегия реализуется также посредством тактики дискредитации медицинских мифов, в том числе различных способов самолечения, альтернативных и псевдомедицинских источников информации: *И поэтому все разговоры о том, что опасно лекарствами снижать в крови холестерин и жиры, т. к. их для чего-нибудь не хватит – это от непонимания процессов; Как видите, в этом списке (список побочных действий. – Прим. авт.) нет набора веса. Потому что современное поколение оральные контрацептивы абсолютно на него не влияет <...>. Потому что это устаревшее понятие, которое засело в головах у российских женщин ещё с советских времён, и теперь передаётся из поколения в поколение, от мам к дочкам; Годами наблюдать повышенные цифры АД (артериальное давление. – Прим. авт.) и бездействовать или лечиться альтернативщиной: пиявками, БА-Дами, Шишонинными и Бутейками. Не сработает; Про гомеопатию отдельно упомяну. Она не работает! Но к психотерапии в целом я отношусь очень хорошо.*

Коммуникативная тактика формирования хода мыслей. С целью убеждения и эффективного донесения информации врачи в медиатексте нередко прибегают к персуазивной тактике формирования хода

мыслей. Медицинская информация, связанная с постановкой диагноза или лечением, подаётся как серия логически выстроенных этапов, что должно привести к пониманию важности, сложности процессов в сфере медицины и возможности достижения положительного результата лечения при соблюдении рекомендованных условий: *При применении важно учитывать один момент: это не широкоспектровые препараты, коими бывают антибиотики. Это значит, что сначала надо выделить возбудителя. Понять, что это за бактерия. Убедиться, что она не полнрезистентная (слишком устойчива к лекарствам). Далее, если всё указанное нам известно, можно назначать один или несколько бактериофагов.*

Описывая способы реализации коммуникативных тактик информационно-просветительской стратегии, необходимо назвать несколько распространённых универсальных приёмов, активно используемых врачами. Один из них – диалогическая конструкция вопроса и ответа, занимающая ядерную позицию как в институциональном очном медицинском общении, так и в медиакommunikации. При создании поста врач активно использует риторические функции данной конструкции. Прогнозируя ожидания массового адресата, врач моделирует предполагаемый вопрос и отвечает на него, порой моделью выступает полноценный диалог врача и пациента: *Что делать, если у вас по УЗИ обнаружили узел? Посетите эндокринолога. Даже если врач УЗИ уверил вас, что повода для беспокойства нет; У многих есть камни / конкременты, песок в желчном пузыре. Вы спрашиваете: откуда они? Ставь лайк и читай; И что тогда, спрсите вы? Покорно ждать и надеяться, что именно меня эта беда обойдет? Нет! Самое эффективное – это регулярное обследование, направленное на раннее выявление рака.*

Риторические фигуры оформляют композицию медиатекста, частотным является использование вопросительного предложения в заголовках сообщения (например, *Переболел гриппом: на что обратить внимание и делать ли прививку; О чём хрустят суставы?; Что такое гельминтоз?; ОРЗ: лечить или не лечить?*); также вопросительные конструкции используются в заключении поста как интерактивное средство, побуждающее к общению: *А вы обращались после Нового года к врачу? Ну, и как там? Только у нас обращений так много?* В данном случае приём реализует коммуникативные тактики как информационно-просветительской стратегии, так и стратегий, направленных на формирование целевой аудитории и вовлечения в диалог и удержания адресата.

Следующий способ оформления коммуникативных тактик в медицинском медиатексте – использование языковой игры, иронии, юмора как средств создания непосредственного межличностного общения. Врачи предвзвешивают серьёзную тему шутками и анекдотами: *– Крошка, давай оторвёмся сегодня вечером? – Ты кто вообще такой?! – Тромб.*

Традиционно языковая игра в медиадискурсе рассматривается как тактика, реализующая стратегии манипуляции и привлечения внимания [26]. В условиях реального медицинского общения использование

категории юмора встречается нечасто, может быть обусловлено давними отношениями врача и пациента или незначительностью повода для обращения к медику. Исследователями отмечается обращение к чёрному юмору, иронии, языковой игре как к средству психологической релаксации и защиты от ежедневного профессионального стресса в неформальном общении медицинских работников [27]. Однако в интернет-коммуникации врачи активно обращаются к юмору как к суггестивному средству воздействия, позволяющему установить контакт с аудиторией и тем самым повысить эффективность общения. В следующем примере с помощью иронии подчёркивается опасность самостоятельного приёма медицинских препаратов: *Первое, что вы должны запомнить, – КОК (комбинированные оральные контрацептивы. – Прим. авт.) должен назначать врач акушер-гинеколог. Не тётя Дуся (она ж в больнице работает санитаркой); не соседка Наташка (она тоже такие же пила и мне посоветовала); не аптекарь-фармацевт-провизор (а я у неё спросила, она мне тут же и порекомендовала, сказала, хорошие).*

Для более яркого представления просветительской информации, а также для привлечения внимания аудитории врачи используют экспрессивные, образные лексические и стилистические средства, например, разговорные фразеологизмы и устойчивые выражения: *Можно не обращать внимание, но тогда последствия достигнут как снежный ком. А можно предотвратить ранние проявления и отделаться «малой кровью»; Есть такие антибактериальные средства, которые можно применять не как «ударную артиллерию», когда необходима борьба с бактериальной флорой; метафоры: Такая «громкая картина» вызвана мокротой, скопившейся в бронхах (о кашле. – Прим. авт.); метонимии: Большинство обращений все равно идут домой после обследования в больнице; сравнительные обороты: В общем, новогодние праздники – это не время радости, а скорее Хеллоуин; просторечные, жаргонные, сленговые лексические единицы: Однако понимаю страх пациента: а вдруг найдут то, чего нет? Вдруг напугают и «раскрутят на деньги»?; В зависимости от статуса медицинского центра, от скорости выполнения исследований и получения результатов, цена варьируется очень широко. Что же выбрать? Как не «слить» деньги?; неадаптированные заимствования: Как пройти *check-up* (комплексный медицинский осмотр. – Прим. авт.) и не разориться. На осознанное употребление авторами образных единиц в переносном смысле для усиления эмоционального эффекта указывают кавычки.*

В заключении анализа необходимо отметить, что в качестве эффективного способа суггестивного воздействия на адресата врачами используются фотографии, изображения и видеоматериалы, дополняющие вербальные коммуникативные тактики. Например, фотографии, демонстрирующие последствия несоблюдения врачебных рекомендаций или несвоевременного обращения к врачу, в поддержку приёма апелляции к тяжёлым последствиям. Вследствие специфики медицинской деятельности объектом визуализации нередко

является человеческий организм, части тела и органы. Такие изображения используются с целью эвфемизации информации и выступают в медиатексте средством наглядности. Возможность видеообращения врача в прямых эфирах, интерактивное общение в комментариях позволяют моделировать ситуацию очного приёма, способствуют коммуникативному сближению и формированию положительного образа представителя медицинского сообщества.

Обсуждение результатов

Практика социального взаимодействия в интернете сформировала новую дискурсивную практику институционального общения врача и «массового пациента» в социальных сетях. С целью популяризации медицинского знания врачи реализуют информационно-просветительскую стратегию посредством следующих коммуникативных тактик: **дефиниции, краткой справки, инструкции, апелляции к авторитетным источникам, рекомендации, дискредитации медицинских мифов, формирования хода мыслей.** Перечисленные тактики репрезентуются различными коммуникативными приёмами и не являются полным перечнем способов воздействия врача на адресата в медиатексте. Каждый новый пост может создаваться с определенной целью, для достижения которой необходим свой набор тактик. Однако приведённый перечень позволяет обозначить ядерные тактики, используемые медиками в большинстве случаев при создании медиатекста в социальной сети с целью информирования и просвещения массовой аудитории. Необходимо отметить, что коммуникативные тактики редко используются в чистом виде, в одном высказывании возможно сочетание разных коммуникативных приёмов. Кроме того, одна и та же тактика может одновременно участвовать в реализации различных коммуникативных стратегий.

Основным способом донесения просветительской информации до аудитории остается вербальный компонент поликодового медиатекста. Оформление визуальной части в виде плаката, инструкции или руководства к действию посредством фото- и видеоизоб-

ражений используется, как правило, в качестве иллюстрации и систематизации информации и способствует упрощению восприятия текста и экономии времени и усилий реципиента. Многочисленные средства креолизации медиатекста (эмодиконы, символы, цветовое выделение, разные шрифты и т.д.) выполняют различные функции (побудительную, экспрессивную, игровую, эстетическую) с целью привлечения внимания к специализированному контенту и более подробно будут рассматриваться при анализе реализации стратегии вовлечения в диалог и удержания адресата.

Перспективным направлением дальнейшего исследования видится лингвистический и стилистический анализ средств реализации коммуникативных тактик на всех языковых уровнях медиатекста.

Заключение

Таким образом, проведённый дискурсивный и коммуникативно-прагматический анализ позволяет сделать вывод о широком спектре возможностей медицинского блогера успешно реализовать информационно-просветительскую деятельность и эффективно воздействовать на целевую аудиторию посредством создания поликодового медиатекста в социальной сети Instagram. Многоканальность воспроизведения информации в поликодовых текстах предоставляет адресату выбор наиболее комфортных для него способов восприятия специализированного контента. Интерактивное диалогическое взаимодействие врача и массовой аудитории на страницах профессионального блога в социальных сетях может способствовать повышению имиджа как специалиста, так и медицинского сообщества в целом, а в перспективе являться средством повышения медицинской грамотности населения. В то же время новая коммуникативная практика онлайн-общения с пациентом предъявляет к врачу определённые требования по овладению новыми компетенциями медиаграмотности для успешного использования всех возможностей средств массовой коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мишанкина Н.А., Скрипченко Н.В. Трансформация современной медиасреды в аспекте включенности профессиональных сообществ // Журналистика регионов: дискурсы и медиапрактики : материалы Междунар. науч.-практ. онлайн-конференции 22 ноября 2018 г. Томск. 2018. М., 2019.
2. Нестерова Н.Г., Фашанова С.В. Феномен «Новой грамотности» в средствах массовой коммуникации // Актуальные проблемы обучения русскому языку XIII: электрон. библиотека Ун-та им. Масарика. Брно, 2018. URL: <https://doi.org/10.5817/CZ.MUNI.P210-9077-2018> (дата обращения: 18.03.2020).
3. Федоров А.В. Синтез медийной и информационной грамотности как новая тенденция, предложенная ЮНЕСКО: плюсы и минусы // Дистанционное и виртуальное обучение. 2013. № 10. С. 72–79.
4. Жилавская И.В. Медийно-информационная грамотность через призму конвергенции и дивергенции // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2016. Т. 1, № 2. С. 72–94.
5. Информационная грамотность: международные перспективы / под ред. Х. Лау; пер. с англ. М. : МЦБС, 2010. 240 с.
6. Барсукова М.И. Медицинский дискурс: стратегии и тактики речевого поведения врача : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007. 23 с.
7. Жура В.В. Дискурсивная компетенция врача в устном медицинском общении : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2008. 40 с.
8. Ахнина К.В. Сетевой медицинский дискурс: языковые и коммуникативно прагматические характеристики : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 19 с.
9. Пивоварчик Т.А. Сетевой медицинский дискурс: коммуникативные практики тематических интернет-сообществ // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2018. № 4. С. 148–155.
10. Варнавская Е.В. Сетевой медицинский дискурс в блогосфере: социолект и специфика онлайн-общения // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2019. № 5 (май). URL: <http://e-koncept.ru/2019/195017.htm> (дата обращения: 18.03.2020).

11. Тубалова И.В., Эмер Ю.А., Ершова В.Е. Коммуникативные стратегии продвижения профессионального имиджа врача в социальных медиа (на материале Facebook) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 73–82.
12. Волкова Е.В. Интернет-коммуникация как способ формирования профессионального имиджа медицинского сообщества // Медицинский дискурс: вопросы теории и практики : электронный аналог печатного издания: материалы 7-й Междунар. науч.-практ. и образоват. конф., 11 апреля 2019 г. Тверь : Ред.-изд. центр Твер. гос. мед. ун-та, 2019. С. 28–34. URL: www.repo.tvergma.ru.
13. Кожемякин Е.А. Дискурсивный подход к изучению институциональной культуры. Белгород : Изд-во БелГУ, 2008. 244 с.
14. Добросклонская Т.Г. Массмедийный дискурс как объект научного описания // Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 13 (184). Вып. 22. С. 181–187.
15. Дукин Р.А. К вопросу определения понятия «Социальные медиа» // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-opredeleniya-ponyatiya-sotsialnye-media> (дата обращения: 10.12.2020).
16. Сулейманова Ш.С. Перспективы развития социальных медиа // Коммуникология. 2015. Т. 3, № 5. С. 111–125.
17. Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник. М. : Флинта, 2018. 440 с.
18. Гераськина М.В. Instagram как перспективный инструмент для рекламной кампании в интернете // Вестник науки и образования. 2018. № 12 (48). С. 83–87.
19. Йоргенсон М.В., Филлипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. 2-е изд., испр. Харьков : Гуманитарный Центр, 2008. 352 с.
20. Комарова З.И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учеб. пособие. Екатеринбург : Изд-во УрФУ, 2012. 818 с.
21. Кожемякин Е.А. Медиаатекст в мультимодальной перспективе: несколько методологических замечаний // Дискурсология и медиакритика современных СМИ: Сборник научных трудов по материалам конференции. 2–4 октября 2019 г. / науч. ред. А.В. Полонский и др. Белгород : ПОЛИТЕРА, 2019. С. 163–169.
22. Ахнина К.В., Куриленко В.Б. Сетевой медицинский дискурс: сущность, признаки, структура // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2015. № 1. С. 76–84.
23. Коммуникативные стратегии и тактики в медиадискурсе : учеб. пособие к спецкурсу «Дискурс масс-медиа» / Н.Г. Нестерова [и др.]; под ред. Н.Г. Нестеровой. Томск : Том. гос. ун-т, 2011. 176 с.
24. Арсеньева Т.Е. Коммуникативные стратегии и тактики просветительского радиодискурса (на материале программы «Говорим по-русски») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2013. 23 с.
25. Волкова Е.В. Поликодовый текст в интернет-коммуникации (на материале медицинских аккаунтов Instagram) // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “WEST-EAST” (ISPOPE). Scientific Journal WEST-EAST. 2019. Т. 2/1, № 1. С. 117–122.
26. Фашанова С.В. Языковая игра в радиодискурсе: коммуникативно-прагматический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012. 24 с.
27. Казакова Д.В. Категория комического в медицинском дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2013. 20 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 30 декабря 2020 г.

Communicative Tactics of the Doctor’s Informational and Educational Strategy in the Media Text of the Social Network Instagram

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 463, 15–24.

DOI: 10.17223/15617793/463/2

Evgeniya V. Volkova, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: evolkova@tpu.ru

Keywords: polycode text; media text; Internet communication; social network; medical communication; new literacy; communication strategy; communication tactics; information and educational strategy; discourse.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 17-29-09132.

The aim of the study is to identify and analyze the communication tactics that ensure the successful implementation of the doctor’s informational and educational strategy in the media text of the social network Instagram. The research material was media texts created by doctors on the pages of their own professional accounts. The reason for choosing the material is the popularity of Instagram for personal and professional communication, as well as the polycode nature of the social network’s texts, in which verbal and non-verbal components complement each other and collectively affect the mass audience. The methodological basis of the research is the discursive and communicative-pragmatic approaches to the study of media communication. The creation of a media text in Instagram is a communicative event and has three levels of analysis: social practice, discursive practice, and text. Research on the level of social practice allows attributing medical communication in Instagram both to the practice of social interaction on the Internet and to the institutional relationship between a doctor and a patient. Medical blogging as a discursive practice reveals features of mass media, marketing and personality-oriented discourses. At the stage of text analysis, a communicative-pragmatic approach is used, which involves identifying the author’s target attitude and studying the verbal and non-verbal means the author chooses for the implementation of certain communicative goals. During the communicative-pragmatic analysis of the means of representation of the doctor’s informational and educational strategy in the media text of Instagram revealed the communicative tactics of definitions, brief reference, instructions, references to authoritative sources, recommendations, discrediting of medical myths, formation of thinking. The linguistic analysis demonstrated the use of language means peculiar to Internet communication for the implementation of communicative tactics: rhetorical figures; language games; expressive, figurative lexical and stylistic means (colloquial phraseology and stable expressions, metaphors, metonymy, comparisons, borrowings, substandard vocabulary). As an effective method of suggestive influence on the recipient, doctors use non-verbal means (images, photos and video materials, creolization of text) that complement verbal communication tactics. The results of this study demonstrate the high potential of the informational and educational polycode media text created by the doctor in a professional blog on the social network Instagram when promoting specialized knowledge and improving health literacy.

REFERENCES

1. Mishankina, N.A. & Skripchenko, N.V. (2019) [Transformation of the modern media environment in the aspect of the involvement of professional communities]. *Zhurnalistika regionov: diskursy i mediapraktiki* [Journalism of the regions: discourses and media practices]. Proceedings of the International Conference. Tomsk. 22 November 2018. Moscow: KnoRus. (In Russian).
2. Nesterova, N.G. & Fashchanova, S.V. (2018) [The phenomenon of “new literacy” in the mass media]. *Aktual’nye problemy obucheniya russkomu yazyku XIII* [Current issues of the Russian language teaching XIII]. [Online] Available from: <https://doi.org/10.5817/CZ.MUNI.P210-9077-2018> (Accessed: 18.03.2020). (In Russian).

3. Fedorov, A.V. (2013) Synthesis of Media and Information Literacy as a New Trend of Unesco: The Pros and Cons. *Distantionnoe i virtual'noe obuchenie*. 10. pp. 72–79. (In Russian).
4. Zhilavskaya, I.V. (2016) Mediyno-informatsionnaya gramotnost' cherez prizmu konvergentsii i divergentsii [Media and information literacy through the prism of convergence and divergence]. *Kommunikatsii. Media. Dizayn*. 1 (2). pp. 72–94.
5. Lau, J. (ed.) (2010) *Informatsionnaya gramotnost': mezhdunarodnye perspektivy* [Information literacy: international perspectives]. Translated from English. Moscow: MTsBS.
6. Barsukova, M.I. (2007) *Meditinskiy diskurs: strategii i taktiki rechevogo povedeniya vracha* [Medical discourse: strategies and tactics of the doctor's speech behavior]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saratov.
7. Zhura, V.V. (2008) *Diskursivnaya kompetentsiya vracha v ustnom meditsinskom obshchenii* [Discursive competence of a doctor in oral medical communication]. Abstract of Philology Dr. Diss. Volgograd.
8. Akhnina, K.V. (2016) *Setevoy meditsinskiy diskurs: yazykovye i kommunikativno pragmaticheskie kharakteristiki* [Network medical discourse: linguistic and communicatively pragmatic characteristics]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
9. Pivovarchik, T.A. (2018) Network Medical Discourse: Communicative Practice of Thematic Internet Communities. *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika – Vestnik VSU. Series: Philology. Journalism*. 4. pp. 148–155. (In Russian).
10. Varnavskaya, E.V. (2019) Digital medical discourse in the blogosphere: sociolect and online communication specificity. *Kontsept*. 5 (May). [Online] Available from: <http://e-koncept.ru/2019/195017.htm> (Accessed: 18.03.2020). (In Russian).
11. Tubalova, I.V., Emer, Yu.A. & Ershova, V.E. (2019) Communicative Strategies for Promoting the Professional Image of a Doctor in Social Media (Based on Facebook). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 447. pp. 73–82. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/447/9
12. Volkova, E.V. (2019) [Internet communication as a way of forming a professional image of the medical community]. *Meditinskiy diskurs: voprosy teorii i praktiki* [Medical discourse: issues of theory and practice]. Proceedings of the International Conference. Tver. 11 April 2019. Tver: Tver State Medical University. pp. 28–34. [Online] Available from: www.repo.tvergma.ru. (In Russian).
13. Kozhemyakin, E.A. (2008) *Diskursivnyy podkhod k izucheniyu institutsional'noy kul'tury* [Discourse approach to the study of institutional culture]. Belgorod: Belgorod State University.
14. Dobrosklonskaya, T.G. (2014) Massmediynnyy diskurs kak ob'ekt nauchnogo opisaniya [Mass media discourse as an object of scientific description]. *Nauchnye vedomosti. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 13 (184):22. pp. 181–187.
15. Dukin, R.A. (2016) Concerning Definition of 'Social Media Concept'. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. 4. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-opredeleniya-ponyatiya-sotsialnye-media> (Accessed: 10.12.2020). (In Russian).
16. Suleymanova, Sh.S. (2015) Prospects of development of social media. *Kommunikologiya – Communicology*. 3 (5). pp. 111–125. (In Russian).
17. Duskaeva, L.R. (ed.) (2018) *Medialingvistika v terminakh i ponyatiyakh: slovar'-spravochnik* [Medialinguistics in terms and concepts: reference dictionary]. Moscow: Flinta.
18. Geras'kina, M.V. (2018) Instagram kak perspektivnyy instrument dlya reklamnoy kampanii v internete [Instagram as a promising tool for advertising campaigns on the Internet]. *Vestnik nauki i obrazovaniya*. 12 (48). pp. 83–87.
19. Jorgenson, M.W. & Phillips, L.J. (2008) *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse Analysis as Theory and Method]. Translated from English. 2nd ed. Kharkiv: Gumanitarnyy Tsentr.
20. Komarova, Z.I. (2012) *Metodologiya, metod, metodika i tekhnologiya nauchnykh issledovaniy v lingvistike: ucheb. posobie* [Methodology, method, technique and technology of research in linguistics: textbook]. Yekaterinburg: Ural Federal University.
21. Kozhemyakin, E.A. (2019) [Media text in a multimodal perspective: several methodological remarks]. *Diskursologiya i mediakritika sovremennykh SMI* [Discourseology and media criticism of modern media]. Conference Proceedings. 2–4 October 2019. Belgorod: POLITERRA. pp. 163–169. (In Russian).
22. Akhnina, K.V. & Kurilenko, V.B. (2015) Setevoy meditsinskiy diskurs: sushchnost', priznaki, struktura [Network medical discourse: essence, signs, structure]. *Vestnik RUDN. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'*. 1. pp. 76–84.
23. Nesterova, N.G. et al. (eds) (2011) *Kommunikativnye strategii i taktiki v mediadiskurse: ucheb. posobie k spetskursu "Diskurs mass-media"* [Communicative strategies and tactics in media discourse: textbook for the special course "Discourse of the mass media"]. Tomsk: Tomsk State University.
24. Arsen'eva, T.E. (2013) *Kommunikativnye strategii i taktiki prosvetitel'skogo radiodiskursa (na materiale programmy "Govorim po-russki")* [Communicative strategies and tactics of educational radio discourse (based on the material of the program "Speaking Russian")]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
25. Volkova, E.V. (2019) Polycode Text in Internet Communication (Based on the Medical Accounts on Instagram) Polycode Text in Internet Communication (Based on the Medical Accounts Instagram). *International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists "WEST-EAST" (ISPOPE). Scientific Journal WEST-EAST*. 2/1 (1). pp. 117–122. (In Russian).
26. Fashchanova, S.V. (2012) *Yazykovaya igra v radiodiskurse: kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt* [Language game in radio discourse: A communicative and pragmatic aspect]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
27. Kazakova, D.V. (2013) *Kategoriya komicheskogo v meditsinskom diskurse* [The category of the comic in medical discourse]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kemerovo.

Received: 30 December 2020

Н.В. Гончарова

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА А.В. НИКИТЕНКО КАК «ЛЕТОПИСЬ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

Статья написана при поддержке РФФИ, проект № 20-012-00443.

Рассматривается процесс формирования личной библиотеки А.В. Никитенко как репрезентанта его деятельности в качестве профессора литературы, критика и цензора. Прослеживается связь дневника и библиотеки на конкретном примере внимания Никитенко к русским летописям. Делается вывод о восприятии им летописей как определенной модели коммуникации и как источников, в которых находятся культурно-исторические образы русского сознания. Доказано, что Никитенко использовал их в собственной идентификации.

Ключевые слова: личная библиотека; история русской литературы; дневник; летопись; А.В. Никитенко.

В современных исследованиях при изучении личных библиотек рассматривается роль круга чтения в процессе формирования нравственно-этических представлений человека. Говоря о библиотеке А.В. Никитенко, необходимо прежде всего определить ее место и значение в становлении мировоззрения университетского профессора, историка литературы, критика и цензора. В этом отношении она была репрезентантом его духовного и общественного воспитания, важной составляющей его жизнестроительства.

Личность Александра Васильевича Никитенко (1804–1877) была незаурядной для своего времени. Рожденный в крепостной зависимости, получивший начальные знания в Воронежском уездном училище, он мечтал получить университетское образование. Крепостной «самоучка» на пути к освобождению стал секретарем Острогжского отделения Библейского общества, а затем домашним учителем в семье декабриста Е.П. Оболенского. Получив свободу, он поступил в Санкт-Петербургский университет и навсегда связал свою жизнь с наукой и литературой. В своей многогранной деятельности на ниве литературы и просвещения Никитенко предстает в трех основных ролях – как литературный критик, как профессор по кафедре Русской словесности Санкт-Петербургского университета и как цензор, реализуя в них некое единство общего стремления способствовать развитию русской литературы.

Критик, профессор, цензор. Эти три роли не существовали сами по себе, в творческой деятельности Никитенко мы видим их активное взаимодействие. Невозможно представить цензорскую деятельность А.В. Никитенко без понимания общего хода литературы и ее отдельных направлений, без способности глубоко проникнуть в тайны творчества, мастерскую художника слова. Разносторонние знания по теории и истории словесности шлифовались, уточнялись в процессе преподавания в университете и Екатерининском институте. Литературно-критические воззрения Никитенко отразились в его статьях, речах, публикациях, в которых прослеживается установка на предельную авторскую объективность.

Несмотря на многогранную деятельность, в исследовательской литературе А.В. Никитенко воспринимается главным образом как автор своего дневника, который он вел всю жизнь [1]. Записи начинаются

с 1 января 1826 г. и продолжают на протяжении 50 лет (последняя запись датирована 20 июля 1877 г., за день до смерти). В дневнике Никитенко фиксировал мысли о ходе литературной истории, значимые события в жизни русского общества; этот документ был не только «хроникой» его духовного бытия и жизнеописанием, но и по общему признанию явился своеобразной «летописью» всей русской литературы 1820–1870-х гг.

Более ранний период своей жизни, до освобождения от крепостной зависимости, Никитенко описал в автобиографическом произведении «Моя повесть о самом себе», которое он сам готовил к публикации. Догадка о том, что название как-то связано с летописью подтверждается, если мы обратимся к их полному названию – «Моя повесть о самом себе и о том, “чему свидетель в жизни был”» [2]. Последнюю фразу Никитенко оставляет в кавычках как цитату, отсылая нас к пушкинским строчкам:

Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидетель в жизни будешь...

[3. С. 67].

Это слова из трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов», где монах-летописец Пимен, передавая свой труд молодому иноку, наставляет его правдиво описывать историю. Почти точное совпадение фраз – не случайность. Опубликованные после смерти автора мемуары и дневник создавались Никитенко как своеобразная литературная летопись, максимально правдивая и документально верная. Как летописец у Пушкина раскрывал в своих записях государственные и духовные дела: «Войну и мир, / управу Государей, / угодников святые чудеса...», – так Никитенко в своем дневнике фиксировал и политические, общественно значимые события в России и мире, и явления умственной жизни в сфере науки, культуры и образования.

Библиотека явилась для Никитенко тем фундаментом, на котором выстраивалось освоение мировой эстетико-философской и научной мысли. Становление его профессиональных представлений происходило в условиях зарождения литературной критики, изменений цензурного режима, резкой смены политической позиции русского правительства. В обстановке угрозы потери своей идентичности важнейшим делом было самоопределение в вопросах исторического прошлого, современных общественных явлений и научных исканий. Самообразование через чтение

книг, собрание своей библиотеки было его потребностью. Размышления о литературных событиях, характеристики авторов и книг зачастую подкрепляются их находением в библиотеке, а во многих случаях на них имеются пометы, надписи или автографы. Это позволяет предположить наличие связей дневника и личной библиотеки Никитенко, как связаны событие и источник. В некоторых случаях видится некоторое единство общего контекста, когда записи дополняют сведения об источнике фактическим материалом либо критическим отзывом, а затем порой интерпретируются в собственных литературоведческих текстах профессора.

После смерти А.В. Никитенко его библиотека была выставлена на продажу и отобрана в числе лучших книжных собраний устройством первого Сибирского университета в городе Томске В.М. Флоринским, который с 1875 г. целенаправленно формировал универсальный книжный фонд для будущего университета. Университетская библиотека, открытая в 1888 г., складывалась из многочисленных пожертвованных или купленных личных книжных собраний известных ученых, писателей и общественных деятелей – графа А.Г. Строганова, поэта В.А. Жуковского, министра П.А. Валуева и др. О библиотеке Никитенко Флоринский узнал из письма знакомого профессора-медика И.Т. Глебова, который советовал не упустить случай совершить для университета «драгоценное приобретение»: «это не то, что наши книги», «замечательная библиотека, составляемая им самим для себя» [4. С. 67].

Личная библиотека Никитенко составляет более 1,5 тыс. названий в 2,5 тыс. томах. При понятию преобладании книг по литературе и словесности, она содержит издания по самым разным отраслям знания, в основном гуманитарного профиля: по психологии и философии, экономике и юриспруденции, эстетике и педагогике. В библиотеке нашлось место и естественнонаучной литературе, и книгам по медицине. Соответствие состава библиотеки обширному кругу деятельности Никитенко позволяет с уверенностью говорить о репрезентативности его книжного собрания.

Обучение на философско-юридическом факультете Петербургского университета и преподавание в течение нескольких лет политэкономии отражено в библиотеке наличием основных исследований мировой науки по истории гражданского общества как в переводах на русский язык (сочинения Адама Смита, А. Фергюсона, Д.С. Милля, Ж.Б. Сея), так и в отечественных исследованиях А.П. Куницына, И. Вернадского, В. Безобразова и др.

Раздел библиотеки по книжному делу и цензуре содержит важные документы, раскрывающие цензурскую деятельность Никитенко, являющегося не только рядовым цензором-практиком (1833–1848 гг.), но официальным советником при министре народного просвещения А.С. Норове (1850-е гг.), членом Главного управления цензуры и Комитета по делам книгопечатания (1860-е гг.), но также глубоким теоретиком, ярко проявившим себя в законодательной работе. В библиотеке находится Свод уставов о предупреждении и пресечении преступлений (1842 г.), имею-

щий раздел о цензуре, а также особый экземпляр, который содержит множество рукописных вставок с примечаниями Никитенко. Сборник постановлений и распоряжений по цензуре (1862 г.) включает все изменения в цензуре XVIII–XIX вв. Пометы и записи встречаются и в «Проекте устава о книгопечатании» 1862 г.

Законодательная деятельность Никитенко при министрах просвещения А.С. Норове и Е.П. Ковалевском проявилась во множестве проектов, записок, предложений и выступлений. Будучи выпускником университета, он составил Примечания к Цензурному уставу 1828 г., ставшие руководством для цензоров, и получил похвалу профессоров К.И. Арсеньева, А.И. Галича, барона Г.А. Розенкампа. Позже, в 1858–1859 гг. он вновь участвовал в подготовке изменений к цензурному уставу «сообразно с новыми потребностями». На протяжении многих лет, в том числе в «эпоху цензурного террора» (по выражению М.К. Лемке) Никитенко стремился сохранить тот уровень «благоразумной свободы мыслей», на который неоднократно совершались покушения в виде проектов изменений и дополнений цензурного устава.

Классический раздел библиотеки – античная и европейская поэзия – представлен лучшими переводами на русский язык, причем многие западные произведения в начале XIX в. переводились впервые. Издания греческих классиков Софокла, Анакреона, Аристофана, Гесиода, Гомера в переводах И.И. Мартынова, И.М. Муравьева-Апостола, А. Огинского, Н. Гнедича закладывали основы понимания мировых поэтических тенденций. Включенность Никитенко в общеевропейский литературный контекст обеспечивала штудирование произведений Гюго, Бомарше, Константа, Расина, Лафонтена, Гете, Шиллера, Рихтера, Шекспира, Байрона и многих других. Особенно дороги были для Никитенко немногие произведения на украинском языке А. Котляревского, Т. Шевченко, Е. Гребенки, Г. Данилевского, Н. Маркевича.

Русская художественная литература – основа библиотеки, этот раздел содержит более 500 томов различных произведений писателей XVIII и XIX вв. и еще около 200 книг по истории и теории литературы, отражающих огромное наследие русской и мировой словесной культуры. Ее изучению он посвятил всю свою творческую карьеру, а ее внутреннее строение, законы и тайны творчества он старался открывать своим ученикам.

В библиотеке Никитенко были собраны произведения как известных, состоявшихся русских классиков, так и подающих надежды молодых литераторов. Произведения писателей XVIII в. М. Ломоносова, Г. Державина, Я. Княжнина, Д. Фонвизина, А. Сумарокова, А. Кантемира представлены по большей части собраниями сочинений. Гордость библиотеки – первые и прижизненные издания сочинений писателей, составивших цвет русской литературы XIX в.: А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, В.А. Жуковского, П.А. Вяземского, И.А. Крылова, В.Ф. Одоевского, Н.А. Некрасова, И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, со многими из них Никитенко так или иначе взаимодействовал по цензурным либо литературным делам. Следы таких взаи-

моотношений находятся на книгах в виде дарственных надписей от писателей, переводчиков, издателей книг, адресованных в одних случаях «любезному другу», в других – «земляку и сослуживцу», а порой просто цензору или уважаемому человеку. В исследовательской литературе описаны автографы, принадлежащие В.А. Жуковскому, Н.В. Гоголю, И.А. Гончарову, А.И. Галичу, другие еще не введены в научный оборот [5, 6].

Никитенко бережно обращался с книгами, делал совсем немного записей и помет на полях, предпочитая вести отдельные тетради для выписок и размышлений о прочитанном. В личном архиве Никитенко в ИРЛИ (Пушкинский Дом) сохранились некоторые из этих тетрадей: «Философский Архив или извлечения из разных писателей с моими замечаниями» (1826 г.), «Мои записки и замечания» (1832 г.), «Литературные и эстетические заметки и наблюдения» (1852 г.), «Заметки и выписки из книг» и др. [7]. Эти записи и размышления являются ценным материалом, помогающим увидеть, над чем размышлял Никитенко в разные периоды работы над своими критическими и литературоведческими текстами.

Следуя из идеи о репрезентативности данного книжного собрания, интересно проследить отношение Никитенко к древнему периоду русской литературы и представить летопись как некую коммуникативную модель, которую он сознательно использовал для определения себя как летописца.

Ключевым явлением в преподавании Никитенко стало создание новой периодизации русской литературы, ведущей свои истоки из летописных источников. В то время преподавание по большей части строилось на основе западных учений, и проблема заключалась в необходимости составить связное представление о ходе русской литературы. Никитенко был одним из первых, кто решал вопрос периодизации в историческом ключе, ему принадлежит большая заслуга в высокой оценке раннего самобытного этапа русской литературы и культуры, дотатарского периода. При этом профессор вырабатывал научный подход к этому периоду, «не забывая последующих достижений европеизирующейся литературы послепетровского времени», отмечал Ю.В. Манн [8. С. 322].

Открытие целого корпуса летописей в конце XVIII – начале XIX в. потребовало использования новых методов и подходов к их изучению и изданию. Разные списки летописных текстов были обнаружены в архивах, монастырях, библиотеках и других хранилищах, появлялись новые рукописи, они местами повторяли друг друга или были заимствованы из более ранних сводов. В условиях отсутствия фундаментальных трудов в этой области методы анализа формировались постепенно. От европейской науки были заимствованы приемы критики текста (разложение летописных сводов на отдельные элементы). Сравнительно-историческая методика, предложенная А.А. Шахматовым, будет сформирована гораздо позже, на рубеже XIX–XX вв.

В обществе литераторов также постепенно складывалось отношение к летописи как к основному источнику сведений по русской истории. Писатели и поэты

стремились изучать летописи, это давало большой материал о древней Руси, ее народностях, формировании национального характера, нравах и быте. Мимо такого ценного материала не прошел и Никитенко, в его библиотеке собраны документы, изданные Археологической комиссией, выпуски «Полного собрания русских летописей», публикация которых началась в 1841 г., труды Общества истории и древностей Российских, издания списков «Повести временных лет», акты исторические и юридические. Эти источники были для Никитенко той необходимой основой, на которой сформировалась его собственная исследовательская позиция. Изучая издания, опубликованные В.Н. Татищевым, М. Щербатовым, Н.И. Новиковым, он утверждал, что «произведение, переходящее свободно из уст в уста <...> несет с собою отдаленнейшим потомкам наследие основных вековечных стихий народного духа и быта», «запечатлевает в себе священную память о великих событиях, о великих людях отчизны» [9. С. 72–73].

Из нескольких сохранившихся и опубликованных списков «Повести временных лет» в библиотеке Никитенко оказались Лаврентьевский (1824), Ипатьевский (1871) и Софийский (1795), первые два представляют вторую и третью редакцию, т.е. наиболее приближенные к первоисточнику. Кроме того, в библиотеке находится «Царственной летописец» (1772) о периоде правления князя Владимира Мономаха, «Древний летописец» (1775) о княжении Дмитрия Донского, «Новый летописец» по списку князя Оболенского, представляющий период царствования Михаила Федоровича (1855), издание Супрасльской рукописи (1836) и др.

Изучение и публикация русских летописей в XVIII–XIX в. осуществлялись в русле общеевропейской текстологии, но с попытками адаптации к русской среде. К примеру, текст Лаврентьевской летописи [10] был подготовлен к изданию ученым-филологом Р.Ф. Тимковским, проходившим стажировку в Геттингенском университете, выходцем той же школы, что и знаменитый немецкий историк А.Л. Шлёцер. В изданиях средневековых сочинений этого времени был распространен так называемый эклектицизм, предполагающий издание некоего сводного текста, состоящего, по существу, из фрагментов «лучших чтений» разных списков. «Из этого делался вывод, что ни один дошедший до нас список не может содержать полностью исправный текст» [11. С. 4]. Однако, по словам К. Калайдовича, Тимковский руководствовался «другими правилами»: он «с точностью передавал чтение подлинника, объясняя и исправляя его от ошибок переписчика посредством вариантов» [10. С. IV]. В полемике вокруг методов публикации русских летописей вырабатывался научный подход к историческим источникам и понимание их значения для общественного развития.

Заинтересованность Никитенко в современных ему исследованиях по летописям обнаруживает наличие в его библиотеке трудов историков – А. Шлёцера, К.Н. Бестужева-Рюмина, П.Г. Буткова, М.И. Сухомлинова и др. Первым, кто занялся критической обработкой русских летописей, был А.Л. Шлёцер (1735–

1809), он описал и сравнил 12 различных списков летописи. В библиотеке Никитенко сохранился знаменитый труд Шлёцера «Нестор. Русские летописи», изданный в Петербурге в переводе Д. Языкова (Т. 1–3. 1809–1819), который долгое время пользовался особым уважением у всех занимавшихся русской историей. Обширные три тома «Нестора» имеют карандашные следы чтения. Вероятно, именно это произведение находилось в поле зрения Никитенко, когда он описывал в дневнике свою молодость и короткий период жизни среди малороссиян: «... в них больше, чем в северных славянах, сохранились коренные славянские свойства – любовь к природе и мирные нравы семейно-земледельческого быта. Они именно те поляне, которых так привлекательно описывает Нестор» [2. С. 31].

Русский историк, профессор Константин Николаевич Бестужев-Рюмин (1829–1897) много сделал для разработки критических методов изучения летописей. Он ставил задачу «расшивки», разделения составных частей внутри летописных сводов, проводил текстологический анализ, определял места позднейших вставок и сделал полный обзор источников русской истории. В дневнике Никитенко упоминается знакомство с К.Н. Бестужевым-Рюминым в стенах Петербургского университета на стыке времени их деятельности – Никитенко оставил университет в 1864 г., а в 1865 г. Бестужев-Рюмин стал преподавать на кафедре русской истории. Никитенко одобрительно отзывался об исторических публикациях ученого. Несколько трудов историка из серии Народные книги 1864–1865 гг. находятся в библиотеке Никитенко, такие как «О злых временах татарщины и о страшном Мамаевом побоище», «О крещении Руси, о Владимире святом, о сыновьях его и о монастыре Печерском».

Петр Григорьевич Бутков (1775–1857), действительный член Академии наук, сенатор, собрал богатейший материал по русской истории и памятникам древности, который был опубликован Академией после его смерти. Дневник Никитенко содержит трогательную историю их знакомства и последующей дружбы до самой смерти Буткова. Особое внимание хочется обратить на труд Буткова «Оборона летописи Русской Несторовой от навета скептиков» (СПб., 1840), сохранившийся в библиотеке Никитенко с его карандашными пометами. Обширную рецензию на этот труд опубликовал В.Г. Белинский в журнале «Отечественные записки» (1840. Т. XI, № 8), где отметил, что он «составляет важнейшую ученую книгу из всех появившихся в нынешнем году на русском языке» [12. С. 300]. Белинский обозначил суть спора Буткова против скептической школы, отрицающей достоверность летописи Нестора и выражающей сомнения в том, что рукопись была составлена одним человеком. Справедливо отмечая недостаточность материалов для разрешения спора, автор приходит к выводу, который объясняет настоящее положение дел в изучении русского летописания середины XIX в.: «... у нас нет еще летописи (курсив автора), изданной так, чтоб любознательный археолог мог положиться на нее, как на список возможно вернейший. Все, что было издано до сих пор, сделано по отдельным спис-

кам и неполно; во всех изданных донныне списках встречаются разноречия». Возлагая надежды на Археографическую комиссию, которая «одна может дать нам летопись в настоящем ее виде, с вариантами, примечаниями, комментариями, снимками», Белинский выражает надежду на окончание споров о летописях [12. С. 301–302].

А.В. Никитенко не занимался специально летописями как историк, он сосредоточил свой интерес на способах изображения исторических личностей в литературе. Внимательно изучая доступные в то время источники, он интересовался образом летописца Нестора, его образованием, жизнью в монастыре и средствами собирания материалов для летописи.

Упоминания летописца Нестора встречаются в университетских лекциях Никитенко. Самая первая из них, вступительная лекция «О происхождении и духе литературы», призывает прислушаться «к языку в устах простого народа, который еще носит в сердце своем чистые капли крови славянина и варяга» [13. С. 13]. А.В. Никитенко актуализирует собирательный образ летописца: «... возникает пред нами из мрака веков, в лице старца-отшельника, целый сонм сих достопочтенных мужей от Нестора до Авраама Палицына, которые в тишине мирных обителей благоговейно и смиренномудренно блюли священную скинию отечества» [13. С. 13]. В своем программном труде, предлагая новую периодизацию русской литературы, Никитенко сформулировал задачу первого, древнего периода таким образом: «... рассмотрев памятники слова, какие время, пожары и меч не успели истребить, извлечь из них черты, характеризующие начало самобытного настроения нашей мысли. Летописи и Слово о полку Игоря послужат важнейшими для этого источниками» [9. С. 148].

А.В. Никитенко вырабатывал свою концепцию понимания истории русской литературы, тесно связанной с историей русского народа. Его исследовательская позиция проявляется через записи в дневнике по поводу изображения важнейших исторических личностей и эпох. Для понимания позиции человека и гражданина в исторической ретроспективе приведем запись Никитенко о том, как разные историки в своих произведениях создавали образ личности Иоанна IV (Грозного): «Карамзин представляет его каким-то романтическим тираном; Полевой видит в нем великого человека, “могучее орудие” в руках Провидения; Погодин же считает его просто человеком ограниченным» [1. С. 136]. Обобщив позиции других авторов, Никитенко предлагает свое собственное представление: «Иоанн – человек, рожденный с сильной, энергической душой, испорченный дурным воспитанием, развращенный возможностью все делать по своей воле, не находящий преград ей ни в законе, ни в общественном мнении» [1. С. 137]. Эта запись в дневнике от 15 февраля 1834 г. обнаруживает метод чтения исторических произведений, в процессе которого впечатление переходит в обобщение и завершается проявлением личного самосознания. Не пытаюсь оправдать Иоанна эпохой, Никитенко видел в нем лицо человеческое, при этом предъявляя высокие гражданские требования.

Данные размышления основывались на пристальном изучении источников. В библиотеке находится знаменитая «Царственная книга, то есть Летописец царствования царя Иоанна Васильевича» – публикация рукописи XVI в., осуществленная историком М.М. Щербатовым в 1769 г. Это часть Лицевого летописного свода Ивана Грозного, свод событий мировой и русской истории. В оригинале рукопись богато иллюстрирована, но в издании представлена лишь одна гравированная иллюстрация «Восшествие на престол царя Иоанна Васильевича». В предисловии к книге издатель призывает потомков учиться проходить великие испытания «через познание бывших дел». По его словам, изучая историю, люди могут «подражая великим примерам и убегая от вредных поступков, мудрость знатных мужей неким образом себе присвоить» [14. С. [3]]. В книге есть карандашные пометы Никитенко, подчеркивания и его характерное «NB» на полях страниц.

В библиотеке также находится издание «Судебника» и некоторых указов царя Иоанна Грозного в публикации В.Н. Татищева (1786). В дневнике Никитенко оставил запись о посещении Сийского монастыря Архангельской губернии, где видел подлинный «Судебник» Иоанна Грозного, древние грамоты и другие тексты, принадлежащие «к первым эпохам славянского языка» [1. С. 152]. Никитенко не случайно обратил внимание на «Судебник», этот исторический источник имел большое значение для понимания природы крепостного права на Руси. На его основании доказывалось, что до Бориса Годунова в русском обществе рабства не было, и этот факт неоднократно вызывал дискуссии в Комиссии по крестьянскому вопросу [15. С. 11–12]. Никитенко, испытавший на себе тяжесть крепостного права, предельно внимательно относился к подобным источникам.

В целом отношение Никитенко к историческим документам обусловлено желанием найти в них не столько факты прошлого, сколько словесные выражения идей и духовной жизни русского человека. Достижения исторической науки он стремился сверять с ходом литературного процесса, выявлять «дух времени» и в текущих исторических событиях, и в размыш-

лениях о прошлом. «Следуя за народом по путям его истории, мы с жадностью ищем следов его слова, чтобы по ним изучать направление, характер его ума, чувства и воли», – говорит он [9. С. 7]. К источникам по истории литературы Никитенко причислял не только летописи и «исторические предания», но и «простые излияния мысли и чувства» – песни, сказки и прочие произведения «литературы общенародной» [9. С. 73].

Широкая общественно-литературная, научная и служебная деятельность Никитенко была несправедливо оценена в дореволюционный и советский периоды изучения истории литературы как посредственная и малопримечательная: «поверхностный литератор», «заурядный профессор», «взыскательный цензор», который имел значение только как «автор интереснейшего дневника» [1. С. V]. С этих позиций его научное творчество оценивали как деятели конца XIX в., такие как М.Е. Чешихин-Ветринский [16], так и советские и постсоветские исследователи [17].

Только в последние десятилетия эта тенденция меняется. Используя материалы, хранящиеся в архивах РО ИРЛИ РАН, изучая историю преподавания словесности на кафедре, исследователи высоко оценили заслугу профессора Никитенко в определении «научно-педагогического облика кафедры русской словесности на многие годы вперед» [18. С. 21]. В сфере истории и теории литературы ученые уверенно признают Никитенко «одним из предшественников академич<еской> школы» [19. С. 274–275].

Изучая летописи и впервые используя их в своих курсах преподавания русской литературы, профессор не создал обобщающего труда и не испытал жанрового влияния этого явления. Очевидно, его интересовала летопись как исторический источник и как определенная модель коммуникации. Находя в летописях культурно-исторические образы русского сознания, он использовал их в собственной идентификации. Сегодня очевидна необходимость создания многоаспектного междисциплинарного подхода к изучению разрозненных материалов книжного собрания, архива и творческого наследия Никитенко в свете его осмысленного собиранья своей библиотеки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никитенко А.В. Дневник: в трех томах. Л., 1955. Т. 1. 542 с.
2. Никитенко А.В. Моя повесть о самом себе и о том, «чему свидетель в жизни был» // Кившенко Н.Д. Дневник сельской учительницы / редкол.: О.Г. Ласунский и др. Воронеж, 2017. 288 с.
3. Пушкин А.С. Сочинения А.С. Пушкина. Т. 2 / под ред. П.А. Ефремова. СПб., 1880. 448 с.
4. Ястребов Е.В. Сто неизвестных писем русских ученых и государственных деятелей к Василию Марковичу Флоринскому. Томск, 1995. 219 с.
5. Колосова Г.И. Автографы И.А. Гончарова в библиотеке А.В. Никитенко // Из истории книжных фондов библиотеки Томского университета. Томск, 1998. Вып. 3. С. 43–49.
6. Колосова Г.И. А.В. Никитенко и Н.В. Гоголь (По материалам библиотеки А. В. Никитенко, хранящейся в Научной библиотеке Томского государственного университета) // Н.В. Гоголь: Материалы и исследования. М.: ИМЛИ РАН, 2009. Вып. 2. С. 90–107.
7. ИРЛИ (Пушкинский Дом). Рукописный отдел. Фонд А.В. Никитенко № 18105, 18140, 18323, 18227.
8. Манн Ю.В. Историческое направление литературоведческой мысли (1830–1840 годы) // Возникновение русской науки о литературе / редкол. Н.Ф. Бельчиков, А.Л. Гришунин. М.: Наука, 1975. С. 298–332.
9. Никитенко А.В. Опыт истории русской литературы. Кн. I: Введение. СПб., 1845. 152 с.
10. Летопись Несторова по древнейшему списку мниха Лаврентия. Издание профессора Тимковского, прерывающееся 1019 годом. М.: Университет. типогр., 1824. VIII, 106 с.
11. Вовина-Лебедева В.Г. Издание и исследование русских летописей в первой половине XIX в. на фоне европейского опыта // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2011. Вып. 4. С. 3–12.
12. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений / АН СССР. Т. IV: Статьи и рецензии 1840–1841. М., 1954. 673 с.
13. Никитенко А.В. «О происхождении и духе литературы». Вступительная лекция. СПб., 1833. 52 с.
14. Царственная книга, то есть Летописец царствования царя Иоанна Васильевича, от 7042 году до 1761: Напечатан с писменного, которой сыскан в Москве в Патриаршей библиотеке. СПб., 1769. 348 с.

15. Макогоненко Г.П. Из истории формирования историзма в русской литературе // XVIII век. Сборник 13. Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII – начало XIX в. Л., 1981. 290 с.
16. Чешихин-Ветринский М.Е. Два русских общественных типа // Новое слово. СПб., 1894. № 7–8. С. 189–190.
17. Краснов Г.В. при участии Щемелёвой Л.М. Никитенко Александр Васильевич // Русские писатели 1800–1917: биографический словарь. Т. 4: М–П / гл. ред. П.А. Николаев. М., 1999. С. 298.
18. Карпов А.А. Кафедра истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета: эпохи и имена (1819–1919) // Актуальные проблемы изучения и преподавания русской литературы: взгляд из России – взгляд из зарубежья : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 7–9 октября 2010 г. СПб, 2011. С. 11–41.
19. Манн Ю.В. Никитенко // Краткая литературная энциклопедия. Т. 5: МУРАРИ – ПРИПЕВ / гл. ред. А.А. Сурков. М., 1968. 976 стб.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 7 декабря 2020 г.

Aleksandr Nikitenko's Private Library as a “Chronicle of Russian Literature”

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 463, 25–31.

DOI: 10.17223/15617793/463/3

Nataliya V. Goncharova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Nauchka@mail.ru

Keywords: private library; history of Russian literature; chronicle; Aleksandr Nikitenko.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-012-00443.

The article aims to actualize the heritage of Aleksandr Nikitenko, which is the synthesis of his diary and his private library as the laboratory of mental life, and to analyze the way Nikitenko considered Russian chronicles, as well as the degree of their influence on the professor's cultural and historical views. In the history of literature of the pre-revolutionary and Soviet times, Nikitenko was regarded mainly as the author of his diary, which for many years had been considered as the vital source of data of the Russian literature of the 1820s–1870s. At the same time, Nikitenko's research and official activities remained unfairly underestimated by the scholars of the past as being ordinary and unremarkable. Today, there appear studies that highly evaluate Nikitenko's activities in terms of the cultural-historical and aesthetic-literary context of the 19th century. For Nikitenko, the library became the basis on which he built his idea of the world aesthetic and philosophical thought. He formed his professional ideas under the conditions of the creation of Russian literary criticism, changes in the censorship regime, and the sharp change in the political position of the Russian government. Nikitenko compiled his private library while he was developing as a professor of literature at Saint Petersburg University, a critic of Russian literature, and a censor. The article proves that Nikitenko regarded the keeping of the diary and the compiling of the library through the concept of the chronicle. In the study, this concept is presented as a kind of a communicative model, which Nikitenko applied consciously to define himself as the chronicler of Russian literature. The study is based on the systematic method that combines library science and the history of literature for the analysis of various sections of the book collection, for the investigation of common elements in Nikitenko's diary and texts. Nikitenko's library contains publications of chronicles and historical documents, as well as research of historians, including that of his contemporaries whom Nikitenko knew personally. Nikitenko needed the chronicle material to create a new periodization of Russian literature, with its origins from chronicle sources. At that time, teaching was mostly based on Western doctrines, and the problem was to form a coherent idea of the course of Russian literary history. Nikitenko was one of the first to solve the issue of periodization in a historical way. He did not deal specifically with chronicles as a historian; he focused his interest on the ways historical figures were presented in literature, on the images of Nestor the Chronicler, Ivan the Terrible, and others. Collecting chronicles in his library, he used them as sources to investigate verbal expressions of the ideas and mental life of the Russian person rather than facts of the past. Nikitenko was developing his own concept of considering the history of Russian literature, which was delivered in the periodization he proposed, as well as in his articles and university lectures.

REFERENCES

1. Nikitenko, A.V. (1955) *Dnevnik: v trekh tomakh* [Diary: in three volumes]. Vol. 1. Leningrad: GIKhL.
2. Nikitenko, A.V. (2017) *Moya povest' o samom sebe i o tom, "chemu svidetel' v zhizni byl"* [My story about myself and about what “I witnessed in my life”]. In: Kivshenko, N.D. *Dnevnik sel'skoy uchitel'nitsy* [Diary of a rural teacher]. Voronezh: Tsentr dukhovnogo vozrozhdeniya Chernozemnogo kraya.
3. Efremov, P.A. (ed.) (1880) *Sochineniya A.S. Pushkina* [The works of A.S. Pushkin]. Vol. 2. St. Petersburg: Ya.A. Isakov.
4. Yastrebov, E.V. (1995) *Sto neizvestnykh pisem russkikh uchenykh i gosudarstvennykh deyateley k Vasiliyu Markovichu Florinskomu* [One hundred unknown letters from Russian scientists and statesmen to Vasily Markovich Florinsky]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Kolosova, G.I. (1998) *Avtografy I.A. Goncharova v biblioteke A.V. Nikitenko* [The autographs of I.A. Goncharov in the library of A.V. Nikitenko]. In: *Iz istorii knizhnykh fondov biblioteki Tomskogo universiteta* [From the history of the book collections of the Tomsk University library]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University. pp. 43–49.
6. Kolosova, G.I. (2009) *A.V. Nikitenko i N.V. Gogol' (Po materialam biblioteki A. V. Nikitenko, khranyashcheysya v Nauchnoy biblioteke Tomskogo gosudarstvennogo universiteta)* [A.V. Nikitenko and N.V. Gogol' (Based on materials from the library of A.V. Nikitenko, stored in the Research Library of Tomsk State University)]. In: *N.V. Gogol': Materialy i issledovaniya* [N.V. Gogol: Materials and Research]. Vol. 2. Moscow: IWL RAS. pp. 90–107.
7. Institute of Russian Literature (Pushkin House). Manuscript Department. Fund: *A.V. Nikitenko*. Items 18105, 18140, 18323, 18227.
8. Mann, Yu.V. (1975) *Istoricheskoe napravlenie literaturovedcheskoy mysli (1830–1840 gody)* [Historical direction of literary thought (1830s–1840s)]. In: Bel'chikov, N.F. & Grishunin, A.L. (eds) *Vozniknovenie russkoy nauki o literature* [The emergence of Russian science of literature]. Moscow: Nauka pp. 298–332.
9. Nikitenko, A.V. (1845) *Opyt istorii russkoy literatury* [Experience in the history of Russian literature]. Book I. St. Petersburg: vo Frantsuzskoy tip.
10. Nestor. (1824) *Letopis' Nestorova po drevneyshemu spisku mnikha Lavrentiya. Izdanie professora Timkovskogo, preryvayushcheysya 1019 godom* [Chronicle of Nestor according to the most ancient document of monk Lavrentiy. Edition of Professor Timkovsky, ending with the year 1019]. Moscow: Universitet. tipogr.
11. Vovina-Lebedeva, V.G. (2011) *Izdanie i issledovanie russkikh letopisey v pervoy polovine XIX v. na fone evropeyskogo opyta* [Publication and research of Russian chronicles of the first half of the 19th century against the background of European experience]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta – Vestnik of Saint Petersburg University*. 4. pp. 3–12.
12. Belinskiy, V.G. (1954) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. Vol. IV. Moscow: USSR AS.

13. Nikitenko, A.V. (1833) "*O proiskhozhdenii i dukhe literatury*". *Vstupitel'naya leksiya* ["On the origin and spirit of literature." Introductory lecture]. St. Petersburg: tip. N. Grecha.
14. Shcherbatov, M.M. (ed.) (1769) *Tsarstvonnaya kniga, to est' Letopisets tsarstvovaniya tsarya Ioanna Vasil'evicha, ot 7042 godu do 1761: Napechatan s pismennago, kotoroy syskan v Moskve v Patriarshey biblioteke* [The royal book, that is, the Chronicler of the reign of Tsar Ivan Vasilyevich, from 7042 to 1761: Printed from the manuscript found in Moscow in the Patriarchal Library]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
15. Makogonko, G.P. (1981) Iz istorii formirovaniya istorizma v russkoy literature [From the history of the formation of historicism in Russian literature]. In: Makonenko, G.P. (ed.) *XVIII vek. Sbornik 13. Problemy istorizma v russkoy literature. Konets XVIII – nachalo XIX v.* [The 18th century. Collection 13. Problems of historicism in Russian literature. The late 18th – early 19th centuries]. Leningrad: Nauka.
16. Cheshikhin-Vetrinskiy, M.E. (1894) Dva russkikh obshchestvennykh tipa [Two Russian social types]. *Novoe slovo*. 7–8. pp. 189–190.
17. Krasnov, G.V. & Shchemeleva, L.M. (1999) Nikitenko Aleksandr Vasil'evich. In: Nikolaev, P.A. (ed.) *Russkie pisateli 1800–1917: biograficheskiy slovar'* [Russian writers of 1800–1917: biographical dictionary]. Vol. 4. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya. p. 298.
18. Karpov, A.A. (2011) [Department of the History of Russian Literature, St. Petersburg State University: Epochs and Names (1819–1919)]. *Aktual'nye problemy izucheniya i prepodavaniya russkoy literatury: vzglyad iz Rossii – vzglyad iz zarubezh'ya* [Topical issues of studying and teaching Russian literature: a view from Russia – a view from abroad]. Proceedings of the International Conference. St. Petersburg. 7–9 October 2010. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 11–41. (In Russian).
19. Mann, Yu.V. (1968) Nikitenko. In: Surkov, A.A. (ed.) *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya* [Concise literary encyclopedia]. Vol. 5. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.

Received: 07 December 2020

Ю.В. Каминская

КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЕ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ТВОРЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ПОЭТИКИ К. ВАГИНОВА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-312-90027.

Анализируется коллекционирование как творческий принцип, проявляющийся на разных уровнях поэтики лирических и эпических произведений К. Вагинова. Изучаются образы коллекций и архивов, предметно-вещный мир, кумулятивный принцип построения текстов, сюжетопорождающая функция собирательства в мире героев. Показывается, что творчество Вагинова находилось на перекрестке двух стратегий собирательства как опыта реализации культурной памяти: канона и архива.

Ключевые слова: Вагинов; коллекционирование; поэтика выразительности; архив.

Исследование коллективной памяти, являющейся одним из краеугольных камней нацистроительных процессов¹, предполагает обращение не только к общим воспоминаниям, но и к лакунам, т.е. к тому, что намеренно исключается из мемориального ресурса данного общества. Эти «пропуски» характеризуют историко-культурный контекст не менее точно, чем свершившиеся исторические события. А. Ассман по этому поводу заметила: «К забвению в качестве процесса лучше подходить с двух сторон: воспользоваться возможностью наблюдать, как нечто погружается в забвение или же возвращается из него. Такие переходы исторически значимы, они воспринимаются с болью или радостью, поскольку этим затрагивается наше отношение к прошлому, к нашим знаниям, к окружающим нас людям, которое приходится пересматривать» [2. С. 25]. Процесс погружения в Лету или извлечения из нее позволяет проследить изменения в ценностной ориентации общества, которые фиксируются в произведениях искусства: «...в произведении сохраняется и дистиллируется творческая биография, в творческой биографии эпоха, а эпохе – ход истории» [3. С. 29].

А. Ассман считает, что автоматическое забвение, протекающее естественным путем, т.е. нерепрессивное, не используемое государственным аппаратом в качестве инструмента формирования самоидентификации личности граждан, выполняет функцию «фильтра», или «лакмусовой бумажки», для определения границ актуального культурного опыта [2. С. 59]. Именно такой опыт становится одним из критериев определения категории «поколения»: «...поколения возникают не только благодаря дате рождения, но еще и на основе сходного жизненного опыта и сходных реакций на вызовы времени; в результате коммуникации и дискурсов, под воздействием коллективных образцов проработки опыта и благодаря ретроспективным реконструкциям идентичности. <...> то, что конкретное поколение обретает через взаимодействие живого опыта с его последующим осмыслением <...> непосредственно отражается на стиле жизни и житейской практике конкретных индивидуумов, существенно определяя их представления о самих себе и задавая им жизненные ориентиры» [2. С. 372–373]. Одной из таких «реакций на вызовы времени», характерных для некоторых русских писателей, родивших-

ся на рубеже XIX–XX вв., можно назвать практику коллекционирования и систематизации. Катастрофа революций и Гражданской войны в России 1910–1920-х гг. запустила два механизма преодоления забвения значимых имен, фактов и деталей уходящего быта. В культурной антропологии они были описаны как дихотомия «канона» и «архива». По определению А. Ассман, если «канон присваивает определенным артефактам <...> особую ценность и ориентирующую значимость для будущего», то «накопительная память архива, напротив, включает в себя все те следы и реликты прошлого, которые не являются содержанием активной мемориальной культуры» [2. С. 34].

Писатели-систематизаторы, чье становление пришлось на рубеж 1910–1920-х гг., обращаются к этим двум формам памятования, что напрямую отражается на поэтике их произведений. В настоящей статье мы остановимся на втором типе преодоления забвения – архивировании, наиболее последовательно представленном в русской словесности К. Вагиновым.

Уточним основной тезис статьи. Если воспринять практику систематизации и составления каталогов ретроспективно, то, дополняя мысль А. Ассман, в этой практике можно выделить два принципиальных ценностных акцента: если начальные опыты мирописания, например, древние бестиарии, а также генетически восходящие к ним более поздние естественнонаучные таксономии подразумевали абсолютную ценность помещаемых в классификацию объектов (все они в своей отдельности и прихотливой совмещенности свидетельствовали о законченности и совершенстве мира), то производное от модерна «плюшкинское» [4] коллекционирование «вещей» позволяло взглянуть на опыт систематизации с несколько иной точки зрения. Первая разновидность «собираения» будет переключаться с позднейшим опытом выстраивания культурных канонов. Вторая – с неоднозначным сведением воедино «всего подряд», т.е. и необходимым памятью архивированием, деятельностью осмысленной и целенаправленной, и абсурдной попыткой воскресить невоскрешаемое. Позиция Вагинова нам видится близкой к двум последним вариантам культурного каталогизирования.

В мемуарной и научной литературе сложилось реноме Вагинова как «библиофила» и «страстного кол-

лекционера» редких старинных монет и в то же время собирателя рядовых следов уходящей эпохи – папиросных коробок, конфетных бумажек, этикеток и т.д. [5. С. 9–10]. Другой особенностью его творческой личности была литературная «всеядность». По словам самого писателя, он «состоял во всех петербургских поэтических организациях» [6. Л. 1], включая такие группировки, как ОПОЯЗ, «Цех Поэтов», ОБЭРИУ, «Аббатство гаеров», «Кольцо Поэтов им. К.М. Фофанова», «Союз Поэтов», «Звучащая раковина», «Островитяне», эмоционалисты, невеликий кружок Бахтина, АБДЕМ и др. Следы этого филологического и литературного быта нашли отражение уже не в материальных коллекциях, а в построенных по архивному принципу произведениях писателя – «Козлиная песнь» (1928), «Труды и дни Свистонова» (1929), «Бамбочада» (1931).

Внимание Вагинова было сосредоточено не на вершинных точках культуры и быта, а на тех фактах и деталях, которые подлежали забвению в первую очередь – в широком диапазоне от предметов обихода до так называемых бывших людей. Причем если формирование канона как механизм культурной памяти предполагает ограниченный перечень имен или литературных фактов, то архив имеет подчеркнута открытую, незамкнутую структуру и накапливает в себе как значимые, так и незначительные артефакты. Это обстоятельство не только стало ключевым фактором для жизнетворческого сценария Вагинова и образной системы его текстов, но и определило структурные особенности его прозаических произведений, построенных по кумулятивному принципу.

Как известно, жестко закрепленная последовательность функций, выполняемых действующими героями волшебных сказок, была описана В.Я. Проппом [7]. Н.Д. Тамарченко уточнил, что кумулятивный тип сюжета встречается в разных произведениях художественной литературы, а также выделил его основные свойства: «1) замена основной сюжетной ситуации <...> принципом простого (немотивированного) присоединения друг к другу однородных элементов-звеньев: персонажей и / или их действий; 2) сочетание “нанизывания” с нарастанием, поскольку накопление единиц, составляющих сюжет, приближает его к цели; 3) финал, представляющий собой катастрофу – как правило, комическую» [8. С. 106]. Анализ особенностей сюжетостроения произведений К. Вагинова показал, что их главным героям свойственна одна сюжетопорождающая и повторяющаяся функция собирательства. Те персонажи, которые не занимаются систематизацией, сами того не подозревая, нередко являются частью чьего-нибудь собрания. Действие романа развивается как подбор элементов для составляемых героями коллекций и завершается разрушением личности или смертью по достижении цели, т.е. катастрофой. А.К. Жолковский в своей работе «Il catalogo è questo... (К поэтике списков)» кратко заметил, что «фиксация Вагинова-прозаика на коллекционерстве (которым он увлекался в жизни) проявлялась не только в насыщении его текстов соответствующими перечнями, но и в его страсти к каталогизирующей манере повествова-

ния – даже там, где речь не идет о собирании экспонатов» [9. С. 651]. Одним из ключевых приемов в поэтике Вагинова становится «коллекционирование» наблюдений автора, нанизывающего на нить повествования различные детали: «Сидела мать, женщина задумчивая, бледная, на козлах вырисовывался круп кучера, на коленях у матери лежали цветы или коробка конфет, мальчику было лет семь, любил он балет, любил он лысые головы сидящих впереди и всеобщую натянутость, и нарядность. Он любил смотреть, как мама пудрится перед зеркалом, перед тем как ехать в театр, как застегивает обшито блестками платье, как она открывает зеркальный створчатый шкаф и душит платок» [10. С. 19].

Лежащие в основе такого культурного опыта изменения во взаимоотношениях между людьми и вещами, а также тенденция к усилению контроля над материальным миром были обнаружены и проанализированы такими западноевропейскими философами, как М. Фуко [11], Ж. Бодрийяр [12, 13] и В. Беньямин [3]. Объектом рассмотрения в их работах стало показанное с разных сторон коллекционирование. Так, Фуко сформулировал концепцию эпистемологических сдвигов, поясняющую причины возникновения самой возможности сопоставления и систематизации предметов. Беньямин исследовал психологию коллекционера, логику его поступков и причины его обращения к собирательству. А Бодрийяр проанализировал, как вещи помогают своим владельцам замедлять течение времени, а впоследствии и то, как объекты, или «симюлякры», полностью замещают реальность, уничтожая само понятие о ней.

В своих воспоминаниях И.М. Наппельбаум дала следующий портрет Вагинова: «Он был нумизмат, собирал старинные книги, изучал древние языки. Он бродил по толкучкам и выискивал старинные печатки, мундштуки, перстни с камнями, геммами, которые всегда украшали его тонкие, хрупкие смуглые пальцы. Он был беден, но вещи как бы сами шли к нему» [14. С. 91]. С одной стороны, Вагинов коллекционировал то, что, по его мнению, должно было характеризовать прекрасный внутренний мир человека, передавать все его внутреннее богатство, сложность мировосприятия. С другой стороны, эти собрания книг, монет и прочих вещей не имели отношения ни к типичному представителю эпохи, в которой жил писатель, ни к кому-то конкретному из его довольно широкого круга знакомых. Жена автора объясняла природу собирательства Вагинова следующим образом: «Он не привыкал к таким книгам, вроде Шпенглера (философская новинка того времени. – Ю.К.). А вот старинные книги – он к ним привыкал. Я понимаю так, что его интересовал старый язык. И старый мир, который все забыли, а так его можно воскресить» [15. С. 151]. То есть, согласно концепции А. Ассман, Вагинов сопротивлялся естественному течению времени, а именно – окончательному забвению фактов культуры: «Забвение происходит незаметно и повсеместно, а вот памятование является невероятным исключением, требующим особых предпосылок» [2. С. 28]. Под «воскрешением» старого мира, являющегося ключевой задачей писателя, подразумевается его перевод из «архивного» простран-

ства в канон. По наблюдению Н. Чуковского, Вагинов не просто следовал моде на коллекционирование тех или иных фактов быта 1910–1920-х гг., а явился одним из зачинателей этой практики в России: «В отрочестве он коллекционировал старинные монеты. Потом стал собирать спичечные коробки, когда их не собирал еще никто. Одно время он коллекционировал ресторанные меню и всевозможные рецепты приготовления разных диковинных блюд. Всю свою жизнь собирал он старинные, странные и редкие книги» [16. С. 232]. По мнению исследователя, «коллекционирование его проистекало из убеждения в том, что через много лет вещи могут лучше всего рассказать об эпохе, в которую они были сделаны. Так, например, он (Вагинов. – Ю.К.) считал, что очень многое можно понять по старым спичечным коробкам!» [15. С. 151].

Тем не менее отношение Вагинова к революции, новому миру, как отмечали современники, было сложным. По этому поводу Чуковский говорил, что революция для писателя была сравнима с исполинской катастрофой: трагической и прекрасной. Он сравнивал ее со временем гибели язычества в античной философии в первые века христианства, воспринимал «как катастрофу, подобную гибели загнивающей Римской империи под натиском юных варварских племен, наивных, невежественных, но несущих в одряхлевший мир свою животворную кровь. Как катастрофу, несущую освобождение. И не только народу, который он представлял скопищем полудиких людей, никогда не читавших Данте и не умевших отличить рококо от барокко, но и ему самому» [16. С. 338]. Вагинов полагал, что с помощью своих собраний он сумеет запечатлеть слепок эпохи. Этой идеей были одержимы многие в двадцатом столетии, однако именно автор «Козлиной песни» стал по принципу коллекции строить свои художественные произведения.

Как известно, смену веков нередко сопровождают апокалиптические настроения². По мнению философов, собирательство становится одним из действенных механизмов борьбы с хаосом. Неудивительно, что, как показал недавно Р. Николози, «каталогиобразные[e] перечисления» резко актуализируются натуралистическим романом второй половины XIX в., посвященным процессам «вырождения», понимаемого как один из симптомов драматического слома традиционалистского общества и перехода к модерну [18. С. 62]. В. Беньямин дал следующее пояснение данному феномену: «...в каждом из предметов коллекционеру предстает мир, притом мир упорядоченный. Упорядоченный поразительными – более того, профану непонятными – связями. <...> Достаточно вспомнить, насколько значим для любого коллекционера не только его объект, но и все прошлое объекта, так что для его происхождения и характеристики важны и детали вроде бы несущественной истории <...>. Все это, эти “фактические” данные, как и другие, смыкаются для истинного коллекционера в каждом из его владений в целую магическую энциклопедию, в миропорядок, контуры которого – судьба этого предмета. И вот здесь, на этом узком поле, оказывается возможно понять то, как великие физиогномисты (а

коллекционеры – физиогномисты вещного мира) становятся толкователями судьбы» [3. С. 79–80]. Коллекционеры – люди, совершающие попытку привести этот мир в порядок, обрести почву под ногами при быстрой смене исторических вех, потере прежних культурных ориентиров. Для Вагинова и представителей его поколения это была своего рода терапия, механизм адаптации в чуждой среде.

В этом смысле собирательство не является отличительной чертой конкретных персонажей. Человек, усовершенствованный окружающие его предметы и переставший ими владеть, ощутил, как это виделось Ж. Бодрийяру, бессмысленность существования: «Спроецировав себя в связную структуру, человек сам оказывается отброшен в бессвязность. Перед лицом функциональной вещи <...> он – пустая форма, открытая для любых функциональных мифов...» [12. С. 76–77]. Коллекционирование становится одним из способов «приобретения себя» с помощью возвращения ощущения власти над миром («...коллекция может служить нам моделью обладания – здесь эта страсть торжествует победу...» [12. С. 112]; «Чувствуя себя отчужденным, как бы рассеянным в социальном дискурсе, чьи правила ему неподвластны, коллекционер пытается сам воссоздать такой дискурс, который был бы для него прозрачен, чтобы он сам владел его означающими и сам же в конечном счете являлся его означаемым» [12. С. 136]). Таким образом, собирательство героев романов Вагинова стоит воспринимать не только как попытку реанимации экзистенциально важных объектов и, как следствие, культуры прошлого, но и как стратегию выживания и самоидентификации, типичную для русского человека XX в. Естественно, многие исследователи отмечали, что возвращение культуры Античности и Ренессанса являлось одной из центральных тем творчества К. Вагинова, однако стоит уточнить, что текстологическое исследование «Козлиной песни», предпринятое Д.М. Бреслером, А.Л. Дмитренко и Н.И. Фаликовой, убедительно доказывает, что, во-первых, современники восприняли роман совсем иначе («Вероятно, в романе Вагинова Волошин увидел результат такого же меланхолического (“пустого”) собирания обрывочных элементов реальности 1920-х годов» [19. С. 279]), а во-вторых, сам реальный автор, прочитав уже напечатанное произведение, сделал правки, уточнявшие его основной замысел. Так, один из вариантов окончания романа свидетельствует о том, что писатель задумывался над тем, как конкретизировать ключевую мысль текста: «И тут на смертном одре страшная мысль осенила Тептёлкина: он понял, что ради любви он покинул Высокое Возрождение <...> и почувствовал, что мысли его были прекрасны, но что ничтожество людей на много лет помрачило его разум, что он распространил ничтожество людей на идеи, на первообразы, которые ни в коем случае не были ничтожны; и тут, во всей своей славе, явился ему Филострат, но не исторический, а скорей символический и светоносный» [19. С. 165]. В приведенном варианте завершения романа Вагинов акцентирует внимание на духовной гибели Тептёлкина и его предсмертном возрождении, в то время как в печатном

варианте конец жизни главного героя описан однозначно: «Совсем не бедным клубным работником стал Тептёлкин, а видным, но глупым чиновником», – затем в личном экземпляре Вагинов добавил: «Он завел четыре пары брюк и требовал, чтоб к обеду у него каждый день была жареная курица» [19. С. 266]. То есть сам писатель, прочитав уже опубликованный текст, осознал возможную неоднозначность интерпретации произведения, а в попытках прийти к единому выводу, пишет три равноправных варианта завершения, которые так и не дали однозначной трактовки романа в целом и оценки коллекционирования как способа противостояния действительности в частности.

Ж. Бодрийяр более подробно говорил об остановке времени с помощью коллекций, заметив, что они подменяют собой время. Философ отмечал, что главной функцией собирательства является переключение реального времени в план некоей систематики, т.е. «систематизируя время в форме фиксированных, допускающих возвратное движение элементов, коллекция являет собой вечное возобновление одного и того же управляемого цикла, где человеку гарантируется возможность в любой момент, начиная с любого элемента и в точной уверенности, что к нему можно будет вернуться назад, поиграть в свое рождение и смерть» [12. С. 123]. Собирательство как ключевая особенность поэтики Вагинова неоднократно попадала в фокус внимания зарубежных и отечественных литературоведов. Так, одним из первых написал об этом Й. Бак Ваан в статье «Заметки об образе мира у Вагинова». Ученый отметил, что знак имеет даже усиленно материальное, овеществленное значение для героев Вагинова, «поскольку их идеальный мир исторически исчез, но оставил материальные следы» [20. С. 147]. По мысли исследователя, значимым для персонажей является не только Ренессанс, но и Серебряный век, «собирая вещи, они как будто надеются остановить время, если даже не восстановить исчезнувший, лучший мир (ср. к этому также идеи Федорова)» [20. С. 147]. Т.В. Цивьян объясняла тревожность, вызванную неустойчивостью мира, «через активность вытесняющих человека и “забирающих власть” вещей, вырвавшихся из-под контроля. Вещи берут верх своим нерасчлененным, “безудержным” множеством, в котором они теряют индивидуальность, превращаясь через нечто в ничто» [21. С. 131]³. Это безудержное множество вещей, обесценивающее сам факт своего существования, соотносится с концепцией симулякров Ж. Бодрийяра⁴: «Переход от знаков, которые скрывают нечто, к знакам, которые скрывают, что за ними нет ничего, обозначает решительный поворот. Если первые отсылают к теологии истины и тайны (что все еще является частью идеологии), то вторые открывают эру симулякров и симуляции, когда уже не существует Бога, чтобы распознать своих, и Страшного Суда, чтобы отделить ложное от истинного, реальное от его искусственного воскрешения, потому что все уже умерло и воскрешено заблаговременно» [13. С. 13]. Именно таким предстает мир вещей в прозе Вагинова – архивом знаков, когда-то обладавших уникальным смыслом, но теперь способных указы-

вать только на самих себя, таким образом разрушая индивидуальность коллекционера, сосредоточившегося на них.

Рассмотрим, как опыт коллекционирования повлиял на поэтику произведений писателя. Вагинов сначала проявил себя как лирик: был одним из наиболее заметных участников «Цеха поэтов» (несмотря на непонятность его стихов, Н.С. Гумилёв отмечал талант Вагинова⁵), опубликовал несколько поэтических сборников («Путешествие в хаос», «Стихотворения» и др.). В 1921 г. Вагинов написал свою первую повесть «Храм Господа нашего Аполлона» и планировал опубликовать ее в альманахе «Островитян», но этот план не был осуществлен: в 1922 г. произведение было напечатано в «Абраксасе». Уже для ранней поэзии Вагинова характерен кумулятивный принцип построения текстов, который позже станет ключевым для его прозы. Речь идет о неопубликованном первом ученическом сборнике поэта «Парчовая тетрадь». Характерно, что наименования некоторых стихотворений в нем содержат порядковые номера: «Кошмар № 1», «Комната б», «Вторая смерть», «Второе рождение», – поэт словно расставляет тексты по местам в своей коллекции.

Как известно, Вагинов собирал не только монеты и старинные книги, но и сновидения [5. С. 10]. О.В. Шиндина по этому поводу отмечала: «Особенно в поздний период его творчества усиливается изображение “выветривания” содержательной стороны вещи / предмета, исчезновения ее орудийной, обучающей функций и связи с личностным началом человека. Усиление “фиктивной”, иллюзорной стороны вещи приводит ее к смыканию со сферой нематериального, неосязаемого: сновидениями, фантазиями, теньями и т.д., куда могут быть причислены слова, песни и пр.» [22. С. 154]. Соответственно, «Кошмар № 1» не просто стихотворение, но элемент системы, поясняющий мировосприятие автора и подсказывающий направление дешифровки последующих более сложно сконструированных произведений:

Ах, зачем звезды неярки?!

Ах, зачем лихорадочно зелен закат?

Неужели доткали античные Парки

Бесконечную нить и мир смертью объят [25. С. 220]⁶.

Уже здесь обозначена одна из основных тем творчества литератора: чувство экзистенциального ужаса, испытываемого свидетелем постепенной смерти и «загнивания» старого мира. Это ощущение сравнимо с «тоской по мировой культуре» О. Мандельштама⁷ с той разницей, что восхищение от многообразия доступного материала сливается с отчаянием, вызванным отказом окружающих от прошлого. Именно это акцентировал автор в своей художественной системе.

«Комната б» ассоциативно связана с рассказом А.П. Чехова «Палата № 6». Естественно, лирический герой – сумасшедший, однако для автора важна не столько очевидная отсылка к претексту, сколько дальнейшее развитие заявленной в последующих произведениях темы. А. Герасимова заметила: «После этого стихотворения [“У меня на глазах слёзы...”] следовало стихотворение без названия, затем эти странички были заклеены, а текст переписан еще раз

после стихотворения «Опьянение» под названием «Меланхолия». Очевидно, что для автора имел значение порядок расположения текстов в тетради» (курсив наш. – Ю.К.) (264). Стихотворения сборника выстраиваются Вагиновым в определенную последовательность. Читатель, поняв логику ее построения, получает ключ как к каждому элементу системы, так и ко всему целому. Например, в «Комнате б» состояние творческого вдохновения приравнивается к потере возможности рационального восприятия мира, и, как следствие, приобретению определенного социального статуса:

Но иначе я не могу поступать,
Я должен не быть собой,
И слезу умиления ненавижу и гнать,
И рассудок тешить игрой (222).

Обратим внимание на последовательность стихотворений в данной части сборника: «Кокаинист», «Комната б», «Мечтатель», «К Богочеловеку». Во всех текстах представлен образ поэта – коллекция сравнений творческого акта с наркотическим опьянением, сумасшествием, отказом от мирских потребностей (уголения голода, земной любви), брошенным Богу вызовом.

В «Парчовой тетради» есть несколько наборов одноименных стихотворений. Например, три произведения с названием «Луна», два «Опиофага» (к ним присоединяется «Кокаинист»); также есть такие последовательности текстов, как «Ночь», «Утро», «Полдень», «Закат»; «Безумие», «Опьянение», «Меланхолия»; «Ирония», «Изысканность», «Сантиментальность» и т.д. Эти маленькие коллекции завершаются стихотворением «Россия», объединяющим все собрания в систему.

Каждая «коллекция» выполняет свою функцию. Например, три одноименных стихотворения «Луна» с разных сторон раскрывают ключевую тему творчества Вагинова: сохранение прошлого. Луна выступает в качестве посредника между двумя мирами: Античности и современности. Как свидетель всех культурных происшествий Луна ностальгирует по прошлому:

Очень странная была свадьба:
Ухмылялись весело трубы и крыши
И язвительно хихикали подъезды.

Все смеялось лишь две кариатиды
Лениво поддерживали карнизы
И упорно смотрели на панели (225).

Очевидно, что новый мир, реализующийся в обыденных вещных образах, побеждает старый, единственным следом прошлого остаются кариатиды (их образ нельзя соотносить с прочими повседневными предметами, присутствующими в тексте, как минимум из-за намеренной лексической несочетаемости с другими словами).

Во втором стихотворении важным дополнением к заявленной теме является отсутствие у героини развитого внутреннего мира, несмотря на сопричастность к культуре прошлого. Луна выступает не просто посредником между двумя мирами, но и в качестве синтеза двух противоречащих друг другу этикоценностных ориентаций:

И слышала, как хулиганы свистели
Насилуя в будке ребенка.
А затем усмехнувшись мечтала
О своей дорогой Элладе (228).

Такое оксюморонное мировосприятие характерно и для героев романной прозы Вагинова. Именно в образах вещного мира, окружающего персонажей, их коллекций, и реализуется эта трагедия поколения рубежа веков. В попытках сохранить предметы / явления культуры прошлого, создав своеобразный архив, персонажи растворяются в ими же созданных коллекциях и тем самым теряют свою идентичность.

Пассеистические настроения присутствуют и в третьем стихотворении «Парчовой тетради», однако с помощью набора вещей, передающих образ прошлого, заявляется об однозначной невозможности его возвращения: «руины», «обломки колонн», «череп». Так, поэт подытоживает собственные рассуждения о культуре Античности: ее физическое воскрешение неосуществимо, а интерес к истории не гарантирует духовного развития.

На наш взгляд, столь противоречивое мировосприятие К. Вагинова наиболее полно отражено в произведении «Моя душа это – пыльная библиотека...». Оно, по мнению А. Герасимовой, является «лучшим стихотворением [Парчовой] тетради, настоящим прорывом, да еще и с провидческим оттенком» (266). Приведем его здесь полностью:

Моя душа это – пыльная библиотека,
Где стоят разрозненные томики и тома,
Где мак царит наподобье человека
И строит воздушные домики и дома.

Моя душа, как больной туберкулезом,
Все мечтает о солнце с ярким лучом;
Тянет ее к виноградным лозам
Хочется ей не думать ни о чем.

И она, бедная перебирает томики,
Горько плачет над потерянным концом
И в чахоточной дали строит детск<ие> домики
И венчает голову игрушечным венцом (220).

В этом тексте, действительно, есть все: представление души в архивном образе «пыльной библиотеки», того самого хранилища, наполненного многим, но ненужным (оттого уже и покрывшимся пылью); пребывание лирического героя в мире грез, среди «воздушных домиков» с «игрушечным венцом»; осознание бесперспективности и полной безнадежности такого положения, выраженного в «горьких слезах» и сравнении с «большим туберкулезом».

Таким образом, уже в самом начале творческого пути Вагинова была намечена определенная структура построения текстов по типу коллекций. Впоследствии она стала развиваться не только в стихотворных текстах, но и прозаических. Например, в первом романе «Козлиная песнь» все герои стараются остановить смену эпох, сохраняя и по возможности популяризируя культуру прошлого. Все стараются сберечь разные типы вещей, однако ни одно из собраний не выполняет возлагаемой на него функции восстановления, так как процесс архивации предполагает беспоря-

дочное коллекционирование, отсутствие иерархии и, как следствие, невозможность построения четкой ценностной системы. Тептёлкин, главный «трагический» герой, стремится к возрождению литературы Ренессанса («Тептёлкин стал кумиром города. Некоторые студенты принялись изучать итальянский язык, чтобы читать о любви Петрарки и Лауры в подлиннике, другие повторять латынь... Всё чаще устраивались экстраординарные доклады Тептёлкина» [10. С. 67]⁸), Костя Ротиков занимается собирательством безвкусицы («Всякие копилки в виде кукишей, пресс-папье в виде руки, скользящей по женской груди, всякие коробочки с “телодвижениями”, всякие картинки в золотых рамках...» (78)), Миша Котиков задается целью поминутно восстановить биографию известного поэта Заэвфратского («До глубокой ночи он в хронологическом порядке складывал карточки и перевязывал их бечёвками. На обратных сторонах карточек были пейзажи с избами, и гармонистами, и девушками, и части географических карт» (142)), Неизвестный поэт увлекается собиранием древних монет («...на бархате лежали стратеры Александра Македонского, тетрадрахмы Птолемея, золотые, серебряные динарии римских императоров, монеты Босфора Киммерийского, монеты с Изображениями: Клеопатры, Зенобии, Иисуса, мифологических зверей, героев, храмов, треножников, трирем, пальм...» (19)). Неизменным остается метод воздействия на реальность – коллекционирование.

Подобные собрания встречаются и в следующих романах К. Вагинова. Так, например, главный герой «Бомбачады» Торопуло увлекался коллекционированием меню (как и сам К. Вагинов). Собрав круг единомышленников, видевших в собирании фактов быта важнейшую задачу, они определяют, какие предметы им доступны и что еще можно классифицировать: «Конфетные бумажки – у нас уже есть фонд, – кивнул он в сторону Торопуло. – Бумажки от мыла, у меня есть родственница, она уже собирает бумажки от мыла. Коробки из-под папирос, у нас уже есть одна, чрезвычайно важная. Значки организаций, учебных заведений, вносите предложения... Так, тексты вывесок, действительно, вывески бывают разные...» [27. С. 408]. Герои организуют целое сообщество, которое желают легализовать и популяризовать.

Сама система персонажей «Козлиной песни» сконструирована как система человеческих типов. И.М. Напельбаум по этому поводу отмечала: «Вагинов коллекционировал людей, тех, кто выпадал из обычных рамок» [14. С. 92]. Так, под масками героев художник изобразил: Л.В. Пумпянского (Тептёлкин), Н.С. Гумилёва (Заэвфратский), И.А. Лихачёва (Костя Ротиков), В. Марта (поэт Сентябрь), М.М. Бахтина (Философ) [24. С. 9], П.Н. Медведева (Миша Котиков) [28. С. 197] и др. Помимо исключительно собирательского интереса некоторые исследователи усматривают и другие возможные мотивы выведения «карикатурных» портретов в романе. О. Юрьев считает, что «совсем безобидным и со всем соглашающимся он (Вагинов. – Ю.К.), однако же, не был. Мог и ударить в ответ: когда литературовед Пумпянский, большой поклонник Вагинова (что в бахтинском кругу было принято), неожиданно, буквально за ночь,

сделался марксистом и прочитал о Вагинове доклад, до нас не дошедший, но, судя по всему (на языке той эпохи), “вульгарно-социологический”, Вагинов обиделся (об этом нет свидетельств, это скорее предположение) и породил вечную фигуру Тептёлкина, пугающую читателя демонической ученой пошлостью» [29. С. 229].

Архивация артефактов эпохи действительно приносит изменения, но не те, на которые рассчитывали герои. Изначально цель была едина для всех – улучшение современности, ввергнутой в хаос резких культурных перемен, ведь, как отмечал В. Беньямин, «потребность в накоплении – один из предвестников смерти как индивида, так и общества. Она обостряется в предпаралитический период» [3. С. 81]. Однако изменился не окружающий мир, а сами герои. Вещи, согласно суждениям немецкого философа, влияют на хозяина: «Едва он берет их в руки, как они словно одухотворяют его, он, словно волшебник, созерцает через них незримые дали» [3. С. 80]. Например, так в романе описано преобразование Неизвестного поэта, рассматривавшего приобретенные «сокровища»: «Купленные монеты опускаются в отдельные конвертики, конвертики в большой конверт. Придя домой, мальчик, доставал лупу, огромную как круглое окно, садился на дубовый табурет перед столом, раскладывал приобретенные монеты и совершал путешествия во времени, пока не проходил мимо комнаты отец в бухарском халате в столовую...» (19). А в «Бамбачаде» Торопуло во время чтения журнала «Восток» начинает преобразовываться: «Кусты красного винограда огненного цвета, как вино, сладостно сковывают самую кровь. Ветки апельсинов и свежая листва лимонов, финиковые рощи по всем углам... Сад, словно кудесник, наполнил комнату Торопуло; дыни лежали у ног его пестрыми ларцами» [27. С. 391]. Прозрение юного Неизвестного поэта и погружение Торопуло в мир грез схоже с состоянием лирического героя «Парчовой тетради» во время наркотического опьянения:

Какое дело мне, что где-то жизнь идет
Во мне весь мир и в миге я меняюсь,
И для меня минута – целый год... [25. С. 215].

Рассматривание коллекции или представление ее, как и прием наркотических средств, останавливают время, погружают героя в потусторонний мир, отрывая от реальности. И подобные изменения происходят со всеми героями-коллекционерами «Козлиной песни», а Неизвестный поэт даже рассуждает о концепции опьянения «как средства познания» (25). Тем не менее метаморфозы на этом не заканчиваются.

Коллекционирование начинает разрушать героев изнутри. Как мы помним, Ж. Бодрийяр определял причины безумия следующим образом: «Вопрос в том, создается ли вообще коллекция для того, чтобы стать завершенной, и не играют ли в ней основополагающую роль лакуны – роль позитивную, ибо именно в лакунах субъект и обретает себя объективно; появление конечного члена серии означало бы, по сути, смерть субъекта, отсутствие же его позволяет субъекту лишь играть в свою смерть, изображая ее как вещь, а тем самым и заклиная ... Собственно, безумие начи-

нается как раз тогда, когда коллекция замыкается и теряет ориентацию на этот недостающий член» [12. С. 119]. Если канон предполагает изначальную закрытость и затрудненность включения новых элементов, то коллекция, как и архив, является открытой структурой, не предъявляющей специальных требований к включению предметов, это процесс кумулятивный. Именно замыкание коллекции происходит в случае «гоголевских» двойников Котикова и Ротикова, чьи фамилии на фоно-семантическом уровне текста сами по себе образуют краткую таксономию. Миша Котиков собрал все факты биографии о своем любимом поэте – Александре Петровиче Заэвфратском. После завершения своего собрания персонаж полностью переходит в созданную им систему и становится одной из ее составных частей, а именно самим Заэвфратским: «По вечерам Миша Котиков рисовал – ведь рисовал в свое время Александр Петрович. Старался Миша Котиков брать те же краски, писать теми же тонами, по возможности теми же кистями. Они нашлись в комодке Екатерины Ивановны. Кроме того, он добывал заграничные краски у бывших любителей, детей богатых семейств, и по вечерам он сидел с кистью в руке перед мольбертом, а когда уставал рисовать, читал книжки, которые любил читать Заэвфратский. Вся жизнь для него была в образе Заэвфратского» (148). В случае же Кости Ротикова герой «потерял ориентацию на недостающий член», т.е. он окончательно перестал контролировать собирание вещей: он приобретал абсолютно все, что относилось к безвкусице, а не только, например, кукиши или порнографические картинки. Следовательно, количество предметов настолько не ограничивалось, а пополнение коллекции происходило с такой скоростью, что в итоге вещи начали владеть им, а не наоборот: «Весь мир незаметно превращался для Кости Ротикова в безвкусицу, уже ему больше доставляли эстетических переживаний изображения Кармен на конфетной бумажке, коробке, нежели картины венецианской школы и собачки на часах, время от времени высовывающие язык, чем Фаусты в литературе» (117)⁹.

Несчастный финал для собирателей порнографии и любовниц Заэвфратского в «Козлиной песни» очевиден для читателя с самого начала. Гибель же Неизвестного поэта (физическая) и Тептёлкина (духовная) может вызвать вопросы. Оба героя коллекционируют по-настоящему прекрасные вещи культуры прошлого, однако конец их жизни так же печален, как Котикова и Ротикова. Разрушение личности становится итогом жизни и главного героя второго романа К. Вагинова – «Труды и дни Свистонова». Мужчина, собиравший человеческие типы и ставший писателем, изображавшим их в своей книге, в конце концов сам стал частью собственного романа. Текст поглотил его: «Наконец он почувствовал, что он окончательно заперт в своем романе. Где бы Свистонов ни появлялся, всюду он видел своих героев. У них были другие фамилии, другие тела, другие волосы, другие манеры, но он сейчас же узнавал их. Таким образом Свистонов целиком перешел в свое произведение» [27. С. 333].

Так как в конце XIX – начале XX в. собирание стало системным явлением [13. С. 6], то в разных

национальных культурах появлялись свои писатели-«архивариусы». Одним из главных предшественников Вагинова-коллекционера в западноевропейской литературе был Ш. Бодлер¹⁰, творчеством которого он интересовался [25. С. 250–251]. В. Беньямин охарактеризовал французского поэта следующим образом: «Древнее притязание на бессмертие он ощущал как собственное притязание на то, чтобы однажды быть прочитанным так, как читают античных авторов. <...> Ничто для него в эпоху, которая досталась ему самому, не оказывалось ближе всего к “заданиям” античного героя <...> как задача, поставленная им самому себе: придать современности характерную форму» [34. С. 90]. Главные герои «Козлиной песни» именно в такой вид и пытаются преобразить погибающий Санкт-Петербург (уже Петроград), но, как отмечает философ, «в чем в конечном итоге современность проникновеннее всего роднится с античностью, так это именно в бренности» [34. С. 92]. Далее Беньямин развил эту мысль следующим образом: «Бодлер хочет, чтобы его читали как античного автора. ... Современность, по крайней мере, осталась верна себе, а вот античность, которая должна была в ней скрываться, оказалась на деле образом устаревшего» [34. С. 101]. Античность не смогла вновь дать Франции культурную почву так же, как культура Ренессанса и вообще все до-революционное не нашли себе места в Петрограде, а затем в Ленинграде.

Идея самоидентификации с античным автором очевидно находит воплощение в образе Филострата. В самом начале «Козлиной песни» читаем: «Гулял ли Тептёлкин по саду над рекой, играл ли в винт за зеленым столом, читал ли книгу, – всегда рядом с ним стоял Филострат. Неизреченной музыкой было полно все существо Филострата, прекрасные юношеские глаза под крылами ресниц смеялись, длинные пальцы, унизанные кольцами, держали табличку и стиль. Часто шел Филострат и как бы беседовал с Тептёлкиным. – Смотри, – казалось Тептёлкину, говорил он, – следы, как Феникс умирает и возрождается» (16). Главный герой верит в воскрешение старой культуры, а в роли того, кто ее возродит, видит себя. Вообще все герои «мнят себя частью некоего Филострата, осыпающегося вместе с последними осенними листьями, падающего вместе с домами на набережную, разрушающегося вместе с прежними людьми» (81). А в конце романа читаем: «Вместе с Тептёлкиным старел Филострат – теперь он стал для Тептёлкина сухеньким бритым старичком с болтающимися кольцами на пальцах, составителем придворного романа. Еще некоторое время слабенькая и ненавистная тень следовала за Тептёлкиным, наконец и она пропала» (118). Так прослеживается постепенное разочарование героев и самого автора в идее актуальности культуры прошлого для современности: уверенность в идее воскрешения исчезает вместе с Филостратом. Получается, что коллекционирование по-настоящему красивых и бесценных вещей в inferнальном пространстве советского Ленинграда приравнивается к собиранию безвкусицы. Попытка систематизации, упорядочивания фактов прошлого или настоящего не приводит ни к каким результатам, кроме как к разочарованию в жизни или полной потере идентичности.

В терминах поэтики выразительности коллекционирование представляет собой повторение, т.е. «увеличение в числе» [35. С. 44]. Принимая во внимание количество собраний, представленных в «Козлиной песни» и других романах, мы можем соотнести этот процесс с усиленным повтором. Данный прием выразительности является основополагающим для прозаического творчества Вагинова. Так, коллекции проецируются на разные уровни поэтики романа, в том числе и на систему персонажей. Например, перечень старинных денег Неизвестного поэта соотносится с системой персонажей романа. При описании коллекции писатель дотошно перечисляет и тем самым словно воскрешает имена тех, кто изображен на аверсе монет: «...стратеры Александра Македонского, тетрадрахмы Птолемея, золотые, серебряные динарии римских императоров, монеты Босфора Киммерийского, монеты с изображениями: Клеопатры, Зенобии, Иисуса» (19). Все они – великие личности, лица своей эпохи, ушедшие в прошлое и «больше не существующие». По тому же принципу были собраны герои «Козлиной песни», «Бамбочады»: представители уже завершённой эпохи, постепенно деградировавшие и окончательно либо слившиеся с настоящим, либо иным способом переставшие существовать. То же можно сказать и о двух собраниях Миши Котикова: коллекции вещей и любовниц Заэвфратского. Между

Котиковым и еще одним почитателем ушедшего из жизни поэта состоялся разговор о вещах: «Значит, Александр Петрович пережил какую-то внутреннюю драму или ухудшение экономического положения. По платку мы можем восстановить и душу, и экономическое состояние владельца» (54). Собираемые бессмысленные предметы и таких же фактов жизни Заэвфратского соотносятся с описанием женщин, с которыми он вступал в связь¹¹. Эта избыточность вещей и постоянно меняющихся любовниц проецируется на захламленность всего художественного пространства. Речь не только о Заэвфратском и Котикове, оказавшимися заложниками архива накопившихся вещей, но и обо всем художественном мире, созданным автором. Пространство заполнено собраниями персонажей и вещей.

Таким образом, коллекционирование «архивных» материалов, не принадлежащих современности, не представляющих для нее актуальности, не улучшает новую реальность и не помогает героям произведений Вагинова «систематизировать» хаос. Но само создание архива «бывших людей», деталей и предметов быта уходящей эпохи позволяет в перспективе преодолеть забвение и сохранить память о них после смены культурной парадигмы. Эта идея появляется в ранней лирике К. Вагинова и постепенно развивается в его прозаическом творчестве, определяя ключевые уровни поэтики его произведений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Еще в 1882 г. Э. Ренан в своем докладе заявил, что «разделять в прошлом общую славу и общие сожаления, осуществлять в будущем ту же программу, вместе страдать, наслаждаться, надеяться, вот что лучше общих таможен и границ, соответствующих стратегическим соображениям; вот что понимается, несмотря на различия расы и языка» [1. С. 101]. Современные исследователи культурной памяти (А. Ассман, Я. Ассман и др.) развивают свои концепции на базе данного утверждения.

² См., например, статью К.И. Чуковского «Самоубийцы» [17].

³ Ср. наблюдение О.В. Шиндиной: «...образ вещи в ее буквальном воплощении широко представлен мотивом коллекционирования, каталогизирования, обмена-дарения, который играет интертекстуальную роль введения в текст экфрасисов, что существенно расширяет контекст произведений писателя за счет отсылок к античной и ренессансной культуре. Семантический потенциал вещи, ее индивидуальность и эстетическая самоценность изображаются им двойственно, в момент перехода из нечего в ничто» [22. С. 153–154].

⁴ Именно с опорой на концепцию симулякров М. Липовецкий проанализировал второй роман К. Вагинова «Труды и дни Свистонова» [23].

⁵ «...его поэзия, которую современники сравнивали со снами, живописью Чюрлениса, не укладывалась в цеховые рамки» [24. С. 5]; «Наш Мэтр – истый акмеист, чья поэзия была закована в стальные рамки формы, чьи строфы, строки, слова отшелкивались, как градинки о железный лист подоконника, он – наш Мэтр, с ясным, как небосклон, мировоззрением, с зеркальной эстетикой, – он замирал и, не противясь, входил в призрачный сад поэзии Константина Вагинова» [14. С. 91].

⁶ Далее в круглых скобках указываются страницы по изданию: Вагинов К. Песня слов. М. : ОГИ, 2012. 368 с. В приведенных фрагментах сохранена авторская орфография и пунктуация.

⁷ «Ныне происходит как бы явление глоссопалии. В священном иступлении поэты говорят на языке всех времен, всех культур. Нет ничего невозможного. Как комната умирающего открыта для всех, так дверь старого мира настежь распахнута перед толпой» [26. С. 42].

⁸ Далее в круглых скобках указываются страницы по изданию: Вагинов К. Козлиная песнь. Романы. М. : Современник, 1991. 592 с.

⁹ Более подробно о вещном мире в творчестве писателей см. работы А. Чудакова [30], Л. Гинзбург [31], В. Топорова [32].

¹⁰ См. об антиномичности русской культуры и схожем процессе замещения французского символизма и «Парнаса» в России работу М.Л. Гаспарова [33].

¹¹ Ср. с известным культурным феноменом «донжуанского списка», модель которого дана в опере Моцарта «Дон Жуан».

ЛИТЕРАТУРА

1. Ренан Э. Что такое нация? // Собрание сочинений : в 20 т. Т. 6. Киев : Издание Б.К. Фукса, 1902. С. 89–102.
2. Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. М. : Новое литературное обозрение, 2019. 552 с.
3. Беньямин В. О коллекционерах и коллекционировании. М. : ЦЭМ; V-A-C press, 2018. 104 с.
4. Топоров В.Н. Вещь в антропологической перспективе (апология Плюшкина) // Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М. : Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. С. 7–111.
5. Никольская Т.Л. Трагедия чудаков // Вагинов К.К. Козлиная песнь; Труды и дни Свистонова; Бамбочада. М. : Художественная литература, 1989. С. 5–18.
6. Вагинов К. Автобиография и два стихотворения // ОР ИРЛИ РАН. Р. I. Оп. 4. Ед. хр. 2. Л. 1–3.
7. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М. : Лабиринт, 2001. 192 с.
8. Тамарченко Н.Д. Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий. М. : Изд-во Кулагиной, Intrada, 2008. 358 с.
9. Жолковский А.К. Il catalogo è questo... (К поэтике списков) // Поэтика за чайным столом и другие разборы. М. : Новое литературное обозрение, 2014. С. 585–666.
10. Вагинов К. Козлиная песнь. Романы. М. : Современник, 1991. 592 с.
11. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб. : А-сэд, 1994. 407 с.

12. Бодрийяр Ж. Система вещей. М. : РИПОЛ классик, 2020. 256 с.
13. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М. : Изд. дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с.
14. Наппельбаум И.М. Памятка о поэте // Четвертые Тьняновские чтения. Рига, 1988. С. 89–95.
15. Кибальник С.А. Ненаписанные воспоминания. Интервью с Александрой Ивановной Вагиновой // Волга. 1992. № 7–8. С. 146–155.
16. Чуковский Н.К. Литературные воспоминания. М. : Советский писатель, 1989. 336 с.
17. Чуковский К.И. Самоубийцы // Собрание сочинений : в 15 т. Т. 7. Литературная критика 1908–1915. М. : Агентство ФТМ, 2012. С. 561–574.
18. Николози Р. Вырождение: литература и психиатрия в русской культуре конца XIX века. М. : Новое литературное обозрение, 2019. 512 с.
19. Вагинов К.К. Козлиная песнь : Роман / подг. текста, ком. Д.М. Бреслера, А.Л. Дмитренко, Н.И. Фаликовой. СПб. : Вита Нова, 2019. 424 с.
20. Бак Ваан Й. Заметки об образе мира у Вагинова // «Вторая проза»: Русская проза двадцатых–тридцатых годов XX века. Trento: Università degli Studi di Trento, 1995. С. 145–152.
21. Цивьян Т.В. К семантике и поэтике вещей // Семиотические путешествия. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. С. 121–144.
22. Шиндина О.В. Художественный и научный дискурсы 1920-х годов. Тьняновский подтекст образа литератора в художественном мире Константина Вагинова // Логос. 2014. № 3. С. 145–164.
23. Липовецкий М. Паралогии. Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. М. : Новое литературное обозрение, 2008. 848 с.
24. Никольская Т.Л. Константин Вагинов: его время и книги // Вагинов К.К. Козлиная песнь: Романы. М. : Современник, 1991. С. 3–11.
25. Вагинов К. Песня слов / вступ. ст. и примеч. А. Герасимовой. М. : ОГИ, 2012. 368 с.
26. Мандельштам О. Слово и культура // Слово и культура : статьи. М. : Советский писатель, 1987. С. 39–42.
27. Вагинов К. Козлиная песнь; Труды и дни Свистонова; Бамбочада. М. : Художественная литература, 1989. 477 с.
28. Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным. М. : Издательская группа «Прогресс», 1996. 342 с.
29. Юрьев О. От звукоподражания до звукоподобия: Константин Вагинов, поэт на руинах // Звезда. 2016. № 6. С. 227–237.
30. Чудаков А. Слово – вещь – мир. От Пушкина до Толстого. М. : Современный писатель, 1992. 320 с.
31. Гинзбург Л. О лирике. М. : Интрада, 1997. 408 с.
32. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М. : Наука, 1983. С. 227–184.
33. Гаспаров М.Л. Антиномичность поэтики русского модернизма // Избранные статьи. М. : Новое литературное обозрение, 1995. С. 286–304.
34. Беньямин В. Бодлер. М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. 224 с.
35. Жолковский А.К. Порождающая поэтика в работах С.М. Эйзенштейна // Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. Работы по поэтике выразительности: Инварианты – Темы – Приемы – Текст. М. : Издательская группа «Прогресс», 1996. С. 37–53.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 30 декабря 2020 г.

Collecting as a Fundamental Creative Principle of Konstantin Vaginov's Poetics

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 463, 32–41.

DOI: 10.17223/15617793/463/4

Yuliya V. Kaminskaya, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: yuliaglazkova96@mail.ru

Keywords: Vaginov; collecting; poetics of expressiveness; archive.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-312-90027.

The article analyzes collecting as a creative principle which manifests at different levels of the poetics of Konstantin Vaginov's lyric and epic works. The aim of the article is to investigate how this principle is implemented in the author's literary texts. The materials for the study were Vaginov's poetry anthology *Parchovaya Tetrad'* [A Brocade Notebook], his novels *Kozlinaya Pesn'* [Goat Song], *Trudy i Dni Svistonova* [Works and Days of Svistonov] and *Bambocciata*, and also archival sources (the writer's *Autobiography*, 1923), ego-documents and memoirs of his contemporaries. The methodological basis of the research was A. Assmann's works on cultural memory; works on structural poetics by V. Ya. Propp, N. D. Tamarchenko, A. K. Zholkovsky, and Yu. K. Shcheglov; articles on the poetics of the objective world by A. P. Chudakov, L. Ya. Ginzburg, and V. N. Toporov; philosophical works by W. Benjamin, J. Baudrillard, and M. Foucault on the phenomenon of collecting. According to the practice of systematizing, complementing Assmann's thought, two fundamental value accents can be distinguished there: if the initial experiences of world description implied the absolute value of objects placed in the classification ("canon"), then Plyushkin-like collecting of "things", derived from modernity, made it possible to look at the experience of systematization from a slightly different point of view ("archive"). The work shows that archiving is typical to Vaginov. So, in the first poetry collection, *Parchovaya Tetrad'*, poems are organized according to the theme, some works also have a serial number, occupying a certain place in the author's collections. Throughout the collection, a complex author's logic can be traced in the transitions from one set of texts to another. All of them end with the poem "Rossiya" [Russia], which unites all the poems into a system. The further stage of the research was the analysis of the writer's prose. As the research demonstrates, Vaginov's novels present a more complex implementation of the same principle. The characters are fond of collecting different things: from objects of ancient culture to restaurant menus and pornographic pictures. However, the characters' collections characterize them, thus relating them to other levels of poetics and realizing the fundamental principle of constructing the text. The article concludes that Vaginov's intention to structure the cultural chaos in which he suddenly found himself is manifested in his works. Collecting "archival" materials that do not belong to modernity and are irrelevant to it does not in any way affect the development of the new world and does not help the characters of the works find their place in life. However, the creation of an archive of "former people", the details and household items of the departing epoch allows overcoming oblivion in the future and preserving their memory after the change of the cultural paradigm.

REFERENCES

1. Renan, E. (1902) *Sobranie sochineniy: v 20 t.* [Collected works: in 20 volumes]. Vol. 6. Kyiv: Izdanie B.K. Fuksa. pp. 89–102.
2. Assmann, A. (2019) *Zabvenie istorii – odezhimost' istoriy* [Historical Oblivion, Historical Obsession]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
3. Benjamin, W. (2018) O kolleksionerakh i kolleksionirovani [About collectors and collecting]. Translated from German. Moscow: TsEM; V-A-C press.
4. Toporov, V.N. (1995) *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe* [Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the field of the mythopoetic: Selected works]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa "Progress" – "Kul'tura". pp. 7–111.

5. Nikol'skaya, T.L. (1989) Tragediya chudakov [The tragedy of eccentrics]. In: Vaginov, K.K. *Kozlinaya pesn'; Trudy i dni Svistonova; Bambochada* [Goat Song; Works and Days of Svistonov; Bambocciada]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 5–18.
6. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature, RAS. Vaginov, K. *Avtobiografiya i dva stikhotvoreniya* [Autobiography and two poems]. Fund I. List 4. Item 2. Pages 1–3.
7. Propp, V.Ya. (2001) *Morfologiya volshebnoy skazki* [The morphology of a fairy tale]. Moscow: Labirint.
8. Tamarchenko, N.D. (2008) *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy* [Poetics: a dictionary of current terms and concepts]. Moscow: Izd-vo Kulaginoy, Intrada.
9. Zholkovskiy, A.K. (2014) *Poetika za chaynym stolom i drugie razbory* [Poetics at the tea table and other analyses]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 585–666.
10. Vaginov, K. (1991) *Kozlinaya pesn'. Romany* [Goat Song. Novels]. Moscow: Sovremennik.
11. Foucault, M. (1994) *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences]. Translated from French. St. Petersburg: A-cad.
12. Baudrillard, J. (2020) *Sistema veshchey* [The system of objects]. Translated from French. Moscow: RIPOL klassik.
13. Baudrillard, J. (2015) *Simulyakry i simulyatsii* [Simulacra and Simulation]. Translated from French. Moscow: Izd. dom "POSTUM".
14. Nappel'baum, I.M. (1988) Pamyatka o poete [Memo about the poet]. In: *Chetvertye Tynyanovskie chteniya* [Fourth Tynyanov readings]. Riga: Zinantne. pp. 89–95.
15. Kibal'nik, S.A. (1992) Nenapisannye vospominaniya. Interv'yu s Aleksandroy Ivanovnoy Vaginovoy [Unwritten Memories. Interview with Alexandra Ivanovna Vagina]. *Volga*. 7–8. pp. 146–155.
16. Chukovskiy, N.K. (1989) *Literaturnye vospominaniya* [Literary memoirs]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
17. Chukovskiy, K.I. (2012) *Sobranie sochineniy: v 15 t.* [Collected works: in 15 volumes]. Vol. 7. Moscow: Agentstvo FTM. pp. 561–574.
18. Nikolosi, R. (2019) Vyrozhdenie: literatura i psikiatriya v russkoy kul'ture kontsa XIX veka [Narrating Degeneration. Literature and Psychiatry in 1880s and 1890s Russia]. Translated from German. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
19. Vaginov, K.K. (2019) *Kozlinaya pesn': Roman* [Goat Song: Novel]. St. Petersburg: Vita Nova.
20. Bak Vaan, J. (1995) Zametki ob obraze mira u Vagina [Notes on the image of the world in Vaginov]. In: *"Vtoraya proza": Russkaya proza dvadtsytkh–tridsytkh godov XX veka* ["Second prose": Russian prose of the twenties and thirties of the twentieth century]. Trento: Università degli Studi di Trento. pp. 145–152.
21. Tsiv'yan, T.V. (2001) *Semioticheskie puteshestviya* [Semiotic journeys]. St. Petersburg: Izd-vo Ivana Limbakha. pp. 121–144.
22. Shindina, O.V. (2014) Art and Science Discourses of the 1920s. Tynyanov and the Image of Man of Letters within the Artistic Universe of Konstantin Vaginov. *Logos*. 3. pp. 145–164. (In Russian).
23. Lipovetskiy, M. (2008) *Paralogii. Transformatsii (post)modernistskogo diskursa v russkoy kul'ture 1920–2000-kh godov* [Paralogies. Transformations of (post)modernist discourse in the Russian culture of the 1920s–2000s]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
24. Nikol'skaya, T.L. (1991) Konstantin Vaginov: ego vremena i knigi [Konstantin Vaginov: his time and books]. In: Vaginov, K.K. *Kozlinaya pesn': Romany* [Goat Song: Novels]. Moscow: Sovremennik. pp. 3–11.
25. Vaginov, K. (2012) *Pesnya slov* [A song of words]. Moscow: OGI.
26. Mandel'shtam, O. (1987) *Slovo i kul'tura: stat'i* [Word and culture: articles]. Moscow: Sovetskiy pisatel'. pp. 39–42.
27. Vaginov, K. (1989) *Kozlinaya pesn'; Trudy i dni Svistonova; Bambochada* [Goat Song; Works and Days of Svistonov; Bambocciada]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
28. Duvakin, V.D. (1996) *Besedy V.D. Duvakina s M.M. Bakhtinym* [Conversations of V.D. Duvakin with M.M. Bakhtin]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa "Progress".
29. Yur'ev, O. (2016) Ot zvukopodrazhaniya do zvukopodobiya: Konstantin Vaginov, poet na ruinakh [From sound imitation to sound similarity: Konstantin Vaginov, poet on the ruins]. *Zvezda*. 6. pp. 227–237.
30. Chudakov, A. (1992) *Slovo – veshch' – mir. Ot Pushkina do Tolstogo* [Word – thing – world. From Pushkin to Tolstoy]. Moscow: Sovremennyy pisatel'.
31. Ginzburg, L. (1997) *O lirike* [On the lyrics]. Moscow: Intrada.
32. Toporov, V.N. (1983) Prostranstvo i tekst [Space and text]. In: Tsiv'yan, T.V. (ed.) *Tekst: semantika i struktura* [Text: semantics and structure]. Moscow: Nauka. pp. 127–184.
33. Gasparov, M.L. (1995) *Izbrannye stat'i* [Selected articles]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 286–304.
34. Benjamin, W. (2015) *Bodler* [Baudelaire]. Translated from German. Moscow: Ad Marginem Press.
35. Zholkovskiy, A.K. (1996) Porozhdayushchaya poetika v rabotakh S.M. Eyzenshteyna [Generative poetics in the works of S.M. Eisenstein]. In: Zholkovskiy, A.K. & Shcheglov, Yu.K. *Raboty po poetike vyrazitel'nosti: Invarianty – Temy – Priemy – Tekst* [Works on the poetics of expressiveness: Invariants – Themes – Techniques – Text]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa "Progress". pp. 37–53.

Received: 30 December 2020

Е.Е. Надточий

К ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ЖАНРА НЕКРОЛОГА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: НЕКРОЛОГИ Н.М. КАРАМЗИНА

Анализируются первые писательские некрологи, опубликованные в России в начале XIX в. Рассматриваются закономерности становления жанра в период формирования новой эмоциональной культуры. Акцентируется изменение в восприятии смерти, принципиальное для некролога. Устанавливаются ключевые моменты трансформации жанра в некрологах Н.М. Карамзина о И.Ф. Богдановиче (1803). Делается вывод о том, что Н.М. Карамзин переносит акцент со служебных заслуг на «жизнь сердца» своего героя, смерть которого становится поводом для рассказа об истории личности.

Ключевые слова: некролог; Н.М. Карамзин; И.Ф. Богданович; сентиментализм; «Вестник Европы».

Первые российские некрологи писателям появляются в периодике начала XIX столетия. Ю.М. Лотман отмечает, что именно на рубеже веков все страсти, помыслы и желания были сосредоточены на земной жизни, а смерть являлась моментом, в котором пересекались христианские представления о бессмертии души с восходившими к античности идеями посмертной славы [1. С. 210]. В период главенства сентименталистской поэтики идеологом новой эмоциональной культуры становится Н.М. Карамзин. Ему и принадлежит авторство первого отечественного некролога. По мнению Т.Б. Фрик, понимание и осознание конечности человеческого бытия во многом определяют характер философских размышлений писателя, его моральных максим [2. С. 160].

Системное изучение жанра некролога, как он представлен в русской литературе XIX в., еще не производилось. Это касается и такой его разновидности, как некролог писателю. В настоящее время можно найти лишь несколько работ, посвященных данной теме. Так, социолог литературы А.И. Рейтблат предложил рассматривать некролог как биографический жанр, в котором, на его взгляд, акцентирована, прежде всего, общественная полезность умершего [3. С. 196]. Теоретик и историк журналистики А.А. Тертычный вписывает некролог в систему информационных жанров, где первостепенным является сообщение о факте смерти [4. С. 56]. Эти исследования оперируют ограниченным историко-литературным материалом и не претендуют на реконструкцию истории жанра в ее полноте.

Между тем изучение некролога, а нас интересует, прежде всего, некролог писателю, связано, с одной стороны, с чрезвычайно актуальными междисциплинарными направлениями современных гуманитарных наук – исследованиями исторической памяти и персональной истории, мемориальной культуры, культурного канона, а с другой – с важными вопросами истории русской литературы, взятой и в своем эстетическом измерении, и в аспекте институциональном. Некролог фиксирует в памяти современников определенный образ ушедшего из жизни кем-либо примечательного лица и тем самым запускает в действие сложные процессы увековечивания или забвения, наращивания символического капитала (П. Бурдьё) или его уменьшения, последующей культурной канонизации или деканонизации. Появление некрологиче-

ских текстов инициируется разными институтами литературы – литературными «патронами» (монархами, вельможами, меценатами, покровителями, начальниками и руководителями), дружескими сообществами, литературными группами и направлениями – и в сильной степени зависит от внутринституциональной культуры. Сложно переоценить значение некролога как отправной точки вхождения в национальный литературный канон или исключения из него. Наконец, некролог является отражением эстетики и поэтики эпохи в ее существенно важном вопросе репрезентации жизни и смерти.

Данная статья предпринимает лишь первые шаги в осмыслении этого комплекса проблем, обращаясь к локальному материалу – первым некрологам Н.М. Карамзина о И.Ф. Богдановиче. В последующую четверть века именно карамзинские модели обусловили становление жанра в институциональном ключе (агентом-инициатором некролога все больше становились дружеские сообщества) и в плане эстетическом (смена просветительско-классицистической концепции личности сентименталистской, определяющей новую поэтику).

Появлению первого российского некролога писателю предшествовала длительная предыстория. В основу жанра легла житийная традиция, преобразованная в литературе XVIII в. (ср. «Житие Федора Васильевича Ушакова» А.Н. Радищева) в посмертное светское повествование о жизни простого человека (т.е. не святого). В подобном тексте герой, о котором рассказывалось с опорой на конкретные факты биографии, создавал, в то же время, образ идеальной личности. Поэтика посмертного текста использовала инструментарий и других жанров XVIII в., публицистических («слово на смерть», биография) и лирических (эпитафия, траурная ода, стихотворение «на смерть», кладбищенская элегия и др.). Они и впредь будут сопровождать функционирование некролога в литературе. Вместе с тем общей чертой этих жанров являлась ориентация скорее на устойчивый тип героя, подлежащего увековечиванию в памяти современников, под который подверстывались конкретные персонажи, терявшие в ходе репрезентации индивидуальные черты.

Собственно литературный некролог рождается в эпоху становления в России новой эмоциональной и, соответственно, новой мемориальной культуры.

А.Л. Зорин, в частности, указывает на роль в этом повороте «сентиментальных» путешествий. Например, ученый обращается к воспоминаниям Карамзина во время его странствий по Швейцарии, где он побывал на могиле великого поэта Соломона Геснера. «Карамзин развернул целый набор фундаментальных концептов европейской сентиментальной культуры: здесь и мысль о бессмертии поэзии, превышающей славу завоевателей, и идея высокого нравственного предназначения искусства, и меланхолические размышления на свежей могиле певца, наполняющие юного собрата стремлением идти по стопам ушедшего» [5. С. 157]. Жанр некролога оказался востребован в России, когда стала интересна уникальная личность отдельного человека. Сама смерть в этом случае являлась частью индивидуальной судьбы и требовала особой рефлексии.

Изучая отношение к смерти в европейской традиции, французский историк Ф. Арьес в работе «Человек перед лицом смерти» говорит о постоянных изменениях этого процесса. Такая трансформация связана, по мнению ученого, с разными культурными эпохами и историческими периодами. Например, к концу XVII в. в культуре Западной Европы на смену страху смерти и побуждению к благочестивым медитациям приходят воспоминания о покойном. С XVIII в. рекомендуемые ученой элитой приготовления к смерти имели целью переключить внимание людей с самого смертного часа на весь ход предшествующей жизни, а это обостряло внимание к индивидуальности [6. С. 342].

Показательный пример, характеризующий не только отношение к смерти, но и значение человеческой личности в культуре России конца XVIII в., приводит Ю.М. Лотман в работе «Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства». «Державин посетил умирающего А. Суворова. Суворов, которого мнение потомства волновало и в эту минуту, спросил Державина, что бы он написал на его могиле. Державин отвечал, что много слов тут не надо, достаточно – “Здесь лежит Суворов”. Умирающий пришел в восторг: “Помилуй Бог, как хорошо”. В этой надписи, в ее лаконизме, напоминающем язык Цезаря, в отказе перечислять чины, должности, ордена и заслуги, была высокая гордыня: то, что составляет неподражаемое “я” полководца, личностное достояние – выше всех наград» [1. С. 214].

Нравственный кодекс русского дворянина конца XVIII – начала XIX в. сохранял многое от представлений, характерных для эпохи Сумарокова, и вместе с тем обогатился понятием «чувствительность». Сентиментализм дал возможность современникам сделать первостепенным объектом внимания человека и человеческие качества, а его главными достоинствами определил мягкосердие, способность к преданной дружбе и любви, умение ценить красоту природы и произведений искусства. Характер человека рубежа веков раскрывался не в чрезвычайных происшествиях, а в его повседневной жизни [7. С. 158].

Литераторы рубежа веков в чувствительности акцентировали в первую очередь эстетическое содержание [8. С. 4]. Сентименталисты всячески подчеркивают независимость «достоинства» человека от его

служебных успехов и деловых качеств. [7. С. 61]. Особый интерес русских сентименталистов вызвала руссоистская идея о первостепенности образования сердца. Нужно сказать, что душа, сердце, эмоции становятся главными объектами для поэтической рефлексии. В эстетике чувств по-своему интерпретируется идеальное и реальное: две этих сферы начинают сближаться, и критерий естественности приобретает первостепенное значение. Сентиментальный герой имеет глубочайшее чувство природы, он «друг натуры». Природа становится наставницей человека и художника [7. С. 88].

В 1803 г. Н.М. Карамзин пишет первый некролог о своем современнике И.Ф. Богдановиче, где обращается к личной жизни умершего. В новую жанровую модель он закладывает представление о первостепенном значении человеческого в писателе, поставив, по сути, частное его существование выше государственных свершений и заслуг. На этапе становления жанра некролог впитывает в себя ключевые черты сентиментализма. Героем посмертного текста становится человек, проживший «жизнь сердца». С течением времени, отражая влияние историко-культурного контекста, жанр трансформируется, и рассказ о личных качествах умершего расширяет диапазон мотивов и тем углубляет психологическую перспективу. Но их основной набор был репрезентирован творцом «Писем русского путешественника» уже в инициальных некрологических текстах.

Первый некролог Н.М. Карамзина под заголовком «О смерти автора “Душеньки”» был опубликован в февральском номере журнала «Вестник Европы». Уход из жизни создателя знаменитой поэмы стал поводом к созданию лаконичной траурной заметки, в которой автор просил близких умершего сообщить информацию о жизни поэта, чтобы «напечатать краткое описание жизни его» [9. С. 228]. В майском номере журнала Карамзин публикует уже развернутый очерк «О Богдановиче и его сочинениях», который представляет новую версию некрологического жанра – литературный портрет. Его поводом, как и в заметке, также является смерть автора «Душеньки», но здесь предпринимается попытка, с одной стороны, полно раскрыть внутренний мир личности, а с другой – вписать ее образ в литературную мемориальную панораму. Здесь следует учитывать, безусловно, сложную жанровую природу этого произведения, которое, с одной стороны, имеет целью обозреть творчество И.Ф. Богдановича, т.е. является образцом литературной критики, но с другой – продолжает некрологическую интенцию. Именно на ее фоне достигается особая выразительность образа сентиментального героя – любимца муз.

В развернутом некрологическом очерке Карамзин начинает биографическое повествование с ключевых тем сентиментализма – с любви к искусству и с прекрасной природы, на лоне которой воспитывается герой: «Коллежский советник Ипполит Федорович Богданович родился в 1743 году, декабря 23, в *счастлимом климате* Малороссии (здесь и далее курсив наш. – Е.Н.), в местечке Переволочном, где отец его был при должности; ему и нежной матери он един-

ственно обязан первым своим образованием. Таланты иногда долго зреют, но всегда рано открываются: *уже в детстве Богданович страстно любил чтение, рисование, музыку и стихотворство*» [10. С. 3–4]. Сплетение мотивов искусства и природы в единый комплекс сразу задает основную тему органичности личности и, как следствие, творчества писателя.

Нетрудно заметить, что акцентированные здесь качества восходят к приметам сентиментального героя как такового, достаточно привести параллель с повестью Карамзина «Бедная Лиза» (1792). «*Он читывал романы, идиллии; имел довольно живое воображение и часто переселялся мыслями в те времена, в которые, если верить стихотворцам, все люди беспечно гуляли по лугам, купались в чистых источниках, целовались как горлицы, отдыхали под розами и миртами и в счастливой праздности все дни свои проводжали*» [11. С. 610]. Хотя в данном фрагменте соседство тем искусства и природы подано иронически и проецируется на ветреность героя (Эраста), но в образе Лизы оно проявится со всей серьезностью.

Стоит отметить, что любовь к чтению является важной чертой сентиментального героя. Н.Д. Кочеткова по этому поводу пишет: «Проблема чтения в произведениях русского сентиментализма связана с исследованием такого явления, как “пережитая литература в литературе”. Жизнь каждого литературного произведения продолжается и за его пределами, а читатель ориентируется на такого героя, который соответствует его потребностям в иллюзиях, конфликту с окружающим миром или недостаткам собственного опыта» [7. С. 161]. Под пером Н.М. Карамзина эта интенция приобрела обратное измерение: читающим героем в статье «О Богдановиче и его сочинениях» стал не вымышленный персонаж, с которым мог себя ассоциировать реальный читатель, а вполне конкретный человек, биография которого начинала моделироваться в «романном» ракурсе и, более того, приобрела статус образца, примера для подражания.

Знаменательно здесь само соположение, даже хронологическое, и внутреннее сближение в творчестве Н.М. Карамзина биографических и романских нарративов. В том же 1803 г. он пишет свое последнее художественное произведение – роман «Рыцарь нашего времени». При описании жизни «чувствительной души» большое значение имеют факторы воспитания, отсылающие к соответствующей модели нарратива. Повествования о ранних годах жизни героя, каком-то событии, заложившем черту характера, образуют сюжет для тринадцати глав романа. Писатель рассказывает о том, как складывается личность в раннем детстве. В центре внимания Карамзина внутренний человек, жизнь души, которая формируется под воздействием прекрасной природы, в атмосфере нежной родительской любви, чтения, морального воздействия ближайшего человеческого окружения. Важным в этом случае является экскурс в раннее детство героя, который демонстрирует закономерную связь характера со средой, влияющей на нравственный облик человека [12. С. 396].

В русле подобной же логики, рисуя образ сентиментального героя-поэта, Н.М. Карамзин включает в

некролог историю из его юности, раскрывающую внутреннее «Я» И.Ф. Богдановича: «Однажды является к директору Московского театра мальчик лет пятнадцати, скромный, даже застенчивый, и говорит ему, что он дворянин и желает быть – актером! Директор, разговаривая с ним, узнает его *охоту к учению и стихотворству*; доказывает ему неприличность актерского звания для благородного человека; записывает его в университет и берет жить к себе в дом. Сей мальчик был Ипполит Богданович, а директор театра (что не менее достойно замечания) – Михайло Матвеевич Херасков» [10. С. 4–5]. Герою некролога присущи и другие черты сентиментального персонажа – благочестие, искренность, открытость, эмоциональность: «Богданович от искренности своей казался иногда смелым; но если слово его оскорбляло человека, то он *готов был плакать от раскаяния*; чувствовал нужду в осторожности и через десять минут *следя опять движению своей природной откровенности: слабость души нежной и прекрасной*, которая иногда и самую долговременную опытность побеждает!» [10. С. 7]. Подобные характеристики часто встречаются в некрологе, что работает на создание образа писателя, который прожил интенсивную «жизнь сердца». «Все знакомые и приятели Богдановича единогласно хвалят его моральные свойства, тихий нрав, чувствительность, бескорыстие и какую-то невинную веселость, которую он сохранил до старости, и которая делала его приятным в дружеском обществе» [13. С. 110].

Закономерен и финал его биографии, приходящий на бурную эпоху европейских революционных движений, от тревог которой, однако, чувствительная душа стремится уйти в мирное уединение: «Тогдашние бедствия Европы, разительная картина непостоянств фортуны в отношении к людям и к государствам, самая светская печальная опытность могли в добром и нежном сердце его произвести склонность к мирному уединению. Приятный климат, любезные воспоминания детства и самая вернейшая связь в мире, дружба родственная, влекли Богдановича к счастливым странам Малороссии. <...> Мирная совесть, пятьдесят лет, проведенных в наблюдении строгих правил чести; кроткая, но всегдашняя деятельность благородных способностей человека: ума образованного и зрелого, воображения еще не угасшего; чтение авторов избранных, обхождение с людьми добрыми и близкими к сердцу, самое единообразие простой жизни, любезное в некоторых летах, были счастьем Богдановича, истинным и завидным, которого желают все люди, живущие для славы собственной и пользы других в шуме светском и которого милым образом украшают они *в мыслях последние дни свои в мире, дни отдохновения и покоя!*...» [13. С. 106–107].

Смерть на лоне прекрасной природы, в кругу друзей и близких, среди мирных творческих занятий становилась вершиной, закономерным финалом некролого-биографического повествования. Но, заметим, моральная семантика пронизывала и другие эпизоды статьи, становясь частью общей рефлексии Н.М. Карамзина над проблемой смерти: «Таланту приятно хвалить талант; доброе сердце любит изъявлять ува-

жение к хладному праху, в котором жила душа благородная» [9. С. 228]. В некрологе возникали и вопросы, тесно связанные со смертью – свобода воли, отношения с Богом, бессмертие души: «В начале декабря 1802 году Богданович занемог, быв всегда не крепкого сложения; томился четыре недели, и кончил жизнь 6 января, к горести родных, друзей и всех любителей Русской Словесности: ибо он еще не дожил до глубокой, маститой старости, которая бывает последним знаком Небесного благоволения к земным странникам, облегчая их переход в вечность» [13. С. 110]. Н.М. Карамзин часто размышлял на тему смерти в своих письмах, при этом данная тема пересекается с мотивом страха потери близкого человека: «Мы в других начинаем умирать, теряя ближних сердцу, делаемся равнодушнее к жизни и менее способными веселиться ею» [14. С. 175]. Тема смерти в эпистолярной Карамзина реализуется и в мотивах быстротечности жизни, смерти как пробуждения ото сна. «Понимание земной жизни как чего-то эфемерного, а жизни после смерти, как яви, имеет в творческом сознании Карамзина религиозно-философское звучание, связанное с идеей бессмертия и нетленности души» [2. С. 161]. Таким образом, можно предположить, что созданию первых некрологов предшествовали не только общекультурные изменения эпохи, но и личные переживания самого Н.М. Карамзина, который желал понять и описать уход из жизни реального, некогда знакомого человека.

Обстоятельства служебной биографии И.Ф. Богдановича в очерке Н.М. Карамзина отодвигаются на второй план (ср.: «Занимаясь стихотворством Богдановича, мы забыли службу его» [13. С. 106]), внимание посвящено творчеству, в особенности главному произведению – поэме «Душенька», которая препода-

носится как «произведение души». Обширные цитаты из нее составляют основной корпус статьи: «Желая... украсить гроб сего любезного поэта собственными его цветами, напомним здесь любителям русского стихотворства лучшие места “Душеньки”» [13. С. 75]. Примечательно, что прижизненную и посмертную славу И.Ф. Богдановичу приносит произведение, не относящееся к высоким жанрам, это была «ироико-комическая поэма», отмеченная, однако, легкостью слога, галантностью, вниманием к душевным движениям героев и тонким комизмом.

Некрологический очерк Н.М. Карамзина имел решающее значение для формирования посмертного образа героя: И.Ф. Богданович так и останется в культурной памяти «чувствительным поэтом» и «певцом Душеньки», этот миф успешно перекрыл все перипетии реальной биографии и творческие начинания автора. Акцентируем, что и в институциональном плане Н.М. Карамзин прочно ассоциировал поэта не столько с системой патронажа (хотя и не преминул сказать об одобрении «Душеньки» императрицей Екатериной II), сколько с дружеской литературной средой, к которой и обращался в своем очерке: «Друзья Богдановича, которых он, однажды нашедши, не терял никогда, – а еще долее любители русских талантов сохраняют его память: ибо творец “Душеньки” будет известен потомству – как стихотворец приятный, нежный, часто остроумный и замысловатый» [13. С. 111].

Таким образом, сентиментализм акцентировал в культуре человеческое «я», а смерть стала восприниматься как событие, достойное многосторонней рефлексии. Карамзин как один из главных авторов рубежа XVIII–XIX вв. создает уникальный для русской литературы текст – некролог, в котором смерть становится поводом для рассказа персональной истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства XVIII – начала XIX века. СПб. : Искусство – СПб, 1994. 400 с.
2. Фрик Т.Б. Элегические мотивы в письмах Н.М. Карамзина // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 1 (33). С. 159–168.
3. Рейтблат А.И. Писать поперек: Статьи по биографии, социологии и истории литературы. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 416 с.
4. Тертычный А.А. Жанры периодической печати. М. : Аспект Пресс, 2006. 312 с.
5. Зорин А.Л. Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. М. : Новое литературное обозрение, 2016. 568 с.
6. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М. : Прогресс-Академия, 1992. 526 с.
7. Кочеткова Н.Д. Литература русского сентиментализма (Эстетические и художественные искания). СПб. : Наука, 1994. 282 с.
8. Кочеткова Н.Д. Ирония Карамзина как компонент его чувствительности // Чувствительность в литературе, искусстве, культуре конца XVIII – начала XIX века. М. : ИМЛИ РАН, 2016. С. 4–11.
9. Карамзин Н.М. О смерти автора Душеньки // Вестник Европы. 1803. Ч. VII, № 3. С. 227–228.
10. Карамзин Н.М. О Богдановиче и его сочинениях // Вестник Европы. 1803. Ч. IX, № 9. С. 3–18.
11. Карамзин Н.М. Избранные сочинения. М.; Л. : Худож. лит., 1964. Т. 1. 809 с.
12. Лебедева О.Б. История русской литературы XVIII века. М. : Высш. школа, 2003. 396 с.
13. Карамзин Н.М. О Богдановиче и его сочинениях (окончание) // Вестник Европы. 1803. Ч. IX, № 10. С. 75–111.
14. Карамзин Н.М. Полное собрание сочинений : в 18 т. М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 2009. Т. 18: Письма. 624 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 15 декабря 2020 г.

To the History of the Formation of the Obituary Genre in Russian Literature: Obituaries by Nikolay Karamzin
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 463,42–46.
 DOI: 10.17223/15617793/463/5

Ekaterina E. Nadtochi, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nadtokaterina@gmail.com

Keywords: obituary; death; Nikolay Karamzin; Ippolit Bogdanovich; sentimentalism; *Vestnik Evropy*.

The article analyzes the first Russian obituaries by writers published in Russian periodicals at the beginning of the 19th century. Due to the fact that the emotional culture of this time is closely connected with sentimentalism, this study examines how the new era

and the contemplation of death are reflected in the first obituaries. The influence of sentimental poetics on the description of the deceased is worth noting separately: biographical information presented as a perception of a writer's "heart" rather than mind, inclusion of private stories in the obituary, emphasis on the sensitive understanding of nature. In the course of the study, the author turns to the first practices of writing posthumous texts. In Russia, the first obituary by a writer was published in 1803 in the magazine *Vestnik Evropy* [Herald/Messenger of Europe]. The writer is Nikolay Karamzin, and the text is dedicated to the death of another sentimentalist Ippolit Bogdanovich. Karamzin puts writer's individuality above his merits and creative talent, thereby defining the genre as he sees it. Yu.M. Lotman's and A.L. Zorina's works on the history of culture, as well as O.B. Lebedeva's and N.D. Kochetkova's works on the history of Russian literature of the 18th – early 19th centuries, were chosen as the methodological basis of the study. Obituaries for the death of Bogdanovich were used for analysis. Modern literary studies do not offer an integrated approach to the study of obituaries. In this regard, the urgent tasks of the study are to create a comprehensive vision of the problem and identify the factors that led to the formation of the genre of an obituary by a writer in Russia and indicated its ambivalence. In this study, the author is more interested in the obituary for the death of writers. Its analysis is associated with current interdisciplinary areas of modern humanities (studies of historical memory and personal history, memorial culture, cultural canon), on the one hand, and with important issues of the history of Russian literature taken both in its aesthetic dimension and in the institutional aspect, on the other. This article makes only the first steps in understanding this set of problems using local material – the first obituaries by Karamzin to the death of Bogdanovich. In the following 25 years, it was Karamzin's models that conditioned the formation of the genre in an institutional way (friendly communities increasingly became the initiator agent of the obituary) and in an aesthetic aspect (a change in the enlightening-classicist concept of a sentimentalist person, which defined new poetics). The author makes the conclusion that sentimentalism accentuated the human "self" in culture, and death began to be perceived as an event worthy of a multi-way reflection.

REFERENCES

1. Lotman, Yu.M. (1994) *Besedy o russkoy kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvoryanstva XVIII – nachala XIX veka* [Conversations about Russian culture. Life and traditions of the Russian nobility of the 18th – early 19th centuries]. St. Petersburg: Iskusstvo – SPb.
2. Frik, T.B. (2015) Elegiac motives in N.M. Karamzin's letters. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1 (33). pp. 159–168. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/33/12
3. Reytblat, A.I. (2014) *Pisat' poperek: Stat'i po biografii, sotsiologii i istorii literatury*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 416 s.
4. Tertychnyy, A.A. (2006) *Zhanry periodicheskoy pechati* [Genres of periodicals]. Moscow: Aspekt Press.
5. Zorin, A.L. (2016) *Poyavlenie geroya: iz istorii russkoy emotsional'noy kul'tury kontsa XVIII – nachala XIX veka* [The emergence of a hero: from the history of Russian emotional culture of the late 18th – early 19th centuries]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
6. Aries, F. (1992) *Chelovek pered litsom smerti* [Man in the face of death]. Translated from French. Moscow: Progress-Akademiya.
7. Kochetkova, N.D. (1994) *Literatura russkogo sentimentalizma (Esteticheskie i khudozhestvennye iskaniya)* [Literature of Russian Sentimentalism (Aesthetic and Artistic Searches)]. St. Petersburg: Nauka.
8. Kochetkova, N.D. (2016) Ironiya Karamzina kak komponent ego chuvstvitel'nosti [Karamzin's irony as a component of his sensitivity]. In: *Chuvstvitel'nost' v literature, iskusstve, kul'ture kontsa XVIII – nachala XIX veka* [Sensitivity in literature, art, culture of the late 18th – early 19th centuries]. Moscow: IWL RAS. pp. 4–11.
9. Karamzin, N.M. (1803) O smerti avtora Dushen'ki [On the death of the author of Dushenka]. *Vestnik Evropy*. VII (3). pp. 227–228.
10. Karamzin, N.M. (1803) O Bogdanoviche i ego sochineniyakh [On Bogdanovich and his works]. *Vestnik Evropy*. IX (9). pp. 3–18.
11. Karamzin, N.M. (1964) *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Khudozh. lit.
12. Lebedeva, O.B. (2003) *Istoriya russkoy literatury XVIII veka* [History of Russian Literature of the 18th Century]. Moscow: Vyssh. shkola.
13. Karamzin, N.M. (1803) O Bogdanoviche i ego sochineniyakh (okonchanie) [On Bogdanovich and his works (end)]. *Vestnik Evropy*. IX (10). pp. 75–111.
14. Karamzin, N.M. (2009) *Polnoe sobranie sochineniy: v 18 t.* [Complete works: in 18 volumes]. Vol. 18. Moscow: TERRA – Knizhnyy klub.

Received: 15 December 2020

С. Саини, И.А. Поплавская, Р. Саксена

ОСОБЕННОСТИ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕФЛЕКСИИ ГЕРОЕВ В ПРОЗЕ С.А. АЛЕКСИЕВИЧ («ЦИНКОВЫЕ МАЛЬЧИКИ»)

Рассматривается круг чтения героев в романе С.А. Алексиевич «Цинковые мальчики». Раскрывается альтернативное видение автором событий Афганской войны. Доказывается, что русская и мировая литература воспринимаются как основа для создания и одновременно развенчания идеологических и культурных мифов о войне. Литературная рефлексия героев исследуется в контексте истории эмоций советского человека последних десятилетий XX в. Акцентируется роль автора в создании художественно-документальной прозы.

Ключевые слова: художественно-документальная проза; человек читающий; «роман голосов»; литературная рефлексия; интертекстуальные связи.

Рефлексия как опыт осознания сознания субъекта [1. С. 257] является ключевым термином феноменологии. В исследовании литературной рефлексии героев в документально-художественной прозе советской и белорусской писательницы, лауреата Нобелевской премии по литературе за 2015 г. Светланы Алексиевич авторы статьи опирались на идеи, выдвинутые представителями феноменологического (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Р. Ингарден), герменевтического (Х.Г. Гадамер, П. Рикёр), структуралистского (Р. Барт, У. Эко) направлений. Рефлексия, по мнению П. Рикёра, раскрывает связь между пониманием знаков (текста) и самопониманием человека, именно через самопонимание человек имеет шанс осознать сущее [2. С. 48]. Литературная рефлексия в художественном произведении выражает самосознание и самоидентификацию героев, служит средством моделирования отношений автор–герой–читатель, раскрывает национальные особенности литературы и культуры, позволяет передать динамику историко-литературного процесса. Литературная рефлексия в прозе Алексиевич анализируется нами как рефлексия героев читаемых книг, как рефлексия рассказчиков по поводу прочитанного и как завершающая эстетическая рефлексия рефлексии автора, выступающая одновременно, согласно М. Хайдеггеру, и как способ истолкования бытия сущего [3. С. 380].

Соотношение реальности и художественности в документальной литературе разрешается через их открытость по отношению друг к другу и взаимодополнительность. Если вымышленный текст, по мнению У. Эко, «содержит внутренне противоречие уже потому, что пытается добиться совпадения между вымышленным и реальным миром» [4. С. 211], то документальный текст воспринимает «установку на подлинность как структурный принцип произведения. <...> Можно сказать, что в сфере художественного вымысла образ возникает в движении от идеи к выражающему ее единичному, в литературе документальной – от данного единичного и конкретного к обобщающей мысли. Это разные типы обобщения и познания и тем самым построения художественной символики» [5. С. 10, 11].

История России XX в., неотделимая от событий Октябрьской революции, Гражданской войны, Великой Отечественной войны, эпохи репрессий, пере-

стройки, распада Советского Союза, нуждается в философском и эстетическом осмыслении. Важная роль в этом процессе отводится документальной литературе, эстетическую значимость которой «определяют организующие ее факты, документы <...>. Опора на факт, на документ становится составляющей творческого “инструментария” для писателей XX в.» [6. С. 15]. По выражению В. Шаламова, русская жизнь XX в. нуждалась не столько в «эстетическом преображении», сколько в «эстетическом изживании». В процесс «эстетического изживания» вписывается и творчество Алексиевич, создателя известных книг «У войны не женское лицо» (1985), «Последние свидетели» (1985), «Цинковые мальчики» (1989), «Зачарованные смертью» (1993), «Чернобыльская молитва» (1997), «Время секунд хэнд» (2013), образующих авторский цикл – «хронику Большой Утопии».

О процессе работы над циклом писательница говорит: «...я складываю мир своих книг из тысяч голосов, судеб, кусочков нашего быта и бытия. Каждую свою книгу я пишу четыре-семь лет, встречаюсь и разговариваю, записываю 500–700 человек. <...> я не пишу сухую, голую историю факта, события, я пишу историю чувств. Можно еще назвать это – пропущенной историей. <...> Искусство может солгать, а документ не обманывает... [7]. В интервью процесс работы Алексиевич над текстом представлен как эстетическое преобразование устного слова рассказчика в письменное слово героя, «живого голоса» в «роман голосов», отдельной жизненной истории в «эстетическое изживание» истории. Подлинной «историей чувств», «пропущенной историей» является и «роман голосов» «Цинковые мальчики», в котором предлагается альтернативное видение советской истории. Этот роман организован как полифоническая система высказываний-воспоминаний участников Афганской войны (1979–1989). Их голоса воспринимаются как документы эпохи, как «живое свидетельство» истории. Важнейшими характеристиками такого текста являются фрагментарность, нарушение причинно-следственных связей, нелинейность, авторефлексия, эмоциональная насыщенность, опора на непосредственный жизненный опыт; многоголосие же человеческих судеб в их соотнесенности друг с другом воплощает авторскую концепцию события [8. С. 148, 149]. По выражению современной исследовательницы

цы, «каждый такой документ представляет собой уникальную “аутентичную” историю отдельного человека», а история человечества XX в. осмысливается в цикле романов писательницы как совокупность частных историй отдельных людей [9. С. 296, 299]. «Живые голоса» в романах Алексиевич, с одной стороны, передают ситуацию самоприсутствия героев, в которой «говорящий и слушающий со-присутствуют в речевом акте одновременно» и в которой «не существует временной или пространственной дистанции между говорящим, слушающим и самой речью» [10. С. 206]. С другой стороны, перевод голоса в «сцену письма» позволяет говорить об их нетождественности, благодаря которой осуществляется эстетическое преобразование услышанных историй в обобщающие знаки, в означающее.

В романе «Цинковые мальчики» официальным советским мифам об Афганской войне противостоит социальный и экзистенциальный опыт рядовых, офицеров, служащих и их близких: жен, матерей. В формировании этого опыта важная роль отводится литературе. Русская и мировая литература, рефлексия рассказчиков по поводу художественных текстов, персонажей, газетных статей является одним из сквозных мотивов в книге Алексиевич. Ср.: «До армии меня учили жить Достоевский и Толстой, в армии – сержанты»; «Я поверила песням, которые привозили ребята, целыми днями крутила:

На афганской земле

За прошедшие годы немало

Разбросала по скалам

Россия своих сыновей...»;

«Другая девочка. Официантка. Ругалась матом и любила Цветаеву»; «Ждала его, как у Симонова: жди меня, и я вернусь...»; «Как сказал Заратустра: не только ты заглядываешь в пропасть, но и она смотрит тебе в душу...»; «Убитой семьи дуканщика как бы не существовало. <...> А ведь я никогда не мог без слез читать “Муму” Тургенева!»; «Война эта была, как здешняя жизнь, – совсем не такая, как в книжках читал. Слава Богу, у меня другой мир, он закрыл тот. Мир книг, музыки. Он меня спас»; «Потом статья в газете появилась: «Награда нашла героя. Мне смешно, будто меня искали красные следопыты, будто сорок лет после войны прошло. И не говорил я, что мы поехали туда во имя того, чтобы на афганской земле загорелась заря Апрельской революции. А написали» [11. С. 40, 61, 83, 86, 97, 99, 103].

Литературная рефлексия героев в этом романе помогает понять процесс создания идеологических мифов и одновременно развенчание их. Также она воспринимается как фактор осознания экзистенциального опыта рассказчиков и как возможность выявления ими своей социальной и культурной идентичности. Кроме того, упоминание в романе имен известных писателей и их произведений раскрывает круг чтения советского человека 1960–1980-х гг., а цитаты, пересказы, аллюзии формируют интертекстуальное пространство прозы Алексиевич, акцентируя ее документально-художественную природу. Обратимся к тексту.

Безымянный рядовой, артиллерист, рассказывая о событиях Афганской войны, вспоминает об одном из школьных уроков литературы. Ср.: «Помню, в шестом или седьмом классе учительница русской литературы вызвала к доске:

– Кто твой любимый герой: Чапаев или Павел Корчагин?

– Гек Финн.

– Почему Гек Финн?

– Гек Финн, когда решал, выдать беглого негра Джима или гореть за него в аду, сказал себе: “Ну и черт с ним, буду гореть в аду”, но Джима не выдал» (С. 34). Здесь имена реального героя Гражданской войны В.И. Чапаева и литературного персонажа романа Н.А. Островского «Как закалялась сталь» Павла Корчагина воспринимаются как ключевые мифологемы советской истории и литературы. Чапаев, который превратился в миф еще при жизни [12], и Павел Корчагин, символ поколения комсомольцев 1920-х гг., выражающий безраздельную победу идеи над элементарным существованием [13. С. 84], высотой духа, побеждающего страдания тела [14. С. 383], противостоят герою романа американского писателя Марка Твена «Приключения Гекльберри Финна» (1884). Однако сознание советского школьника сориентировано на другой идеал – подростка, близкого ему по возрасту, который оказывается в ситуации нравственного выбора. Речь идет о внутренней драме Гека, когда он узнает, что герцог и король продали Джима плантатору Сайласу Фелпсу за 40 долларов. Ср. этот эпизод в романе американского писателя: «Меня даже в дрожь бросило, потому что тут надо было раз навсегда решиться, выбрать что-нибудь одно, – это я понимал. Я подумал с минуту, даже как будто дышать перестал, и говорю себе:

– Ну что ж делать, придется гореть в аду.

<...> Страшно было думать об этом, страшно было говорить такие слова, но я их все-таки сказал. <...> И для начала не пожалею трудов – опять выкраду Джима из рабства...» [15. С. 375]. В этом эпизоде внутренне состояние героя передается через ситуацию нравственного выбора («я подумал с минуту», «страшно было думать об этом») и его физическое самоощущение («в дрожь бросило», «как будто дышать перестал»). Важно отметить, что «законы, нормы, правила “цивилизованного” общества Гек проверяет здравым смыслом и жизненной практикой», и читатель «сопереживает Геку, который боится наказания и все же сознательно делает свой смелый выбор в пользу спасения Джима» [16. С. 127]. Высокий нравственный императив героя американской литературы как будто проверяется реалиями советской истории и раскрывает несоответствие официальных мифов и индивидуальной точки зрения школьника. Об этом свидетельствует продолжение данного диалога:

«А если бы Джим был белый, а ты красный? – спросил после уроков Алешка, мой друг.

Так всю жизнь и живем – белые и красные, кто не с нами, тот против нас» (С. 34). Гуманистическому сознанию Гека противопоставляется дуальное социальное сознание советского человека, которое оказывается неспособным принять и объяснить многопо-

лярность современного мира. В этом смысле используемая в тексте форма диалога передает изначальный внутренний драматизм существования рассказчика этой истории, который стремится «не быть, как все» и в то же время становится таким, как все («я там был, как все»; «я стал, как все»). Драма сознания этого человека во многом раскрывается через литературу, которая выступает здесь как средство моделирования, осознания и отражения идеологических, социальных, национальных, культурных и психологических конфликтов.

Так, например, отношение к социалистической идеологии раскрывается через известную цитату из басни И. А. Крылова «Оракул» (1807). Ср.: «В Шиндане видел двух помешавшихся наших солдат, они все время “вели” переговоры с “духами”. Они им объясняли, что такое социализм, по учебнику истории за десятый класс... “А дело в том, что идол был пустой, и саживались в нем жрецы вещать мирянам”. Дедушка Крылов» (С. 35). В этом контексте «помешательство» в философском плане воспринимается как результат нежизненности социалистических идеалов, которые противостоят национальной культуре и национальной системе ценностей афганцев. Мораль басни видится в несовпадении высокого пророческого слова и подменного оракула, в противопоставлении подлинного и неподлинного бытия («И так, // Пока был умный жрец, кумир не путал врак; // А как засел в него дурак, // То идол стал болван болваном»).

Можно сказать, что от внутреннего стремления быть не как все герой, пройдя через разочарование в социалистических идеях и в самом себе, через опыт войны, утрачивает чувство идентичности. Оно выражается в завершающей его рассказ цитатой из романа ирландской писательницы Э.Л. Войнич «Овод» (1897), любимого произведения автора этой истории. Ср.: «Я свои довоенные джинсы, рубашки не смог носить, это была одежда чужого, незнакомого мне человека... <...> Того человека уже нет, он не существует. Этот другой, который теперь я, носит только ту же фамилию. Но не пишите его фамилию... Мне все-таки нравился тот первый человек. “Падре, – спросил Овод у Монтанелли, – теперь ваш Бог удовлетворен?”. Кому мне бросить эти слова?» (С. 35). Как известно, в романе «Овод» Артур Бёртон, член тайной революционной организации «Молодая Италия», разочаровавшись в религии и пройдя через ряд испытаний, возвращается в Италию под другим именем – журналиста Феличе Ревареса (Овода). Нетождественность героя романа «Овод» самому себе проецируется на такое же состояние нетождественности самому себе рассказчика истории в произведении «Цинковые мальчики». Таким образом реальный рассказчик Алексиевич через литературную рефлексию и авторефлексию соотносит себя с персонажами русской и мировой литературы, а сама литература выступает здесь в качестве средства удвоения, мультиплицирования изображаемых характеров, событий, точек зрения, формируя особый метасюжет и характерное метаповествование в художественно-документальной прозе.

Как отмечает современная исследовательница, особенность романа «Овод» видится в том, что в нем религиозное начало переплетается с революционным, национально-освободительная война – с борьбой за свободу духовную и осуществляется своеобразный поиск нового Символа веры [17]. Этот новый Символ веры раскрывается в конце романа в проповеди Монтанелли. В ответ на слова Овода, которые были сказаны им во время встречи с кардиналом в тюрьме, «Ваш Бог голоден, и его надо накормить», Монтанелли после расстрела героя говорит, обращаясь к своей пастве: «Но кто из вас подумал о страданиях Боготца, который дал распять на кресте своего сына? Кто из вас вспомнил о муках отца, глядевшего на Голгофу с высоты своего небесного трона? <...> Стоят ли ваши зачумленные души, чтобы за спасение их было заплачено такой ценой?» [18]. С точки зрения падре, искупительная кровь Христа, как и смерть героя романа, оказалась напрасной, человечество не было достойно ее, и теперь оно должно своими ежедневными действиями доказывать необходимость, благодатность и спасительность для него этой жертвы.

Слова Овода, которыми заканчивается история рядового, апеллируют к сознанию читателя, предлагая ему реконструировать финал романа «Овод». Здесь реконструкция как способ активизации культурной памяти читателя соотносится с воспоминанием-реконструкцией героем рассказа в романе Алексиевич событий этой войны. Не случайно лейтмотивом его истории являются слова: «Зачем заставлять меня вспоминать?». Можно сказать, что обращение к литературным текстам участников Афганской войны раскрывает один из важнейших принципов художественно-документальной прозы писательницы: принцип реконструкции. Реконструкции пережитых событий рассказчиками, реконструкции записанных рассказов автором, реконструкции читателем социального и культурного контекста романа и выстраивания им своей альтернативной истории войны. Как отмечает в этой связи Н.А. Сивакова, «каждую деталь в книгах С. Алексиевич необходимо рассматривать в двух ценностных аспектах: в аспекте жизни героя, для которого пережитые события определили всю его дальнейшую судьбу, и в аспекте замысла всей книги – и в этом плане все ее содержание подчинено авторским задачам» [8. С. 150].

В воспоминаниях другого участника войны, старшего лейтенанта, сапера, потерявшего зрение и обе ноги при подрыве на mine, сон воспринимается как реальность, а реальность как литература. Ср.: «Я вижу во сне, что возле моего минного поля бегают дети... Никто не знает, что там мины... Мне надо крикнуть: “Там мины! Не ходите!...” Мне надо опередить детей... Я бегу... У меня опять обе ноги... И я вижу, мои глаза снова видят... Но это только ночью, только во сне» (С. 82–83). Цитируемый фрагмент вызывает ассоциации с героем известного романа Дж.Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» (1951) Холденом Колфилдом. Образы сновидения в рассказе старшего лейтенанта воспринимаются как узнаваемая цитата из высказывания Холдена о смысле своей жизни. Ср.: «Я себе представил, как маленькие ребятишки играют

вечером в огромном поле, во ржи. <...> А я стою на самом краю скалы, над пропастью, понимаешь? И мое дело – ловить ребятишек, чтобы они не сорвались в пропасть. <...> Вот и вся моя работа. Стеречь ребят над пропастью во ржи. Знаю, это глупости, но это единственное, чего мне хочется по-настоящему» [19]. Во многом «литературная» природа сна участника Афганской войны связана со смыслопорождающими возможностями романа Сэлинджера, а созданная американским писателем «полная художественная иллюзия устной разговорной речи в ее непосредственности, слышимости ее интонаций, естественности переходов, отступлений» [20. С. 129] перекликается с живой речью героя романа «Цинковые мальчики», для которой характерна дискретность, фрагментация синтаксиса и нарратива, созвучная избирательному характеру человеческой памяти и переживанию военных событий.

Спустя пять лет после ранения, осмысляя свой опыт послевоенной жизни, герой мог бы представить его в форме рассказа. Ср.: «Я мог бы написать рассказ, как офицер превращается в надомника. Собирает электропатроны, электророзетки... Сто штук в день... Шнурки заклепывает... Какие? Красные, черные, белые – не знает... Не видит... Диагноз: тотально слепой... Сетки вяжет... Коробочки клеит... Раньше думал, что только сумасшедшие этим занимаются... Тридцать сеток в день... Уже норму выполняет...» (С. 82). В основе сюжета ненаписанного рассказа лежит реальный факт: превращение офицера в надомника. Разрушительной динамике военных действий противопоставляется сегодняшняя мирная жизнь «тотально слепого» бывшего старшего лейтенанта. Преобладающие в рассказе о ненаписанном произведении глаголы действия («собирает», «заклепывает», «вяжет», «клеит») метафорически воспринимаются как «собрание» самого себя, как возможность сохранения созидательных навыков в травмированной войной личности, необходимых для выживания в условиях мира. Отрывок прочитывается как устное свидетельство и одновременно возможное письменное (художественное) отражение личного опыта старшего лейтенанта, участника этой войны. Принцип «перевода» устного слова в письменное, документального факта в художественную форму рассказа является конструктивным принципом мышления и героев, и автора романа «Цинковые мальчики».

Воспоминания другого участника войны, рядового, гранатометчика тоже включают в себя ненаписанный рассказ в рассказе. Ср.: «Иногда мне самому хочется написать все, что видел. В госпитале. Безрукий, а у него на кровати сидит безногий и пишет письмо матери. Маленькая девочка... Она взяла у советского солдата конфету. Утром ей отрубили обе руки... Написать все, как было, и никаких размышлений. Шел дождь... И только об этом – шел дождь... Никаких размышлений – хорошо или плохо, что шел дождь» (С. 103). Основу этого ненаписанного произведения составляют импрессионистические образы-ситуации, связанные с войной. Упоминаемая здесь сцена письма имеет знаковый характер: устное слово одного солдата переводится в письменное слово дру-

гого, который пишет под диктовку первого. Этот же принцип на макроуровне воспринимается как определяющий в прозе белорусской писательницы, которая вначале «берет интервью, а затем трансформирует услышанные истории в письменные документы, соединяя их в определенной последовательности, согласно собственной концепции» [8. С. 151]. Другая особенность этого предполагаемого текста видится в отстаивании правды факта и установке на безрефлексивное, безоценочное письмо («Написать все, как было, и никаких размышлений»). В данном случае эстетическая позиция автора ненаписанного рассказа во многом является тождественной позиции автора в романе «Цинковые мальчики», в котором происходит отказ от прямой оценки услышанных историй, а сам автор «находится одновременно и внутри материала и выступает в качестве внешнего наблюдателя» [21. С. 62]. В целом же рассказ рядового, воспринимаемого в качестве субъекта своей истории, субъекта творчества (ненаписанного рассказа) и одновременно в качестве объекта завершающего авторского видения, вместе с голосами других участников войны становится частью большой истории нашей страны последних десятилетий XX в.

В еще одной личной истории – истории советской женщины-служашей – литература, книжная культура воспринимаются как воплощение идеального представления о человеке и мире. Ср.: «Была книжная московская девочка. Мне казалось, что настоящая жизнь где-то далеко. <...> Ехала сюда, думала: “Не успела на БАМ, на целину, повезло – есть Афган!”» (С. 61). На ее желание отправиться в Афганистан во многом повлияли советские идеологические мифы об этой войне, в которых, как в любой идеологии, «делается акцент не на истинное отображение реальности, а на популяризацию искусственно созданной картины мира, в которую требуется свято верить» [22. С. 125]. Так, в газете «Правда» за 1987 г. от 29 октября был напечатан очерк военного журналиста, полковника Петра Студеникина «“Афганские мадонны”: они служат в ДРА». В нем речь шла о трех советских женщинах, проходивших службу в Афганистане: медсестре Татьяне Тарасовой из белорусской деревни Варки, переводчице Мохруй Хабибовой из Таджикистана, солистке ансамбля песни и пляски «Каскад» Галине Негрий из Молдавии. Как и в романе Алексиевич, автор очерка включает в него «живые голоса» своих героинь. Так, например, Татьяна Тарасова на вопрос о том, изменил ли ее Афганистан, отвечает: «Нет, Афганистан меня не изменил: какой пришла, такой и остаюсь... Может быть, смелее стала. Поняла: со злом, несправедливостью надо бороться беспощадно. Только так – беспощадно!» [23. С. 6]. Обращаясь к Мохруй Хабибовой, автор очерка спрашивает: «О чем вы мечтаете, Мохруй? – Чтоб скорее кончилась эта проклятая война», – отвечает она. Завершается публикация воспоминаниями самого корреспондента «Правды», присутствовавшего на концерте ансамбля «Каскад». Ср.: «Мне довелось побывать на одном из концертов “Каскада”. Минутой молчания почтили павших, <...> и вот уже знакомые слова “Кукушки” резанули по сердцу: “Я тоскую по родной земле. По

ее рассветам и закатам. На афганской выжженной земле Спят тревожно русские солдаты...» [23. С. 6]. Героиня в романе «Цинковые мальчики» рассказывает о влиянии подобных официальных нарративов о войне на общественное сознание людей, живших в СССР. Ср.: «Как раз в это время в “Правде” напечатали очерк “Афганские мадонны”. Из Союза девочки писали: так он понравился, некоторые даже пошли в военкомат проситься в Афганистан» (С. 62). Созвучно этому восприятию и воспоминание другой участницы военных действий, которая сообщает: «Как я сюда попала? Очень просто. Верила всему, что писали в газетах. Я себе говорила: “Раньше подвиги совершали, были способны на самопожертвование, а теперь наша молодежь никуда не годится. И я такая же. Там война, а я себе платье шью, прическу новую придумываю”» (С. 35).

Можно сказать, что основу истории этой женщины-служащей в романе «Цинковые мальчики» составляет ее личная встреча с войной, разрушившая идеальное представление героини о жизни и о самой себе («Может, вернусь, все осмыслю – и отойду, потеплею. А сейчас внутри сломано, смято»), освободившая ее от социальных и политических иллюзий («А я все время плачу и молюсь о той книжной московской девочке, которой больше нет...»), обусловившая восприятие этой войны как исторической, идеологической и личной катастрофы. Стремясь преодолеть травму души и сознания, нанесенную войной, героиня обращается к спасительному для нее средству – литературе, чтению. Ср.: «Дома я любила книжки о войне, здесь таскаю с собой Дюма. На войне не хочется видеть войну» (С. 63). Романы Дюма с их выраженной литературностью, клишированностью противостоят в этой истории жестокой реальности военных действий. Литература как средство создания пропагандистских мифов об этой войне и литература как отрицание войны, как возможность личного, культурного и исторического «изживания войны» – таким видится отношение к ней героини этой истории.

Рассказы участников военных действий в романе «Цинковые мальчики» включают в себя, помимо военных эпизодов, упоминания известных писателей, книг, газетных статей, отражающих их круг чтения, формирующих и одновременно разрушающих советские культурные мифы, передающих многоликий облик самой войны. Литература как «живое свидетельство» о войне и мире оказывается неотделимой в этом романе от истории эмоций советского человека конца XX в., она передает особенности их «исторического и эстетического вчувствования», раскрывает преломление «текстов времени» в их душе и сознании, формирует чувство национальной и культурной идентичности [24. С. 139, 140]. В социокультурном плане литература в жизни участников военных действий в Афганистане во многом определяла их бытовое поведение до и после войны, оказывала и оказывает влияние на формирование и деятельность общероссийской общественной организации «Российский Союз ветеранов Афганистана», на общественную и поведенческую практику участников военных действий.

В романе «Цинковые мальчики» важнейшей проблемой является проблема эстетического отношения автора к героям-рассказчикам. Это отношение сопричастности как совместного проживания-переживания опыта Афганской войны, как «соучастие автора и факта» [24. С. 141]. Организующее авторское начало осмысляется в романе на разных уровнях. «Живые голоса» выражают особенности экзистенциального, социального, культурного сознания героев, сопряжение же их выступает как структурный принцип, формирующий поэтику «романа голосов». Кумулятивный сюжет раскрывает динамику нелинейного повествования, связанного с последовательной сменой субъектов речи и типов речи. Хронотоп воспоминания и лейтмотивные образы (дом, семья, друзья) организуют смысловое и художественное целое произведения. Литературная рефлексия в этом тексте включает рефлексии персонажей читаемых книг (Гекльберри Финн, Овод, Монтанелли), рефлексии персонажей-рассказчиков о героях мировой и советской литературы и публицистики, рефлексии рефлексии автора о героях рассказываемых историй, о войне и мире, о русской и мировой культуре. Обращение к кругу чтения и читательской рецепции героев воспринимается как один из принципов трансформации документального факта в художественный образ, в обобщающий знак, раскрывающий «наступление художественного смысла изнутри самого материала» [25. С. 132].

Авторская установка, связанная с трансформацией голоса в письмо, их осознаваемое несовпадение становятся основным источником семантизации и эстетизации документального материала в романе «Цинковые мальчики». В нем означаемое, связанное с событиями Афганской войны, выступает как означаемое в рассказах-историях героев, сами же истории воспринимаются как означаемое по отношению к означаемому авторскому сознанию, передающему означаемое означаемого. В этом видится связь с трактовкой письма в философии Ж. Деррида, который понимает под письмом «не только физические жесты буквенной пиктографии и идеографической надписи (инскрипции), но также и целостность того, что делает ее возможной, <...> что находится за пределами обозначающей и обозначаемой стороны» [26. С. 222], мыслит письмо как *игру внутри* языка [10. С. 211]. С этой точки зрения роман Алексиевич может быть прочитан не только как текст, передающий авторскую художественную картину мира, ее альтернативное видение советской истории, но и как письмо истории.

Статья затрагивает вопросы, связанные с изучением антропологии войны. Военные события, о которых рассказывают их участники в романе «Цинковые мальчики», включают цитаты из известных книг и песен, клише, заимствованные из фильмов. Весь этот материал «встраивается» в память очевидцев и воспринимается как своего рода условие доступа к сознанию и воспоминаниям человека на войне [27]. Обращаясь же к рассмотрению локального вопроса: литература в жизни человека на войне, литература и человек в условиях войны, читающий человек на войне, следует сказать, что особенности советского читателя «были таковы, что он искал в литературе – особенно в мучительной

ситуации войны – утешения, прямой поддержки» [28]. Вместе с тем литературные тексты, упоминаемые в этом произведении, раскрывают идеологическое, этическое и эстетическое несоответствие между «идеальным» характером литературы и «реальным» обликом самой войны. Эстетическое преодоление этого несоответствия осуществляется через рассказы о войне как об изживании травмы сознания и трагических событий советской истории конца XX в., через трансформацию документального, эмпирического начала в художественное [29. С. 38]. Отсюда совершенно особая роль в

прозе Алексиевич отводится образу автора, который эстетически и этически «входит» в живой «человеческий документ» и передает «трагические образы Времени и Человека», настоянные на «живом человеческом чувстве» [21. С. 62]. Литературная рефлексия героев-рассказчиков в произведении «Цинковые мальчики» эстетически концептуализируется, обобщается и завершается автором. Во многом благодаря этому происходит превращение документальной прозы в художественно-документальную и трансформация записанных «живых голосов» – в «роман голосов».

ЛИТЕРАТУРА

1. Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. М. : Интрада – Инион, 1999.
2. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. с фр. и вступит. ст. И. Вдовиной. М. : Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2002. 624 с.
3. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / пер. с нем. В.В. Библихина. М. : Республика, 1993. 447 с.
4. Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах. СПб. : Symposium, 2014. 285 с.
5. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Л. : Худож. лит., 1976. 448 с.
6. Местергази Е.Г. Литература нон-фикшн/non-fiction: Экспериментальная энциклопедия. Русская версия. М. : Совпадение, 2007. 327 с.
7. Алексиевич С.А. В поисках вечного человека. URL: <http://alexievich.info>
8. Сивакова Н.А. Цикл Светланы Алексиевич «Голоса Утопии»: особенности жанровой модели // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. 2014. № 1 (82). С. 148–151.
9. Гурска К. Творчество Светланы Алексиевич в контексте развития художественно-документальной прозы (повесть «Цинковые мальчики») // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2017. Т. 22, № 2. С. 291–301.
10. Найман Е.А. «Сцена письма» и «метаморфоза истины»: (Ж. Деррида – Ж. Делёз) // Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века. Томск : Водолей, 1998. С. 205–217.
11. Алексиевич С.А. Цинковые мальчики. М. : Молодая гвардия, 1991. 172 с. В дальнейшем все цитаты даются по этому изданию с указанием в круглых скобках страны.
12. Одесский М. Героический миф о Чапаеве // Новый взгляд. 2007. № 11 (17 ноября). URL: <http://www.newlookmedia.ru/?p=2763>
13. Аннинский Л.А., Цейтлин Е.Л. Вехи памяти. О книгах Н.А. Островского «Как закалялась сталь» и Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69». М. : Книга, 1987. 384 с.
14. Толстая-Сегал Е.К. Литературному фону книги «Как закалялась сталь» // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1981. XXII (4). Oct.-déc. P. 375–399. URL: https://www.persee.fr/doc/cmrg_0008-0160_1981_num_22_4_1923
15. Твен М. Приключения Тома Сойера. Приключения Гекльберри Финна / пер. с англ. К. Чуковского, Н. Дарузес. М. : Детская лит., 1971. 462 с.
16. Груздева Е.А. Просветительская идеология в творчестве Марка Твена (на материале романа «Приключения Гекльберри Финна») // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 2. С. 125–128.
17. Митягина С.С. Отражение религиозных исканий Э. Войнич в литературном творчестве писательницы // Филология и литературоведение. 2011. № 1. URL: <http://philology.snauka.ru/2011/10/14>
18. Войнич Э.Л. Овод. URL: https://www.bookol.ru/nauka_obrazovanie/istoriya/59670/fulltext.htm
19. Сэлинджер Дж.Д. Над пропастью во ржи. URL: <https://www.bookol.ru/proza-main/proza/48623/fulltext.htm>
20. Яценко В.М. История зарубежной литературы второй половины XX века. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2009. 336 с.
21. Гурска К., Коваленко А.Г. Образ времени в книге С. Алексиевич «Время секунд хэнд»: своеобразие художественного конфликта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2019. Т. 24, № 1. С. 54–64.
22. Вепрева И.Т., Шадрин Т.А. Идеологема и мифологема: интерпретация терминов // Научные труды профессорского Уральского института экономики, управления и права. Екатеринбург, 2006. Вып. 3. С. 120–131.
23. Правда. 1987. № 302. 29 октября. С. 6.
24. Поплавская И.А. Художественная хронология эмоций в лирике В.А. Жуковского // Жуковский: Исследования и материалы. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017. Вып. 3. С. 139–167.
25. Палиевский П.В. Документ в современной литературе // Палиевский П.В. Литература и теория. М. : Сов. Россия, 1979. С. 128–132.
26. Деррида Ж. Конец книги и начало письма // Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века. Томск : Водолей, 1998. С. 218–224.
27. Ушакин С. Осколки военной памяти: «Все, что осталось от такого ужаса?» [Рец. на кн.: Алексиевич С. Последние свидетели: соло для детского голоса. М. : Время, 2007. 304 с.] // Новое литературное обозрение. 2008. № 5 (93). URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/5/oskolki-voennoj-pamyati-vse-chto-ostalos-ot-takogo-uzhasa.html>
28. Чудакова М.О. «Военное» стихотворение Симонова «Жди меня...» (июль 1941 г.) в литературном процессе советского времени // Новое литературное обозрение. 2002. № 6 (58). URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2002/6/voennoe-stihotvorenie-simonova-zhdi-menya-iyul-1941-g-v-literaturnom-processe-sovetskogo-vremeni.html>
29. Суханов В.А. Личный дневник в структуре документального и художественного повествования: «Отблеск костра» и «Старик» Ю. Трифонова // Текст. Книга. Книгоиздание. 2019. № 20. С. 35–54.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 11 декабря 2020 г.

Specific Features of Protagonists' Literary Reflections in the Writings of Svetlana Alexievich (*Zinky Boys*)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 463, 47–54.

DOI: 10.17223/15617793/463/6

Sonu Saini, Jawaharlal Nehru University (New Delhi, India). E-mail: sonusaini@mail.jnu.ac.in

Irina A. Poplavskaya, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lady-plvs@yandex.ru

Ranjana Saxena, University of Delhi (New Delhi, India). E-mail: ranjana200580@gmail.com

Keywords: literary-documentary prose; homo legens – reading human; novel of voices; literary reflections; intertextual connections.

This article investigates literary reflection as an expression of self-awareness and self-identification of characters in literature. Based on the reading circle and interpretation of literary texts, the characters' self-awareness and self-identification, and the author–hero–reader relationship's originality are revealed. The article is based on the “novel of voices” *Zinky Boys* by Svetlana Alexievich. The phenomenological, hermeneutic, structural and semiotic, receptive, historical and cultural, historical and literary-based research methods are used in this study. The study has revealed that literary reflection is the characters' reflection on the books they read, the storytellers' reflection on what has been read, and the finalizing aesthetic view of the author's reflection. It is proved that the “live voices” in the novel *Zinky Boys* convey the feel of self-presence of the characters themselves. Simultaneously, the transformation of the voices into an “arena of writing” makes it possible to highlight their dissimilarity. The aesthetic transformation of the stories heard into generalizing signs and the signifier takes place. It is argued that, in *Zinky Boys*, the official Soviet myths about the Afghan war are juxtaposed with the social and existential experience of officers, employees, and their relatives: wives and mothers. Literature – such works as *The Adventures of Huckleberry Finn* by Mark Twain, *The Gadget* by Ethel Lilian Voynich, *The Catcher in the Rye* by Jerome David Salinger, fables of Ivan Krylov, the essay “Afghan Madonnas” of the war journalist Pyotr Studenikin, and unwritten stories of participants of the war – plays a vital role in shaping this experience. The authors of the article conclude that the literary texts of the participants in the Afghan war reveal one of the essential principles of the writer's literary-documentary prose: the principle of reconstruction. Reconstruction of experienced events by the storytellers, reconstruction of the recorded stories by the author, reconstruction by the reader of the social and cultural context of the novel and with the help of these facts creating one's alternative history of this war. Another critical factor in *Zinky Boys* is the author's aesthetic view on the characters-storytellers. It is the view of belonging as a collective living-survival experience of the Afghan war, as “complicity of the author and fact”. The author aesthetically conceptualizes, summarizes, and completes the literary reflection of the characters-storytellers in *Zinky Boys*. It is primarily due to this that documentary prose transforms into literary-documentary one. The recorded “live voices” also transform into a “novel of voices”.

REFERENCES

1. Il'in, I.P. & Tsurganova, E.A. (eds) (1999) *Sovremennoe zarubezhnoe literaturovedenie (strany Zapadnoy Evropy i SShA): kontseptsii, shkoly, terminy. Entsiklopedicheskiy spravochnik* [Modern foreign literary criticism (Western European countries and the USA): concepts, schools, terms. Encyclopedic reference book]. Moscow: Intrada – Inion.
2. Ricoeur, P. (2002) *Konflikt interpretatsiy. Ocherki o germeneytike* [The conflict of interpretations. Essays on hermeneutics]. Translated from French by I. Vdovina. Moscow: Kanon-press-Ts; Kuchkovo pole.
3. Heidegger, M. (1993) *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches]. Translated from German by V.V. Bibikhin. Moscow: Respublika.
4. Eco, U. (2014) *Shest' progulok v literaturnykh lesakh* [Six walks in the fictional woods]. Translated from English. St. Petersburg: Symposium.
5. Ginzburg, L.Ya. (1976) *O psikhologicheskoy proze* [On psychological prose]. Leningrad: Khudozh. lit.
6. Mestergazi, E.G. (2007) *Literatura non-fikshn/non-fiction: Eksperimental'naya entsiklopediya. Russkaya versiya* [Non-fiction: An Experimental Encyclopedia. Russian version]. Moscow: Sovpadenie.
7. Alexievich, S.A. (n.d.) *A Search for Eternal Man*. [Online] Available from: <http://alexievich.info>.
8. Sivakova, N.A. (2014) Tsikl Svetlany Aleksievich “Golosa Utopii”: osobennosti zhanrovoy modeli [Svetlana Alexievich's Cycle “Voices of Utopia”: features of the genre model]. *Izvestiya Gomel'skogo gosudarstvennogo universiteta im. F. Skoriny*. 1 (82). pp. 148–151.
9. Gurska, K. (2017) The work of Svetlana Alexievich in the context of the history of documentary fictional prose (“Boys in Zinc”). *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika – RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 22 (2). pp. 291–301. (In Russian).
10. Nayman, E.A. (1998) “Stseny pis'ma” i “metamorfoza istiny”: (Zh. Derrida – Zh. Delez) [The “scene of writing” and the “metamorphosis of truth”: (J. Derrida – G. Deleuze)]. In: Surovtsev, V.A. & Nayman, E.A. (eds) *Intentsional'nost' i tekstual'nost'. Filosofskaya mysl' Frantsii XX veka* [Intentionality and textuality. Philosophical thought of France of the 20th century]. Tomsk: Vodoley. pp. 205–217.
11. Alexievich, S.A. (1991) *Tsinkovye mal'chiki* [Zinky Boys]. Moscow: Molodaya gvardiya.
12. Odesskiy, M. (2007) Geriocheskiy mif o Chapaev [The heroic myth of Chapaev]. *Novyy vzglyad*. 11 (17 noyabrya). [Online] Available from: <http://www.newlookmedia.ru/?p=2763>
13. Anninskiy, L.A. & Tseytin, E.L. (1987) *Vekhi pamyati. O knigakh N.A. Ostrovskogo “Kak zakalyalas' stal'” i Vs. Ivanova “Bronepoed 14-69”* [Milestones of memory. On the books “How the Steel Was Tempered” by N.A. Ostrovsky and “Armored Train 14-69” by Vs. Ivanov]. Moscow: Kniga.
14. Tolstaya-Segal, E. (1981) K literaturnomu fonu knigi “Kak zakalyalas' stal'” [To the literary background of the book “How the Steel Was Tempered”]. *Cahiers du Monde russe et soviétique*. XXII (4). Oct.-déc. pp. 375–399. [Online] Available from: https://www.persee.fr/doc/cmr_0008-0160_1981_num_22_4_1923.
15. Twain, M. (1971) *Prikluycheniya Toma Soyera. Prikluycheniya Gekl'berri Finna* [The Adventures of Tom Sawyer. The Adventures of Huckleberry Finn]. Translated from English by K. Chukovskiy, N. Daruzes. Moscow: Detskaya lit.
16. Gruzdeva, E.A. (2012) Enlightening Ideology in Mark Twain's Work (Based on the Novel The Adventures of Huckleberry Finn). *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 2. pp. 125–128. (In Russian).
17. Mityagina, S.S. (2011) Otrazhenie religioznykh iskanii E. Voynich v literaturnom tvorchestve pisatel'nitsy [Reflection of E. Voynich's Religious Searches in Her Literary Works]. *Filologiya i literaturovedenie*. 1. [Online] Available from: <http://philology.snauka.ru/2011/10/14>.
18. Voynich, E.L. (2019) *Ovod* [The Gadget]. [Online] Available from: https://www.bookol.ru/nauka_obrazovanie/istoriya/59670/fulltext.htm.
19. Salinger J.D. (2019) *Nad propast'yu vo rzhi* [The Catcher in the Rye]. Translated from English. [Online] Available from: <https://www.bookol.ru/proza-main/proza/48623/fulltext.htm>.
20. Yatsenko, V.M. (2009) *Istoriya zarubezhnoy literatury vtoroy poloviny XX veka* [History of foreign literature of the second half of the 20th century]. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University.
21. Gurska, K. & Kovalenko, A.G. (2019) The image of the time in the book of S. Alexievich “Secondhand Time”: the originality of the artistic conflict. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika – RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 24 (1). pp. 54–64. (In Russian). DOI: 10.22363/2312-9220-2019-24-1-54-64
22. Vepreva, I.T. & Shadrina, T.A. (2006) Ideologema i mifologema: interpretatsiya terminov [Ideologeme and mythologem: interpretation of terms]. *Nauchnye trudy professorov Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava*. 3. pp. 120–131.
23. *Pravda*. (1987) 302. 29 October. p. 6.
24. Poplavskaya, I.A. (2017) Khudozhestvennaya khronologiya emotsiy v lirike V.A. Zhukovskogo [Artistic chronology of emotions in the lyrics of V.A. Zhukovsky]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Research and Materials]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University. pp. 139–167.
25. Palievskiy, P.V. (1979) *Literatura i teoriya* [Literature and theory]. Moscow: Sov. Rossiya. pp. 128–132.

26. Derrida, J. (1998) Konets knigi i nachalo pis'ma [The end of the book and the beginning of writing]. Translated from French. In: Surovtsev, V.A. & Nayman, E.A. (eds) *Intentsional'nost' i tekstual'nost'. Filosofskaya mysl' Frantsii XX veka* [Intentionality and textuality. Philosophical thought of France of the 20th century]. Tomsk: Vodoley. pp. 218–224.
27. Ushakin, S. (2008) Oskolki voennoy pamyati: "Vse, chto ostalos' ot takogo uzhasa?" [Rets. na kn.: Aleksievich S. Poslednie svideteli: solo dlya detskogo golosa. Moscow: Vremya, 2007. 304 s.] [Fragments of war memory: "All that remains of such horror?" [Book review: Alexievich, S. (2007) Last witnesses: solo for a children's voice. Moscow: Vremya. 304 p.]]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 5 (93). [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/5/oskolki-voennoj-pamyati-vse-chto-ostalos-ot-takogo-uzhasa.html>.
28. Chudakova, M.O. (2002) "Voennoe" stikhotvorenie Simonova "Zhdi menya..." (iyul' 1941 g.) v literaturnom protsesse sovetskogo vremeni [The "war" poem by Simonov "Wait for me ..." (July 1941) in the literary process of the Soviet era]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 6 (58). [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/nlo/2002/6/voennoe-stikhotvorenie-simonova-zhdi-menya-iyul-1941-g-v-literaturnom-protsesse-sovetskogo-vremeni.html>.
29. Sukhanov, V.A. (2019) A Personal Diary in the Structure of Documentary and Literary Narration: Otblesk Kostra and Starik by Yu. Trifonov. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 20. pp. 35–54. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/20/4

Received: 11 December 2020

ФИЛОСОФИЯ

УДК 130.31

Н.Н. Ростова

АНТИГУМАНИЗМ: ПРЕОДОЛЕНИЕ ГУМАНИЗМА ИЛИ ЕГО НОВАЯ ВЕРСИЯ?

Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Исследуется содержание понятия «антигуманизм» и его отношение к понятию «постгуманизм». На примере анализа знакового произведения Ж.-П. Сартра «Экзистенциализм – это гуманизм» и следовавших за ним рецензий западной философии автор показывает, что понятие антигуманизма имеет два противоположных смысла. В первом случае под антигуманизмом понимается преодоление темы человека в философии, и в этом отношении он сближается с постгуманизмом. Во втором случае антигуманизм предстает как критика гуманизма за его неспособность возвыситься до подлинной *humanitas* человека. Здесь мы имеем дело с попыткой по-новому поставить вопрос о человеке.

Ключевые слова: гуманизм; постгуманизм; идея смерти человека; человеческое; нечеловеческое; атеизм; М. Хайдеггер; Ж.-Л. Нанси; Ж. Деррида; П. Слотердаик.

В современной философии наметились две фундаментальные стратегии в отношении вопроса «Что есть человек?» – постгуманистическая и антропологическая, или, как мы ее называем, стратегия посткосмизма. Первая предполагает отказ от идеи исключительности человеческого существования. К данному направлению мысли относятся концепции трансгуманизма, «метегуманизма», «ингуманизма», нечеловеческие антропологии, нового материализма. Суть второй философской стратегии состоит в концептуализации различия человеческого и нечеловеческого в человеке [1]. К ней относятся сингулярная философия, синергийная антропология, проекты человека литургического, человека молчащего, человека перехода, человека софийного. Одновременно в литературе заявляет о себе «антигуманизм». К какой стратегии его следует отнести? Смысл антигуманизма не столь очевиден, как это может показаться, исходя из его названия. Аннулирование чего предполагает приставка «анти»? В данной статье мы исследуем внутренние противоречия антигуманизма, его связь с гуманизмом и постгуманизмом. Наша гипотеза состоит в том, что антигуманизм, несомненно, содержит в себе критику гуманизма. Однако эта критика носит прямо противоположный характер – она ведет либо к постгуманизму, либо, напротив, тяготеет к новой антропологии. Наше исследование мы проведем на примере анализа знаковой работы Ж.-П. Сартра «Экзистенциализм – это гуманизм» и повлекшей за ней реакции М. Хайдеггера, Ж.-Л. Нанси, П. Слотердайка, Ж. Деррида, Ф. Фукуямы, определяющей ландшафт современной философии.

Сартр: гуманизм как последовательный атеизм

«Я не гуманист», – заявляет главный герой романа Сартра «Тошнота» Антуан Рокантен. Кто такой гуманист? Гуманист – это тот, кто верит в людей, а не в Бога, чье одиночество разрешается в абстрактной любви к человечеству, никак, однако, не противоречащей ненависти к ближнему, особенно если тот гуманист иного толка. Гуманист любит не людей, а

символы, которые в них видит, – Молодость, Достойная старость, Любовь Мужчины и Женщины и проч. Непосредственности встречи он предпочитает анонимность толпы. Одиночка в толпе, с восторгом мнящий всех людей своими друзьями, – вот портрет гуманиста. Гуманизм всеяден и готов впитать в себя любые идеи как предваряющие себя ступени: «...гуманизм подхватывает и переопределяет в единый сплав всевозможные точки зрения... Он переварил уже антиинтеллектуализм, манихейство, мистицизм, пессимизм, анархизм, эгоизм: все они превратились в различные этапы развития мысли, в ее незавершенные формы, все оправдание которых только в нем, в гуманизме... я не хочу, – продолжает Рокантен, – чтобы меня превращали в эту составную... я не совершу глупости и не стану рекомендовать “антигуманистом”. Я просто не гуманист, только и всего» [2. С. 172]. Признать себя кем-то – значит навесить на себя ярлык и дать повод включить себя в игру становления гуманизма. Рокантен уклоняется от определений, закрепляющих за ним сущность, поэтому он не гуманист.

Именно на этом уклонении, ускользании от сущностного определения зиждется понятие гуманизма в манифесте 1946 г. Ж.-П. Сартра «Экзистенциализм – это гуманизм». Гуманизм – это и есть указание на то, что существование предшествует сущности. То, что мыслители не доделали в XVIII в., Сартр берет на себя. Атеисты убили бога, но не идею о том, что сущность предшествует существованию. Именно с этой идеей решается бороться Сартр, объявляя о том, что никакой природы у человека нет. Гуманизм – не ярлык, а новая позиция последовательного атеизма. Что значит последовательный атеизм? Это не попытки доказать несуществование бога, а признание того, что бог – не решающая категория. «Даже если бы бог существовал, – заключает Сартр, – это ничего бы не изменило... суть дела не в том, существует ли бог. Человек должен обрести себя и убедиться, что ничто не может его спасти от себя самого, даже достоверное доказательство существования бога» [3. С. 344].

Ответом на трагедию абсурдности мира оказывается не Бог, а экзистенциальный проект. Человек, говорит Сартр, «первоначально ничего собой не представляет. Человеком он становится лишь впоследствии, причём таким человеком, каким он сделает себя сам... Это и называется субъективностью, за которую нас упрекают. Но что мы хотим этим сказать, кроме того, что у человека достоинства больше, нежели у камня или стола? Ибо мы хотим сказать, что... человек – существо, которое устремлено к будущему и сознает, что оно проецирует себя в будущее. Человек – это прежде всего проект, который переживается субъективно, а не мох, не плесень и не цветная капуста» [3. С. 323]. Человек не мох и не плесень, не каштан и не скамейка, а проект, человек сам делает себя человеком. Он законодатель себя. И в этом законодательстве состоит его человечность.

Сартр выделяет два смысла слова «гуманизм» – тот, что был высмеян им в «Тошноте», и подлинный смысл, который ведет к тождеству с экзистенциализмом. Первый указывает на замкнутость, второй – на открытость. Замкнутый гуманизм – это гуманизм на манер Огюста Конта, который в пределе своем ведет к фашизму. В нем человек признается за высшую ценность и цель. Некое человечество объявляется объектом поклонения, и любой готов принять на себя почести и ответственность за плоды выдающихся личностей только на том основании, что он тоже человек. Такой гуманизм нам не нужен, говорит Сартр. Человек не может рассматриваться как ценность и цель уже потому, что он не завершен, он проект, направленный в будущее. Второй смысл гуманизма состоит в трансцендентности. «Человек находится постоянно вне самого себя. Именно проектируя себя и теряя себя вовне, он существует как человек», – утверждает Сартр [3. С. 343]. Человек – всегда тот, кто находится за пределами себя, тот, кто обнаруживает себя, теряя себя: «Реализовать себя по-человечески, – говорит Сартр, – человек может не путём погружения в самого себя, но в поиске цели вовне» [3. С. 344]. Куда же может трансцендировать атеист? Как и предсказывал Ф.М. Достоевский, осиротевшие люди потянутся друг к другу. Версильев говорит: «Люди остались одни, как желали: великая прежняя идея оставила их; великий источник сил, до сих пор питавший и гревший их, отходил... И люди вдруг поняли, что они остались совсем одни, и разом почувствовали великое сиротство... Осиротевшие люди тотчас же стали бы прижиматься друг к другу теснее и любовнее; они схватились бы за руки, понимая, что теперь лишь они одни составляют все друг для друга. Исчезла бы великая идея бессмертия, и приходилось бы заменить ее; и весь великий избыток прежней любви к тому, который и был бессмертием, обратился бы у всех на природу, на мир, на людей, на всякую былинку» [4. С. 454–455]. Избыток любви Сартр выплескивает на Другого. Человек для него трансцендирует не к Богу, а к Другому. Не Бог, но Другой – тот, в ком человек находит себя и удостоверяет. Всякий проект нуждается в удостоверении Другим. Иначе говоря, человеческое учреждается в Другом. Сартр ищет обоснование своей философии, возможность истины в *cogito* Декарта. Но

в *cogito* превращенном. Субъективность трактуется им как «интерсубъективность». Истина сознания, постигающего самое себя, мутирует в истину сознания, данного Другому, – миру человеческих ценностей. «Эта связь, – пишет Сартр, – конституирующей человека трансцендентности (не в том смысле, в каком трансцендентен бог, а в смысле выхода за свои пределы) и субъективности – в том смысле, что человек не замкнут в себе, а всегда присутствует в человеческом мире, – и есть то, что мы называем экзистенциалистским гуманизмом» [3. С. 343–344]. Сартр хотел спасти человека от Бога, задающего сущность человека, и от материализма, сводящего человека к предметным связям, но связал человека конституирующей ролью Другого, трансцендированием в свете отсутствия трансцендентного. Человеческое оказалось вынесенным за пределы человека и объективированным в человеческих ценностях. Если человек детерминирован Другим, то Другой – миром. Антропологическое пространство интерсубъективности Сартр помещает в универсум. Существует, говорит он, «некая общность условий человеческого существования». Что это значит? Условия человеческого существования – это «совокупность априорных пределов, которые очерчивают фундаментальную ситуацию человека в универсуме. Исторические ситуации меняются: человек может родиться рабом в языческом обществе, феодальным сеньором или пролетарием. Не изменяется лишь необходимость для него быть в мире, быть в нем за работой, быть в нем среди других и быть в нем смертным» [3. С. 336]. Каждый проект устанавливается в отношении этих условий человеческого существования в мире, а поскольку это так, постольку всякий проект универсален, и мы, говорит Сартр, способны понять идиота, ребенка, китайца, равно как любого другого. Сартр отказывается назвать природой человека труд и конечность, прибегая к эвфемизму «ситуация человека в мире». Он постулирует тотальную свободу, но тут же помещает проективного человека в мир.

Вот эта двойная редукция человеческого сначала к Другому, а затем – к миру не могла не вызвать критику. М. Хайдеггер, с одной стороны, и Ж.-Л. Нанси – с другой, которые дают ответ на манифест Сартра. Так рождается антигуманизм как попытка преодолеть ложь гуманизма, не способного увидеть в человеке человеческое. В свою очередь, позиция М. Хайдеггера вызывает ответ, с одной стороны, Ж. Деррида, с другой – П. Слотердайка. Вслед за Ж. Деррида развивается философия Ф. Фукуямы, мысль же Деррида впоследствии неожиданно начинает сближаться с Хайдеггером, так что мы имеем дело с настоящей идейной перипетией в философии, которая создала почву для современного напряжения мысли между антропологией и постгуманистической традицией.

М. Хайдеггер: нечеловеческое как подлинно человеческое

Хайдеггер – антигуманист. Само понятие «гуманизм» – это событие деградации языка. «Измы», «этика», «логика» и прочие клише появляются в язы-

ке тогда, когда он утрачивает связь с мыслью. Древние греки не называли свою мысль философией, а теперь, говорит Хайдеггер, мы «занимаемся философией». То есть мы не мыслим. Русскоязычному читателю известен недавний мультимедийный документальный фильм «Кто сегодня делает философию в России». Мы перестали думать и начали делать философию, как сапоги. Но утрата связи с мыслью указывает не просто на упадок языка, но на упадок человека.

Гуманизм, пишет Хайдеггер, это «раздумье и забота о том, как бы человек стал человеческим, а не бесчеловечным, “негуманным”, т. е. отпавшим от своей сущности. Однако на чем стоит человечность человека? – и тут же отвечает, – Она покоится в его существе» [5. С. 196]. Сущность человека заключена в его существе. Существо человека делает его человеческим. Но в чем состоит существо человека? В чем человек (*homo*) обретает свою человечность (*humanitas*)? Вот подлинное существо вопроса.

Маркс обнаруживает человечность человека в обществе, Сартр – в проективности, христианство – в отношении к Богу, мыслители эпохи Возрождения вслед за римлянами – в греческой «пандей» (предполагающей «круг знания» и «наставление в добрых искусствах»), и аналогично тому, как римляне видели бесчеловечность у варваров, находят ее в Средневековой культуре. Названные и все прочие виды гуманизма Хайдеггер обвиняет в неспособности подойти к подлинно человеческому в человеке. «Как бы ни были различны эти виды гуманизма, – говорит Хайдеггер, – по цели и обоснованию, по способу и средствам осуществления, по форме своего учения, они все сходятся на том, что *humanitas* искомого *homo humanus* определяется на фоне какого-то уже утвердившегося истолкования природы, истории, мира, мироосновы, т.е. сущего в целом. Всякий гуманизм или основан на определенной метафизике, или сам себя делает основой для таковой... При определении человечности человека гуманизм не только не спрашивает об отношении бытия к человеческому существу. Гуманизм даже мешает поставить этот вопрос, потому что ввиду своего происхождения из метафизики не знает и не понимает его» [5. С. 197]. Гуманизм и метафизика обосновывают друг друга. Метафизика гуманистична, гуманизм метафизичен. Метафизика, имея дело с сущим, предает забвению вопрос об истине бытия.

Человек предстает в гуманизме как *animal rationale*, живое разумное существо. Это верное определение, скажет Хайдеггер, но роковым образом не достаточное. Сколько бы мы не надстраивали над телом душу, дух и прочие субстанции, сколько бы ни пытались отгородить человека от других существ – «растения, животного и Бога», – мы никогда не подойдем к *humanitas* человека.

Человек не есть сущее среди прочих сущих (к которому Хайдеггер относит и Бога). Человечность человека состоит в отношении к бытию – в затребованности бытием. Человек должен «открыться для требования бытия», только так он обретет «кров для обитания в истине бытия» [5. С. 195]. Гуманизм определяет горизонт человеческого сущим, Хайдеггер – отноше-

нием к бытию. Гуманизм видит *animalitas* человека и не способен узреть *humanitas* человека.

Не отвергая измерение *animalitas*, Хайдеггер призывает к подлинному гуманизму, который в отношении исторически сложившегося, метафизического гуманизма становится его противопоставлением, антигуманизмом. «Высшие гуманистические определения человеческого существа, – заявляет Хайдеггер, – еще не достигают собственного достоинства человека... Мысль идет против гуманизма потому, что он ставит *humanitas* человека еще недостаточно высоко» [5. С. 201].

Не есть ли в таком случае философия Хайдеггера подлинный гуманизм? Хайдеггер отвечает: конечно. Это гуманизм, мыслящий человечность человека, исходя из его близости к бытию. Это, уточняет он, гуманизм «странного рода». Критика гуманизма – не апология бесчеловечности, равно как смерть Бога – не нигилизм, критика гуманизма лишь «открывает другие перспективы», она позитивна в своей сути.

Хайдеггер оказывается более последовательным атеистом, нежели Сартр. Если Сартр идет по пути редуционизма, сводя человека к миру, то Хайдеггер предлагает альтернативу теологии – фундаментальную онтологию, которая позволяет истину человека возвести к истине бытия. Отказавшись от Бога и проповедуя идею трансцендирования без трансцендентного, Сартр редуцирует человечность к Другому, Хайдеггер, напротив, ищет ее в затребованности бытием. Сартр предпочитает горизонтальную логику, Хайдеггер – вертикальную.

Правда, Хайдеггер не хочет квалифицировать фундаментальную онтологию как атеизм, без лишних слов отнеся Бога к сущему, а христианство – к ведению метафизики, т.е. к тому, что нужно преодолеть, как марксизм, экзистенциализм Сартра и прочие виды гуманизма.

Но Бог не сущее среди прочих сущих, а христианство не метафизика в понимании Хайдеггера. С точки зрения онтологии, Бог обеспечивает свободу человека от мира, т.е. задает горизонт человеческого в человеке. Понимая, что этого горизонта нет в сущем и желая обойти фигуру Бога, Хайдеггер разрешает проблему человека, концептуализируя понятие бытия. Хайдеггер пишет: «...при определении человечности человека как экзистенции существенным оказывается не человек, а бытие как экзистическое измерение экзистенции» [5. С. 203]. Таким образом, человеческое в человеке оказывается нечеловеческим. Если для философии, утверждающей трансцендентное измерение, тайна человека заключена в богочеловечности и нечеловеческое тождественно божественному, то для Хайдеггера тайна человека заключена в отношении к бытию и нечеловеческое тождественно бытию. Бытие – замена Бога. Человек Хайдеггера пассивен в отношении к затребующему его бытию так же, как человек в христианстве – по отношению к благодати. Причина экзистенции не в человеке, но в бытии, оно дарит себя и открывает себя как онтологическую родину. Противоречивость позиции Хайдеггера состоит в том, что бытие – это то, что *дано* человеку в отличие от того, что есть (сущее), и от того, чего нет (небы-

тие). Провозглашая примат онтологии над антропологией, говоря о бытии в терминах дарения и самоотдачи, Хайдеггер антропологизировал само понятие бытия. Иными словами, превышающее человека нечеловеческое ничем не отличается от продукта субъективности человека. Прямой плод такой философии, скажет Слотердаик, любое бормотание и молчание.

Нанси: сущность как трюк гуманизма

Многие вещи сегодня, говорит Нанси, потеряли свою очевидность. «Свобода», «существование», «смысл», «философия» – значения этих слов и объемлющего их понятия «гуманизм» приостановлены. Гуманизм устарел, утратил современность, он сам поставлен под вопрос.

«В то время, когда “гуманизм” завоевывает всемирное признание, – пишет Нанси, – уже более не очевидно, что сущность “человека”, как она была понята и сформулирована на “Западе”, является достижением, а не концом самой нашей традиции» [6. С. 151].

Гуманизм указывает не на апофеоз, но на закат европейской культуры. Он устарел, ибо устарел сам кантовский вопрос: что значит быть человеком? Этот вопрос устарел потому, что предполагает определение человека, исходя из его сущности. Вопрос гуманизма – это вопрос о сущности человека. «Любой ответ, – говорит Нанси, – типа “человек – это то-то и то-то, и он должен быть таким-то и таким-то”, то есть любой ответ, претендующий быть неким гуманизмом, устарел. Нет больше гуманизма, чтобы с его помощью дать ответ, нет ни в одном из способов размышления, до сих пор претендовавших на то, чтобы быть гуманизмом (теология, историзм, марксизм, экзистенциализм, персонализм и т.д.)» [6. С. 152].

Дело не в том, чтобы изобрести новый вид гуманизма, ибо он исчерпал себя, но в том, чтобы его преодолеть в новой постановке вопроса. Нанси нравится Фуко с его идеей смерти человека. Вслед за ним Нанси объявляет: «...быть человеком это, по крайней мере, не располагать никакой сущностью. Нет такой сущности человека, посредством которой можно было бы определить или заключить, каким образом этот “человек” должен жить, иметь свои права, свою политику, свою этику. Ибо для нас (на “Западе”) такая сущность просто исчезла» [6. С. 151–152]. Слово «человек» Нанси заключает в кавычки, ибо оно отсылает к дискурсу чужих. Человек – это не сущность. Быть человек – значит не располагать никакой сущностью. Нанси предлагает новую постановку вопроса: «что или кто есть “мы”, если не сущность?» [6. С. 152]. И дает ответ: существование. «Мы» – это не сущность, а существование.

Дискурсу сущностей и субстанций Нанси противопоставляет дискурс существования. Не далеко уйдя от Пико делла Мирандоллы, для которого человек как «творение неопределенного образа» есть славный мастер самого себя, Нанси решает проблему свободы человека. Ибо если мы признаем за человеком сущность, то мы вместе с тем должны будем признать его необходимость следовать собственной природе. Отказаться в сущности – значит

открыть возможность самодетерминации человека. Что значит существование? Существование Нанси определяет как абсолютную беспредпосылочность. Конечно, говорит Нанси, у нас есть родители, страна, в которой мы родились, язык, на котором мы говорим, и прочее, но «есть и еще что-то». Вот этот принципиальный беспричинный избыток и составляет суть человека. «Существование – только в том, что нечто есть, есть там и тогда, где и когда та же вещь могла бы и не быть» [6. С. 154]. Нанси упрекает Сартра в том, что тот просто играет словами, меняя местами сущность и существование. Не важно, что в начале, а что в конце, ибо там, где сущность, там действует запрет на существование. «Существование означает и существование в том и есть, чтобы не иметь никакой сущности. Или “быть собственной сущностью”, как утверждает Хайдеггер, но так, чтобы не иметь никакой сущности, будучи самостью. Такова “сущность” не-сущности. В отличие от Сартра, для которого существование идет “первым”, здесь сущность не приходит никогда и тем самым существованию не нужно быть “первым” или “вторым”. Ничто не предшествует существованию, ничто не идет за ним следом. Но существование приходит абсолютно» [6. С. 155]. Сущность не предпослана и не приходит никогда. Настаивая на абсолютности существования, Нанси не замечает, что ведет спор с самим собой, ибо понятие существования как абсолютной бесосновности и свободы принадлежит Сартру. Существовать – значит быть здесь, только и всего, говорит Сартр, существование свободно от необходимости, его суть – случайность. Человек – проект, он всегда незавершен, а потому любые определения человека невозможны, ставит точку Сартр. Нанси следовало бы не повторять определение Сартра, но критически отнестись к тому, как тот экстраполирует свой гуманизм на вещи. Нанси уточняет: существовать, пребывать без сущности – значит быть показанным: «существование есть абсолютность не-сущностной экспозиции, или показа» [6. С. 156]. Для Нанси «мы» – это те, кто выставляет себя напоказ. Сообщество – это и есть бытие выставленных друг другу напоказ. Для Сартра вещи выставляют себя напоказ. «Вещи выставляли себя напоказ друг другу, – пишет он в «Гошноте», – поверяя друг другу гнусность своего существования...» [2. С. 184]. Но разве вещи могут выставлять себя напоказ? Ведь для этого нужно предположить, что у них есть внутренние состояния. Показать – значит невидимое сделать видимым.

Для чего Нанси понятие показа? Для того чтобы еще раз сказать нам о существовании как о категории, указывающей на принципиальную открытость всем возможностям. «Чему в своем показе открыто существование? Быть тем, что оно есть, что значит: существовать, или быть тем, что могло бы и не быть. Оно открыто навстречу возможности бытия и небытия» [6. С. 156]. Нарастивая определение существования, Нанси нетрудно перейдет к тавтологичным в данном случае понятиям свободы как бесосновности и добытийственному «Un-Grund», смыслу как ателеологич-

ности, антифашизму и событию. Я, говорит Нанси, против тотального искусства, метафизики, фашизма, одного значения и образа мира. Я за «множественность предъявлений» [6. С. 161], будь то искусство, сексуальность, философия и проч. В анархизме обвиняли Сартра, Нанси не спешит оправдываться в своем плюрализме. На не лишнее толерантности замечание своей собеседницы о том, что невозможно смотреть «слабые телепередачи» современного телевидения, Нанси упрекает ее в снобизме, ибо деление на «высокое» и «низкое» не имеет смысла [7]. Или, как лаконичнее утверждает Нанси, переворачивая вслед за Делезом и Ницше платонизм вверх ногами: «Множественность сущего лежит в основании бытия» [8. С. 31]. Все в своем различии равны, ибо отсутствуют основания для иерархий и репрессий. Мир Нанси – это мир тотального гостеприимства.

Однако Нанси использует понятие показа не из простой страсти к плеоназмам. Понятие показа играет для него роль третьего, нейтрального термина, снимающего оппозицию внешнего и внутреннего. «Быть показанным – это быть положенным “вовне”. Не “из-вне” (из чего-то подобного “внутреннему”), но как внешнее. (По правде говоря, “внутри” и “вовне” здесь более неуместны). “Внутри” и есть здесь “вовне”: например, тело существует как выставленная напоказ поверхность. Оно функционирует как организм, со своим внутренним и внешним, но оно существует как поверхность, на которой все и происходит его существованием» [6. С. 155–156]. Быть показанным – значит существовать как поверхность. Внешнее – не оппозиция внутреннему, но, как лента Мебиуса, внешнее в качестве внутреннего и внутреннее в качестве внешнего. Подобно Делезу, дискредитировавшему понятие трансцендентного и переосмыслившему его в качестве эффекта имманентного, Нанси опустошает понятие показа. Показ для Нанси – это не то, что предполагает внутреннее, но, напротив, то, что накладывает запрет на онтологическое различие внешнего и внутреннего. Показ находится по ту сторону этих различий. Стратегия индифферентного к онтологическим различиям дискурса сближает Нанси с постгуманизмом. Сартр объявил, наконец, что человек не плесень и не цветная капуста, отказавшись апеллировать в своем гуманизме к вещам. Нанси отождествил человека с телом, а проблему внутреннего редуцировал к проблеме внутренних органов.

На языке телесности мы не отличим человека и животное, а потому неслучайно Нанси заговорит о «кто и что» и «некоторых живых существах» [6. С. 156], отказываясь отныне использовать слово «человек». Дискурс телесности Нанси последовательно разовьет в работе «Согрус», приблизившись к постгуманизму Делеза. А в работе «Бытие единичное множественное» объединит его с дискурсом со-бытия: «Онтология со-бытия, – говорит он, – это онтология тел, всех тел, живых, неживых, чувствующих, говорящих, мыслящих, имеющих вес» [8. С. 133]. Существовать – значит со-существовать. Мы существуем, что значит – мы со-существуем. «Мы» – это не чело-

веческое «мы», но «мы» всякого существующего тела: «...бытие может быть, – уточняет Нанси, – лишь когда это бытие-одних-вместе-с-другими... Всех вещей, всех бытующих, всех существующих, прошлых и будущих, живых и мертвых, неодоушевленных, камней, растений, гвоздей, богов – и “людей”...» [8. С. 17–18]. Понятие совместного бытия Нанси распространяет на всю природу, «материю», отказавшись от идеи человеческой исключительности.

Слотердаjk: история гуманизации

Слотердаjk пишет «ответ на письмо Хайдеггера о гуманизме». Он обвиняет Хайдеггера в том, что тот своей критикой гуманизма открыл дорогу постгуманизму и трансгуманизму. Почему Хайдеггер постгуманист? Потому что он убрал человека из центра, сделав его «соседом бытия», покорным пастухом, нанятым на службу самим бытием. Хайдеггер действительно сместил свой интерес с человеческого на нечеловеческое, и именно в нем нашел источник человечности. Однако антигуманизм Хайдеггера в силу тех же причин, что и космизм, не связан с постгуманизмом и трансгуманизмом, ибо они предполагают противоположное понимание нечеловеческого. Нечеловеческое постгуманизма – это природа. Человек имеет природные изъяны, и если в трансгуманизме речь идет о совершенствовании человека, то под совершенствованием понимается восполнение природы посредством техники и биоинженерии. Нечеловеческое нивелирует человеческое, делая последнюю категорию избыточной. Хайдеггер решает не техническую задачу, а онтологическую. Бытие – это то, что онтологически обеспечивает человечность человека, отделяя его от природного мира. Нечеловеческое постгуманизма – это редукция человеческого к природе, нечеловеческое у Хайдеггера – это онтологическое расширение, выступающее условием человеческого.

Желая поправить Хайдеггера, решительным образом противопоставившего человека и животное, Слотердаjk как постгуманист поставил себе задачу вернуть человека природе, сделать его соседом природы, а не бытия. Нахождение в просвете бытия, заявил он, не есть изначальное онтологическое состояние человека, но то, которому предшествует животное состояние. А потому стоит говорить не о просвете бытия, а о его генезисе, а именно о генезисе человеческого из животного, о том, «как из *sapiens*-животного возник *sapiens*-человек» [9]. Историю становления человека из животного Слотердаjk объясняет с помощью известной идеи «животной незрелости человека», «неудачи» его как животного, которая определила его выпадение из окружающей среды и «вхождение в мир».

Для Слотердаjка гуманизм является исторической проблемой, а не антропологической или онтологической. А потому постгуманизм в его понимании связан не с редукцией человека к нечеловеческой природе, а с кризисом гуманизма. Что такое гуманизм? «Гуманизм как слово и дело всегда содержит в себе “против чего”», – говорит Слотер-

дайк [9]. В основе гуманизма лежит идея преодоления «животной природы» человека, его дикости и варварства, к которым Слотердайк относит грубую военную силу, равно как и «повседневное озверение (Bestialisierung) людей посредством раскрепощающих медиа-развлечений» [9]. Человечность состоит в том, чтобы выбрать обуздывающие средства. Что это за средства? Традиционно для европейской культуры этими средствами всегда считалась литература. Литература умирляет, обуздывает: «правильная литература, – говорит Слотердайк, – делает кротким» [9]. Литературный канон обеспечивает социальные синтезы, учреждающие гуманистическое общество. Литературные послания, устанавливая всеобщую связь, скрепляют множество в единое целое. Как выражается Слотердайк, в сердцевине гуманизма лежит фантазия секты о солидарности тех, кто избран для чтения. Гуманизм становится причиной появления наций. Нации – литературный продукт, результат принудительной дружбы множества с единым канонem. Однако осознанная роль литературы в деле гуманизма должна быть восполнена неосознанной ролью «доместикации». Литературы, говорит Слотердайк, явно было недостаточно для обуздывания человека. Укрощающей силой равно был дом, оседлость, что ускользнуло от мысли самих гуманистов. Одомашнивание делает человека человеческим. Дом – это досуг, досуг – это созерцание, теория, т.е., как выражается Слотердайк, «веселый взгляд из окна». Размышления во время прогулок могут возникнуть только у того, у кого за спиной дом. Современной массовое общество Слотердайк называет постгуманистическим именно потому, что оно стало послитературным. Гуманизму пришел конец, ибо литература, не способная отныне выполнять роль скрепы в условиях масс-медиа и информационных технологий, выродилась в субкультуру. Литературу смещают «новые средства политико-культурной телекоммуникации» [9], интригует нас Слотердайк, оставляя без пояснений, что это за средства и какое отношение к гуманизму они имеют. Что же случилось с домом? Слотердайк умалчивает и об этом. Когда он написал этот текст, пространство дома еще принадлежало своей истине, хотя другой уже прокрался в дом вместе с телевидением и интернетом. Сегодня в сломанном объявленной пандемией мире дом начинают поглощать социальные структуры, не оставляя место интимному. Мы уже не можем бросить веселый взгляд из окна, ибо другой, захватывающий дом крадет наше одиночество. Теперь дома мы не у себя. Не наедине с собой. Беззастенчивый взгляд другого преследует нас.

Постгуманизм Слотердайка парадоксален, ибо радикального противопоставления философии Хайдеггера не получилось. То, что Хайдеггер связал с бытием, Слотердайк признал по умолчанию. Что именно? Человека. «Животная натура» у Слотердайка есть не что иное, как человеческая натура, ибо агрессия, не знающая биологического закона экономии, «повседневное озверение» и «бестиальность» – это именно то, что отличает человека от животного, то, что указы-

вает на его свободу. Гуманизм в понимании Слотердайка тогда есть не что иное, как окультуривание человека, а не заявленное производство человеческого из нечеловеческого. В отличие от Хайдеггера историческая позиция Слотердайка освобождает его от необходимости объяснять возможность человека в мире.

Деррида: о последнем сомнамбулическом прыжке высшего человека и опоздавших на последний поезд

Как обстоят дела с человеком во Франции? – задается вопросом Деррида в 1968 г. Почвой европейской послевоенной мысли, говорит он, был гуманизм и антропологизм. Экзистенциализм, персонализм, марксизм, философия ценностей проникнуты духом гуманизма. Однако в его основании лежит невероятное недоразумение, причина которого кроется в неожиданном прочтении Гегеля, Гуссерля и Хайдеггера в антропологическом ключе, причем как теми, кто симпатизирует антропологии, так и теми, кто от нее стал в 60-е гг. отказываться. Но, по мысли Деррида, именно с Гегелем, Гуссерлем и Хайдеггером следует связывать деантропологизирующий стиль мышления в философии. Именно они снимают вопрос о человеке. Антропология у Гегеля снимается феноменологией, душа снимается сознанием, сознание – абсолютным духом. Трансцендентальный субъект у Гуссерля, равно как и Дазайн у Хайдеггера – это не человек. Трансцендентальные структуры, – это вовсе не человеческие структуры, трансцендентальное сознание – это сознание без человека. Перевод Дазайна на французский язык в качестве «человеческой реальности» Деррида считает «чудовищным». Хайдеггер недвусмысленно заявляет в «Письме о гуманизме» о том, что он не гуманист, ибо гуманизм связан с метафизикой. Антропологическое прочтение деантропологизирующей философии Деррида называет «обезображиванием» данных теорий.

Деррида недоумевает, отчего критика гуманизма и антропологизма не видит свои основания и не черпает вдохновение в философии названных мыслителей. Тем не менее, примыкая к постгуманистическому дискурсу, сам Деррида не спешит следовать за Хайдеггером, ибо хайдеггерианское снятие вопроса о человеке вовсе не носит постгуманистического характера. Напротив, отмечает Деррида, «мысль о бытии, мысль истины бытия, во имя которой Хайдеггер отстраняется от гуманизма и метафизики, остается мыслью человека и о человеке... Речь идет... о некоторой переоценке и некотором перерасчете сущности и достоинства человека» [10. С. 159]. Для Хайдеггера гуманизм подлежит критике не потому, что Хайдеггер отказывается от темы человека, но потому, что считает гуманизм редукционистским, не исчерпывающим сущности человека. Гуманизм сводит человека к animalitas, подлинное измерение humanitas ему недоступно.

Деррида считает антигуманизм Хайдеггера последним сомнамбулическим прыжком высшего человека, имея в виду Ницше. И предлагает перейти к иному пониманию «снятия человека» – в сверхчело-

веке, который, как у Ницше, не оглядывается назад, преодолевая человека и не сожалея о нем.

На примере Деррида становятся явными две стратегии преодоления гуманизма в XX в. – антигуманизм как критика гуманизма за его неумение поставить вопрос о человеке и антигуманизм как отрицание человека, как постгуманизм. Деррида встраивается в плеяду представителей идеи смерти человека и всех тех, кто спустя десятилетия вдруг снова начнет говорить о конце человека, назовет опоздавшими на последний поезд. «Многие сегодняшние молодые люди (типа “читателей-потребителей Фукуямы” или же типа самого “Фукуямы”), – говорит Деррида в 1993 г., – несомненно, знают об этом не слишком много: эсхатологические темы “конца истории”, “конца марксизма”, “конца философии”, “конца человека”, “последнего человека” и т.д. были нашим насущным хлебом в

1950-е гг. – 40 лет назад» [11. С. 29]. То, что было актуальным 50 лет назад, сегодня видится унылым анахронизмом. Мы, говорит Деррида, питались апокалиптическим хлебом – «Гегель, Маркс, Ницше, Хайдеггер – вместе с кожевьянскими приписками к их завещанию, а также с приписками к завещанию, оставленному уже самим Кожевным» [11. С. 30]. Сегодняшние разговоры о концах истории, человека и философии, претендующие на новизну и революционность, по меньшей мере наивны.

Призыв некогда к сверхчеловеку, поздний Деррида удивительным образом сблизится с антропологизмом Хайдеггера именно в том, что центральной категорией для его философии окажется невозможное как усилие субъективности [12, 13]. Вера, дар, любовь, дружба – это невозможное, которое есть в той мере, в которой мы актуализируем его.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гиренок Ф.И. О двух философских стратегиях в исследовании человека // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 57. С. 66–71.
2. Сартр Ж.-П. Тошнота. СПб. : Азбука-классика, 2006. 256 с.
3. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М. : Политиздат, 1989. С. 319–344.
4. Достоевский Ф.М. Подросток. М. : Современник, 1987. 544 с.
5. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие: Статьи и выступления. М. : Республика, 1993. С. 192–220.
6. Нанси Ж.-Л. Сегодня // Ad Marginem'93. Ежегодник Лаборатории постклассических исследований ИФ РАН. М. : Ad Marginem, 1994. С. 148–164.
7. Нанси Ж.-Л. Corpus. М. : Ad Marginem, 1999. 256 с.
8. Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. Минск : Логвинов, 2004. 272 с.
9. Слотердайк П. Правила для человеческого зоопарка. URL: <http://www.nietzsche.ru/influence/philosophie/sloterdijk/>
10. Деррида Ж. Поля философии. М. : Академический проект, 2012. 376 с.
11. Деррида Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал. М. : Logos-altera; Ecce homo, 2006. 256 с.
12. Деррида Ж. О даре: дискуссия между Жаком Деррида и Жан-Люком Марионом // Логос. 2011. № 3. С. 144–171.
13. Деррида Ж. Аудиозапись выступления в Торонто в ноябре 2002 года. URL: <https://rideo.tv/video/22407/>

Статья представлена научной редакцией «Философия» 25 декабря 2020 г.

Antihumanism: Overcoming Humanism or a New Version of It?

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 463, 55–62.

DOI: 10.17223/15617793/463/7

Natalya N. Rostova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: nnrostova@yandex.ru

Keywords: humanism; posthumanism; idea of human death; human; non-human; atheism; Martin Heidegger; Jean-Luc Nancy; Jacques Derrida; Peter Sloterdijk

The article analyzes the concept “antihumanism” and its relation to the concepts “humanism” and “posthumanism”. The hypothesis of the author of the article is that the criticism of humanism, which is hidden behind the prefix “anti-”, has the opposite character – it leads either to posthumanism, or, on the contrary, tends to the ideas of a new anthropology. The author studies the problem of antihumanism by analyzing J.-P. Sartre’s landmark work “Existentialism Is a Humanism” and the subsequent reaction of western philosophy. The author shows the drama of this reaction: Sartre’s humanism meets the criticism of Heidegger and Nancy, while Heidegger’s position evokes a response from Derrida, on the one hand, and from Sloterdijk, on the other. After Derrida, Francis Fukuyama develops his philosophy, and Derrida’s thought subsequently converges with the ideas of Heidegger. The article shows two meanings of the word “humanism” in Sartre and notes that humanity for Sartre is connected with the figure of the Other. Responding to Sartre’s work, Heidegger criticizes humanism for its inability to pose a genuine question about the human. Humanism in this interpretation is insufficient because it cannot rise to the “humanitas” of the human, limiting itself to the dimension of “animalitas”. Nancy, in turn, criticizes Sartre for the fact that, wanting to radically denote the freedom of the human, he did not abandon the concept of essence. Nancy suggests that we speak of the human in terms of existence. The article explores the relationship between Nancy’s conception of exposition and posthumanism. Sloterdijk, responding to Heidegger’s “Letter on Humanism”, reproaches him for posthumanism because Heidegger displaced humans from the center, making them the shepherd of being. In contrast to Heidegger, radically opposing the human and the animal, Sloterdijk offers to understand humanism as the transformation of the human from the animal. The direction of Derrida’s thought is bifurcated. He criticizes Heidegger for his belated anthropologism and calls for overcoming the human in the Superhuman. However, in his later period, subjectivity becomes the central category of Derrida’s philosophy, which correlates with Heidegger’s thought. The author concludes that antihumanism, on the one hand, contains criticism of humanism for its imperfection in the approach to the human, thus claiming the status of genuine humanism; on the other hand, it is a form of denial of the idea of the exclusivity of human existence.

REFERENCES

1. Girenok, F.I. (2020) On two philosophical strategies in human research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 457. pp. 66–71. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/457/8
2. Sartre, J.-P. (2006) *Toshnota* [Nausea]. Translated from French. St. Petersburg: Azbuka-klassika.
3. Sartre, J.-P. (1989) Ekzistsentsializm – eto gumanizm [Existentialism is a humanism]. Translated from French. In: Yakovlev, A.A. (ed.) *Sumerki bogov* [Twilight of the Gods]. Moscow: Politizdat. pp. 319–344.
4. Dostoevskiy, F.M. (1987) *Podrostok* [The Raw Youth]. Moscow: Sovremennik.
5. Heidegger, M. (1993) *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches]. Translated from German by V.V. Bibikhin. Moscow: Respublika. pp. 192–220.
6. Nancy, J.-L. (1994) *Segodnya* [Today]. Translated from French. In: *Ad Marginem '93. Ezhegodnik Laboratorii postklassicheskikh issledovaniy IF RAN* [Ad Marginem'93. Yearbook of the Laboratory of Postclassical Research, IP RAS]. Moscow: Ad Marginem. pp. 148–164.
7. Nancy, J.-L. (1999) *Corpus*. Moscow: Ad Marginem.
8. Nancy, J.-L. (2004) *Bytie edinichnoe mnozhestvennoe* [Being singular plural]. Translated from French. Minsk: Logvinov.
9. Sloterdijk, P. (2002) *Pravila dlya chelovecheskogo zooparka* [Rules for the human zoo]. Translated from German by T. Tyagunova. [Online] Available from: <http://www.nietzsche.ru/influence/philosophie/sloterdijk/>.
10. Derrida, J. (2012) *Polya filosofii* [Margins of Philosophy]. Translated from French. Moscow: Akademicheskii proekt.
11. Derrida, J. (2006) *Prizraki Marksa. Gosudarstvo dolga, rabota skorbi i novyy internatsional* [Specters of Marx: The State of the Debt, The Work of Mourning & The New International]. Translated from French. Moscow: Logos-altera; Esse homo.
12. Derrida, J. & Marion, J.-L. (2011) On the Gift: A Discussion between Jacques Derrida and Jean-Luc Marion. *Logos*. 3. pp. 144–171. (In Russian).
13. Derrida, J. (2002) *On atheism and faith*. Audio recording of a performance in Toronto in November 2002 [Online] Available from: <https://rideo.tv/video/22407/>.

Received: 25 December 2020

Д.В. Соломко

БЫТИЕ ЧЕЛОВЕКА: ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Представлена тема экологии бытия человека в контексте взаимоотношений «человек – окружающая среда». Под окружающей средой понимается не только природа, но и созданный человеком мир – культура, технизированный мир. В условиях технизации всех сторон жизни человека и его мира именно экологическое отношение к себе и окружающей среде становится объектом заботы. В качестве примера и рабочей площадки по осмыслению экологических вопросов предлагается Информационно-вводный словарь «Экология человеческого бытия».

Ключевые слова: человек; бытие человека; окружающая среда; технизированный мир; экология; экология человека; экогуманистика; экологическая культура.

Круг проблем, связанных со взаимоотношениями человека с окружающей его средой (природой) вызвал к жизни особую научную дисциплину, их изучающую, – экологию. Термин «экология» введен известным немецким зоологом-эволюционистом Эрнстом Геккелем в 1866 г., в переводе с греческого (*oikos*) буквально обозначает учение о доме, жилище, хозяйстве, месте обитания и др. В самом широком смысле под экологией понимается наука о взаимоотношении растительных и животных организмов (а также биосферы в целом) между собой и окружающей средой. Она изучает сущность и специфические закономерности подобных взаимодействий. Эта область исследования получила свой статус в системе наук и точное естественно-научное обоснование.

Однако в настоящее время экология превратилась в одну из важнейших междисциплинарных областей знания, призванную решать самые актуальные и острые проблемы взаимоотношений человека с окружающей средой [1, 2]. Под окружающей средой понимается не только природа (как естественные условия человеческого существования), но и мир человека – культура, социальный мир, технизированный мир (как искусственно созданные условия существования человека).

Человек XXI в. живет в «технологическую эпоху». Техника и технологии меняют мир людей, который становится технизированным. Принципиальные изменения современного мира связаны как раз с возможностями современных технологий, на основе которых выстраиваются практически любые отношения человека со всеми составляющими его мира. Технологически опосредованными являются все больше даже самые приватные сферы межличностного общения людей, изменяя и ставя под вопрос представления о границах возможного и допустимого, сущего и должного.

Современный технизированный мир (это общая характеристика мира, в котором техника и технологии проникают во все сферы существования человека, все сферы его деятельности) побуждает переосмысливать все содержание отношений человека и мира. Созданный людьми техномир (непосредственно мир техники) постепенно начинает приобретать черты субъектности (может в перспективе претендовать на контроль над созданным человеком миром) и самостоятельности (со своей собственной логикой развития). Конечно,

но, это только одна из возможных перспектив, однако, вполне проявляющаяся тенденция.

Техника и технологии меняют не только мир человека, который становится технизированным, но уже сейчас способны многое изменить в самом человеке. Речь идет о тенденции «технизации человека», в которой обозначается различными дискурсами (трансгуманизм, техногуманизм, иммортология) стирание границ между людьми и техникой. Дискурсы «постгуманизма» призывают к трансформации природы человека технико-технологическими средствами (нанотехнологии, технологии трансплантации, генная инженерия) ради преодоления биологической и интеллектуальной ограниченности человека, его болезней, патологий, старения и смерти [3–8]. В современной ситуации актуализируется вопрос о сохранении человеческого в человеке, который может быть решен посредством развития и расширения вектора «экологии человеческого бытия».

Понятие «экология человеческого бытия» («эко» и «экология» – понятия, характеризующие заботливое и попечительское отношение человека к миру – природе, культуре, обществу – и самому себе) может быть определено в двух разных значениях. Во-первых, исходя из различия понятий бытия и существования (на уровне «антропологической онтологии», где основной вопрос – что есть человек сам по себе?): экология человеческого бытия – экология бытийных, сущностных характеристик человека как такового, как уникального вида сущего, в том числе в экзистенциально-антропологическом аспекте. Во-вторых, исходя из отождествления понятий бытия и существования: экология человеческого бытия – экология бытия человека-в-мире, различных видов его отношения к миру и их совокупности как «мира человека». Основной вопрос – как человек существует в отношении к миру (природе, культуре, обществу)?

В первом случае экология человеческого бытия может быть рассмотрена с точки зрения *онтологического подхода* (экология человека самого по себе, безотносительно к любым видам его отношений с миром). Именно сферу экзистенциального можно рассматривать как предельный горизонт человеческого (того, что явно отличает человека как человека и определяет его сущностные характеристики). Это и предельный горизонт понимания человека в его отношении к миру, тот реальный «жизненный мир», который стоит за любыми

«картинами» мира, человека и его отношения к миру. Эко-ориентированный взгляд в условиях технизации всех сторон жизни человека обращен к сфере экзистенциалов [9] или основополагающих феноменов человеческого бытия: творчество, любовь, игра, труд, смысл жизни, страдание, страх, смерть [10]. В экзистенциалах выражены способы участного отношения человека к миру, участного присутствия в мире – способы его реальной включенности в мир. Экология человеческого бытия в этом аспекте не предполагает дистанции между человеком и миром, нет здесь ситуации отношения, в котором всегда есть разведенные стороны. Именно в экзистенциалах выражено то живое, что и является предметом заботы и попечения в условиях технизированного мира, поскольку если это живое исчезнет и будет заменено заданными (запрограммированными) схемами-автоматизмами как у роботов, то это уже и не человек (и не сверхчеловек). Живое при этом – синкретичное / внутренне нерасчлененное бытие человека; человек как нерасчлененное / органическое целое, целостность.

Во втором аспекте об экологии человеческого бытия можно вести речь с точки зрения различных подходов, а именно: аксиологического, культурологического, герменевтического (при этом рассматривается экология отношений человека со всеми элементами мира; человек рассматривается через бытие-в-мире).

С точки зрения *аксиологического подхода* «экологическое внимание» определяется как внимание заботы и попечения, сохранения и сбережения многообразия отношений человека с миром, способов человеческого бытия-в-мире. «Экологический подход» всегда предполагает оценочный момент, он отличается тем, что в нем соотносятся возможности собственного, автономного развития какой-то системы (например, культуры, техники) с тем, что это развитие будет означать для другой системы (например, природы, человека). Благодаря этому вырабатывается вариант «комфортного» сосуществования. К примеру, отношение «человек – техника» предстает как ценностно-опосредованное. Здесь экологический взгляд может быть обращен, в том числе, к проблеме живого человека как ценности, обеспечения сохранения и воспроизводства живого начала в человеке в новых условиях технизированного мира.

Культурологический подход предполагает культурологическую экспертизу бытия человека-в-мире, всех отношений человека с миром. Например, отношение «человек – природа» с точки зрения *культурологического подхода* предстает как опосредованное культурной деятельностью человека [11]. Именно человек посредством своих культурных практик, выделяя себя из природы, превращает природу в окружающую среду. Природа испытывает последствия «хищного» потребления и разорения со стороны человека (*экоцида*), ставшего результатом социально-экономического и «технического варварства». Поэтому природа по отношению к культуре и некоторым техническим инновациям становится предметом именно «экологического внимания» – заботы, попечения, сбережения и сохранения. В связи с этим возникают такие понятия, как «экологическая мораль» и «экологические тормоза техники» [12].

В призме *герменевтического подхода* экологический взгляд преодолевает границы отношения человека и мира как противоположностей, тем более – как отношения сторон, во взаимоотношении которых действует принцип властного отношения одного к другому. Это, скорее, именно восстановление такого понимания, когда мир и человек – часть и целое, которые могут существовать и эволюционировать только совместно.

Важность проблемы защиты человека и окружающей среды в условиях технизации всех сторон жизни человека, повышает заинтересованность в «проективности», предложения вариантов оптимального пути решения возникающих проблем. В качестве научно-теоретической площадки для осмысления современных экологических проблем с целью формирования экологической культуры (качественная характеристика степени развития общества и общей культуры личности, включающая в себя сознательное отношение к окружающему миру во всем его многообразии, рациональное природопользование на основе познания законов природы и с учетом ближайших и отдаленных последствий изменения окружающей среды под влиянием человеческой деятельности) современного человека был предложен успешно реализованный проект информационно-вводного словаря «Экология человеческого бытия» [13]. Издание оказалось эффективной платформой консолидации ученых-философов для осмысления междисциплинарного ресурса темы экологии бытия человека.

В издании через совокупность терминов представлена тема экологии человеческого бытия в контексте взаимоотношений «человек – технизированный мир», в котором экология субъективности, непосредственного, живого переживания человеком его отношений со всеми элементами мира есть реальная проблема. В условиях технизации всех сторон жизни человека и его мира именно это живое переживание становится объектом заботы. Это словарь вводных («входных») терминов, условный «алфавит», в котором собрана первичная и необходимая информация для формирования и развития концептуальных идей, раскрывающих содержание темы экологии человеческого бытия в различных его аспектах и способствующих формированию экологической культуры современного человека [14–19]. Это словарь-приглашение к совместному творчеству для дальнейшего исследования с целью осмысления проблемного поля экологии человеческого существования.

Авторский коллектив представлен следующими вузами страны: ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)»; ФГАОУ ВО «Челябинский государственный университет»; ФГБОУ ВО «Челябинский государственный институт культуры»; ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет»; Филиал ФГКВООУ ВО «Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж) Министерства обороны Российской Федерации в г. Челябинске; ЧОУ ВО «Международный

институт дизайна и сервиса»; ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»; ФГБОУ ВО «Российский государственный институт сценических искусств»; ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет».

Исходя из установленной идеи, авторы словарных статей осуществили попытку философского осмысления ряда проблемных вопросов. Все их многообразие можно свести к трем основным. Каково общее (философское) основание отношений человека с техницированным миром? Есть ли человеку место (и каково оно) в новом техницированном мире? Каковы возможности и перспективы существования человека как особого рода сущего в техницированном мире? Соответственно трем этим вопросам можно выделить три основания, по которым авторы статей сходятся или же несколько расходятся в своих положениях. 1. Оценка сущности взаимоотношений человека и техницированного мира. 2. Вопрос об идентичности человека в условиях техницированного мира. 3. Перспективы человека в ситуации техницированного мира. Не отрицая всей значимости других аспектов коллективного исследования и каждой статьи в отдельности, тем не менее, ограничимся анализом лишь некоторых статей, исходя из трех обозначенных оснований. Рассмотрим, насколько тексты статей содержательно им соответствуют [20].

Преимущественно авторы словарных статей исходят из того, что новый мир (техницированный мир) – уже факт. Техницированный мир фактически порождает соразмерную своим основным свойствам (алгоритмицированность, схематизицированность, «калькуляцицированность», узкорациональность – научно-техническая рациональность) техногенную (обладающую «генетическими» способностями) реальность. Техницированный мир есть следствие и завершающий этап общей стратегии «покорения природы» человеком (В.А. Рыбин, Н.Г. Апухтина). Мир человека строится не столько по меркам человека, сколько по меркам техники (В.С. Невелева, Д.В. Соломко).

Контекст взаимоотношений «человек – техницированный мир» диктует необходимость формирования нового подхода в осмыслении и поиске решения проблем теоретической и практической деятельности современного человека. В связи с этим авторы обосновывают необходимость формирования и укрепления новой альтернативы технико-технологическому подходу в развитии человеческой цивилизации – экологического подхода. Отметим, что словарь «Экология человеческого бытия» вводный, поэтому исходные позиции авторов, связанные с пониманием сути экологического подхода, различаются.

Понимание экологии, экологического подхода, процессов экологизации связывается большинством авторов традиционно с защитой и охраной окружающей среды, обеспечением благоприятных, безопасных и комфортных условий жизнедеятельности людей, введением ограничений или запретов на неблагоприятные виды деятельности и др. При этом понимание значения окружающей среды ограничивается рядом авторов только природой как естественными условиями человеческого существования (Дж. Ди Капуя,

С. Пепполони «Геоэтика», В.И. Гладышев «Общение человека с природой», Е.В. Гредновская «Экологическая ответственность» и др.), что, безусловно, важно, но недостаточно, учитывая современное положение человека в техницированном мире и возможных перспектив их взаимоотношений. Экологический подход связан не только с защитой приоритета какой-либо одной стороны (природы). Имея это ввиду, ряд авторов предлагают несколько расширить предметную область экологии и понимать под окружающей средой (что является ценным для экологии как междисциплинарной области знания) в том числе и искусственно-созданные условия бытия человека – культуру, техномир (Н.Г. Апухтина «Теоретическая и прикладная экология», В.О. Богданова «Забота», А.А. Дыдров «Сбережение», В.А. Рыбин «Окружающая среда», «Трансгуманизм» и др.). Ценным и, безусловно, достойным внимания является и опыт расширения предмета антропозологии, а именно идея сохранения, прежде всего в активном воспроизводстве, не только человека как биологического или биосоциального существа, но и бытийных его характеристик, антропологических констант, предельных оснований человеческого бытия (целостность, открытость, свобода, творчество, любовь и т.д.), живого начала в человеке в противоречивых условиях техницированного мира (А.А. Дыдров, О.А. Ковтун «Дом», И.В. Востриков, Д.В. Соломко «Экогуманистика», В.С. Невелева, И.Р. Камалиева «Доверие», В.С. Невелева, Д.В. Соломко «Экология человеческого бытия»).

К сожалению, в статьях не обнаруживается определенной в содержательном смысле программы развития человека на перспективу в новых техницированных условиях, а это в современной ситуации крайне важно. Например, авторы статьи «Экогуманистика» И.В. Востриков и Д.В. Соломко предлагают проект формирования нового научного знания о человеке и его существовании в условиях техницированного мира (экогуманистики). Надо отметить, что необходимость формирования «новой антропологии» обоснована не только современным положением человека в техницированном мире, но и кризисом традиционной антропологии. Однако необходимо учитывать, что идея проектирования и конструирования новых областей знания не является достаточным и исчерпывающим вариантом решения проблем взаимоотношений человека и техницированного мира. Это один из возможных вариантов необходимого осмысления и решения возникающих проблемных вопросов современности. В.А. Рыбин в качестве проективного решения проблем взаимоотношений «человек–природа–техносфера» предлагает вариант снижения «переразвития техносферы посредством ее преобразования в средство выстраивания сбалансированных отношений человека и природы». В целом с автором можно согласиться, но, тем не менее, после прочтения и анализа статьи возникает ряд открытых и нерешенных вопросов. Не совсем ясно, что именно понимается под «снижением переразвития техносферы»? Каким образом техника может выступать в качестве средства регулирования отношений человека с природой? Имеется ввиду переход от «технического варварства» к новым высоким технологиям (Hi-Tech,

Hi-Hume и пр.) или что-то еще? Отражение в тексте статьи вариантов решения данных вопросов более отчетливо прояснило бы авторскую позицию. В статьях О.А. Блиновой «Экологическое образование и воспитание», Н.С. Скипина и Л.Д. Александровой «Экологическое сознание», И.В. Вишева и Е.В. Гредновской «Экофилософия» и других говорится о необходимости укрепления и развития экологического вектора (подхода) в сфере теоретических исследований и в организации и осуществлении практических отношений человека с его миром. Обозначение и расширение экологического вектора, безусловно, важно, однако этого недостаточно. В нынешней ситуации требуется смена общей парадигмы, утверждение своеобразной экологической парадигмы человеческого бытия в целом (например, как обозначено в словарных статьях Н.Г. Апухтиной). Необходима новая парадигмальная установка мышления и практической деятельности, содержательным наполнением которой может выступить экогуманистический подход как специфическая совокупность методов и способов теоретического осмысления и практического освоения действительности, основанной на определенных базовых принципах. К примеру, на принципе доминанты целого (целостности) по отношению к частям, принципах дополнительности, оптимальности и координации.

Если говорить в целом, то суждения об экологизации человека и его мира представлены авторами как общие теоретические положения о том, что должно быть в человеке и его мире сохранено, чтобы обеспечить идентичность человека как человека и существование мира человека как органического целого. Однако справедливости ради надо отметить, что основная научная концептуализация не входила в задачи данного издания. Авторы намеренно, учитывая выбранный формат словаря, ограничились сбором первичной информации для формирования и развития идей на концептуальном уровне, обозначив перспективу своего дальнейшего исследования. Можно сказать, что авторами отражена степень разработанности обозначенных проблем в истории философии и науки в первичном ее приближении, что, безусловно, является важным шагом для раскрытия и дальнейшего исследования темы экологии бытия человека, ее концептуализации. Авторы проясняют степень проработанности наиболее частотных категорий; определяют степень возможности прояснения проблематизированных категорий в философско-антропологической интерпретации; обозначают дискурсивные взаимосвязи наиболее частотных понятий и категорий между собой; выявляют гуманитарную и междисциплинарную специфику экологической тематики.

В процессе научно-исследовательской и редакторской работы выяснилось, что экологический вектор осмысления всех отношений человека с миром, в том числе отношения «человек – технизированный мир» строится на логике взаимосоразмерности, непротивостояния сторон, а также на удержании этой соразмерности, соотношении возможностей полноценного воспроизводства и развития каждого «начала» – человеческого и технического – в их ориентации друг на друга. «Экологический подход» – это подход, осно-

ванный на принципах координации и оптимальности в отношениях между сторонами, а не только в защите приоритета какой-либо одной стороны. При этом каждая сторона, поскольку они взаимозависимы, настроена на поддержание существования другой стороны (признавая ее ценность, значимость для своего существования и развития) и на поддержание отношений. Потому что любое нарушение в порядке существования одной стороны обернется сложно предсказуемыми, но вряд ли позитивными изменениями в порядке существования другой стороны. То есть экологический подход – подход взаимосбережения ради сохранения каждой стороны, обеспечение простора для существования друг друга во взаимориентации друг на друга.

Информационно-вводный словарь «Экология человеческого бытия» является на сегодняшний день первой частью запланированной серии. Уже сейчас ведется работа по подготовке второй его части под названием «Медиаэкология». Здесь через ряд самостоятельных, но взаимосвязанных терминов представлена тема медиаэкологии или экологии средств коммуникации в контексте взаимоотношений «человек – технологизированный мир», в котором экологически ориентированный взгляд направлен на осмысление возможностей современных цифровых технологий коммуникации. Возможности и мощь современных технологий актуализируют потребность экологического измерения отношений между субъектами коммуникации, где не предполагается отказ от цифровых технологий, но имеется в виду оптимальное использование всех средств коммуникации с учетом обнаружения и сохранения их человекотворческого (гуманистического) потенциала.

В качестве теоретического основания данной части используется идея М. Маклюэна о технологии как «самоампутации» бытия человека [21]. Любые технологии, в том числе и цифровые, дают человеку очевидные преимущества (например, существенно ускоряют обмен информацией) и вместе с тем формируют новое восприятие действительности, «разрушают приоритет видимого мира». Иными словами, технологии являются призмой, сквозь которую человек видит, оценивает действительность и определенным образом к ней относится [22, 23]. Современный человек живет, по оценке М. Маклюэна, «внутри закодированной информации». Мысль, выраженная в книге «Война и мир в глобальной деревне», заставляет вновь поставить вопросы о том, что человек приобретает и чего лишается в связи с изобретением и использованием новой технологии.

Составители словаря опираются также на идею М. Маклюэна о поспешной и неадекватной оценке технологических нововведений. Эта оценка нередко (если не как правило) основывается на имеющемся опыте и в том числе стереотипах: компьютеры «мы по привычке называем машинами». В то время, пока человечество смотрит на «старый» мир сквозь призму новых технологий и на технологии сквозь призму «старого» мира, оно игнорирует саму призму. Обозначенная идея наводит на вопрос о месте и роли цифровых технологий в коммуникации.

Вторая часть словаря предполагает расширение авторского коллектива и выход за пределы чисто философского осмысления экологических проблем в сферу междисциплинарного знания. Первая часть словаря практически подготовила возможность для подобного выхода. Формат проекта второй части словаря открыт для новых авторов – специалистов в области экологии, медиа, коммуникации, инженерии, психологии, юриспруденции, экономики, журналистики, лингвистики, истории, социологии, образова-

ния (в том числе электронного / дистанционного) с целью осмысления проблемного поля экологии человеческого бытия, в аспекте медиаэкологии.

Таким образом, прогнозируемый эффект серии словаря «Экология человеческого бытия» в решении экологических проблем – через обращение к мышлению, через слово, скрытые возможности языка, через прояснение понятий способствовать формированию экологической культуры современного человека, его правильного и грамотного отношения к окружающей среде [24–26].

ЛИТЕРАТУРА

1. Апухтина Н.Г., Дыдров А.А., Емченко Е.П., Соломко Д.В. Экологизация человека как диалог ценностей сохранения и изменения // Социум и власть. 2019. № 1 (75). С. 102–111.
2. Бабкин В.О. Социальная экология как новая развивающаяся дисциплина и ее взаимосвязь с экологией человека // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2014. № 3. С. 183–186.
3. Болонкин А.А. Бессмертие людей и электронная цивилизация. URL: http://lit.lib.ru/b/bolonkin_a_a/immortalityofpeopleandelectroniccivilization.shtml (дата обращения: 06.08.2020).
4. Бостром Н. FAQ по трансгуманизму. URL: <https://coollib.com/b/326779/read> (дата обращения: 06.08.2020).
5. Вишев И.В. Современная научная революция: переход от смертной парадигмы к парадигме бессмертной // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2008. № 6 (106). С. 112–116.
6. Глобальное будущее 2015: Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты / под ред. Д.И. Дубровского, С.М. Климовой. М.: Канон+, Реабилитация, 2014. 352 с.
7. Казеннов Д.К. Концептуальные основания трансгуманизма: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2011. 19 с.
8. Эпштейн М.Н. Проективный словарь гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 949 с.
9. Гуревич П.С. Философия культуры: учеб. пособие. 2-е изд., доп. М.: Аспект пресс, 1995. 86 с.
10. Губин В.Д. Жизнь как метафора бытия. М.: РГГУ. 2003. 205 с.
11. Майорова Л.П. Анализ методических подходов к оценке экологичности технологических процессов // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 2010. Т. 4, № 12. С. 385–401.
12. Эпштейн М.Н. Знак пробела: о будущем гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 864 с.
13. Экология человеческого бытия: информационно-вводный словарь / ред. В.С. Невелева, Д.В. Соломко; пер. Е.Г. Миляевой, Р.В. Пеннер, К.Е. Резвушкина. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2020. 187 с.
14. Блягоз Н.Ш., Куприна Н.К. Экологическая культура – системообразующий фактор общей культуры: актуальное положение // Traditional and Modern Culture: History, Actual Situation, Prospects: Materials of the VII International Scientific Conference. Прага, 2017.
15. Воедилова И.А. Экологическая культура как новое качество культуры // Астраханский вестник экологического образования. 2012. № 1 (19). С. 90–92.
16. Гирусов Э.В. Экологическая культура как высшая форма гуманизма // Философия и общество. 2009. № 4. С. 74–92.
17. Луков В.А. Экология культуры и тезаурусная трактовка будущего // Горизонты гуманитарного знания. 2017. № 3. С. 3–11.
18. Мамедов Н.М. Экологическая культура // Глобалистика: энциклопедия / гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М., 2003. 1328 с.
19. Симоненко Н.И. Экологическая культура в современном социокультурном дискурсе: к определению онтологической сущности экологической культуры // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 29 (167). С. 63–67.
20. Информационно-вводный словарь «Экология человеческого бытия». URL: http://raphp.ru/ru/eco_slov/ (дата обращения: 06.08.2020).
21. Маклюэн М., Фиоре К. Война и мир в глобальной деревне / пер. с англ. И. Летберга. М.: АСТ; Астрель, 2012. 219 с.
22. Жукова Е.А. Высокие технологии под углом зрения экологии человека // Вестник ТГПУ. 2014. № 11 (152). С. 199–205.
23. Бояров Е.Н. Экология информационной образовательной среды // Астраханский вестник экологического образования. 2012. № 3. С. 78–84.
24. Борейко В.Е. Прорыв в экологическую этику. URL: content/uploads/2013/09/int_proriv_ethica_2013.pdf (дата обращения: 06.08.2020).
25. Галкин В.П. Проблемы современности: теоретические аспекты и основы экологической проблемы – толкователь слов и идиоматических выражений. Ч. 2. Чебоксары: Изд-во Чебоксар. гос. ун-та, 1997. URL: <http://terme.ru/termin/doverie.html> (дата обращения: 06.08.2020).
26. Гончаревич Н.А., Шайдура О.В. Проблемы формирования экологических ценностей будущих специалистов // Вестник КрасГАУ. 2013. № 7. С. 292–296.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 8 ноября 2020 г.

Human Existence: Formation of Ecological Culture

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 463, 63–68.

DOI: 10.17223/15617793/463/8

Dmitry V. Solomko, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: dimiurg85@mail.ru

Keywords: human; human existence; environment; technical world; ecology; human ecology; eco-humanities; ecological culture.

The article presents the topic of the ecology of human existence in the context of the “human–environment” relationship, in which the environment is understood not only as nature, but also as the world created by humans – culture, technicized world. In the conditions of the technicization of all aspects of the human life and world, it is the preservation of the human’s ecological attitude to the environment that becomes a real problem and an object of my concern. Does the situation of the technicized world call into question the ways of human existence as they took shape in people’s social and cultural evolution? The question is ideological, requiring the definition/formation of the initial theoretical attitudes of the culture of a modern human and understanding/solving it in the mainstream of a philosophical approach. Bringing this issue to the philosophical level of reflection requires not only critical thinking, analysis of the current situation, but also “projectivity”, proposing options for the optimal way to solve urgent problems of human relations with the environment. As an example and theoretical grounds for a philosophical understanding of the posed question, a concise dictionary *Ecology of Human Existence* is offered. This is a dictionary of “input” terms, a conditional “alphabet”, in which primary and necessary information is collected for the formation and development of conceptual ideas that reveal the content of the ecology of human life in its various aspects. One of the important and achieved goals of the dictionary was the

consolidation of Russian philosophers to comprehend the scientific resource and the practical potential of the topic “ecology of human existence”, as well as to create a unified ideological foundation for solving environmental problems. Through the clarification of concepts, the dictionary gives guidelines for the formation of ecological culture, as well as responsibility and literacy in the individual and social consciousness, so necessary today for building optimal, harmonious human relationships with the environment, the natural world and culture (technicized world). The modern human is faced with one of the main global problems today – the problem of the ecological crisis generated by the intensive development of the technical and technological side of the human world. However, this does not mean that the ecological approach is against the technological one. It is built on the basis of the logic of the inter-proportionality of the human and the techno-technologized world, on maintaining proportionality, correlating the possibilities of full-fledged reproduction and development of each “principle” – human and technical – in their orientation towards each other. That is, the ecological approach is based on the principle of optimality in relations between the parties when the best opportunities for development, for the realization of the internal potential of each party are created.

REFERENCES

1. Apukhtina, N.G., Dydrov, A.A., Emchenko, E.P. & Solomko, D.V. (2019) Human ecologization in terms of conservation and change value. *Sotsium i vlast'*. 1 (75). pp. 102–111. (In Russian).
2. Babkin, V.O. (2014) Social Ecology as a New Developing Discipline and Its Relationship with Human Ecology. *Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta – IZVESTIA Orenburg State Agrarian University*. 3. pp. 183–186. (In Russian).
3. Bolonkin, A.A. (2007) Bessmertie lyudey i elektronnyaya tsivilizatsiya [Immortality of people and electronic civilization]. [Online] Available from: http://lit.lib.ru/b/bolonkin_a_a/immortalityofpeopleandelectroniccivilization.shtml (Accessed: 06.08.2020).
4. Bostrom, N. (2002) *FAQ po transgumanizmu [Transhumanist FAQ]*. Translated from English. [Online] Available from: <https://coollib.com/b/326779/read> (Accessed: 06.08.2020).
5. Vishev, I.V. (2008) Contemporary Scientific Revolution: Transfer From Mortal Paradigm to Immortal Paradigm. *Vestnik YuUrGU. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki – Bulletin of South Ural State University. Series Humanities and Social Sciences*. 6 (106). pp. 112–116. (In Russian).
6. Dubrovskiy, D.I. & Klimova, S.M. (eds) (2014) *Global'noe budushchee 2015: Antropologicheskiiy krizis. Konvergentnyye tekhnologii. Transgumanisticheskie proekty* [Global Future 2015: Anthropological Crisis. Convergent technologies. Transhumanist projects]. Moscow: Kanon+; Reabilitatsiya.
7. Kazennov, D.K. (2011) *Kontseptual'nye osnovaniya transgumanizma* [Conceptual foundations of transhumanism]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Saratov.
8. Epshteyn, M.N. (2017) *Proektivnyy slovar' gumanitarnykh nauk* [Projective Dictionary of the Humanities]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
9. Gurevich, P.S. (1995) *Filosofiya kul'tury: ucheb. posobie* [Philosophy of culture: textbook]. 2nd ed. Moscow: Aspekt press.
10. Gubin, V.D. (2003) *Zhizn' kak metafora bytiya* [Life as a metaphor for being]. Moscow: RSUH.
11. Mayorova, L.P. (2010) Analiz metodicheskikh podkhodov k otsenke ekologichnosti tekhnologicheskikh protsessov [Analysis of methodological approaches to assessing the environmental friendliness of technological processes]. *Gornyy informatsionno-analiticheskiy byulleten'*. 4 (12). pp. 385–401.
12. Epshteyn, M.N. (2004) *Znak probela: o budushchem gumanitarnykh nauk* [Mapping Blank Spaces: On the Future of the Humanities]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
13. Neveleva, V.S. & Solomko, D.V. (eds) (2020) *Informatsionno-vvodnyy slovar' "Ekologiya chelovecheskogo bytiya"* [Informational introductory dictionary “Ecology of human existence”]. Translated into Russian by E.G. Milyaeva, R.V. Penner, K.E. Rezvushkin. Chelyabinsk: SUSU.
14. Blyagoz, N.Sh. & Kuprina, N.K. (2017) [Ecological culture is a system-forming factor of general culture: the current situation]. *Traditional and Modern Culture: History, Actual Situation, Prospects*. Materials of the VII International Scientific Conference. Prague. (In Russian).
15. Voedilova, I.A. (2012) Ecological culture as a new quality of culture. *Astrakhanskiy vestnik ekologicheskogo obrazovaniya*. 1 (19). pp. 90–92. (In Russian).
16. Girusov, E.V. (2009) Ekologicheskaya kul'tura kak vysshaya forma gumanizma [Ecological culture as the highest form of humanism]. *Filosofiya i obshchestvo – Philosophy and Society*. 4. pp. 74–92.
17. Lukov, V.A. (2017) Ecology of culture and the thesaurus interpretation of the future. *Gorizonty gumanitarnogo znaniya*. 3. pp. 3–11. (In Russian). DOI: 10.17805/ggz.2017.3.1
18. Mamedov, N.M. (2003) Ekologicheskaya kul'tura [Ecological culture]. Mazur, I.I. & Chumakov, A.N. (eds) *Globalistika: entsiklopediya* [Global studies: encyclopedia]. Moscow: Raduga.
19. Simonenko, N.I. (2009) Ekologicheskaya kul'tura v sovremennom sotsiokul'turnom diskurse: k opredeleniyu ontologicheskoy sushchnosti ekologicheskoy kul'tury [Ecological culture in modern sociocultural discourse: towards the definition of the ontological essence of ecological culture]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 29 (167). pp. 63–67. (In Russian).
20. Solomko, D.V. et al. (2020) *Informatsionno-vvodnyy slovar' "Ekologiya chelovecheskogo bytiya"* [Informational introductory dictionary “Ecology of human existence”]. [Online] Available from: http://raphp.ru/ru/eco_slov/ (Accessed: 06.08.2020).
21. McLuhan, M. & Fiore, Q. (2012) *Voyna i mir v global'noy derevne* [War and Peace in the Global Village]. Translated from English by I. Letberg. Moscow: ACT; Asrel'.
22. Zhukova, E.A. (2014) High Technology from the Perspective of Human Ecology. *Vestnik TGPU – TSPU Bulletin*. 11 (152). pp. 199–205. (In Russian).
23. Boyarov, E.N. (2012) Ecology of the Information Educational Environment. *Astrakhanskiy vestnik ekologicheskogo obrazovaniya*. 3. pp. 78–84. (In Russian).
24. Boreyko, V.E. (2013) *Proryv v ekologicheskuyu etiku* [A breakthrough in environmental ethics]. [Online] Available from: http://ecoethics.ru/wp-content/uploads/2013/09/int_proriv_ethica_2013.pdf (Accessed: 06.08.2020).
25. Galkin, V.P. (1997) *Problemy sovremennosti: teoreticheskie aspekty i osnovy ekologicheskoy problemy – tolkovatel' slov i idiomaticheskikh vyrazheniy* [Problems of the present: theoretical aspects and foundations of the ecological problem – an interpreter of words and idiomatic expressions]. Vol. 2. Cheboksary: Cheboksary State University. [Online] Available from: <http://terme.ru/termin/doverie.html> (Accessed: 06.08.2020).
26. Goncharevich, N.A. & Shaydurova, O.V. (2013) Problems of the Ecological Value Formation for Future Specialists. *Vestnik KrasGAU – Bulletin of KrasGAU*. 7. pp. 292–296. (In Russian).

Received: 08 November 2020

А.О. Шабалина

ДВА ЗНАЧЕНИЯ «ПОЗНАНИЯ» В ТЕОРИИ ВОПЛОЩЕННОГО ПОЗНАНИЯ

Сопоставляются понятие «познание» в контексте теории воплощенного познания и классическое понятие познания. Авторы теории воплощенного познания не дают прямого определения познанию и употребляют этот термин в двух разных значениях, которые можно определить как широкое и узкое. В широком смысле познание является деятельностью воплощенного агента, в узком смысле – неотъемлемым свойством сознания. Показаны два значения «познания» в энактивистской теории, обоснована необходимость их различения.

Ключевые слова: философия сознания; энактивизм; воплощенное познание; познание; сознание.

Теория воплощенного познания (ТВП) является одной из влиятельных современных альтернатив классическому когнитивистскому подходу к познанию. В настоящее время она активно используется в качестве методологии психологических, языковедческих, философских и прочих исследований, связанных с проблемами познания.

Появление термина «теория воплощенного познания» (*embodied cognition theory*) связано с выходом работы Ф. Варела, Э. Томпсон и Э. Рош «Воплощенный разум» (1991 г.)¹, в которой сформулированы основные принципы этого подхода. В современной науке данный термин объединяет концепции множества авторов, подчеркивающих ключевую роль телесности в процессе познания и отрицающих традиционное дуалистическое противопоставление тела и сознания. В ряду авторов ТВП стоит упомянуть Лакоффа и Джонсона, доказывавших происхождение основных метафор мышления из опыта физического взаимодействия с миром, а также представителей энактивистского² направления в философии сознания: А. Ноз, Д. Хутто, Э. Миин и др.

ТВП противопоставляет себя классическому когнитивистскому воззрению на познание как на вычислительный процесс, происходящий в мозге. Теоретики «воплощенного познания» приходят к выводу, что познающим агентом следует признать всю живую систему в целом. Сенсомоторные процессы, активное исследование среды и пространственные взаимодействия признаются фундаментальными составляющими процесса познания [1. С. 59–61]. Вместо представления о познании как о репрезентации внешнего мира ТВП предлагает рассматривать познание как взаимодействие телесного субъекта с окружающей средой.

Содержание термина «познание» в данном контексте требует уточнения. Проблема состоит в том, что в классическом определении познания содержатся представления, против которых как раз и выступает ТВП и энактивистская теория. Использование понятия «познание» в его классическом смысле как обретения знания влечет за собой вопрос о сущности знания. При этом авторы подхода отрицают знание как некую сущность, заменяя понятие «знание» динамичным понятием целесообразного действия.

Традиционное определение знания, сформулированное А. Айером и другими авторами, предполагает три составляющих:

- (1) наличие убеждения,
- (2) истинность этого убеждения и
- (3) обоснованность этого убеждения [2].

Пункт (1) относится к самому познающему субъекту, в то время как пункт (2) имеет отношение к объективному миру. То есть понятие «знания» в классическом смысле неизбежно влечет за собой противопоставление «внешнего» и «внутреннего», против которого также возражают сторонники ТВП. Познание в традиционном понимании является актом обретения такого знания.

Содержание понятия «познания» с точки зрения ТВП едва ли соответствует этому классическому определению. Из трех составляющих воплощенный субъект может обладать только первым, он действительно может генерировать убеждения о мире. Но истинность этих убеждений может быть только условна, поскольку объективизм отрицается. Убеждение рождается как способ взаимодействия со средой. Обоснованность же сливается с убежденностью, поскольку также является лишь субъективным переживанием взаимодействия со средой.

Тогда что имеется в виду под познанием (*cognition*) в теории воплощенного познания (*embodied cognition*)? В зависимости от контекста теоретики подхода говорят о познании в разном значении. Можно выделить два основных используемых значения, определив их как широкое и узкое.

В широком смысле под «познанием» подразумевается концептуализирующая деятельность, организующая мир в пространство определенных форм. Но в других случаях термин «познание» сужается до простейшего свойства живой системы иметь переживания опыта от первого лица. Сенсорные ощущения в этом смысле также могут рассматриваться как форма познания.

Говоря о том, что сенсомоторная организация играет конституирующую роль в когнитивных процессах, теоретики воплощенного познания употребляют понятие «познание» в широком смысле. Например, в формуле, встречающейся на страницах «Воплощенного разума»:

«Sensorimotor interactions with the world shape cognition» [3. P. 25] –

«Сенсомоторное взаимодействие с миром формирует познание».

В понятие «познание» (*cognition*) здесь включаются вся ментальная деятельность субъекта и ее содержание. Это положение достаточно прозрачно и дока-

зывается через многочисленные примеры того, как сенсомоторная активность определяет познавательную деятельность. Влияние тела на ментальные процессы может быть обнаружено даже в точных науках, таких как математика [4]. Связь повседневных метафор мышления и пространственное, телесное бытие человека проиллюстрировано Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в книге «Метафоры, которыми мы живем» (1980) на многочисленных примерах употребления пространственных метафор в языке. Истинность в данном случае заменяется адаптивностью и общеизвестностью. На место знания как объекта или знания-что (knowing-what) становится знание как навык или знание-как (knowing-how) [5].

Однако вывод о том, что ментальные процессы напрямую зависят от телесной активности, не дает ответа на вопрос о сущности и природе самого сознания. Развиваясь в качестве направления в рамках философии сознания, ТВП уходит от прямого определения сознанию. Однако исходя из энактивистских предпосылок, можно сделать вывод, что «познание» в узком значении термина является тождественным по объему понятию «сознание».

Человек как познающий агент в целом рассматривается как высокоорганизованная целостность, которая несводима к своим составляющим: ни к телу, рассматриваемому в отрыве от сознания, ни к бестелесному «чистому» сознанию [6. С. 88]. При этом человек в целом, являющийся одновременно и сознающим, и телесным, является агентом познания в широком смысле. Например, некто знает, как выполнять математическую операцию сложения. Агентом познания будет выступать человек в целом, способный воспринять задачу и применить инструменты для ее решения. Содержанием познания будет являться сама целенаправленная деятельность сложения, приводящая к предсказуемому подтверждаемому результату.

Несмотря на то, что познающий агент действует как единая система и может рассматриваться только как единая система, он состоит из элементов, выделяемых при анализе: сознание, тело, включающее мозг, нервную систему, органы восприятия, руки, ноги и т.д. Составной характер познающего агента не снимает вопрос о природе этих составляющих, в частности сознания. Сознание как составляющая познающего агента само по себе может быть определено как познающее, и именно способность к познанию является его основной сущностной характеристикой. Характеризуя сознание само по себе, в отрыве от его содержания, т.е. от того, что оно сознает, в качестве основной его характеристики можно назвать именно способность быть осведомленным.

Противоречие между двумя значениями понятия «познание», отсутствие точного разделения между ними привели к появлению радикального энактивизма, основной задачей которого стала критика энактивистских авторов, которые, по мнению радикальных энактивистов, таких как Д. Хутто и Э. Миин, оставили в своих текстах когнитивистские допущения, противоречащие основной мысли энактивистской теории.

Например, энактивистская теория сенсомоторного соответствия, разрабатываемая в сенсомоторном энак-

тивизме А. Ноэ и другими философами, гласит, что для того, чтобы производить соответствующий опыт восприятия, субъекту должны быть известны и понятны правила соответствия между перцепцией и действием. Хутто и Миин оспаривают это по двум причинам. Во-первых, посредническая роль понимания сенсомоторного соответствия, подразумевающая некое имплицитное знание правил этого соответствия, носит, по их мнению, неявно когнитивистский характер. Это знание правил возвращает к интеллектуализированной трактовке сознательного опыта, поскольку может являться лишь статичным «знанием-что». То есть знание того, как производить сложение, подразумевает знание правил сложения, а не математическое действие само по себе. С точки зрения радикальных энактивистов, привлечение неявного репрезентативного содержания не оправдано и означает откат в общей энактивистской программе преодоления когнитивизма. Объектом внимания Хутто и Миина становится познание в узком смысле, как свойство сознания.

Единственным решением этого вопроса, по мнению радикальных энактивистов, становится отказ от предположения о том, что примитивное, лишенное содержания сознание качественно отличается от содержательных форм интенциональности [7]. Энактивисты показывают, что можно описывать сознание без обращения к содержанию или репрезентации как к явлениям, которые должны быть удостоверены через мир. Информация в этом смысле становится лишь условным обозначением, она не может иметь натурализованной интерпретации или описываться как некая сущность.

Обосновывая отказ от репрезентационализма, Хутто и Миин исследуют более базовую составляющую познания, само сознание как составляющую познающего агента. Познание в этом контексте является неотъемлемой характеристикой сознания и познанием в узком смысле.

Необходимо также обосновать, почему по отношению к этому значению также применимо понятие «познание». Допустим, что сознание – это способность субъекта переживать мир от первого лица, отдавать себе отчет о собственных ощущениях, восприятии, мыслях. В этом случае фантомная боль в отсутствующей конечности будет также предметом интроспективного познания, поскольку независимо от причин ее возникновения, сознание способно переживать ее. Убеждение в наличии ноги, ощущающей боль, будет ошибочным. Однако существование убеждения в наличии ноги, ощущающей боль, будет распознаваться верно в силу непосредственного доступа к этому знанию. Познание в широком смысле связано с возможностью ошибки, поскольку оно обусловлено действиями познающего агента, исправной работой его органов восприятия и прочими факторами. Предположения, представления, действия принципиально могут быть ошибочными. Но характерной особенностью познания в узком смысле является прямой доступ к содержанию познания в силу тождественности объема понятий «сознание» и «познание».

Пояснить разницу между двумя обозначенными интерпретациями познания можно на примере декартов-

ского мысленного эксперимента. Если предположить, что явленный мир – всего лишь иллюзия, созданная злым демоном, и он не существует нигде, кроме моего собственного сознания, то в этом случае представление о том, что мир существует независимо от моего сознания, являлось бы ошибочным. Познание мира, как внешнего и данного независимо от сознания, – является познанием в широком смысле. И в данном случае акт познания не происходит, поскольку мир не является независимым. Однако отображение того, каким именно мир был представлен силой злого демона в моем сознании, с какими именно объектами, цветами и звуками, является верным. Поэтому иллюзия, созданная злым демоном, познается верно. Независимо от того, что выступает в качестве демона: будь то нейроны или ученые из мысленного эксперимента Х. Патнема «мозг в колбе», – в любом случае явленное. Как результат этих причин, оно является для сознания тем, что познается напрямую, поскольку непосредственно содержится в нем. И в этом узком значении познания как способности сознания напрямую познавать собственное содержание – процесс познания действительно имеет место.

Отрицание содержания (content) для радикальных энктивистов последовательно вытекает из программы отрицания субстанции сознания. Однако термин «содержание» удобен для теоретического описания конкретных состояний сознания, моментов сознания. С оговоркой, что содержание динамично в силу характеристик сознания и само по себе не обладает бытием, это понятие может использоваться для описания аспекта сознания, связанного с его меняющимися состояниями.

Радикальный антирепрезентационализм, характерный для энктивизма Хутто и Миина, оправдан, если речь идет об описании сознания или свойств сознательного опыта как такового. Но для познания как действия живой системы в целом репрезентация может оставаться понятием для обозначения ментальных состояний. Важно подчеркнуть, что это не репрезентация в когнитивистском смысле, где под ней понимаются некие дискретные ментальные символические объекты, но репрезентация-в-действии, т.е. отображение в сознании взаимодействующих между собой тела и воспринимаемых объектов [8. С. 102].

Несмотря на то, что и «познание» в широком смысле, и «познание» в узком смысле как свойство сознания обозначаются одним и тем же термином, их отождествление приводит к противоречиям. Познание в широком смысле, подразумевающим внешний познаваемый мир, всегда условно, как показывают скептические сценарии, такие как демон Декарта или мысленный эксперимент «мозги в колбе» Патнема. Познание как свойство сознания является непосредственным. Но в обыденном восприятии прямой, непосредственный характер познания в узком смысле смешивается с познанием в более широком смысле, поскольку удостоверение мира для познающего агента, как правило, не является существенным. Для выполнения обычных повседневных задач удостоверение существования внешнего мира не является значимым, поэтому оно пропускается в этой цепи.

Эти два значения познания, занимая разное место в картине взаимодействия человека с миром, имеют разный онтологический статус. М. МакКензи различает их как субъект и познающий агент, сознающий себя как самость, «я» [6. С. 77]. Субъект – это свидетельствование или осознание как оно представлено с пространственно-временной (т.е. психофизической) точки зрения. В то время как «Я» – это особый вид субъекта, более сложная целостность, и это «Я» существует виртуально по отношению к субъекту [9. С. 421]. Это восприятие системы самой себя как если бы существовала некая контролирующая и направляющая ее инстанция [6. С. 88]. В рамках этого самовосприятия порождается противопоставление «Я» миру, т.е. субъект выделяет себя из окружающей среды. Познание в узком смысле является неотъемлемым свойством субъекта. Познание в широком смысле, которое осуществляет личность, происходит в силу познающей способности субъекта. Но оно представляет собой более сложный процесс, включающий кроме самой познающей способности интеллектуальные операции, анализ, синтез и прочие когнитивные способности более сложного характера. Эти операции по отдельности могут осуществляться и на других носителях, например компьютером, но когнитивными их делает именно наличие сознания субъекта или познания в узком смысле.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Varela F.J., Thompson E., Rosch E. The embodied mind: Cognitive science and human experience. Cambridge, MA, The MIT Press, 1991.

² Энктивизм (от англ. *enaction*) – позиция, согласно которой познавательный процесс конституируется активностью воплощенного субъекта, взаимодействующего со средой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Noë A. Out of Our Heads: Why You Are Not Your Brain, and Other Lessons from the Biology of Consciousness. New York: Hill and Wang, 2010. 214 p.
2. Ayer A.J. The Problem of Knowledge. Harmondsworth, Middlesex: Penguin books, 1956.
3. Varela F.J., Thompson E., Rosch E. The embodied mind: Cognitive science and human experience. Cambridge, MA : The MIT Press, 1991. 308 p.
4. Reid D. The coherence of enactivism and mathematics education research: A case study // *Avant*. 2014. № 5. P. 137–172.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 256 с.
6. MacKenzie M. Enacting the self: Buddhist and enactivist approaches to the emergence of the self // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. 2010. № 9 (1). P. 75–99.
7. Hutto D.D., Satne G. The natural origins of content // *Philosophia*. 2015. № 43 (3). P. 701–721.
8. Иванов Д.В. Энктивизм и проблема сознания // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2016. № 3 (49). С. 88–104.
9. Thompson E., Varela F.J. Radical embodiment: neural dynamics and consciousness // *Trends in Cognitive Science*. 1999. № 5 (10). P. 418–425.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 28 октября 2020 г.

Two Meanings of “Cognition” in the Theory of Embodied Cognition

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 463, 69–72.

DOI: 10.17223/15617793/463/9

Anastasia O. Shabalina, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: nastya-plr@yandex.ru

Keywords: philosophy of mind; enactivism; embodied cognition; cognition; consciousness.

The article examines the concept “cognition” within the framework of the embodied cognition theory. It shows that the concept “cognition” within the discussed approach differs from the traditional understanding of cognition as a process of gaining knowledge. The classical concept of cognition includes the opposition between the object and the cognizing subject, while the embodied cognition theory seeks to overcome the subject-object dualism, still continuing to use the concept “cognition”. The meanings that the authors of the embodied cognition theory put into the concept “cognition” are revealed through the analysis of their texts. Since the scope and the content of the discussed concept is not identical in the works of various authors of this current, two main meanings are revealed and reviewed as they both are equally foundational for the theory of embodied cognition. Using the example of the classic Cartesian thought experiment – the hypothesis of an evil demon – the difference between the two meanings under consideration is shown. Two meanings of cognition are distinguished: broad and narrow. The article concludes that, in a broad sense, cognition is the conceptualizing activity of an embodied agent. In this sense, cognition includes all cognitive activity of an agent and its content. The importance of corporeality in the process of cognition is emphasized precisely for cognition in a broad sense. However, cognition in a narrow sense is an inalienable property of consciousness as the subject’s ability to experience the world from the first-person perspective. In this sense, cognition is direct and immediate. It is noted that the use of the word “cognition” in the two different meanings leads to contradictions within the approach. The consequence of this contradiction is the opposition of autopoietic and sensorimotor enactivism, on the one hand, and radical one, on the other. Cognition in a broad sense can have content, it can be true or false depending on how effectively the subject interacts with the environment with its help. Cognition in a narrow sense has no content as indicated by radical enactivism. It is direct, and therefore the truth criteria are not applicable to it. The distinction between these two meanings can help to overcome contradictions which exist in different currents of the embodied cognition theory.

REFERENCES

1. Noë, A. (2010) *Out of Our Heads: Why You Are Not Your Brain, and Other Lessons from the Biology of Consciousness*. New York: Hill and Wang.
2. Ayer, A.J. (1956) *The Problem of Knowledge*. Harmondsworth, Middlesex: Penguin books.
3. Varela, F.J., Thompson, E. & Rosch, E. (1991) *The embodied mind: Cognitive science and human experience*. Cambridge, MA: The MIT Press.
4. Reid, D. (2014) The coherence of enactivism and mathematics education research: A case study. *Avant*. 5. pp. 137–172.
5. Lakoff, G. & Johnson, M. (2008) *Metafora, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. Translated from English. Moscow: Izd-vo LKI.
6. MacKenzie, M. (2010) Enacting the self: Buddhist and enactivist approaches to the emergence of the self. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. 9 (1). pp. 75–99.
7. Hutto, D.D. & Satne, G. (2015) The natural origins of content. *Philosophia*. 43 (3). pp. 701–721.
8. Ivanov, D.V. (2016) Enaktivizm i problema soznaniya. *Epistemology & Philosophy of Science*. 3 (49). pp. 88–104.
9. Thompson, E. & Varela, F.J. (1999) Radical embodiment: neural dynamics and consciousness. *Trends in Cognitive Science*. 5 (10). pp. 418–425.

Received: 28 October 2020

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 316.4; 316.7

Л.Б. Внукова, Т.Ю. Власкина

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ЖИТЕЛЕЙ ДОНБАССА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ: СОЦИАЛЬНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

*Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН на 2020 г.,
№ госрегистрации проекта АААА-А19-119011190185-9.*

На основе междисциплинарного исследования общественного мнения установлены причины размежевания Донбасса с Украиной и усиления русского компонента в комплексе региональной идентичности, стремления к широкой интеграции с Россией. Синхронный срез мнений показывает необходимость решительных шагов по легитимации ЛДНР, защите населения и экономической реабилитации региона, при отсутствии которых прогнозируется рост социальной апатии вплоть до тотального разочарования в идеях «русского мира».

Ключевые слова: Донбасс; Донецкая Народная Республика; Луганская Народная Республика; идентичность; самоидентификация; виртуальные сообщества.

На протяжении шести лет происходят глубочайшие трансформации общественного сознания людей, проживающих на территории юго-востока Украины. Согласно данным опроса, проведенного в июле 2020 г. Центром Разумкова, конфликт на юго-востоке страны является первоочередной проблемой для украинского общества [1]. По данному вопросу ведется интенсивная работа зарубежных ученых, в том числе исследователей с Донбасса. Так, А. Матвеева, рассуждая в русле цивилизационного подхода, ясно сформулировала причины произошедшего на юго-востоке Украины, заявив, что отдельная цивилизационная сообщество выражается на Донбассе в языке, истории, культуре, институтах и собственных традициях – во всем, что имеет значение для жителей данного региона [2]. И. Пилигаев считает, что «ценностный конфликт на Донбассе, размытый разрывами этнической и языковой идентичности, берет свое начало в эпоху холодной войны» [3]. В статье С. Куделии и Дж. Ван Зайл утверждается, что конфликт на Донбассе объясняется значимым расколом идентичностей, определяющих субъективные оценки и суждения. На основании анализа результатов опроса 2015 г. исследователи установили, что респонденты, идентифицирующие себя с регионом, более склонны к положительному восприятию повстанцев, нежели лица с украинской идентичностью, которые с большей вероятностью не одобряли повстанцев, ощущали страх при встрече с ними и интерпретировали их мотивы через материальные причины [4].

Г. Сасс и Э. Лэкснэр рассматривают факторы трансформации идентичности, изучая мнения четырех категорий лиц: жителей подконтрольного Киеву Донбасса, жителей Донецкой Народной Республики (ДНР) / Луганской Народной Республики (ЛНР), переместившихся в Украину, переехавших в Россию. Отмечается роль родного русского языка и принадлежности к московскому патриархату как факторы, снижающие вероятность выбора идентичности «гражданин Украины». То есть эти факторы можно интерпретировать как принципиальные для притяже-

ния к России. Г. Сасс и Э. Лэкснэр делают важный вывод о том, что конкретные региональные или местные условия жизни перемещенных лиц в новых пунктах назначения могут влиять на их идентичность [5]. Последнее утверждение не ново, это одно из проявлений конформизма в обществе, а также желания обезопасить себя через подстройку под «идеологический мейнстрим», эти социальные феномены всегда присутствуют в любом обществе. Данное явление находится в фокусе внимания Ю. Абибок, которая пишет, что ДНР и ЛНР прилагают усилия по легитимации и укреплению своей государственности, прежде всего, посредством новой исторической политики – введения новых государственных праздников, проведения масштабной кампании, посвященной увековечиванию воспоминаний о новых повстанческих героях ЛДНР [6]. Ю. Абибок считает, что продолжение конфликта в нынешнем формате, вместе с конструированием собственного исторического нарратива, существенно усложнит интеграцию региона в пространство Украины [6]. Конкуренция государственных нарративов отмечается также в статье Т. Кузио, где со ссылкой на социологический опрос 2019 г. автор утверждает, что 67% украинцев считают, что российский режим стремится «уничтожить независимость и суверенитет Украины» [7]. Этот результат можно рассматривать и по-другому: после стольких лет «массированной пропаганды» одна треть украинцев, тем не менее, не видит в России врага. Однако согласимся с авторами А. Харан, М. Яковлевой и М. Золкиной [8], что противостояние на Донбассе только укрепило гражданскую идентичность на Украине. Об этом так или иначе свидетельствуют различные мониторинги общественного мнения украинских социологических центров. Аналогичный процесс происходит и на Донбассе, по мнению исследователей: «Если сильная региональная идентичность сыграла заметную роль в начале войны, она, вероятно, только укрепилась в мятежных районах после нескольких лет их фактического отделения от Украины» [8]. А. Харан, М. Яковлева и М. Золкина отмечают давление общественного мнe-

ния на украинские власти в части дипломатического решения конфликта и готовности к компромиссам и считают, что многие политические новшества украинского правительства с 2014 г., особенно в образовательной и языковой сферах, были основаны на этноцентрических представлениях о необходимости достижения большей однородности украинской нации. «Успешная реинтеграция частей Донбасса потребовала бы адаптации государственной политики к часто расходящимся культурным потребностям местных жителей, чтобы обеспечить большую совместимость между национальными и локализованными типами идентичности» [8].

А. Вэйро-Рамос и Т. Любыва также отмечают региональную поляризацию по выраженности украинской идентичности (более слабая на юге и востоке), отношению к статусу русского языка, взаимосвязи идентичности и геополитических ориентаций и др. [9]. С. Пахоменко и соавторы размышляют о причинах того, почему в общественном сознании на Донбассе присутствовало осознание уникальности этого региона, и приходят к выводу, что экономическая мощь и спортивные достижения «привели к закреплению в региональном сознании гипертрофированного чувства региональной идентичности, веры в его лидерство и его незаменимость» [10]. Исследование американского автора Э. Гальяно содержит дискуссионные, на наш взгляд, утверждения: «Хотя этническая идентичность не вызывает поляризованных предпочтений, она важна для формирования политических взглядов. Также анализ оригинальной базы данных заявлений жителей Донбасса показывает, что они были мотивированы поддерживать сепаратизм из-за местных проблем, усугубляемых чувством покинутости Киева, а не из-за русского языка и пророссийских вопросов внешней политики» [11].

Русскоязычные исследования идентичности на Донбассе, а также связанных по смыслу вопросов общественного мнения включают в основном работы авторов, проживающих непосредственно в регионе: например, статьи Н.Е. Мaziной, А.В. Гордеевой, И.А. Анисимовой [12], В.Н. Кусургашева, И.Е. Татарина, А.В. Герасимова [13] и др. В отдельных публикациях представлены результаты опросов, проведенных на территории непризнанных республик ДНР и ЛНР, именно поэтому такие публикации представляют отдельный интерес для нашего исследования. Касаясь взглядов ученых Донбасса на причины социально-политических процессов 2014 г., приведем мнение Э.А. Ангелиной: «Для того чтобы ясно представлять специфику нынешней региональной идентичности населения Донбасса, нужно упомянуть, что в Донбассе на протяжении двух столетий шёл процесс смешения множества языков, влияния культурных событий, религий. Русский язык был одним из условий успешной адаптации человека к жизни в Донецком крае» [14]. В.Н. Кусургашев считает, что этнокультурные идентичности преобладают над другими: «В Украине в 2014 г. можно было наблюдать проявления значительного ущемления прав и свобод многонационального населения, живущего на территории Донбасса, выразившегося, прежде всего, в подавле-

нии этнической и культурной идентичностей» [15]. Не все исследователи Донбасса видят идентичность ключевой причиной, например, А.Б. Клименко считает, что «национальная составляющая вторична, а желание сохранить промышленный потенциал региона первично. Это во многом и побудило население присоединиться к Русскому миру, как к глобальному проекту, как в экономической, так и культурной составляющей, где приложение труда людей Донбасса было бы более эффективным» [16]. Подводя итог, следует отметить, что взгляды исследователей на проблему идентичности на Донбассе по обе стороны конфликта во многом совпадают, различия содержатся в оценочной плоскости и желании увидеть / обосновать ту или иную (ангажированную) точку зрения. Рассмотрев актуальность проблем идентичности на Украине, обратимся к опросам общественного мнения, для того чтобы оценить важность вопросов самоидентификации и идеологических предпочтений для жителей Донбасса. Для этого проанализируем данные онлайн-опроса, проведенного в 2020 г., и полученные результаты соотнесем с другими доступными исследованиями. Кроме того, руководствуясь междисциплинарным подходом, рассмотрим вопросы идентичности методами этнолингвистической экспертизы на основе речевых манифестаций жителей ЛДНР на страницах открытых интернет-ресурсов и сопоставим полученные результаты.

С социологическими опросами на территории непризнанных республик (ДНР и ЛНР) ситуация сложная, на этой территории нет официальной мониторинговой статистики. В нашем исследовании мы будем использовать информацию о небольших опросах, опубликованную в тезисах или научных статьях авторов, проживающих на Донбассе. Данные редких социологических опросов, которые публикуются, иногда вызывают определенные дискуссии [17], тем не менее, все доступные публикации примем во внимание для сопоставления с полученными результатами. Анкета настоящего онлайн-опроса была размещена в социальной сети в одной из групп ДонНУ в конце сентября – начале октября 2020 г. с просьбой заполнить и распространить среди знакомых. В силу объективных обстоятельств исследование проводилось методом «снежного кома» и охватило 86 человек (47 мужского, 39 женского пола), по возрасту оказались представлены все группы: (от 15 до 24 лет – 36%; от 25 до 34 лет – 26,7%; от 35 до 44 лет – 23,3%; от 45 до 55 – 9,3%; старше 55 лет – 4,7%). Две трети респондентов имеют высшее образование, что следует учитывать при трактовке результатов. Ввиду многочисленности ответов количественные методы обработки результатов не могут репрезентативно отражать мнение жителей Донбасса, поэтому в первую очередь примем во внимание открытые вопросы, т.е. используем качественные методы анализа. Один из таких вопросов состоял в просьбе написать главные идеи (и / или) ценности, которые объединили людей в период «Русской весны» 2014 г., и отметить, остаются ли они актуальными на данный момент. На этот вопрос содержательно ответили 73 человека; если обобщенно сформулировать мнение большинства и

выделить ключевые идеи, то, прежде всего, это чувство отчужденности, неприятия идей Майдана (национализма, нацизма и т.п.) и смены власти в Киеве, выступление против навязывания украинства, ущемления русского языка. Вот как об этом писали респонденты: «Категорическое неприятие украинского национализма и соответственно Евромайдана и того нового украинского государства, в котором власть взяли сторонники украинского национализма»; «Неприятие нацизма, уважение к историческому прошлому, право на родной (русский) язык»; «Русский язык, память о войне, общее несогласие с режимом в Киеве» и др. В некоторых ответах акцентируется то, что люди ощущали себя ущемлёнными и «решили выступить против всех, чтобы стать более значимыми», или «1) Нежелание терпеть унижения со стороны незаконной националистической власти. 2) Ощущение острой несправедливости по отношению к Донбассу и всему русскоязычному, пророссийскому населению Украины как к людям второго сорта». «Справедливость (я, как и все жители Донбасса, всегда чувствовал себя “неполноценным” под властью Киева). «Идея одной территории с Россией, свободное использование русского языка во всех сферах деятельности, общая с Россией культура, невозможность принятия чуждого русскому человеку украинского национализма (нацизма)». «Язык, собственная значимость». Логичным продолжением было желание сближения с Россией вплоть до присоединения, поэтому, как было указано в одном из мнений, «идея одной территории с Россией» или, в других ответах: «Неприятие переворота в Киеве, желание выйти из состава Украины и войти в состав РФ по примеру Крыма», «пойти по пути Крыма». Пример Крыма в 2014 г. породил коллективное ожидание на Донбассе, о чем писалось в предыдущей работе [18].

В некоторых ответах использовались ценностные понятия патриотизма, любви к родине, защиты права, исторической справедливости, памяти, правды: «Любовь к родной земле», «право на самоуправление», «свобода и правда», «право на выбор», «самоопределение», «память об общем прошлом», «справедливость, правда, отечество» и др. Об идее построения более справедливого общества написали несколько человек. Некоторые респонденты указали религиозные причины: «защита веры», «справедливость, антифашизм, русская культура (язык, ценности, мировоззрение, вера, история)», «русская культура, русский язык, православная вера» и др. Двое указали на страх и «испуганность». Следует заострить внимание, что некоторые высказывались в негативном ключе о событиях 2014 г.: «невежество, недалёковидность, напуганность», «невежество, покорность и псевдопатриотизм», «необходимость защитить Украину, осознание ее как родины, которая нуждается в нас», «те, кто ничего не добился при прошлой власти, решили выступить в 2014», «Разногласия, продуманная пропаганда». Обобщая разные точки зрения, сделаем вывод о том, что многие люди на Донбассе и до 2014 г. ощущали ущемление своих прав говорить / обучаться / использовать в социальной жизни родной русский язык. События на Майдане для большинства были переломными, подвигшими выйти на площадь и защитить свои идеалы и

ценности. Стремление к сближению с Россией – закономерное следствие. Конечно, нельзя утверждать, что абсолютно все жители Донбасса разделяли данную точку зрения. Одновременно присутствовали разные взгляды, в том числе, как мы уже указали выше, и противоположные большинству. Как ёмко сформулировал один из респондентов мотивацию участников протестных акций на Донбассе (орфография и пунктуация сохранены): «Утилитарная идея – Россия богатая страна, там больше денег, поэтому и нам что-то переподет! Антиукраинская (антиукроповская) у нас такого, как в Киеве не будет! Пофигистическая – пойдем посмотрим, что там народ собрался?!»

Вторая часть вопроса – сохраняют ли идеи свою актуальность на данный момент – показала, что многие респонденты, первоначально разделявшие идеи «Русской весны» на Донбассе, писали о разочаровании и утрате их из-за череды жизненных трудностей, экономического упадка, пережитых за шесть лет. «Эти идеи частично сохраняют свою актуальность, но на фоне более чем 6 лет неопределенности и тяжёлого социально-экономического положения идеология отошла на второй план, более приоритетны стали вопросы банального физического выживания. У многих разочарование и глухое недовольство. Строй ДНР далек от социальной справедливости, под урапатриотическую пропаганду идёт фактическое ухудшение социально-экономического положения, как показатель – сокращение рабочей недели, низкие заработные платы, длительные задержки выплаты заработной платы на многих промышленных предприятиях, шахтерские забастовки в ЛНР». Ближе к концу анкеты присутствовал отдельный уточняющий вопрос «Как вы думаете, идеи социальной справедливости актуальны для самопровозглашенных республик?», на который более половины ответили, что нет. Это мнение складывается из суммы ответов «Нет, используются только для лозунгов и пропаганды» (47,7%) и «Нет, они были важны в 2014 году, но сейчас потеряли свою актуальность» (10,5%). Примерно только четверть считают, что «да, ДНР и ЛНР двигаются к построению справедливого общества», а 16,3% думают, что «идеи социальной справедливости – это утопия, они в принципе нереализуемы».

Соотнесем качественный анализ открытых вопросов с остальными вопросами анкеты, в данном случае полученные количественные показатели будем рассматривать не как точные социологические величины, а как отражение определенных тенденций, которые далее сравним с данными других исследований. Распределение ответов на вопрос «Считаете ли вы продолжающееся противостояние между народными республиками ЛДНР и Украиной оправданным?» показывает, что около 30% указали «да, я не при каких условиях не хочу подчиняться власти в Киеве», второй по популярности ответ – «Нет, человеческие жертвы недопустимы с обеих сторон» (22,1%) (табл. 1). Получается, что военную борьбу не поддерживает примерно половина опрошенных. Двое респондентов написали, что необходима более быстрая интеграция с Россией, остальные негативно высказались насчет текущей ситуации и государственности ДНР.

Распределение ответов на вопрос «Считаете ли вы продолжающееся противостояние между народными республиками ЛДНР и Украиной оправданным?», %

Вариант ответа	
Я готов терпеть все трудности, потому что мы боремся за правильные идеи и более справедливое общество	16,3
Да, я не при каких условиях не хочу подчиняться власти в Киеве	29,1
Сначала я поддерживал(а) вооруженную борьбу, а сейчас – нет	11,6
Нет, человеческие жертвы недопустимы с обеих сторон	22,1
Нет, я считаю, что восточный Донбасс – часть Украины, внутренние разногласия надо решать мирными методами	10,5
Свой вариант	6,9
Затрудняюсь ответить	3,5

Вопрос, связанный с ожиданием развития ситуации на линии соприкосновения в ближайшем будущем, показал, что более половины респондентов считают, что ситуация будет сохраняться в нынешнем положении. Если сложить второй по популярности ответ на этот вопрос «Боевые действия полностью не прекратятся, но их интенсивность будет снижаться» с результатом «Боевые действия полностью прекратятся» и сравнить с суммой результатов ответов «Значительно усилится военное давление на границе, вплоть до попыток прорыва и наступления на территорию ЛДНР» и «Интенсивность боевых действий будет нарастать», то людей, ожидающих мирного развития событий будет больше, нежели придерживающихся сценария военного вторжения. Это отражает небольшое преобладание оптимистических взглядов среди населения и во многом совпадает с распределением ответов на вопрос «В какой мере Вас устраивает сейчас жизнь, которую Вы ведете?». Самый распространенный ответ – «Отчасти устраивает, отчасти нет» – набирает порядка 40%, точно так же «оптимистов» – тех, кого жизнь «вполне» и «по большей части» устраивает, немного больше, чем выбравших противоположные по смыслу ответы.

Обратимся к анализу ключевых для нашего исследования вопросов, касающихся самоидентификации и самоопределения, иными словами, идентичности. В табл. 2 и 3 приводится распределение ответов на вопросы «Кем вы себя считаете?» и «В какой степени Вы ощущаете чувство общности с другими людьми?». В приоритете у опрошенных региональная идентич-

ность – «житель Донбасса» (58,1%). Следует отметить, что схожие цифры указываются и в других социологических исследованиях. Например, по данным украинского исследования, территориальную идентичность в ДНР разделяли в 2016 г. 60%, а в 2017 г. – 72% [19]. Причины приоритета донбасской самоидентификации рассматривались в более ранней работе [18]. Украинская национальная самоидентификация оказывается менее значимой, чем русская, потому что, во-первых, за шесть лет многие люди с соответствующими взглядами уехали на территорию подконтрольной Киеву территории Украины. Во-вторых, возможно, некоторые поменяли или маскируют свою самоидентификацию, подстраиваясь под доминирующее общественное мнение. Совсем отвергающих украинскую идентичность чуть более трети – заметно меньше не считающих себя «гражданами Украины». Можно предположить, что в случае восстановления контроля Киева доля людей, считающих себя больше украинцами, нежели русскими, возрастет, в том числе за счет разделяющих популярную на Донбассе гибридную идентичность «русский украинец». Даже в рамках настоящего «разведывательного» опроса наблюдается небольшая группа, разделяющая отношения большинства к идеям «Русской весны» 2014 г. и, соответственно, негативно оценивающая все, связанное с этими событиями. Два человека напрямую написали, что считают себя гражданами Украины. Среди прочих вариантов идентичности, которые респонденты хотели прописать дополнительно, – религиозные и политико-философские предпочтения.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Кем вы себя считаете?», %

Ответ	В приоритете, самое важное	Значимо	В некоторой степени	Совершенно не считаю	Нейтрально
Русским	52,3	23,3	17,4	5,8	1,2
Украинцем	8,1	19,8	25,6	37,2	9,3
Православным / верующим	20,9	26,7	17,4	25,6	9,3
Гражданином ДНР / ЛНР	22,1	29,1	27,9	16,3	4,7
Гражданином России	32,6	22,1	18,6	18,6	8,1
Гражданином Украины	11,6	8,1	25,6	45,3	9,3
Жителем Донбасса	58,1	29,1	10,5	2,3	0
Жителем своего города / села / населенного пункта	53,5	29,1	9,3	2,3	5,8

На приоритет региональной идентичности также указывается и в опубликованном Н.Е. Мазинной исследовании, проведенном кафедрой юридической психологии и педагогики Донбасской юридической академии совместно с Санкт-Петербургским государственным университетом в ноябре–декабре 2019 г., в

котором изучался процесс социальной идентификации населения в условиях социальной неопределенности [20]. Выборочная совокупность охватила 176 человек в возрасте от 18 до 73 лет. «Распределение ответов респондентов на вопрос “Кем Вы себя считаете?” показало, что среди социальных идентич-

ностей опрошенных преобладает региональная идентичность» [20]. Н.Е. Мазина в подтверждение этого тезиса приводит таблицу с ранжированием значимости той или иной самоидентификации для человека, на второй позиции оказывается идентичность «русский». Для нашего исследования также имеет важное значение наличие двойной и тройной идентичностей у респондентов, например «русский – донбассовец» или «гражданин ДНР – донбассовец – русский» [20].

Вернемся к анализу результатов, представленных в табл. 3. Для того чтобы уточнить, насколько та или иная самоидентификация выступает объединяющим фактором, задавался вопрос: «В какой степени Вы ощущаете чувство общности с другими людьми?» Наиболее выбираемой оказалась широкая по смыслу формулировка «Люди, разделяющие мои взгляды на жизнь». На втором месте, и это симптоматично для Донбасса, – формулировки «Люди, пережившие (и переживающие) трудности вооруженного конфликта вместе со мной» и «Люди, близкие мне по культуре». Чуть меньше ответов «в значительной степени» набирает формулировка «Люди, говорящие на одном со мной языке», но по сумме ответов «в значительной» и «в некоторой» степени (первые две колонки) сопоставима с ними. Возвращаясь к вопросу об объединяющих идеях на Донбассе, как раз получается,

«выстреливают» культурный и языковой факторы, а отдельно от них «национальный» вопрос не имеет такой объединяющей силы. Распределение оценки ощущения близости для категории «Люди моей национальности» также подтверждает, что она не является определяющей для большинства. Это отмечалось и в других исследованиях [11]. Общность «Граждане моего государства» важна примерно для трети опрошенных. На такой результат оказывают влияние объективные обстоятельства – в силу непризнанности республик Донбасса и наличия у людей разных паспортов под «своим государством» можно подразумевать ЛДНР, Россию или Украину. Тем не менее политические вопросы в целом представляют интерес для подавляющего большинства жителей Донбасса – об этом свидетельствует то, что общность «Люди, близкие мне по политическим взглядам» является лидером среди ответов «в некоторой степени». А учитывая группу людей, считающих значительной степень близости «по политическим взглядам», получается, что данные вопросы волнуют более 85%. Самая слабая по объединяющей силе общность – религиозная, в том числе и по ответам «Не ощущаю близости». Заметим, что в предыдущем вопросе (табл. 2) эта самоидентификация показала схожий результат.

Таблица 3
Распределение ответов на вопрос «В какой степени Вы ощущаете чувство общности с другими людьми?», %

Для меня «мы» это – ...	В значительной степени	В некоторой степени	Не ощущаю близости	Затрудняюсь ответить
Люди, разделяющие мои взгляды на жизнь	64	33,6	1,2	1,2
Люди, близкие мне по политическим взглядам	25,6	61,6	10,5	2,3
Граждане моего государства	32,6	46,5	16,3	4,7
Жители моего города	36	47,7	12,8	3,5
Люди моей национальности	27,9	45,3	19,8	7
Люди одного со мной вероисповедания	18,6	38,4	26,7	16,3
Люди, говорящие на одном со мной языке	45,3	40,7	12,8	1,2
Жители всей Земли	25,6	31,4	23,3	19,8
Люди, близкие мне по культуре	52,3	32,6	9,3	5,8
Люди, пережившие (и переживающие) трудности вооруженного конфликта вместе со мной	52,3	31,4	11,6	4,7

Этот смысловой блок в анкете продолжает вопрос о том, как понимают жители Донбасса «русский мир». 43% опрошенных ответили, что это «идеологическое движение с правильными ценностями: стремление к миру, справедливости, языковое и культурное единство и др.», 16,3% указали, что это «прежде всего независимость Донбасса от идеологических ориентаций украинского майдана, защита родного русского языка и региональной культуры». Данное процентное распределение по смыслу совпадает с результатами качественного анализа, в том числе что существует индифферентная группа (12,8% смутно представляют, что подразумевается под «русским миром», а 4,7% затруднились ответить), а также и оппозиционная к власти непризнанных республик (10,5% полагают, что «русский мир» – искусственное образование, навязанное политиками). Следующий вопрос показал: половина опрошенных респондентов считает, что большинство граждан самопровозглашенных республик желают интегрироваться в Россию и таковых со временем все больше. Противоположного мнения – «Хо-

тели в 2014 г., но с каждым годом таковых все меньше» – придерживаются 27,9%. Симпатично, что в эпоху постправды на вопрос «Каким источникам информации вы доверяете больше всего?» самый распространенный ответ – никаким (25,6%). Разброс мнений на этот вопрос: 16,3% – интернет, СМИ / мнение блогеров из ЛДНР, 10% доверяют прежде всего официальной версии России и еще примерно столько же – официальной информации представителей власти ЛДНР.

На вопрос «Лично для вас важно, кто находится у государственной власти?» половина респондентов указали: «Для меня принципиально, чтобы власть избиралась свободно и демократично волею народа и те, кто находится у власти, уважали закон и права человека». Это означает, что демократические ценности приоритетны для жителей Донбасса, и это следует учитывать всем вовлеченным в данный конфликт. Анализируя другие ответы на этот вопрос, можно выделить аполитичную группу примерно в четверть респондентов – это выбравшие ответы «Мне не принци-

пиальны политические приоритеты государственного руководства, лишь бы правительство обеспечивало мир, порядок, работу и достойный уровень жизни» и «Нет, мне все равно. Я не верю в благие намерения и обещания правителей, предпочитаю надеяться только на свои силы».

На закрытый вопрос «Как вы считаете, какие изменения вероятны в ближайший год?» был предложен широкий спектр ответов, среди которых более 60% выбрали ответ «Ничего не поменяется, все будет примерно также». Такой высокий процент говорит о распространении апатии, что также указывалось в более ранних работах [18]. Второй по распространенности ответ – «Включение в состав России» выбрала примерно шестая часть респондентов. Логическое продолжение в форме открытого вопроса «А каких изменений вы бы желали из перечисленных?» показал, что примерно половина хотела бы вхождения в состав РФ. Отметим, что столько же людей также ответили на вопрос: «На ваш взгляд, большинство граждан самопровозглашенных республик желает интегрироваться в Россию?». Среди других ответов выделяется группа желающих признания государственности, причем в некоторых ответах прописывалось сразу несколько вариантов; также есть желающие расширения границ республик. Отдельно стоит отметить людей, желающих интегрироваться обратно в Украину или какого-то мирного разрешения: «Просто закончить войну и все. Без разницы в какой стране. То, что должно было прекратиться за год, длится уже 6 лет»; «Включение в состав России / Добровольное возвращение территории ЛДНР под юрисдикцию Киева – уже неприципиально». Так или иначе хотели бы возвращения под контроль Киева 14 человек из опрошенных. Заострим внимание на том, что выделяется небольшая группа, ориентировочно процентов 15, которая не побоялась обозначить свои взгляды, не совпадающие с мнением большинства. Если учесть существование людей, разделяющих такие же взгляды, но скрывших их и подстроившихся под мнение большинства, то получается, что эта группа еще больше. Сопоставление с другими исследованиями косвенно подтверждает высказанное предположение. Так, в уже упоминавшейся работе Н.Е. Мазиной предлагается тезис на основе распределения ответов на вопрос об отъезде с территории непризнанной республики: «Показательно, что количество респондентов, воспринявших новое состояние общества, нашедших свое место в обновленной социальной реальности, и тех, кто не определился в новых условиях либо категорически не приемлет перемены, распределилось практически поровну – 50,3% и 49,7% соответственно» [20]. Этот тезис совместно с данными рассматриваемого опроса 2020 г. можно трактовать как подтверждение распространения апатии в обществе, о чем уже упоминалось выше.

Выявленные при анализе анкеты тенденции во многом совпадают по смыслу с данными других исследований. Так, если принять во внимание результаты опроса осени 2019 г. компании New Image Marketing Group по заказу украинского Института будущего, то хотят присоединиться к России более половины жите-

лей «оккупированных территорий»: «51% “войти в состав РФ” + 13% “войти в состав РФ с особым статусом”. Только 5% хотят “быть частью Украины, как прежде”, 13% хотят особый статус в составе Украины. Более 90% считают, что война началась из-за революции в Киеве и влияния США» [17]. Похожие результаты приводятся в статье В.Н. Кусургашева [21]. Социологическое исследование «Подростковые идентичности в контексте переходного периода» проходило в начале 2016 г. и было организовано кафедрой философии и социологии Луганского государственного университета. Большинство из опрошенных 305 школьников в возрасте от 12 до 15 лет видят будущее Донбасса в составе Российской Федерации. «Менее трети респондентов говорят об автономности, независимости ЛНР, несколько человек – о возвращении территории Республики в состав Украины. После получения соответствующего образования жить и работать в России хотели бы 55,9% респондентов, 29,9% – жить и работать в ЛНР» [21].

Исследование Центра восточноевропейских и международных исследований (ZOIS, г. Берлин) проводилось в феврале–марте 2019 г., на подконтрольной Киеву территории было проинтервьюировано 1 200 человек согласно многоступенчатой выборке, на неподконтрольной территории было проведено 1 200 телефонных интервью. Формулировка вопроса относительно самоидентификации была направлена на выявление приоритетной идентичности: этнической, гражданской, языковой, территориальной; поэтому и результаты в абсолютных значениях нельзя сравнить с проведенным исследованием. Однако полученные результаты можно сопоставить по смыслу: «На неподконтрольных правительству территориях картина идентичности более разнообразна: 21% идентифицируют себя как смешанные этнические русские и украинцы. Региональная идентичность также более заметна в самопровозглашенных Донецкой и Луганской Народных Республиках (ДНР / ЛНР), чем в контролируемом правительством Донбассе: 18% в ДНР / ЛНР назвали себя выходцами из Донбасса и около 12% – жителями ДНР / ЛНР. Около 13% выбрали «гражданина Украины» в качестве своей основной идентичности – примерно столько же, сколько и доля, определившая себя как “этнические русские” (12%). Эти результаты позволяют избежать необоснованных заявлений о сепаратистской и российской идентичности в этой части Донбасса» [22]. Если проанализировать изменения самоидентификации за три года, то фиксируются значимые трансформации в некоторых категориях в 2019 г. по сравнению с 2016 г. – люди чувствуют себя «более украинцами», «русскими и украинцами одновременно», а также сильно уменьшилась группа тех, чьи чувства не изменились, что свидетельствует о высокой динамике процессов личной самоидентификации в обществе. Кроме того, в этом докладе говорится, что «в ДНР / ЛНР около трети населения за оба года поддержали идею о том, что неподконтрольные правительству районы должны иметь особый автономный статус в Украине или России. Более того, около 21% респондентов в 2016 году считали, что ДНР / ЛНР должна вернуться в Донец-

кую и Луганскую области, как до войны; 24% выбрали этот вариант в 2019 г. Это изменение является статистически значимым, указывая на то, что идея возврата к довоенной ситуации стала популярной. В оба года около 55% населения ДНР / ЛНР высказались за принадлежность к украинскому государству» [22]. Данные ZOIS относительно количества людей, желающих интегрироваться в Украину, значимо расходятся с полученными в нашем исследовании, а данные касательно идентичности во многом совпадают.

Вторая часть комплексного исследования была возвращена в этнолингвистическом русле. В познавательном плане особенно значима социальная обусловленность языковых явлений. Согласно Б.Л. Уорфу, все условия, присущие тому или иному обществу, взаимодействуя с языковыми нормами, формируют характер его представителей и мало-помалу создают определенное мировоззрение [23]. Чем агрессивней среда, чем существеннее она влияет на качество жизни человека и характер общественных процессов, тем очевиднее будет языковая реакция. Важной методологической категорией в данном дискурсе является понятие региолекта: «Особая форма устной речи, в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта, развились новые особенности. Это форма, с одной стороны, не достигшая еще статуса стандартного литературного языка, а с другой, – в силу наличия многих ареально варьирующихся черт, не совпадающая полностью и с городским просторечием. Региолекты охватывают ареал ряда смежных диалектов, включая сюда города и поселки городского типа, и тем самым объединяют значительные группы того или иного этноса» [24. С. 22]. Исследования в области донецкого региолекта в последние годы ведутся филологами Донецкого национального университета [25. С. 18].

Устный нарратив, подвергнутый парадигматическому и синтагматическому анализу, способен детализировать представления о самосознании населения Донбасса, проследить пути его формирования, выделить факторы, обеспечивающие стабильность или влияющие на динамику мнений. Введение в исследование подобного источника существенно дополняет и конкретизирует информацию, полученную в результате опросов общественного мнения. Вместе с тем неизбежная селективность при создании источников для качественного семиотического анализа уравнивается сплошной выборкой материала из открытых интернет-источников, непосредственно связанных с ЛДНР, – сайтов оповещения населения, городских форумов и твиттер-аккаунтов, зарегистрированных на территории республик. Приоритеты онлайн-опроса по анкете, при всем стремлении исследователей к объективности, сформированы извне. Напротив, сплошная выборка произвольно аккумулированного в соцсетях информационного контента позволяет выявить вопросы, актуальность которых связана с ненаправленной внутренней инициативой. Диалоги в чатах и на форумах исследователи определяют как «письменную разговорную речь» по ряду формальных признаков, особо подчеркивая ее эмоциональность, которая сохраняется в фиксированной форме [26]. В этом смысле интернет-диалоги представляются особенно ценным

источником. Кроме того, относительная анонимность сетевого собеседника позволяет ему быть более откровенным, нежели при личном контакте. Интернет-ресурсы являются сравнительно новой, но активно развивающейся культурно-языковой средой. Описание перспективных разновидностей сетевых ресурсов, методические установки по работе с контентом и результаты предыдущего опыта уже опубликованы ранее [27]. Установлено, что при ответственном отношении к выборке интернет может стать ценным источником донбасских региолектизмов – лексики, идиом, понятий, текстов.

Корпус источников исследования в 2020 г. представлен несколькими общественными ресурсами социальной сети vk (ВКонтакте), специально созданными в период вооруженного конфликта на юго-востоке Украины для информирования населения о текущей ситуации: «GOVES Группа оповещения Новороссия. ДНР. ЛНР.» (54 703 подписчика); «Сводки от ополчения Новороссии» (434 526 подписчиков); «Самооборона Горловки» (144 699 подписчиков) (Статистика по интернет-ресурсам дается по состоянию на 29.12.2020). Еще одну группу составляют аккаунты на платформе Twitter, в профиле которых при регистрации так или иначе обозначена территория республик Донбасса, а длительный анализ контента не оставляет сомнений в реальности заявленных лиц и их самодеклараций. Был определен круг из 19 микроблогов, на которых пользователи систематически размещают материалы о своей повседневной жизни: 14 из ДНР (в том числе 3 зарегистрированных в Горловке) и 5 из ЛНР. Помимо собственных постов основные пользователи размещают на данных ресурсах информацию аккаунтов, близких по интересам. Обратная связь с блогосферой реализуется в форме комментариев подписчиков, мнения которых могут быть диаметрально противоположными. Таким образом, общение охватывает достаточно обширную аудиторию – около 11 тыс. пользователей Twitter (6 825 и 3 986 из ДНР и ЛНР соответственно) и более 600 тыс. подписчиков групп оповещения ЛДНР vk. Данные ресурсы подвергались регулярному мониторингу в течение 2020 г. и выборке лингвистического материала по наиболее частотным ключевым словам. К сожалению, количественному анализу собранный материал не подлежит, поскольку, во-первых, интерес представляют продукты коммуникативной активности – отвлеченные мнения и речевые манифестации, принадлежащие исключительно жителям ЛДНР. Кроме того, одни и те же пользователи, как правило, подписываются на несколько аккаунтов и общаются параллельно в нескольких микроблогах. Но даже после жесткого отбора по названным критериям, включая максимальный учет погрешности, охват проблемы в территориальном, численном и содержательном измерениях донбасского мира остается достаточно внушительным и показательным.

За последние годы в системе донецкого региолекта сформировался корпус лексико-семантических выражений трансформации идентичности – результат мучительного переживания социально-политической катастрофы. В синхронном срезе языковых процессов

доминирование шахтерской идентичности, которая ранее традиционно выделялась специалистами как центральный маркер региональной языковой личности [25. С. 117–122], претерпевает определенную девальвацию, уступая место иным отождествлениям гражданских, этнокультурных и политических предпочтений. Важным объективным признаком идентичности является язык неформального общения в соцсетях – пользователи отслеживаемых ресурсов общаются на русском, хотя как жители двуязычного региона с преподаванием украинского на всех ступенях образования они им хорошо владеют. Однако тот факт, что украинские слова и выражения при весьма редком использовании выступают исключительно средством усиления комического или саркастического эффекта, свидетельствует о его сознательном отторжении. «Щенверла рассылає денги. Главне, держати карман шире» [28] (Щенверла – здесь 'Украина'. Искаженно «Ще не вмерла України і слава, і воля» – первые слова государственного гимна Украины с 2002 г.); «Муж погіб при обстрілі «захисниками», жєна со множинними рєненнями в больниці» [29] (Захисники – укр. 'защитники'), – это проявления языкового нигилизма, хоть и весьма бледные на фоне всплесков этнического фанатизма, которые наблюдаются у сторонников евромайдана.

Среди наиболее заметных языковых явлений, связанных с проблемами означивания субъектов новой реальности на начальном уровне изучения собранных материалов, было выявлено интенсивное осмысление дихотомии свой / чужой. Этот процесс прослеживается в развитии просторечных форм политонимов и соционимов (укры, нацики – 'сторонники Киевского Майдана, украинские националисты', сепары, вата – 'сторонники «Русского мира» и ЛДНР' и т.п.). Однако функции инструмента дифференциации способны приобретать и нейтральные языковые единицы, относящиеся к базовому корпусу национального языка, например местоимения. Местоимения *мы, наши, все, вы* и другие открывают особенности современной самоидентификации и позиционирования населения, со всей страстью передавая трагический характер реалистической подоплеку саморефлексии. Сплошная выборка речевых манифестаций по ключевым местоимениям из полемических комментариев на сайтах оповещения дает им достаточно контекстных характеристик.

МЫ: «Мы каждый день переживаем ад». «А мы в ответ грозим пальцем и считаем снаряды». «Мы отвечаем не по мирным жителям с той стороны, а ровно куда надо». «Мы живем в подъездах и подвалах». «Мы принимаем огонь на себя». «Мы же крепко стоим с 2014 года. Храни нас всех Бог...». «Мы хороним лучших парней». «Мы все должны быть вместе и только так мы победим украинскую нечисть». Причины появления людей категории *мы* для жителей Донбасса совершенно прозрачны, и в первую очередь они связываются с утратой украинской идентичности: «Шість лет назад в этот день убегає под обстрілами из города, мы думали, через пару недель (вернемся. – Т.В.). В этот день погубило много мирных жителей в центре города. Странной любовью нас любит

Украина» [30]. Утверждение необратимости кризиса самоидентификации на протяжении всего конфликта является устойчивой темой донбасской блогосферы. «Ничто так не стимулирует совместную мирную жизнь, как предварительные многочасовые артобстрелы городов – ДОНБАСС – УКРАИНА... За 6 лет Практически Непреодолимая НЕНАВИСТЬ! (ОСНОВА КОТОРОЙ – ГИБЕЛЬ ЛЮДЕЙ!)» [31].

Категория *мы* по многим признакам совпадает с определениями региональной идентичности *донецкие, дончане*, содержание которых за время войны сузилось и конкретизировалось. «Настоящие донецкие» оказались противопоставлены любым другим участникам донбасского конфликта как минимум тем, что «не оставили города свои» (это перифраз строчки из песни рок-группы «Декабрь», которая после 2014 г. стала своеобразным гимном Донбасса) и не уехали туда, где сытнее и безопаснее. По этому критерию жесткой ревизии подлежат даже управленческое ядро республик и ряды ополченцев, воевавших за нее в тот или иной период. «Больше "адекватных украинцев" оставшихся на своей земле донецких ненавидят самозванцы парламента Новоросси, обиженные первой второй волны и прочие патриоты на удаленке. Наверное, потому что мы все еще не сдохли. Или не с...лись (не уехали. – Т.В.) как они» [32]. «Я многих знаю из (ополченцев первой волны. – Т.В.). Но настоящие первые до сих пор рядом с нами. А ты сбежал. Оскорбил нас жителей Донбасса и продолжаешь себе хайп ловить. Сбежал, теперь Донбасс – это не твоя тема. Сиди за Крым пиши. У нас на Донбассе предателей не приветствуют...» [33]. Яркий пример – И.И. Стрелков (Гиркин), о котором без особых вхождений в военно-политические детали пишут: «Пока был здесь – был Стрелок, я его уважал, а бросил – стал Гиркин, вообще другой человек, несет там пургу» [34]. Принцип исключительности при выделении донбасского *мы* открывает проблему трагического одиночества жителей республик перед тяготами настоящего и неопределенностью будущего. В противопоставлении рядовых дончан всему миру, включая собственную республиканскую власть, просматривается нарастающее разочарование в тех, кто за долгие годы не смог избавить их от этой участи. «Доверия нет ни к власти ни к их подконтрольным СМИ...» [35]. «Затрахали и одни и другие, мира хочется...» [36]. И уж точно, никто не вправе поучать Донбасс, подгонять под какие-то собственные представления о том, как он должен был «правильно встать» и героически жить: «Что сами виноваты, что не так стоим, что Кремль не виноват, а мы все ноєм, всего-то 6 лет говновозии» [37]. «Как же зае...ли (утомили. – Т.В.) эти светлоликие люди, по мнению которых, дончане обязаны ходить все в черном, хмурые, голодные, несчастные, никогда не покидать этот город, работать по 12 часов до конца своих дней или войны. И всё это только потому, что этим светлоликим так видится!» [38].

К категории *мы* относятся термины – *вата / ватники* и *сепары*, впервые получившие распространение в связи с общественной дискуссией 2014 г. на Украине наряду с *титущками* и *колорадами*. Возникнув

как оскорбительные, уничижительные ярлыки для русских и советских вообще и для русских Донбасса, не разделявших «ценности» киевского майдана, в частности, слова *ватники* и *сепары* приобрели иронические коннотации, а затем стали употребляться и как гордые самоназвания с изрядной долей насмешки над противником. Можно вспомнить популярное при А.В. Захарченко кафе «Сепар» в центре Донецка, подписи под фотографиями пленных «героев АТО»: «Группа дивергов пошла убивать вату, но что-то пошло не так» [39], или донбасские ники в Twitter и vk – *Вежливая Ватница*, *Ватник Сепаратор*, *Черный Сепар* и т.п. *Мы* – наиболее цельная и одновременно динамичная категория среди идентичностей Донбасса. Содержание других категорий более стабильно.

НАШИ: «*Наши* защищаются». «Укурки используют БПЛА [беспилотный летательный аппарат] для прицеливания, *наши* сбивают из города стрелковым». «*Наши* держат достойно оборону!». «Надеюсь это *наши* куда-нибудь точно влупили, хотя это маловероятно». «Это *наши* пацаны даже после тяжелых ранений и на протезах возвращаются на позиции». «Нечего страшного это *наши* смс отправляют! – *Наши* насыпают...». «Хоть всех *наших* поубивают – не ответят, ибо НИЗЗЯ». То есть, *наши* – это преимущественно представители воинских подразделений, отстаивающих право непризнанных республик на существование и безопасность их граждан с оружием в руках. «*Смотришь на наших ребят – молодых парней и мужчин постарше, на наших девушек и женщин, которые тоже служат и защищают, и действительно гордишься*» [40]. Наиболее полным синонимом к *наши* служит разговорное *пацаны*, буквальное значение которого – 'бойцы ополчения (или народной милиции)': «*Благо что не по городу... пацаны там щас терпят за всех..*» [34]; «*Береги вас бог пацаны побольше укров артай накрывайте и берегите себя*» [34]. Внутренне категория довольно однородна. Можно выделить ряд терминов, называющих ее представителей: *ополченцы*, среди которых особо выделяются *ополченцы первой волны*, а также *добровольцы*, *бойцы Республик*, *защитники Республик*, *защитники Донбасса*, *ребята*, *медведевцы* (*призраки*, *спартаковцы* и т.п. – от наименований подразделений) и др. Их значения не выходят за рамки группы наименований военнослужащих ЛДНР.

Кроме того, в категорию *мы* входят две весьма значимые группы – *наши мертвые* и *наши дети*, граница между которыми бывает трагически переменчива: «*Мне жаль наших деток, которые испытали весь ужас этой войны. А погибших деток никогда не прощу этим нелюдям!*» [41]. «*Ангелы #Донбасса. Погибшие наши дети от рук убийц Украины...*» [42]. Дети занимают особое место среди *наших*, самым фактом своего существования внося вклад в борьбу: «*В ДНР за 6 лет родилось более 70 000 детей – 70 000 детей, которые не знают что такое мир*» [43]. *Наши мертвые* – это не только цена, которую Донбасс платит за свою идентичность, но и жертва, устанавливающая преемственность между ополчением и «героями былых времен»: «*Вечная память героям вы приехали с разных субъектов России для единой цели, для борьбы*

против укромфашистов как раньше наши деды и прадеды покойтесь с миром герои» [34]. В текущей реальности, когда усталость и разочарование в республиках все заметнее, *наши мертвые* становятся нравственным ориентиром, последней заставой, от которой некуда отступать: «*Даже, мёртвые, они не уходят с рубежа и продолжают сражаться “на смерть”!*» [44]. «*...Каждый погибший ребенок стал ангелом Донбасса, который сегодня оберегает нас и нашу землю*» [34. Диалог о погибших детях от 01.06.2019]. *Наши мертвые* представляются бескомпромиссными, перед ними может быть стыдно не то что за примирение – за любой прагматический контакт с Украиной: «*Кто то вообще не ездит к Врагу за подачками... [Одна женщина] сказала: – Мертвые наши все видят и вам этого не простят! Может она и права, у нее сын погиб защищая Республику и сама она не ездит за пенсией, так как западло ей ехать к Врагу на поклон*» [34].

ВСЕ: «*Все* знают, что делать – заряжаем заряжалки, набираем набиралки». «*Всем* быть внимательными и осторожными: не расслабляйтесь, не забывайте о собственной безопасности, заряжайте мобильные устройства, пополняйте запасы воды, держите под рукой документы». «*Всем* прифронтовым быть осторожными, по возможности держаться укрытий». «**ВСЕМ ПОКИНУТЬ УЛИЦЫ! АРТОБСТРЕЛ!**». «*Всем* ДЕРЖАТЬСЯ ПОДАЛЬШЕ ОТ ОКОН!». «*Всем* быть осторожными. Закругляйтесь с прогулками. Жители прифронтовых районов, будьте готовы занять укрытия и безопасные места». «*Всем* в укрытие! РАБОТАЕТ АРТА! СРОЧНО ПОКИНУТЬ УЛИЦЫ!». «*Низкий поклон... Всем, кто отстоял и продолжает отстаивать мой город... в том числе. Всем, кто стоит и стоит на рубежах республики*». «*Запад! Всем* быть начеку! ...на сводку не надейтесь». Согласно очерченным в контекстах связям категория *все* представляет собой преимущественно территориальное понятие, объединяющее жителей Донбасса по принципу проживания в обстреливаемых районах, независимо от их личных политических предпочтений. Составляющие ее персонажи по умолчанию должны испытывать эмпатию друг к другу, поскольку переживают одинаковые трудности. Но в реальности это не так. Наряду с императивами заботы и внимания, составляющими большую часть текстов, обращенных ко *всем*, данная категория обнаруживает внутреннюю разобщенность, что закономерно, если принять во внимание сложную повседневность региона. Далеко не все жизненные стратегии населения исчерпываются вооруженной борьбой на одной из сторон конфликта или их стоической поддержкой. Среди социальных страт выделяются несколько, вызывающих у активных граждан особенно негативные эмоции, хотя речь, скорее всего, идет о простых обывателях. *Хатаскрайники* – аполитичные жители, решающие в ходе войны свои прагматические задачи («*Так того... известное дело, ленивые хатаскрайники на черных джипах все вывезут. – Если под “бизнесом” понимать распил и уничтожение промышленности, то таки да*» [45]). *Фальшивые дончане* – лица, которые спекулируют на трагедии Донбасса («*Ещё в До-*

нецке “гуляют” фальшивые Дончане» [46]; «Тут их всяких... Приезжает перец на bтw тб и начинает тут рассказывать как он от войны все потерял» [47]). Сюда же относится группа всем недовольных, сеющих панику и негатив среди местных жителей, в адрес которых один из членов республиканского правительства позволил себе крайне резкие слова [48]. *Понаприехавшие* – приехавшие или возвратившиеся на Донбасс после прекращения активных боевых действий 2014–2016 гг. («*Понаприехавший, он (ведущий местного телевизионного канала. – Т.В.) здесь с нами в горячие 2014... и т.д. не был... – От чистого сердца желаю что бы мимо дома этого ё... ного ведущего такая техника ездила, пусть с...ка ощутит “непередаваемые ощущения... – да и прилеты его то же не слабо “восхищают”*» [49]). Представителями сплоченной категории *мы* лица, заслуживающие вышеприведенных упреков, рассматриваются как «чужие среди своих», входящие зачастую в категорию *вы*.

ВЫ: «Если *вы* считаете, что нас обстреливают российские террористы, наемники и местные сепары, то *мы* вот что *Вам* скажем. НАС УБИВАЮТ! ГОРЛОВКУ СНОСЯТ С ЛИЦА ЗЕМЛИ! И ЭТО НЕ ОПОЛЧЕНЦЫ ИЛИ ДОБРОВОЛЬЦЫ ИЗ РОССИИ! ЭТО УКРАИНСКАЯ АРМИЯ, ДОБРОВОЛЬЧЕСКИЕ БАТАЛЬОНЫ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ГВАРДИЯ УКРАИНЫ!». «Да никто [нами] не прикрывается, *мы* сами уезжать не хотим, *вам* этого не понять просто». «Зачем говорить *вам*, о том чего не знаете и сами не ощутили? Не стоит спорить о наших желаниях и нашей жизни».

Как *мы* видим, категория *вы* устойчиво противопоставляется *мы* – это маркер отчуждения, который в равной степени относится и к жителям Украины за пределами воюющих республик, и к россиянам, следящим за событиями дистанционно – по СМИ или интернет-ресурсам. Среди представителей группы *вы* можно обнаружить так называемых *ухавших* – донбасовцев, покинувших родной регион в связи с военными событиями, а также находящихся где-то далеко родных и близких тех людей, которые продолжают оставаться в зоне риска. *Вы* – это те, кто не переживает беду здесь и сейчас вместе со *всеми нами*. Закономерно, что самые емкие формулы отделения своих от чужих – «Я тут был», «Я сидел под обстрелами», «Те, кто тут жил» или, напротив, «Их тут не было»: «Народ у нас приехал с морей не жили тут под обстрелами им дико» [50]. В адрес последних в речевой практике фиксируются презрительные и бранные наименования – уже рассмотренные выше *понаприехавшие*, а также *ухавшие*, *уезжанцы*, *сь...банцы* и т.п. В конечном счете, отсутствие в тяжелые для Донбасса дни способно аннулировать права уроженца и заслуги предыдущих лет. Например: «Смешно, когда давно уехавшие именуют себя дончанами, и заявляют свое фе по недавним событиям. Панове-господа, *вы* уже одесситы, киевляне, москвичи. Чтобы стать дончанами, придется вернуться. Нет? Тогда сосредоточьтесь на проблемах своей новой родины, а здесь разберутся без вас» [51].

Описанные категории служат своеобразными маркерами для дифференциации населения Донбасса по

отношению к текущему конфликту. Можно сказать, что это наиболее широкие дефиниции донбасской идентичности, которые можно выделить, опираясь на языковые данные. Вместе с тем каждая из рассмотренных категорий отмечена печатью «особости» на фоне других жителей русско-украинского пограничья. Обособление происходит как от Украины и украинцев, так и от России и россиян: «*Донбасс – не лошадь, которая на всякого глядит и мечтает, чтобы его оседлали и на его горбу поехали*» [52]. Однако противопоставление «своих» и «чужих» в первом и во втором случае неодинаково. Несмотря на то что общим явлением следует признать активную рефлексию и обильное словотворчество, поток которого в адрес России лишь немногим скромнее, содержательно они выражают разные идеи. В отношении современных киевских властей и ВФУ жители Донбасса могут спокойно объяснять причины отторжения: «*Вынудили укропы своим отношением к русскому языку, к людям Донбасса и прошлому огромной страны. Разошлись и каждый строит своё уже. До 2014 не было никаких предпосылок к смене языков и названий. Никто на Донбассе ничего не менял. А кто вынудил укропов менять, 9 мая заменять? Сами решили*» [53]. И таких текстов в сети довольно много. Но основные эмоции речевых репрезентаций дончан, когда обсуждается их отношение к Украине, – это гнев, презрение и мечты о возмездии. Гнев, связанный с бесчеловечными способами подавления несогласных – «*Думали, что пройдут как фашисты унижая и убивая!!!! Не на тех нарвались, твари!!! – Вошли не так. Как и немцы в Москву. В 1945*» [54]. Презрение к мародерам-грабителям, мечты о возмездии и справедливом суде – «*Вот интересно мне... семья укров, живущая в моей 3-х комнатной квартире в центре Краматорска на всем готовом как там себя чувствует?*» [55].

И даже если гневные реплики порой перебиваются резонным напоминанием о другой Украине – «*Не называй их украинцами... фашистами, бандерлогами, пиндосовскими подстилками, только так :@*» [34]», главный вывод – это вывод о несостоятельности единства на крови: «*“Самая единая нация в мире”?* Но как сожжённые в Одессе украинцы могут быть едины со своими палачами, а тысячи погибших и покалеченных мирных жителей Донбасса – с боевиками ВСУ, пишущими на снарядах “Всё лучшее детям”?!» [56]. В русле подобной экспрессивной риторики вопрос об общем будущем Донбасса в составе Украины не рассматривается: «*Укра зло, – на карте в будущем её нет*» [34].

Но и в адрес России дончане говорят слова разочарования, усталости и обиды. Эти чувства тем глубже и трагичнее, а выражения резче, чем сильнее были вера и надежда на признание Донбасса его легитимной частью. «*Потом референдум был. Потом Дебальцево. Даже тогда я ещё верила, что у россиян есть сердце и хоть немного здравого смысла. Потом был убит Алексей Мозговой. Теперь нет этому аду конца. И никто не бежит вводить миротворцев. Зачем? Русских ведь слишком много, их должно стать меньше?*» [57]. Донбасс не понимает политики российского руководства, которая позволяет тянуться невыносимой

ситуации «ни мира – ни войны» с ее экономической скованностью и юридической неопределенностью: *«Это людоедство продолжается седьмой год... и будет продолжаться... до тех пор, пока для Кремля укрофашисты в Куиве будут оставаться “партнёрами”... – Тысячи аргументов приводите, никогда не пойму и не приму – почему седьмой год под боком великой страны с сильной Армией гибнут наши русские люди? И это при словах пафосных – своих не бросаем. Да, не бросаем, но почему изподтишка и тайком, почему не прямо – ввезти войска и отогнать сук [58]»*. Мучительно безвременье отягощается отсутствием представления о планах России в отношении Донбасса. Вернее, тем, что провозглашаемые планы – возвращение Донбасса под власть Киева, пусть и с особым статусом – не совпадают с мечтами и чаяниями подавляющего большинства населения республик. *«“Леонид Кравчук запретил переговоры с ЛДНР и ждет слива республик Владимиром Путиным до нового года” – “Да мы тоже все семь лет ждём с дня на день”» [59]*. В подобных обстоятельствах бесконечные обсуждения проблем реализации Минских соглашений усиливают панические слухи и подозрения: *«Мало нам издевательств Украины, теперь еще и Россия подключилась? Что за танцы на костях жителей Донбасса? Я себя начинаю чувствовать подопытной! Простят-непростят... помирят-не помирят... Вы что там, блть, ополумели что ли? Мы же ЖИВЫЕ ЛЮДИ! И нас 6-й год убивают!!!» [60]*.

Заключение. Если обобщенно сформулировать мнение большинства и выделить ключевые идеи событий весны 2014 г. на Донбассе, то, прежде всего, это чувство отчужденности, неприятие смены власти в Киеве и идей Майдана (национализма, нацизма и т.п.), выступление против навязывания украинства и ущемления русского языка и культуры. Закономерным продолжением стало стремление к сближению с Россией – то, что отметили многие, можно обобщить как «присоединение по примеру Крыма». Примерно половина ответов содержала эмоционально окрашенные высказывания, отражающие идеалы и ценности респондента, причем по смыслу как поддерживающие, так и выступающие против произошедшего на Донбассе в 2014 г. Установлено, что приоритетной у опрошенных остается региональная идентичность – «житель Донбасса», и доля таковых совпадает с другими исследованиями, проводившимися на территории Донецкой и Луганской областей. Значительную долю составляют те, кто не ожидает, что в ближайший год произойдут изменения в статус-кво непризнанных республик, что показывает распространение апатии в обществе. Открытый вопрос относительно желаемых изменений показал, что примерно половина выразила желание войти в состав РФ. Причем некоторые прописывали несколько вариантов как признание государственности и / или расширение границ республик. Отдельно стоит отметить людей, желающих интегрироваться обратно в Украину, и тех, кому не

принципиально, в какой стране быть, желающих любого мирного разрешения. Примерно шестая часть опрошенных – 14 человек, прямо прописали, что хотели бы возвращения под контроль Киева. Тенденции, описанные в предшествующих исследованиях, продолжают и в 2020 г., есть основания говорить об усилении некоторых из них, например о повсеместном распространении апатии. На данный момент большинство жителей ДНР и ЛНР ориентированы на сотрудничество с РФ, однако, предположительно, доля тех, для кого не имеет значения принадлежность власти, лишь бы установился мир и законный порядок, будет увеличиваться.

Сопоставляя данные онлайн-опроса с материалами из открытых интернет-источников, мы находим достаточно полное совпадение результатов по всем сопоставимым позициям, среди которых ведущей темой остается отторжение навязываемой украинской национальной идентичности и укрепление региональной донбасской с развитием такого ее варианта, как «донецкие / луганские русские». Однако при детализации мнений анкетирование дает одномерный срез текущей ситуации, из которого сложно сделать вывод о причинах тех или иных предпочтений, высказанных участниками опроса, уловить смысл иносказаний и оценить эмоциональный посыл. Речевые манифестации и тексты в микроблогах открывают переживания жителей Донбасса и позволяют проследить динамику мнений в событийном контексте. В рамках данной модели исследования очевидно неоднородное иерархическое строение региональной идентичности. На широком базисе общности земляков, объединенных культурно-языковыми и мировоззренческими приоритетами, обособляется группа «настоящих» дончан – совместно переживающих все годы трагедии войны на своей земле. Посредством выделения маркера общей травматической судьбы утверждается невольная, а скорее вынужденная самодостаточность дончан. Как бы ни было сильно стремление в Россию, о котором заявлялось с весны 2014 г. очень много раз и самыми разными способами, насколько бы активным ни был процесс получения паспортов РФ, очевидно, какую разрушительную силу испытывают на себе донбассовцы, находясь столько лет в опасности и неизвестности. В подобном контексте выявленная при онлайн-опросе тенденция роста количества жителей непризнанных республик, согласных на добровольное возвращение под юрисдикцию Киева, чтобы закончить войну, – это пока еще не пересмотр выбора 2014 г., а тенденция роста отчаявшихся стать полноправными русскими. В образном решении Россия предстает жестокой матерью, оставившей своих детей, ее любят, мучительно ждут и отчаянно ненавидят за это. Поэтому обращения к Москве варьируются в широком эмоциональном диапазоне – от выражения любви и благодарности до разного рода претензий, тяжких подозрений и призывов несчастий на головы тех, кто не понимает, до какого края терпения доходят жители Донбасса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соціально-політична ситуація в Україні (липень 2020 р.) URL: <https://razumkov.org.ua/napriamky/sotsiologichni-doslidzhennia/sotsialnopolitichna-sytuatsiia-v-ukraini-lipen-2020r> (дата обращения: 11.11.2020).
2. Matveeva A. Through Times of Trouble: Conflict in Southeastern Ukraine Explained from Within. Lexington Books, 2018. 338 p.
3. Piliaiev I. The Nature of the Armed Conflict in the Donbas: a postnonclassical viewpoint // Ideology and Politics. 2019. № 3 (14). P. 77–105.

4. Kudelia S., van Zyl J. In My Name: The Impact of Regional Identity on Civilian Attitudes in the Armed Conflict in Donbas // *Nationalities Papers*. 2019. Vol. 47 (5). P. 801–821. DOI:10.1017/nps.2019.68
5. Sasse G., Lackner A. War and identity: the case of the Donbas in Ukraine // *Post-Soviet Affairs*. 2018. P. 1–19. DOI: 10.1080/1060586X.2018.1452209
6. Abibok Yu. On the way to creating the 'Donbas people'. Identity policy in the self-proclaimed republics in east Ukraine // *Centre for Eastern Studies*. 2018. Number 270. P. 1–8.
7. Kuzio T. Russian stereotypes and myths of Ukraine and Ukrainians and why Novorossiia failed // *Communist and Post-Communist Studies*. 2019. № 52. P. 297–309.
8. Haran O., Yakovlyev M., Zolkina M. Identity, war, and peace: public attitudes in the Ukraine-controlled Donbas // *Eurasian Geography and Economics*. 2019. P. 1–25. DOI: 10.1080/15387216.2019.1667845
9. Veira-Ramos A., Liubyva T. Ukrainian identities in Transformation // *Ukraine in Transformation: From Soviet Republic to European Society* / A. Veira-Ramos, T. Liubyva, E. Golovakha (ed.). Springer Nature, 2019. 282 p.
10. Pakhomenko S., Трума К., Francis J.A. The Russian–Ukrainian War in Donbas: Historical Memory as an Instrument of Information Warfare // *The Use of Force against Ukraine and International Law*. Т.М.С. Asser Press, The Hague, 2018. P. 298–312.
11. Giuliano E. Who supported separatism in Donbas? Ethnicity and popular opinion at the start of the Ukraine crisis // *Post-Soviet Affairs*. 2018. DOI:10.1080/1060586X.2018.1447769
12. Гордеева А.В., Анисимова И.А. Этнические стереотипы и этническая идентичность студенческой молодежи Донбасса // *Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы IV Междунар. науч. конф. (Донецк, 31 октября 2019 г.)*. Т. 5: Философские и психологические науки / ред. проф. С.В. Беспалова. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2019. С. 256–258.
13. Татарнинов И.Е., Герасимов А.В. Южнорусская идентичность на Донбассе: некоторые особенности бытования в XXI веке // *Причерноморье в контексте российской цивилизации: история, политика, культура: материалы Междунар. науч.-практ. конф.* 2019. С. 537–545.
14. Ангелина Э.А. Региональная идентичность Донбасса в контексте патриотизма // *Вестник Донецкого национального университета*. Серия Д: Филология и психология. 2018. № 3–4. С. 67–75.
15. Кусургашев В.Н. ДОНБАСС-2014. Идентичность как детерминанта // *Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: материалы III Междунар. науч. конф.* Москва, 19 апреля 2019 г. М.: МХПИ, 2019. С. 274–277.
16. Клименко А.Б. Индустриальная идентичность как основная мировоззренческая парадигма Донбасса // *Вестник Донецкого национального университета*. Серия Б: Гуманитарные науки. 2019. № 4. С. 100–105.
17. Разбор / Опрос из Донецка. Можно ли ему верить? Социологи говорят – нельзя. URL: <https://www.liga.net/politics/articles/opros-iz-donetska-mojno-li-emu-verit-sotsiologi-govoryat---nelzya> (дата обращения: 01.11.2020).
18. Внукова Л.Б. Политические и социально-экономические вызовы в контексте общественных настроений и идентичности на Донбассе: по материалам экспертного опроса // *Южно-Российский журнал социальных наук*. 2018. № 4. С. 180–196.
19. Аналітичний звіт за результатами соціологічного дослідження: «Особливості свідомості і ідентичності жителів підконтрольної та окупованих територій Донецької області». URL: <https://drive.google.com/file/d/1gWg9Jk5hqZlwsVTCmBUdrY9UxJxIHsv/view> (дата обращения: 08.12.2020).
20. Мазина Н.Е. Социальная идентичность жителей Донбасса в транзитивном обществе // *Актуальные проблемы правового, экономического и социально-психологического знания: теория и практика: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. : в 3 т. Т. 3. Секция 4: Правовая психология и правосознание личности. Секция 5: Социально-психологические проблемы развития личности*. Донбасская юридическая академия. 2020. С. 355–364.
21. Кусургашев В.Н. Особенности формирования идентичности подростков Донбасса в период становления государственности // *Психолого-педагогические проблемы развития ребенка в современных социокультурных условиях: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием*. 2018. С. 320–324.
22. Sasse G., Lackner A. Attitudes and identities across the Donbas front line: What has changed from 2016 to 2019? *ZOiS Report 3/2019*. URL: https://www.zois-berlin.de/fileadmin/media/Dateien/ZOiS_Reports/ZOiS_Report_3_2019.pdf (дата обращения: 11.11.2020).
23. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // *История языкознания: XIX – 1-я половина XX в. / сост., автор ком. и заданий З.И. Резанова*. Томск, 2010. Ч. 2. С. 135–168.
24. Герд А.С. Введение в этнолингвистику: Курс лекций и хрестоматия. 2 е изд., исправл. СПб., 2005. 456 с.
25. *Донецкий региолект* / под ред. В.И. Теркулова. Донецк, 2018. 265 с.
26. Валиахметова Д.Р. Письменная разговорная речь в контексте особенностей Интернет-дискурса // *Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртэнэ и современная лингвистика: междунар. науч. конф.* Казань, 2001. Т. 2. С. 7–9.
27. Власкина Т.Ю. Язык войны: современные речевые практики Донбасса // *Войны и население Юга России в XVIII – начале XXI в.: историко-антропологические очерки*. Ростов на/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2019. С. 400–417.
28. Svetlana. URL: https://twitter.com/Lana_mem/status/1336390739522097155 (дата обращения: 10.12.2020).
29. AlexanderDonetsk. URL: <https://twitter.com/alex127us/status/1274624049512144896> (дата обращения: 04.08.2020).
30. VelEast. URL: <https://twitter.com/chernaykoshka8/status/128777785700810752> (дата обращения: 07.08.2020).
31. Soleil. URL: <https://twitter.com/SoleilSo20/status/1316379896785010688> (дата обращения: 24.10.2020).
32. Soleil. URL: <https://twitter.com/SoleilSoli/status/1289486500581666817> (дата обращения: 01.08.2020).
33. Svetlana. URL: https://twitter.com/Lana_mem/status/1289488218786734081 (дата обращения: 01.08.2020).
34. GO Группа оповещения. Новороссия. ДНР. ЛНР. URL: <https://vk.com/opoveshenie> (дата обращения: 16.10.2018).
35. Донецк. Город-Герой. URL: https://twitter.com/dnr_war_2014/status/1288808394623778816 (дата обращения: 03.08.2020).
36. Самооборона Горловки. Городское сообщество. 06.11.2014. URL: <http://web.archive.org/web/20191215113239/https://vk.com/gorlowka> (дата обращения: 01.08.2020).
37. Анна Красовская. URL: <https://twitter.com/krasovskaya1988/status/1291709466061279232> (дата обращения: 07.08.2020).
38. Донецк. URL: https://twitter.com/7_Donesk77wite7/status/1329152898085875713 (дата обращения: 21.11.2020).
39. Алина. URL: https://twitter.com/allinka_z (дата обращения: 23.07.2020).
40. Заметки Толкачевой. URL: <https://t.me/tolkachevik/76> (дата обращения: 25.06.2020).
41. Артем Донецк. URL: https://twitter.com/Artem_Donbas/status/1309742906660589570 (дата обращения: 24.10.2020).
42. Влад. URL: <https://twitter.com/MrVlad06/status/1297330347261263873> (дата обращения: 16.09.2020).
43. Soleil. URL: <https://twitter.com/SoleilSo20/status/1319648364011638787> (дата обращения: 24.10.2020).
44. Soleil. URL: <https://twitter.com/SoleilSo20/status/1303184209444507648> (дата обращения: 16.09.2020).
45. DonRF. URL: <https://twitter.com/romchik11111/status/1289422296948457473> (дата обращения: 01.08.2020).
46. Донецкий гражданин. URL: https://twitter.com/DONBASS_RULIT (дата обращения: 24.12.2019).
47. Дмитрий Ажицкий. URL: <https://twitter.com/dga965> (дата обращения: 10.09.2018).
48. Дон Румата. URL: https://twitter.com/rov_sobakin/status/1286178576539308032/photo/1 (дата обращения: 23.07.2020).
49. Soleil. URL: <https://twitter.com/SoleilSoli/status/1275643527133827072> (дата обращения: 25.06.2020).
50. Самооборона Горловки. Переключка. 06.11.2014. URL: <http://web.archive.org/web/20191215113239/https://vk.com/gorlowka> (дата обращения: 06.04.2018).
51. Из Донецка. URL: https://twitter.com/_dn_ru (дата обращения: 10.09.2018).

52. Shevchenko Y. URL: <https://twitter.com/PrizrakRostov/status/1337142961574993921> (дата обращения: 11.12.2020).
53. Svetlana. URL: https://twitter.com/Lana_mem/status/1312045269559672834 (дата обращения: 10.10.2020).
54. Донецк. URL: https://twitter.com/7_Donesk77wite7/status/1275842816279818248 (дата обращения: 25.06.2020).
55. Иллария Крамагорская. URL: <https://twitter.com/oYBVF8fNsPenEV/status/1326918165788495872> (дата обращения: 22.11.2020).
56. Алексей Карпушев. URL: <https://twitter.com/AleksKarpushev> (дата обращения: 08.07.2020).
57. Снега.net. URL: https://twitter.com/nina_CCCP/status/1335794812805582851 (дата обращения: 09.12.2020).
58. Alexander Donetsk. URL: <https://twitter.com/alex127us/status/1274624049512144896> (дата обращения: 04.08.2020).
59. Alexander Donetsk. URL: <https://twitter.com/alex127us> (дата обращения: 10.12.2020).
60. Шелковая Кисточка. URL: <https://twitter.com/KistohkaDNR> (дата обращения: 24.08.2019).

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 31 декабря 2020 г.

Self-Identification of Donbas Residents in the Context of Socio-Political Views: A Sociolinguistic Aspect

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 463, 73–86.

DOI: 10.17223/15617793/463/10

Liubov B. Vnukova, Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: vnukoval@yandex.ru

Tatyana Yu. Vlaskina, Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: vlaskiny@mail.ru

Keywords: Donbas; Donetsk People's Republic; Luhansk People's Republic; identity; self-identification; virtual communities.

The study is carried out under the state assignment to the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Project No. AAAA-A19-119011190185-9.

The article is dedicated to the study of self-identification of Donbas residents in the context of identity problems in Ukraine as a whole. The article reflects the results of a pilot sociological survey conducted in the fall of 2020. The obtained data are compared to other public opinion polls related to the issues of identity, socio-political views and ideological preferences of Donbas residents. In addition, this topic was considered using interdisciplinary approach and with the help of ethnolinguistic expert examination based on the speech manifestations of inhabitants of the unrecognized people's republics on the Internet resources. The study of different points of view on identity problems in Donbas on both sides of the conflict showed that the views of researchers majorly coincide. The differences are in the evaluative plane and in the desire to substantiate a certain position. According to the study, a generalized opinion regarding the reasons for what happened in Donbas in 2014 can be formulated as: a sense of alienation, rejection of the change of power in Kyiv and Maidan ideas (nationalism, Nazism, etc.), opposition to the promotion of Ukrainian culture and oppression of the Russian language and culture. A logical continuation was the desire for rapprochement with Russia and annexation following the example of Crimea. The regional identity of a “Donbas resident” remains the most prioritized, and the proportion of those clinging to that identity coincides with other studies conducted on the territory of Donetsk and Luhansk regions. A significant proportion is represented by those who do not expect changes in the status quo of the unrecognized republics in the coming year, which shows the spread of apathy in society. An open question regarding the desired changes demonstrated that about half of respondents expressed aspiration for their land to join Russia. We pay attention to the presence of people (about a sixth part of the respondents) who want integration back into Ukraine, and those who would accept joining either country for the sake of peaceful resolution. The comparison of the survey data with materials from Internet sources shows complete coincidence of the results. Speech manifestations and texts in microblogs reveal the experience of Donbas residents and allow tracing the dynamics of opinions in the course of events. The most popular topic is still rejection of the imposed Ukrainian national identity and strengthening of the regional Donbas one with the development of such a variant of it as “Donetsk/Luhansk Russians”. The group of “real” Donetsk residents is isolated on a broad basis of the community of fellow countrypeople, united by cultural, linguistic and ideological priorities. This group has jointly endured the tragedy of war on their land all these years. Appeals to “Moscow” vary in a wide emotional range from expressions of love and gratitude to all sorts of accusations against those Russian officials who do not understand the suffering of Donbas residents.

REFERENCES

1. Razumkov Center. (2020) *Sotsial'no-politichna situatsiya v Ukraïni (lipen' 2020 r.)* [Socio-political situation in Ukraine (July 2020)]. [Online] Available from: <https://razumkov.org.ua/napiamky/sotsiologichni-doslidzhennia/sotsialnopolitichna-sytuatsia-v-ukraini-lypen-2020r> (Accessed: 11.11.2020).
2. Matveeva, A. (2018) *Through Times of Trouble: Conflict in Southeastern Ukraine Explained from Within*. Lexington Books.
3. Piliaiev, I. (2019) The Nature of the Armed Conflict in the Donbas: a postnonclassical viewpoint. *Ideology and Politics*. 3 (14). pp. 77–105.
4. Kudeliá, S. & van Zyl, J. (2019) In My Name: The Impact of Regional Identity on Civilian Attitudes in the Armed Conflict in Donbas. *Nationalities Papers*. 47 (5). pp. 801–821. DOI:10.1017/nps.2019.68
5. Sasse, G. & Lackner, A. (2018) War and identity: the case of the Donbas in Ukraine. *Post-Soviet Affairs*. pp. 1–19. DOI: 10.1080/1060586X.2018.1452209
6. Abibok, Yu. (2018) On the way to creating the ‘Donbas people’. Identity policy in the self-proclaimed republics in east Ukraine. *Centre for Eastern Studies*. 270. pp. 1–8.
7. Kuzio, T. (2019) Russian stereotypes and myths of Ukraine and Ukrainians and why Novorossiya failed. *Communist and Post-Communist Studies*. 52. pp. 297–309.
8. Haran, O., Yakovlyev, M. & Zolkina, M. (2019) Identity, war, and peace: public attitudes in the Ukraine-controlled Donbas. *Eurasian Geography and Economics*. pp. 1–25. DOI: 10.1080/15387216.2019.1667845
9. Veira-Ramos, A. & Liubyva, T. (2019) Ukrainian identities in Transformation. In: Veira-Ramos, A., Liubyva, T. & Golovakha, E. (eds) *Ukraine in Transformation: From Soviet Republic to European Society*. Springer Nature.
10. Pakhomenko, S., Tryma, K. & Francis, J.A. (2018) The Russian–Ukrainian War in Donbas: Historical Memory as an Instrument of Information Warfare. In: Sayapin S (ed.) *The Use of Force against Ukraine and International Law*. T.M.C. Asser Press. pp. 298–312.
11. Giuliano, E. (2018) Who supported separatism in Donbas? Ethnicity and popular opinion at the start of the Ukraine crisis. *Post-Soviet Affairs*. DOI:10.1080/1060586X.2018.1447769
12. Gordeeva, A.V. & Anisimova, I.A. (2019) [Ethnic stereotypes and ethnic identity of student youth of Donbas]. *Donetskie chteniya 2019: obrazovanie, nauka, innovatsii, kul'tura i vyzovy sovremennosti* [Donetsk readings 2019: education, science, innovation, culture, and modern challenges]. Proceedings of the International Conference. Donetsk. 31 October 2019. Vol. 5. Donetsk: Donetsk National University. pp. 256–258. (In Russian).

13. Tatarinov, I.E. & Gerasimov, A.V. (2019) [South Russian Identity in Donbass: Some Features of Living in the 21st Century]. *Prichernomor'e v kontekste rossyskoy tsivilizatsii: istoriya, politika, kul'tura* [Black Sea region in the context of Russian civilization: history, politics, culture]. Proceedings of the International Conference. Krasnodar: Kuban State University. pp. 537–545. (In Russian).
14. Angelina, E.A. (2018) Donbass Regional Identity in the Context of Patriotism. *Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Seriya D: Filologiya i psikhologiya*. 3–4. pp. 67–75. (In Russian).
15. Kusurgashev, V.N. (2019) DONBASS–2014. Identichnost' kak determinanta [DONBASS–2014. Identity as a determinant]. *Obraz Rodiny: sodержanie, formirovaniye, aktualizatsiya* [Image of the homeland: content, formation, actualization]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 19 April 2019. Moscow: MkhPI. pp. 274–277. (In Russian).
16. Klimenko, A.B. (2019) Industrial Identity as a Basic Worldview Paradigm of Donbass. *Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Seriya B: Gumanitarnye nauki*. 4. pp. 100–105. (In Russian).
17. Liga.net. (2019) *Razbor: Opros iz Donetska. Mozhno li emu verit'?* [Analysis: Poll from Donetsk. Can you trust it? Sociologists say you can't]. [Online] Available from: <https://www.liga.net/politics/articles/opros-iz-donetska-mojno-li-emu-verit-sotsiologov-yat---nelzya> (Accessed: 01.11.2020).
18. Vnukova, L.B. (2018) Political and Socio-Economic Challenges in the Context of Public Mood and Identity in the Donbass Region: Based on Expert Survey Data. *Yuzhno-Rossyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk – South-Russian Journal of Social Sciences*. 4. pp. 180–196. (In Russian).
19. Ifak Institute. (2018) *Analytical report on the results of a sociological study: "Features of consciousness and identity of residents of the controlled and occupied territories of Donetsk region"*. [Online] Available from: <https://drive.google.com/file/d/1gWg9JkShqZlwsVTCmBUdRy9UxJxIHsv/view>. (Accessed: 08.12.2020). (In Ukrainian).
20. Mazina, N.E. (2020) [Social identity of Donbas residents in a transitional society]. *Aktual'nye problemy pravovogo, ekonomicheskogo i sotsial'no-psikhologicheskogo znaniya: teoriya i praktika* [Topical issues of legal, economic and socio-psychological knowledge: theory and practice]. Proceedings of the International Conference. In 3 vols. Vol. 3. DonbasLaw Academy. pp. 355–364. (In Russian).
21. Kusurgashev, V.N. (2018) [Features of the formation of the identity of adolescents in Donbas during the formation of statehood]. *Psikhologo-pedagogicheskie problemy razvitiya rebenka v sovremennykh sotsiokul'turnykh usloviyakh* [Psychological and pedagogical problems of child development in modern sociocultural conditions]. Proceedings of the International Conference. Kursk. pp. 320–324. (In Russian).
22. Sasse, G. & Lackner, A. (2019) *Attitudes and identities across the Donbas front line: What has changed from 2016 to 2019?* *ZOiS Report 3/2019*. [Online] Available from: https://www.zois-berlin.de/fileadmin/media/Dateien/ZOiS_Reports/ZOiS_Report_3_2019.pdf (Accessed: 11.11.2020).
23. Whorf, B.L. (2010) *Otnosheniye norm povedeniya i myshleniya k yazyku* [The Relation of Habitual Thought and Behavior to Language]. Translated from English. In: Rezanova, Z.I. (ed.) *Istoriya yazykoznaniya: XIX – I-ya polovina XX v.* [History of linguistics: the 19th – first half of the 20th centuries]. Pt. 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 135–168.
24. Gerd, A.S. (2005) *Vvedeniye v etnolingvistiku: Kurs lektsiy i khrestomatiya* [Introduction to Ethnolinguistics: A course of lectures and a reader]. 2nd ed. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
25. Terkulov, V.I. (ed.) (2018) *Donetskiy regiolekt* [Donetsk Regiolect]. Donetsk: Foliant.
26. Valiakmetova, D.R. (2001) [Written colloquial speech in the context of the peculiarities of Internet discourse]. *Boduenovskie chteniya: Boduen de Kurtene i sovremennaya lingvistika* [Baudouin readings: Baudouin de Courtenay and modern linguistics]. Proceedings of the International Conference. Vol. 2. Kazan: Kazan State University. pp. 7–9. (In Russian).
27. Vlaskina, T.Yu. (2019) *Yazyk voyny: sovremennyye recheye praktiki Donbassa* [The language of war: modern speech practices of Donbas]. In: Krinko, E.F. (ed.) *Voyny i naseleniye Yuga Rossii v XVIII – nachale XXI v.: istoriko-antropologicheskie ocherki* [Wars and the population of the South of Russia in the 18th – early 21st centuries: historical and anthropological essays]. Rostov-on-Don: SSC RAS. pp. 400–417.
28. Svetlana. [Online] Available from: https://twitter.com/Lana_mem/status/1336390739522097155 (Accessed: 10.12.2020).
29. AlexanderDonetsk. [Online] Available from: <https://twitter.com/alex127us/status/1274624049512144896> (Accessed: 04.08.2020).
30. VelEast. [Online] Available from: <https://twitter.com/chemnaykoshka8/status/128777785700810752> (Accessed: 07.08.2020).
31. Soleil. [Online] Available from: <https://twitter.com/SoleilSo20/status/1316379896785010688> (Accessed: 24.10.2020).
32. Soleil. [Online] Available from: <https://twitter.com/SoleilSoli/status/1289486500581666817> (Accessed: 01.08.2020).
33. Svetlana. [Online] Available from: https://twitter.com/Lana_mem/status/1289488218786734081 (Accessed: 01.08.2020).
34. GO Gruppy opoveshcheniya. Novorossiya. DNR. LNR [GO Alert group. New Russia. DPR. LPR]. [Online] Available from: <https://vk.com/opoveshchenie> (Accessed: 16.10.2018).
35. Donetsk. Gorod-Geroy [Donetsk. A Hero City]. [Online] Available from: https://twitter.com/dnr_war_2014/status/1288808394623778816 (Accessed: 03.08.2020).
36. Samooborona Gorlovki. Gorodskoe soobshchestvo [Self-defense of Gorlovka. Urban community]. 06 November 2014. [Online] Available from: <http://web.archive.org/web/20191215113239/https://vk.com/gorlowka> (Accessed: 01.08.2020).
37. Anna Krasovskaya. [Online] Available from: <https://twitter.com/krasovskaya1988/status/1291709466061279232> (Accessed: 07.08.2020).
38. Donetsk. [Online] Available from: https://twitter.com/7_Donesk77wite7/status/1329152898085875713 (Accessed: 21.11.2020).
39. Alina. [Online] Available from: https://twitter.com/allinka_z (Accessed: 23.07.2020).
40. Zametki Tolkachevoy [Notes by Tolkacheva]. [Online] Available from: <https://t.me/tolkachevik/76> (Accessed: 25.06.2020).
41. Artem Donetsk. [Online] Available from: https://twitter.com/Artem_Donbas/status/1309742906660589570 (Accessed: 24.10.2020).
42. Vlad. [Online] Available from: <https://twitter.com/MrVlad06/status/1297330347261263873> (Accessed: 16.09.2020).
43. Soleil. [Online] Available from: <https://twitter.com/SoleilSo20/status/1319648364011638787> (Accessed: 24.10.2020).
44. Soleil. [Online] Available from: <https://twitter.com/SoleilSo20/status/1303184209444507648> (Accessed: 16.09.2020).
45. DonRF. [Online] Available from: <https://twitter.com/romchik1111/status/1289422296948457473> (Accessed: 01.08.2020).
46. Donetskyy grazhdanin [Donetsk citizen]. [Online] Available from: https://twitter.com/DONBASS_RULIT (Accessed: 24.12.2019).
47. Dmitriy Azhitskiy. [Online] Available from: <https://twitter.com/dga965> (Accessed: 10.09.2018).
48. Don Rumata. [Online] Available from: https://twitter.com/tov_sobakin/status/1286178576539308032/photo/1 (Accessed: 23.07.2020).
49. Soleil. [Online] Available from: <https://twitter.com/SoleilSoli/status/1275643527133827072> (Accessed: 25.06.2020).
50. Samooborona Gorlovki. Pereklichka [Self-defense of Gorlovka. Roll call]. 06 November 2014. [Online] Available from: <http://web.archive.org/web/20191215113239/https://vk.com/gorlowka> (Accessed: 06.04.2018).
51. Iz Donetsk [From Donetsk]. [Online] Available from: https://twitter.com/_dn_ru (Accessed: 10.09.2018).
52. Shevchenko Y. [Online] Available from: <https://twitter.com/PrizrakRostov/status/1337142961574993921> (Accessed: 11.12.2020).
53. Svetlana. [Online] Available from: https://twitter.com/Lana_mem/status/131204526959672834 (Accessed: 10.10.2020).
54. Donetsk. [Online] Available from: https://twitter.com/7_Donesk77wite7/status/1275842816279818248 (Accessed: 25.06.2020).
55. Illariya Kramatorskaya. [Online] Available from: <https://twitter.com/oYBVF8fnsPenEV/status/1326918165788495872> (Accessed: 22.11.2020).
56. Aleksey Karpushev. [Online] Available from: <https://twitter.com/AleksKarpushev> (Accessed: 08.07.2020).
57. Snega.net. [Online] Available from: https://twitter.com/nina_CCCP/status/1335794812805582851 (Accessed: 09.12.2020).
58. Alexander Donetsk. [Online] Available from: <https://twitter.com/alex127us/status/1274624049512144896> (Accessed: 04.08.2020).
59. Alexander Donetsk. [Online] Available from: <https://twitter.com/alex127us> (Accessed: 10.12.2020).
60. Shelkovaya Kistochka [Silk Brush]. [Online] Available from: <https://twitter.com/KistohkaDNR> (Accessed: 24.08.2019).

О.П. Недоспасова, И.А. Павлова, Г.А. Барышева, Е.М. Рождественская

ФОРМИРОВАНИЕ ЗАПРОСА НА СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В ИНТЕРЕСАХ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда по проекту «Институты реализации ресурсного потенциала старшего поколения в экономике старения» (№ 19-18-00300).

Выявление «институциональных пустот» и «провалов» рынка применительно к удовлетворению особых потребностей пожилых людей актуализирует обсуждение необходимости, возможности и целесообразности их заполнения с помощью относительно нового для России инструмента – социального предпринимательства. В данном исследовании особое внимание уделяется важной грани социального предпринимательства как механизма, способствующего более полному раскрытию и реализации ресурсного потенциала самих пожилых людей.

Ключевые слова: социальное предпринимательство; институты; ресурсный потенциал; старшее поколение; Томская область.

Введение

Как известно, люди ожидают от государственных институтов условий для благополучия, отклика на потребности, поддержки в трудных ситуациях и эффективного выполнения функций по обеспечению безопасности, поддержке при безработице, инвалидности, выходе на пенсию и т.д. При этом в последние годы практически во всех странах мира снижается доверие к институтам, предоставляющим блага для населения, удовлетворенность граждан их эффективностью и уровень уверенности граждан в том, что они могут повлиять на решения, которые принимают правительства [1, 2].

Откликаясь на запросы общества, научное сообщество уделяет все больше внимания социальной инклюзии, формированию новых (преимущественно горизонтальных) социальных связей, анализу мотивов и форм участия граждан различного возраста и социально-экономического статуса в широком спектре социальных инициатив. Очевидно, что исследования такого рода имеют множество ограничений, обусловленных сложностью формализации объекта исследования и валидностью социологических данных. На этом фоне важна оценка удовлетворенности эффективностью институтов, осуществляющих меры социальной политики и предоставляющих блага одной из наиболее социально-уязвимых групп общества – пожилым людям. По данным ООН, повсеместный рост численности людей в возрасте, старше трудоспособного, и их доли в структуре населения делает эту задачу одним из главных вызовов современности [3].

Выявление «институциональных пустот» и объективных несовершенств («провалов») рынка применительно к удовлетворению потребностей пожилых людей актуализирует обсуждение необходимости, возможности и целесообразности их заполнения с помощью относительно нового для России инструмента – социального предпринимательства. Его суть в РФ законодательно определена в Федеральном законе № 245-ФЗ как деятельность, направленная на достижение общественно-полезных целей, способствующая решению социальных проблем граждан и общества.

Целью исследования является выявление (качественными методами) потенциального запроса на социальное предпринимательство в интересах пожилых людей в современном обществе. Для обоснования ценности данного инструмента в решении обозначенной проблемы исследователи опирались на результаты проведенных в течение четырех лет научно-экспертных семинаров с фокус-группами в Томской области. Наличие данной проблемы в регионе подтверждается не только высокой выраженностью глобального тренда демографического старения (каждый четвертый житель области находится в возрасте, превышающем трудоспособный), но и традиционно высоким уровнем образования: Томск – третий (после Москвы и Санкт-Петербурга) российский университетский центр. Совокупность этих характеристик определяет высокий потенциал запроса на социальное предпринимательство, перспективы его развития и масштабирования результатов регионального кейса.

Социальное предпринимательство как компенсаторный механизм «провалов» рынка и государства в интересах старшего поколения

С 60-х гг. XX в. в научной литературе отмечается тенденция унификации национальных подходов к формированию нормативно-правовой базы в отношении граждан старшего возраста, развивается новая точка зрения на процесс старения, характеризующаяся критикой доминирующей концепции исключения старшего поколения из активной социально-экономической жизни. Исследования в сфере социальных наук демонстрируют смену парадигмы: переход от оказания помощи людям старшего возраста к эффективному использованию их ресурсного потенциала [4], а роль старшего поколения смещается с преимущественно пассивных получателей социальной помощи к полноценным участникам социально-экономической жизни, что характеризует развитие концепции активного долголетия и реализации ресурсного потенциала старшего поколения [5].

Если раньше насущной необходимостью было обеспечение пожилых людей средствами к существованию, то сегодня более актуальны (1) мотивация и социальные технологии к продлению активной жизни человека в продуктивном режиме [6]; (2) формирование установок на продолжение активной социально-экономической деятельности за границами официального пенсионного возраста и выхода человека на пенсию [7]; (3) преодоление дискриминационных практик в отношении граждан старшего возраста (эйджизма) [8]. Для «стареющего» общества неизбежна трансформация спроса и предложения, обусловленная формированием новых рынков товаров и услуг, в том числе высокотехнологичных продуктов в медицине, домохозяйстве, социальной сфере и т.д. Происходит значительное увеличение нагрузки на все социально-экономические институты, связанные с реализацией человеческого потенциала: особого вида нематериального богатства, накапливаемого на протяжении всей жизни человека [9].

В стратегическом документе Европейского Союза «Европа для всех возрастов» обозначены основные угрозы демографических изменений, выражающиеся в увеличении спроса на услуги социального обслуживания, расходов на пенсионное обеспечение и социальные гарантии, потребностей лиц старшего возраста, неравенства в доступе к ресурсам и разнообразие социальных рисков для старшего поколения. Именно в этом контексте развивается большая часть современных исследований и строится социально-экономическая политика. Восприятие старости все чаще связывается не столько с «результатом» объективного биологического процесса, сколько с достижением особого социально-экономического статуса, который предполагает (1) расширение прав пожилых людей и их возможностей; (2) создание соответствующей инфраструктуры (институтов), позволяющей пожилым людям быть менее зависимыми, более ответственными и включенными в управление индивидуальным процессом старения. В целом современные исследования характеризуются фокусом на повышение ответственности как государства, так и самого человека за реализацию ресурсного потенциала и благополучие на всех этапах жизненной траектории, в том числе в пожилом возрасте.

Параллельно с обозначенными тенденциями активно развивается концепция социального предпринимательства, предполагающая разнообразие видов деятельности, объединение рыночных и нерыночных организационных форм, а также появление гибридных организационных форм [10, 11]. Социальное предпринимательство как явление изучается на трех уровнях: индивидуальном, организационном и институциональном [12]. В институциональном плане социальный предприниматель, как правило, генерирует не экономическое благо, а общественную ценность (social value) [13]. В этом случае социальное предпринимательство становится способом успешной работы с «провалами» как рынка, так и государства. Имманентное стремление бизнеса к максимизации прибыли не позволяет достичь ряда общественных целей на базе рыночных механизмов, поэтому «провалы» рын-

ка не только закрываются общественными благами, но и открывают возможности для социального предпринимательства, дают импульс развитию особых форм мобилизации экономических ресурсов [14].

Что касается «провалов» государства, то они возникают в силу недостатка ресурсов, неверно выбранных приоритетов социально-экономического развития, слабости государственных институтов и т.д. [15]. Все это мы определяем как «институциональные пустоты». Их неизбежность повышает ценность социального предпринимательства как особого феномена, позволяющего сфокусироваться не на отдельных предпринимателях или социальных предприятиях (social enterprise), а на масштабных вызовах социально-экономического характера, требующих применения комплексных решений с неочевидной (в краткосрочной перспективе) коммерческой ценностью, но значимыми результатами в интересах создания смешанной ценности (blended value), проявляющейся в объединении экономического, социального и экологического эффектов [16]. Особенностью социального предпринимательства является удвоение социальной и результативности, т.е. социальная составляющая данного феномена является и целью, и основой деятельности акторов, а вновь созданная ценность (социальная и (или) экономическая) направляется на продолжение и расширение деятельности [17]. Это подтверждает идею о том, что социальное предпринимательство – это всегда создание одновременно социальной и экономической ценности и реинвестирование прибыли в развитие социальной деятельности, создание социальных благ для тех, ради кого она осуществляется [18]. Таким образом, под социальным предпринимательством в современном мире все чаще понимается инвестирование ресурсов в широкую социальную экосистему, справедливое, прозрачное и беспристрастное отношение не только к работникам определенной организации, но и к людям вне компании, к обществу и его социальным группам.

Включенность граждан старшего возраста в социальное предпринимательство все чаще рассматривается как самостоятельный научный вопрос [19]. Этот феномен представлен как:

- институт компенсации «провалов» государства и повышения эффективности в сфере социальной защиты и здравоохранения [20];

- институт самозанятости и обеспечения финансовой стабильности (например, при удаленной работе или организации микропредприятия, что, с одной стороны, улучшает благосостояние, но, с другой стороны, размывает ряд жизненных ценностей (связь с семьей, здоровье) из-за приоритизации занятости и финансовой независимости, повышает чувство одиночества и уровень стресса, что особенно остро воспринимается в старшем возрасте) [21];

- институт регионального развития и вовлеченности в решение проблем социума [22];

- «взаимодополняющий» институт в процессе генерации социальных инноваций и реализации ресурсного потенциала [23].

Следовательно, социальное предпринимательство в интересах старшего поколения может быть рассмот-

рено с различных точек зрения, но в первую очередь это механизм решения острых социальных проблем в сфере (1) социальной защиты и охраны здоровья, (2) поддержания эмоционального здоровья и снижения чувства одиночества, (3) преодоления социальной дискриминации и эксклюзии, (4) реализации ресурсного потенциала старшего поколения и личной ответственности за процесс старения.

В России в 2019 г. в уже упомянутом Федеральном законе № 245-ФЗ официально были закреплены понятия «социальное предпринимательство» и «социальное предприятие», которые связаны с проектами поддержки социально незащищенных слоев населения, в том числе граждан предпенсионного и пенсионного возраста, инвалидов, и проектами в сфере культуры и образования. Данная трактовка сильно ограничивает

понимание и оценку вклада социального предпринимательства в решение острых социальных проблем. Так, проекты экологической направленности или развития среды оказываются в российской трактовке вне категории «социальное предпринимательство». Существует определенная проблема и в операционализации данного явления, которую можно охарактеризовать как «терминологический плюрализм», поскольку трактовки данного феномена достаточно многообразны. Подчеркнем, что в таких условиях организация может придерживаться собственной модели социального предпринимательства, делая выбор в пользу любой его гибридной формы – от традиционных некоммерческих организаций до коммерческих, но генерирующих социальную ценность для общества (рис. 1).

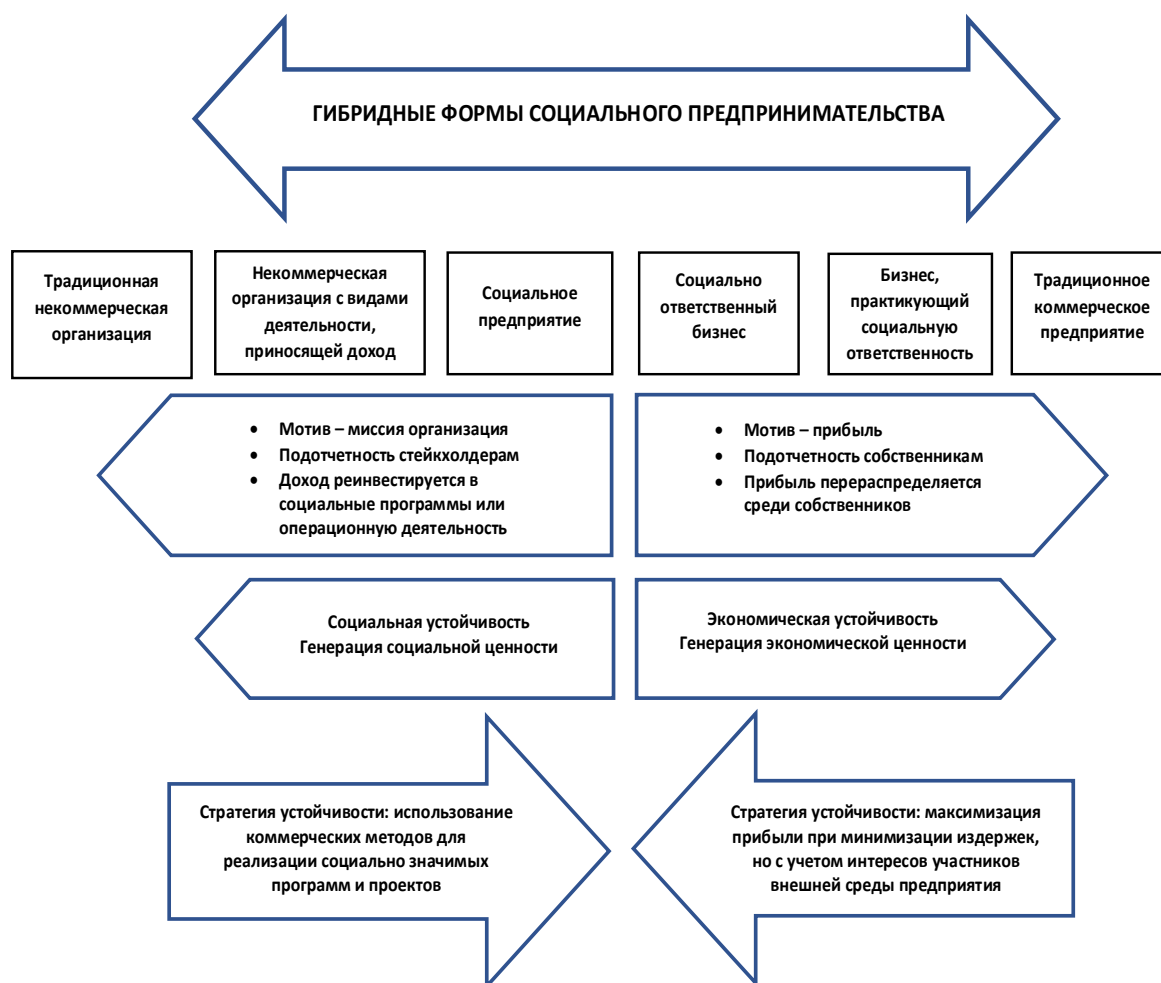

Рис. 1. Формы и модели социального предпринимательства (составлено по: [17])

В данном исследовании социальное предпринимательство понимается как «предпринимательская деятельность с выдающимися социальными целями и генерирующая социальную ценность» [24]. Другими словами, речь идет не о конкретной форме организации бизнеса (субъект малого или среднего предпринимательства, некоммерческая организация), а о явлении, которое определяется целеполаганием и создаваемой социальной ценностью. Анализ показал рост популярности социального предпринимательства в традиционных секторах, где наблюдаются «провалы»

государства, в том числе в части компенсации социально-экономических механизмов адаптации человека к особенностям жизни в старшем возрасте.

Формальные и неформальные «институциональные пустоты» определяют конфигурацию предпринимательской деятельности в обществе в части ее форм и задач, соответствующих условиям социально-экономической системы [25]. Социальное предпринимательство в этом плане можно рассматривать как институциональный механизм, компенсирующий «институциональные пустоты» через формальные и

неформальные практики и рутины (государственные регуляторные инструменты, культурные ценности, социально-ориентированные культурные нормы и социальный капитал) [26].

Методология

Исследование реализовано Международной научно-образовательной лабораторией технологий улучшения благополучия пожилых людей Томского поли-

технического университета (МНОЛ ТУБПЛ НИ ТПУ). Оно проводилось в течение 4 лет по актуальным аспектам благополучия пожилых людей: эффективность социальной политики (2016), одиночество среди пожилых людей (2017), вовлеченность в региональный социум (2018), реализация ресурсного потенциала старшего поколения (2019) (рис. 2). Основными исследовательскими методами были работа с фокус-группами и проблемно-ориентированные научно-экспертные семинары.

Рис. 2. Тематика экспертных семинаров

Важно отметить, что каждый из семинаров был посвящен изучению особой проблемы. Однако, обобщив полученные результаты, исследователи пришли к выводу об их ценности в новом, не предполагавшемся ранее ракурсе: для выявления «институциональных пустот» и «провалов» рынка применительно к удовлетворению особых потребностей пожилых людей, а также обсуждению необходимости, возможности и целесообразности их заполнения с помощью социального предпринимательства.

Формат научно-экспертного семинара предполагает предварительное обсуждение ключевого термина и его фиксацию в непротиворечивой для участников формулировке (рис. 2). Ежегодно в семинарах участвовали две фокус-группы:

– группа 1 – пожилые люди, 20–30 человек ежегодно, неработающие пенсионеры в возрасте 60–85 лет;

– группа 2 – специалисты, профессионально вовлеченные в решение вопросов благополучия старшего поколения (представители органов государственной власти Томска и Томской области, сотрудники комитета социальной защиты населения, департамента социально-экономического развития села, комплексного центра социального обслуживания населения, пенсионного фонда, руководители советов ветеранов, социальных комитетов районов Томской области, психологи, социологи, ученые томских университетов), 20 человек ежегодно.

Алгоритм семинара включает этапы: (1) оценка степени выраженности проблемы на основе личного опыта; (2) определение признаков для количественной оценки степени важности проблемы; (3) выявление препятствий решению проблемы; (4) разработка рекомендаций по внедрению улучшающих изменений.

Данное исследование выполнено в формате кейс-стади (case study): анализ проводился на примере одного российского региона по определенной выборке, что, безусловно, является ограничением исследования. Однако в условиях ограниченности данных об объекте исследования кейс-стади (как качественный метод) очень актуален: он позволяет выявить закономерности, тенденции, проблемы и накапливать данные о явлении, а впоследствии использовать их в аналогичных исследованиях для других возрастных групп и (или) российских регионов. Авторы разделяют признанный в мире научный подход о том, что любое качественное исследование нацелено на достижение более глубокого уровня понимания явлений и процессов, оно не ограничивается поверхностным изучением [27]. Триангуляция данных при сборе субъективных оценок двух групп участников проведенного исследования значительно повышает валидность выводов и оценок участников. Такой «множественный» подход к методологии качественного исследования соответствует содержанию самого явления, позволяя выстраивать конвергентные связи между различными точками зрения.

Результаты

В ходе каждого семинара участники были в значительной степени единодушны в оценках степени выраженности и важности обсуждаемой проблемы (рис. 3). Особенно явно совпадение оценок проявилось в ответах на вопрос о степени удовлетворенности социальной политикой в отношении пожилых людей: наибольшая часть и пожилых экспертов, и специалистов признали ее низкой (63 и 67% участников соответственно), при этом 55% экспертов – пожилых людей дали своей удовлетворенности со-

циальной политикой в отношении пожилых людей критически низкую оценку. Во многом совпали ответы экспертов обеих групп и при оценке одиночества среди пожилых (на уровне выше среднего и среднем), вовлеченности пожилых в социум, реализации ресурсного потенциала пожилых (на низком и среднем уровне).

При определении признаков, позволяющих количественно оценивать степень выраженности исследуемых проблем, участники семинаров называли множество показателей, которые затем были объединены в четыре группы (рис. 4).

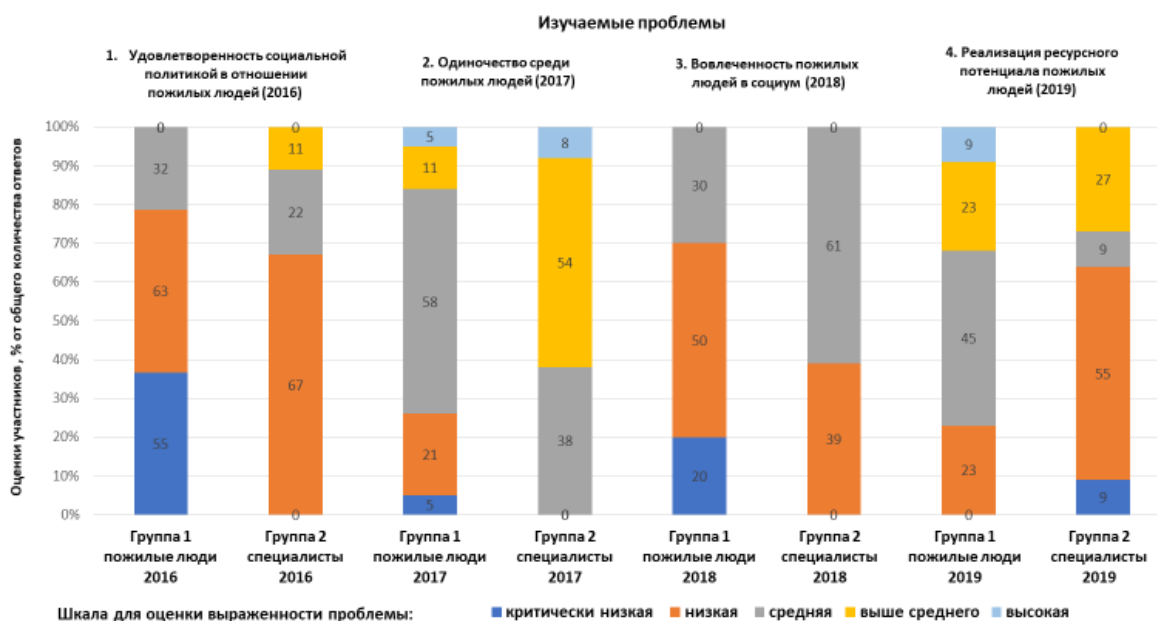

Рис. 3. Распределение ответов участников фокус-групп при оценке степени выраженности соответствующей проблемы

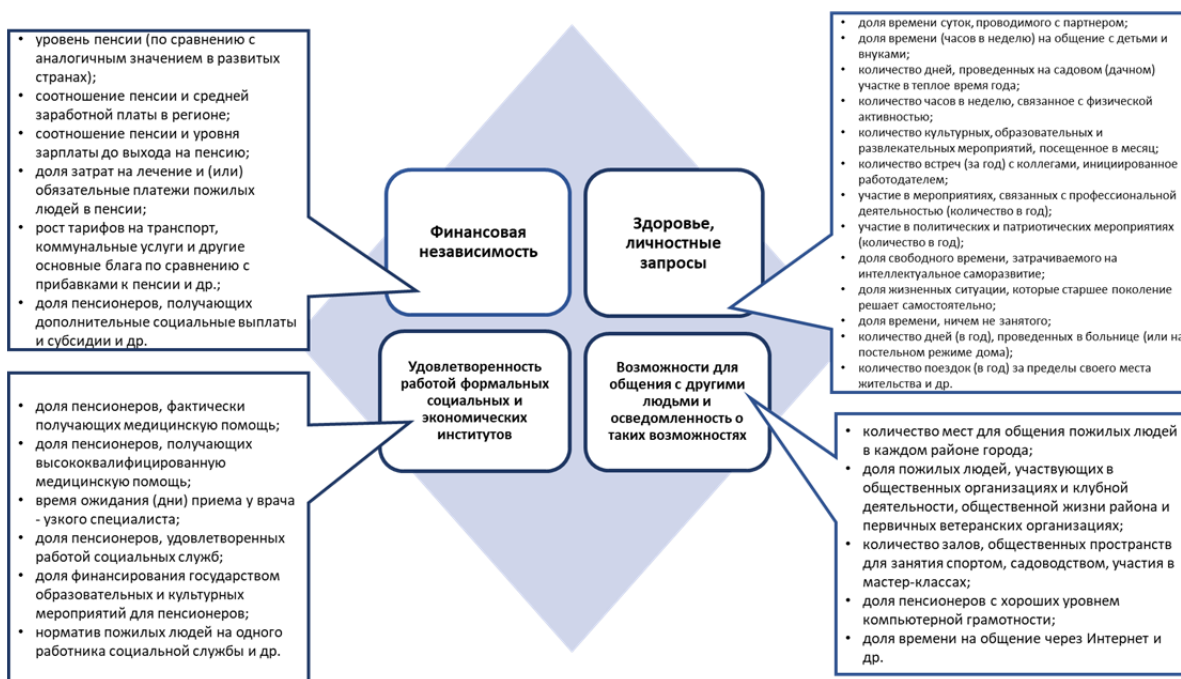

Рис. 4. Система показателей, характеризующих степень выраженности исследуемых проблем для пожилых людей как обобщение мнений экспертов 1-й и 2-й группы

Данные показатели стали основой для идентификации критически значимых для благополучия пожилых людей «институциональных пустот» и наиболее заметных «провалов» рынка, препятствующих удовлетворению их потребностей. Их дальнейший анализ был использован для установления закономерностей о возможностях социального предпринимательства (в том числе тех его форм, в которых пожилые люди могут выступать не только как объекты, но и как ключевые субъекты активности) для заполнения тех или иных «провалов» и «пустот».

Для того чтобы аргументировать данный тезис и выявить наиболее важные, в том числе обладающие высоким потенциалом результативности направления развития социального предпринимательства в интересах и силами пожилых людей, были проанализированы препятствия их благополучию, сформулированные каждой из фокус-групп в итоговой части экспертных семинаров. Проблемы, которые, по мнению экспертов, препятствуют улучшению благополучия пожилых людей, были объединены в три однородные группы (рис. 5).

Рис. 5. Основные препятствия улучшению благополучия пожилых людей

Мнения участников фокус-групп о необходимых улучшениях были представлены нормативными высказываниями, симметричными выявленным препятствиям, но представленными в формате долженствования как требование решения проблем с апелляцией к органам власти федерального, регионального и местного уровня. Все формулировки необходимых улучшений указывают на чувствительные для пожилых людей «институциональные пустоты», своего рода «болевы точки», где государству следует сосредоточить свои усилия для повышения благополучия пожилых людей до ожидаемого ими уровня: концентрация бюджетных ресурсов на критически важных направлениях, аккумулирование инвестиций в формате государственно-частного партнерства и максимальная поддержка социального предпринимательства в решении актуальных проблем. Среди необходимых улучшений обращают на себя внимание неочевидные и неожиданные для исследователей предложения, не связанные напрямую ни с одной группой

препятствий. Они носят подчеркнуто конструктивный характер и отражают готовность пожилых людей самим участвовать в необходимых изменениях:

- разработка «Стратегии повышения степени реализации ресурсного потенциала старшего поколения»;
- развитие навыков работы пожилых людей с современными технологиями;
- публикации в СМИ об активных людях старшего поколения;
- пропаганда в обществе активного долголетия и позитивного отношения к пожилым людям;
- проведение ежегодной школы для старшего поколения;
- предоставление помещений, тьюторов, тренеров и их обучение по важным для пожилых людей программам;
- расширение предложения спортивных секций для пожилых;
- грантовая поддержка проектов по вовлечению пожилых людей в социальную жизнь;

- привлечение внебюджетных средств в работу с пожилыми людьми;
- участие пожилых людей в кадровых комиссиях предприятий города;
- расширение практики различных конкурсов для старшего поколения;
- активизация мероприятий по оповещению пожилых людей о новых для них активностях и возможностях, привлечение бизнеса к социальным проектам в интересах пожилых людей (в том числе повышение социальных нормативов обслуживания пожилых людей до уровня, привлекательного для бизнеса);
- привлечение молодежи, студентов, волонтеров к активности для пожилых людей (спортивные, культурные, образовательные мероприятия);
- развитие волонтерского движения не только в интересах, но и силами «серебряных» волонтеров и др. В обобщенном виде эти требования можно отнести к запросу пожилых людей на новые знания и более широкие возможности для самореализации. Они представляют собой описание «окна возможностей» для развития социального предпринимательства как в интересах, так и силами пожилых людей, отражают потенциальный (в том числе платежеспособный) спрос на услуги, повышающие качество жизни старшего поколения, при этом бизнес-модель социального предпринимательства здесь может строиться на основе возмещения расходов другими акторами, например государством [28].

Обсуждение

В рамках исследования были выделены ключевые закономерности, касающиеся перспектив развития социального предпринимательства в интересах пожилых людей. Они связаны как с наличием явных «институциональных пустот», так и «провалов» рынка в сфере обеспечения благополучия пожилых людей. Кроме того, был выявлен запрос на развитие социального предпринимательства в интересах и силами самих пожилых людей, направленного на получение ими новых знаний и более полную самореализацию. На основании полученных результатов были определены основные уровни деятельности для развития социального предпринимательства в целях закрытия «институциональных пустот» и «провалов» рынка в вопросах обеспечения благополучия граждан старшего возраста, а также для более полной реализации их личностного потенциала:

- 1) уровень государства как ключевого инвестора и проводника важных институциональных изменений;
- 2) уровень общественных и бизнес-практик в интересах пожилых;
- 3) уровень практик силами старшего поколения в интересах граждан данной возрастной группы и общества в целом.

Развивая эмпирическую часть регионального кейса, отметим, что в Томской области разработана и внедряется система организации работы по обеспечению доступа социально ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО) и негосударственных

организаций (НГО) к бюджетному финансированию на оказание услуг в исследуемой сфере.

Можно считать, что за 5 лет в Томской области создан институциональный каркас по поддержке социально-ориентированного малого и среднего бизнеса. Количественная оценка запроса на социальное предпринимательство на региональном уровне может быть реализована косвенными способами: на основе количественных показателей, связанных с метриками оценки эффективности механизмов поддержки СОНКО и социального предпринимательства, обеспечения доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере и внедрения конкурентных способов оказания государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере. К сожалению, эти показатели иллюстрируют текущую ситуацию по довольно узкому спектру вопросов, связанных с эффективностью региональной власти. Тем не менее в системе мониторинга субъектов РФ по реализации механизмов поддержки СОНКО и социального предпринимательства Томская область в 2018 г. заняла 17-е место, войдя в группу «регионов – кандидатов на лидерство».

Анализ работы региональных СОНКО показывает, что они в основном привлекаются к участию в отдельных мероприятиях безвозмездно, на волонтерских началах. Примером этому может служить взаимодействие общественных организаций и государственного сектора Томской области, в частности активно используется волонтерский ресурс СОНКО в рамках нацпроекта «Здравоохранение». Томское отделение всероссийского общественного движения «Волонтеры-медики» в рамках региональных проектов «Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями» и «Борьба с онкологическими заболеваниями» проводит мероприятия по профилактике и предупреждению соответствующих заболеваний и развитию в обществе онконастороженности. Значительную часть как участников, так и организаторов таких мероприятий традиционно составляют граждане старшего возраста.

По данным отчетов о реализации «Комплексного плана Томской области по обеспечению поэтапного доступа к бюджетным средствам СОНКО, осуществляющих деятельность в социальной сфере», выявлен запрос на дополнительное образование и повышение квалификации в сфере социальных услуг и социального предпринимательства. В 2018 г. около 5% представителей некоммерческих организаций прошли обучение по программам повышения квалификации в области социального предпринимательства (в 2019 г. – уже порядка 10%). Важно отметить, что в Томской области растет неудовлетворенность населения качеством медицинских услуг (в 2018 г. на 7% по сравнению с 2017 г.) и социального обслуживания (на 6% соответственно). По данным мониторинга состояния и развития конкурентной среды на рынках товаров, работ и услуг Томской области в 2018 г. такая неудовлетворенность в наибольшей степени (64%) связана с ценовым фактором. Ежегодно растет спрос на социальные услуги на дому (в том числе с использованием таких технологий, как семейные и мобильные бригады), востребованы школы ухода за пожилыми людьми (в Томской области

уже действует 21 такая школа), высок спрос на услуги сиделки для тяжелобольных и пожилых людей, востребован «Детский сад для пожилых людей», увеличивается количество приемных семей для пожилых людей (в 2018 г. – 4, на начало 2020 г. – 6 семей, в которых проживает 8 одиноких пожилых людей)¹. Таким образом, несмотря на развитие рынка социальных и медицинских услуг для граждан старшего возраста, авторами выявлен запрос на расширение их спектра с ожиданием высокого качества по низким (нерыночным) ценам. Практика также показывает, что со стороны бизнеса и некоммерческих организаций, органов исполнительной власти растет интерес к социально-предпринимательским моделям реализации социального обслуживания и медицинских услуг. На текущий момент явление не развито, о нем имеются лишь фрагментарные данные, но количественные оценки показывают устойчивый рост интереса к новым возможностям решения социально значимых проблем, в том числе в сфере ухода за пожилыми людьми. В Томской области реестр СОНКО в настоящее время включает 313 организаций, количество которых устойчиво растет (в 2018 г. – 304, в 2019 г. – 308)². Среди руководителей этих организаций значительную часть составляют люди пенсионного возраста, что свидетельствует об их профессиональной востребованности. Отметим, что участие в СОНКО как институциональная социальная активность с возрастом в целом снижается, но среди граждан старше 60 лет она в два раза выше, чем у 50–59-летних, что подтверждено исследованиями в российских регионах [29].

Одним из косвенных показателей запроса старшего поколения на социальное предпринимательство является активное участие пенсионеров в грантовой работе на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. По данным Союза пенсионеров России (СПР), показателем спроса на активную деятельность старшего поколения выступает работа пожилых людей в городских, районных и сельских органах муниципального самоуправления (более 2 130 представителей СПР по РФ), что также характерно и для Томского отделения.

В качестве успешных практик формирования институционального каркаса для социального предпринимательства силами и в интересах старшего поколения в Томской области можно привести проекты, администрируемые Областным государственным автономным учреждением «Комплексный центр социального обслуживания населения Томской области» (КЦСОН), на базе которого и реализуется упомянутая выше практика «Приемная семья для пожилых людей». Отметим, что если в Томской области приемные семьи организуют сами соцработники, то в Архангельской области мотивирующим фактором для приемных семей является поддержка людей, принимающих такое решение, из регионального бюджета [30], что еще раз подтверждает разнообразие уникальных российских региональных кейсов по решению социальных проблем в силу гетерогенности пространственного развития [31].

Другими успешными институциональными практиками в регионе стала поддержка Администрацией

Томской области региональных общественных организаций и инициатив по проведению культурных, досуговых, образовательных, спортивных мероприятий для пожилых людей. Особый интерес представляет ежегодный конкурс зрелости, грации и интеллекта «Настоящая женщина», проводимый при поддержке Администрации г. Томска и регионального предпринимательского сообщества. Государственные инициативы по формированию институционального каркаса социального предпринимательства целесообразно рассматривать с акцентом на включенность в них общественных и бизнес-структур. Ценным кейсом Томской области явилось привлечение Департаментом социальной защиты населения организаций научно-образовательного комплекса для решения вопросов, связанных с благополучием пожилых людей. Так, например, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР) ежегодно реализует образовательную программу для людей старшего поколения по компьютерной грамотности, интернет-безопасности, работе с сайтами, электронной почтой, поисковыми системами, пользованию дистанционными услугами.

Еще одним примером развития общественных практик в интересах пожилых людей Томска и Томской области является проект «Томская академия активного долголетия» (ТААД), который в 2018 и 2019 гг. стал победителем конкурса президентских грантов на развитие гражданского общества. Проект реализуется Советом ветеранов при поддержке Администрации Томской области и при участии шести томских университетов в рамках региональной программы «Старшее поколение» национального проекта «Демография». Кроме университетов в нем участвуют фитнес-центры, танцевальные и спортивные клубы, медицинские учреждения, коммерческие организации. В спортивных залах и на открытых площадках Томска проводятся занятия по суставной и оздоровительной гимнастике, цигун, фитнесу, восточным и латиноамериканским танцам, скандинавской ходьбе. Пожилые люди могут выбрать занятия по садоводству, изучению иностранных языков, уроки психологической молодости, финансовой грамотности и др.

Пример деятельности ТААД подтверждает авторскую гипотезу о том, что социальное предпринимательство имеет не только высокий потенциал для успешного закрытия ряда «институциональных пустот» в системе обеспечения благополучия пожилых людей, но и способно активизировать общественные и бизнес-практики в данной сфере, а также позволяет развить и разнообразить социальное предпринимательство, осуществляемое представителями старшего поколения. Кейсы Томской области показывают, что бенефициарами участия пожилых людей в социальном предпринимательстве являются не только они сами, но и другие граждане данной возрастной группы, а также региональный социум. Именно в этом состоит основное содержание третьего уровня деятельности по реализации потенциала социального предпринимательства в рассматриваемой предметной области. Благодаря включенности в важные социальные инициативы, участвуя в тех или иных формах

социального предпринимательства (в качестве его объектов или субъектов), пожилые люди полнее реализуют свой ресурсный потенциал, выступают в роли социального «клея» регионального социума, а помогая при этом себе и другим, они обеспечивают выполнение одного из важнейших прав человека – права на достойную жизнь в пожилом возрасте.

Заключение

На примере Томской области выявлена потребность в повышении финансовой независимости, росте качества социального и медицинского обслуживания, создании институтов социальной вовлеченности пожилых людей (волонтерские движения, наставничество, специальные мероприятия), а также площадок для коммуникации и социальной активности пожилых людей. По сути дела, здесь идет речь о возможностях социального предпринимательства, отнесенного авторами ко второму и третьему уровням реализации его потенциала в интересах пожилых людей (за счет объединения усилий общества, бизнеса и активных представителей старшего поколения). Отметим также, что государство (в лице профессиональных представителей по социальным вопросам на экспертных семинарах) весьма четко сформулировало запрос на частную инициативу при решении вышеобозначенных проблем, понимая, что традиционный бизнес объективно не заинтересован в деятельности в данной сфере и все государственно-частные социальные проекты заканчиваются тогда, когда заканчивается их государ-

ственное финансирование. Такие проекты ожидаемо показали свою неустойчивость и неэффективность в долгосрочном периоде.

Ценность исследования состоит в обосновании рациональности осуществления ряда последовательных действий в данном направлении. Во-первых, формирование институционального каркаса (как *первого уровня* деятельности для реализации потенциала социального предпринимательства, определяющего масштабы участия государства – ключевого инвестора и проводника важных институциональных изменений в данной сфере). Во-вторых, определение и закрепление государством долгосрочных «правил игры» для привлечения общественных и бизнес-структур, заинтересованных в проявлении активности в данной сфере (как *второго уровня* деятельности по реализации потенциала социального предпринимательства в интересах пожилых людей). Благодаря этому социально-предпринимательские проекты могут быть устойчивы как в финансовом, так и в социальном плане, поскольку они решают проблемы там, где традиционные государственные службы социальной защиты или медицинской помощи малоэффективны или отсутствуют. В-третьих, реализация потенциала социального предпринимательства у самих пожилых людей, повышение их вовлеченности в региональный социум как активных граждан, не только потребляющих, но и создающих социальные блага (как *третьего уровня* деятельности по реализации потенциала социального предпринимательства в интересах пожилых людей).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рейтинг субъектов Российской Федерации по итогам реализации механизмов поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций и социального предпринимательства. URL: https://economy.gov.ru/material/file/6bd6ea6dfed00d673dfe8e6f9911504d/rezultaty_reytinga_zh_2018.pdf (дата обращения: 23.03.2021).

² Реестр некоммерческих организаций. Официальный интернет-портал Администрации Томской области. URL: <https://tomsk.gov.ru/opendata/front/getTable/id/1993> (дата обращения: 23.03.2021).

ЛИТЕРАТУРА

1. How's Life? Measuring Well-being, ORCD Publishing, Paris, 2017. 265 p. DOI: https://dx.doi.org/10.1787/how_life-2017-en (accessed: 28 September 2020).
2. Wallace J. Wellbeing and Devolution. Reframing the Role of Government in Scotland, Wales and Northern Ireland Conclusions and Reflections. Palgrave Pivot, Cham, 2019. 165 p. DOI 10.1007/978-3-030-02230-3
3. Aging in the Twenty-First Century: a Celebration and a Challenge, UNFPA & Help Age International, 2012. URL: <https://www.unfpa.org/publications/ageing-twenty-first-century> (accessed: 15 September 2020).
4. Pavlova I., Nedospasova O. Untapped Resource Potential of Older Persons in Russia: Evidence from Expert Assessments in Tomsk Region // Advances in Economics, Business and Management Research. 2020. Vol. 113. P. 335–339. DOI: 10.2991/fred-19.2020.68
5. Ranzijn R. The potential of older adults to enhance community quality of life: Links between positive psychology and productive aging // Ageing International. 2002. Vol. 27 (2). P. 30–55.
6. Gauthier A.H., Smeeding T.M. Historical trends in the patterns of time use of older adults // Ageing in advanced industrial states. Dordrecht : Springer, 2010. P. 289–310.
7. Lee Y., Chi I., Ailshire J.A. Life transitions and leisure activity engagement among older Americans: findings from a national longitudinal study // Ageing & Society. 2020. Vol. 40-3. P. 537–564. DOI: 10.1017/S0144686X18001101
8. Iwamasa G.Y., Iwasaki M. A new multidimensional model of successful aging: Perceptions of Japanese American older adults // Journal of cross-cultural gerontology. 2011. Vol. 26 (3). P. 261–278.
9. Коломиец П.Н. «Серебряная экономика» новый подход к проблеме старения // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). 2018. Т. 9, № 1. С. 89–101.
10. Halunko V., Ivanyshchuk A., Popovych T. Global experience of social entrepreneurship development // Baltic Journal of Economic Studies. 2018. Vol. 4 (1). P. 62–67. DOI: 10.30525/2256-0742/2018-4-1-62-67
11. Bielefeld W. Issues in social enterprise and social entrepreneurship // Journal of Public Affairs Education. 2009. Vol. 15 (1). P. 69–86.
12. Saebi T., Foss N.J., Linder S. Social entrepreneurship research: Past achievements and future promises // Journal of Management. 2019. Vol. 45 (1). P. 70–95.
13. Brooks A.C. Social entrepreneurship: modern approaches to social value creation. Upper Saddle River, N.J. : Prentice-Hall, 2008.
14. Austin J., Stevenson H., Wei-Skillern J. Social and commercial entrepreneurship: same, different, or both? // Entrepreneurship theory and practice. 2006. Vol. 30 (1). P. 1–22.
15. Zahra S.A., Rawhouser H.N., Bhawe N., Neubaum D.O., Hayton J.C. Globalization of social entrepreneurship opportunities // Strategic entrepreneurship journal. 2008. Vol. 2 (2). P. 117–131.

16. Теория и практика социального предпринимательства : учебник / Г.А. Барышева, О.П. Недоспасова, Е.А. Фролова и др.; под ред. Г.А. Барышевой. Томск : STT, 2018. 220 с. С. 28.
17. Kickul J., Lyons T.S. Understanding social entrepreneurship: The relentless pursuit of mission in an ever changing world. Routledge, 2016. 350 p.
18. Юнус М., Жоли А. Создавая мир без бедности: Социальный бизнес и будущее капитализма. М. : Альпина Паблишерз, 2009. 307 с.
19. Kiseleva L., Niño-Amézquita J.L., Veynbender T., Dubrovsky V. Social entrepreneurship as an economic phenomenon: innovations and indicators of development // *Marketing and Management of Innovations*. 2017. Vol. (4). P. 250–259. DOI: 10.21272/mmi.2017.4-22
20. Ngerthaison, C., Oumtane A. Running a Nursing Home Business: Risk, Opportunity or Challenge for Nurse Entrepreneurs // *Journal of Health Research*. 2017. Vol. 31 (3). P. 199–208. DOI: 10.14456/jhr.2017.25
21. Godin I., Desmarez P., Mahieu C. Company size, work-home interference, and well-being of self-employed entrepreneurs // *Archives of Public Health*. 2017. Vol. 75 (1). P. 69. DOI: 10.1186/s13690-017-0243-3
22. Haga K. Innovation in rural Japan: entrepreneurs and residents meeting the challenges of aging and shrinking agricultural communities // *Journal of Innovation Economics Management*. 2018. Vol. 25 (1). P. 87–117.
23. Grohs S., Schneiders K., Heinze R.G. Outsiders and Intrapreneurs: The Institutional Embeddedness of Social Entrepreneurship in Germany // *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 2017. Vol. 28 (6). P. 2569–2591. DOI: 10.1007/s11266-016-9777-1
24. Peredo A.M. Social entrepreneurship: A critical review of the concept // *Journal of world business*. 2006. Vol. 41 (1). P. 56–65.
25. Webb J.W., Khoury T.A., Hitt M.A. The influence of formal and informal institutional voids on entrepreneurship // *Entrepreneurship Theory and Practice*. 2020. Vol. 44 (3). P. 504–526.
26. Stephan U., Uhlaner L.M., Stride C. Institutions and social entrepreneurship: The role of institutional voids, institutional support, and institutional configurations // *Journal of International Business Studies*. 2015. Vol. 46 (3). P. 308–331.
27. Golafshani N. Understanding Reliability and Validity in Qualitative Research // *The Qualitative Report*. 2003. Vol. 8 (4). P. 597–606.
28. Москвина А., Должикова Д. Участие людей старшего возраста в социальном предпринимательстве на примере социального акселератора (Санкт-Петербург) // *Журнал исследований социальной политики*. 2016. № 1. С. 169–175.
29. Полтавская М.Б. Социальная активность граждан «3 возраста»: гендерный аспект (на примере г. Волгограда) // *Социология и социальные технологии*. 2018. Т. 17, № 2. С. 48–64.
30. Голубева Е.Ю., Хабарова Г. Семейный уход как инструмент смягчения социальных рисков у лиц пожилого и старческого возраста на отдаленных территориях // *Успехи геронтологии*. 2018. № 6. С. 1002–1008.
31. Pavlova I., Gumennikov I., Monastyryny E., Golubeva E. Wellbeing Assessment Yardstick: Evidence from the Elderly Wellbeing across Russian Subnational Macro-Regions // *Advances in Methodology & Statistics/Metodoloski zvezki*. 2019. Vol. 16 (2). P. 21–40.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 11 октября 2020 г.

Formation of Demand for Social Entrepreneurship to Serve the Interests of the Older Generation (The Case of Tomsk Oblast)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 463, 87–97.

DOI: 10.17223/15617793/463/11

Olga P. Nedospasova, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation) E-mail: olgaeconomy@mail.ru

Irina A. Pavlova, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ipav@mail.ru

Galina A. Barysheva, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation), E-mail: ganb@tpu.ru

Elena M. Rozhdestvenskaia, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation) E-mail: elena.rojdestvenskaya@gmail.com

Keywords: social entrepreneurship; institutions; resource potential; older generation; Tomsk Oblast.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00300.

Revealing the “institutional voids” and “failures” of the market in relation to meeting the needs of older people actualizes the discussion of the necessity, possibility and expediency of compensating them with the help of a relatively new tool for Russia – social entrepreneurship. The aim of the study is to identify the potential demand for social entrepreneurship in the interests of older people on the example of Tomsk Oblast and substantiate the value of this tool both to meet the needs of older people and to increase the degree of realization of their resource potential. Such an opportunity can appear and be implemented only if the demand of older people for the development of social entrepreneurship is correctly identified and a relationship between implementation forms and urgent problems of social policy in relation to older people is established. This study uses qualitative methods (focus groups) for the period from 2016 to 2019 in the format of expert seminars, the participants of which were representatives of the older generation and specialists professionally involved in social policy and the well-being of older people. This study theoretically substantiates the identified opportunities for filling the “institutional voids” in ensuring the well-being of older people with the help of social entrepreneurship as a mechanism linking social needs with business values. This business model is based on the creation and increment of social value, but is also subject to financial payback. The practical value of the study consists in substantiating the rationality of sequential actions by levels of activity for the development of social entrepreneurship to more completely realize the resource potential of older people: (1) state (public); (2) community and business practices for older people; (3) activities by the engaged representatives of the older generation in the interests of older people themselves. At the first, state, level, activity encompasses the formation of an institutional framework for realizing the potential of social entrepreneurship, which involves the participation of the government as a key investor and conductor of important institutional changes in this area. At the second level of activity, the state determines and consolidates long-term “rules of the game” to attract interested public and business structures to be actively engaged in social entrepreneurship to serve the needs of older people. As a result, social entrepreneurship projects can be financially and socially sustainable as they solve problems where traditional social protection measures or health care services are ineffective or even non-existent. At the third level of activity, older people themselves become participants. This level assumes their pro-active involvement in the regional society as active citizens who not only consume, but also create social benefits.

REFERENCES

1. ORCD. (2017) *How's Life? Measuring Well-being*. ORCD Publishing, Paris. DOI: 10.1787/how_life-2017-en
2. Wallace, J. (2019) *Wellbeing and Devolution. Reframing the Role of Government in Scotland, Wales and Northern Ireland Conclusions and Reflections*. Palgrave Pivot. DOI: 10.1007/978-3-030-02230-3

3. UNFPA & Help Age International. (2012) *Aging in the Twenty-First Century: a Celebration and a Challenge*. [Online] Available from: <https://www.unfpa.org/publications/ageing-twenty-first-century> (Accessed: 15 September 2020).
4. Pavlova, I. & Nedospasova, O. (2020) Untapped Resource Potential of Older Persons in Russia: Evidence from Expert Assessments in Tomsk Region. *Advances in Economics, Business and Management Research*. 113. P. 335–339. DOI: 10.2991/fred-19.2020.68
5. Ranzijn, R. (2002) The potential of older adults to enhance community quality of life: Links between positive psychology and productive aging. *Ageing International*. 27 (2). pp. 30–55.
6. Gauthier, A.H. & Smeeding, T.M. (2010) Historical trends in the patterns of time use of older adults. In: Tuljapurkar, Sh., Ogawa, N. & Gauthier, A.H. (eds) *Ageing in advanced industrial states*. Dordrecht: Springer. pp. 289–310.
7. Lee, Y., Chi, I. & Ailshire, J.A. (2020) Life transitions and leisure activity engagement among older Americans: findings from a national longitudinal study. *Ageing & Society*. 40–3. pp. 537–564. DOI: 10.1017/S0144686X18001101
8. Iwamasa, G.Y. & Iwasaki, M. (2011) A new multidimensional model of successful aging: Perceptions of Japanese American older adults. *Journal of Cross-Cultural Gerontology*. 26 (3). pp. 261–278.
9. Kolomietss, P.N. (2018) “Silver Economics”: A New Approach to the Problem of Aging. *Voprosy regulirovaniya ekonomiki – Journal of Economic Regulation*. 9 (1). pp. 89–101. (In Russian).
10. Halunko, V., Ivanyshchuk, A. & Popovych, T. (2018) Global experience of social entrepreneurship development. *Baltic Journal of Economic Studies*. 4 (1). pp. 62–67. DOI: 10.30525/2256-0742/2018-4-1-62-67
11. Bielefeld, W. (2009) Issues in social enterprise and social entrepreneurship. *Journal of Public Affairs Education*. 15 (1). pp. 69–86.
12. Saebi, T., Foss, N.J. & Linder, S. (2019) Social entrepreneurship research: Past achievements and future promises. *Journal of Management*. 45 (1). pp. 70–95.
13. Brooks, A.C. (2008) *Social entrepreneurship: modern approaches to social value creation*. Upper Saddle River, N.J.: Prentice-Hall.
14. Austin, J., Stevenson, H., Wei & Skillern, J. (2006) Social and commercial entrepreneurship: same, different, or both? *Entrepreneurship Theory and Practice*. 30 (1). pp. 1–22.
15. Zahra, S.A., Rawhouser, H.N., Bhawe, N., Neubaum, D.O. & Hayton, J.C. (2008) Globalization of social entrepreneurship opportunities. *Strategic Entrepreneurship Journal*. 2 (2). pp. 117–131.
16. Barysheva, G.A. (ed.) (2018) *Teoriya i praktika sotsial'nogo predprinimatel'stva: uchebnik* [Theory and practice of social entrepreneurship: textbook]. Tomsk: STT.
17. Kickul, J. & Lyons, T.S. (2016) *Understanding social entrepreneurship: The relentless pursuit of mission in an ever changing world*. Routledge.
18. Yunus, M. & Joly, A. (2009) *Sozdavaya mir bez bednosti: Sotsial'nyy biznes i budushchee kapitalizma* [Creating a world without poverty: Social business and the future of capitalism]. Translated from English. Moscow: Al'pina Publisherz.
19. Kiseleva, L., Niño-Amézquita, J.L., Veynbender, T. & Dubrovsky, V. (2017) Social entrepreneurship as an economic phenomenon: innovations and indicators of development. *Marketing and Management of Innovations*. (4). pp. 250–259. DOI: 10.21272/mmi.2017.4-22
20. Ngerthaison, C. & Oumtane, A. (2017) Running a Nursing Home Business: Risk, Opportunity or Challenge for Nurse Entrepreneurs. *Journal of Health Research*. 31 (3). pp. 199–208. DOI: 10.14456/jhr.2017.25
21. Godin, I., Desmarez, P. & Mahieu, C. (2017) Company size, work-home interference, and well-being of self-employed entrepreneurs. *Archives of Public Health*. 75 (1). p. 69. DOI: 10.1186/s13690-017-0243-3
22. Haga, K. (2018) Innovation in rural Japan: entrepreneurs and residents meeting the challenges of aging and shrinking agricultural communities. *Journal of Innovation Economics Management*. 25 (1). pp. 87–117.
23. Grohs, S., Schneiders, K. & Heinze, R.G. (2017) Outsiders and Intrapreneurs: The Institutional Embeddedness of Social Entrepreneurship in Germany. *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 28 (6). pp. 2569–2591. DOI: 10.1007/s11266-016-9777-1
24. Peredo, A.M. (2006) Social entrepreneurship: A critical review of the concept. *Journal of World Business*. 41 (1). P. 56–65.
25. Webb, J.W., Houry, T.A. & Hitt, M.A. (2020) The influence of formal and informal institutional voids on entrepreneurship. *Entrepreneurship Theory and Practice*. 44 (3). pp. 504–526.
26. Stephan, U., Uhlaner, L.M. & Stride, C. (2015) Institutions and social entrepreneurship: The role of institutional voids, institutional support, and institutional configurations. *Journal of International Business Studies*. 46 (3). pp. 308–331.
27. Golafshani, N. (2003) Understanding Reliability and Validity in Qualitative Research. *The Qualitative Report*. 8 (4). pp. 597–606.
28. Moskvina, A. & Dolzhikova, D. (2016) The Participation of Elderly People in Social Entrepreneurship: The Practice of the Social Accelerator of a Resource Centre for NGOs (St. Petersburg). *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki – Journal of Social Policy Studies*. 1. pp. 169–175. (In Russian). DOI: 10.17323/727-0634-2017-16-1-169-176
29. Poltavskaya, M.B. (2018) Social activity of the “third age”: gender aspect (a case study of the population of Volgograd). *Logos et Praxis*. 17 (2). pp. 48–64. (In Russian). DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2018.2.5
30. Golubeva, E.Yu. & Khabarova, G. (2018) Semeynyy ukhod kak instrument smyagcheniya sotsial'nykh riskov u lits pozhilogo i starcheskogo vozrasta na otdalennykh territoriyakh [Family care as a tool to mitigate social risks in elderly and senile people in remote areas]. *Uspekhi gerontologii – Advances in Gerontology*. 6. pp. 1002–1008.
31. Pavlova, I., Gumennikov, I., Monastyrny, E. & Golubeva, E. (2019) Wellbeing Assessment Yardstick: Evidence from the Elderly Wellbeing across Russian Subnational Macro-Regions. *Advances in Methodology & Statistics/Metodoloski zvezki*. 16 (2). pp. 21–40.

Received: 11 October 2020

ИСТОРИЯ

УДК 94 (470) «18»

В.П. Бойко

ЭВОЛЮЦИЯ ОБЛИКА РУССКОГО КУПЕЧЕСТВА И ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ П.И. МЕЛЬНИКОВА (АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКОГО)

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-49-700003.

Анализируется эволюция русского купечества, отраженная в творчестве П.И. Мельникова-Печерского, которая сопоставляется с некоторыми реальными характеристиками купечества в документах и научной литературе. Отмечается, что образ русского купечества и предпринимательства представляет собой совокупность материальных, психологических и социальных черт и отражает процесс эволюции российского общества в сторону буржуазного типа развития со специфическими чертами поволжского региона.

Ключевые слова: история России; купечество; предпринимательство; старообрядчество; П.И. Мельников-Печерский.

Одним из важных исторических источников, помогающим воспроизвести объективную реальность в более полном объеме, являются произведения художественной литературы. Их специфика достаточно полно в теоретическом плане определена современными историками [1]. Автор приходит к выводу о важности художественного образа при изучении прошлого, о том, что этот образ выявляет наиболее типическое в деятелях определенной эпохи, определенной профессии или социальной группы. Еще раньше академик М.В. Нечкина об этом писала, что «литература гигантски расширяет жизненный опыт человека – позволяет ему прожить множество жизней в одну жизнь, побывать в разных эпохах и странах, попробовать себя в тысячах героев, продумать поведение сотен и сотен людей» [2. С. 34].

В работе, посвященной истории русского купечества, отраженной в художественной литературе, отмечается, что страсть русского купечества к наживе была очевидна для современников, но эта черта была характерна и для европейского купечества. В связи с этим определяется главная особенность русского купечества – «отсутствие исторической преемственности и устойчивости традиций» [3. С. 147]. На основе этого тезиса и ведется в русской литературе дальнейшее повествование о «темном царстве» делового и этического мира русского купечества, что являлось, на наш взгляд, не реальным отражением действительности, а порождением критиков революционно-демократического направления 1860-х гг. [4].

Однако первым о применении художественных образов в исторической науке заговорил еще в дореволюционные времена П.А. Берлин. Эти опыты, по его мнению, нельзя назвать удачными, но такую попытку в отношении русской буржуазии он все-таки сделал: «Попытки создать художественные типы буржуазной среды, и притом типы положительные, если и делались нашими писателями, то неизменно заканчивались полною неудачею и помещением в великую художественную галерею каких-то мертворожденных типов, каких-то говорящих восковых фигур. Таковыми являются Костанжогло у Гоголя и фигура из паноптикума – Штольц у Гончарова. Это мертвые восковые типы, вылепленные по живым людям Запада...» [5. С. 170]. С марксистской точки зре-

ния П. Берлин определяет сущность русской буржуазии, ядром которой было купечество. Эта позиция стала затем определяющей в советской историографии на протяжении многих десятилетий: «Русская дореформенная буржуазия не искала власти, она искала правительственного покровительства. Вследствие этого ей не приходилось с оборонительными и наступательными целями соединяться и создавать свой кодекс чести и справедливости. Она брела розно, без потребности в классовом объединении за отсутствием врага; благодаря этому она в своем брате-купце видела не соратников в классовой борьбе, а конкурента в коммерческой деятельности, и считала по отношению к нему позволительными и допустимыми все те средства, которые вели к его разорению» [5. С. 183]. Стоит ли говорить, что такая трактовка отечественного предпринимательства стала анахронизмом, хотя и используется часто в публицистических и агитационных материалах.

Одним из источников, подтверждающих формирование и эволюцию отечественной буржуазии на основе естественного стремления организовать хозяйственную, общественную, а затем и политическую жизнь страны на новых буржуазных началах, стало творчество прозаика Павла Ивановича Мельникова, более известного под псевдонимом Андрей Печерский. Родился он в небогатой провинциальной дворянской семье, а детство провел в уездном городе Семенове Нижегородской губернии. Эта территория на левом берегу Волги, покрытая дремучими лесами, называлась Заволжье и была местом поселения сторонников старой веры, хранителей традиций древнерусского быта, народного творчества и поэзии. Очевидно, что эти традиции с раннего детства вошли в сознание будущего писателя и стали основой его миросоздания. В 1834 г. П.И. Мельников поступил на словесный факультет Казанского университета, а в 1837 г. закончил его со званием кандидата. Как отмечает в биографическом очерке П. Усов, будущий писатель в студенческие годы увлекался творчеством Пушкина и Гоголя, статьями Белинского и готовил себя к научной работе в университете, для чего в то время кандидатам предоставлялась длительная коман-

дировка за границу. Однако в строгое «николаевское» время (правления Николая I. – В.Б.), он был за ничтожный проступок выслан в Пермь, где преподавал историю и статистику в местной гимназии. Фактически Мельников оказался в ссылке, которая длилась до 1839 г., когда он был переведен старшим преподавателем в Нижегородскую гимназию [6. С. 72–73].

В Нижнем Новгороде Мельников активно занялся русской историей, как общей, так и местной. В результате в журнале «Отечественные записки» с 1839 по 1842 г. появляются его историко-этнографические очерки «Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь», где рассказывается о Перми, Соликамске, Нижнем Новгороде, Арзамасе, Ардатове и других населенных пунктах. Записки состоят из 10 глав, которые объединяет в единое целое автор, его интерес к населению этих городов, его нравам, обычаям, занятиям и многому другому, что раньше не привлекало ни у кого внимания. Эти записки вызвали интерес у читающей публики, особенно в тех городах, о которых в записках шла речь. Это была проба пера начинающего писателя, который в это время сблизился со славянофилами. Как известно, в 1840-е гг. в идеологии господствовали два направления, сложившиеся уже к этому времени в определенное мировоззрение, в систему взглядов на самобытность русского народа, на особый путь развития России, отличный от западноевропейского. Славянофилы, сближаясь с идеологами официальной народности, считали русский народ носителем таких добродетелей, как смирение, религиозность, приверженность старине.

В связи с этим в 1845 г. нижегородский губернатор генерал Урусов поручает Мельникову редактирование местной газеты «Нижегородские губернские ведомости», которые стали выходить во всех губернских городах России, включая с некоторым запозданием и Сибирь. Ведомости состояли из двух частей – официальных новостей, включающих различные распоряжения, циркуляры и назначения, и неофициальных, состоящих из очерков на исторические, политические и литературные темы. По мнению современного исследователя, Мельников «первые девять месяцев сам писал от первого слова каждого номера до последнего, а в остальные 4 года почти одну треть составляли его статьи» [7. С. 17]. Работа в газете содействовала обогащению жизненного опыта будущего писателя и давала богатый материал для последующей литературной деятельности. Однако главным источником творчества уже писателя, взявшего псевдоним Андрей Печерский, стало назначение Мельникова чиновником особых поручений при нижегородском военном губернаторе, открывавшее перед ним широкие возможности для исследования истории церковного раскола и судьбе приверженцев старой веры. Эрудиция и энергия молодого чиновника с первых шагов привлекли внимание светского и духовного начальства, и Мельникову стали поручать сложные раскольничьи дела, в которые он тщательно вникал и неукоснительно выполнял все предписания властей. В результате, искренне сочувствуя старообрядчеству как духовному движению, правдиво и сочувственно изображая его в своих художественных произведениях,

на деле он жестоко преследовал староверов, представленных в Заволжье на реке Керженец преимущественно беглопоповцами, лишал их местнотимых святынь. Эти действия, иногда приписываемые ему, создали Мельникову славу «разорителя» керженских скитов, яростного гонителя на старую веру. Старообрядцы не могли простить Мельникову насильственного приведения староверов в единую для кержаков и официальной церкви веру (единоверчество. – В.Б.), репрессий в отношении беглых в скиты попов, изъятие из скитов древних икон, крестов и других святынь. Между тем П.И. Мельников не был идейным гонителем раскола и в своем «Отчете о состоянии раскола в Нижегородской губернии», составленном в 1854 г., он показал себя тонким знатоком старообрядчества, собрал богатый фактический материал, послуживший ему потом ценным литературно-художественным источником.

Интересны выводы, к которым пришел Мельников после подробного описания нижегородских скитов в историческом, бытовом и нравственном отношениях:

1. Русский раскольник, если он занял почему-либо «видное место в кругу сектаторов, отличается ханжеством и лицемерием».

2. Раскольники поповского толка, по мнению Мельникова, организованы правильно, в соответствии с постановлениями официальной церкви, а «иерархию, надобно сознаться, устроили более согласно с правилами апостолов, вселенских и поместных приказов, нежели устроена администрация современной русской церкви».

3. Успокоение пяти миллионов раскольников поповщины, «успокоение, столь сильно желаемое государем императором, теперь может быть достигнуто без нарушения достоинства православного правительства и без оскорбления святой церкви дозволением ее священнослужителям бегать тайно к раскольникам». Имеется в виду, что для своих главных обрядов (крещение, заключение брака, отпевание) старообрядцы часто привлекали священников официальной церкви, щедро их вознаграждая. Предлагаемые Мельниковым меры должны были устранить такое противоречие, так как по его предложению были разорены многие раскольничьи скиты Заволжья и имя Мельникова для них было ненавистно [6. С. 221].

В конце 1850 – начале 1860-х гг. П.И. Мельников считал, что необходимо слияние двух враждующих религиозных сторон русского православия. В обновленном пути он начинает видеть основу будущего развития России. Поэтому отрицательно относясь к расколу в своих отчетах и публицистических работах, он в романах «В лесах» (1871–1874) и «На горах» (1875–1881) выводит положительный образ предпринимателя Потапа Максимовича Бугрова как носителя народной точки зрения, совмещавшего в себе мудрость и справедливость. Реальным прототипом этого литературного героя был Петр Егорович Бугров, имевший в 1853 г. 65 лет от роду, торговавшего тогда по свидетельству первого удельного крестьянина Семеновского уезда Чистопольского приказа дер. Поповой. Он был поповцем Рогожского согласия и жил в Нижнем Новгороде, где занимался хлебным торгом и казенными подрядами. Вел образ жизни деревенского

мужичка, всем говорил «ты» и пользовался огромным авторитетом у населения. Когда неожиданно ему были нужны большие деньги, он выходил на базарную площадь и обращался к торговцам – необходимая сумма тотчас набиралась в его шапку. «Ворочая сотнями тысяч, этот старик жил хуже всякого мещанина средней руки и делал это не от скупости, не из ханжества и вообще не по какому-нибудь расчету, а по привычке к простому быту», – отмечали его современники [6. С. 153]. Писатель М. Горький много беседовал с сыном П.Е. Бугрова о вере и коммерции и сделал для себя вывод, что этот «сектант» относится к труду как к чему-то сакральному, святому, в какую-то силу, которая сможет объединить людей «в одно необозримое целое, в единую разумную энергию...» [8. С. 26].

У русских купцов-старообрядцев существовал своего рода негласный кодекс чести, осуждавший все виды паразитического или ростовщического капитала. Наибольшим почетом у них пользовались владельцы промышленных предприятий, пусть даже небольших, и крупные торговцы-оптовики. Затем шли остальные торговцы, крупные, средние и мелкие, ведущие торговлю без обмана, и только затем к купцам можно было отнести разного рода перекупщиков, ростовщиком и кулаков, которые наживались на разного рода спекуляциях, махинациях и обмане. В результате купцы, принадлежавшие к старой вере, занимались «правильным» бизнесом, который давал не такой высокий процент прибыли, как виноторговля, ростовщичество и государственные заказы, но был более надежным, и капиталы у них рассчитаны на долгое время. Поэтому многие крупнейшие капиталы России принадлежали староверам: Морозовы, Рябушинские, Гучковы, Солдатенковы, Бугровы и многие другие.

Приверженность традициям, старинному быту, жесткий консерватизм старообрядцев заставили известного писателя Мельникова-Печерского изменить свое отношение к старой вере и ее носителям. Не враги самодержавия и официальной веры, а основа и опора российской государственности, отечественной экономики и политической благонадежности. Именно так освещается старая вера в диалогии этого писателя, которая имела огромную популярность в России второй половины XIX в. и позже. Об этом хорошо написал в юбилейной статье критик А. Измайлов: «Романы “В лесах” и “На горах” считаются вещами, которых не может не знать интеллигентный человек... До сих пор хранятся следы былого внимания к этим книгам в старых библиотеках, где в книжках “Русского богатства” за 70-е гг. вы неизбежно находите среди девственно-чистых страниц сильно потемневшие, “зачитанные” листы несколько лет тянувшегося поволжского романа» [9. С. 454]. Отмечает критик и «летописную» манеру письма Мельникова-Печерского, которая так привлекала и привлекает читателей: «Терпеливо, день за днем, он выпячивает будничную жизнь своих героев, похожий на художника, поставившего перед собой колоссальное полотно, для работы над которым необходимы табуреты и лестница» [9. С. 458]. Кстати сказать, в XIX в. портреты стали заказывать даже купцы, придерживающиеся старой веры. Устроитель выставки русского портрета в Рус-

ском музее М. Приселков в 1925 г. писал: «Перед нами все мужские портреты сохраняют русское обличье: русский кафтан, русскую прическу “под скобку”, прямой пробор, наконец, русскую бороду. Эти люди носили бороду упорно, с нею себя изображали на портретах, хотя дворянская мода считала в ту пору бороду совершенно недопустимой, и Александр I заявлял, выражая общее мнение дворян о бороде, что лучше он опустится до такой степени неприличия, что отпустит себе бороду, чем подпишет мир с Наполеоном в 1812 г.» [10. С. 31]. Тем не менее борода как национальная русская принадлежность в течение XIX в. распространялась все шире среди разных слоев населения, включая дворянство и чиновничество, пока не добралась до самого верха – последние русские императоры Александр III и Николай II имели роскошные и холеные бороды. Однако вернемся к творчеству Мельникова-Печерского, который также под влиянием моды или под влиянием старообрядцев отпустил длинную бороду, как, впрочем, и большинство великих русских писателей.

Удачным литературным дебютом П.И. Мельникова следует считать его рассказ «Красильников», впервые опубликованный в 1852 г. В центр повествования поставлен крупный предприниматель, купец Корнила Егорович Красильников, который выступает новым хозяином жизни всей округи, дающий работу сотням ее жителей и определяющий стиль поведения таких же как он воротил. Чувствуется, что купец вышел «в люди» в первом поколении, его речь изобилует пословицами и мудреными изречениями, навеянными библейскими текстами: «Зелен виноград – не вкусен, млад человек – не искусен»; «хоть детское сердце в камне, да отцовское в детках»; «свои собаки грызутся, чужая не приставай»; «без детей горе, а с детьми вдвое» и т.д. Богатый дом Красильникова выстроен и устроен напоказ: ничего для себя, все для чужих. Потому то и пробирался хозяин всякий раз из раззолоченных палат в укромный уголок с теплой изразцовой лежанкой, крепким сосновым столом и таким же стулом, двуспальной кроватью с пуховиком и дюжиной пуховых подушек. Вот как он выражает свое купеческое кредо в отношении образования: «Говорят люди: красна птица пером, а человек ученьем... Говорят: ученье свет, неученье тьма... Врут люди! Ученье – прямо мученье, а нашему брату погибель! Купец знай читать, знай писать, знай на счетах класть, шабаш – дальше не забирайся!... Лучше недоучиться, чем переучиться. Ученье ведь что дерево: из него и икона и лопата... аль что ножик: иной его на пользу держит, а наш брат себя ж по горлу норовит... Купцу наука, что ребенку огонь» [11. С. 66].

Конечно, такая эмоциональная тирада купца связана с тем, что проучившись четыре года в столичном университете, его старший сын вышел из под воли отца и самостоятельно принял решение жениться, что привело его в ярость. Не помня себя, он прибил молодых, просивших его благословения, в результате чего невеста занемогла и скончалась. Благодаря связям и деньгам Красильникову-отцу удалось дело замять, а его старший сын, получивший высшее образование, спился, был близок к помешательству и, в конце концов, покончил с собой. За собой купец

вины не чувствовал, во всем винил образование и «моду на благородных» и так же, как сын, заливал горе вином. В разговоре с автором повествования Красильников формулирует причину успеха русской коммерции: «Чтоб дело торговое шло, – молвил Корнилы Егорович, – надо чтоб ему не делали помехи, а пуще того, чтоб ему не помогали, на казенну бы форму не гнули. Не приказное это дело: в форменну книгу его не уложишь. А главная статья – сноровка... Без сноровки будь каждый день с барышом, а век проходишь нагишом. А главней всего – божья воля: благословит господь – в отребье деньгу найдешь; без божьего благословенья корабль с золотом ко дну пойдет» [11. С. 60].

Однако в последние годы, по мнению Корнилы Егоровича, дела у кожевников пошли худо и главную причину этого он видит в национальной русской небрежности: «Русский человек на трех сваях стоит: авось, небось да как-нибудь. Нам бы тят-ляп и корабль... Вон на дворе партия юхты лежит – на Урюпинску заготовил – развалайте-ка воз: тут подрез, тут гниль мясная а тут и все дырье... Отчего?... Оттого, что платишь рабочему поштучно, он тебе делает как-нибудь, одно норовит: больше бы кож обрядить» [11. С. 59]. Одним словом, перед нами образ рачительного и хитрого хозяина, проницательного и ловкого дельца, которых было достаточно много среди деловых людей России.

В работе над своим первым рассказом у П.И. Мельникова проявилась главная особенность его творчества – склонность к использованию личных наблюдений, этнологических по своей сути наблюдений, интерес к деталям быта, внешности и языка, а также высокая степень обобщения фактов. Не случайно подзаголовок этого рассказа звучит так обыденно: «Из дорожных записок». Рассказ «Красильников» открыл Мельникову-Печерскому широкий доступ в литературу, и он приступил к написанию монументальных полотен, диалогии «В лесах» и «На горах». Показывая на страницах своих романов экономическое положение края и решающую роль в процессе его хозяйственного развития местных предпринимателей, Мельников-Печерский опирался, прежде всего, на свой богатый жизненный опыт и данные научных исследований, в том числе и своих, что делало его художественные произведения достоверными и реалистически убедительными.

Уже на первых страницах своего романа «В лесах» автор указывает на главный путь спасения разных слоев русского населения – кустарный промысел. Этот промысел спасает народ от голода не только в неурожайные годы, но и приносит богатство местным «тысячникам», среди которых выделяется главный герой романа – Патап Максимович Чапурин и его жена Манефа. Они верны старообрядческим народным традициям, взаимоотношения хозяина и работника построены здесь на строгости и честности хозяина. По мнению Мельникова-Печерского, «миллионщиков за Волгой нет, а тысячников много. Они по Волге своими пароходами ходят, на своих паровых мельницах сотни тысяч четвертей хлеба перемальвают. Много за Волгой таких, что десятками тысяч свои капиталы считают» [12. Кн. 1. С. 13]. В своих верова-

ниях Чапурин был старовером, но не «закоснелым изувером», а потому больше, «что за Волгой издавна такой обычай велся, от людей отставать ему не приходилось. Притом же у него расколом дружба и знакомство с богатыми купцами держалось, кредита от раскола больше было. Да, кроме того, во время отлучек из дому по чужим местам жить в раскольничьих домах бывало ему привольней и спокойней» [12. Кн. 1. С. 16].

Хотя Чапурин и строгий хозяин, но почет ему от окрестных крестьян, а зависимости от него находилось не менее двадцати деревень, «был великий». Однако автор не скрывает от читателя, что старой вере перед светом просвещения не устоять, хотя бы потому, что среди множества толков и верований раскола появляются и домовитые молокане, и восторженные, ищущие упоения в своих беснованиях хлысты, и фанатики из «Спасова согласия», которые мечтали о страданиях и мучениях, и изуверское направления скопцов, которые радикально лишали себя возможности грешить. Одной из главных задач официальной русской православной церкви стала борьба с расколом и ересями всех направлений, и в этой борьбе она к концу XIX в. достигла больших успехов, что, однако, не спасло ее от всеобщего атеизма в начале XX в. в эпоху революционного брожения. Одним из разрушителей старой веры стал сын другого фанатика раскола – Алексей Лохматый, который не смог устоять перед соблазнами «золотого тельца» и сначала предал свою любовь, а затем устремился за этим тельцом в погоню. Науку эту он начал по совету своего маклера с трактиров и коммерческого клуба, с парикмахерских и модных магазинов и вскоре предстал перед домашними в таком виде, что они от него «так и шарахнулись». Для благородной жизни ему нужен был соответствующий дом и для этого он стал обхаживать свою жертву, богатую невесту Марью Гавриловну, с которой имел до брака незаконную связь. Благодаря хитрости и коварству Алексей Лохматый сначала ее обобрал, купив за ее деньги на свое имя двухэтажный дом и лучший в округе пароход «Соболь», а затем и вовсе отказался брать ее в жены [12. Кн. 2. С. 216–225]. Однако такой подход к делам не прошел для него даром, и он неминуемо разорился, так как деловой хватки в процессе такого быстрого своего обогащения он не получил.

Чем-то собственное обогащение через выгодную женитьбу напоминает историю ростовского по происхождению и томского по месту основной коммерции купца Евграфа Королева. Сначала он в молодые годы нанялся в приказчики к томскому купцу Ненашеву, а после его смерти оказался в милости у его вдовы. Однако браку Евграфа Ивановича Королева и Евпраксии Семеновны (по первому браку Ненашевой) это не помешало, хотя у нее уже было трое сыновей, почти ровесников ее мужу. Карьера Е.И. Королева складывалась благополучно, он стал крупным виоторговцем и винозаводчиком в Томской губернии, добывал в Енисейской тайге золото, занимался извозом и торговлей приисковым товаром и дважды избирался городским головой [13. С. 262].

Не избежал искушения быстро обогатиться и главный положительный герой романа старик Чапу-

рин, который поверил рассказу случайных путников о возможности добывать золото в далекой Сибири, но и у себя под боком, в заволжской тайге. Этот прием позволил писателю отправить путников в путешествие по местным старообрядческим монастырям, малодоступных в летнее время скитам и деревенькам, заставил неопытных старателей искать золотые россыпи в прибрежных песках таежных речек и ручейков, и вскоре обман раскрылся. Немалую роль в этом разоблачении сыграла жена одного из компаньонов Чапурина, при описании которой П.И. Мельников не жалеет хвалебных эпитетов: «Испокон веков народ говорит: жена добрая, домовитая во сто крат ценней золота, не в пример дороже камня самоцветного. Правдиво то русское извечное слово; правду его Иван Григорьич на себе спознал» [12. Кн. 1. С. 113]. Кроме этого, осторожные и прижимистые кержаки перестали верить беглому монаху Стуколову, когда он стал собирать с них в счет будущих несметных богатств деньги: «Не один миллион, три, пять, десять наживешь, – с жаром стал убеждать Патапа Максимыча Стуколов, – Лиха беда начать, а там загребай деньги. Золота на Велуге, говорю тебе, видимо-невидимо. Чего уж я – человек бывалый, много видал приисков и в Сибири и на Урале, а как посмотрел я на ветлужские палестины, так и у меня с дива руки опустились... Да что тут толковать, слушай. Мы так положим, что на все это дело нужно сто тысяч серебром.

– Значит, это дело надо оставить – махнув рукой, сказал Патап Максимыч – Сто тысяч! – Эк у него тысяч-то – ровно парена репа ...» [12. Кн. 1. С. 185].

Своеобразным продолжением романа П.И. Мельникова «В лесах» стал роман «На горах». Как известно, если смотреть на реку сверху вниз и вниз по течению, то в силу законов природы левый берег у любой реки будет ровный и пологий, а правый – высокий и крутой. Как на сибирских реках, так и на Волге и ее притоках левый берег луговой с низкими берегами и заливными лугами, а правый – крутой и высокий, лесов и лугов там мало, а почва, в отличие от левого берега, где она удобряется наносным илом, малоплодородная. В этой связи население здесь в большей степени кормится ремеслом и кустарными промыслами, что красочно описано Мельниковым-Печерским в своих романах и других произведениях.

В центре повествования стоит история старинного села Миршень и его обитателей. Спасение России писатель видит уже не в старых патриархальных порядках и верности старине, но в стране встающей на капиталистический путь развития под руководством просвещенной буржуазии, образованной и приобщившейся к европейской культуре. Такой поход проявился в образах купцов нового типа – Меркулова и Веденева. Однако писатель не идеализирует хозяйственную жизнь региона и вводит в повествование обличительную струю – образ Марка Даниловича Смолокурова. Этот образ должен был противостоять

образу сугубо положительного персонажа – П.М. Чапурина. Например, на предложение Марка Даниловича заняться рыбной торговлей Чапурин отвечает резким отказом, заявляя, что он не способен заниматься грабежом и обманом. Тугая мошна Смолокурова творит чудеса: перед ним заискивает губернский предводитель дворянства и даже не прочь породниться с ним. Мелкое чиновничество постоянно ждет подачки от крупного торговца и готово оказать ему любую услугу [7. С. 153]. Отказывается Мельников-Печерский в своем последнем романе «На горах» и от идеализации кустарных промыслов. В предыдущем романе «В лесах» промыслы по производству деревянной и глиняной посуды, валяных шляп, обуви и войлока, разного рода изделий из дерева (тележные колеса, дуги и оглобли, сани, бочки и туеса) является естественным и эффективным способом зарабатывания дополнительных денег. В романе «На горах» писатель уже отказывается от этой мысли, и промыслы вместе с земледелием являются только средством выживания большинства населения нагорных деревень, уходом от призрака голодной смерти и нищеты.

Таким образом, рассказы, очерки и особенно романы Мельникова-Печерского – это не только художественная эпопея истории России второй половины XIX в., но и трезвое экономическое исследование, в котором раскрываются пути крупных капиталов Поволжья, анализируется состояние дел на Нижегородской ярмарке, раскрываются взаимоотношения хозяев и работников, купцов и их приказчиков. В творчестве Мельникова-Печерского освещены все стороны купеческого быта поволжского региона, включая быт и нравы, жилье, одежда и питание, традиции и обычаи, танцы, игры и народная медицина. Особо следует выделить сокровища фольклора, рассыпанные по произведениям этого писателя: песни, сказки, легенды, пословицы и поговорки, а также отражение былинной поэзии и народных причитаний. Одним словом, творчество П.И. Мельникова-Печерского, особенно его диалогия «В лесах» и «На горах», является одним из ярких примеров взаимодействия науки и художественной литературы [13. С. 272], что можно активно использовать при освещении различных социальных слоев поволжского региона, в первую очередь, местного купечества.

Итак, во второй половине XIX в. местное купечество активно изживало старообрядческую идеологию как в обрядовой стороне, так и в мировоззрении. Правительство в лице наиболее умных ее представителей стало понимать, что раскол – это не враждебное официальной вере и самодержавию течение, а верный союзник консервативного толка, который может стать оплотом режима. Проникновение в старообрядческую среду новых веяний, прежде всего капиталистических, втянуло в этот процесс большинство предпринимателей, которые быстро приспособились к новым условиям и стали быстро пополнять ряды российской буржуазии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Секиринский С.С. От книги про дельца до «книги про бойца // Отечественная история. 2002. № 1. С. 191–195.
2. Нечкина Н.В. Функция художественного образа в историческом процессе : сб. работ. М. : Наука, 1982.
3. Левандовская А.А., Левандовский А.А. «Темное царство»: купец-предприниматель и его литературные образы // Отечественная история. 2002. № 1. С. 146–157.

4. Бойко В.П. Русское купечество в пьесах А.Н. Островского и статьях его критиков // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 48. С. 6–13.
5. Берлин П. Буржуазия в русской художественной литературе // Новая жизнь. 1913. № 1. С. 170–196.
6. П.И. Мельников (Андрей Печерский). Полн. собр. соч. в 12 т. СПб. : Изд. тов-ва М.О. Вольф, 1897. Т. 1. 364 с.
7. Соколова В.Ф. Мельников П.И. (Андрей Печерский). Очерк жизни и творчества. Горький: Волго-Вят. книж. изд-во, 1981. 192 с.
8. 1 000 лет русского предпринимательства. Из истории купеческих родов / сост., вступ. ст., примеч. О. Платонова. М. : Современник, 1995. 479 с.
9. Измайлов А. Бытописатель «взыскующих града» (К 25-летию смерти Мельникова-Печерского) // Нива. Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения. 1908. № 11. С. 453–482.
10. Купеческий бытовой портрет. Первая отчетная выставка историко-бытового отдела Русского музея по работе над экспозицией «Труд и капитал накануне революции». Л., 1925. 48 с.
11. П.И. Мельников (Андрей Печерский). Собрание сочинений в 8 т. М. : Правда, 1976. Т. 1.
12. П.И. Мельников (Андрей Печерский). В лесах : в 2 кн. М. : Худ. лит., 1977. 556 с.
13. Соколова В.Ф. Народознание и русская литература XIX в. 2-е изд., испр. М. : Кн. дом «Либроком», 2009. 336 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 7 сентября 2020 г.

The Evolution of the Image of Russian Merchants and Domestic Entrepreneurship in the Writings of Pavel Melnikov (Andrey Pechersky)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 463, 98–103.

DOI: 10.17223/15617793/463/12

Vladimir P. Boiko, Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vpbojko@yandex.ru

Keywords: history of Russia; merchants; entrepreneurship; Old Believers; Pavel Melnikov-Pechersky.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-49-700003.

The article analyzes the oeuvre of the great Russian writer Pavel Melnikov (Andrei Pechersky) as a source of the history of the Russian economic and social thought of the 19th century and the writer's attitude to the development of the merchant class in the country. An attempt was made to elicit the reasons for Melnikov-Pechersky's negative attitude to the new phenomena in the country's social and economic life. The author infers that Melnikov-Pechersky's writings show an increasing interest in the entrepreneurship of merchants, who primarily sought wealth for themselves and were not eager to establish themselves as leaders as it happened throughout the Western world. Such conclusions are confirmed by the content of Melnikov-Pechersky's short stories, human-interest stories and novels. The writings were not only the epic of the Russian history of the 19th century, but also a shrewd economic research, which revealed the ways the big capital was formed in Povolzhye, analyzed the business situation in the market of Nizhny Novgorod, characterized the relationship between owners and workers, merchants and their representatives. Melnikov-Pechersky's texts described every aspect of the Povolzhye merchants' living, including lifestyle and temper, dwelling and industrial buildings, clothes and food, traditions and customs, dancing, games and folk medicine. Special attention is paid to the treasures of folklore in the works of the writer: songs, fairy tales, legends, proverbs, sayings, and the reflection of bylina verses and lamentations. Thus, Melnikov-Pechersky's works, especially his novels *In the Forests* and *On the Hills*, were the spectacular examples of intercommunion between historical studies and the belles-letters that can be used extensively when writing about the different social strata of Povolzhye, primarily about local merchants. The article concludes that the writer was originally sympathetic to the emergence of first entrepreneurs from the grassroots, primarily from the peasant community. The simplicity and the lack of education allowed prospective merchants to preserve the features of the national character, to have traditional androcratic families with long-standing traditions and values, to remain committed to the old faith. From such families, there grew a great number of Russian merchant clans that mostly produced fabric made from linen and further of cotton first in their izbas, then in craftshops, and later in factories where several hundreds or even thousands of people worked. Melnikov-Pechersky depicts Russian entrepreneurship and commerce in the post-reform time as a process that had development prospects and could give positive results for the whole country. In Melnikov-Pechersky's writings, the Russian Raskol is the carrier of the new, essentially bourgeois, relations and has certain achievements in the economic life and in the spiritual and social movement.

REFERENCES

1. Sekirinskiy, S.S. (2002) Ot knigi pro del'tsa do "knigi pro boytsa [From a book about a businessman to a book about a fighter]. *Otechestvennaya istoriya*. 1. pp. 191–195.
2. Nechkina, N.V. (1982) *Funktsiya khudozhestvennogo obraza v istoricheskom protsesse* [The function of the artistic image in the historical process]. Moscow: Nauka.
3. Levandovskaya, A.A. & Levandovskiy, A.A. (2002) "Temnoe tsarstvo": kupets-predprinimatel' i ego literaturnye obrazy ["Dark Kingdom": a merchant-entrepreneur and his literary images]. *Otechestvennaya istoriya*. 1. pp. 146–157.
4. Boyko, V.P. (2017) Russian merchants in plays by A. N. Ostrovsky and in the articles of his critics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 48. pp. 6–13. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/48/2
5. Berlin, P. (1913) Burzhuaziya v russkoy khudozhestvennoy literature [The bourgeoisie in Russian fiction]. *Novaya zhizn'*. 1. pp. 170–196.
6. Mel'nikov, P.I. (Andrey Pecherskiy). (1897) *Poln. sobr. soch. v 12 t.* [Complete works in 12 volumes]. Vol. 1. St. Petersburg: Izd. tov-va M.O. Vol'f.
7. Sokolova, V.F. (1981) *Mel'nikov P.I. (Andrey Pecherskiy). Ocherk zhizni i tvorchestva* [Melnikov P.I. (Andrey Pechersky). Essay on life and work]. Gorky: Volgo-Vyat. knizh. izd-vo.
8. Platonov, O. (1995) *1 000 let russkogo predprinimatel'stva. Iz istorii kupecheskikh rodov* [1,000 years of Russian entrepreneurship. From the history of merchant families]. Moscow: Sovremennik.
9. Izmaylov, A. (1908) *Bytopisatel' "vzyskuyushchikh grada"* (K 25-letiyu smerti Mel'nikova-Pecherskogo) [To the 25th anniversary of the death of Melnikov-Pechersky]. *Niva. Ezheмесячные литературные и популярно-научные приложения*. 11. pp. 453–482.
10. Section of History and Everyday Life in the Russian Museum. (1925) *Kupecheskiy bytovoy portret. Pervaya otchetnaya vystavka istoriko-bytovogo otdela Russkogo muzeya po rabote nad ekspozitsiyey "Trud i kapital nakanune revolyutsii"* [Merchant household portrait. The first reporting exhibition of the Section of History and Everyday Life in the Russian Museum on the work on the exposition "Labor and Capital on the Eve of the Revolution"]. Leningrad: Gos. tip. im. Ivana Fedorova.
11. Mel'nikov, P.I. (Andrey Pecherskiy). (1976) *Sobranie sochineniy v 8 t.* [Collected works in 8 volumes]. Vol. 1. Moscow: Pravda.
12. Mel'nikov, P.I. (Andrey Pecherskiy). (1977) *V lesakh: v 2 kn.* [In the Forests: in 2 books]. Moscow: Khud. lit.
13. Sokolova, V.F. (2009) *Narodoznanie i russkaya literatura XIX v.* [National Studies and Russian Literature of the 19th Century]. 2nd ed. Moscow: Kn. dom "Librokom".

Received: 07 September 2020

Д.Е. Буянов

ДУХОВНЫЕ ХРИСТИАНЕ В Г. БЛАГОВЕЩЕНСКЕ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Анализируются деятельность духовных христиан молокан и духоборов, проживавших в г. Благовещенске Амурской области в конце XIX – начале XX в., а также основные аспекты их взаимодействия. Акцентируется внимание на хозяйственной деятельности, рассказывается об общественно-политической деятельности молокан, неучастия в ней духоборов и об экономическом влиянии молокан на город. Рассматриваются основные проблемы взаимодействия духовных христиан молокан и духоборов между собой.

Ключевые слова: молокане; духоборы; религия; Благовещенск; Амурская область.

На тему переселения и проживания духовных христиан написано несколько научных работ, тем не менее, данный аспект остается малоизученным. Можно выделить диссертацию М.Б. Сердюк «Религиозная жизнь Дальнего Востока (1858–1917 гг.)» [1] как одну из основополагающих работ, где была описана проблематика подобного рода. Вместе тем аспект взаимодействия духовных христиан молокан и духоборов рассматривается не в полном объеме.

Духовные христиане переселились в Амурскую область в 1859 г. по поручению генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского [2. С. 18]. На протяжении всей первой половины XIX в. происходил процесс переселения духоборов и молокан как часть административного давления и других мер, принимаемых в отношении иноверцев для недопущения распространения их учения на ближайшие православные населенные пункты и как одна из мер наказания, применяемая в отношении лиц, отпавших от православия. Поскольку духоборчество в рассматриваемый период времени являлось относительно новой религией (зародилось в первой половине XVIII в.), у государства было недостаточно опыта в борьбе с этой, по мнению властей, вредной сектой. И хотя духоборчество, в отличие от скопчества, не принадлежало в рассматриваемый период времени к числу особо вредных сект, меры, применяемые в отношении духоборцев, были довольно жесткие: им запрещали поддерживать контакты с представителями других религий, ограничивали их в местах проживания, не давали свободно исповедовать свою веру. Отсюда, переселение духоборов в Сибирь и на Дальний Восток России – это лишь вынужденные меры борьбы с иноверием и стремление к поддержанию порядка, проводимое репрессивными методами.

Схожее отношение было к молоканству. Появление духовных христиан молокан и духоборов в Сибири и на Дальнем Востоке – это, с одной стороны, вынужденная мера государства по заселению земель и избавлению от их влияния православного населения, с другой – стремление самих религиозных переселенцев к обретению религиозной свободы и большего уровня влияния. Если на Кавказе (например, на Молочных водах) молокане постоянно терпели неудобства или притеснения, а духоборческие общины находились под неусыпным надзором государства, то на востоке страны у властей не было ни возможностей, ни ресурсов для контроля сектантов.

Вследствие этого переселение духоборов и молокан носило столь массовый характер, что в 1914 г. на территории Амурской области проживало 13 095 молокан и 2 037 духоборов (согласно данным отчета военного губернатора) [3]. Конечно, такое большое количество иноверцев наложило отпечаток на характер их взаимодействия.

С одной стороны, духоборы и молокане тяготели к друг другу на религиозной почве. С другой – обнаруживали расхождения во взглядах и поэтому противопоставляли себя друг другу. С одной стороны, испытывали давление со стороны православной церкви. С другой – имели фундаментальные расхождения по вопросам веры. Обладая различными взглядами на происхождение капитала и характер работы, они редко сталкивались на экономической почве. Время от времени, они объединялись для религиозной конфронтации с православием и баптизмом, но все же не обнаруживали ярких признаков духовного единения.

Для духоборов основным источником дохода было сельское хозяйство и вылов рыбы, а селиться они предпочитали в небольших селах, на удалении от других населенных пунктов. Духоборы жили общинным трудом, не стремились к накоплению собственности, редко торговали с представителями других религиозных групп [4].

Молокане жили в городах и крупных деревнях, занимались торговлей, извозом, доставкой грузов, промышленным производством. Имели мукомольни, торговые дома, участвовали, в противовес духоборам, в политических и общественных делах. Признавали социальное неравенство, не стремились к общинному труду, помогали близким, поддерживали коллективное хозяйство, оказывали финансовую помощь собратям по вере, но не имели общего на всех капитала [5].

По мере роста численности молоканских общин вставал вопрос об их вероисповедании. Наблюдались отклонения от веры, отпад от религии, переход в православие и баптизм. В этой связи духовные лидеры молокан стремились зафиксировать его на бумаге, помимо этого они пытались установить строгие порядки в своих общинах. Если до начала XX в. молокане признавали браки лишь только между своими членами, то в новом веке стали активно включать в себя духоборов, при этом невеста, как правило, перенимала веру жениха, в результате чего наблюдались переходы из духоборчества в молоканство и наобо-

рот. Вследствие этого отношения между двумя общинами еще более укрепились.

Другим поводом для улучшения отношений стали религиозные дискуссии с представителями Русской православной церкви, проводимые ими для борьбы с иномыслием и развенчанием мифов о религии. Указывая на спорные моменты в трактовке Св. Писания, и православные, и молокане стремились доказать свою правоту, но к согласию по данным вопросам не приходили [6. С. 1–9]. Духоборы редко участвовали в этих беседах, однако и они имели свою особую точку зрения и отстаивали ее при разговоре с православными священнослужителями, которые стремились обратить их в православие.

Различия лежали в собраниях и молениях. Они казались чуждыми представителям этих религиозных групп, в результате чего возникали конфликты на религиозной почве. При этом стоит отметить, что они были крайне редки и большинство из них происходило на бытовой, а не религиозной почве и принадлежность к той или иной секте не была причиной для начала конфликта. Даже в тех случаях, когда в окно духоборческого молельного дома бросили камень (1902 г.) [7] или заперли двери духоборческого молельного дома снаружи (1903 г.) [8], речь идет о проступках, совершенных из хулиганских, но никак не религиозных побуждений, тем более, что вина молокан здесь никак не установлена и не доказана.

Молокане внесли огромный вклад в развитие архитектурного облика города. Ими был построен молельный дом (располагается по ул. Горького, 97) [9. С. 39], а также мельницы (ул. Ленина 18, Горького 15, Амурская 17) [9. С. 42, 43], торговые дома (ул. Ленина 161) [9. С. 53], лабазы. Многие из архитектурных сооружений сохранились и по сей день в хорошем состоянии.

Возведение молельного дома стало возможным вследствие подписания Высочайшего указа об укреплении начал веротерпимости (1905 г.), а само строение сдано в 1908 г. [9. С. 39]. Вслед за этим последовало укрепление позиций духовных христиан молокан и увеличение числа верующих, что подтверждается статистическими данными, приводимыми в отчетах военного генерал-губернатора.

Духоборы имели свой молельный дом, располагавшийся на Иркутской улице, между Кузнечной и Статичной улицами, однако он не сохранился [9. С. 40]. Возведение простого деревянного дома духоборов в сравнении с каменным молокан может быть объяснено дороговизной возведения каменных построек и тем, что у малочисленной общины духоборов просто не было на это средств. Молокане как более многочисленная группа могли себе это позволить.

Значимым было участие молокан в политической жизни города. В разные годы представители разных молоканских фамилий занимали те или иные выборные должности в Благовещенской городской думе. Это Косицыны, Ефимовы, Кувшиновы, Исаевы и др. Всего в состав Благовещенской городской думы созыва 1894–1898 гг. входило 16 молокан (из 34 человек) [10. С. 365]. В 1898 г. в новый созыв было избрано семь молокан [11. С. 48–49], а в созыве 1902 г. их было 17 человек (из 55 гласных) [12]. Пользуясь большинством в Благовещен-

ской городской думе, молоканская община решила те или иные вопросы финансового характера, в том числе связанные с выплатами, использованием земельными участками и решением досудебных споров. Помимо этого, молокане принимали активное участие в общественных слушаниях, занимались благотворительностью, проводили выставки сельскохозяйственной продукции. Духоборы участия в политической и общественной жизни, как правило, не принимали.

Среди молокан было немало промышленников, торговцев и купцов. Можно выделить такие предприятия, как торговый дом «Г.П. Косицын с С-ми» (пароходство, транспортные услуги, поставки продовольствия в город, заводы: известковый, веревочно-прядельный, матрасный, сундучный, торговля), «В.А. Алексеев с С-ми» (пароходство, мукомольное производство, строительство, сельское хозяйство), «Товарищество Братьев Буяновых» (мукомольное дело, пароходство, торговля), «Товарищество Братьев Н. и М. Саяпиных» (мукомольное дело, пароходство, транспортные услуги), «Товарищество Восток и Меркурий» (пароходство), «Акционерное общество Сормово» (пароходство), «Товарищество Благовещенского пароходства» (пароходство), торговый дом «Ф. Кувшинов с С-ми» (мукомольное дело, пароходство, торговля), «Товарищество Племянники Братьев Буяновых и К°» (пароходство), «Товарищества Е.З. Платонов и С-я» (торговля). Значимыми судовладельцами, обеспечившими торговые перевозки, были С.М. Буянов, С.П. Попов, М.И. Хворов, И.П. Ефимов, С.А. Косицын, Ф.Т. Коротяев, Д.М. Кузнецов. Помимо этого, представители молоканских семей входили в правление Благовещенского городского общественного банка. В 1901 г. в правлении насчитывалось семь молокан, не считая директора банка В.П. Ефимова, который также принадлежал к молоканской семье [5. С. 130, 137, 138, 170].

Обладая значительными капиталами, молокане контролировали торговую жизнь в городе. Фактически они были монополистами на транспортном рынке, контролировали доставку грузов по рекам Зея и Амур, владели значительной частью мельниц и элеваторов. Это порождало конфликты как в молоканской общине, так и между общинами молокан и православных. Духовных христиан упрекали в жажде наживы и стремлении получить капитал любой ценой. Передел различных сфер рынка привел к тому, что среди молокан стали возникать противоречия. Это также накладывало отпечаток на развитие отношений в молоканской среде. Тем не менее серьезных конфликтов в среде зафиксировано не было.

Подводя итоги, стоит отметить, что молокане играли видную роль в политической, экономической и религиозной жизни г. Благовещенска Амурской области. Влияние духоборов здесь было незначительным, так как их основная часть располагалась в сельской местности. Взаимодействие духоборов и молокан было интенсивным, но малонаправленным и выражалось в консолидированном противостоянии проповедям и религиозным диспутам православных священников. В меньшей степени духоборы и молокане были объединены при противостоянии другим религиозным группам, а также в вопросах ведения экономической деятельности. Главным аспектом взаимодействия были смешанные браки между представителями двух общин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сердюк М.Б. Религиозная жизнь Дальнего Востока (1858 – 1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1998. 22 с.
2. Абеленцев В.Н. Хроника освоения и заселения Приамурья 9по документам Госархива Читинской области) // Амурский краевед : материалы науч.-практ. конф. (январь 2005 г.). Благовещенск, 2005. Вып. 22. С. 4–22.
3. Приложение к всеподданнейшему отчету военного губернатора Амурской области за 1912–1913 гг. Благовещенск : Тип. «Благовещенск» торгового дома И.Я. Чурин и К, 1915. 102 с.
4. Буянов Д.Е. Переселение духоборов в Амурскую область во второй половине XIX в. // Чтения памяти профессора Евгения Петровича Сычевского: сб. докл. Благовещенск, 2015. Вып. 15. С. 21–32
5. Буянов Е.В. Духовные христиане молокане в Амурской области во второй половине XIX – первой трети XX вв. Благовещенск : Амур. гос. ун-т, 2012. 396 с.
6. Отчет о деятельности Благовещенского православного братства Пресвятыя Богородицы за 1898 год (Тринадцатый год его существования) // Благовещенские епархиальные ведомости. 1900. № 1. С. 1–11.
7. Амурская газета. 1903. 5 янв.
8. Амурская газета. 1903. 29 окт.
9. Холкина Т.А., Чаюн Л.А. Архитектурное наследие Благовещенска / Серия «Благовещенск. Из века в век». Благовещенск : ОАО «Амурская ярмарка», 2006. 112 с.
10. Камчатские епархиальные ведомости. 1898. № 20. С. 365.
11. Памятная книжка Амурской области на 1901 год. 170 с.
12. Государственный архив Амурской области. Ф. 30-и. Оп. 1. Д. 12. Л. 1, 1 об.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 февраля 2020 г.

Spiritual Christians in Blagoveshchensk, Amur Oblast, in the Late 19th – Early 20th Centuries

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 463, 104–106.

DOI: 10.17223/15617793/463/13

Dmitry E. Buyanov, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: dmit2b@gmail.com

Keywords: Molokans; Dukhobors; religion; Blagoveshchensk; Amur Oblast.

The resettlement of Spiritual Christians in Amur Oblast was conditioned under the influence of many different factors. On the one hand, the authorities strove to limit the influence of sectarians on the minds of the people of Russian Orthodox Church; on the other hand, religious refugees sought higher religious freedoms. The resettlement started in 1859, with the order of N.N. Muraviev-Amurskiy, the governor-general of East Siberia. Following the order, a significant group of Molokans and Dukhobors moved to Amur Oblast. Most of them lived in the administrative center. In 1914, 13,095 Molokans and 2,037 Dukhobors lived in Amur Oblast. This left a mark on the socioeconomic and political development of Amur Oblast and on relations between Dukhobors and Molokans. The two groups interacted on religious grounds: they practiced mixed marriages and together opposed the sermons of the missionaries of the Russian Orthodox Church. They had different views on the matters of faith, and this separated them. Since they lived in different territories, they extremely rarely competed with each other. There was no economic competition between them as they divided the sectors of the market. There were conflicts on religious grounds between Molokans and Dukhobors, but they were rare. Most of the conflicts were domestic in nature. Molokans influenced the development of the architectural look of the city. Dukhobors could not do this because of their small number in Blagoveshchensk. Dukhobors had a simple wooden prayer house, which was not preserved. Molokans had a stone prayer house, which has been preserved to this day. Molokans built mills, grain elevators and other buildings, including trading ones. They participated in political life, had representatives in the Blagoveshchensk City Duma of all convocations. Merchants, industrialists, entrepreneurs were among them. Possessing significant capital, Molokans controlled commercial life in the city, had a political and socioeconomic influence on the processes taking place in Blagoveshchensk. Many of the questions discussed in the Blagoveshchensk City Duma were decided in their favor. Summing up, it is worth noting that Dukhobors and Molokans interacted with each other on the basis of mixed marriages. Molokans led an active life in the city, Dukhobors preferred to settle in the countryside; therefore, their influence was insignificant. Molokans and Dukhobors opposed the sermons of Orthodox priests. Differences in the economic and household spheres deprived them of competition, as a result of which the groups were neither separated from nor strongly united with each other. The difference in religious views only strengthened this situation.

REFERENCES

1. Serdyuk, M.B. (1998) *Religioznaya zhizn' Dal'nego Vostoka (1858 – 1917 gg.)* [Religious life of the Far East (1858–1917)]. Abstract of History Cand. Diss. Vladivostok.
2. Abelentsev, V.N. (2005) [Chronicle of the development and settlement of the Amur region according to the documents of the State Archive of Chita Oblast]. *Amurskiy kraeved* [Amur ethnographer]. Conference Proceedings. Vol. 22. Blagoveshchensk. pp. 4–22.
3. Anon. (1915) *Prilozhenie k vsepoddanneyshemu otchetu voennogo gubernatora Amurskoy oblasti za 1912–1913 gg.* [Appendix to the report of the military governor of Amur Oblast for 1912–1913]. Blagoveshchensk: Tip. “Blagoveshchensk” torgovogo doma I.Ya. Churin i K.
4. Buyanov, D.E. (2015) *Pereselenie dukhoborov v Amurskuyu oblast' vo vtoroy polovine XIX v.* [Resettlement of the Dukhobors to Amur Oblast in the second half of the 19th century]. In: *Chteniya pamyati professora Evgeniya Petrovicha Sychevskogo* [Readings in memory of Professor Evgeny Petrovich Sychevsky]. Vol. 15. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University. pp. 21–32
5. Buyanov, E.V. (2012) *Dukhovnye khristiane molokane v Amurskoy oblasti vo vtoroy polovine XIX – pervoy trety XX vv.* [Spiritual Christians Molokans in Amur Oblast in the second half of the 19th – first third of the 20th centuries]. Blagoveshchensk: Amur State University.
6. *Blagoveshchenskie eparkhial'nye vedomosti.* (1900) *Otchet o deyatelnosti Blagoveshchenskogo pravoslavnogo bratstva Presvyatyya Bogoroditsy za 1898 god (Trinadtsaty god ego sushchestvovaniya)* [Report on the activities of the Blagoveshchensk Orthodox Brotherhood of the Most Holy Theotokos for 1898 (Thirteenth year of its existence)]. 1. pp. 1–11.
7. *Amurskaya gazeta.* (1903) 5 January.
8. *Amurskaya gazeta.* (1903) 29 Oct.
9. Holkina, T.A. & Chayun, L.A. (2006) *Arkhitekturnoe nasledie Blagoveshchenska* [Architectural heritage of Blagoveshchensk]. Blagoveshchensk: ОАО “Амурская ярмарка”.
10. *Kamchatskie eparkhial'nye vedomosti.* (1898) 20. p. 365.
11. Amur Regional Statistics Committee. (1901) *Pamyatnaya knizhka Amurskoy oblasti na 1901 god* [Memorial book of Amur Oblast for 1901]. Blagoveshchensk: Tip. “Amur. gaz.” A.V.Kirkhnera.
12. State Archive of Amur Oblast. Fund 30-i. List 1. File 12. Page 1, 1 rev.

Received: 20 February 2020

Г.Ю. Колева, Ж.М. Колев

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТСКОГО ГАЗОВОГО ЭКСПОРТА В ЕВРОПУ (1944–1967 гг.)

На основании анализа вводимых в научный оборот рассекреченных документов СЭВ, Госплана СССР рассмотрено становление советского газового экспорта в Европу. Дана датировка явления, раскрыта его обусловленность. Начало поставок газа из СССР произошло под влиянием остроты проблемы с топливно-энергетическими ресурсами в странах Восточной Европы, нехватки угля, недостаточности его ресурсов в СССР, а также под давлением настойчивых обращений о поставках газа руководства стран – членов СЭВ. С начала 1960-х гг. Советский союз взял курс на ускорение темпов добычи газа, строительства газопроводных систем, расширение советского газового экспорта.

Ключевые слова: углеводороды; газ; экспорт; газопроводы магистральные; СЭВ; Советский Союз; Госплан СССР.

Мир XX–XXI вв. выдающийся специалист в области энергетики Д. Ергин назвал «углеводородным обществом», «новой цивилизацией», тем самым подчеркнув господство углеводородов в экономике, политике, обыденной жизни человека. Первым углеводородным ресурсом, введенным в систему индустрии в конце XVIII в., стал уголь. Нефть начала наступление с середины XIX в. Она породила керосин, бензин, мазут, смазочные масла, «свергла с престола “его Величество уголь”, создала “новый рынок”, привела к рождению геополитики» [1. С. 21]. Во второй половине XX в. в мировой экономике стало возрастать значение нового источника энергии – природного газа.

России, как и СССР, в становлении и развитии «углеводородного общества» принадлежит самое значимое место [2. С. 90]. В настоящее время наша страна – устойчивый мировой лидер в сфере нефтегазодобычи. По итогам 2019 г. Россия занимает второе место как по добыче нефти (после Саудовской Аравии), так и по добыче газа (после США). Россия – ведущий в мире экспортер энергоресурсов, которые представляют основную группу товаров в современной мировой торговле. Базовым энергоресурсом выступает нефть. Природный газ в структуре потребления энергии в мире имеет удельный вес в 21% [3. С. 208]. Его доля продолжает расти. Лидерами по добыче газа являются США и Россия [4]. Третье место занимает Иран. Доля США в мировой газодобыче составляет 21%, России – 16% [5], на эти две страны приходится почти 40% мировой добычи газа. В последние десятилетия в мире увеличивается производство сланцевого газа, сжиженного природного газа (СПГ) [6. С. 16, 24, 48] и возобновляемых источников энергии [6. С. 16, 24].

По данным Мирового энергетического агентства, природный газ занимает первую позицию по росту объемов потребления (прежде всего за счет стран Азии). Природоохранная политика ряда развитых стран, ориентированная на снижение загрязняющих выбросов, учитывает высокую экологичность газа. Газ по сравнению с углем при горении производит на 40% меньше двуоксида углерода (CO₂), тонкодисперсных частиц (PM 2.5), диоксида серы (SO₂), оксидов азота (NO_x). Кроме того, газ используется в качестве вспомогательного или запасного источника энергии в энергосетях, работающих от солнечных панелей, ветрогенераторов, которые подают ток со значительны-

ми перебоями. Газ – один из ключевых видов сырья в нефтехимической промышленности. В 2019 г. его использование в нефтехимии приблизилось к 30%.

Рост объемов добычи газа, производства сланцевого газа и СПГ, как и повышение их потребления, обострили международную конкуренцию на мировом газовом рынке среди производителей и поставщиков. Наиболее острая борьба развернулась за европейский газовый рынок, так как Европа в силу климатических условий нуждается в газе как в бытовом топливе, а европейский потребитель обладает возможностями оплачивать растущие цены на газ. Россия, будучи ведущим экспортером газа в Европу, с долей более чем 35% [7], в условиях обострения борьбы за рынки его сбыта, оказался в центре противостояния. Во втором десятилетии XXI в. Евросоюз (ЕС) стал проводить политику «на снижение зависимости» от российского газа, что продиктовано, на наш взгляд, растущей заинтересованностью США в расширении своего газового экспорта. Многие процессы в современной Европе можно рассматривать сквозь призму «газовой войны», связанной с вытеснением с территории Европы или, иными словами, с газового рынка Европы главного поставщика природного газа – России. Пройти в этой войне России нельзя. Нефть и газ формируют важные статьи доходов российского бюджета: в 2018 г. доля энергоресурсов в экспорте составляла 63,7%. Первое место по обеспечиваемым доходам занимала сырая нефть, второе – нефтепродукты, третье – газ [8].

Таким образом, ситуация на мировой арене актуализирует поиск ответа на вопросы: когда, в каких условиях, под влиянием каких обстоятельств – Россия (или СССР) начала экспорт газа, какие условия определили выход на европейский газовый рынок?

Историография рассматриваемой проблема сложна в силу ограниченности информации, противоречивости мнений исследователей. Вопросы датировки рождения газовой отрасли России (СССР) отличаются разнообразием подходов [9. С. 10–11]. Так, А.А. Матвейчук, Ю.В. Евдошенко соотнесли возникновение газовой отрасли с получением и потреблением искусственного газа (из древесины – 1811 г.) [10]. Большинство исследователей связывают становление газовой отрасли с 1944–1946 гг. [11. С. 94]. В предисловии к «Российской газовой энциклопедии» утвержда-

ется, что «историю отечественной газовой промышленности принято вести с 1946 г.» [12. С. 3]. В этом же издании на стр. 71–76 выделено «зарождение промышленности искусственных горючих газов в России» (1835 г.) [12. С. 71], и «начало крупномасштабной газовой индустрии в бывшем СССР» в 1942–1946 гг., когда были открыты газовые месторождения близ Саратова, началось строительство газопроводов, в том числе магистрального газопровода Саратов–Москва [12. С. 76]. На 1940-х гг., как времени самых явных изменений в развитии газовой сферы СССР, акцентировали внимание авторы книги «Газ страны Советов» [13. С. 17]. В «Истории газовой отрасли России» (книга вторая), в главе «Становление отечественной газовой отрасли» [14. С. 3–40], детально рассмотрено открытие Елшанского газового месторождения, строительство от него первых газопроводов, тем самым, дан ответ на вопрос, обозначенный в названии главы. К этой же позиции близок подход авторов книги «Государственная политика в нефтегазовой сфере в контексте российской модернизации» [15. С. 85–86].

Сложна дата определения рождения газового экспорта нашей страны. Есть утверждения, что начало «торговли “голубым топливом”... положила историческая сделка “газ–трубы”, заключенная в 1970 г. между СССР и ФРГ» [16. С. 74]. В ряде публикаций в качестве исходной даты начала советского газового экспорта называется период 1944–1946 гг. [14. С. 413–414; 17; 18. С. 159]. Наряду с простой датировкой явлений, при отсутствии согласованных подходов, важно понять обусловленность начала газового экспорта. В западных публикациях эта проблема имеет политизированную окраску. Европейские исследователи усматривают в развитии советского нефтегазового экспорта «важное оружие» в проекте интеграции областей Восточной Европы, контролируемых Советским Союзом, в единое «энергетическое пространство» посредством «единой мощной системы трубопроводов». Они связывают экспорт углеводородов с экспансией «советской политической влияния» [19. С. 143].

Все это разнообразие подходов и определило проблему поиска времени начала становления российского (советского) газового экспорта и его обусловленности. В работе использованы рассекреченные документы СЭВ и Госплана СССР. Среди впервые вводимых в оборот архивных документов особо выделяем документы Постоянной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству в области нефтяной и газовой промышленности, Постоянной комиссии по нефтяной и газовой промышленности СЭВ, а также документы отделов Госплана СССР по тяжелой промышленности, внешней торговле, Комиссии Президиума Совета министров СССР по внешнеэкономическим вопросам.

Для определения временных рамок исследования обратимся, прежде всего, к исходной дате начала советского экспорта газа. Авторы второго тома книги «История газовой отрасли России. 1946–1991 гг.» пишут: «Первой страной, куда попал советский газ, стала Польская народная республика. Подача газа в братскую страну началась осенью 1944 г. по газопро-

воду “Дроздовичи – Германовичи”» [14. С. 413]. Правда, Польской народной республики еще в тот период не существовало. Дроздовичи – село в Львовской области, Германовичи на 1944 г. – городок в Витебской области Белоруссии, а в составе Польши он находился с 1921 по 1939 г., принадлежал Дисненскому повету Виленского воеводства. И тогда не совсем понятно, почему, говоря о газопроводе с Украины в Польшу, авторы называют географические точки Западной Украины и Витебской области Белоруссии. Тем не менее далее читаем: «...советская сторона оказала Польше всестороннее техническое содействие в строительстве газопроводов и обеспечении техническим оборудованием, материалами и приборами» [14. С. 413]. Один из сайтов интернета, повествующий о развитии газовой промышленности Украины, дает информацию о том, что первые поставки газа в Европу из СССР были осуществлены с территории Украины именно в Польшу. Но называется период 1945–1946 гг. Указывается, что газопровод шел из местечка Дашава [17]. Газ в Дашаве был открыт в начале 1920-х гг., когда эта территория принадлежала Польше. В 1939 г. она вошла в состав СССР, в годы Великой Отечественной войны была оккупирована немцами. В 1920-е гг. здесь были построены газопроводы «Дашава – Стрый», «Дашава – Львов», «Дашава – Дрогобич». По данным интернет-ресурса, газопровод от Дашавы в годы войны строили немцы для подачи газа в Германию через Польшу. В 1944 г. газопровод дошел до Польши [17]. По данным этого же сайта, был построен газопровод и до Освенцима. Газопровод, по которому газ стал поступать в Польшу, соединил географические точки: Опара – Самбор – Перемышль – Сталева Воля. Пункт передачи газа располагался в селе Дроздовичи. Город Сталева Воля относится к Подкарпатскому воеводству Польши.

Таким образом, информация интернет-ресурса и книги «История газовой отрасли России» указывает на газопровод в Польшу, построенный то ли в 1944, то ли в 1945 гг., т.е. имеют расхождения как в датировке ввода, так и в географической протяженности газопровода. По данным научного издания, газопровод шел из Западной Украины в поселение, соотносящееся с Витебской областью Белоруссии, по данным интернет-источника – в Сталеву Волю Польши. Большая детализация событий повышает доверие к интернет-ресурсу. Р.О. Самсонов и К.И. Джафаров утверждают, что «в 1946 г. впервые был осуществлен экспорт советского газа» с месторождений Стрый в Западной Украине до Варшавы. Уточняют, что «до Второй мировой войны эта территория принадлежала Польше, и трубопровод был построен поляками» [18. С. 159]. Нельзя не обратить внимание на то, что Р.О. Самсонов и К.И. Джафаров считают, что в 1946 г. газ из СССР стал подаваться в Варшаву, что могло быть связано с дальнейшим развитием трубопроводной системы: расстояние от Сталевой Воли до Варшавы – 199 км. По трубопроводу передавалось 75 млн м³ газа в год. В эти же годы от месторождений Западной Украины строительство газопроводов расширялось: Главнефтегазстрой СССР осуществил строительство газопровода Дашава – Киев [14. С. 40]. В 1950 г. газопро-

вод через Брянск продлили до Москвы, вскоре «пристроили» ветку до Минска, затем от Вильно до Риги [14. С. 40].

Принимаем на вооружение точку зрения, что начало советского газового экспорта связано с 1944–1946 гг. и было направлено на территорию Польши. Далее появляется незаполненный информацией временной промежуток, доходящий до 1967–1968 гг. «В 1967 году после запуска экспортного трубопровода “Братство” советский газ начал поступать в Чехословакию. Спустя год, в 1968 г., советское объединение “Союзнефтеэкспорт” и компания Osterreichische Mineralolverwaltung OMV подписали договор на поставку природного газа из СССР в Австрию», – пишет газета «Коммерсант» [20]. В этом тексте возникло упоминание о газопроводе «Братство», который «был введен в строй, – по данным этого издания, – в 1967 г.». Однако в книге второй «Истории газовой отрасли России» утверждается, что газопровод «Братство» был проложен в 1963–1964 гг. [14. С. 416]. Авторы этой книги, связывая инициативу начала советского газового экспорта с министром Мингазпрома СССР А.А. Картуновым, пишут, что «в 1966 г. на одном из внутренних совещаний в Мингазпроме СССР А.К. Картунов поставил конкретные задачи по проработке вопроса выхода советского природного газа на европейский рынок... И в Советском союзе, и за рубежом к предложениям трансграничной прокачки газа сначала отнеслись с большим недоверием» [14. С. 413–414].

Налицо очевидная несогласованность последовательности событий: построен экспортный газопровод в 1963–1964 гг., А.К. Картунов инициирует постановку вопроса экспорта советского газа в 1966 г. То есть получается, что строили экспортный газопровод, не приняв решения об экспорте газа? Невозможно построить экспортный трубопровод, а затем инициировать экспорт. Невозможно еще и потому, что именно на Мингазпром СССР, который возглавлял А.К. Картунов с 1965 г., а до этого он же возглавлял Газпром СССР, было возложено все нефтегазовое строительство, в том числе и сооружение трубопроводов. Следует также подчеркнуть, что до сих пор всякая информация о газопроводе «Братство» единична и случайна. В статье об истории института «Гипроспецгаз» можно натолкнуться на информацию, что институт разрабатывал схему газопровода «Братство», который был построен из района Ужгорода до Братиславы в 1967 г., в эксплуатацию введен в 1968 г. [21]. Статья в «Википедии» «Газотранспортная система Украины» газопроводом «Братство» называет экспортный магистральный газопровод «Долина – Ужгород – Западная граница» [22]. Отметим, что Долина – город в Ивано-Франковской области, Ужгород – в Закарпатской области Украины.

Для определения верхней даты обозначенного исследования, учитываем даты **расширения** поставок газа в Европу (по газопроводу «Братство») – в 1967–1968 гг. В 1968 г. Советский Союз подписал газовое соглашение с ГДР, а в 1969 г. предложил ФРГ обменивать трубы и оборудование на поставки газа (делка «газ–трубы» заключена в 1970 г.) [20].

Таким образом, совокупность сведений из небольшого количества публикаций позволяет утверждать, что первый газопровод, который вывел газ с территории СССР в Европу, был газопровод с Украины от месторождений Дашава, Стрый. Газопровод подавал газ в Польшу. Это событие соотносится с 1944–1946 гг. С этого времени по конец 1960-х гг. произошло сооружение и начало эксплуатации газопровода «Братство».

Предпримем попытку найти ответ о газопроводном строительстве в материалах архивов, а также выяснить, под влиянием каких обстоятельств развивался советский газовый экспорт в 1940–1960-е гг. Нефтяной экспорт сложился еще в XIX в., успешно был продолжен в советский период, в 1956–1958 гг. переориентирован с преимущественного вывоза нефтепродуктов на вывоз сырой нефти. Экспорт газа начался в 1944–1946 гг., был связан с наличием на территории Западной Украины месторождений природного газа, строительства от них трубопроводов.

Фоном для складывания газового экспорта из СССР явилась послевоенная ситуация в Европе с остро обозначившейся нехваткой топлива, главное место в котором занимал уголь. В западной зоне Европы проблема с топливом получила решение в рамках реализации американского плана Маршалла через поставки нефти американскими компаниями с Ближнего Востока. В восточной зоне, в которой распространялось экономическое и политическое влияние СССР, проблема с топливом оставалась длительное время очень сложной. Документы Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) – организации экономического сотрудничества стран, вставших на путь строительства социализма, отразили, как в 1950-х гг. проблема нехватки топлива ставилась на разного уровня совещаниях, заседаниях, рабочих группах Совета [23. Д. 20. Л. 14].

В ходе обсуждений отмечался общий дефицит угля, ограниченность его ресурсов, необходимость переоборудования шахт [24. Д. 334. Т. 2. С. 71]. VI сессия СЭВ 7–11 декабря 1955 г. рассматривала проблему дефицита каменного угля и необходимость увеличения добычи. Попытки поставить перед ГДР (первое место по добыче угля) и Чехословакией (третье место по добыче) вопрос об увеличении поставок угля странам СЭВ, натолкнулись на отказ. ГДР заявила о «запланированном сооружении трех электростанций» и внутренней потребности в угле. Чехословакия сослалась на то, что «она будет проводить проверку своих возможностей» [23. Д. 20. Л. 14]. Проблема осталась нерешенной. Вновь к ней вернулись на сессии СЭВ 18–25 мая 1956 г. Обсуждение отразило значительные противоречия по этому вопросу в рядах стран – членов СЭВ [23. Д. 23. Л. 18]. Нельзя не отметить, что особая сложность ситуации определялась разраставшимся в это время венгерским кризисом.

Согласно материалам совещания, центральной проблемой было увеличение добычи угля в странах – членах СЭВ. Планировалась реконструкция шахт в Польше, Румынии, Чехословакии, закладка новых шахт в Албании, Болгарии, Венгрии, ГДР, Польше, Румынии, Чехословакии. До выполнения этих наме-

рений обеспечение поставок угля предложено было осуществлять из Польши, которая занимала второе место по его добыче [23. Д. 23. Л. 121]. Польша выступила с заявлением, «что должна прибегнуть к уменьшению экспорта угля», указав, что «не может гарантировать увеличение добычи». В процессе обсуждения Польша выразила согласие на увеличение добычи, но при условии «долевого участия стран СЭВ, заинтересованных в поставках угля, в финансировании развития ее угольной промышленности», определив сумму в 1 млрд инвалютных рублей.

Участие каждой страны в финансировании должно было определяться долей экспорта угля. Поступление средств Польша связала с текущим годом [23. Д. 23. Л. 20–21]. Данный подход к решению угольной проблемы вызвал неприятие, а последовавшее обсуждение обозначило существенные противоречия между участниками совещания. Болгария однозначно выступила против такого подхода. Венгрия предложила взнос по долевого участию осуществлять поставками оборудования и «других товаров». ГДР заявила об отсутствии средств для долевого участия и выразила готовность поставлять Польше «необходимое оборудование и другие товары». Вопрос о долевого участии стран СЭВ в развитии угольной промышленности Польши было решено рассмотреть на отдельном заседании [23. Д. 26. С. 21]. Вскоре Польша заявила, что она «не согласна на поставки угля» [23. Д. 26. С. 22]. Фактически топливная проблема ставила под сомнение возможность сотрудничества в социалистическом блоке.

Наряду с угольной, все острее в 1950-е гг. членами СЭВ ставилась проблема нехватки нефтепродуктов [23. Д. 27. Л. 24]. На совещании Председателей Госпланов стран СЭВ 25–27 сентября 1957 г. в Праге обсуждалось состояние топливно-энергетической базы. Это заседание состоялось после сессии СЭВ в Варшаве 6 сентября 1957 г., где было признано необходимым на 10–15 лет скоординировать народнохозяйственные планы «в ряде отраслей». В первую очередь это касалось группы отраслей ТЭБ: электроэнергетики, угольной, нефтяной, газовой, атомной [23. Д. 20. Л. 27]. Во второй половине 1957 г. совещания, встречи следовали регулярно (24 октября, 1–2 ноября, 13 ноября, 15 ноября, 29 ноября 1957 г. и т.д.), проводились в Москве. Все это, несомненно, отражало сложность решаемых вопросов, каких – в повестках строго засекреченных тогда документов, как и после их открытия, понять практически невозможно [23. Д. 27. Л. 84, 87, 90, 96, 97].

На заседании 29 ноября 1957 г. обсуждался вопрос «Предложения секретариата Совета о порядке согласования планов развития ТЭБ стран – участниц СЭВ» [23. Д. 27. Л. 101]. По итогам работы появился документ «Согласованные взаимные товарные поставки между странами – участницами СЭВ на 1957–1960 гг.». В нем намечено планирование поставок нефти со значительной долей импорта из Австрии [23. Д. 23. Л. 153]. И тут же дана информация о том, что были достигнуты договоренности о поставке природного газа из СССР в Польшу в объеме 189 млн м³ в 1957 г., с увеличением к 1960 г. – до 293 млн м³ [23.

Д. 23. Л. 156]. То есть та Польша, которая проявляла неготовность пойти на уступки странам по вопросу поставок угля, получила обещание от СССР по увеличению поставок газа.

В документах СЭВ по топливно-энергетической проблеме, из заседания в заседание, повторяются постановка Польшей вопроса «о транспорте» и инициирование 15 ноября 1957 г. «созыва группы по транспорту» [23. Д. 27. Л. 77, 87, 102]. О каком транспорте идет речь – в документах нет никаких оговорок. Однако было очевидно, что проблема «транспорта» прямо вытекала из вопроса о топливно-энергетической базе стран – участниц СЭВ. Исходя из последующих решений СЭВ можно сделать вывод, что она состояла в развитии трубопроводного транспорта для поставок нефти и газа из СССР в страны СЭВ (для Польши – прежде всего это транспорт природного газа) [23. Д. 27. Л. 102, 104].

Мы полагаем, что Польша была заинтересована в увеличении поставок газа и активно ставила вопрос о развитии системы трубопроводного транспорта. Первоначально СССР, не имевший на тот момент ресурсов для экспорта природного газа, попытался переориентировать Польшу на природный газ из Румынии. В тот период на Румынию из 6,0 млрд м³ природного газа, добываемого странами – членами СЭВ, приходилось 4,8 млрд м³. Добычу газа вели Венгрия, Польша, Румыния, Чехословакия. На совещании 18–25 мая 1956 г., при обсуждении ситуации по угольной промышленности Польши, было «рекомендовано рассмотреть вопрос о поставках природного газ из Румынии» [23. Д. 26. Л. 33]. Следует обратить внимание на полную фразу: «...с участием СССР Польше рекомендовалось рассмотреть вопрос о поставках природного газа из Румынии». Из этой фразы следуют, на наш взгляд, три важных вывода:

- Польша очень активно проявляла интерес к поставкам природного газа;
- члены СЭВ имели между собой сложности во взаимоотношениях, не шли на прямые двусторонние контакты и заключение договоренностей;
- Советский Союз, несмотря на активную позицию Польши по этой проблеме, не стремился брать на себя обязательства по поставкам природного газа, ресурсная база которого в середине 1950-х гг. была чрезвычайно скудна.

Интерес Польши к природному газу (точнее, к наращиванию объемов его экспорта) было решено удовлетворить за счет поставок с территории Румынии и небольших объемов газа из СССР. Однако уже в 1957 г. СССР проявил готовность увеличить поставки газа в Польшу. Это свидетельствует о том, что вопрос с Румынией не был решен или же был решен несколько иначе.

С конца 1950-х гг. СССР начал активно развивать газовую сферу. В книге «История газовой отрасли России. 1946–1991 гг.» подчеркивается, что «во второй половине 1950-х гг. резко усиливается внимание руководства страны к проблемам газовой промышленности» [14. С. 130]. В 1958 г. впервые геологоразведочные работы на газ были выделены в самостоятельное направление, что вскоре и дало невероятный

прирост запасов природного газа, при том, что СССР не рассматривал газодобычу в предшествующий период как перспективное направление развития экономики. По нашему мнению, очень важную роль в возросшем внимании к проблемам газовой сферы играли внешнеполитические обстоятельства.

На начало 1960 г. во всех странах СЭВ, по результатам анализа, проведенного Госпланом СССР и отраженном в документе «Анализ состояния развития ряда отраслей (угольной, химической, нефтяной) в странах СЭВ», уголь, кроме Румынии, остался основным видом топливно-энергетических ресурсов. В Болгарии на его долю приходилось 76,1%, в Венгрии – 82,1%, ГДР – 99,4%, ПНР – 96%, ЧССР – 92,4% [24. Д. 334. Т. 2. Л. 71]. В «Справке о некоторых основных вопросах экономического развития ГДР» от 1963 г., подготовленной Госпланом СССР и направленной в Совет министров СССР, отмечалось, что ГДР получала уголь из СССР [24. Д. 377. Л. 6–7]. При этом из-за нехватки данного сырья в нашей стране отмечалось, что «поставки должны быть снижены», однако обращалось внимание на то, что в ГДР «темпы роста промышленного производства самые низкие в социалистическом лагере» [24. Д. 377. Л. 6–7]. В частности, приводилось сравнение с Польшей и ЧССР, где темпы роста промышленного производства составляли 10,8 и 10,6% соответственно, а в ГДР – 6,4%. Видимо, такая ситуация, являлась недопустимым фактором снижения поставок угольного топлива, и ставила проблему обеспечения экономики ГДР топливно-энергетическими ресурсами для дальнейшего повышения темпов экономического развития. Относительно Чехословакии также учитывались сложившиеся обстоятельства, связанные с тем, что в ЧССР стали сокращаться объемы торговли с капиталистическими странами. Глава ЧССР А. Новотный, в ходе визита в Чехословакию 20 ноября 1962 г. советской делегации во главе с С.М. Тихомировым «отмечал «трудности, возникшие у ЧССР», «напряженное положение Чехословакии с обеспечением сырьем» [24. Д. 377. Л. 46], «отсутствие валюты для закупки сырья в капиталистических странах» [24. Д. 377. Л. 5].

Таким образом, сырье выступало важнейшим элементом всех деловых встреч, переговоров советской стороны со странами социалистического блока. В справке «По вопросу обеспечения европейских стран народной демократии топливно-энергетическими ресурсами» указывалось, что «существует напряженность с удовлетворением потребностей в ТЭР Болгарии, Венгрии, Германии, Польше, Румынии, Чехословакии» [24. Д. 334. Т. 2. Л. 76]. В этих условиях все более возрастал интерес к природному газу. В документах Госплана СССР потребности в газе Польши на 1970 г. определялись в 1,7 млрд м³. В начале 1960-х гг. о намерении получать газ из СССР заявила Венгрия [24. Д. 384. Л. 20]. Она планировала «усиленное использование ресурсов природного газа», связывала его получение с «прокладкой магистральных газопроводов» [24. Д. 384. Л. 105]. Венгрия заявляла, «что внутренними ресурсами республики потребности в топливе и энергии могут покрываться только наполовину», и «при таких обстоятельствах покрытие дефицита явля-

ется одной из важнейших проблем перспективного плана развития народного хозяйства Венгрии» [24. Д. 384. Л. 109]. В 1963 г. чехословацкая сторона также обращалась в Госплан СССР с просьбой увеличения поставок угля, нефти, природного газа. На отрицательный ответ по этому вопросу заместителя председателя Госплана СССР Д. Новикова последовало письмо чехословацкой стороны в ЦК КПСС [24. Д. 378. Л. 191–192]. ЦК партии «предложил увеличить поставки». В ответе за подписью Н.С. Хрущева от 18 мая 1963 г., на имя главы Чехословакии А. Новотного, «гарантировались поставки нефти в 9 млн т», «природного газа с 1967 г.» (без указания объема) [24. Д. 378. Л. 199–200]. Из стран капиталистического блока уже в начале 1960-х гг. интерес к получению природного газа из СССР проявила Финляндия «в объеме 1 млрд куб. м» [24. Д. 334. Т. 2. Л. 77].

В 1955 г. добыча газа в СССР составляла 8,9 млрд м³. Не без влияния растущих «пожеланий» руководства ряда стран СЭВ по поставкам природного газа, СССР стал активно планировать увеличение доли природного газа в ТЭР: с 7,9 до 22,4% [25. Д. 150. Л. 20–21]. Рассматривались варианты регионов добычи, которые могут обеспечить объемы экспорта: например в Финляндию – с месторождений Северного Кавказа, Восточной Украины [24. Д. 334. Т. 2. Л. 77, 79, 80, 85] или «из Туркмении и Узбекистана». Все более предпочтение отдавалось месторождениям Средней Азии, но «с 1967 г.» [24. Д. 334. Т. 2. Л. 74]. А тем временем члены СЭВ упорно обращали внимание руководства СССР на то, что сырье в странах СЭВ является дефицитным, заявляя: «...мы будем вынуждены обеспечить его из не социалистических стран» [24. Д. 384. Л. 184].

Можно полагать, что в условиях нехватки угля, сложной позиции ГДР, Чехословакии, Польши по его поставкам, роста интереса все большего количества стран к экспорту газа из СССР, Советский Союз пошел на то, чтобы начать обсуждать вопрос об экспорте газа и развитии трубопроводной сети для его транспортировки. Решение это было трудным. Сопреждения заместителей представителей стран – членов СЭВ в 1957 г. отразили попытки Советского Союза найти иные решения проблемы, в частности, через развитие ресурсной базы стран СЭВ [23. Д. 27. Л. 93], оказание помощи в выявлении у них ресурсов нефти и газа, в изучении запасов, применении прогрессивных методов геологоразведочных работ, методов добычи [26. Д. 42. Л. 3]. СССР оказывал помощь странам – членам СЭВ и в форме консультирования учеными и специалистами институтов ВНИГНИ, ВНИИ геофизика, ВНИИБТ [26. Д. 28. Л. 9, 21, 77].

В составленном «Обзоре состояния газовой промышленности в странах – членах СЭВ» начала 1960-х гг. отмечалось, что «страны – члены СЭВ рассматривают газ как один из важнейших факторов улучшения благосостояния населения своих стран». Газ использовался на коммунально-бытовые нужды. Среди стран, в которых намечалось увеличение использования природного газа – Болгария, Венгрия, Польша, Чехословакия. У них имелись планы газификации жилого фонда [26. Д. 93. Л. 13]. С 1955 по 1961 г. добыча природного газа и производство искусственного газа в странах

СЭВ возросли в 5 раз (68, 5 млрд м³), в СССР – в 6 раз (с 8,9 до 59 млрд м³). Среди газодобывающих стран Восточной Европы, после СССР, на втором месте стояла Румыния (7,3 млрд м³), далее – ЧССР, ПНР, ВНР. К 1980 г. добычу газа в рамках СЭВ планировалось увеличить еще в 5,5 раза, довести до 124 млрд м³, в СССР – до 720 млрд м³ [26. Д. 93. Л. 11, 12]. Материалы Постоянной комиссии СЭВ по нефтяной и газовой промышленности с 1957 г. стали отражать открытия новых месторождений, приросты запасов [26. Д. 42. Л. 25–28, 53–55]. В достижении установленных плановых показателей была сделана ставка на развитие собственной базы газодобычи, прирост промышленных запасов газа, производство искусственного газа. Искусственный газ в объеме 1,2 млрд м³ производили в ГДР, ЧССР, ПНР, ВНР, при большей доле ЧССР, ГДР.

Производство велось мелкими газовыми заводами местного значения, но планировалось создание крупных, ликвидировав маломощные [26. Д. 93. Л. 11–15]. В качестве основного технологического процесса на новых газовых заводах определили процесс газификации углей под давлением. С ориентацией на эту технологию развернулось строительство заводов в ГДР (в Шварце-Пумпе), ЧССР (в Кадани, Вресове, Ужине). Наибольшее распространение получил генераторный газ. В небольших объемах велось производство сжиженного газа, на 1960 г. – 247, 5 тыс. т – без СССР, 1029,8 тыс. т – с СССР [26. Д. 93. Л. 17]. Источниками его производства являлись «нефтедобывающая и нефтеперерабатывающая промышленность», также «промышленность термической переработки твердого топлива». Намечалось увеличение производства сжиженного газа «для обеспечения бытовых нужд сельского населения и городов с малоэтажной застройкой», с доведением производства к 1980 г.: в ГДР – до 0,5 млн т., в ЧССР – до 0,7, Польше – до 0,2, Венгрии – до 0,18 млн т [26. Д. 93. Л. 17]. В то же время «страны ориентировались и на импорт природного газа» [26. Д. 93. Л. 12].

Договоренности об экспорте энергоресурсов из СССР, с учетом новых подходов, по нашему мнению, были достигнуты во второй половине 1957 г. – начале 1958 г. В этот же промежуток времени было принято решение о строительстве магистральных трубопроводов в Венгрию, Польшу, Чехословакию [23. Д. 29. Л. 5]. На VIII сессии СЭВ 18–22 июня 1957 г. в Варшаве обсуждалась угольная проблема. Вскоре после этого на совещании заместителей представителей стран СЭВ 29 августа 1957 г. в Москве, как отражено в протоколе, «принято к сведению согласие стран начать с 10 сентября 1957 г. в Москве многосторон-

ние переговоры представителей Госпланов и министров внешней торговли по согласованию планов взаимных поставок важнейших видов продукции». В числе этих товаров – каменный уголь, трубы, сырая нефть, нефтепродукты [23. Д. 27. Л. Л. 24]. Газ в этом перечне не был упомянут. После этого на совещании заместителей представителей стран – членов СЭВ 1–2 ноября 1957 г. в Москве Польша выступила с инициативой проведения совещания по некому «транспорту» в Варшаве [23. Д. 27. Л. 87].

На совещании такого же формата в Москве 27 ноября 1957 г. главным в повестке был вопрос «О порядке согласования планов развития ТЭБ стран – участниц СЭВ». «В разном» содержался вопрос «О созыве рабочей группы по транспорту» [23. Д. 27. Л. 102]. В решениях совещания записано: «...созвать рабочую группу по транспорту в 1958 г.» [23. Д. 27. Л. 104]. Протокол № 4 «Комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству в области нефтегазовой промышленности стран – участниц СЭВ» от 7–9 мая 1958 г. зафиксировал уже план «по строительству нефтегазопроводов с использованием труб диаметром 1 000–1 020 мм» [26. Д. 9. Л. 18].

Согласно этому документу, намечались строительство магистральных газопроводов, городских газовых сетей, подготовка газа к дальнему транспорту, разработка и эксплуатация своих газовых месторождений [26. Д. 93. Л. 29]. Статус Комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству в области нефтегазовой промышленности не позволял ей принять такие базовые решения. Решение по этому вопросу, несомненно, было принято на уровне более высоком, скорее всего в конце 1957 г. – начале 1958 г. Документы Комиссии лишь наметили воплощение на практике принятых ранее решений.

К 1965 г. сеть магистральных газопроводов в СССР предполагалось увеличить с 20 до 35 тыс. км, в странах СЭВ – до 18 тыс. км [26. Д. 93. Л. 18]. Надо полагать, что работа в этом направлении началась уже с конца 1950-х г. В этих условиях польская сторона в ноябре 1962 г., в лице Председателя Госплана ПНР Ендриховского, обратилась в Госплан СССР на имя П.Ф. Ломако с просьбой о поставках газа (скорее всего, об очередном увеличении), о чем 21 декабря 1962 г. было сообщено руководством Госплана СССР в ЦК КПСС [24. Д. 377. Л. 72].

Газ в 1950-е гг. из СССР экспортировался в Польшу. Газ Румынии подавался в Венгрию с 1958 г. СССР импортировал газ из Румынии, что и позволило увеличить экспорт газа из СССР в Польшу, а возможно, и начать его ввозить в Венгрию в последней трети 1950-х гг. (табл. 1).

Таблица 1

Экспорт газа в странах – членах СЭВ в 1946–1960 гг., млн м³

Страна вывоза	Страна ввоза	1946 г.	1957 г.	1958 г.	1959 г.	1960 г.
СССР	Польша	75,1	189,2	205,0	250,0	293,0
Румыния	Венгрия	–	–	10	90	120
Румыния	СССР	–	–	–	2 000	2 500

Примечание. Таблица составлена на основе следующих данных: [26. Д. 93. Л. 156].

Данные, отраженные в табл. 2, позволяют видеть наличие достаточно развитой сети магистральных газопроводов в странах Восточной Европы в 1963–

1964 гг. Считаем, что начало наращивания протяженности магистральных газопроводов относится к последней трети 1950-х гг.

Таблица 2

Протяженность магистральных газопроводов с странах СЭВ на 1964 г.

Страна	Протяженность магистральных газопроводов, км	Объем переданного газа, млрд м ³
НРБ	–	–
ВНР	480	0,24
ГДР	1 700	2,5
ПНР	2 680	2,8
РНР	2 940	6,0
ЧССР	3 275	1,7

Примечание. Таблица составлена на основе следующих данных: [26. Д. 93. Л. 18].

С конца 1950-х началось проектирование газопроводов для поставок советского газа в страны – члены СЭВ. Об этом свидетельствует наличие в документах СЭВ материалов о согласовании разных вопросов, связанных с проектированием. Обсуждались вопросы «допускаемого приближения газопроводов к жилым строениям, осуществлялись расчеты прочности труб, рассматривались проблемы заглубления труб – от 0,5 м до 1, 5 м» [26. Д. 93. Л. 19–20], применение пластмасс – для изготовления труб, полимерных материалов – для изоляционных материалов. Определялись варианты сварки, защиты грунтов, контроля качества швов, типов экскаваторов при рытье траншей, прорабатывались основы создания и эксплуатации подземных хранилищ газа. Разрабатывались «унифицированные основные технические положения по проектированию, строительству, эксплуатации магистральных газопроводов» [26. Д. 93. Л. 27].

11–14 декабря 1963 г. в Москве состоялось совещание рабочей группы по проблеме «Строительство магистральных газопроводов» [26. Д. 3. Л. 2–9]. От СССР группу представлял в качестве руководителя делегации заместитель председателя Государственного производственного комитета по газовой промышленности СССР Ю.И. Боксерман. Вопросы, обсуждаемые на совещании, отразили проблемы, возникающие при эксплуатации трубопроводов. Так, доклад начальника Государственной инспекции Госгазпрома СССР Д.П. Бабенко был посвящен правилам «безопасности при транспорте горючих газов по международным газопроводам» [26. Д. 3. Л. 3]. Доклад руководителя лаборатории института ВНИИСТ Госгазпрома А.Г. Камерштейна – расчетам газопроводов на прочность. Специалисты ЧССР и СССР предложили проект основных технических требований к трубам для магистральных газопроводов [26. Д. 3. Л. 3–5]. Устанавливалось, что строительство магистральных трубопроводов на участке, проходящем по территории страны, осуществлялось каждой страной [23. Д. 29. Л. 23]. Поставки труб возлагались на Чехословакию, ГДР, Польшу, Венгрию [23. Д. 29. Л. 5]. Страны СЭВ «заявили готовность участвовать в поставке труб и оборудования для участка на территории СССР» [26. Д. 3. Л. 3].

Таким образом, косвенные сведения из документов СЭВ по проблемам строительства магистральных газопроводов позволяют делать вывод, что проекти-

рование газотранспортных сетей в рамках достигнутых договоренностей о развитии экспорта газ началось с конца 1950-х гг. Строительство развернулось с начала 1960-х гг. как со стороны СССР, на территории СССР, так и в Европе на территориях стран – участниц СЭВ.

Кардинальные изменения темпов развития нефтяной и газовой отраслей в СССР относились к первой половине 1960-х гг. При этом проводился глубокий анализ тенденций развития мировой и советской топливно-энергетической сфер, отраженный в «Справке отдела народнохозяйственного плана по химической, нефтяной и газовой промышленности» Госплана СССР от 21 августа 1963 г. [24. Д. 335. Л. 1]. Высший Совет народного хозяйства Совета министров СССР в документе от 12 ноября 1963 г. «О проекте плана развития народного хозяйства СССР на 1964–1965 гг.» наметил существенное увеличение с 1962 г. по 1965 г. добычи нефти – с 186,2 до 240 млн т; газа – с 75,2 до 126, млрд м³ [24. Д. 233. Л. 118]. Период запланированного резкого увеличения объемов добычи нефти и газа совпадал по времени с планами ввода в эксплуатацию экспортных трубопроводных систем: нефтепровода «Дружба» и газопровода «Братство».

В начале 1960-х гг. произошли изменения в топливно-энергетическом балансе СССР: на смену преобладавшему в ТЭБ в 1934–1953 гг. углю, с 1954 по 1963 г. пришли нефть и газ. С 1956 г. добыча нефти выросла на 136 млн т, газа – на 81 млрд м³ [24. Д. 696. Д. 210]. Стало сокращаться отставание по добыче нефти и газа СССР от США: с 1953 по 1963 г. разрыв в добыче нефти сократился в 1,8 раза, по газу, правда, ситуация выглядела несколько сложнее. В 1953 г. при добыче газа в СССР в 8,0 млрд м³, в США добывалось 238 млрд м³. К 1963 г., за десятилетие, СССР увеличил добычу газа до 90 млрд м³, США – до 410 млрд м³. Разрыв составил на 1963 г. 320 млрд м³ [24. Д. 696. Д. 212]. Однако все прираставшая ресурсная база газа в Средней Азии (Казахстан, Туркменистан, Узбекистан), Коми АССР, Тюменской области позволяла делать самые оптимистичные прогнозы. Развернулось сооружение сложнейшей системы магистральных газопроводов: в 1961–1963 гг. был построен газопровод «Бухара – Урал», в 1965–1967 гг. – «Средняя Азия – Центр». Протяженность только первого из них составила 4 537 км [14. С. 41, 45, 46]. В 1964 г. в Коми АССР было открыто крупное газовое месторожде-

ние – Вуктыльское, в 1967 г. от него началось строительство газотранспортной системы «Сияние Севера – Вуктыл – Ухта – Торжок» протяженностью 1 600 км [14. С. 133, 134, 135]. В 1966 г. началась эксплуатация месторождений Березово-Игримской группы в Тюменской области, от которых был построен и в феврале 1966 г. запущен в эксплуатацию газопровод «Игрим – Серов» как первый участок системы газопроводов «Северные районы Тюменской области – Урал». Осенью 1966 г. газопровод в районе Нижнего Тагила соединился с системой «Бухара – Урал». В 1967 г. в Тюменской области начал действовать газопровод «Пунга – Серов», ответвление от которого вскоре протянулось в район первого сверхмощного месторождения на территории Тюменской области – месторождения «Медвежье», введенного в эксплуатацию в 1972 г. Подача газа от него стала осуществляться сразу в двух направлениях: в систему газопроводов «СРТО – Урал» и «Сияние Севера».

Таким образом, в начале 1960-х гг. сложилась ситуация, которую усиленно отстаивали или создавали представители руководства стран – членов СЭВ. Элементами этой ситуации выступали заявления об отсутствии или дефиците топливно-энергетических ресурсов, нехватки или недостатке валюты, невозможности торговать или закупать сырье в капиталистических странах, нежелание идти на уступки друг другу, как и отсутствие стремления вести между собой двухсторонние переговоры по вопросам сырья. Все это происходило в условиях все большего проявления интереса к сырой нефти из СССР, отказа от угля, усиления интереса к поставкам природного газа. Страны члены – СЭВ, как показывают документы начала 1960-х гг., достаточно согласованно проводили политику наступления, давления на советское руководство по вопросам увеличения поставок нефти и началу экспорта газа.

Основные договоренности о поставках нефти и газа достигались в период выработки соглашений о строительстве экспортных нефте- и газопроводов, и не могли сложиться после ввода их в эксплуатацию. Строительство экспортных трубопроводов осуществлялось при тесном взаимодействии со странами, с которыми были достигнуты соглашения о поставках. В последующем договоренности лишь обновлялись, в них вносились увеличенные к поставкам объемы. В Польшу газ поставлялся с середины 1940-х гг. на протяжении 1950-х гг. В 1963 г. с Польшей достигается договоренность о поставках газа с 1970 г. в объеме 1,7 млрд м³ [24. Д. 377. С. 171, 183]. Уже на 1963 г. очевидно наличие договоренности с ЧССР о поставках газа, с какого года – трудно понять, скорее всего с пуском газопровода «Братство», а вот с 1970 г. – в объеме 1 млрд м³. Почему можно утверждать, что газ поставлялся уже с начала 1960-х гг., потому что в обращении в разные руководящие структуры СССР (Госплан СССР, ЦК КПСС) А. Новотный в 1963 г. просил увеличить поставки газа, сначала указывая объем до 1 млрд м³, затем – до 1–4 млрд м³. В ответе от имени Н.С. Хрущева дано согласие на увеличение поставок с 1967 г., с конкретным указанием «для Восточно-Словацкого химкомбината» [24. Д. 378. Л.

191, 200; Д. 334. Л. 77]. Из этих обращений можно сделать вывод, что поставки были, но требовалось увеличить их объем. Относительно Венгрии в документах Госплана СССР можно найти информацию, что в 1960 г. в Венгрию поставлено 186 млн м³ газа, на 1965–1970 гг. планировались поставки в год 200 млн м³ [24. Д. 384. Л. 17, 18, 20]. Соглашения имелись не только со странами СЭВ. Уже на 1963 г. имелись договоренности с Финляндией о поставках газа, с указанием увеличения объема к 1967 г. до 1 млрд м³ [24. Д. 412. Л. 259].

Период с 1968 г. в развитии газового экспорта из СССР стал отличаться все новыми соглашениями со странами капиталистического блока: 1968 г. – с Австрией, 1969 г. – с Италией (с итальянской фирмой «Эни»), 1969 г. – с Францией, 1971 г. – с Финляндией по увеличению поставок (?) и т.д.

Документы СЭВ, в условиях расширения советского нефтегазового экспорта, были подвергнуты еще большей закрытости. На XVI заседании Исполнительного комитета СЭВ в 1965 г. было принято решение по обеспечению «секретности организаций СЭВ и их документации» [23. Д. 73. Л. 130], что, несомненно, еще длительное время будет осложнять изучение данной проблемы.

Таким образом, первый период развития советского газового экспорта в Европу охватил 1944–1968 гг., начался с поставок природного газа в Польшу. Поставки газа в Польшу сохранялись на протяжении всего рассматриваемого периода и увеличивались в объеме. Под давлением стран – членов СЭВ СССР в конце 1950-х гг. принял сложное давшееся решение о расширении газового экспорта. Началась строго засекреченная работа по строительству газопроводной сети как на территории стран СЭВ (Венгрия, Чехословакия, Польша), так и СССР. Длительное время ресурсная база природного газа Советского Союза была очень ограничена. Удовлетворение стран Восточной Европы в природном газе СССР пытался перенести на поиск месторождений газа на территории стран – членов СЭВ, увеличение в них производства искусственных газов, удовлетворение потребностей за счет газа Румынии. Однако под влиянием остроты проблемы с топливно-энергетическими ресурсами в странах Восточной Европы, нехватки угля и недостаточности его ресурсов в СССР для экспортных поставок, настойчивых обращений по поставкам газа руководства стран – членов СЭВ, кризисных явлений в «социалистическом лагере» (1953, 1956, 1968 гг.), а также с учетом увеличения числа открытых в СССР в конце 1950-х гг. – начале 1960-х гг. месторождений природного газа (в Средней Азии, Коми АССР, Тюменской области), был взят курс на наращивание темпов добычи газа, а также строительства газопроводных систем из труб максимального диаметра. Учитывая, что в основном газотранспортные системы, которые стали строить с начала 1960-х гг., направлялись к западным границам СССР, обеспечение газового экспорта явилось одной из главных составляющих в развитии газовой сферы СССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ергин Д. Добыча; Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть / пер. с англ. М. : «Альпина Паблицер», 2011. 944 с.
2. Колева Г.Ю. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс: история становления и развития (1960–1980-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 302. С. 90–95.
3. Мировой нефтегазовый рынок: инновационные тенденции / под ред. В.В. Бушуева, Телегиной, Ю.К. Шафраника. М. : ИД «Энергия», 2008. 358 с.
4. ТОП 10 стран по добыче газа. 31.01.2019 г. URL: <https://zen.yandex.ru/media/zavodfoto/top-10-stran-po-dobyche-gaza-5c52a441bc864000ad1bedea> (дата обращения: 05.02.2019).
5. Лидеры по добыче газа. 10.01.2020 г. URL: <https://prompriem.ru/gazovaya-promyishlennost/strany-lidery-po-dobyche-gaza.html>: Страны: (дата обращения: 07.02.2019).
6. Газовый рынок Европы: утраченные иллюзии и робкие надежды / под ред. В.А. Кулагина, Т.А. Митровой. М. : НИУ ВШЭ-ИНЭИ РАН, 2015. 85 с. URL: https://www.eriras.ru/files/gazovyj_rynok_evropy.pdf?sa=X&ved=2ahUKEwjU5bno3qDnAhUtwcQBHWviBcwQFjAEegQIBBAAV (дата обращения: 11.02.2019).
7. Экспорт газа из России. Государство. Бизнес. ИТ. 2019. 28 мая. URL: http://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%AD%D0%BA%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82_%D0%B3%D0%B0%D0%B7%D0%B0_%D0%B8%D0%B7_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8 (дата обращения: 01.02.2019).
8. Экспорт и импорт РФ – 2019. Объемы, структура, товары. URL: <https://kubdeneg.ru/eksport-import-rf-2019-obemy-struktura-tovary/> (дата обращения: 31.01.2010).
9. Колева Г.Ю. История нефтяной и газовой отрасли России. Тюмень : ТИУ, 2017. 72 с.
10. Матвейчук А.А., Евдошенко Ю.В. История газовой отрасли России. 1811–1945 гг. В 3 кн. М. : Граница, 2016. Кн. 1. 592 с.
11. Колева Г.Ю. Газовая промышленность Тюменской области (1960–1980 гг.) // Известия высших учебных заведений. Нефть и газ. 2006. № 6. С. 94–101.
12. Российская газовая энциклопедия / гл. ред. Р.И. Вяхирев. М. : Большая Рос. энциклопедия, 2004. 527 с.
13. Газ страны Советов / авт.-сост. Б.И. Лившиц. М. : Недра, 1989. 336 с.
14. История газовой отрасли России. 1946–1991 гг. Книга вторая / отв. ред. Р.М. Гайсин. М. : Граница, 2016. 536 с.
15. Государственная политика в нефтегазовой сфере в контексте российской модернизации / Е.В. Бодрова, В.В. Калинов, М.Н. Гусарова. С.В. Сергеев. М. : МАОРИ, 2014. 813 с.
16. История газовой отрасли России. В 3 кн. 1992–2015 гг. / отв. ред. Р.М. Гайсин. М. : Граница, 2016. Кн. 3. 352 с.
17. Потухшие факела. URL: Zagadki-istorii.ru/SSSR-51.html (дата обращения: 29.01.2020).
18. Самсонов Р.О., Джафаров К.И. История газового дела: историко-технический очерк. М. : ГазпромВНИИГАЗ, 2009. 200 с.
19. Колева Г.Ю. Международная конференция «Нефть, газ, трубопроводы: новые перспективы в изучении советской энергетики в период холодной войны». Швейцария, Цюрихский университет (12–16 января 2015 г.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 3 (35). С. 142–144.
20. История поставок советского и российского газа в Европу // Коммерсант. 2018. 5 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3650812> (дата обращения: 01.02.2020).
21. Самоотверженный труд – залог общего успеха. URL: <https://www.gsg/spb.ru/node/64/> (дата обращения: 29.01.2020).
22. Газотранспортная система Украины. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Газотранспортная_система_Украины (дата обращения: 01.02.2020).
23. Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 561 (Совет экономической взаимопомощи). Оп. 1 с.
24. РГАЭ. Ф. 4372 оц. Фонд Госплана СССР. Отдел народно-хозяйственных планов по тяжелой промышленности. Оп. 81 сч.
25. РГАЭ. Ф. 4372 оц. Оп. 65.
26. РГАЭ. Ф. 561 (Совет экономической взаимопомощи). Оп. 12 пп.

Статья представлена научной редакцией «История» 4 апреля 2020 г.

The Initial Period of Soviet Gas Exports to Europe (1944–1967)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 463, 107–116.

DOI: 10.17223/15617793/463/14

Galina Yu. Koleva, Industrial University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: gukoleva@gmail.com

Zheko M. Kolev, Industrial University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: jackkolev@gmail.com

Keywords: hydrocarbons; gas; exports; gas trunk pipelines; CMEA; Soviet Union; Gosplan of USSR.

Based on the analysis of declassified documents of the Council for Mutual Economic Assistance (CMEA), the Gosplan of the USSR, and the Russian State Archive of Economics, the article examines the history of Soviet gas exports to Europe. Among documents used for the first time, the documents of the CMEA Department of the Oil and Gas Industry, of the Permanent Commission on Economic and Scientific-Technical Cooperation in the Oil and Gas Industry, the CMEA Permanent Commission on the Oil and Gas Industry, as well as the documents of the departments of the USSR Gosplan on heavy industry and foreign trade, and the Commission of the Presidium of the USSR Council of Ministers for Foreign Economic Affairs, are of primary significance. The aim of the article was to determine the date of the beginning and the time frames of the initial period of the development of Soviet gas exports, and to identify the reasons why the USSR started gas exports. The main research methods were: problem-chronological, historical-genetic, historical-typological, and retrospective. In the course of the research, the following conclusions were made. The initial period of the development of Soviet gas exports to Europe covered 1944–1967. It began with the supply of natural gas to Poland. Gas supplies to Poland continued throughout the period under review and increased in volume. Under pressure from the CMEA member countries, the USSR made a difficult decision in the late 1950s to expand gas exports. Strictly classified work began on the design and construction of the gas pipeline network both on the territory of the CMEA countries (Hungary, Czechoslovakia, Poland) and the USSR. For a long time, the natural gas resource base of the USSR was very limited. The USSR tried to transfer the demand of Eastern European countries for natural gas to the development of the resource base of the CMEA member countries, increasing their production of artificial gases, and supplying gas to Romania. However, under the influence of the severity of the problem of fuel and energy resources in the countries of Eastern Europe, the shortage of coal, the insufficient resources for export in the USSR, the persistent appeals of the leaders of the CMEA countries, as well as the increasing number of natural gas fields opened in the USSR in the late 1950s and early 1960s (in Central Asia, Komi Republic, Tyumen region), the USSR accelerated the rate of gas production and forced the construction of gas pipeline systems from pipes of maximum diameter. Given that the main gas transport systems were initially built in the direction of the Western borders of the USSR, ensuring gas exports was one of the main reasons for the development of the gas sector of the USSR.

REFERENCES

1. Yergin, D. (2011) *Dobycha; Vsemirnaya istoriya bor'by za neft', den'gi i vlast'* [The Prize: The Epic Quest for Oil, Money & Power]. Translated from English Moscow: "Al'pina Publisher".
2. Koleva, G.Yu. (2007) The West-Siberian oil-and-gas complex: the history of becoming and development (1960-1980). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 302. pp. 90–95. (In Russian).
3. Bushuev, V.V., Telegina, E.A. & Shafranik, Yu.K. (eds) (2008) *Mirovoy neftegazovyy rynek: innovatsionnye tendentsii* [World oil and gas market: innovative trends]. Moscow: ID "Energiya".
4. Zen.yandex.ru. (2019) *TOP 10 stran po dobyche gaza* [TOP 10 countries for gas production]. 31.01.2019. [Online] Available from: <https://zen.yandex.ru/media/zavodfoto/top-10-stran-po-dobyche-gaza-5c52a441bc864000ad1bedea> (Accessed: 05.02.2019).
5. Prompriem.ru. (2020) *Lidery po dobyche gaza* [Leaders in gas production]. 10.01.2020. [Online] Available from: <https://prompriem.ru/gazovaya-promyshlennost/strany-lidery-po-dobyche-gaza.html>: Strany: (Accessed: 07.02.2019).
6. Kulagin, V.A. & Mitrova, T.A. (eds) (2015) *Gazovyy rynek Evropy: utrachennyye illyuzii i robkie nadezhdy* [Gas market in Europe: lost illusions and timid hopes]. Moscow: HSE; ERI RAS. [Online] Available from: https://www.eriras.ru/files/gazovyy_rynok_evropy.pdf?sa=X&ved=2ahUKEWjU5bno3qDnAhUtwcQBHWviBcwQFjAEegQIBBAB (Accessed: 11.02.2019).
7. Tadviser.ru. (2019) *Ekспорт gaza iz Rossii* [Export of gas from Russia]. *Gosudarstvo. Biznes. IT*. 28 May. [Online] Available from: http://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%AD%D0%BA%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82_%D0%B3%D0%B0%D0%B7%D0%B0_%D0%B8%D0%B7_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8 (Accessed: 01.02.2019).
8. Kubdeneg.ru. (2019) *Ekспорт i import RF – 2019. Ob'emy, struktura, tovary* [RF Export and import–2019. Volumes, structure, goods]. [Online] Available from: <https://kubdeneg.ru/eksport-import-rf-2019-obemy-struktura-tovary/> (Accessed: 31.01.2010).
9. Koleva, G.Yu. (2017) *Istoriya neftyanoy i gazovoy otrasli Rossii* [The history of the oil and gas industry in Russia]. Tyumen: Industrial University of Tyumen.
10. Matveychuk, A.A. & Evdoshenko, Yu.V. (2016) *Istoriya gazovoy otrasli Rossii. 1811–1945 gg. V 3 kn.* [The history of the gas industry in Russia. 1811–1945. In 3 Books]. Book 1. Moscow: Granitsa.
11. Koleva, G.Yu. (2006) *Gazovaya promyshlennost' Tyumenskoy oblasti (1960–1980 gg.)* [Gas industry of Tyumen Oblast (1960–1980)]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Neft' i gaz*. 6. pp. 94–101.
12. Vyakhirev, R.I. (ed.) (2004) *Rossiyskaya gazovaya entsiklopediya* [Russian gas encyclopedia]. Moscow: Bol'shaya Ros. entsiklopediya.
13. Livshits, B.I. (1989) *Gaz strany Sovetov* [Gas of the country of Soviets]. Moscow: Nedra.
14. Gaysin, R.M. (ed.) (2016) *Istoriya gazovoy otrasli Rossii. 1946–1991 gg.* [History of the gas industry in Russia. 1946–1991]. Book 2. Moscow: Granitsa.
15. Bodrova, E.V. et al. (2014) *Gosudarstvennaya politika v neftegazovoy sfere v kontekste rossiyskoy modernizatsii* [State policy in the oil and gas sector in the context of Russian modernization]. Moscow: MAORI.
16. Gaysin, R.M. (ed.) (2016) *Istoriya gazovoy otrasli Rossii. 1992–2015 gg.* [History of the gas industry in Russia. 1992–2015]. Book 3. Moscow: Granitsa.
17. Volynskiy, V. (2020) *Potukhshie fakely* [Extinct torches]. [Online] Available from: <https://zagadki-istorii.ru/sss-51.html> (Accessed: 29.01.2020).
18. Samsonov, R.O. & Dzhafarov, K.I. (2009) *Istoriya gazovogo dela: istoriko-tekhnicheskii ocherk* [The history of the gas business: a historical and technical essay]. Moscow: GazpromVNIGAZ.
19. Koleva, G.Yu. (2015) International conference "Oil, gas and pipelines: new perspectives on the role of Soviet energy during The Cold war", Switzerland, University of Zurich (14-16 January 2015). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3 (35). pp. 142–144. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/35/24
20. *Kommersant*. (2018) *Istoriya postavok sovetского i rossiyskogo gaza v Evropu* [History of Soviet and Russian gas supplies to Europe]. 5 June. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/3650812> (Accessed: 01.02.2020).
21. GSG. (2020) *Samootverzhennyi trud – zalog obshchego uspekha* [Selfless work is the key to overall success]. [Online] Available from: <http://www.gsg.spb.ru/node/64> (Accessed: 29.01.2020).
22. Wikipedia. (2020) *Gazotransportnaya sistema Ukrainy* [Natural gas transmission system of Ukraine]. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D1%81%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%B0_%D0%A3%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B8%D0%BD%D1%8B (Accessed: 01.02.2020).
23. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 561 *Sovet ekonomicheskoy vzaimopomoshchi* [Council for Mutual Economic Assistance]. List 1 s.
24. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 4372 ots. *Fond Gosplana SSSR. Otdel narodno-khozyaystvennykh planov po tyazhelay promyshlennosti* [Gosplan of the USSR. Department of National Economic Plans for Heavy Industry]. List 81 sch.
25. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 4372 ots. List 65.
26. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 561 *Sovet ekonomicheskoy vzaimopomoshchi* [Council for Mutual Economic Assistance]. List 12 pp.

Received: 04 April 2020

Н.П. Матханова, Н.Н. Родигина

«ПРИАМУРЬЕ НЕ СИБИРЬ»: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОТЛИЧИЙ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ОТЧЕТАХ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Выявлены отличия Сибири и Дальнего Востока во всеподданнейших отчетах восточно-сибирских и приамурских генерал-губернаторов второй половины XIX в., показана эволюция представлений о Дальнем Востоке как особом регионе по сравнению с Восточной Сибирью. Установлена зависимость репрезентации названных отличий от управленческого опыта, личностных характеристик представителей высшей региональной администрации, от особенностей всеподданнейших отчетов как разновидности делопроизводственных документов, от системообразующих характеристик географических образов.

Ключевые слова: Сибирь; Дальний Восток; генерал-губернаторы; отчеты; образы регионов.

В последние десятилетия осмысление Дальнего Востока как специфического региона Российской империи привлекает пристальное внимание историков. В фокусе исследовательских интересов – место региона в имперской географии власти [1–9] и на ментальных картах образованных русских [4, 8, 10–11], эволюция образов дальневосточного региона [12, 13], биографии сибирских и приамурских генерал-губернаторов [14–17], а также история колонизации дальневосточного края и биографическая связь с ним представителей интеллектуальной элиты, «научное завоевание» имперской окраины. Однако если географическое, природно-климатическое, социально-экономическое, социокультурное и ментальное своеобразие дальневосточных областей, а также репрезентация их отличий от Европейской России в разножанровых текстах второй половины XIX столетия уже неоднократно были предметом научной рефлексии, то сравнение Сибири и Дальнего Востока в социальном воображении генерал-губернаторов Азиатской России до настоящего времени, насколько нам известно, не являлось предметом специального анализа.

В статье мы стремимся дать ответы на следующие вопросы: 1) когда и под влиянием каких обстоятельств представители высшей региональной администрации поставили вопрос о Дальнем Востоке как специфическом регионе, отличном от Восточной Сибири; 2) как именно эволюционировали образы дальневосточных территорий во всеподданнейших отчетах; 3) какую роль в репрезентации данных отличий играл личностный фактор.

В качестве основного источника мы привлекаем коллективный текст-источник – всеподданнейшие отчеты генерал-губернаторов (более подробно о специфике отчетов как источнике изучения образа региона см. [18]). Статья базируется на ежегодных всеподданнейших отчетах восточносибирских генерал-губернаторов Н.Н. Муравьева (1847–1861), М.С. Корсакова (1861–1871), Н.П. Синельникова (1871–1873), П.А. Фредерикса (1873–1879), Д.Г. Анучина (1879–1885), А.П. Игнатъева (1885–1887), а также приамурских генерал-губернаторов А.Н. Корфа (1884–1893), С.М. Духовского (1894–1898), Н.И. Гродекова (1898–1900).

Как верно замечено А.В. Ремневым, выделение Дальнего Востока из Сибири, начавшееся на рубеже XVIII–XIX вв., испытало новый политический им-

пульс в 1850-х гг. и завершилось в 1884 г. административным обособлением в Приамурское генерал-губернаторство [4. С. 31–32]. Однако очевидны и уже многократно отмечены исследователями подвижность административного деления Сибири, его несовпадение с географическими границами региона, сложная сопряженность административных, географических реалий с образами региона на ментальных картах. Привлеченные нами материалы наглядно демонстрируют правомерность системообразующих характеристик географических образов, выявленных отечественными социологами. Географические образы *инерционны*, они меняются гораздо медленнее, чем «объективный» мир, но зато они существуют дольше, чем реалии, на которых они основаны; они *многослойны*, поскольку формулируются разными акторами и обращены разным адресатам; они *противоречивы*, ибо в сознании человека, равно как и в коллективном сознании, причудливо уживаются прямо противоположные представления об одном и том же географическом объекте, актуализируемые в зависимости от обстоятельств [19. С. 30–38]. Слова, вынесенные нами в начальную часть заглавия статьи, могут быть соотношены с отчетами генерал-губернаторов и как утверждения, и со знаком вопроса, в зависимости от их отношения к административному статусу Дальнего Востока.

Большинство восточносибирских генерал-губернаторов второй половины XIX столетия дальневосточные владения Российской империи описывали как восточные окраины Сибири. К примеру, Н.Н. Муравьев в письме к Г.И. Невельскому их называл «восточные оконечности Восточной Сибири» (цит. по: [20. С. 92]), соответственно, признавая за последней статус внутренней периферии.

Н.Н. Муравьев-Амурский, горячо обосновывая в конце 1840–1850-х гг. необходимость оживления дальневосточной политики, делал акцент не только на ее геополитическом, военном значении для империи в целом, но и на экономическом значении выхода к Тихому океану для перспектив развития Восточной Сибири. «Амурская эпопея», мода на Амур у русской политической и интеллектуальной элит породила многочисленные номинации Приамурского края как «оплота Сибири и Русского царства на дальних пределах Востока», «несомненной надежды

Сибири» и др. [4. С. 146–147]. Таким образом, дальневосточная территория в середине XIX в. позиционировалась как часть Сибири, но подчеркивалось ее огромное значение для страны в целом. В данном случае важны наблюдения С.В. Глебова о месте Амура в социальном воображении Муравьева и его сподвижников: «...присоединенные в конце 1850-х гг. земли стали своеобразным полигоном, на котором испытывались бы новые формы социальной организации, управления, колонизации, градостроительства и так далее. Дальний Восток для них был своего рода русской Америкой, где не действовали бы старые ограничения дореформенной России. На этой территории не было укоренившегося дворянства и его землевладения, крестьянских общин с их запутанными отношениями с землевладельцами. И хотя на территории края, безусловно, уже было какое-то население, многие российские путешественники, бюрократы и военные использовали троп “пустоты” для описания этих земель. Именно здесь, на берегах Амура и Уссури, можно было начать конструировать общество “с чистого листа”, не заботясь о глубоко укоренившихся интересах разных групп населения» [9. С. 19].

В отчетах и записках Муравьева, подававшихся после 1858 г., говорится об Амуре не только как о реке, но и как о вновь присоединенной территории. У него же впервые появляется номинация «Приамурский край»: рапорт 1858 г. «Об устройстве Приамурского края», записка 1858 г. «О заселении Приамурского края», «Правила для переселения в Приамурский край» и т.д. По конкретным управленческим вопросам в делопроизводительной документации, оставленной Муравьевым, встречается выделение Приамурья в качестве особой территории, отличной от Восточной Сибири по своим природно-климатическим, социально-экономическим, демографическим условиям. Можно привести в качестве примера записку 1858 г. «О разрешении поиска и добывания драгоценных и цветных камней в Восточной Сибири и Приамурском крае» [21]. В ней предполагалось разрешить свободный поиск в «Амурской стране». В 1859 г. Главное управление Восточной Сибири рассматривало вопрос о «Правилах для переселения из Восточной Сибири в Приамурский край» [22. Л. 60]. Речь шла об утверждении условий переселения как из внутренних губерний России, так и из Сибири [22. Л. 159].

О понимании специфики Приамурья наглядно свидетельствуют и планы Муравьева-Амурского о создании Амурской области в составе Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, одобренные Сибирским комитетом 22 ноября 1858 г., а также его идеи о новом административно-территориальном делении Азиатской России, заключающиеся в создании на Дальнем Востоке новой административной группы, в которую бы вошли Приморская, Амурская и Забайкальская области, не поддержанные большинством министров на заседании Сибирского комитета 11 мая 1860 г. Тогда победила точка зрения, согласно которой единство управления Восточной Сибирью и Дальним Востоком продиктовано как продоволь-

ственной зависимостью Приморья от восточносибирских губерний, так и опасениями ослабления местной высшей власти в регионе путем ее раздробления [4. С. 194–195].

Особый раздел «Устройство и торговля Приамурского края» впервые появился во всеподданнейшем отчете Муравьева за 1856 г. по управлению Восточной Сибирью [23. Л. 78 об.–79 об.]. Как видим, это произошло за два года до подписания Айгунского и за четыре – до заключения Пекинского русско-китайских договоров, закрепивших новую границу. Напомним, что этот государственный деятель в ходе «амурской эпопеи» решительно сначала заселил и отчасти присвоил территорию, и лишь потом занялся официальным оформлением уже достигнутого.

В отчетах М.С. Корсакова неизменно, начиная с отчета за 1860 г., когда он был помощником генерал-губернатора, представлен особый раздел «Амурский край», хотя его территория (как и в отчетах Муравьева) включена в границы Восточной Сибири. Так, в отчете за 1860 г. встречаем: «Географическое положение бывших границ Восточной Сибири» [24. Л. 2 об.]; «Новое положение Восточной Сибири вследствие приобретения Амурского края» [24. Л. 12 об.]. Содержание названного раздела варьируется от особого, содержательно и тематически соответствующего основной части отчета, где говорится о Восточной Сибири в целом (отчеты за 1862 г., 1865 г.), до характеристики лишь специфических черт (освоение, заселение, пограничные вопросы, внешняя торговля, Сибирская флотилия), тогда как экономика, образование, административные дела и т.п., касающиеся дальневосточной территории, включены в основную часть отчета (за 1863 г.). Нам не удалось выявить закономерность в таком расположении. Отчеты Корсакова являются наглядным отражением его идеи создания нового генерал-губернаторства в составе Забайкальской, Амурской и Приморской областей с центром в Хабаровке для более эффективного управления дальневосточными территориями, сформулированной в его всеподданнейшей записке 19 декабря 1868 г. Однако во всеподданнейших отчетах Амурской край продолжает репрезентироваться как часть Восточной Сибири (что вполне соответствовало административным реалиям), но особая, занимающая окраинное положение, в отличие от других «внутренних» губерний и областей возглавляемого им региона. Примечательно в данном случае название документа: «Провоз товаров по Амурской и Забайкальской областям во внутренние губернии Восточной Сибири» [25. Л. 65]. В отчете за 1863 г. появляется внутри раздела «Амурский край» подраздел «Уссурийский край» [26. Л. 85–88] и таким образом подчеркиваются субъектность и своеобразие областей, входящих в состав Амурского края.

Обращает на себя внимание одновременное использование номинаций «страна» и «край» применительно к территории Приамурья и употребление топонимов «Приамурский край», «Амурский край» и «Амурская страна» в качестве синонимов. Так, в отчете за 1860 г. на одном листе подряд читаем: «Устройство всякого нового края есть дело сложное и трудное, а тем более края при условиях, в которых

находится географическое, экономическое и политическое положение *Амурской страны*» [24. Л. 30 об.], а далее «[только после Айгунского договора стало возможным] «действовать в ней [стране] «как в провинции, составляющей одно целое с Россией». Кроме того, в отчете встречаются следующие повторяющиеся словосочетания «устройство Амурского края», «частная деятельность русских весьма мало еще касалась Амурской страны» [24. Л. 35]; «...есть надежда на лучшие для Амурской страны обстоятельства» [24. Л. 35 об.]; «для вящего преуспевания нового края... [важен] вопрос заселения страны» [24. Л. 36]; «колонизация новой страны... [обеспечит] устройство и развитие Амурского края» [24. Л. 36 об.] и др. В его отчете за 1861 г. тоже видим применительно и к Восточной Сибири «общее состояние края», «экономические условия страны» и «естественные богатства края», и к Приамурью (в разделе «Амурский край» первый пункт назван «Заселение Амурской страны») [27].

Таким образом, наблюдается неустойчивое функционирование терминов. При большом желании можно увидеть слабо проглядывающую тенденцию: чаще страна – территория, край – административная единица. Однако можно предположить, что в рассматриваемый нами период категории «страна» и «край» вообще считались синонимами, о чем свидетельствует и толковый словарь В.И. Даля, где «край – начало и конец; предел, рубеж... берег, страна; земля, область, народ» [28. С. 184]. Словесная неопределенность номинаций дальневосточных территорий в отчетах Корсакова, соратника Муравьева, разделявшего его взгляды на будущее Амура, некоторым образом свидетельствует и о наступившей в правительственных кругах апатии по отношению к дальневосточной политике, разочаровании в результатах колонизации Тихоокеанского побережья, отказом от реализации его идеи административного переустройства Приамурского края, созданной специально для обсуждения данного вопроса межведомственной комиссией под руководством И.С. Лутковского.

В отчетах Н.П. Синельникова Приамурский край не выделяется как особый регион. Его отчеты подтверждают наблюдение А.В. Ремнева о том, что Синельников не отличался особым вниманием к дальневосточным делам [4. С. 246]. Более того, рассуждая о возможном новом административном делении Сибири, он предлагал сохранить в составе генерал-губернаторства Восточной Сибири часть Приморской области, наряду с Иркутской губернией, Забайкальской, Амурской и Якутской областями, прибрежную же часть Приморья вместе с островами (в том числе Сахалином) и Камчаткой передать Морскому министерству [29. Л. 6 об.]. Показательно, что если большинство руководителей губерний просили увеличить суммы на содержание вверенных им территорий, то Н.П. Синельников в отчете за 1872 г. писал: «...можно сократить экстраординарную Амурскую сумму: из 80 т. убавить 45 т., потому что Амурский край не нуждается в этой сумме» [30. Л. 5 об.].

Таким образом, он, с одной стороны, осознавал специфические особенности разных территорий, во-

шедших впоследствии в состав Приамурского генерал-губернаторства, с другой же – считал, что Забайкалье и Амурская область должны остаться в составе Восточно-Сибирского генерал-губернаторства (и заселяться путем крестьянской колонизации), в отличие от уже упомянутой прибрежной части Приморья и Камчатки, перспективы которых связаны с морским флотом. В мемуарах Синельникова постоянно подчеркивается плохое состояние административного управления Приморской области морским ведомством, злоупотребления местного военного губернатора, делается вывод о необходимости усиления полномочий восточносибирского генерал-губернатора для более эффективного решения проблем экономического и административного развития Приморья [31]. Отчасти это объясняется конфликтом между Синельниковым и военным губернатором Приморской области адмиралом А.Е. Кроуном, которого поддерживало Морское министерство.

В отчетах генерал-губернатора П.А. Фредерикса, который, как и его предшественник, отстаивал территориальную целостность Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, тем не менее вновь появляется особый раздел, посвященный Дальнему Востоку. Так, в отчете за 1874 г. встречаем «Положение Приамурского края» [32. Л. 35 об. – 47 об.], в отчете за 1875–1876 гг. особо характеризуются Приамурский край, Северо-Восточное побережье и о. Сахалин [33. Л. 48–57 об.]. Характерно, что в конце раздела о положении в Приамурском крае в отчете за 1874 г. есть «говорящая» ремарка: «...изложив настоящее положение Восточной Сибири» [32. Л. 47 об.]. Таким образом, для Фредерикса дальневосточные территории обладают своей спецификой, но все же рассматриваются как часть Сибири.

В отчетах Д.Г. Анучина сохраняется особый раздел о Приамурском крае, но для него это всего лишь составная часть (окраина) Восточной Сибири (и Сибири вообще), как прямо сказано в отчете за 1879 г. [34. С. 43]. В другом месте того же отчета границы Южно-Уссурийского края упоминаются как часть границ Восточной Сибири [34. С. 35]. Здесь же он подчеркивает важную роль Забайкальской области как связующего звена между центром генерал-губернаторства и Приамурским краем, базы вооруженных сил [34. С. 78–79]. В отчете за 1880–1881 гг. бывший генштабист Анучин, исходя прежде всего из военно-политических и стратегических соображений, возражает против отделения Приамурского края, он находит несвоевременным образование на Амуре самостоятельного управления, вывод его из-под ведения генерал-губернатора Восточной Сибири [35. С. 67]. Наряду с необходимостью использовать военную базу Восточной Сибири, особенно Забайкальской области, для обороны Приамурья в связи с нарастанием угрозы внешних врагов в лице Китая и усиления позиций Британской империи на Дальнем Востоке, он высказывает опасение, что в новом самостоятельном генерал-губернаторстве ослабнет связь с империей и усилится тяготение к востоку. Здесь же он сравнивает эту недостаточно изученную, развитую и населенную часть генерал-губернаторства с Якутской областью,

подчеркивая их сходство по указанным параметрам. Важно иметь в виду, что к этому времени Анучин, в отличие от своего предшественника, успел лично осмотреть этот регион. Высказывается Анучин и против включения в состав нового генерал-губернаторства Забайкальской области, обращая внимание на возможные сложности с управлением каторгой и горным делом, исторически связанными с Восточной Сибирью [36. С. 360–363].

В отчетах генерал-губернатора Восточной Сибири А.П. Игнатьева никаких упоминаний о Приамурском крае нет, за исключением констатации факта образования в 1884 г. Приамурского генерал-губернаторства, с этого времени дальневосточная территория исчезает из сферы непосредственных служебных приоритетов восточно-сибирских генерал-губернаторов.

Первый приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф выделял входившую в подведомственное ему генерал-губернаторство Забайкальскую область, подчеркивая специфику ее населения, экономики, географического положения. Более того, Забайкалье по-прежнему остается для него частью Сибири, несмотря на то, что область вошла в состав «его» генерал-губернаторства. Так, в первом его отчете читаем: «...население в Забайкалье, как и вообще в Сибири» [37. С. 56]; во втором упоминается о переселении в Забайкалье из Европейской России и «из других частей Сибири» [38. С. 3]. При этом примечательно, что в первом отчете подчеркивается одно обстоятельство, объединяющее Забайкальскую область с Северо-Востоком региона и отличающее от южных территорий: «...Забайкалье и отдаленные северные округа принадлежат России уже более двух веков» [37. С. 75]; во втором же отчете, наряду с особой характеристикой Забайкальской области, таким же образом, отдельно, дается характеристика северо-восточных округов, но гораздо больше места и внимания уделено корейцам и китайцам, чье присутствие в регионе вызывает у него тревогу [38. С. 12–16].

В том же отчете в разделе о тюрьмах, каторге и ссылке ситуация в Забайкалье и на Сахалине характеризуется в одном блоке, без выделения регионального своеобразия (оно, конечно, упоминается, но на нем не ставится акцент). Вообще во втором отчете больше видно понимание единства, даже целостности генерал-губернаторства, в том числе в связи с развитием коммуникаций. Но есть и прямое указание на различие Сибири и Дальнего Востока: говоря о предполагаемом строительстве железной дороги, подчеркивается: «...рельсовый путь в пределах одного Приамурского генерал-губернаторства... был бы очень убыточен, но необходимо продолжить его через всю Сибирь, которая нуждается в нем не менее Приамурского края» [38. С. 51–52]. В данном случае важно, что в начале своей деятельности на посту генерал-губернатора Корф не только в отчете, но и в выступлениях на II Хабаровском съезде сведущих людей, высказывал сомнения в целесообразности присоединения Забайкальской области к генерал-губернаторству, имея в виду ее территориальную отдаленность от Хабаровска и иную исторически сложившуюся структуру управления. Однако по мере знакомства с новым для него Дальним Востоком

(в том числе и при помощи инициированных им хабаровских съездов сведущих людей (1885, 1886, 1893 гг.), в процессе своей деятельности по управлению генерал-губернаторством и его социальному конструированию он акцентировал все больше внимания на общности различных частей вверенной ему территории. Это напрямую связано и с идеей Корфа «управлять Амурской областью не как российской губернией, а как самостоятельной колонией» (цит. по: [5. С. 282]).

Очень интересны последние слова отчета, они якобы сказаны «простым крестьянином» в связи с ожидавшимся прибытием наследника престола Николая Александровича: «Теперь, значит, Сибирь уже не будет больше Сибирью» [38. С. 80]. Трудно сказать, понимали ли включившие его в текст чиновники (или сам Корф) многозначность этих слов, но современный исследователь свободен рассуждать в этом направлении.

В отчетах преемников Корфа сохраняется дуальность представлений о том, является ли Дальний Восток частью Сибири или самостоятельным регионом. Так, С.М. Духовской, с одной стороны, видит управляемый им край частью Сибири. Подобное представление как бы реставрируется, возникает вновь в связи со строительством Транссиба: «Для нашего края Великая Сибирская железная дорога – это светлый луч солнца, врывающийся в глухую и темную сибирскую тайгу... Наблюдателю со стороны должно казаться, что в Сибири совершается чудо: край, лишенный доселе всяких сообщений, разом получает теперь то, что составляет венец современной науки» [39. С. 51].

С другой же, размышляя о значении железной дороги для Приамурья, он пишет: «Событие 19 мая 1891 г., когда... Наследник Престола заложил первый камень Великой Сибирской железной дороги, встрепнуло всю Сибирь из конца в конец и от велика до мала. Блеснувший в глубь непроглядной тайги луч живительного света откликнулся более всего в *Приамурье*, как в *стране* наиболее отдаленной, наименее населенной и устроенной... В *нашем крае* нет предприятия, которое прямо или косвенно не было бы связано с новым путеводителем сибирской жизни» [39. С. 1].

В созданных в 1895–1899 гг. документах словосочетания «Дальний Восток» и «Крайний Восток» употребляются как синонимы и в контексте обсуждения внешнеполитических вопросов, таких как китайско-японский конфликт, соотношение сил Англии, Японии, России и т.п. [40. С. 48, 61, 84, 179, 206, 226 и др.]. Традиционно считается, что номинация «Дальний Восток» применительно к восточной окраине Российской империи закрепляется в связи с образованием Дальневосточного наместничества [12. С. 8]. Для нашей темы важно заглавие этого документа: «Именной высочайший указ... об образовании из Приамурского генерал-губернаторства и Квантунской области особого наместничества на Дальнем Востоке» [41]. Таким образом, Приамурье еще не отождествляется с Дальним Востоком, оно рассматривается как важная часть этого нового макрорегиона.

В отчете Н.И. Гродекова за 1898–1900 гг. (приамурский генерал-губернатор в 1898–1902 гг.) мы вновь встречаем противоречивое понимание того, являлось ли Приамурье частью Сибири. На одной

странице регион упоминается как особый от Сибири: «Отдаленность Приамурского края от хлебных районов Европейской России и Сибири» [42. С. 41]; и как ее часть: «Хотя повсеместно в Сибири, не исключая и Приамурья» [42. С. 102].

Итак, всеподданнейшие отчеты восточно-сибирских и приамурских генерал-губернаторов второй половины XIX столетия дают возможность судить о месте дальневосточных территорий на ментальных картах представителей высшего регионального управления. Процесс отделения Приамурья от Сибири в их представлениях все еще не завершился. Мнение генерал-губернаторов по данному вопросу зависело от разных обстоятельств.

1. *От символического значения*, которое они придавали «дальневосточным приобретениям империи» и в конечном счете от их мировоззренческих ориентиров. Так, если в социальном воображении Н.Н. Муравьева и М.С. Корсакова эти территории наделялись особым статусом и рассматривались как пространство социального эксперимента, в котором старый сословный, крепостнический режим, с судебной волокитой и прочими анахронизмами традиционного общества должен уступить место новому гражданскому обществу с развитым местным самоуправлением и справедливым судом, то для Н.П. Синельникова, П.А. Фредерикса, Д.Г. Анучина территории, вошедшие впоследствии в состав Приамурского генерал-губернаторства, хотя и обладали определенной спецификой, заключающейся в географическом положении, иных природно-климатических условиях, позднее включении в состав империи значительной части этих территорий, иной системе территориального управления, особом составе населения (высокий процент инородческого, ссыльно-каторжного населения и пр.), но в целом осмысливались как часть Восточной Сибири, ее восточная окраина. При этом если Муравьев и Корсаков, имея в виду одного из непосредственных адресатов отчетов – императора, и называли Приамурье частью Сибири, в тексте отчетов они структурно выделяли Амурский край как особую территорию.

2. *От специфики всеподданнейших отчетов как особого вида делопроизводственной документации.* Известно, что всеподданнейшие отчеты подавались и государю, и министрам. Как уже неоднократно заявляли историки, генерал-губернаторские и губернаторские отчеты были важным каналом информации, средством прямой связи глав регионов с центром и самим монархом. Будучи представителями Центра в регионах, генерал-губернаторы в то же время являлись выразителями местных интересов. Д.Г. Анучин так и писал: «Предстательствовать о нуждах Сибири я считаю первым своим долгом» [35. С. 140]. Привле-

кая отчеты генерал-губернаторов в качестве источника, мы имеем дело не с самими представлениями генерал-губернаторов, а с тем, как они презентовались в отчетах. Они формировались и эволюционировали под влиянием ряда факторов. Во-первых, это собственные непосредственные впечатления, со временем изменявшиеся и дополнявшиеся. Во-вторых, чтение отчетов предшественников и подчиненных, литературы – художественной, научной, публицистической. В-третьих, знакомство с жалобами и прошениями отдельных лиц и групп населения. На презентацию включавшихся в отчет и наполнение тех или иных положений влияло также понимание целей и содержания политики центральных властей, внимание генерал-губернатора к отдельным аспектам своей деятельности, которое зависело и от стоявших перед ним задач. Иногда генерал-губернаторы являлись самостоятельными авторами отчетов, однако чаще всего отчет был продуктом коллективных усилий. Сам генерал-губернатор мог быть не вполне искренним, он мог – и порой так и делал – сознательно или неосознанно пытаться влиять на монарха и (или) министров и других деятелей высшей власти и центрального управления, выделяя те или иные характеристики, формируя тот образ, который должен был сложиться у адресатов отчета.

3. *От непосредственного знакомства генерал-губернатора с Приамурьем и отношением к региону и его вхождению в империю.* Даже в тех случаях, когда генерал-губернатор не разделял идею административного выделения Приамурья из Восточной Сибири, как Н.П. Синельников, но сам побывал на Дальнем Востоке, он фиксировал в своих отчетах особые условия развития экономики, административного управления, состава населения самых восточных областей империи. Еще более важно, что генерал-губернаторы Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский и М.С. Корсаков не только по многу раз посещали Приамурье. Присоединение региона к России было главным делом их жизни, важнейшим историческим свершением, к которому они были причастны. Д.Г. Анучин, хотя и не участвовал в «амурской эпопее», придавал особое значение региону в военно-стратегическом и геополитическом отношениях.

От самих свойств географических образов, перечисленных нами ранее, а именно их инерционности, многослойности, противоречивости. Все эти характеристики наглядно демонстрируют отчеты первых приамурских генерал-губернаторов, которые то позиционируют, в соответствии с новыми административными и геополитическими реалиями, Дальний Восток (как синоним Приамурского генерал-губернаторства) как самостоятельную административно-территориальную единицу, то по инерции соотносят ее с Сибирью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кабанов П.И. Амурский вопрос. Благовещенск : Амур. книж. изд-во, 1959. 256 с.
2. Stephan J.J. The Russian Far East: A History. Stanford University Press, 1994. 481 p.
3. Ремнев А.В. Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) // *Ab Imperio*. 2000. № 3–4. С. 343–359.
4. Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX– начала XX века. Омск : Изд-во Омского гос. ун-та, 2004. 548 с.
5. Дубинина Н.И. Генерал-губернаторская власть в Приамурском крае: ее особенности и эволюция // *История и культура Приамурья*. 2007. № 1. С. 68–85.

6. Тураев В.А. Россия на Дальнем Востоке: этническое и культурное вращение в регион // Россия и АТР. 2012. № 4. С. 59–69.
7. Matsuzato K. The Creation of the Priamur Governor-Generalship in 1884 and the Reconfiguration of Asiatic Russia // Russian Review. 2012. Vol. 71, № 3. P. 365–390.
8. Ремнев А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX вв. Омск : Изд-во Омского гос. ун-та, 2015. 580 с.
9. Глебов С.В. Вызовы империи: первые десятилетия колонизации на Дальнем Востоке России (дискуссионные заметки) // Ойкумена. 2017. № 4. С. 17–28.
10. Bassin M. Visions of empire: nationalist imagination and geographical expansion in the Russian Far East, 1840–1865. New York; Cambridge : Cambridge University Press, 1999. 329 p.
11. Замятин Д.Н. Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии. Смоленск : Ойкумена, 1999. 256 с.
12. Голубь А.Б. Имидж Дальнего Востока России: прошлое и настоящее. Биробиджан : ИЦ ПГУ им. Шолом-Алейхема, 2016. 133 с.
13. Головнева Е.В., Мартишина Н.И. «Владеть Востоком»: конструирование образа региона в творчестве В.К. Арсеньева // Сибирские исторические исследования. 2018. № 1. С. 200–218.
14. Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1998. 422 с.
15. Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков: историко-биографический очерк. Хабаровск : Приамурские ведомости, Приамурское географическое о-во, 2001. 349 с.
16. Хисамутдинов А.А. Жизнь замечательных людей Владивостока, 1860–2010. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. 398 с.
17. Матханова Н.П. Хабаровские съезды «сведущих людей» и приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф: поиски каналов коммуникации между властью и обществом в имперской России // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. № 3 (в печати).
18. Матханова Н.П., Родигина Н.Н. Всеподданнейшие отчеты как источник для изучения представлений сибирских генерал-губернаторов второй половины XIX столетия // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. Т. 26, № 1. С. 45–51.
19. Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика / под ред. В.А. Колосова. М. : Ин-т Фонда «Обществ. мнение», 2003. 286 с.
20. Алексеев А.И. Амурская экспедиция 1849–1855 гг. М. : Мысль, 1974. 191 с.
21. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1265. Оп. 7. 1858 г. Д. 270.
22. РГИА. Ф. 1265. Оп. 7. Д. 240.
23. РГИА. Ф. 1265. Оп. 6. Д. 284.
24. РГИА. Ф. 1265. Оп. 10. Д. 202.
25. РГИА. Ф. 1281. Оп. 6, 1863 г. Д. 99.
26. РГИА. Ф. 1265. Оп. 6, 1864 г. Д. 119.
27. РГИА. Ф. 1265. Оп. 11. Д. 161.
28. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: [в 4 т.] / [предисл. А. М. Бабкина]. 7-е изд. М. : Рус. яз., 1979. Т. 2. 779 с.
29. РГИА. Ф. 1284. Оп. 69, 1874 г. Д. 135.
30. РГИА. Ф. 1284. Оп. 67, 1872 г. Д. 337.
31. Записки сенатора Н. П. Синельникова // Исторический вестник. 1895. № 6. С. 93–711; № 7. С. 27–46.
32. РГИА. Ф. 1284. Оп. 69, 1875 г. Д. 522.
33. РГИА. Ф. 1284. Оп. 69, 1876 г. Д. 485.
34. Отчет по управлению Восточною Сибирью за 1879 г. // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточною Сибирью. В 2 т. Иркутск : типогр. Штаба Восточно-Сибирского военного округа, 1884. Т. 1, вып. 1. С. 11–48.
35. Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири за 1880 и 1881 гг. // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточною Сибирью. 1884. В 2 т. Иркутск : Типогр. Штаба Восточно-Сибирского военного округа, 1884. Т. 1, вып. 1. С. 54–149.
36. Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири за 1882 г. // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточною Сибирью. 1884. В 2 т. Иркутск : Типогр. Штаба Восточно-Сибирского военного округа, 1884. Т. 1, вып. 1. С. 354–368.
37. Всеподданнейший отчет приамурского генерал-губернатора с сентября 1884 г. по июль 1886 г. СПб. : Тип. П. Степанова, 1886. 58 с.
38. Всеподданнейший отчет о состоянии Приамурского края за время с 1886 по 1891 гг. Б.м., б.г. 84 с.
39. Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Духовского. 1896–1897 гг. СПб. : типогр. Ю.Н. Эрлих, 1898. 172 с.
40. Порт-Артур и Дальний, 1894–1904 гг.: последний колониальный проект империи / сост., авт. введ. и коммент. И.В. Лукоянов, Д.Б. Павлов. М.; СПб. : ЦГИ-Принт, 2018. 522 с.
41. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 3. Т. 23. Отд. 1. Ст. 25319, 30 июля 1903 г.
42. Всеподданнейший отчет приамурского генерал-губернатора генерала от инфантерии Гродекова. 1898–1900 гг. Хабаровск : Тип. канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1901. 148 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 марта 2020 г.

“Amur Region Is Not Siberia”: Representation of Differences between Siberia and the Far East in the Reports of Governor-Generals in the Second Half of the 19th Century

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 463, 117–124.

DOI: 10.17223/15617793/463/15

Natalya P. Matkhanova, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: istochnik_history@msil.ru

Nataliya N. Rodigina, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: natrodigina@list.ru

Keywords: Siberia; Far East; governor-generals; reports, images of regions.

This article aims to show the dynamics of the representation of differences between Siberia and the Far East in the *vsepoddanneyshie* reports of the governor-generals of Eastern Siberia and of Amur Oblast in the second half of the 19th century, and to define factors that enabled this dynamics. The article is based on the annual reports of Governor-Generals of Eastern Siberia N.N. Muraviev, M.S. Korsakov, N.P. Sinelnikov, P.A. Frederiks, D.G. Anuchin, and A.P. Ignatiev, and Governor-Generals of Amur Oblast A.N. Korf, S.M. Dukhovskiy, and N.I. Grodekov. According to the conducted research, the authors infer that the governor-generals' reports allow reconstructing the place of the Far Eastern territories on the mental maps of the top officials of the regions. Opinions of the governor-generals depended on various circumstances. First, they depended on the symbolic meaning the officials gave to the “Far Eastern acquisitions of the empire” and on their mindsets. In Muraviev’s and Korsakov’s social imagination the territories were given a distinctive status and viewed as a space for a social experiment in which the old regime based on serfdom and bearing anachronisms of traditional society was to give way to a civil society with a developed local self-governance and a fair

judicial system. However, Sinelnikov, Frederiks and Anuchin saw the territories that later were included into Amur Governorate-General as a part of Eastern Siberia, its eastern border, although the area had a specific geographic location, a different climate, a late inclusion into the empire, a different system of territorial governing, and a distinctive social structure. Second, the opinions of the governor-generals depended on the specifics of *vsepoddanneyschie* reports as a certain type of documents. It is known that *vsepoddanneyschie* reports were intended for the monarch and for his ministers. As historians have frequently mentioned, reports by governor-generals and governors were an important channel of information, a means of direct communication between the center and the periphery of the empire. Governor-generals were representatives of the imperial center in the regions and, simultaneously, were spokesmen for local interests. Third, the governors' opinions depended on their knowledge and understanding of Amur Oblast and their attitude to the region's inclusion into the empire. Even when the governor-general did not share the idea of an administrative separation of Amur Oblast from Eastern Siberia, as Sinelnikov did, but happened to visit the Far East, he recorded the special conditions of economic development, administrative governance and scope of the population of the most eastern parts of the empire in his reports. Governor-Generals of Eastern Siberia Muraviev-Amursky and Korsakov not only visited Amur Oblast many times but saw the incorporation of the region into the Russian Empire as the goal of their lives. Governor Anuchin, who did not take part in the "Amur saga", saw the region's strategic and geo-political importance.

REFERENCES

- Kabanov, P.I. (1959) *Amurskiy vopros* [Amur question]. Blagoveshchensk: Amur. knizh. izd-vo.
- Stephan, J.J. (1994) *The Russian Far East: A History*. Stanford University Press.
- Remnev, A.V. (2000) Regional'nye parametry imperskoy "geografii vlasti" (Sibir' i Dal'niy Vostok) [Regional parameters of the imperial "geography of power" (Siberia and the Far East)]. *Ab Imperio*. 3–4. pp. 343–359.
- Remnev, A.V. (2004) *Rossiya Dal'nego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX–nachala XX veka* [Russia of the Far East. The imperial geography of power in the 19th – early 20th centuries]. Omsk: Omsk State University.
- Dubinina, N.I. (2007) General-gubernatorskaya vlast' v Priamurskom krae: ee osobennosti i evolyutsiya [Governor-General's Power in Amur Oblast: Its Features and Evolution]. *Istoriya i kul'tura Priamur'ya*. 1. pp. 68–85.
- Turaev, V.A. (2012) Russia in the Far East: The Ethnic and Cultural Growth into the Region. *Rossiya i ATR – Russia and the APR*. 4. pp. 59–69. (In Russian).
- Matsuzato, K. (2012) The Creation of the Priamur Governor-Generalship in 1884 and the Reconfiguration of Asiatic Russia. *Russian Review*. 71 (3). pp. 365–390.
- Remnev, A.V. (2015) *Sibir' v imperskoy geografii vlasti XIX – nachala XX vv.* [Siberia in the imperial geography of power in the 19th – early 20th centuries]. Omsk: Omsk State University.
- Glebov, S.V. (2017) Challenges of Empire: First Decades of Colonization in the Russian Far East (Notes for Discussion). *Oykumena*. 4. pp. 17–28. (In Russian).
- Bassin, M. (1999) *Visions of empire: nationalist imagination and geographical expansion in the Russian Far East, 1840–1865*. New York; Cambridge: Cambridge University Press.
- Zamyatin, D.N. (1999) *Modelirovanie geograficheskikh obrazov: Prostranstvo gumanitarnoy geografii* [Modeling Geographic Images: The Space of Humanitarian Geography]. Smolensk: Oykumena.
- Golub', A.B. (2016) *Imidzh Dal'nego Vostoka Rossii: proshloe i nastoyashchee* [Image of the Russian Far East: past and present]. Birobidzhan: Sholem Aleichem Amur State University.
- Golovneva, E.V. & Martishina, N.I. (2018) "Owning the East": the image of the region as constructed in the works of Vladimir K. Arseniev. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 1. pp. 200–218. (In Russian). DOI: 10.17223/2312461X/19/13
- Matkhanova, N.P. (1998) *General-gubernatory Vostochnoy Sibiri serediny XIX veka: V.Ya. Rupert, N.N. Muraviev-Amurskiy, M.S. Korsakov* [Governors-General of Eastern Siberia in the mid-19th century: V.Ya. Rupert, N.N. Muraviev-Amurskiy, M.S. Korsakov]. Novosibirsk: SB RAS.
- Dubinina, N.I. (2001) *Priamurskiy general-gubernator N.I. Grodekov: istoriko-biograficheskiy ocherk* [Amur Region Governor-General N.I. Grodekov: A Historical and Biographical Essay]. Khabarovsk: Priamurskie vedomosti, Priamurskoe geograficheskoe o-vo.
- Khislamutdinov, A.A. (2010) *Zhizn' zamechatel'nykh lyudey Vladivostoka, 1860–2010* [The life of the remarkable people of Vladivostok, 1860–2010]. Vladivostok: Far Eastern University.
- Matkhanova, N.P. (2020) Meetings of "Well-Informed People" in Khabarovsk and the Priamur Governor-General A.N. Korf: Searching of Communication Channels between the Authority and Society in Imperial Russia. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanitarian Sciences in Siberia*. 3. (In Russian).
- Matkhanova, N.P. & Rodigina, N.N. (2019) Loyal Reports as a Source to Study Siberian General-Governors' Views on the Region in the Second Half of the XIX Century. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanitarian Sciences in Siberia*. 26 (1). pp. 45–51.
- Kolosov, V.A. (ed.) (2003) *Mir glazami rossiyan: mify i vneshnyaya politika* [The world through the eyes of Russians: myths and foreign policy]. Moscow: In-t Fonda "Obschestv. mnenie".
- Alekseev, A.I. (1974) *Amurskaya ekspeditsiya 1849–1855 gg.* [The Amur expedition of 1849–1855]. Moscow: Mysl'.
- Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1265. List 7. The year 1858. File 270.
- Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1265. List 7. File 240.
- Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1265. List 6. File 284.
- Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1265. List 10. File 202.
- Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1281. List 6. The year 1863. File 99.
- Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1265. List 6. The year 1864. File 119.
- Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1265. List 11. File 161.
- Dal', V.I. (1979) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: [v 4 t.]* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: [in 4 volumes]]. 7th ed. Vol. 2. Moscow: Rus. yaz.
- Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1284. List 69, The year 1874. File 135.
- Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1284. List 67. The year 1872. File 337.
- Sinel'nikov, N.P. (1895) Zapiski senatora N. P. Sinel'nikova [Notes of Senator N.P. Sinelnikov]. *Istoricheskiy vestnik*. 6. pp. 93–711; 7. pp. 27–46.
- Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1284. List 69. The year 1875. File 522.
- Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1284. List 69. The Year 1876. File 485.
- Anon. (1884) Otchet po upravleniyu Vostochnoyu Sibir'yu za 1879 g. [Report on the governance of Eastern Siberia for 1879]. In: *Sbornik glavneyshikh ofitsial'nykh dokumentov po upravleniyu Vostochnoyu Sibir'yu. 1884. V 2 t.* [Collection of the main official documents on the governance of Eastern Siberia]. Vol. 1 (1). Irkutsk: Tipogr. Shtaba Vostochno-Sibirskogo voennogo okruga. pp. 11–48.
- Anon. (1884) Vsepoddanneyskiy otchet general-gubernatora Vostochnoy Sibiri za 1880 i 1881 gg. [The report of the Governor-General of Eastern Siberia for 1880 and 1881]. In: *Sbornik glavneyshikh ofitsial'nykh dokumentov po upravleniyu Vostochnoyu Sibir'yu. 1884. V 2 t.* [Collection of

the main official documents on the governance of Eastern Siberia]. Vol. 1 (1). Irkutsk: Tipogr. Shtaba Vostochno-Sibirskogo voennogo okruga. pp. 54–149.

36. Anon. (1884) *Vsepoddanneyshiy otchet general-gubernatora Vostochnoy Sibiri za 1882 g.* [The report of the Governor-General of Eastern Siberia for 1882]. In: *Sbornik glavneyshikh ofitsial'nykh dokumentov po upravleniyu Vostochnoyu Sibir'yu. 1884. V 2 t.* [Collection of the main official documents on the governance of Eastern Siberia]. Vol. 1 (1). Irkutsk: Tipogr. Shtaba Vostochno-Sibirskogo voennogo okruga. pp. 354–368.
37. Anon. (1886) *Vsepoddanneyshiy otchet priamurskogo general-gubernatora s sentyabrya 1884 g. po iyul' 1886 g.* [The report of the Amur Governor-General from September 1884 to July 1886]. St. Petersburg: Tip. P. Stepanova.
38. Anon. (n.d.) *Vsepoddanneyshiy otchet o sostoyanii Priamurskogo kraya za vremya s 1886 po 1891 gg.* [The report on the state of Amur Oblast for the period from 1886 to 1891]. S.l.: [s.n.].
39. Dukhovskiy, S.M. (1898) *Vsepoddanneyshiy otchet Priamurskogo general-gubernatora general-leytenanta Dukhovskogo. 1896–1897 gg.* [The report of the Amur Governor-General, Lieutenant-General Dukhovskiy. 1896–1897]. St. Petersburg: tipogr. Yu.N. Erlikh.
40. Lukoyanov, I.V. & Pavlov, D.B. (2018) *Port-Artur i Dal'niy, 1894–1904 gg.: posledniy kolonial'nyy proekt imperii* [Port Arthur and Dalny, 1894–1904: the last colonial project of the empire]. Moscow; St. Petersburg: TsGI-Print.
41. Russian Empire. (1903) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii (PSZRI)* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 3. Vol. 23. Section 1. Column 25319. 30 July 1903.
42. Grodekov, N.I. (1901) *Vsepoddanneyshiy otchet priamurskogo general-gubernatora generala ot infanterii Grodekova. 1898–1900 gg.* [The report of the Amur Governor-General, General of Infantry Grodekov. 1898–1900]. Khabarovsk: Tip. kantselyarii Priamurskogo general-gubernatora.

Received: 26 March 2020

Д.А. Тепляков

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПОИСКИ А.А. БОГДАНОВА

Реконструируются антропологические поиски А. Богданова, включающие в себя следующие составляющие: определение сущности человека; историософскую концепцию «собираания человека»; проблему соотношения между личностью и обществом, между человеком и техникой; роль труда / отдыха и творчества в процессе продолжающегося антропогенеза; проблему соотношения scientизма и гуманизма; товарищеский способ мышления, соответствующий социалистическому обществу; вопросы этики. Сделан вывод, что Богданов, будучи одновременно наследником «второго позитивизма» и марксистом, впадает в противоречивое видение человека как чисто утилитарно-механистическое приложение социальных сил и как многоликого и оригинального творца себя, организатора общества и природы.

Ключевые слова: А.А. Богданов; сущность человека; философская антропология; марксизм; позитивизм; историософия; историография.

Подъём рабочего и студенческого движения против капитализма и самодержавия, крестьянские восстания против всевластия помещиков в России на рубеже XIX–XX вв., вылившиеся в итоге единым потоком в революцию, оживили мощный пласт размышлений о природе человека и общества, подстегнули выдвижение проектов возможных моделей социальных отношений между людьми. Одним из оригинальных, честных и энергичных мыслителей-практиков был Александр Александрович Богданов (Малиновский). Он являлся личностью творческой и не догматичной, настроенной на создание методологии не только в качестве инструмента / рамки для объяснения и интерпретации мира, но и для его активного переустройства. Однако на протяжении многих десятилетий научное и творческое наследие Богданова было несправедливо забыто. В СССР – по причине «непререкаемости» ленинской критики методологии эмпириомонизма с последующим политическим обвинительным «бессрочным» «вердиктом». В «западных» странах настороженность и скептичность в отношении Богданова были вызваны его политической идентификацией (он являлся революционером-марксистом и большевиком), что повлияло на своевременную неотрефлексированность в научной среде «Эмпириомонизма» и «Тектологии» Богданова, которые предвосхитили рождение общей теории систем и кибернетики, что было признано уже постфактум [1. С. 3–13; 2. С. 332–333; 3. С. 283–284; 4. С. 740–741].

Краткий историографический обзор по теме. Первыми на антропологические поиски Богданова через его «Красную звезду» трезво оценивают люди, наиболее близкие к духовной культуре, его друзья и единомышленники – Луначарский и Горький. С одной стороны, они замечают отсутствие страсти, красок, холодность схематизм мышления у героев-марсиан романа-утопии, противопоставляя их строгий, дисциплинированный, монистический позитивизм юношеской, бурной, многоликой земной культуре, в будущем обещающей нечто гораздо более богатое и впечатляющее. С другой – им нравится «светлая, глубокая вера... с коей автор смотрит в будущее», отождествляемое с осуществлением социалистического идеала [5; 6. С. 144]. Акцентацию внимания Богданова на психологические феномены, на сознание человека, способ мышления, советские крити-

ки вслед за Плехановым и Лениным определяли как «субъективный идеализм», не замечая развитие им деятельностного подхода Маркса (по 11-му тезису о Фейербахе: не только объяснение-интерпретация, но и изменение мира). В то же время «патриарх» советской марксистской историографии М.Н. Покровский обращает внимание на бессознательную веру Богданова («вице-лидера» большевиков) в *могущество человека* (а значит, и в ставку на субъективный фактор), где «человек из себя строит весь мир», прибавляя к этому, что «Богданова напрасно обвиняли в чистом идеализме» [7. С. VI]. Русский религиозный философ В.В. Зеньковский реконструирует плехановское и ленинское видение субъективного фактора в истории, однако, касаясь Богданова, этот момент пропускает [8. С. 695–708]. А.А. Белова в краткой биографии Богданова относительно его романов-утопий, высказывает критическую, но достойную внимания позицию в отношении отображения им взаимоотношения личности и общества: «Коллективная сила человечества планеты Марс – духовная капитуляция отдельного индивидуума (самоубийства престарелых, убиение учёного – Стэрни)» [9. С. 29]. Данную мысль продолжает социолог В.В. Витюк, усматривая «непривлекательность богдановской концепции коллективизма в двух противоречивых планах: 1) старательное и даже несколько нарочитое подавление “Я”». Роман Замятина «Мы» толкуется как противопоставление богдановским футуристическим художественным изыскам, – отсюда внесение лепты «в создание атмосферы, облегчающей принятие концепции “винтиков” и утверждение культистских умонастроений»; 2) Богданову присуща вера в активного человека и даже сверхчеловека [10. С. 47–48]. Так, Н.Н. Измоденова данных противоречивых пластов у Богданова не замечает: коллектив не отрицает личность, общая цель должна слиться с целью индивидуальной [11. С. 161–162]. Касательно «Красной звезды» американский советолог Дженсен приходит к утверждению: Богданов придавал особую значимость психическим проблемам, конфликту характеров, т.е. психическим препятствиям на пути к социализму [12. С. 19]. Для Л. Грэхэм драматическая история Леонида – одно из преломлений конфликта внутри духовного мира самого Богданова, где уживались две основополагающие идеи – пессимистическая и оптимистическая:

глубокое переживание раздоров среди людей и напряженная попытка показать, что взаимопонимание все же возможно [13. С. 243]. Американская исследовательница Зеновия Сохор в своей работе высказывает неоднозначную и спорную мысль о противопоставлении культивации товарищеских отношений Богдановым авангардистско-вождистским тенденциям у Ленина [14. С. 31, 35, 37].

Леонид (главный герой «Красной звезды»), по словам М. Арапова, потрясён эрозией этических принципов в марсианской атмосфере победившего социализма: коллективизм выливается в анонимность и безразличие, стирание классовых и национальных границ – к «мертвенной регулярности языка», автоматическая готовность откликнуться на общественные нужды – к отсутствию соревновательности, необременительность личных отношений – к этической индифферентности. По мысли автора, марсианское насилие (высылка Леонида на Землю после убийства математика Стэрни, предлагающего уничтожить всё человечество Земли) «безэмоционально и зловеще функционально». Помимо этого исследователь указывает на мысль Богданова об историчности форм мышления: человек мог думать в прошлом принципиально иным образом, чем сейчас (стоит добавить, что это было сделано в рамках позитивизма). К той же идее независимо пришли философы, этнографы, психологи, лингвисты (Леви-Брюль, Б. Малиновский, Боэс, Сэпир, Выготский и др.) [15. С. 68–69]. Добавим сюда и знаменитую «школу Анналов», в отечественной историографии – Лаппо-Данилевского и др. Андреас Шёнле в своей статье даёт литературоведческий анализ «Красной звезды» Богданова. Автор видит, что Богданов нарушает основной признак любой утопии – претензию на описание идеального мира, ибо люди на Марсе весьма несчастливы [16. С. 160]. Ту же мысль проговаривает и Шушпанов: «...антиутопия проникает в самую текстовую ткань “позитивной” утопии, давая возможность двойного истолкования» [17. С. 220]. В рамках проблемы соотношения цели и средств, по Е.А. Самарской, Богданов придерживался позиции вырастания цели из средств, как и цели диктуют средства, т.е. они не должны быть противоположны друг другу [18. С. 165]. Завершая историографический обзор темы, скажем: целостного исследования антропологических поисков Богданова до сих пор нет.

Что есть человек? В статье «Собирание человека» (1904 г.) Богданов задаётся вечным вопросом «что такое человек?», являясь неосознанным продолжателем дискурса К. Маркса об отчуждении человека (ранние произведения К. Маркса [19] к тому времени не были опубликованы). Богданов объединяет философские и бытовые представления о человеке: они претендуют на целостное видение, но в них проецируется «зауженный мирок» быта [20. С. 7–9]. Позиция «философов-метафизиков» Богдановым представлена *абстрактно и общё*, что значительно упрощает деконструктивную задачу, но не поиск истины. Научная точка зрения о человеке, – по словам Богданова, «верная», – остаётся расщеплённой между дисциплинами, каждая из которых определяет человека со своей стороны, частично, потому недостаточно.

Отсюда его определение: «“Человек” есть *целый* мир опыта», который не сводится ни к «человеческому телу», ни к «сознанию», ни к «сотрудничеству» по отдельности, а является целостным (целое же не есть сумма частей) [20. С. 9–10]. Между тем, с одной стороны, метафизик Н.А. Бердяев обличает позитивизм, которого придерживается и Богданов, в «идеализме»: «Позитивизм... слишком наивно верит в опыт, в его единственность и окончательность, забывая, что этот опыт продукт нашего же сознания и даже одной только его стороны (исключающей этику. – *Т.Д.*)» [21. С. 97].

С другой – и у Бердяева есть целостное понимание человека: «Личность не есть часть чего-то... она есть целое, сопоставимое с целым мира» [22. С. 61]. И более того: «...мир есть часть человека, а не человек часть мира. У человека, как дробной и малой части мира, не могла бы зародиться дерзновенная задача познания» его [20. С. 16]. Но «философское» и «бытовательское» определения человека критикуются Богдановым и за «консерватизм»: мол, человек выступает в них как раз навсегда данное, тогда как человек – «мир развёртывающийся, *не ограниченный никакими безусловными пределами*» [20. С. 11]. Однако и у Бердяева «человек есть существо, недовольное самим собою и способное себя перерастать» [22. С. 51].

С космологических позиций человек, по Богданову, есть микрокосм (частичный, в отличие от космоса как целого), через общение пополняющий свой опыт опытом другого. Бесчисленные потоки опыта вливаются в «бесконечный океан», космос, «природу». Человек здесь у Богданова лишь «часть», отражение великого целого», что есть перевёрнутая выше обозначенная позиция Бердяева [20. С. 11–12]. Одновременно Богданов утверждает концепцию борьбы человека с природой во имя разумного господства над ней с целью привнесения в неё организованности [20. С. 45–50; 23. С. 181; 24. С. 4].

Эта позиция в чём-то схожа с бердяевской. Но понятие «организованность» у Богданова и Бердяева трактуются по-разному. У первого организационная точка зрения пронизывает весь мир, где первый великий организатор – природа (как органическая, так и неорганическая) [25. С. 71]. Бердяев же склонен различать неорганическую природу, организм и организованность. Организм рождается из природной жизни и рождает сам; организация создаётся, творится человеком. И потому «*господство техники и машины есть прежде всего переход от органической жизни к организованной жизни, от растительности к конструктивности*», причем Николай Александрович опасается, что «организация имеет тенденцию и самого организатора превратить из организма в машину», хотя человек «не может быть технизирован и машинизирован без остатка, в нем всегда останется иррациональное начало» [26. С. 8, 10, 12].

Богданов же преспокойно отождествляет механическую точку зрения с организационной [25. С. 99], хотя человека и не считает машиной. Религиозные философы вместо холодной «организации» говорят о гуманизации мира: «Он (человек. – *Т.Д.*) зависит от природной среды, и вместе с тем он гуманизирует эту

среду, вносит в неё принципиально новое начало» [22. С. 51]. У Н.Ф. Фёдорова: «Задача человека – морализировать все естественное, обратить слепую, невольную силу природы в орудие свободы» [27. С. 298]. У Богданова человек, во-первых, для себя есть комплекс непосредственных переживаний, входящих и не входящих в психический опыт; во-вторых, для других и для себя – как воспринимаемый определенный зрительно-тактильно-акустический комплекс; в-третьих, в дальнейшем развитии опыта – для себя и для других как объективный физиологический процесс; в-четвёртых, вследствие взаимного понимания друг друга через высказывания – и для других комплекс непосредственных переживаний [24. С. 75–76]. Ленин решительно, не стесняясь в выражениях, оценивает такое определение как «сплошной «комплекс» вздора, годного только на то, чтобы вывести бессмертие души или идею бога и т.п.» [28. С. 240]. Если смотреть глубже, данное богдановское понимание навеяно позитивизмом (который регистрирует только факты-элементы внешнего опыта) и «психологизмом», который, по Бердяеву, есть «замкнутость в природном, объективированном мире» и по которому «человек есть дробная часть мира» [22. С. 10].

С началом разделения труда, классовой дифференциации человек стал, по Богданову, раздробленным: люди различных профессий и классов перестали понимать друг друга. Дробление человека, по мнению Богданова, совершается в большей степени именно в «силу» одностороннего развития: «Всякий строит мир по образу и подобию своего специального опыта» [20. С. 24–25]. «Проклятые вопросы»: что я такое? Что есть этот мир? Откуда всё это? Зачем? Почему столько зла в мире? – Богданов считает вопросами раздробленного человека [20. С. 31–33] (для Бердяева, философов это собственно человеческие вопросы [29. С. 90]). Но при переходе капитализма в промышленную стадию процесс дробления человека повернул к собиранию: рабочий становится не только исполнителем, но и организатором машины, начинается постепенное освобождение рабочего из антагонизма организатор–исполнитель [20. С. 37–41].

В итоге – историософия Богданова, являясь развитием марксизма, предполагает телеологическую направленность исторического процесса, ведущую от «примитивного» первобытного «человека-целого» к «человеку-дробу» (как сущности человека эпохи социального неравенства) и от него к «человеку-целому» (как будущему) [20. С. 45]. Богданов в романе-утопии «Красная звезда» нарисовал «идеальную» гуманистическую модель социалистической революции в качестве социальной «перезагрузки» как важного момента на пути собирания цельного человека, постепенно разрывающего со своим классовым прошлым: вся власть в руках у рабочей партии, свергнутые классы не сопротивляются и не являются полностью «обделёнными» – им выплачивается пенсия и они работают в качестве «менеджеров» [30. С. 71–72]. В завершение статьи «Собирание человека» Богданов задаётся вопросом: есть ли смысл словом «человек» обозначать «существа» столь разнородные (индивида и первобытной, и авторитарной, и индиви-

дуалистической, и коллективистской стадий развития)? И приходит к ответу: «...очевидно, что “нет” здесь вернее, чем “да” <...> Человек ещё не пришёл» [20. С. 53–54]. Стоит задаться вопросом: на чём же, если не на человеке, базируются его наработки по «элементам» социализма в настоящем [31] и относительно пролетарской культуры?

Но что есть богдановский «человек-целое»? Прочитируем: «...гармоничное движение, спокойно-уверенное проявление силы, действие, чуждое болезненности усилия, стремление, свободное от волнения, живая активность, проникнутая сознанием своего стройного единства и своей непобедимой разумности» (ср. с бердяевским «недовольным», потому и растущим человеком). «Сложные человеческие существа» изображаются сосредоточенными на каком-нибудь *одном* чувстве, стремлении (неясно, для чего такое насильственное обуживание. – Т.Д.); любимые темы: отображение экстаза творческой мысли, любви (но ведь «свобода от волнений»? – Т.Д.), наслаждения природой, спокойствия добровольной смерти; воплощение самой любви, «ясной, светлой, всепобеждающей» [30. С. 101–102] (как же тогда возможна «добровольная смерть»?).

Марсиане избегают всех формальностей и условностей при общении друг с другом: никогда не здороваются, не прощаются (хотя упоминания рукопожатий есть), не благодарят, не затягивают разговора из вежливости [30. С. 57, 126, 127]. Скорее, Богданов подразумевает проявления пошлости и лицемерия, которые определяются Бердяевым как бесконечная повторяемость, однообразие, утеря своего лица [22. С. 191, 200]. Но неужели эти качества не преодолены при коммунизме? В то же время с «большим терпением» марсиане приспосабливаются к психологическим особенностям собеседника, «входят» в его психологию. На Марсе единый литературный и разговорный язык. Его правила не имеют исключений, в нём нет разграничений на мужской, женский и средний род (и по одежде сложно отличить девочку от мальчика, – смысла такой странной унификации не даётся [30. С. 90, 135–136]).

Марсианам неведомы понятия «великий человек», гений, они не приемлют вождизма. Для них каждый работник является творцом, которым «творит человечество и природа». Балласт имён прошлого, «мёртвый символ личности» («человек – личность, но дело его безлично», – отчеканивает Нэтти) марсиане считают бесполезным бременем для памяти человечества. В этом можно видеть перехлёст антиавторитарного настроения Богданова, исходящий из неприятия иерархизма. Богданов, в отличие от Бердяева, не отличал безличный иерархизм (чинопочитание) от иерархизма человеческих качеств и даров, который выделяет святого и гения, изобретателя и мастера, героя и т.д. [22. С. 88–89]. Между тем экипаж для полёта на Марс Мэнни отобрал из числа многих тысяч желающих. А в домашнем кабинете у Мэнни висел портрет выдающегося предка – организатора строительства марсианских каналов (о деяниях которого Богданов напишет позже фантастический роман «Инженер Мэнни»). Тем не менее памятники марсиане ставят только великим событиям: первой попытке достигнуть Земли, устра-

нению смертельной эпидемической болезни, открытию разложения и синтеза всех химических элементов [30. С. 51–53, 78, 103].

Соотношение личности и общества. Авангардом социального развития для Богданова является рабочий класс, но подвергается сомнению важность личности и семьи: «Маркс... впервые сумел понять... социальную сущность человека. Для него исходным пунктом был не индивидуум, и не... обломок родовых коллективов – моногамная семья, а новый, нарождающийся трудовой коллектив – рабочий класс» [32. С. 197]. Заметим, что основатели марксизма к личности относились более трепетно: «...в этой коллективности индивиды участвуют как индивиды», а не усреднённые члены класса [33. С. 75–76]. К тому же Богданов, видимо, пропустил 3-й тезис из «Тезисов о Фейербахе» Маркса: «Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания... это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан» [34. С. 2]. Центральной фигурой художественного произведения, по Богданову, при социализме становится не личность, а коллектив сначала классовый, а затем и общечеловеческий в борьбе с природой [22. С. 91; 35. С. 194], и «если даже видимым автором книги, картины, теории, нормы является определённая личность, то действительный генезис их гораздо шире и глубже, он коренится в коллективе».

У Бердяева по этому поводу более глубокая позиция: с одной стороны, «личность пуста, если она не наполняется сверхличными ценностями и качествами, если в творческих актах она не выходит за свои пределы вверх, не преодолевает себя, тем реализуя себя» [37. С. 229]. С другой – «человеческая личность не может не определить своего отношения к обществу, но она не может нравственно определяться обществом» [22. С. 64].

Притом Богданову, к сожалению, безразличен уровень дарований индивидуума, который является простым «приложением» социума: «Гений или простой работник... всегда – точка приложения социальных сил, не более, но и не менее этого» [38. С. 33]. Но ведь есть и нечто выше общества – истина, в результате поиска которой, например, произошло трагичное столкновение афинской демократии с Сократом. По мнению Богданова, порождает науку «только... общественная практическая необходимость» [39. Л. 27]. И здесь высвечивается утилитаристская позиция. Автор, по Богданову, является *организатором* «данного материала, а через то, в известной мере, и самой коллективности», что схоже с «ролью сборщика машинных частей в механическом производстве» [36. С. 39]. Причём создать нечто новое можно только из старых элементов [40. С. 212]. У Бердяева: «Творчество есть всегда... создание нового, небывшего в мире... Творчество по самому существу своему есть творчество из ничего» [22. С. 135]. В механицистском представлении Богданова есть некое преддверие постмодернистского подхода, где текст – лишь сборник цитат, просматривается и утрата самоценности личностного начала, которая мощно присутствовала в предшествующей традиции русской социалистической мысли.

Смотрим у В.Г. Белинского: «...судьба субъекта, индивидуума, личности важнее судеб всего мира» [41. С. 22]. У Герцена: «Вечное подчинение человека обществу есть не что иное, как продолжение человеческих жертвоприношений в другой форме <...> Человек, любящий только *самого себя*, чудовище так же, как человек, любящий *всех*, кроме самого себя» [42. С. 229, 233]. И далее: «Согласовать личную свободу с *миром* – тут вся задача социализма» [43. С. 260]. Но суждениям, умаляющим личность, противостоят мысли тектолога из других работ: «Только в социалистическом строе возможен полный расцвет духа и выявление личности», – заявляет Богданов в 1917 г. [44. С. 5], как и в полемике с Каутским: «То, чем высший коллектив отличается от стада, есть именно индивидуальность членов коллектива, их самостоятельность, дух инициативы, оригинальность – то, без чего они не активные элементы коллектива, а только инертные элементы массы. Есть все основания думать, что именно в царстве коллективизма индивидуальность расцветёт наиболее пышно» [45. Л. 12–13].

Небесспорная позиция Богданова по взаимоотношению общества и личности отражается и в его мыслях о воспитании. Процесс воспитания уподобляется армейской жизни: подобен «делу набора, обучения, дисциплинирования, распределения рекрутов в армии», – что не может не вызвать удивления. В процессе воспитания включается и образование, где общество, учитывая свои утилитарные потребности, целиком и полностью формирует личность: подготовку человека «к выполнению той роли, тех функций, которые ему в системе общества придётся выполнять».

Скажем, что это определение воспитательного процесса предвещает модель буржуазного «общества потребления», где требуется подготовить человека лишь к «свободному *выбору* специальной функции в обществе», – модель, не подразумевающую творческого дерзновения личности. «Пережитками прошлого» в современной ему системе образования Богданов называет богословие и «мёртвые» языки (латинский и древнегреческий), что есть позитивистский же перегиб. В обществе социалистическом, по Богданову, воспитываются демократические принципы, что, отметим, осуществлялось уже и в русской крестьянской общине, которую Богданов игнорировал: «...все по мере знания и опыта участвуют в выработке коллективной воли (обсуждение и решение), каждый затем в её исполнении» [46. С. 112, 115–117].

Как в таком случае избежать возможного проявления «дурного коллективизма», где каждый голосует так, как все, где царит всеобщая безответственность, Богданов не поясняет, но подчёркивает, что при социализме «каждый мог бы в полной мере развивать свою производительную энергию, следуя своему трудовому призванию» [31. С. 91]. Однако призвание личности, по Богданову (1918 г.), определяется обществом: «Роль каждого в общем деле ...должна меняться сообразно потребностям коллектива. Каждый определяет её сообща с другими, и участвует в её определении для других». Прямо противореча себе, далее Богданов говорит о самостоятельности личности: «В коллективе каждый дополняет других, в этом

сущность его роли. Но дополнять их он может постольку, поскольку от них отличается... поскольку самостоятелен... смысл этой самостоятельности *не в* отстаивании личных интересов, а в инициативности, критике, оригинальности...» [46. С. 117, 118]. Очевидно, что личные интересы Богданов понимает лишь в эгоистическом ключе, как идущие в ущерб обществу. Дальше он, полемизируя с либерализмом, говорит: мир индивидуализма «суживающей специализацией» и борьбой, отнимающей силы и возможности для реализации творчества, подавляет индивидуальные способности. Ещё более точно о губительном влиянии индивидуализма на личность высказался Бердяев: «Удушливая изоляция личности в современном индивидуализме есть гибель, а не торжество личности, есть обезличивание...» [22. С. 63]. Дисциплина при коллективизме принимает вид «не фетишистической дисциплины долга и закона<,a> живой товарищеской связи коллектива, сознательного подчинения его общим интересам, его целям» [46. С. 119].

Богданов не досказал, что такое сознательное подчинение возможно лишь при снятии противоречия между частными и общественными интересами. В «Красной звезде» социалистическая сознательная дисциплина видится более свободной для личности. Марсианская организация труда осуществляется посредством разумной ориентировки работников на таблицы, в коих указывается излишек или недостаток труда в отраслях производства: «При одинаковой или приблизительно равной склонности к двум занятиям, человек выберет то из них, где недостаток сильнее». «Статистика никого ни к чему не обязывает», хотя её влияние «непрерывно сказывается на *массовых* перемещениях труда» [30. С. 85, 89]. В «Красной звезде» мы видим «самоуправленческую» крайность в деле воспитания детей. В отдельном доме детей всего трое специалистов-воспитателей, в остальном воспитательную функцию на себя берут старшие дети, навещающие своих детей (или живущие некоторое время с ними) родители и молодые люди, изучающие дело воспитания [30. С. 93]. Касательно роли воспитателя Богдановым так же не учтён 3-й тезис Маркса о Фейербахе: «Роль воспитателя достигает здесь наибольшей сложности и ответственности. Но зато она впервые ясно выступает перед ним во всей своей глубине и величии. Он сознаёт себя действительным организатором общества, создающим истинного человека из того, что не было человеком» [46. С. 119].

Как видим, Богдановым вырисовывается колоссальная роль субъекта. Но почему воспитатель – человек, а общество ещё не человеческое? Откуда он мог такой взяться? В целом такая тонкая тема, как воспитание, при данном позитивистском подходе даётся лишь конспективно, по верхам. Вместе с тем в «Красной звезде» обозначена (без разрешения её) проблема: в детском возрасте у марсиан ещё присутствует атавизм личной собственности [30. С. 92]. Ответ на данный вопрос можно найти у советских психологов-дефектологов Загорского центра по воспитанию и обучению слепоглухонемых детей: освоение предметов быта, с помощью которых осуществляется «деловая» деятельность по индивидуальному самооб-

служиванию, – а затем и групповому, – в целях обеспечения первичных, органических нужд, открывает двери к «ориентировочно-исследовательской» / познавательной (т.е. творческой) деятельности, формирующей личностные потребности» [47. С. 80, 82, 124, 152, 175–176]. То есть именно творчество способно преодолеть собственническую одержимость.

Труд Богдановым определяется как сознательно-целесообразная деятельность, вызывающая как отрицательный (страдание, затрату энергии), так и положительный аффекционал (удовольствие), направленная как на приспособление человека к внешней среде, так и на её изменение [24. 198, 202]. «Социально-экономическое» определение труда у Богданова: «Труд есть **общественная функция** работника, – затрата энергии коллектива для поддержания и развития жизни коллектива» [48. С. 101]. Здесь снова мы видим «проглатывание» коллективом личности. В данном случае, к сожалению, Богданов подтверждает негативную точку зрения Бердяева о социалистах: «В своей борьбе за освобождение труда и трудящихся социализм не менее капитализма готов рассматривать личность как функцию общества» [22. С. 230]. В богдановской «Философии живого опыта» учитывается историко-преобразующее значение труда: «Труд в целом, это активность всего человечества в исторической связи всех его поколений». Труд, по утверждению Богданова, «*организует мир для человечества*» [32. С. 47, 48]¹.

В «Познании с исторической точки зрения» (в «Эмпириомонизме» этого уже нет) Богданов выделяет два вида труда: консервативный и изменяющий. Консервативный – сохраняет, поддерживает и воспроизводит прежние условия существования человека; ему присущ статический тип мышления. Изменяющий – преобразует условия существования человека; ему соответствуют пластическое строение психики и исторический тип мышления [40. С. 204–208]. Фактически консервативный труд = воспроизводящий, а изменяющий = творческий. Богданов отмечает важность в том числе культурной «подпитки» для труда: «...если грамотный, мыслящий рабочий лишается привычной уже для него газеты, чтения брошюр, то падает его “настроение”, и опять понижается рабочая сила» [48. С. 104]. Вместе с тем скажем: Богданов здесь не выходит за рамки логики своего персонажа инженера Мэнни – менеджера технократической фазы развития капитализма: «Рабочий, который недоволен, угрожает неожиданностями, нарушающими ход дела. Мне нужна полная рабочая сила, и мне не надо неожиданностей» [50. С. 226]. «Работа “творческая”, – по Богданову, – представляет особый, сверхквалифицированный тип сложного труда». Для неё необходимы «новые и новые воздействия извне, вариации впечатлений, нарушающие шаблонный ход жизни». Как полагает тектолог, «природа никогда не повторяет в точности раз возникшего сочетания своих условий» и потому является наиболее ценным и даровым источником творчества в противоположность городу, чуждому «её могущих стимулов творчества», искусственно производящему вторичные и во многом вредные «возбудители»: алкоголь, разврат и азартные игры

[48. С. 109]. И далее: «Общество же грядущее позаботится о том, чтобы всем своим работникам дать естественные стимулы творчества – живую связь с матерью Природой». Эти соображения схожи с фёдоровской точкой зрения о городской жизни как искусственной [27. С. 47]. К творчеству у Богданова складывается отношение, как к хрупкому дару, но вместе с тем он срывается в позитивистскую калькуляцию творческой составляющей труда [48. С. 110]. По словам Бердяева, «возврат к природе есть вечный мотив в истории культуры, в нем чувствуется страх гибели культуры от власти техники, гибели целостной человеческой природы» [26. С. 6]. В своих записных книжках Богданов выводит «две мудрости: обывательскую и революционную. Первая принимает человека, как существо живое, вторая – как творческое. Первая избегает страдания и смерти вообще; для второй страдание может быть меньшим злом, чем переход к 1-й, который означает смерть творческого существа, соединённую с необходимостью потом ещё созерцать свой труп» [51. Л. 25]. Это схоже с бердяевской точкой зрения на творчество: «Никогда блаженство, счастье не является целью творчества, и творчество знает свои муки и страдания» [22. С. 162].

Богданов убеждён, что без способности к творчеству пролетариат не сможет стать самостоятельным и полноценным социальным *субъектом* – строителем нового мира. В связи с этим он обрушивается с критикой на точку зрения социал-демократов, пренебрегающих вопросом культуры: «Одни предлагают опеку со стороны обладающих досугом и достатком высших классов, другие – со стороны свято и строго охраняющих абсолютную истину теоретиков, – различна лишь степень и форма приложения тенденции, которая по существу в обоих случаях одна и та же», – отвечает Богданов в «Культурных задачах нашего времени» «скептикам». И далее: «...нельзя быть надёжными идеологами рабочего класса людям, которые проникнуты... глубоким недоверием к его творческим силам» [36. С. 30, 31].

Богданов видит «панацею» в выработке пролетариатом своих организационных методов (но ведь и они могут быть искажены. – *Т.Д.*), которые и приведут его к победе. Напротив – следование старым методам, логике других классов обрекают пролетариат на положение «объекта» социальной манипуляции («живого материала промышленности, пушечного материала милитаризма»): «Одно из 2-х, – отмечает в записных книжках Богданов: либо он принимает старую культуру, методы др. классов – и вместе с тем подчиненное положение; или он создаёт свою культуру, свои методы, подчиняет им свои организаторские силы, откуда бы они не пришли – и тогда, как господин хода вещей, выполняет свою историческую миссию» [51. Л. 28, 42; 52. 313–314]. «Пролетариат, конечно, – замечает Богданов, – законный наследник художественного богатства старой культуры. Но культурное наследство не достигается без усилий... И для этого один способ: надо иметь свою культуру, чтобы с её новой точки зрения осветить и понять продукты старого творчества» [36. С. 75; 49. С. 85]. Исходя из этого, по Богданову, необходимо, «продолжая

прежнюю борьбу и организацию, сознательно и планомерно собирать, развивать, стройно систематизировать возникающие зародыши новой культуры – элементы социализма в настоящем» [52. С. 350]. Трудовой процесс изменения внешней природы вызывает и изменение самого человека, которое тоже есть труд по выработке в себе определённого мировоззрения и воспитания характера. Благоприятно на человека действует свободный (= полезный) труд, который вытекает из собственных и основных *потребностей личности* (коллектив здесь не упоминается. – *Т.Д.*) и вызывает удовольствие («положительный аффекционал»). Именно он является воспитательным средством, и самое главное, по Богданову, он изменяет человеческую природу в сторону возрастания гармонии и полноты жизни и изменчивости её форм. Поэтому история ставит на повестку дня вопрос свободного труда, как «о систематическом, планомерном, непрерывно прогрессивном развитии человеческой психики» [24. С. 198–202]. По марксистскому канону Богданов определяет свободный труд как «естественную потребность каждого развитого социального человека» [30. С. 86]. Тем временем Бердяев трактует освобождение труда как «освобождение личности» не только «от гнетущих фантазмов буржуазно-капиталистического мира», но и «от гнетущей власти социальной обыденности» [22. С. 233].

Отдых марсиан Богдановым в «Красной звезде» охватывается лишь в одном предложении: после работы марсиане отправляются по музеям, библиотекам, лабораториям и даже на другие фабрики наблюдать производство или работать [30. С. 136–137]. Вместе с тем у самого К. Маркса мы видим: в будущем обществе «мерой богатства будет отнюдь уже не рабочее время, а свободное время», ибо «*рабочее время в качестве меры богатства* предполагает, что само богатство основано на бедности... благодаря полаганию всего времени индивида в качестве рабочего времени и потому благодаря низведению этого индивида до положения только лишь рабочего, благодаря подчинению его игу труда».

Словом, расширение пространства свободного времени в новом обществе способно преодолеть узкоклассовую картину мира, т.е. превратить рабочего в целостного и универсального человека. Маркс определяет свободное время «как досуг, так и время для более возвышенной деятельности», и в таком случае оно «превращает того, кто им обладает, в иного субъекта, и в качестве этого иного субъекта он и вступает затем в непосредственный процесс производства». При коммунизме, по мысли Маркса, будет реализовано «свободное развитие индивидуальностей, и поэтому имеет место... сведение необходимого труда общества к минимуму, чему в этих условиях соответствует художественное, научное и т.п. развитие индивидов благодаря высвободившемуся для всех времени и созданным для этого средствам» [53. С. 214, 217, 221]. И всё-таки у Маркса в некоторых местах происходит выпячивание процесса производства, что дало повод для вывода Бердяева о марксовом коммунизме: «Личность есть лишь орудие хозяйственно-общественного процесса, качества личности есть

лишь способ достижения максимальных хозяйственных благ и мощи» [22. С. 230].

Касательно проблемы *соотношения человека и машины* у Богданова в 1913 г. выходит специальная статья. При мануфактурном разделении труда человек берёт на себя функции машины. На стадии фабричной человек передаёт механическую работу машинам, отсюда «рабочий мог уже стать человеком». Инженер Тэйлор со своей «научной системой» организации труда, по словам Богданова, вновь превращает человека в машину: «Но разве может человек не отупеть, выполняя изо дня в день, из года в год... механическую работу под строжайшим, непрерывным, можно сказать – каторжным надзором? <...> он *должен* отупеть...». Богданов убеждён в том, что «над машиною нужен настоящий человек, а не тэйлоровская живая машина». Резюмируя, Богданов утверждает: «Вообще, тэйлоризм гораздо больше заключает усовершенствованные способы эксплуатации, чем улучшенные способы производства» [54. С. 5, 6, 12, 14, 15].

Схожая позиция и у Бердяева: «Система Тейлора есть крайняя форма рационализации труда, но она превращает человека в усовершенствованную машину» [26. С. 11]. Именно «отталкиваясь» от машины, по Богданову, человек определяет свою сущность и предназначение: «Машина... непрерывно повторяет работнику: “ты человек, ты человек свободный, могучий, ты направляешь стихийную силу, ты побеждаешь твёрдость металла, формы вещей покорны тебе; ты человек”». Эта речь машины настраивает его на борьбу, его «губы бессознательно шепчут: “настанет день!”... Что принесёт он – счастье победы, или гибель бойца – этого не знает молодой мечтатель; верно одно, – что он сумеет быть свободным и сильным, достойным того, что утверждает машина» [55. Л. 11–12].

Идеализируя технические возможности человека, управляющего машиной, Богданов не замечает обратную, негативную сторону власти техники. На этом аспекте останавливается Бердяев. Он предупреждает о подмене целей жизни средствами, когда человек становится орудием производства, об опасности омассовления и уничтожения всякой индивидуализации, говорит о том, что душевная организация человека не поспевает за развитием техники, отсюда и дегуманизация мира. Между человеком и машиной разворачивается борьба: либо дух человеческий подчинит себе технику, человек станет космиургом и в этом случае техника «может способствовать преодолению капитализма и созданию иного, более справедливого социального строя», либо человек, проявив слабость духовную, позволит машинам вытеснить себя полностью [26. С. 5, 7, 20, 22, 24, 25, 28, 29, 31, 33].

О *товарищеском способе мышления*. Учитывая, что «капитализм практически организуется при посредстве *права частной собственности и морали индивидуализма*» [52. С. 325], социализм должен быть построен на иных – товарищеских принципах. Богданов надеется, что «борьба ведётся не за перемену властителя, не за то, чтобы самим лично стать властителями, – а за *ограничение власти*, за изменение самого способа организации» [36. С. 49, 51], и «вместо индивидуализма буржуазии, против авторитарности под-

нимается коллективизм, жажда освобождения классового и с ним общечеловеческого» [35. 186].

По мысли Богданова (увь, исключаяющей крестьянство), «именно товарищеское сотрудничество является для рабочего класса его специфической формой организации» [36. С. 54]. В записных книжках Богданова читаем: «Товарищество – это центр мироотношения, это высшая точка зрения, с которой оцениваются формы сознания, а природа перестаёт быть безразличной и враждебной средой, становится полем общественного действия – опоры гордого сознания силы... опять определяемого товариществом». Причём коллективизм, по Богданову, является высшей формой универсализма, призванного очеловечить Вселенную: «Коллективизм познания есть активный универсализм, т.е. выражает реальную тенденцию к осуществлению универсализма: человечество организует мир, – но он ещё не организован по-человечески, универсализм же пантеистов и панпсихистов есть созерцательный, т.е. фиктивный...» [51. Л. 86, 94].

Вопросы этики. Что есть *любовь* в представлении Леонида (главного героя «Красной звезды») и марсиан? На Земле у Леонида была жена, они были отличались по мировоззрению: она ориентировалась на этические императивы, он – убеждённый аморалист, полагающий, что нравственные установления – пустые временные фетиши (по мысли А Шёнле, не случайно отчество героини Анны Николаевны отсылает к Чернышевскому [16. С. 160]); она считала, что любовь обязывает к жертвам, уступкам и верности, он – отрицал обязательства, считая многообразие принципиально высшим, чем единобрачие. Однако, его марсианская возлюбленная врач Нэтти в чём-то оказалась похожа на бывшую жену: «Если бы мне не удалось вполне вылечить вас, я бы, может быть, умерла». На Марсе Леонид постепенно отходит от своих «земных» принципов, когда узнаёт, что Нэтти в прошлом была женой двух своих товарищей одновременно. Она в своём письме, призывая его к самообладанию, давала со своей стороны обещание: «У меня *не будет* других личных связей... перед страстным желанием помочь тебе в твоей великой жизненной задаче всё остальное становится так мелко и ничтожно. Я люблю тебя не только как жена, я люблю тебя как мать, которая ведёт своего ребёнка в новую и чуждую ему жизнь, полную усилий и опасностей. *Эта любовь сильнее и глубже всякой другой* (курсив мой. – Т.Д.)» [30. С. 22–23, 25, 125–126, 128–129, 131–132, 139–141, 144–148]. И если у Богданова-рационалиста «великая жизненная задача» заслоняет личность, то, тем не менее, в «Красной звезде» он бессознательно приходит к бердяевской позиции: «истинная любовь мучительна и трагична <...> элемент вечного материнства входит во всякую подлинную любовь. Жена есть также мать. Полное отсутствие материнского начала свойственно лишь типу любовницы-гетеры, куртизанки, которая вампирична, берет и не отдает» [22. С. 252, 256]. То же замечает и американский советолог К.Дженсен: Богданов подводит своего героя к пониманию, что представление Анны Николаевны о любви как духе самопожертвования было более правильным. Вместе

с тем Дженсен находит любовные сцены романа особенно сильными и достойными сравнения с творчеством Джейн Остин и Пушкина [12. С. 10, 26–27].

В «Тектологии» Богданов прямо пишет, что она чужда морали, как и математика [25. С. 57, 141]. Однако, в записных книжках он фиксирует мысли чисто этического характера, хотя сознательно пытается дистанцироваться от данного понятия, заменяя его более «нейтральным»: «Не моральная, но организационная точка зрения знать, что объединение в будущем неизбежно, и всячески отправлять его в настоящее». Средства, по суждению Богданова, должны соответствовать цели, и потому допустимо ли: «Я готов на всякую подлость для дела?» но если: «я сам существую для дела», значит, «что делаю для себя, то косвенно делаю для дела. Поэтому, если я сделаю подлость и для себя, это в конечном счёте тоже для дела. Затем подлость – метод становится привычкой, и рано или поздно делается открытие: “а ведь я подлец”» [51. Л. 31, 86].

По данному вопросу Богданов смыкается с Бердяевым: «“средства”, которыми пользуется человек», не менее важны, чем «цели», ибо «они больше свидетельствуют о духе человека» [22. С. 87]. После Февраля 1917 г. Богданов, поднимая политический дискурс до антропологического, на передний план выводит факт неравенства людей по своему человеческому достоинству: 1) служащие господству капитала – «низшая часть человечества»; 2) обыватели, – которых большинство, – сосредоточены только на личных и семейных делах, не заботясь об общем деле и великом будущем; 3) «те, которые работают для освобождения всех от всякого рабства, гнёта и эксплуатации, для общего счастья. Это – борцы за социализм, люди будущего. Выше этого нет звания на земле» [56. С. 23]. Однако «революционер, который доведён до низости, который “сдал”, делается хуже обывателя, для которого низость – дело обихода: падение с большей высоты глубже». Образ либерала у Богданова вырисовывается прямо противоположным революционеру: «Либералы усвоили из Маркса, что их роль заключается в предательстве демократии, и постоянно ищут случая предать, – до сих пор всё на свою голову. Политику они понимают, как искусство выгодно изменить» [51. Л. 90, 95].

Опасность абсолютизации сциентизма. Среди болезней на «Красной звезде» преобладают психические заболевания, вызванные волнениями и кризисами половой жизни, а также смертью близких людей. Значит, в марсианском обществе не всё «идеально» и рационализм далеко не всеобъемлющ. В лечебнице самоубийцам предоставляется возможность осознанно покончить с жизнью: «Врач, конечно, сначала предлагает больному посоветоваться с ним. Некоторые соглашаются на это, другие – нет», – замечает врач Нэтти. Здесь очевиден позитивистский уклон в мышлении Богданова: холодное подчинение неспособности убедить человека не делать непоправимое. Хотя в то же время Нэтти спасает от самоубийства Энно. Кроме того, с помощью обмена кровью между людьми, марсиане относительно долго сохраняют свою молодость: происходит «товарищеский обмен жизни

не только в идейном, но и в физиологическом существовании» [30. С. 110–116, 140]. Отношение к другой жизни, другой культуре оказывается противоречивым. Вследствие увеличения эксплуатации Марса стучится в дверь опасность истощения природных ресурсов. С точки зрения математического ума Стэрни, для колонизации лучше всего подходит Земля. Главным препятствием являются земляне, считающее её своей собственностью. И поскольку немедленное социалистическое перевоспитание землян нереально, колонизация Земли требует, по заключению Стэрни, полного истребления земного человечества. Увеличением количества представителей «высшей» жизни, по его мнению, нельзя жертвовать ради «низшей» земной [30. С. 106, 107, 153–154, 158–160, 163–164].

Таким образом, чистый от «этических химер» рационализм таит в себе опасность проявлений нацизма, о чём в последующем говорили и представители «западного марксизма»: «...фашизм, избавляющий подвластные ему народы от бремени моральных чувств посредством дисциплины... в тем более глубоком созвучии с чистым разумом обращается... с людьми как с вещами <...> тоталитарный порядок полностью восстанавливает в своих правах калькулирующее мышление и основывается на науке как таковой» [57. С. 110].

Стэрни отвечает врач Нэтти, она выходит из линейно-вульгарного эволюционистского дискурса, становится на точку зрения равноправного межкультурного диалога. Культурная и этноментальная многоликость землян, по словам Нэтти, привели к «возникновению множества различных точек зрения и оттенков понимания жизни вселенной» [30. 164–165, 166–167], что является отправной диалектической точкой для дальнейшего развития. Нэтти убеждена: «Мы должны... если это необходимо, пожертвовать частицей той нашей жизни, которой ещё нет, для той, пока ещё чужой жизни, которая есть и развивается» [30. С. 168–169]. Эта мысль уже ставит осязаемый предел аморалистским тенденциям, заявленным от лица Леонида в начале романа, а после провозглашённым Стэрни, гибель которого можно считать символической.

При социализме человечество, по Богданову, должно достигнуть некоего «просветленного» состояния: «Из реальной власти общества над природой внешней и над своей собственной природою вытекает другая черта психологии нового мира – *это отсутствие всякого фетишизма*, чистота и ясность познания, освобождённого от идолов мистики и признаков метафизики». «Фетишизмом», по Богданову, являются и принудительные нормы. Функцией принудительных норм (обычай, право, нравственность) является регулирование жизненных противоречий между людьми, группами, классами. В связи с тем, что социальные противоречия устранены, нет надобности и в принудительных нормах [58. С. 282, 283]. Правда, на первой стадии коллективизма принудительность ещё необходима к нарушителю как представителю враждебной общественной силы. Принуждение и наказание будут применяться вплоть до перевоспитания новых поколений в духе коллективизма [35. С. 196–197]. При этом Богданов высказывает странное суждение: «Когда индивидуалисту доказывают услов-

ность... социальное происхождение нравственных норм, то он понимает это, как голое их отрицание, и впадает в великий гнев против «безнравственности» противников». Нам же представляется, что крайний индивидуализм это и есть аморализм. Характеризуя пролетарскую товарищескую солидарность, Богданов дистанцируется от термина «моральные принципы», заменяя его «организационной потребностью / целесообразностью коллектива» [35. С. 197; 36. С. 81, 82, 83–84, 85]. Более того, социальные нормы будущего он приравнивает к *техническим* нормам [36. С. 86] и правилам, к «научным положениям», нарушителями которых могут быть лишь люди с «психическими» отклонениями, к которым может быть применено «врачебное» насилие [35. С. 197]. Заметим, здесь едва ли не предвосхищение грядущей практики заключения оппозиционно настроенных лиц в психиатрические больницы, опасности чего Богданов не замечает. Пролетарские нормы, по Богданову, условны и пластичны: «...устав для коллектива, а отнюдь не наоборот» [36. С. 86, 87].

В целом у Богданова зауженная трактовка морали всецело как закона и фетиша. У Бердяева этот вопрос рассматривается значительно глубже: помимо этики закона он выделяет христианскую этику искупления и благодати, творческую этику, которые не отрицают первую: «Высшее не отрицает низшего, но включает его в себя в преображенном виде». «Этика закона, – по Бердяеву, – не знает внутреннего человека, она регулирует жизнь внешнего человека в его отношении к обществу людей... она авторитарна и социальна». Именно против неё (при упрощённом её понимании) и восстаёт Богданов, заменяя её ещё более бесчеловечно-холодной технической, не подозревая о творческой этике, не учитывая «этики внутреннего

человека». Но «человек... ни одно мгновение не должен превращаться в нравственного автомата <...> Этика творчества есть этика бесконечного, для нее мир раскрыт и пластичен ... Этика творчества исходит от личности, но направлена она не на личность, а на мир, в то время как этика закона исходит... от общества и направлена на личность» [22. С. 101, 107, 109, 114, 116, 117, 119, 142, 143]. К сожалению, позитивистские пристрастия Богданова не позволили ему увидеть и учесть чрезвычайно ценные антропологические наработки отечественных мыслителей.

Резюмируем. Наследие позитивизма, отразившееся во многом в собственных методологических наработках Богданова, – в эмпириомонизме, а затем в тектологии, – на наш взгляд, значительно обуживают его концепцию о сущности человека. Сочетание позитивистской познавательной программы с приверженностью марксизму и отголосками от дискуссии с философами-«идеалистами» (в первую очередь с Н.А. Бердяевым) во время вологодской ссылки (1901–1902 г.) у Богданова породили противоречия в отношении сущности человека: как чисто утилитарно-механистическое приложение социальных сил и как многоликого и оригинального творца себя, организатора общества и природы. Отметим: поставленный им же идеал монистического мировосприятия самому Богданову реализовать не удалось. В заключение скажем: постановка Богдановым вопроса о сущности человека (человека-в-прошлом, человека-в-настоящем и человека-в-будущем в подвижном сопоставлении сущего и должного), наличие «стрелы времени» (соблюдение принципа историзма), присутствие целевой причинности (направленности развития) приближают тектолога (если отвлечься от позитивистских пластов его мышления) к постнеклассической парадигме научного знания и синергетике.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Человечество организует мир так же и в своём познании [49. С. 47]. Производство в целом есть организующее действие [25. С. 71].

ЛИТЕРАТУРА

- Gorelik G. Principal Ideas of Bogdanov's «Tectology» // General System. 1975. Vol. XX.
- Mattessich R. Instrumental Reasoning and Systems Methodology. Dordrecht ; Boston : D. Reidel Pub. Co, 1978.
- Zeleny M. Tectology. International Journal of General System. 1988. № 4.
- Красный Гамлет: Опыт Коллективного анализа творческого наследия Александра Богданова // Вестник РАН. 1994. Т. 64, № 8. С. 738–752.
- Луначарский А. А Богданов. Красная звезда. Утопия // Образование. 1908. № 5.
- Горький М. Письма: 1907 – август 1908 г. М., 2000. Т 6.
- Покровский М.Н. А.А. Богданов (Малиновский) // Вестник Коммунистической Академии. 1928. № 26.
- Зеньковский В.История русской философии. М. : Академический проспект; Раритет, 2001.
- Белова А.А. Александр Александрович Богданов. М. : Медицина, 1974.
- Витюк В.В. К вопросу о теоретическом наследии А.А. Богданова // История становления советской социологической науки в 20–30-е годы. М., 1989.
- Измоденова Н.Н. Один из проектов социализма (по работам Ю. Ларина, А. Богданова, А. Луначарского) // Социалистический идеал: вчера, сегодня, завтра. М., 1992.
- Jensen, K.M. Red Star: Bogdanov builds a Utopia // Studies in Soviet Thought. 1982.
- Graham L.R. Bogdanov's Inner Message // Alexander Bogdanov. Red Star. The First Bolschevik Utopia. Bloomington, Indiana University Press, 1984.
- Zenovia A. Sochor. Revolution and culture. The Bogdanov-Lenin controversy. N. Y., 1988.
- Арапов М. Язык утопии // Знание – сила. 1990. № 2.
- Шёнле А. «Красная звезда» А. Богданова: жанр и восприятие // Тыняновский сборник. Вып. 10. Шестые-седьмые-восьмые Тыняновские чтения. М., 1998.
- Шушпанов А.Н. Литературное творчество А.А. Богданова и утопический роман 1920-х гг. : дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2001.
- Самарская Е.А. Наука как потенциал социализма: А. Богданов // Политико-философский ежегодник. М. : ИФРАН, 2012. Вып 5.
- Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1974. Т. 42. С. 41–174.
- Богданов А.А. Собрание человека // Богданов А.А. Новый мир (Статьи 1904–1905). М. : Изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1905. С. 1–55.

21. Бердяев Н.А. Этическая проблема в свете философского идеализма // Проблемы идеализма : сб. ст. / под ред. П.И. Новгородцева. М. : Изд. Моск. психол. о-ва, 1902. С. 91–137.
22. Бердяев Н.А. О назначении человека (опыт парадоксальной этики). Париж : Современные записки, 1931.
23. Богданов А.А. Авторитарное мышление // Богданов А.А. Из психологии общества. 2-е изд., доп. СПб. : Паллада, 1906. С. 110–184.
24. Богданов А. А. Эмпириомонизм: Статьи по философии / отв. ред. В.Н. Садовский; послесл. В.Н. Садовского; А.Л. Андреева, М.А. Маслина. М. : Республика, 2003.
25. Богданов А.А. Тектология (Всеобщая организационная наука). В 2 кн.: М. : Экономика, 1989. Кн. 1.
26. Бердяев Н.А. Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники) // Путь. 1933. № 38. С. 3–37.
27. Фёдоров Н.Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства (Записка от неучёных к учёным, духовным и светским, к верующим и неверующим) // Фёдоров Н.Ф. Собрание сочинений : в 4 т. М. : Издательская группа «Прогресс», 1995. Т. I. С. 35–309.
28. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии // Полное собрание сочинений. Т. 18.
29. Шелер М. Положение человека в космосе // Проблема человека в западной философии: Переводы / сост. и послесл. П.С. Гуревича; общ. ред. Ю.Н. Попова. М. : Прогресс, 1988. С. 31–96.
30. Богданов А.А. Красная звезда // Богданов А. Праздник бессмертия: Избранные произведения. СПб. : Лениздат; Команда А., 2014. С. 17–205.
31. Богданов А.А. Социализм в настоящем // Неизвестный Богданов. В 3 кн. Кн. 2: А.А. Богданов и группа РС Д РП «Вперед» (1908–1914) / предисл. Дж. Биггарта; сост. Н.С. Антонова, Н.В. Дроздова. М. : ИЦ «АИРО–XX», 1995. С. 91–96.
32. Богданов А.А. Философия живого опыта (Популярные очерки): Материализм, эмпириокритицизм, диалектический материализм, эмпириомонизм, наука будущего. 2-е изд. Петроград : М.И. Семенов, [после 1914].
33. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Сочинения. 2-е изд., 1955. Т. 3. С. 7–544.
34. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. изд. 2-е. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1955. Т. 3. С. 1–4.
35. Богданов А.А. Наука об общественном сознании (Краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах). М. : Книгоизд-во писателей в Москве, 1914.
36. Богданов А.А. Культурные задачи нашего времени. М. : Изд-во С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1911.
37. Бердяев Н.А. Творчество и объективация. Опыт эсхатологической метафизики // Бердяев Н.А. Царство Духа и царство кесаря. М. : Республика, 1995. С. 164–286.
38. Богданов А.А. (Н. Вернер). Наука и философия // Очерки философии коллективизма. СПб. : Т-во «Знание», 1909.
39. Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 259. Оп. 1. Д. 49. Богданов А.А. Тексты, конспекты, планы и другой подготовительный материал к лекциям, статьям, докладам.
40. Богданов А.А. Познание с исторической точки зрения. СПб. : Типо-литография А. Лейферта, 1902.
41. Белинский В.Г. Письмо В.П. Боткину. 1 марта 1841 г. // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. М. : Изд-во АН СССР, 1956. Т. 12. С. 22–30.
42. Герцен А.И. Дуализм – это монархия // Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. М. : Изд-во АН СССР, 1957. Т. 12. С. 226–235.
43. Герцен А.И. Народный сход в память Февральской революции // Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 12. М., 1957. С. 253–265.
44. Богданов А.А. Что такое социализм? Из истории и теории социализма. 2-е изд. Петроград : Книгоизд-во И.Р. Белопольского, 1917.
45. РГАСПИ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 44. Богданов А.А. Некоторые недоразумения. Ответ Каутскому по поводу его рецензии на немецкий перевод книги «Наука об общественном сознании».
46. Богданов А.А. Идеал воспитания (доклад на конференции учителей г. Москвы в мае 1918 г.) // Богданов А.А. Новый мир. 2-е изд., доп. М. : Коммунист, 1918.
47. Мещеряков А.И. Слепоглухонемые дети. Развитие психики в процессе формирования поведения. М. : Педагогика, 1974.
48. Богданов А.А. Труд и потребности работника // Молодая гвардия. М., 1923. № 3 (10). С. 101–111.
49. Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. В 3 кн. / под ред. Г.А. Бордюгова. М. : АИРО–XX, 1995. Кн. 3.
50. Богданов А.А. Инженер Мэнни // Богданов А. Праздник бессмертия: Избранные произведения. СПб. : Лениздат; Команда А., 2014. С. 205–345.
51. РГАСПИ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 26. Богданов А.А. Записные книжки.
52. Богданов А.А. Вопросы социализма: Работы разных лет. М. : Политиздат, 1990. С. 295–356.
53. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. (Первоначальный вариант «Капитала») // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1969. Т. 46, ч. II.
54. Богданов А.А. Между человеком и машиной. СПб. : Прибой, 1913.
55. РГАСПИ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 52. Богданов А.А. Отрывок (гл. II) из незавершённого романа «Леонид».
56. Богданов А.А. О социализме. М. : Тип. тов-ва И.Д. Сытина, 1917.
57. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / пер. с нем. М. Кузнецова. СПб. : Медиум; Ювента, 1997.
58. Богданов А.А. Краткий курс экономической науки. 9-е изд. М. : Изд-во С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1906.

Статья представлена научной редакцией «История» 4 марта 2020 г.

Anthropology Searches by Alexander Bogdanov

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 463, 125–136.

DOI: 10.17223/15617793/463/16

Dmitriy A. Teplyakov, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky (Omsk, Russian Federation). E-mail: dmitryteplyakov@yandex.ru

Keywords: Alexander Bogdanov; essence of human; philosophical anthropology; Marxism; positivism; historiosophy; historiography.

The article aims to reconstruct Alexander Bogdanov's anthropology searches. The sources of the material for the research were: Bogdanov's theoretical & methodological works; works of art; social and political journalism; notebooks (RSASPH. Fund 259); philosophical works of representatives of socialist thought and Russian religious philosophy. Bogdanov understands human as a whole, as a microcosm organizing the world for oneself, but also as a mechanical organization of “complexes of elements of experience” and as a reflection, part of the whole-nature. The antagonism between the organizer and the doer, according to Bogdanov, turned the human into a part–fraction–limitation. The “integration” of the human, the return to an all-round person-whole is an overcoming of this antagonism, which starts in industrial capitalism where the proletarian is not only a doer, but also an

organizer of the machine. People's labor transforms external nature and themselves. Bogdanov defined creativity in a positivist key: the new is a recombination of the elements of the old. At the same time, Bogdanov acknowledges nature as the primary source of creativity (= position of Russian religious philosophy). Capacity for creativity can make the proletariat an active social subject, a fighter for a new world, from which stems the idea of proletarian culture. The comradesly method of thinking formed, according to Bogdanov, within proletarian collectives supplants authoritarian and individualistic views of the world and becomes dominant in socialism. Bogdanov's view of a person is contradictory. Rejection of authoritarianism often goes to belittling a person as a point to which social forces are applied. On the other hand, Bogdanov holds that, in the realm of collectivism, personality will flourish most magnificently. Bogdanov criticizes Taylor's scientific management, which he sees as a transformation of a person into a machine; Bogdanov is close to Berdyaev's position in this issue. At the same time, Bogdanov believes in the advantage of scientific and technical standards over legal and moral norms, without going, unlike Berdyaev, beyond the ethics of law into the ethics of creativity. Pronouncing his otherworldliness in the issues of morality, in his notebooks Bogdanov asserts: the aim-cause does not justify vile means; he contrasts the elastic conscience and cynicism of the bourgeois political culture to the adherence to principles and serving the bright ideals of socialism. In *Red Star*, Bogdanov makes a warning: consistent cold rationalism leads to the danger of a physical obliteration of another historical and cultural community on account of a lack of resources for further progressive development. However, later, in *Tectology*, he calmly continues affirming the leadership, monism of the natural-scientific model of cognition. The author of the article comes to the conclusion that Bogdanov, being a successor of the "second positivism" and a Marxist simultaneously, has a contradictory vision of the human as a utilitarian-mechanistic annex of social forces and as a many-sided and original creator of oneself, an organizer of society and nature.

REFERENCES

- Gorelik, G. (1975) Principal Ideas of Bogdanov's "Tectology". *General System*. XX.
- Mattessich, R. (1978) *Instrumental Reasoning and Systems Methodology*. Dordrecht; Boston: D. Reidel Pub. Co.
- Zeleny, M. (1988) Tectology. *International Journal of General System*. 4.
- Vestnik RAN*. (1994) Krasnyy Gamlet: Opyt Kollektivnogo analiza tvorcheskogo naslediya Aleksandra Bogdanova [Red Hamlet: The Experience of Collective Analysis of the Creative Heritage of Alexander Bogdanov]. 64 (8). pp. 738–752.
- Lunacharskiy, A. (1908) A Bogdanov. *Krasnaya zvezda*. Utopiya [A. Bogdanov. Red Star. Utopia]. *Obrazovanie*. 5.
- Gor'kiy, M. (2000) *Pis'ma: 1907 – avgust 1908 g.* [Letters: 1907 – August 1908]. Vol. 6. Moscow: Nauka.
- Pokrovskiy, M.N. (1928) A.A. Bogdanov (Malinovskiy). *Vestnik Kommunisticheskoy Akademii*. 26.
- Zen'kovskiy, V. (2001) *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian philosophy]. Moscow: Akademicheskii prospekt; Raritet.
- Belova, A.A. (1974) *Aleksandr Aleksandrovich Bogdanov*. Moscow: Meditsina. (In Russian).
- Vityuk, V.V. (1989) K voprosu o teoreticheskom nasledii A.A. Bogdanova [On the issue of the theoretical legacy of A.A. Bogdanov]. In: *Istoriya stanovleniya sovetsoy sotsiologicheskoy nauki v 20–30-e gody* [History of the formation of Soviet sociological science in the 1920s and 1930s]. Moscow: Institute of Sociology, USSR AS.
- Izmodenova, N.N. (1992) Odin iz proektov sotsializma (po rabotam Yu. Larina, A. Bogdanova, A. Lunacharskogo) [One of the projects of socialism (based on the works of Yu. Larin, A. Bogdanov, A. Lunacharsky)]. In: *Sotsialisticheskii ideal: vchera, segodnya, zavtra* [Socialist ideal: yesterday, today, tomorrow]. Moscow: Institute of Sociology, RAS.
- Jensen, K.M. (1982) Red Star: Bogdanov builds a Utopia. *Studies in Soviet Thought*. 23. pp. 1–34.
- Graham, L.R. (1984) Bogdanov's Inner Message. In: Bogdanov, A. *Red Star. The First Bolshevik Utopia*. Bloomington: Indiana University Press.
- Sochor, Z.A. (1988) *Revolution and culture. The Bogdanov-Lenin controversy*. N. Y.: Cornell. University Press.
- Arapov, M. (1990) Yazyk utopii [The language of utopia]. *Znanie – sila*. 2.
- Shenle, A. (1998) "Krasnaya zvezda" A. Bogdanova: zhanr i vospriyatie [Red Star by A. Bogdanov: genre and perception]. In: *Tynyanovskiy sbornik* [Tynyanov Collection]. Vol. 10. Moscow: [s.n.].
- Shushpanov, A.N. (2001) *Literaturnoe tvorchestvo A.A. Bogdanova i utopicheskii roman 1920-kh gg.* [The literary works of A.A. Bogdanov and the utopian novel of the 1920s]. Philology Cand. Diss. Ivanovo.
- Samarskaya, E.A. (2012) Nauka kak potentsial sotsializma: A. Bogdanov [Science as the potential of socialism: A. Bogdanov]. In: *Politiko-filosofskiy ezhegodnik* [Political and Philosophical Yearbook]. Vol. 5. Moscow: Institute of Philosophy RAS.
- Marx, K. (1974) Ekonomicheskoye-filosofskoye rukopisi 1844 goda [Economic and philosophical manuscripts of 1844]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Writings]. Translated from German. Vol. 42. 2nd ed. Moscow: Izd-vo polit. lit. pp. 41–174.
- Bogdanov, A.A. (1905) *Novyy mir (Stat'i 1904–1905)* [New World (Articles of 1904–1905)]. Moscow: Izd. S. Dorovatovskogo i A. Charushnikova. pp. 1–55.
- Berdyaev, N.A. (1902) Etycheskaya problema v svete filosofskogo idealizma [Ethical problem in the light of philosophical idealism]. In: Novgorodtsev, P.I. (ed.) *Problemy idealizma* [Problems of idealism]. Moscow: Moscow Psychological Society. pp. 91–137.
- Berdyaev, N.A. (1931) *O naznacheni cheloveka (opyt paradoksal'noy etiki)* [On the purpose of a person (experience of paradoxical ethics)]. Parizh: Sovremennye zapiski.
- Bogdanov, A.A. (1906) *Iz psikhologii obshchestva* [From the psychology of society]. 2nd ed. St. Petersburg: Pallada. pp. 110–184.
- Bogdanov, A.A. (2003) *Empiriomonizm: Stat'i po filosofii* [Empiriomonism: Articles on philosophy]. Moscow: Respublika.
- Bogdanov, A.A. (1989) *Tektologiya (Vseobshchaya organizatsionnaya nauka)*. V 2 kn. [Tectology (General Organizational Science). In 2 Books]. Book 1. Moscow: Ekonomika.
- Berdyaev, N.A. (1933) Chelovek i mashina (problema sotsiologii i metafiziki tekhniki) [Man and machine (the problem of sociology and metaphysics of technology)]. *Put'*. 38. pp. 3–37.
- Fedorov, N.F. (1995) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected works: in 4 volumes]. Vol. 1. Moscow: Izdatel'skaya gruppa "Progress". pp. 35–309.
- Lenin, V.I. (1968) Materializm i empiriokrititsizm. Kriticheskie zametki ob odnoy reaktsionnoy filosofii [Materialism and empirio-criticism. Critical Notes on a Reactionary Philosophy]. In: *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 18. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
- Scheler, M. (1988) Polozhenie cheloveka v kosmose [The position of man in space]. Translated from German. In: Popov, Yu.N. (ed.) *Problema cheloveka v zapadnoy filosofii: Perevody* [The problem of man in Western philosophy: Translations]. Moscow: Progress. pp. 31–96.
- Bogdanov, A.A. (2014a) *Prazdnik bessmertiya: Izbrannye proizvedeniya* [The Feast of Immortality: Selected Works]. St. Petersburg: Lenizdat; Komanda A. pp. 17–205.
- Bogdanov, A.A. (1995) Sotsializm v nastoyashchem [Socialism in the Present]. In: Boryugov, G.A. (ed.) *Neizvestnyy Bogdanov. V 3 kn.* [Unknown Bogdanov. In 3 vols]. Book 2. Moscow: AIRO–XX. pp. 91–96.
- Bogdanov, A.A. (c. 1914) *Filosofiya zhivogo opyta (Populyarnye ocherki): Materializm, empiriokrititsizm, dialekticheskii materializm, empiriomonizm, nauka budushchego* [Philosophy of Living Experience (Popular Essays): Materialism, empiriocriticism, dialectical materialism, empiriomonism, science of the future]. 2nd ed. Petrograd: M.I. Semenov.

33. Marx, K. & Engels, F. (1955) Nemetskaya ideologiya [German ideology]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Writings]. Translated from German. Vol. 3. 2nd ed. Moscow: Izd-vo polit. lit. pp. 7–544.
34. Marx, K. (1955) Tezisy o Feyerbakhe [Theses on Feuerbach]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Writings]. Translated from German. Vol. 3. 2nd ed. Moscow: Izd-vo polit. lit. pp. 1–4.
35. Bogdanov, A.A. (1914) *Nauka ob obshchestvennom soznanii (Kratkiy kurs ideologicheskoy nauki v voprosakh i otvetakh)* [The Science of Public Consciousness (A Short Course in Ideological Science in Questions and Answers)]. Moscow: Knigoizd-vo pisateley v Moskve.
36. Bogdanov, A.A. (1911) *Kul'turnye zadachi nashego vremeni* [Cultural challenges of our time]. Moscow: Izd-vo S. Dorovotovskogo i A. Charushnikova.
37. Berdyaev, N.A. (1995) *Tsarstvo Dukha i tsarstvo kesarya* [The Kingdom of the Spirit and the Kingdom of Caesar]. Moscow: Respublika. pp. 164–286.
38. Bogdanov, A.A. (N. Verner) (1909) Nauka i filosofiya [Science and philosophy]. In: *Ocherki filosofii kollektivizma* [Essays on the philosophy of collectivism]. St. Petersburg: T-vo “Znanie”.
39. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 259. List 1. File 49. Bogdanov, A.A. *Teksty, konspekty, plany i drugoy podgotovitel'nyy material k leksiyam, stat'yam, dokladam* [Texts, notes, plans and other preparatory material for lectures, articles, reports].
40. Bogdanov, A.A. (1902) *Poznanie s istoricheskoy tochki zreniya* [Cognition from a historical point of view]. St. Petersburg: Tipolitoografiya A. Leyferta.
41. Belinskiy, V.G. (1956) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. Vol. 12. Moscow: USSR AS. pp. 22–30.
42. Gertsen, A.I. (1957a) *Sobranie sochineniy v tridsati tomakh* [Collected works in thirty volumes]. Vol. 12. Moscow: Nauka. pp. 226–235.
43. Gertsen, A.I. (1957b) *Sobranie sochineniy v tridsati tomakh* [Collected works in thirty volumes]. Vol. 12. Moscow: Nauka. pp. 253–265.
44. Bogdanov, A.A. (1917) *Chto takoe sotsializm? Iz istorii i teorii sotsializma* [What is socialism? From the history and theory of socialism]. 2nd ed. Petrograd: Knigoizd-vo I.R. Belopol'skogo.
45. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 259. List 1. File 44. Bogdanov, A.A. *Nekotorye nedorazumeniya. Ovet Kautskomu po povodu ego retsenzii na nemetskiy perevod knigi “Nauka ob obshchestvennom soznanii”* [Some misunderstandings. Answer to Kautsky about his review of the German translation of the book “Science of Social Consciousness”].
46. Bogdanov, A.A. (1918) *Novyy mir* [The new world]. 2nd ed. Moscow: Kommunist”.
47. Meshcheryakov, A.I. (1974) *Slepoglukhonemye deti. Razvitie psikhiki v protsesse formirovaniya povedeniya* [Deaf-blind children. The development of the psyche in the process of forming behavior]. Moscow: Pedagogika.
48. Bogdanov, A.A. (1923) Trud i potrebnosti rabotnika [Labor and needs of the worker]. *Molodaya gvardiya*. 3 (10). pp. 101–111.
49. Bogdanov, A.A. (1995) Desyatiletie otlucheniya ot marksizma [Decade of excommunication from Marxism]. In: Boryugov, G.A. (ed.) *Neizvestnyy Bogdanov. V 3 kn.* [Unknown Bogdanov. In 3 vols]. Book 3. Moscow: AIRO–XX.
50. Bogdanov, A.A. (2014b) *Prazdnik bessmertiya: Izbrannye proizvedeniya* [The Feast of Immortality: Selected Works]. St. Petersburg: Lenizdat; Komanda A. pp. 205–345.
51. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 259. List 1. File 26. Bogdanov, A.A. *Zapisnye knizhki* [Notebooks].
52. Bogdanov, A.A. (1990) *Voprosy sotsializma: Raboty raznykh let* [Issues of socialism: Works of different years]. Moscow: Politizdat. pp. 295–356.
53. Marx, K. (1969) *Ekonomicheskie rukopisi 1857–1859 godov. (Pervonachal'nyy variant “Kapitala”)* [Economic manuscripts of 1857–1859. (The original version of “Capital”)]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Writings]. Translated from German. Vol. 46 (2). 2nd ed. Moscow: Izd-vo polit. lit.
54. Bogdanov, A.A. (1913) *Mezhdru chelovekom i mashinoy* [Between man and machine]. St. Petersburg: Priboy.
55. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 259. List 1. File 52. Bogdanov, A.A. *Otryvok (gl. II) iz nezavershennogo romana “Leonid”* [Excerpt (Ch. II) from the unfinished novel “Leonid”].
56. Bogdanov, A.A. (1917) *O sotsializme* [On socialism]. Moscow: Tip. tov-va I.D. Sytina.
57. Horkheimer, M. & Adorno, T. (1997) *Dialektika Prosveshcheniya. Filosofskie fragmenty* [Dialectic of Enlightenment. Philosophical fragments]. Translated from German by M. Kuznetsov. St. Petersburg: Medium; Yuventa.
58. Bogdanov, A.A. (1906) *Kratkiy kurs ekonomicheskoy nauki* [A concise course in economics]. 9th ed. Moscow: Izd-vo S. Dorovotovskogo i A. Charushnikova.

Received: 04 March 2020

Д.В. Шевцов

РАЗВИТИЕ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ В КАЛИФОРНИИ: ОТ СТАНОВЛЕНИЯ ДО НАЧАЛА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Предпринята попытка проанализировать периодические печатные издания, основанные представителями первой и второй волн русской эмиграции на территории Калифорнии в конце XIX – первой трети XX в. Рассматриваются история и развитие русскоязычной прессы в регионе с момента ее зарождения и до начала Второй мировой войны. Выявляются региональные особенности развития периодики, ее роль в адаптации эмигрантов в инокультурное пространство; дается подробная классификация изданий.

Ключевые слова: Калифорния; диаспора; периодическая печать; издание; развитие.

Представители русского зарубежья первой и второй волн эмиграции оставили после себя колоссальное наследие в виде значительного опыта создания периодической печати за пределами своей Родины в различных уголках земного шара. В настоящий момент, когда все большее значение приобретают вопросы, связанные с интеграцией переселенческих групп в инокультурное общество, изучение эмигрантской прессы как инструмента социокультурной адаптации становится наиболее актуально. В историографии исследование вопроса, касающегося развития русскоязычных периодических изданий на Американском континенте, отражено в ряде научных трудов.

Первые попытки изучения данной проблемы были предприняты еще в первой половине XX в. в зарубежной историографии. Особо выделяются работы, вышедшие в США. Это – труды М. Вильчура «Русские в Америке» [1] и Р.Е. Парка «Иммигрантская пресса и ее контроль» [2], в которых представлена динамика распространения, а также тематическая направленность русскоязычных изданий на континенте. Монография И.К. Окунцова «Русская эмиграция в Северной и Южной Америке» [3], несмотря на содержащиеся в ней националистические и антисемитские суждения, представляет определенный интерес для исследователя. Значительная часть работы посвящена развитию печатного дела в Соединенных Штатах Америки. И.К. Окунцовым была предпринята попытка каталогизировать периодические издания США. Однако, по признанию самого автора, его перечень остался незавершенным и требует дополнения.

Среди отечественных исследователей периодической печати русской эмиграции следует назвать Санкт-Петербургского ученого П.Н. Базанова, автора ряда работ, посвященных издательскому делу политических организаций русского зарубежья XX в. [4].

Региональный аспект развития периодики русского зарубежья в Северной и Южной Америке получил отражение в трудах отечественных американистов – Э.Л. Нитобурга [5], А.Б. Ручкина [6], О.С. Зацепиной [7], М.Н. Мосейкиной [8], И.В. Сабенниковой и соавт. [9]. Становление церковных изданий в США рассматривается в контексте изучения миссионерской деятельности Русской православной церкви в фундаментальном труде А.Б. Ефимова [10].

Одна из немногих попыток анализа русскоязычной периодической печати штата Калифорния представ-

лена в работе А.А. Хисамутдинова «Русский Сан-Франциско» [11]. Автор отразил историю становления газет и журналов региона от зарождения до середины XX в. Однако в монографии в основном речь идет об изданиях, выходивших в Сан-Франциско, и практически не освещены другие районы штата.

В данной статье ставится цель комплексно проанализировать факторы развития и тематическую направленность периодической печати русской эмиграции в штате Калифорния с момента ее зарождения до начала Второй мировой войны.

Калифорния занимает особое место в истории эмигрантской прессы, поскольку данный штат является «колыбелью» всей русскоязычной периодики США. У ее истоков стоял беглый священник Агапий Гончаренко (настоящее имя – А.О. Гумницкий), спасшийся от преследования царизма и работавший некоторое время в «вольной типографии» А.И. Герцена в Лондоне [5. С. 248]. По прибытию в США в 1865 г. он начал преподавать греческий язык и заниматься граверными работами, а также сотрудничал с нью-йоркскими газетами.

Благодаря активной деятельности А. Гончаренко был замечен госсекретарем Соединенных Штатов У. Сьюардом, одним из инициаторов сделки по приобретению Русской Америки (Аляски). Американская сторона предложила ему субсидии для создания печатного органа, направленного на скорейшую ассимиляцию русскоговорящего населения новоприобретенной территории. Для реализации данной идеи священник поселился в Сан-Франциско, имевшем тесные исторические связи с бывшей колонией Российской империи.

Первый номер газеты А. Гончаренко «Вестник Аляски» (англ. *Alaska Herald*) вышел в свет 1 марта 1868 г. Статьи печатались на двух языках – русском и английском. В английском сегменте автор рассказывал американцам об особенностях Аляски; русскоязычные материалы содержали в себе переведенные тексты Конституции США, а также новости из жизни русской общины. Сам издатель так объяснял потребность в создании подобного печатного органа в Калифорнии: «Цель учреждения нашего русского станка в Сан-Франциско состояла в том, чтобы нашим соотечественникам, отдаленным от центра великого племени, доставить возможность встретить русское слово в далекой отдаленности. Для Алеутских и Аляскин-

ских единопольщиков наш станок необходим для изъяснения на русском языке правительственных распоряжений совершенно нового правительства, торговых отношений с новыми товарищами в торговом обращении, имеющими другие обычаи и другие цены, отличные от старых их русских обладателей...» [12. С. 258].

Особое значение А. Гончаренко придавал разъяснению прав и свобод в новом общественном пространстве для бывших российских подданных: «В скором времени из Вашингтона будет определен временный управитель, он изъяснит вам установления, законы и обычаи Союзного народа, заведет школы и устроит порядок во всем. Через год или два, когда вы обучитесь Союзным порядкам, сами себе изберете управителя между вами. Кто знает, быть может, Иван или Петр, которые теперь занимаются рыбной ловлей, через два года будет губернатором в вашей стране (будет таким же барином, как бывший ваш князь Максугов). В республике управители избираются выборочно...» [11. С. 23–24]. Немаловажным аспектом было приобщение жителей Аляски к особенностям американских трудовых отношений.

В своей газете А. Гончаренко активно и жестко критиковал царизм, тем самым побудив принять ответные меры. После ноты протеста российского посланника в Вашингтоне К.Г. Катакази печатный орган лишился субсидий со стороны американского правительства. А. Гончаренко был вынужден продать англоязычный отдел издания, чтобы уже за личный счет публиковать исключительную русскую газету под названием «Свобода». Точный тираж установить невозможно. По оценке А.А. Хисамутдинова, 200 экземпляров отправлялось на Аляску на безвозмездной основе [11. С. 24]. Всего за период с 1872–1873 гг. было напечатано пять номеров «Свободы». В 1873 г. А. Гончаренко продал оставшееся оборудование и окончательно отошел от издательской деятельности. Созданный им печатный орган стал ярким примером того, какую важную социальную функцию выполняла для диаспоры пресса на родном языке. С одной стороны, она помогала адаптироваться в новой общественной среде, с другой – позволяла сохранить культурную связь со страной исхода.

После закрытия «Свободы» в русскоязычной периодике Калифорнии наблюдался длительный застой, продолжавшийся свыше 30 лет. Хотя С.Н. Марков сообщал о существовании газеты «Славянин», издававшейся на русском, сербском и английском языках и выходившей в Сан-Франциско параллельно с «Вестником Аляски» [13. С. 166], однако в ходе исследования никаких сведений о печатном органе выявить не удалось. Более того, М. Вильчур отмечал, что деятельность А. Гончаренко стоит обособленно от расцвета русского издательского дела в США [1. С. 104; 14. С. 154].

Возобновлению печати в регионе способствовало поражение Первой русской революции 1905–1907 гг., вызвавшее приток из России новой волны политических эмигрантов, главным образом, левых взглядов. Одним из них являлся А.П. Щербак, который отличался радикальной позицией к царскому режиму. Он

стоял у истоков еженедельной газеты «Великий океан», основанной в 1910 г. в Лос-Анджелесе при поддержке Русского народного университета. Уже через год издание перебазировалось в Сан-Франциско. А.П. Щербак, занимавший должность редактора, был известен не только революционными взглядами, но и тем, что вел активную переписку с Л.Н. Толстым и даже предлагал ему публиковаться в газете [15. С. 282].

Попытки распространения «Великого океана» предпринимались не только в США, но и на территории Российской империи. Это, в свою очередь, вызвало ответные меры со стороны власти. В 1910 г. в Смоленской губернии было заведено уголовное дело на техника С.М. Соколовского, распространявшего среди рабочих региона антиправительственные материалы, публиковавшиеся в газете. В рамках расследования был произведен анализ издания, отмечалось, что газета имеет «направление крайне радикальное с социал-демократическим оттенком» [16. Л. 3]. «Почти в каждом отдельном номере встречаются статьи, возбуждающие к насильственному изменению в России установленного законами основным образом правления и к ниспровержению существующего в государстве общественного строя» [16. Л. 9].

В приложении к делу нами обнаружен один из немногих сохранившихся номеров газеты, анализ которого подтверждает антимоноархическую направленность издания. Однако «Великий океан» нельзя охарактеризовать как исключительно революционный печатный орган. Газета одновременно выступала инструментом консолидации русскоязычных эмигрантов. На ее страницах активно освещались новости из жизни русской диаспоры, публиковались призывы об оказании помощи и защите соотечественников в США. Что касается распространения издания в Российской империи, то это видится как личная инициатива сочувствующих делу А.П. Щербака, а не как программная установка редакции, поскольку изъятая в ходе расследования в России партия газет была крайне мала (16 номеров по 1–2 экз. каждый) [16. Л. 8–9], а сам издатель испытывал острую нехватку средств даже для продвижения «Великого океана» на территории Соединенных Штатов [17. С. 1].

Революционные события в России 1917 г. явились переломным моментом в характере развития русскоязычной периодики США, существенно изменив ее политический окрас. После падения царского режима началась репатриация, в большинстве своем, политических эмигрантов. В частности, из Калифорнии вернулись в Россию около 400 человек [18. С. 110]. В их числе был редактор А.П. Щербак, газета которого «Великий океан» закрылась в 1918 г. сразу после его отбытия на родину.

Прямым следствием революции 1917 г. явилась «Красная паника», возникшая в американском обществе в связи со стремительным распространением большевизма; она вылилась в «палмеровские рейды» 1919–1920-х гг., в ходе которых происходили массовые аресты и депортация участников радикальных и анархистских движений. Данные меры привели к упадку русскоязычных изданий левого толка и,

напротив, росту числа изданий антисоветской и антибольшевистской направленности. Вторая волна русской эмиграции в США (1917–1939 гг.) сформировала значительное число подобных печатных органов. Первым изданием новой волны в Калифорнии стал «Вестник русско-американского сближения» (ред. Ю.С. Романовский), издаваемый в Сан-Франциско российским консульством, представлявшем интересы правительства А.В. Колчака.

Первый номер вышел в мае 1919 г., бюллетень издавался ежемесячно, статьи в нем дублировались на двух языках – русском и английском. Для англоязычной аудитории вестник назывался *Siberian opportunities* («Сибирские возможности»). Часть издержек покрывалась за счет размещения большого количества коммерческой рекламы. Цель издания заключалась в формировании благоприятного образа «Омского правительства» и создании некой платформы для взаимодействия между американцами и русской общиной. Вестник отличался антибольшевистской риторикой, но при этом не являлся монархистским. В нем давались довольно негативные оценки царской власти: «Истощенная войною, обессиленная внутренними неурядицами, задавленная режимом автократического правления, носившая в себе зародыш измены высших чинов, она [Россия. – *Авт.*] подняла голову в великие дни мартовской революции. Казалось, благословление снизошло на Россию. Весь народ, освобожденный от оков цепей и несправедливости воспрянул духом, зажегся энтузиазмом и клятвенно подтвердил обещание продолжать до конца справедливую борьбу за право и правду» [19. С. 19].

В последующих выпусках структура бюллетеня отчасти напоминала «Вестник Аляски» А. Гончаренко. Появился сегмент, направленный отдельно для англоговорящей аудитории и отдельно – для русскоговорящей, при этом, в большинстве своем, сохранялись двуязычные дублируемые материалы. Американцам вешали о русском кустарном производстве и крупных городах России, россиянам – о новостях общины и консульства. В рамках заданной программы, направленной на сближение США и «новой» России, особое внимание в вестнике уделялось гуманитарной деятельности принимающей страны, подчеркивалась значимость миссии американского Красного Креста на территории Сибири, а также возможности, которые предоставляла американская передовая медицина для реабилитации ветеранов и инвалидов Первой мировой войны [20. С. 23, 36]. История «Вестника русско-американского сближения» закончилась практически одновременно с историей Белого движения в России. Последний номер вышел в печать в 1921 г.

Калифорния, как известно, являлась местом сосредоточения военных и морских эмигрантских организаций, имевших свои печатные органы. В 1926 г. в Сан-Франциско был основан «Вестник Общества Русских Ветеранов Великой войны (ОРВВ)», издаваемый одноименным объединением. Первый его редактор – А.А. Тихонравов. Миссия журнала заключалась в освещении деятельности общества в вопросах оказания помощи ветеранам войны. Для этой цели устраивались инвалидные балы и благотворительные вечера,

весь доход с которых шел на реализацию программы помощи инвалидов.

Помимо статей о данных мероприятиях на страницах издания можно обнаружить воспоминания членов ОРВВ о Первой мировой и Гражданской войнах, новости о русской диаспоре в Калифорнии. Отдельные специальные выпуски были целиком посвящены видным деятелям царской власти и Белого движения. Редакция журнала не обходила стороной и новости внутри СССР, при освещении которых демонстрировала всю свою антибольшевистскую направленность. Любые достижения Советской России воспринимались скептически; считалось, что «все это приписывается каторжному режиму, при котором девять десятых населения сидят на голодном или полуголодном пайке, а вся обстановка ведет к физическому вырождению огромного большинства населения» [21. С. 13].

Примечательно, что в издании ОРВВ в межвоенный период полностью отсутствовала коммерческая реклама. «Вестник» существовал за счет бюджета общества, пополняемого с помощью пожертвований и средств, вырученных от благотворительных мероприятий. Тем не менее журнал оставался на плаву довольно долго, лишь в середине 1990-х гг. было принято решение о его закрытии.

Помимо «Вестника ОРВВ» появились такие издания, как «Вахтенный журнал» и «Вестник Объединения офицеров Генерального штаба в г. Сан-Франциско». Последний выходил непродолжительный период в 1931–1932 гг. и имел незначительный тираж. Первый номер – 50 экз., второй – 70. Вестник целиком был посвящен деятельности объединения, повествуя о собраниях в форме «очередных чашек чая» и публикуя тезисы или тексты докладов участников общества. Доклады характеризовались военно-политической тематикой – ключевые сражения в истории, биографии великих полководцев и пути противодействия большевизму. По признанию редакции, существовала острая нехватка денежных средств, из-за чего даже невозможно было публиковать все материалы собраний [22. С. 2]. Вероятно, по этой причине вестник в скором времени был закрыт (всего было выпущено два номера).

«Вахтенный журнал» выходил в печать с 1934 г. под редакцией Ю. Гордеева, периодичность – три номера в год. С 1936 г. он издавался Кают-компанией, представлявшей собой объединение морских офицеров бывшей царской армии. И.К. Окунцов оценивал это издание как «профессиональный, содержательный журнал, одновременно являющийся литературным и историческим» [3. С. 342], в котором содержались обзоры новинок мирового кораблестроения, давались практические советы морякам по калибровке оборудования и проч. На страницах журнала можно также обнаружить воспоминания офицеров о службе в царской армии, освещении американских новостей; в конце каждого номера располагалась юмористическая колонка. Как и многие печатные органы белоэмигрантских военных образований, «Вахтенный журнал» отличался антибольшевистскими формулировками, приобретающими порой комичные формы. Например, авторы изощрялись уместить К. Маркса и

Ф. Энгельса в обзор профессионального морского сборника и наделять их уничижительным эпитетом «жалких газетных писаек» [23. С. 42]. В 1938 г. журнал прекратил свое существование.

Среди других изданий подобной тематики, издававшихся в Калифорнии, следует назвать «Бюллетень Кают-компании морских офицеров бывшего русского флота в Сан-Франциско» (1931–1953 гг.) и «Записки военно-морского исторического имени адмирала Колчака кружка». Причем «Записки» являлись парижским журналом и лишь в течение 1937 г. печатались в Сан-Франциско. Данная мера была вызвана потребностью снизить издержки по выпуску печатного издания и значительно облегчить финансовое положение кружка [24. С. 21].

Очень точно охарактеризовал журналы военных белоэмигрантских объединений Э.Л. Нитобург, подчеркнувший, что все они являлись изданиями «ностальгических» организаций, созданных в память о своем прошлом людьми, давно уже читающими английскую прессу, и выходили крошечным тиражом [5. С. 265]. Примечательно, что практически вся периодика антибольшевистского толка сохраняла в публикациях дореформенную орфографию русского языка, в очередной раз противопоставляя себя Советской России, использовавшей с 1918 г. новую систему правописания.

Периодическая печать Калифорнии была также представлена изданиями, являвшимися официальными органами партии младороссов (социал-монархистов). В 1933–1934 гг. выходил журнал «Клич» – орган связи 33-го очага Союза младороссов. Немногим позже публиковалось ежемесячное издание «На рассвете» (1937–1939 гг.). В 1939–1940 гг. в Сан-Франциско распространялась еженедельная газета «Русское дело». Принципиальное отличие младороссовской периодики от других монархистских изданий заключалось в отношении к Советской России. Данная позиция восходит к идеологии партии, утверждавшей, что для них «нет деления русской нации на две части: белых и красных. Младороссы всегда считали, что по обе стороны рубежа находятся только русские, в массе своей одинаково любящие Родину...» [25. С. 3]. Поэтому на страницах социал-монархической прессы невозможно обнаружить уничижительную критику в адрес большевиков, а лишь умеренные оценки и призывы к сотрудничеству с ними.

Помимо прочего существовало также несколько просоветских печатных изданий. В марте 1925 г. в Лос-Анджелесе была основана еженедельная газета «Русский Вестник», издателем и редактором которой являлся И.Б. Полонский. Основная тематика газеты – это обзор новостей из СССР. Газета, выходившая на пике НЭПа, положительными отзывами встречала любые преобразования советского правительства, направленные на укрепление рыночных отношений. Поэтому на страницах издания можно обнаружить такие заголовки, как «Зиновьевцы за частный капитал», «Дзержинский и развитие НЭПа» и др. [26. С. 3].

В рубрике «На родине» освещаются не только события, происходившие в СССР, но и на территории

бывших окраин Российской империи – Польше, Литве, Финляндии. Новостная колонка также представлена заметками о жизни русской диаспоры в Калифорнии. Причем редакция отрицательно относилась к представителям ее консервативной части: «У “публики нашей” отсутствует какой-либо интерес к тому, что творится на белом свете дальше их “родного уголка”. Умственный багаж все тот-же с каким они прибыли сюда: “за царя и отечество” – и дальше ни с места...» [26. С. 3]. Газета просуществовала недолго, была закрыта менее чем через год после своего основания.

Немногим ранее «Русского вестника» в Калифорнии было создано другое издание, характеризовавшееся просоветской направленностью. В 1921 г. группой эмигрантов во главе с Г.Г. Григорьевым, ставшим впоследствии первым редактором, была основана одна из крупнейших газет региона «Русская жизнь», которая выходила еженедельно при поддержке Русско-американского кооперативного общества. Несмотря на то, что данное издание являлось внепартийным, его руководство открыто выражало поддержку Советской России, называя ее «великой демократической республикой в Европе и Азии... освободившейся от царизма и пробивающей себе дорогу к народовластью» [27. С. 2]. Первые полосы газеты практически всегда отводились обзору новостей из СССР.

«Русская жизнь» наравне с «Русским вестником» явилась одним из первых и немногих изданий Калифорнии, которое полностью перешло на пореформенную графическую систему языка. Хотя в первых выпусках газеты сохранялось влияние дореволюционной орфографии (наличие «десятеричного і» и окончаний прилагательных -аго-, -яго-).

На рубеже 1920–1930-х гг. произошли первые изменения в редакционной политике газеты. Ее издателем и редактором стал вице-президент Русско-американского кооперативного общества Ф. Кларк. Жесткой критике с его стороны подверглась советская индустриализация, в особенности положение американских квалифицированных рабочих в СССР и невыполнение перед ними контрактных обязательств. На страницах газеты произошла трансформация образа СССР из «великой демократической республики» в «страну нищеты и голода» [28. С. 1].

Новым этапом в развитии издания стала вторая половина 1930-х гг., когда издатель и литератор П.П. Балакшин приобрел «Русскую жизнь», переименовав ее в «Русские новости-жизнь». Газета несколько изменила формат. Увеличился ее объем, она больше ориентировалась на освещение событий, связанных с жизнью диаспоры. Новости о стране исхода также не сходили с полос, в отношении СССР теперь появлялись нейтральные оценки без политического окраса, нежели это было в период редактуры Ф. Кларка. По замыслу нового владельца, газета должна была стать объединяющим фактором для русской колонии Сан-Франциско. Для осуществления этой цели П.П. Балакшин привлекал видных деятелей культуры русского зарубежья – М.А. Осоргин, И.А. Бунин, М.В. Щербаков; на регулярной основе печаталась в

издании Т.А. Баженова – одна из лучших русскоязычных журналисток Калифорнии.

Несомненным недостатком печатного органа был то, что публикуемые материалы, в большинстве своем, затрагивали Сан-Франциско, значительно реже Лос-Анджелес и практически не освещали остальные районы Калифорнии, что снижало популярность газеты в среде эмиграции. Очевидно также, что редакция испытывала финансовые трудности, не раз обращаясь со страниц издания с просьбой о материальной поддержке. Поэтому П.П. Балакшин был вынужден в декабре 1941 г. продать газету Русскому Центру. У истоков этой организации стояли белоэмигрантские и монархистские объединения. Неудивительно, что после передачи в ведение Центра газета «Русские новости-жизнь» в очередной раз изменила вектор своего развития. Новым редактором был назначен профессор Г.К. Гине, издание стало ежедневным, было возвращено прежнее название «Русская жизнь». Произошел возврат к дореформенной орфографии, оценки деятельности большевиков диаметрально изменились. Формулировки в их адрес на полосах газеты стали крайне негативными: трудящиеся массы превратились в «рабов», советское правительство – в «Кремлевскую шайку», а И.В. Сталин сравнивался с Чингисханом, который на фоне советского лидера по степени жестокости выглядел любителем [29. С. 3]. Подобные идеологические рамки на долгие годы явились ориентиром для газеты, которая издается и в настоящее время.

Другим долговечным изданием Калифорнии стала газета «Новая заря», основанная в 1928 г. (издатель (до 1932 г.) и редактор – П.П. Васильев; с 1932 г. – издатель Г.Т. Сухов), выходившая еженедельно, а с 1938 г. – ежедневно. «Новая заря» и «Русская жизнь» считались прямыми конкурентами, поэтому они часто публиковали критические статьи друг на друга.

Первые полосы газеты отводились освещению международной повестки, в том числе затрагивалась тема советского государства. Редакция весьма лояльно относилась к Советскому Союзу, в положительном ключе оценивая его деятельность. Жизнь русской колонии на Тихоокеанском побережье являлась не менее важной тематикой для «Новой зари». В газете часто публиковались призывы к благотворительной деятельности, отчеты и анонсирование инвалидных балов и вечеров для сбора средств в пользу нуждающихся. «Новая заря» по продолжительности выпуска уступала только «Русской жизни» и «Вестнику Общества Русских Ветеранов Великой войны» и выходила на протяжении 44 лет.

Значительную часть периодических изданий второй волны русской эмиграции в Калифорнии составляли издания, основанные деятелями русской культуры, которые отличались своей аполитичностью. Первым из них стала основанная в 1921 г. в Сан-Франциско еженедельная «Русская газета» (изд. Ф.А. Постников). В состав редакционной коллегии вошли многие деятели культуры, в том числе и поэтесса Е.П. Грот. По свидетельству современников, «не приходилось говорить о каком-либо направлении газеты, не было не только направления, но и доста-

точных средств» [11. С. 83]. Данное обстоятельство, вероятно, стало причиной закрытия издания менее чем через год после его основания.

В период выпуска «Русской газеты» в 1921 г. на квартире у Е.П. Грот начал собираться Литературно-художественный кружок. Плодом деятельности этих собраний явилось основание в 1923 г. ежегодного журнала «Родные мотивы» (изд. – Е.П. Грот совместно с Ф.А. Постниковым). Это было литературное издание, в котором публиковались прозаические и поэтические произведения членов кружка. Журнал печатался в г. Беркли, и всего вышло в свет три номера за 1923–1925 гг. После закрытия «Родных мотивов» важным достижением Литературно-художественного кружка стала публикация трилогии, включавшей в себя коллективные сборники. Первый из них – «Дымный след» был издан в 1925 г. в Сан-Франциско (ред. А.П. Ющенко) со стихами Е.П. Грот, О.А. Ильиной, А.А. Масаинова; в сборнике также присутствовала проза, просветительские статьи и эссе [30].

Второй частью серии был «Калифорнийским альманах», напечатанный в 1934 г. в Харбине специально для кружка. Состав авторов практически повторял «Дымный след». Одним из редакторов выступал владелец газеты «Русские новости-жизнь» П.П. Балакшин, который тесно сотрудничал с кружком. Помимо своей основной деятельности он в 1936–1937 гг. под псевдонимом Б. Миклашевский выпускал художественно-литературный сборник «Земля Колумба».

Наконец, альманах «У золотых ворот» (Сан-Франциско, 1957 г.) был задуман как завершающий в трилогии. Авторский состав сборника был значительно шире, чем в предыдущих двух частях за счет деятелей культуры, прибывших в Калифорнию в ходе третьей волны эмиграции: в их числе, Н.В. Нароков, П.П. Лапикен, Е.В. Глушкова (псевдоним А. Васильковская) и др. [30]. Наравне с произведениями профессионалов в альманахе вышло несколько рассказов писателей-любителей, что подчеркивало демократичный характер литературно-художественного объединения.

Ведущие деятели данного кружка (Е.П. Грот, П.П. Балакшин, Т.А. Баженова) активно публиковались в единственном детском журнале колонии «День русского ребенка». Его выход был приурочен к одноименному празднику, устраиваемому диаспорой на Благовещение. Впервые данное мероприятие было организовано в 1932 г., а первый номер издания, имевшего ежегодный формат, вышел в печать в 1934 г. (редактор-издатель – Н. Борзов). Содержание включало в себя детские стихи и рассказы, сочетавшиеся на страницах журнала с рассуждениями о трудной жизни потомков эмигрантов и призывами о материальной помощи нуждающимся детям. Значительная часть литературных произведений пропагандировала идеи воспитания в православной вере и потребность в сохранении исторической памяти о стране исхода среди подрастающего поколения.

Каждый номер журнала содержал отчет о доходах, получаемых от проведения Дня русского ребенка, и расходах, направляемых на нужды обездоленных детей. Из отчетов следует, что тираж издания составлял

всего 250 экземпляров [31. С. 33]. Несмотря на такое незначительное количество, журнал выходил в течение 21 года (последний номер был опубликован в 1955 г.).

Интеллигенция русской колонии была представлена не только людьми творческих специальностей, но также и учеными. В 1937 г. в Сан-Франциско было учреждено Русское историческое общество в Америке (РИОА). Основным итогом деятельности РИОА за непродолжительный период его существования стало создание собственного печатного органа. Первый номер «Записок Русского исторического общества в Америке» вышел в 1938 г. (ред. А.П. Фарафонов). В журнале публиковались известные историки русского зарубежья: С.Г. Сватиков, П.В. Шкуркин, Д.В. Никитин и др. Издание отличалось узкой специализацией. Публиковавшиеся статьи затрагивали проблемы, рассматриваемые исключительно в рамках американистики (русская колонизация Аляски, российско-американские отношения, «доколумбовые открытия» Америки и др.). Редакция открыто призывала игнорировать советскую историческую науку и не изучать историю «по Покровскому» [32. С. 4]. Всего вышло два номера журнала. В годы Второй мировой войны деятельность РИОА была свернута.

Удивительно схожая судьба ожидала другое научное объединение Калифорнии Русское сельскохозяйственное общество в Северной Америке, основанное в июне 1938 г. в Сан-Франциско с целью поддержки русских фермеров, организации для них справочно-информационной службы. Данное объединение в 1939 г. выпустило свой научный журнал «Известия Русского сельскохозяйственного общества в Северной Америке», в котором публиковались аналитические статьи, заметки о развитии сельского хозяйства в СССР и США, перепечатывались материалы из других схожих по тематике изданий. Как и РИОА, деятельность сельскохозяйственного общества полностью прекратилась в годы войны. По ее окончании деятели объединения совместно с представителями Русского исторического общества участвовали в создании Музея-архива русской культуры в г. Сан-Франциско, существующего по настоящее время [11. С. 155].

Свой след в истории русской периодики колонии оставило студенческое движение. В Беркли при Калифорнийском университете был основан ежегодник «Русский медведь», являвшийся органом Русского национального студенческого общества. Издание выходило в канун Татьянинного дня. В нем публиковались пожелания и поздравления студенчеству, заметки об истории общества и воспоминания о родине. Было выпущено, по меньшей мере, два номера в 1930 и 1931 гг. [33. С. 1].

Что касается церковной периодики, то в Калифорнии она была распространена слабо. Скорее всего, это обусловлено тем, что к началу XX в. Сан-Франциско, в котором располагалась епархиальная кафедра, начал терять свою значимость как центр православия в Северной Америке. В связи с увеличением эмиграции из России в восточные штаты, соответственно, наблюдался и рост числа приходов на Восточном побережье

США. Для удобства управления и территориальной близости к основной части паствы архиепископ Тихон Беллавин в 1905 г. принял решение о переносе кафедры Алеутской и Североамериканской епархии из Сан-Франциско в Нью-Йорк [10. С. 375]. Именно на Восточном побережье на рубеже XIX–XX вв. возникли первые церковные издания – «Журнал православной церкви», «Американский православный вестник», «Русский эмигрант» и др. Появление в Калифорнии новых религиозных изданий приходится лишь на 1930-е гг.

В 1931 г. был издан журнал «Вера и правда» под редакцией генерал-майора царской армии, участника объединения офицеров Генерального штаба в г. Сан-Франциско Г.Т. Киященко. Журнал – церковно-монархический, ультраконсервативного толка. В нем автор публиковал свои рассуждения, воспоминания о жизни в дореволюционной России. С особым пиететом Г.Т. Киященко в своих статьях относился к последнему императору Николаю II, которому был посвящен отдельный спецвыпуск, приуроченный к 15-летней годовщине расстрела царской семьи. Печатный орган, в свойственной монархическому изданию манере, выступал с жесткой критикой большевиков, называя их, не иначе как, «пришельцы сатаны» [34. С. 458]. Журнал оказался недолговечным, в 1933 г. было принято решение о его закрытии.

Другим церковным изданием второй волны эмиграции была газета «Русский клич» (ред. В.А. Воецкий), выходившая в Лос-Анджелесе в 1937–1938 гг. Она являлась официальным органом Братства поборников православной веры и церковной истины, выступавшего против предоставления Автокефалии Североамериканской епархии. Эта тема нашла отражение на страницах печатного органа [35. С. 1]. В газете также отражалась история христианской церкви, особое внимание уделялось освещению духовной и светской жизни русской колонии региона. В указанный период было выпущено всего три номера издания. В 1946 г. была предпринята попытка возродить газету под редакцией Б. Страпски, однако в печать вышел лишь один номер.

Из журналов не православной деноминации издавался лишь ежегодник «Молоканское обозрение». Молокане являлись представителями еще первой волны эмиграции в регионе. Они расселились преимущественно в Лос-Анджелесе и Сан-Франциско в 1904–1906 гг. Несмотря на высокий уровень их организации, община довольно продолжительный период функционировала без собственного печатного органа, который был создан лишь в 1941 г. Издателем и редактором стал П.И. Самарин. В ежегоднике публиковались новости молоканской общины, догматы их учения и трактовки священных текстов. Журнал оказался недолговечным, последний номер вышел в 1947 г.

Подводя итог всему вышеизложенному, необходимо подчеркнуть, что русскоязычная периодика Калифорнии выполняла важную социокультурную функцию для диаспоры. Начиная с появления первой газеты региона – «Вестника Аляски» Агапия Гончаренко, она не только способствовала сохранению эт-

нической самоидентификации в среде эмигрантов, но и повышала уровень их образованности, занимаясь просветительской деятельностью, посредством ознакомления колонии с правовыми и культурными особенностями США. Русскоязычная пресса оказала существенное влияние на скорейшую адаптацию и интеграцию эмигрантов в инокультурное пространство Америки.

Важно также отметить, что первая и вторая волны русской эмиграции не были однородными по своему социальному составу. Они включали в себя различ-

ные слои населения – политические и религиозные эмигранты, военные, интеллигенция, студенты, рабочие и др. Поэтому тематическое многообразие, представленное русскоязычной периодикой Калифорнии, благоприятно сказалось на местной диаспоре, позволяя каждому читателю обнаружить необходимую информацию. Развитие периодической печати региона в указанный период имело свои локальные особенности – это слабое распространение церковных изданий, а также большое количество недолговечных газет и журналов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вильчур М. Русские в Америке. Нью-Йорк : Первое русское издательство в Америке, 1918. 159 с.
2. Park R.E. The immigrant press and its control. N. Y. : Harper & Bros., 1922. 487 p.
3. Окунцов И.К. Русская эмиграция в Северной и Южной Америке. Буэнос-Айрес: Сеятель, 1967. 430 с.
4. Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). СПб. : СПб. гос. ун-т культуры и искусств, 2004. 468 с.
5. Нитобург Э.Л. Русские в США: История и судьбы, 1870–1970: Этнографический очерк. М. : Наука, 2005. 421 с.
6. Ручкин А.Б. Русская диаспора в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX века. М. : Изд-во Национ. ин-та бизнеса, 2006. 458 с.
7. Зацепина О.С., Ручкин А.Б. Русские в США. Общественные организации русской эмиграции в XX–XXI вв. Нью-Йорк, 2011. 290 с.
8. Мосейкина М.Н. Печать и издательское дело русской эмиграции в странах Латинской Америки в 1940–1950-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 6-2. С. 132–138.
9. Сабенникова И.В., Генштке Н.Л. Зарубежная архивная россика: материалы к аннотированному указателю статей из отечественных журналов и продолжающихся изданий (2012 г.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2013. № 4. С. 146–163.
10. Ефимов А.Б. Очерки по истории миссионерства Русской православной церкви. М. : Изд-во ПСТГУ, 2007. 688 с.
11. Хисамутдинов А.А. Русский Сан-Франциско. М. : Вече, 2010. 248 с.
12. Сватиков С. Агапий Гончаренко, основатель русской печати в Америке // Временник Общества друзей русской книги. Париж, 1938. Т. IV. С. 251–266.
13. Марков С.Н. Легопись Аляски. М. : Русский центр «Пересвет», 1991. 192 с.
14. Вишнякова Н.В. История русской книги в США (конец XVIII в. – 1917 г.). Новосибирск, 2004. 340 с.
15. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 81. М. : Гос. изд-во худ. лит., 1956. 317 с.
16. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 63. Оп. 30. Д. 1063.
17. Великий океан. Лос-Анджелес, 1910. № 8.
18. Хисамутдинов А.А. Русская диаспора на Тихоокеанском побережье США (первая половина XX века) // Вопросы истории. 2005. № 11. С. 109–114.
19. Вестник русско-американского сближения. Сан-Франциско, 1919. Май.
20. Вестник русско-американского сближения. Сан-Франциско, 1919. Июль.
21. Вестник Общества Русских Ветеранов Великой войны. Сан-Франциско, 1938. № 147–149.
22. Вестник Объединения офицеров Генерального штаба в г. Сан-Франциско. 1932. № 2.
23. Вахтенный журнал. Сан-Франциско, 1935. № 4–5.
24. Толочко А.В. О деятельности Военно-морского исторического кружка в 1927–1930-х годах // Вестник Пермского университета. История. 2013. № 3. С. 20–26.
25. Русское дело. Сан-Франциско, 1940. № 7.
26. Русский вестник. Лос-Анджелес, 1925. № 11.
27. Русская жизнь. Сан-Франциско, 1922. № 34.
28. Русская жизнь. Сан-Франциско, 1930. № 39.
29. Русская жизнь. Сан-Франциско, 1946. № 134.
30. Крейд В. Литературно-художественный кружок в Сан-Франциско (1921–1957 гг.) // Новый исторический вестник. 2001. № 3 (5). URL: http://www.nivestnik.ru/2001_3/15.shtml (дата обращения: 22.02.2018).
31. День русского ребенка. Сан-Франциско, 1937. № 4.
32. Записки Русского исторического общества в Америке. Сан-Франциско, 1938. № 1.
33. Русский медведь. Беркли, 1931. № 1.
34. Вера и правда. Сан-Франциско, 1933. № 41.
35. Русский ключ. Лос-Анджелес, 1938. № 2.

Статья представлена научной редакцией «История» 4 сентября 2018 г.

Development of Russian Periodical Press in California: From the Formation to the Beginning of World War II

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 463, 137–144.

DOI: 10.17223/15617793/463/17

Dmitry V. Shevtsov, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation). ShevtsovDmitry93@yandex.ru

Keywords: California; diaspora; periodical press; edition; development.

One of the emigrants' adaptation and integration factors into the host country's sociocultural space is the press publishing any material in the language of the original country. Such periodicals have a great number of local features that differ from each other depending on the area of their distribution. The aim of this investigation is to comprehensively analyze the development of the Russian-language periodical press which was established by the representatives of the first and second Russian emigration waves in California. To achieve this aim, the following objectives were set: identifying specific regional features of periodicals, classifying publications and determining the role of the press in the resettlement groups' adaptation process. The source base of the research is a wide-range number of newspapers and magazines published and circulated in California during the second half of the 19th – the first

third of the 20th centuries. The author also relies on the historiographic heritage of the most known researchers who studied the emigrant press development in North America in the specified chronological frameworks. Materials from the State Archive of the Russian Federation are also used in this article. In the course of the investigation, the author revealed that only two periodicals were established in the years of the Russian emigration's first wave in California: *Alaska Herald* and *The Great Ocean*, they had an anti-monarchist orientation. The revolutionary events in the former Russian Empire in 1917 contributed to a substantial increase in the number of Russian-language newspapers and magazines in the region. Periodicals produced by representatives of the Russian second wave emigration, which was not homogeneous in the social composition, were thematically diverse: monarchist, anti-Bolshevik, pro-Soviet, military, historical, scientific, artistic and literary, children's, and others. The regional emigrant press facilitated the rapid assimilation and Americanization of the resettlement groups as well as their familiarization with the sociocultural features of the new community. In the course of the investigation, other specific features of the Russian-language periodical press development in California were revealed. There was a considerable number of non-durable magazines and newspapers as well as an insignificant circulation of the Russian Orthodox Church periodicals in the region.

REFERENCES

1. Vil'chur, M. (1918) *Russkie v Amerike* [Russians in America]. New York: Pervoe russkoe izdatel'stvo v Amerike.
2. Park, R.E. (1922) *The immigrant press and its control*. N. Y.: Harper & Bros.
3. Okuntsov, I.K. (1967) *Russkaya emigratsiya v Severnoy i Yuzhnoy Amerike* [Russian emigrants in North and South America]. Buenos Aires: Seyatel'.
4. Bazanov, P.N. (2004) *Izdatel'skaya deyatel'nost' politicheskikh organizatsiy russkoy emigratsii (1917–1988 gg.)* [Publishing activities of political organizations of the Russian emigration (1917–1988)]. St. Petersburg: SPb. gos. un-t kul'tury i iskusstv.
5. Nitoburg, E.L. (2005) *Russkie v SShA: Istoriya i sud'by, 1870–1970: Etnograficheskiy ocherk* [Russians in the USA: History and Fates, 1870–1970: An Ethnographic Essay]. Moscow: Nauka.
6. Ruchkin, A.B. (2006) *Russkaya diaspora v Soedinennykh Shtatakh Ameriki v pervoy polovine XX veka* [Russian diaspora in the United States of America in the first half of the 20th century]. Moscow: National Institute of Business.
7. Zatsepina, O.S. & Ruchkin, A.B. (2011) *Russkie v SShA. Obshchestvennye organizatsii russkoy emigratsii v XX–XXI vv.* [Russians in the USA. Public organizations of the Russian emigration in the 20th and 21st centuries] New York: RACH-C PRESS.
8. Moseykina, M.N. (2011) Press and Publishing Business of Russian Emigration in Latin America Countries in the 1940s–1970s. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 6-2. pp. 132–138. (In Russian).
9. Sabennikova, I.V. & Genshtke, N.L. (2013) Zarubezhnaya arkhivnaya rossika: materialy k annotirovannomu ukazatelyu statey iz otechestvennykh zhurnalov i prodolzhayushchikhsya izdaniy (2012 g.) [Foreign archival Rossica: materials for the annotated index of articles from domestic journals and continuing publications (2012)]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii – Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Russian History*. 4. pp. 146–163.
10. Efimov, A.B. (2007) *Ocherki po istorii missionerstva Russkoy pravoslavnoy tserkvi* [Essays on the history of missionary work of the Russian Orthodox Church]. Moscow: Saint Tikhon's Orthodox University.
11. Khisamutdinov, A.A. (2010) *Russkiy San-Frantsisko* [Russian San Francisco]. Moscow: Veche.
12. Svatikov, S. (1938) Agapiy Goncharenko, osnovatel' russkoy pechati v Amerike [Agapy Goncharenko, founder of the Russian press in America]. *Vremennik Obshchestva druzey russkoy knigi*. IV. pp. 251–266.
13. Markov, S.N. (1991) *Letopis' Alyaski* [Chronicle of Alaska]. Moscow: Russkiy tsentr "Peresvet".
14. Vishnyakova, N.V. (2004) *Istoriya russkoy knigi v SShA (konets XVIII v. – 1917 g.)* [History of Russian books in the USA (late 18th century – 1917)]. Novosibirsk: GPNTB SO RAN.
15. Tolstoy, L.N. (1956) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 81. Moscow: Gos. izd-vo khud. lit.
16. State Archive of the Russian Federation. Fund 63. List 30. File 1063.
17. *Velikiy okean* (Los Angeles). (1910) 8.
18. Khisamutdinov, A.A. (2005) Russkaya diaspora na Tikhookeanskom poberezh'e SShA (pervaya polovina XX veka) [On the Activities of the Naval Historical Club in 1927–1930s]. *Voprosy istorii*. 11. pp. 109–114.
19. *Vestnik russko-amerikanskogo sblizheniya* (San Francisco). (1919) May.
20. *Vestnik russko-amerikanskogo sblizheniya* (San Francisco). (1919) July.
21. *Vestnik Obshchestva Russkikh Veteranov Velikoy voyny* (San Francisco). (1938) 147–149.
22. *Vestnik Ob'edineniya ofitserov General'nogo shtaba v g. San Francisco*. (1932) 2.
23. *Vakhtennyy zhurnal* (San Francisco). (1935) 4–5.
24. Tolochko, A.V. (2013) On the Activities of the Naval Historical Club in 1927–1930s. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya – Perm University Herald. History*. 3. pp. 20–26.
25. *Russkoe delo* (San Francisco). (1940) 7.
26. *Russkiy vestnik* (Los Angeles). (1925) 11.
27. *Russkaya zhizn'* (San Francisco). (1922) 34.
28. *Russkaya zhizn'* (San Francisco). (1930) 39.
29. *Russkaya zhizn'* (San Francisco). (1946) 134.
30. Kreyd, V. (2001) Literaturno-khudozhestvennyy kruzhok v San-Frantsisko (1921–1957 gg.) [Literary and artistic circle in San Francisco (1921–1957)]. *Novyy istoricheskiy vestnik – New Historical Bulletin*. 3 (5). [Online] Available from: http://www.nivestnik.ru/2001_3/15.shtml (Accessed: 22.02.2018).
31. *Den' russkogo rebenka* (San Francisco). (1937) 4.
32. *Zapiski Russkogo istoricheskogo obshchestva v Amerike* (San Francisco). (1938) 1.
33. *Russkiy medved'* (Berkeley). (1931) 1.
34. *Vera i pravda* (San Francisco). (1933) 41.
35. *Russkiy klich* (Los Angeles). (1938) 2.

Received: 04 September 2018

ПЕДАГОГИКА

УДК 378.016

Д.В. Викторов

ПРИКЛАДНОЕ ФИЗКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ СТУДЕНТОВ

Рассмотрена возможность актуализации концепции прикладного физкультурного образования студентов с применением методики профессионально-прикладной подготовки. Обосновано, что экспериментальная методика, опираясь на средства физического воспитания, способствует сокращению периода профессиональной адаптации.

Ключевые слова: студенты; педагогический процесс; прикладное физкультурное образование; профессиональная адаптация; прикладная подготовка; высшее образование.

Введение. Успешное освоение будущей профессиональной деятельности с учетом специфических требований, предъявляемых конкретными профессиями, позволяет обеспечить оптимальный уровень физической и функциональной подготовки, тренированности организма, а также формировать важные профессиональные качества и способности.

Сущность профессионально-прикладной физической подготовки (ППФП) заключается в оптимальном использовании совокупности средств физической культуры, методов прикладной подготовки и форм физического воспитания в целях усвоения человеком знаний, умений и навыков, необходимых в будущей профессии [1].

Ратификация в 2018 г. Федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС 3++) позволила вузам переводить студентов на разработанные в соответствии с новыми положениями программы.

Появилось новое наименование компетенций – универсальные компетенции (УК).

Набор универсальных компетенций действительно необходим для будущего специалиста, их необходимо формировать на протяжении всего процесса обучения по определенной образовательной программе [2].

В отечественном образовании основное внимание уделяется формированию знаний в области прикладной подготовки, умению передавать прикладные знания, в то время как навыки и умения выполняют вспомогательную роль. В соответствии с этим традиционно применяются формы контроля, позволяющие оценивать сформированные знания, умения и навыки, полученные как продукт изучения образовательных программ.

Однако этого недостаточно. Вузы обращаются к поиску новых форм обучения, повышающих качество прикладной подготовки и, следовательно, профессиональной адаптации [3].

Для студентов, которые имеют ограничения возможностей здоровья, поддержка должного уровня прикладной подготовленности в рамках будущей профессии затруднительна.

Согласно учебным планам, разрабатываемым на основе ФГОС ВО (3+) либо ФГОС ВО (3++), на реализацию программы профессионально-прикладной физической подготовки отводится последний семестр изучения дисциплины [4, 5].

Для успешного достижения оптимального уровня физического развития и формирования необходимых в будущей профессиональной деятельности умений и навыков требуются новые подходы к процессу организации и педагогической реализации ППФП. Данные подходы должны быть направлены на методическое и содержательное преобразование программы прикладной физподготовки.

Однако далеко не все преподаватели физической культуры в достаточной степени владеют необходимыми для этого знаниями, многие зачастую пассивны и инертны в работе [6].

На наш взгляд, методику ППФП следует актуализировать, т.е. использовать последовательную (этапную) реорганизацию программы дисциплины, направить изменения в сторону не только количественных, но и качественных преобразований при сохраняемой основе. При этом следует использовать совокупность принципов, подходов и методов физической культуры.

Цель исследования – актуализировать концепцию прикладного физкультурного образования студентов с учетом потенциала профессионально-прикладной физической подготовки, обеспечивающей возможность эффективного формирования профессиональной адаптации.

Под профессиональной адаптацией студентов в период обучения мы понимаем процесс вхождения в профессию и гармонизации взаимодействий обучающихся с профессиональной средой посредством организации учебного процесса.

Прикладное физкультурное образование осуществляется через педагогический процесс ППФП, но отличается от традиционной практики тем, что в рамках освоения дисциплины у студентов формируется диапазон адаптационных возможностей организма и развиваются профессионально важные качества.

Вопрос о возможности адаптации студентов в процессе подготовки к профессиональной деятельности в вузе остается дискуссионным до настоящего времени. Человек способен адаптироваться как к существенным физическим нагрузкам, так и к будущей профессиональной деятельности. Позиции студента современного вуза изменяются в условиях образовательного процесса. Он из пассивного субъекта обучения превращается в активного участника учебно-профессиональной деятельности [7].

На уровне традиционного процесса обучения методически это сложно осуществить.

Экспериментальная методика ПФО

2-й семестр	4-й семестр	6-й семестр
Начальная адаптация	Долговременная адаптация	Устойчивая адаптация
Мобилизация функциональных систем (внешнего дыхания и кровообращения)	Повышение качества функции равновесия	Двигательная активность (мощность работы)

Известно, что при высокой мотивации организм человека способен продемонстрировать не доступную для него в спокойном состоянии функциональную активность.

Грамотно организованная профессионально-прикладная физическая подготовка позволяет подготовить специалистов, обладающих высокими адаптационными резервами. Эти резервы в процессе профессиональной деятельности они могут полноценно использовать

Еще раз обратимся к определению процесса адаптации: адаптация есть предпосылка активной деятельности студентов, связанная с приспособлением к содержанию, условиям и характеру конкретной профессиональной деятельности посредством организации учебного процесса. При этом профессиональная адаптация предполагает овладение нормами и функциями будущей профессиональной деятельности.

Нами была выдвинута гипотеза: профессиональная адаптация, понимаемая нами как приспособление организма к прикладным физическим нагрузкам профессиональной деятельности, у студентов будет более успешной, если изменить методику преподавания прикладной физической подготовки.

Согласно ФГОС на реализацию ППФК отводится последний семестр изучения дисциплины.

Нами предлагается внести изменения в порядок изучения и преподавания ППФП, изменив в том числе и структуру программы, и время, отведенное на ее усвоение, а также формы и методы обучения, включив данную дисциплину в структуру четных (2-й, 4-й и 6-й) семестров.

Такая методика обуславливает распределение содержания, способов подачи учебного материала и видов учебно-профессиональной деятельности.

Такой подход предполагает (но не предопределяет) позицию обучаемого.

В дальнейшем эмпирическим путем установлено, что ПФО создает серьезные предпосылки для успешной профессиональной адаптации, которая проявляется через фактор улучшения здоровья и повышение уровня тренированности организма.

Организация исследования. В исследовании приняли участие 40 студентов ЮУрГУ (НИУ) (экспериментальная группа) и 39 студентов ЮУрГИИ им. П.И. Чайковского (контрольная группа).

Наблюдение проводилось в течение 2017–2020 гг. Нами учитывалось, что формирование адаптации, в том числе и профессиональной, проходит в три фазы:

- 1) срочная «начальная» фаза процесса приспособления к физической нагрузке;
- 2) долговременная фаза, заключающаяся в структурных перестройках в организме, вследствие накопления эффектов многократно повторенной срочной адаптации;
- 3) фаза устойчивой адаптации (табл. 1).

Учебный процесс был организован по принципу поэтапного вовлечения студентов в ПФО (независимо от выбранной специальности).

Учебный план предусматривал определенную периодичность занятий – два раза в неделю.

На этапе срочной «начальной» стадии процесса приспособления к физической нагрузке, которая характеризуется мобилизацией функциональных систем (внешнего дыхания и кровообращения), использовались методы функциональных проб (проба Серкина и проба Мартине–Кушелевского).

На этапе долговременной адаптации, обеспечивающей повышение физиологических возможностей доминирующей системы за счет включения режима экономичности ее функционирования, использовался метод стабилотрии. Данный метод позволяет отследить качество функции равновесия, другими словами, динамику освоения человеком новых (прикладных) двигательных навыков;

На этапе устойчивой адаптации, подразумевающей увеличение мощности и повышение экономичности функционирования двигательного аппарата, использовался экспресс-метод PWC170 и МПК. Результаты применения данных методов позволяют определить, насколько эффективно сердце, легкие и сосуды обеспечивают организм кислородом после физических нагрузок.

Перечисленные показатели характеризуют стабильность (устойчивость) функционирования отдельных физиологических систем и всего организма в целом в течение периода времени, необходимого для эффективного выполнения профессиональной деятельности.

Данные эксперимента представлены в виде $M \pm m$, где M – средняя, а $\pm m$ – стандартное отклонение. Анализ достоверности полученных результатов проводился по t-критерию Стьюдента. Различия показателей в экспериментальной и контрольной группах до и после эксперимента считали значимыми при $p \leq 0,05$.

Результаты исследования. Показано, что при сравнении фиксируемых показателей в конце 2-го, 4-го и 6-го семестров (см. табл. 2–4) мобилизация таких функциональных систем, как внешнее дыхание и кровообращение (1-й этап), неизбежно отражается на качестве такой функции, как равновесие (2-й этап), а повышение показателей функции равновесия связано с развитием двигательной активности (3-й этап). Это, по нашему мнению, служит доказательством эффективности предлагаемой методики занятий.

Из табл. 2. видно, что при проведении пробы Серкина (трехэтапная задержка дыхания) каждый этап объединяет важные категории функционального состояния: 1-й этап – физические возможности, 2-й этап – физические способности, 3-й этап – энергетические ресурсы.

В 6-м семестре (2019–2020 гг.) и в экспериментальной, и в контрольной группах отмечены достоверные отличия ($p < 0,05$) от результатов, зафиксированных в 1-м и 2-м семестрах.

Начальная фаза процесса формирования профессиональной адаптации

Показатели	Группы	Этапы исследования		
		Начальная адаптация	Долговременная адаптация	Устойчивая адаптация
Проба Мартине	ЭГ	39/61*	64/36*	74/26*
	КГ	43/57*	61/39*	69/31*
Проба Серкина	ЭГ	46,3/86,7**	48,2/97,5**	59,5/103,4**
	КГ	46,7/91,9**	48/103,1**	64,6/116,4**

*Доля респондентов (%) по типу реакции: благоприятная (норм) / неблагоприятная;

**2-й, 3-й этапы (%)

На 2-м этапе выросло значение показателя задержки дыхания, что указывает, в частности, на хорошую способность респондентов переносить гипоксические условия и экономичную работу дыхательно-мышечной системы. Этим обосновывается эффективность предлагаемого подхода к формированию профессиональной адаптации. Кроме того, это можно рассматривать как доказательство возрастания адаптивных возможностей организма.

Результаты занятий со студентами экспериментальной группы позволяют предположить, что в соот-

ветствии с функциональными возможностями систем организма формируются и двигательные качества. Средние по группам значения показателей пробы Серкина подтверждают (независимо от пола и уровня физической подготовленности) достоверность повышения адаптационных сдвигов, адекватных физической нагрузке.

Данные, приведенные в табл. 3, свидетельствуют о положительной динамике показателей формирования профессиональной адаптации у студентов экспериментальной группы.

Таблица 3

Долговременная фаза процесса формирования профессиональной адаптации

Показатели	Группа	Этапы исследования		
		Начальная адаптация	Долговременная адаптация	Устойчивая адаптация
Скорость ОЦД	ЭГ	24,6 ± 2,6	18,4 ± 1,9	17,8 ± 1,9
	КГ	17,1 ± 2,1	15,9 ± 0,4	16,1 ± 0,6
Показатель площади статокинезиограммы	ЭГ	235,1 ± 51,6	205,9 ± 39,9	173,2 ± 29,9
	КГ	237,5 ± 43,7	229,1 ± 39,01	231,72 ± 41,6
LFS	ЭГ	3,2 ± 0,39	2,43 ± 0,6	2,01 ± 0,41
	КГ	2,89 ± 0,14	2,45 ± 0,19	2,21 ± 0,22
КФР	ЭГ	64,42 ± 4,9	76,71 ± 4,5	85,08 ± 4,12
	КГ	65,63 ± 2,37	68,62 ± 3,54	73,32 ± 2,34

Следует также отметить, что снижение значений показателя ОЦД к 3-му курсу является отражением способности организма функционировать в режиме, приближенном к стабильному.

Площадь статокинезиограммы – это часть плоскости, ограниченной кривой статокинезиограммы, показатель, зависящий от многих параметров.

Значительное снижение данного показателя в экспериментальной группе (на 26% – с 235,1 до 173,2) свидетельствует об эффективности ПФО.

К сожалению, в контрольной группе данный показатель снизился лишь на 15,8%.

Суммарная энергия, затраченная на поддержание или изменение позы за время проведения исследования (LFS), характеризует энергоёмкость усилий поддержания позы.

Данный показатель имеет еще и явно выраженный физический смысл, что позволяет более точно связывать его значение с долговременной фазой профессиональной адаптации.

Эффективность в данном случае означает минимизацию затрат энергии, которая у студентов экспериментальной группы к концу 3-го курса отражает экономичность ввиду выраженной динамики (3,2 – на 1-м курсе, 2,43 – на 2-м курсе и 2,01 на 3-м курсе).

Это является свидетельством динамичности перестройки функциональной системы и статокинетической устойчивости организма в новых, усложненных условиях.

Показатель стабильности (КФР), интегративно отражающий состояние равновесия, достоверных различий не имеет ни до, ни после эксперимента, что подтверждает наличие у всех студентов устойчивой нормы, стабильность координационно-пространственных параметров деятельности и результативность технических действий.

Однако у студентов экспериментальной группы данный параметр сопровождается уменьшением разброса значений колебаний.

Результаты анализа показателей PWC170 позволили установить, что во 2-м семестре в экспериментальной и контрольной группах их значения были на низком уровне.

В 4-м семестре в обеих группах они были на уровне ниже среднего, но в 6-м семестре в контрольной группе относительный показатель PWC170 остался на среднем уровне.

Следует подчеркнуть, что в экспериментальной группе значение данного показателя зафиксировано на уровне выше среднего ($p < 0,05$).

Аналогично по МПК: во 2-м семестре в экспериментальной и контрольной группах зафиксированы очень низкие показатели, в 4-м семестре в экспериментальной группе – низкие, в контрольной – пока-

затели ниже среднего ($p > 0,05$), в 6-м семестре в экспериментальной группе – средние, в контрольной – показатели ниже среднего ($p < 0,05$) (см. табл. 4).

Таблица 4

Устойчивая фаза процесса формирования профессиональной адаптации

Показатели	Группы	Этапы исследования		
		Начальная адаптация	Долговременная адаптация	Устойчивая адаптация
PWC170 (относительная)	ЭГ	12,9 ± 1,2	14,4 ± 1,4	16,7 ± 0,5
	КГ	13,1 ± 1,1	14,2 ± 1,4	14,8 ± 1,3
МПК (относительная)	ЭГ	31,9 ± 2,1	37,1 ± 1,7	42,2 ± 0,7
	КГ	31,8 ± 1,8	35,6 ± 2,3	37,6 ± 2,5

Выводы. Прикладные методы и средства, реализуемые в программах физического воспитания в настоящее время, не позволяют студентам в период обучения в вузе достичь должного уровня развития профессионально значимых физических и функциональных качеств.

Снижение физической нагрузки на этапе непосредственной профессиональной подготовки (старшие курсы), отсутствие прогрессивных методик, применение средств прикладной физической подготовки, по объему и интенсивности недостаточных для здоровья обучающихся, не способствуют успешному овладению профессией.

Используемые в настоящее время прикладные нагрузки не стимулируют студентов демонстрировать функциональную активность, эмоциональное напряжение и высокую мотивацию к будущей профессии.

Если в педагогическом процессе профессионально-прикладной физической подготовки использовать методику разработанной нами концепции прикладного физкультурного образования (ПФО), можно в достаточной степени обеспечить у студентов увеличение диапазона адаптационных возможностей организма и формировать в процессе обучения профессионально важные качества.

Для этого в экспериментальной методике мы предусмотрели включение прикладной подготовки в каждый четный (2-й, 4-й, 6-й) семестр, тогда как ФГОС на реализацию профессионально-прикладной физической культуры отводит только последний семестр изучения дисциплины.

Разработанная технология ПФО, опираясь на показатели мобилизации функциональных систем (начальная адаптация), метод изучения качества равновесия (долговременная адаптация) и метод максимального потребления кислорода (устойчивая адаптация) в соответствии с методологическими принципами (систематичности, комплексности, практической направленности, постепенности, доступности, единства и взаимосвязи), последовательно раскрывает пути достижения поставленных целей и решения задач, гарантируя планируемый результат образовательного процесса. Таким образом, исследуемые показатели в экспериментальной группе существенно отличались от таковых в контрольной группе ($p < 0,05$) или в экспериментальной группе они значительно улучшились.

Поскольку в современных реалиях требующую модернизации проблему профессиональной адаптации необходимо решать путем построения единого образовательного пространства в области профессионально-прикладной физической подготовки, в рамках снятия противоречия между программами обучения, иного порядка структурирования учебной информации, создания новых курсов для обеспечения успешности в будущей профессиональной деятельности студентов всех медицинских групп, то осуществлять эту концепцию необходимо в учебных заведениях высшего образования, которые по своему статусу имеют материальное, законодательное и кадровое обеспечение для внедрения форм и средств прикладной подготовки в повседневную жизнь студенческой молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

- Сафонова О.А., Кривошеёв В.Г. Профессионально-прикладная физическая подготовка студентов строительного профиля на основе комплексного подхода // Теория и практика физ. культуры. 2015. № 9. С. 29–30.
- Шамардин А.И., Черкашин В.П., Братчиков А.П., Москвичев Ю.Н., Сахарчук Е.И., Андреев А.С., Колганов Р.И. Модели управления качеством образовательной деятельности в вузах физкультурного профиля. Волгоград : ФГОУВПО «ВГАФК», 2011. 407 с.
- Чекалева Н.В. Эффекты модернизации педагогического образования // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. № 3 (16). С. 175–178.
- Черепов Е.А. Система спортизированного физического воспитания в здоровьесформирующем образовательном пространстве школы: монография. Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2015. 309 с.
- Приказ Минобрнауки России от 19 ноября 2013 г. № 1259 «Об утверждении порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования – программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре)».
- Рвачев В.А. Организационно-методические особенности проведения занятий профессионально-прикладной физической культурой машинистов метрополитена : дис. ... канд. пед. наук. М., 2016. 169 с.
- Коновалова Г.М., Севрюкова Г.А. Адаптация современной молодежи к условиям обучения в высшей школе: физиологический аспект // Вестник АГУ. 2011. № 3. С. 81–92.
- Яковлева И.В., Власюк Н.Н. Здоровьесберегающие технологии в режиме учебы, труда и отдыха студентов (ценностные и деятельностные аспекты) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 451. С. 179–184.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 19 ноября 2020 г.

Methods of Applied Physical Education of Students

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 463, 145–149.

DOI: 10.17223/15617793/463/18

Dmitriy V. Viktorov, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation); South Ural State Institute of Arts named after P.I. Tchaikovsky (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: viktorovdv@yandex.ru

Keywords: students; pedagogical process; applied physical education; professional adaptation; applied training; higher education.

Practice shows that professional adaptation is adaptation to the content, conditions and nature of a specific professional activity through the organization of professional applied physical training. According to the federal state educational standards of higher education, applied physical training is taught in the last semester of the discipline; universal competencies are formed as the goals and results of education. However, at present, it can be stated that, first, adolescents have a slow physical development. Second, physical conditions are different in terms of performance. Third, there is a decrease in the number of students with an average physical condition. In such conditions, it is necessary to update the existing system of applied training for a most specific increase in the range of adaptive capabilities of the body, for the formation of professionally important qualities, and, as a result, of professional adaptation. To achieve this aim, the author has developed the concept of applied physical education (APE), a pedagogical process of professional applied physical training towards the development of professionally important physical and personal qualities using a set of interrelated principles, approaches, and methods of physical culture within the modern federal state educational standards of higher education. A hypothesis has been put forward: professional adaptation to the future professional activity of students will be more successful if we use the APE methodology with the inclusion of applied training in each even (2, 4, 6) semester to reduce the period of adaptation. Taking into account that the formation of adaptation, including professional adaptation, goes through three stages: (1) urgent “initial” – adaptation to physical activity; (2) long-term – structural changes in the body due to the accumulation in the body of the effects of repeated urgent adaptation; and (3) stable adaptation. The indicators characterizing each of the stages were compared. The author compared the indicators of 40 students of South Ural State University (experimental group) and 39 students of South Ural State Institute of Arts (control group). At the first stage, the methods of functional tests were used: Serkin’s Test and the Martine–Kushelevsky test; at the second stage, the stabilometry method was used; at the third stage, the PWC170 and VO2max express method was used. The study clearly demonstrates that, if the pedagogical process of professional applied physical training uses the author’s methodology of applied physical education in accordance with the methodological principles (systematicity, complexity, practical orientation, graduality, accessibility, unity, and interconnection), the experimental group sufficiently ($p < 0.05$) increase the range of adaptive capabilities of the body and better form professionally important qualities.

REFERENCES

1. Safonova, O.A. & Krivoshchekov, V.G. (2015) Professional’no-prikladnaya fizicheskaya podgotovka studentok stroitel’nogo profilya na osnove kompleksnogo podkhoda [Professional applied physical training of female students of construction profile on the basis of an integrated approach]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul’tury*. 9. pp. 29–30.
2. Shamardin A.I. et al (2011) *Modeli upravleniya kachestvom obrazovatel’noy deyatel’nosti v vuzakh fizkul’turnogo profilya* [Models of educational activities quality management in physical culture universities]. Volgograd: Volgograd State Academy of Physical Culture.
3. Chekaleva, N.V. (2017) Effekty modernizatsii pedagogicheskogo obrazovaniya [Effects of pedagogical education modernization]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*. 3 (16). pp. 175–178.
4. Cherepov, E.A. (2015) *Sistema sportizirovannogo fizicheskogo vospitaniya v zdorov’eformiruyushchem obrazovatel’nom prostranstve shkoly* [The system of sportized physical education in the health-forming educational space of the school]. Chelyabinsk: SUSU.
5. Garant.ru. (2013) *Order of the Ministry of Education and Science of Russia of November 19, 2013, No. 1259 “On approval of the procedure for organizing and implementing educational activities in educational programs of higher education – programs for training scientific and pedagogical personnel in graduate school”*. [Online]. Available from: <http://base.garant.ru/70581484/>. (In Russian).
6. Rvachev, V.A. (2016) *Organizatsionno-metodicheskie osobennosti provedeniya zanyatiy professional’no-prikladnoy fizicheskoy kul’turoy mashinistov metropolitena* [Organizational and methodological peculiarities of carrying out professional applied physical training for subway drivers]. Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
7. Konovalova, G.M. & Sevryukova, G.A. (2011) Adaptatsiya sovremennoy molodezhi k usloviyam obucheniya v vysshey shkole: fiziologicheskii aspekt [Adaptation of modern youth to learning conditions in higher education: A physiological aspect]. *Vestnik AGU*. 3. pp. 81–92.
8. Yakovleva, I.V. & Vlasyuk, N.N. (2020) Health Care Technologies in Student Life (Value and Activity Aspects). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 451. pp. 179–184. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/451/24

Received: 19 November 2020

ФОРМИРОВАНИЕ ВАЛЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ У БУДУЩИХ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ СРЕДНЕГО ЗВЕНА С УЧЕТОМ ОТЕЧЕСТВЕННОГО И ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

Представлены результаты внедрения в образовательный процесс алгоритма формирования валеологической культуры у будущих медицинских работников среднего звена на основе специального курса, составленного с учетом отечественного и зарубежного опыта. Разработанный алгоритм формирования валеологической культуры как компонента профессиональной подготовки студентов средних медицинских образовательных учреждений рассматривается как последовательный поэтапный комплекс действий, направленный на постепенное развитие у студентов валеологической культуры.

Ключевые слова: валеологическая культура; здоровье; здоровый образ жизни; формирование валеологической культуры; учебный процесс; студенты медицинского колледжа; отечественный и зарубежный опыт.

В документах Всемирной организации здравоохранения укрепление здоровья детей и молодежи, формирование валеологической культуры студента, борьба с вредными привычками, профилактика употребления психотропных веществ выдвинуты как задача первостепенной важности для развития общества и личности, что актуализирует, поднимает роль медицинского образования. Современное обучение в медицинском колледже характеризуется динамичностью, высокой интенсивностью труда, возрастанием объема информации, что предъявляет высокие требования к студентам, в том числе и к состоянию их здоровья.

Г.К. Зайцев [1], В.П. Куликов [2], С.Е. Квасов [3] выявили несколько причин как объективного, так и субъективного характера, приводящие к ухудшению здоровья: низкий экономический уровень жизни у большинства студентов; высокие нагрузки в рамках учебы; отсутствие стимуляции для формирования валеологической культуры и др. Тем не менее ведущая роль в формировании у молодежи новых мировоззренческих установок, отвечающих современным требованиям к здоровью, отводится образованию, которое имеет все возможности для системной и массовой деятельности в данном направлении.

Информационную базу нашего исследования проблемы формирования валеологической культуры у будущих медицинских работников среднего звена составили:

– правовые акты Евросоюза (ЕС), решения Еврокомиссии и Совета Европы в области образования, Лиссабонская конвенция, программные документы Европейской сети гарантии качества (ENQA), Европейского института образования и социальной политики и российского Института «Общественная экспертиза»;

– отчеты стран-участников и России о реализации принципов Болонского процесса, отчеты благотворительных образовательных фондов;

– данные, полученные при выявлении частоты и объема внимания к тематике международного образовательного сотрудничества в авторитетных российских журналах «Высшее образование в России», «Специалист», «Мир образования – Образование в мире»;

– Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному собранию, Программные и нормативные документы Минобрнауки РФ, Закон «Об образовании в Российской Федерации».

Хотя в большинстве зарубежных исследований не рассматривают понятия валеологии и валеологической культуры, так как эти понятия были разработаны отечественными учеными, в зарубежных странах разработана определенная программа для сохранения здоровья у молодого поколения. Их основным документом является Джакартская декларация «За пропаганду здорового образа жизни в 21 веке» (1997 г.). Она отражает 20-летний опыт реализации Глобальной стратегии «Здоровье для всех», дает оценку эффективности формирования здорового образа жизни, описывает, как необходимо улучшить общественное здоровье людей, выделяет новые тенденции развития данного процесса. Некоторые исследователи (E. Leslie, P.B. Sparling, N. Owen [4]) уверяют, что для решения этой проблемы нужно в первую очередь обучать людей вести здоровый образ жизни и в дальнейшем формировать у них валеологическую культуру. При этом желательно начинать обучение уже со школьного возраста, в крайнем случае на начальных курсах в учебных заведениях. Так, студентам в нашей стране, как в Германии, необходимо формировать валеологическую культуру с раннего детства, а для студентов – будущих медиков процессу формирования валеологической культуры может помочь «палеотренинг», созданный в Испании; опыт же французов может стать примером пропаганды здорового образа жизни; опыт итальянцев, занимающих первое место по наличию жителей, имеющих сформированную валеологическую культуру, поможет поменять свои привычки, отказаться от курения, алкоголя, неправильного питания и гиподинамии [5, 6].

Рассмотрев отечественный и зарубежный опыт формирования валеологической культуры, мы больше склоняемся к мнению ряда авторов (В.В. Сериков [7], Ю.П. Лисицин [8] и др.), которые считают, что необходимо использовать индивидуальный подход к каждому студенту при формировании у него валеологической культуры, т.е. следует учитывать его возможности и предпочтения для создания мотивации к ведению здорового образа жизни, также нужно учесть ранее полученные им знания о валеологической культуре.

Валеологическая культура студента медицинского колледжа объединяет в себе профессиональные, общественные, семейные и бытовые функции, которые выполняются для поддержания, сохранения и даль-

нейшего укрепления здоровой жизнедеятельности каждой личности. Студент – будущий медик, у которого сформирована валеологическая культура и он имеет мотивацию для ее сохранения, способен стимулировать формирование валеологической культуры не только среди своего окружения – сокурсников, друзей, родных, но и среди пациентов, с которыми он будет общаться в силу своей профессиональной деятельности. Безусловно, здоровье самого студента и его социально-психологическая адаптация зависят от среды, в которой он проживает и обучается [9]. Так как молодежь большую часть времени проводит в учебном заведении, следует в рамках учебного процесса формировать у нее валеологическую культуру, поскольку в этот период подрастающее поколение подвержено внешним влияниям.

В образовательной сфере можно выделить ряд факторов риска: стрессовые ситуации во время учебы, нарушения методики обучения, отсутствие или несоответствие необходимых дисциплин для подготовки специалистов, незнание физиологических и гигиенических требований к организации учебного процесса, отсутствие контроля со стороны родителей и педагогов для сохранения здоровья студентов, несовершенство современной системы физического воспитания [10], большие нагрузки в рамках учебного процесса, недостаточность медицинского контроля, отсутствие системной работы по формированию ценности здоровья и валеологической культуры студента медицинского колледжа, которые негативно влияют на здоровье студента. Поэтому процесс формирования валеологической культуры студентов средних медицинских образовательных учреждений является неотъемлемым компонентом профессиональной подготовки студентов-медиков.

Таким образом, необходимость формирования валеологической культуры студентов, сохранение и укрепление их здоровья, определяется объективно существующей потребностью общества в подготовке физически выносливых, мобильных, конкурентоспособных специалистов, готовых к высокоинтенсивной производительной деятельности. Отсюда мы определили, что *валеологическая культура студентов средних медицинских образовательных учреждений – часть общей культуры личности, проявляющейся в осознании физических, психологических и нравственных составляющих личности, позволяющих не только сохранить, но и улучшить собственное здоровье, вести здоровый образ жизни и популяризировать эти знания в своей профессиональной деятельности.*

Нами было выяснено, что в условиях медицинского колледжа можно выделить семь факторов, оказывающих непосредственное влияние на успешность процесса формирования валеологической культуры студентов:

1) необходима поддержка как преподавателей, как и близких родственников;

2) наличие объективных и субъективных факторов:

– к объективным факторам относятся материальная основа жизни личности, ее социальное окружение и природная среда обитания, уровень развития здравоохранения и эффективность социальных программ, перевод медицины на платную основу и принижение ее санитарно-профилактической функции;

– субъективные факторы связаны с активностью человека, его поведением, бережным отношением к собственной жизни и здоровью и др.;

3) правильно организованная учебная деятельность;

4) необходимость изучения как базисных понятий валеологической культуры, так и процесса ее формирования;

5) содержание и формы активного использования свободного времени – условия, которые способствуют развитию общей культуры в целом и формированию валеологической культуры студента медицинского колледжа в частности;

6) духовные ценности, которые для некоторых студентов могут быть базой для формирования валеологической культуры;

7) общение со сверстниками, доброжелательные отношения между студентами; важно, чтобы никто не ощущал свое одиночество и был уважаем другими; в процессе общения происходит обмен той или иной информацией, культурой, поэтому в процессе общения в благоприятной обстановке студенту легче реализоваться в обществе, найти применение в профессиональной сфере и в комфортных условиях формировать свою валеологическую культуру во время учебной деятельности.

Выявленные факторы определили компонентный состав валеологической культуры студента медицинского колледжа.

Когнитивный компонент валеологической культуры студентов медицинского колледжа:

– включает в себя знания о сущности валеологической культуры как общей культуры; знания о качестве здоровья, качестве жизни, факторах риска, негативно влияющих на здоровье, о влиянии социальных и экологических условий на качество здоровья; причинах и факторах возникновения болезней;

– отвечает за пополнение объема знаний о физическом, духовном и нравственном здоровье личности;

– декларирует принципы и составляющие здорового образа жизни, пути, методы, приемы, средства сохранения, укрепления и восстановления здоровья.

Мотивационно-личностный компонент включает нормы, обеспечивающие формирование валеологической культуры студента в процессе обучения в медицинском колледже и направленные, в первую очередь, на его личность, проникая во все направления целостного педагогического процесса обучения, формируя ориентацию на личностное профессиональное развитие, а также формирование мотивации к ведению здорового образа жизни.

Практический компонент включает в себя применение знаний о валеологической культуре на практике, т.е. в процессе организации здорового образа жизни у студентов медицинского колледжа. В процессе формирования валеологической культуры студенту медицинского колледжа необходимо постоянно придерживаться ЗОЖ, самосовершенствоваться, развивать моральные и волевые качества, укреплять психологическую основу, расширять объем знаний по вопросам валеологической культуры и распространять эти знания на окружающих, особенно среди молодежи.

Рассматривая многоаспектность процесса формирования валеологической культуры как компонента профессиональной подготовки студентов средних медицинских образовательных учреждений, нами в качестве ключевого педагогического условия формирования валеологической культуры был разработан *алгоритм* формирования валеологической культуры на основе внедрения в учебный процесс спецкурса «Основы валеологической культуры».

Этапами алгоритма формирования валеологической культуры как компонента профессиональной подготовки студентов средних медицинских образовательных учреждений стали три этапа.

I этап – *подготовительно-проектировочный*, включает проведение и анализ входного теста по определению уровня знаний у студентов о валеологической культуре. Полученные данные свидетельствуют о низком уровне знаний о валеологической культуре, хотя в школьных программах предусматривается время на изучение основ валеологической культуры. Среди причин, не позволяющих изучать и формировать валеологическую культуру у будущих медицинских работников, главной студенты назвали отсутствие мотивации. Также часть из них предполагает, что нужно будет тратить большое количество времени, сил и денежных средств для формирования валеологической культуры. Ряд студентов назвали причинами наличие вредных привычек, отсутствие здоровой жизнедеятельности и нежелание изменить себя и свой образ жизни.

II этап – *организационно-познавательный*, предполагает разработку и внедрение в учебно-познавательный процесс средних медицинских образовательных учреждений спецкурса «Основы валеологической культуры», цель и задачи которого ориентированы на реализацию представленного в нем содержания учебного курса, перечня учебно-методического обеспечения и пакета контрольно-измерительных материалов на основе разработанных матриц планируемых результатов обучения в знаниевой и компетентностной интерпретации и подготовленного пакета дидактического материала в виде тем рефератов и докладов, вариантов проектных заданий и т.п. Технологическая часть спецкурса ориентирована на максимальное использование инновационных форм, методов и средств учебно-прикладного обучения будущих медицинских работников среднего звена (урок-диалог, урок-диспут, урок-конференция, урок-суд и т.п.) в сочетании с традиционными формами.

Методика проведения занятия в процессе реализации спецкурса имеет свою специфику. Каждая тема изучается в течение шести часов и состоит из четырех взаимосвязанных частей.

В первой части определяется исходный уровень знаний, разбираются и обсуждаются основные вопросы темы.

Вторая часть посвящается разбору типовых и решению ситуационных задач по медико-гигиеническому обучению и воспитанию населения.

Третья часть направлена на контроль усвоения теоретических знаний и практических навыков.

И, наконец, четвертая часть посвящена обобщению пройденного материала и подведению итогов занятий.

Спецкурс структурирован по принципу дедуктивного анализа понятия «валеологическая культура». Сначала раскрываются основополагающие вопросы культуры общения медицинского работника среднего звена: структура, виды, функции, стили. Затем подробно рассматриваются все структурные компоненты культуры профессионального общения медицинского работника: коммуникативный, интерактивный, перцептивный. И, наконец, определяется специфика культуры общения медицинскими работниками и пациентов с различными заболеваниями, учитываются возрастные и гендерные особенности пациента при общении.

В результате инновационный характер проведенных занятий, направленных на получение студентами знаний о валеологической культуре, был ориентирован на создание у них выявленной недостающей мотивации. При этом учитывались физические, психологические и нравственные особенности студентов, что позволило применять индивидуальный подход к каждому из них. Им давались индивидуальные задания, предлагалось решать ситуационные задачи, отвечать на вопросы, требующие самостоятельного поиска ответа и решения. В результате освоения теории и прохождения практики по валеологической культуре будущие медики получили знания, умения, навыки, сформировали валеологическую культуру и утвердились во мнении, что она необходима для поддержания ЗОЖ.

III этап алгоритма формирования валеологической культуры – *оценочно-рефлексивный*, предполагает интерпретацию полученных результатов формирования валеологической культуры студентов средних медицинских образовательных учреждений. Этот этап направлен, прежде всего, на проверку эффективности подобранного содержания спецкурса, использования инновационных форм и методов его реализации, т.е. оценку своей деятельности по формированию валеологической культуры как компонента профессиональной подготовки студентов – будущих медиков. Анализ полученной информации направлен не только на рефлексию своей деятельности, но и определение условий, в которых будет наиболее эффективен данный процесс в будущем.

Необходимо заметить, что традиционные формы, используемые в процессе формирования валеологической культуры у будущих медицинских работников среднего звена, являются ресурсно-затратными, и при их использовании можно отметить невысокий уровень самостоятельности студента. Процесс формирования валеологической культуры как компонента профессиональной подготовки студентов средних медицинских образовательных учреждений можно сделать более эффективным и устранить ряд недостатков с помощью активного использования средств информационных и коммуникационных технологий. В «Законе об образовании в Российской Федерации» (2020 г.) ясно выражена мысль о необходимости смелых ориентиров образования с получением знаний, умений и навыков на формирование универсальных способностей личности студента, основанных на новых социальных потребностях и ценностях [11]. Достижение этой цели прямо связано с индивидуализацией образовательного процесса, что вполне осуществимо в процессе формирования валеологической культуры

студента медицинского колледжа, в том числе и на основе применения разработанного нами спецкурса.

Под формированием валеологической культуры мы понимаем процесс, включающий на разъяснение, приведение примеров и дальнейшее стимулирование, а также способствующий сохранению и укреплению здоровья людей. Поэтому целью разработанного и апробированного в экспериментальной группе спецкурса «Основы валеологической культуры» [12] было приобретение студентами – будущими медиками научных знаний о закономерностях и методиках формирования, сохранения, укрепления и воспроизводства здоровья, формирование валеологической культуры студента медицинского колледжа, а также навыков о путях и способах пропаганды здорового образа жизни и привития валеологической культуры.

Наши наблюдения выявили, что в медицинских образовательных учреждениях вопросам здоровья не уделяется должного внимания. Конечно, будущие медицинские работники среднего звена изучают дисциплины, в которых идет речь о здоровом образе жизни, но сдав зачеты и экзамены по этим предметам, они не всегда полноценно приобщаются к ЗОЖ. Кроме того, организация учебного процесса, методика обучения зачастую не учитывают особенности их влияния на организм студента. Это касается и учебного расписания, и проведения контрольных мероприятий, и взаимоотношений педагог – студент, и обучения новому материалу, и многих других аспектов учебно-воспитательной работы [2].

Нами был использован метод анкетирования. Анкеты разработаны и использованы в 2019–2020 гг., ими были охвачены 272 студента первого курса специальности «Сестринское дело» Казанского медицинского колледжа (экспериментальная группа – 142 человека) и Зеленодольского медицинского колледжа Республики Татарстан (контрольная группа – 130 человек).

В экспериментальной группе был проведен спецкурс по валеологической культуре, который включал лекции, семинары, практические занятия, интерактивные уроки, индивидуальные беседы с каждым из студентов. Была проведена диагностика формирования валеологической культуры студентов экспери-

ментальной и контрольной групп до и после спецкурса по валеологической культуре.

В качестве диагностического материала были использованы самостоятельно составленные анкеты количественного и качественного анализа.

Коэффициент уровня сформированности валеологической культуры будущего медицинского работника среднего звена вычислялся по формуле

$$K = [a(+2) + b(+1) + в(0) + г(-1) + д(-2)] / N,$$

где К – коэффициент уровня сформированности;

а – число ответов с твердой положительной оценкой «да» (+2 балла);

б – число ответов с положительной оценкой «скорее да, чем нет» (+1 балл);

в – число ответов с сомневающейся, неопределенной оценкой «затрудняюсь ответить» (0 баллов);

г – число ответов с почти отрицательной оценкой «скорее нет, чем да» (-1 балл);

д – число ответов с твердо отрицательной оценкой «нет» (-2 балла);

N – число диагностических признаков: знаний и умений, свойств, качеств личности студента.

Исходя из указанных критериев, в каждой анкете выделялись степени сформированности валеологической культуры. Низкий уровень считался для коэффициента от (-0,7) до (-2), средний – от (-0,6) до (+0,7), высокий – от (+0,7) до (+2) (табл. 1).

Сравнительные результаты приведены в табл. 1.

Сравнительный анализ показал, что если в начале эксперимента в экспериментальной группе из 142 человек 47 имели относительно высокий уровень валеологической культуры, 61 – средний уровень и 34 – низкий, то по итогам эксперимента из тех же 142 уже 56 имели соответственно высокий, 60 – средний, и лишь 26 – низкий уровень. Прирост результативности (в чел.) повышения уровней сформированности валеологической культуры у студентов экспериментальных групп по сравнению с результатами контрольных групп показан в табл. 2 и на рис. 1.

Таким образом, наблюдаемый к концу эксперимента значительный рост показателей свидетельствует об эффективности проведенной работы.

Таблица 1

Сравнительный анализ результатов проведенного эксперимента в контрольной и экспериментальной группах специальности «Сестринское дело»

Градация баллов для определения коэффициента уровня валеологической культуры студента	Контрольная группа (130 чел.)		Экспериментальная группа (142 чел.)	
	До	После	До	После
I уровень – низкий (критический) 0,7 – (-2)	30	28	34	26
II уровень – средний (допустимый) +0,7 – (-0,6)	56	58	61	60
III уровень – высокий (оптимальный) +2 – (+7)	44	44	47	56

Таблица 2

Прирост результативности повышения уровней сформированности валеологической культуры у студентов экспериментальных групп по сравнению с результатами контрольных групп, чел.

Уровень	Контрольная группа (130 чел.)	Экспериментальная группа (142 чел.)
I уровень – низкий (критический)	-2	+8
II уровень – (допустимый)	+2	-1
III уровень – высокий (оптимальный)	0	+9

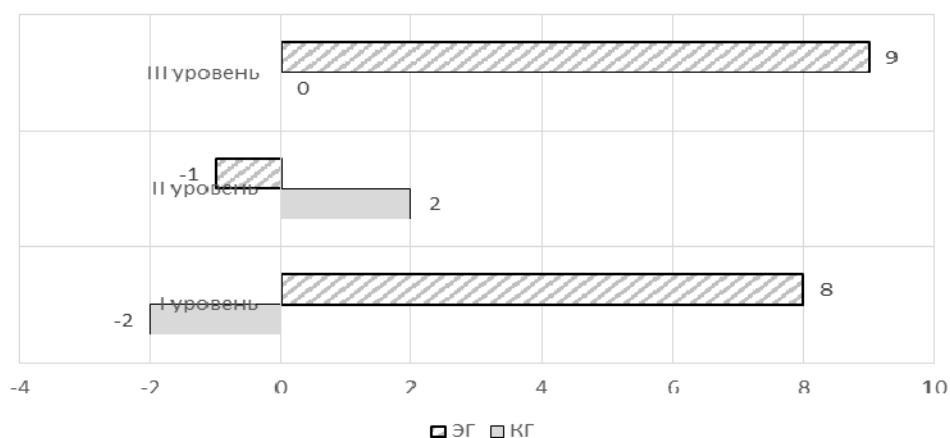

Рис. 1. Изменения повышения уровней сформированности валеологической культуры у слушателей экспериментальных групп по сравнению с результатами контрольных групп, чел.

Результаты показывают, что у студентов – будущих медиков, участвовавших в эксперименте, значительно возрос и углубился интерес к валеологической культуре, желание ее сформировать у себя, сложилась устойчивая внутренняя позиция, основанная на понимании необходимости и ценности сохранения собственного здоровья, ведения здорового образа жизни, и возникло желание распространить знания о валеологической культуре.

Таким образом, Формирование валеологической культуры у будущих медицинских работников среднего звена с учетом отечественного и зарубежного опыта основано на совершенствовании образовательного процесса учебного заведения, заключающегося в здоровьесберегающих и здоровьесформирующих условиях учебной, внеучебной и воспитательной деятельности; в валеологическом содержании; в актуализации и интеграции знаний здорового образа жизни в дисциплинах Государственного образовательного стандарта федерального и регионального компонентов и организации профессиональной практики.

Изучая отечественный и зарубежный опыт формирования валеологической культуры, мы пришли к выводу, что ведущая роль в формировании у молодежи новых мировоззренческих установок, отвечающих современным требованиям к здоровью, в том числе в области формирования валеологической культуры, отводится образованию, которое имеет все возможности для системной и массовой деятельности в данном направлении. При этом необходимо использовать индивидуальный подход к каждому студенту при формировании у него валеологической культуры, учитывать его возможности и предпочтения для создания мотивации на ведение здорового образа жизни, а также ранее полученные им знания о валеологической культуре.

Валеологическая культура рассматривается нами как часть общей культуры, проявляющейся в осознании физических, психологических и нравственных состав-

ляющих личности, позволяющих не только сохранить, но и улучшить собственное здоровье, вести здоровый образ жизни, а также популяризировать знания о валеологической культуре, которые могут являться жизненно и профессионально необходимыми компонентами профессиональной подготовки студентов средних медицинских образовательных учреждений, направленных на разъяснение, приведение примеров и дальнейшее стимулирование формирования валеологической культуры.

Успешно апробированный нами в педагогическом эксперименте алгоритм формирования валеологической культуры как компонента профессиональной подготовки будущих медицинских работников среднего звена на основе разработанного авторского спецкурса «Основы валеологической культуры» базируется на реализации технологической части этого спецкурса, на максимальном использовании инновационных форм, методов и средств учебно-прикладного обучения студентов – будущих медиков при сочетании с традиционными формами и ориентирует на формирование валеологической культуры, необходимой для повышения ценностного отношения не только к своему здоровью, но и к здоровью пациентов в будущей профессиональной деятельности.

Представленные результаты являются весьма убедительным свидетельством для распространения и практического использования спецкурса «Основы валеологической культуры» в процессе формирования валеологической культуры студентов, который был организован и регулировался разработанным нами алгоритмом на основе составленных матриц планируемых результатов обучения в знаниевой и компетентностной интерпретации и подготовленного пакета дидактического материала в виде тем рефератов и докладов, вариантов проектных заданий и т.п. в педагогической практике обучения в средних медицинских образовательных учреждениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зайцев Г.К. Валеолого-педагогические основы обеспечения здоровья человека в системе образования : дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 1998. 409 с.
2. Куликов В.П. Проблемно-мотивационный подход к оздоровлению: здоровье как // Валеологические аспекты образования : материалы межрегион. науч.-практ. конф. Барнаул, 2016. С. 9–10.
3. Образ жизни и здоровье студентов : сб. науч. тр. / под общ. ред. Д.И. Рыжакова, С.Е. Квасова. Горький : ГМИ, 1990. 178 с.
4. Leslie E., Sparling P.B., Owen N. University campus settings and the promotion of physical activity in young adults: lessons from research in Australia and the USA // Health education. 2001. P. 116–125.
5. Blair S.N. et al. How much physical activity is good for health? // Annual Review of Public Health. 2012. № 13. P. 99–126.

6. Noack N. Concepts of Health and Health Promotion // Abelin T., Brzeziński Z.J., Carstairs V.D.L. (Eds.). *Measurements in Health Promotion and Protection*. Copenhagen : WHO. Regional Office for Europe, 1987. P. 5–28.
7. Сериков В.В. Развитие личности в образовательном процессе. М. : Логос, 2012. 447 с.
8. Лисицин Ю.П. Роль личности в охране здоровья // *Общественное здоровье и здравоохранение*. 2010. № 2. С. 5–7.
9. Fakhrutdinova A.V., Khayrutdinov R.R., Gutman E.V. Social-pedagogical support technology for university students: individual safety context // 4th International conference on educational, social sciences and humanities (SOCIOINT 2017). 2017. P. 758–763.
10. Fakhrutdinova A.V., Konovalov I.E., Boltikov Yu.V., Fakhrutdinova G.Zh. Role of Physical Education in the Process of Professional Musicians Training // *Tarih kultur ve sanat arastirmalari dergisi – Journal of history culture and art research*. 2019. Vol. 8, Is. 4. P. 151–157.
11. Таенкова О.Н. Терапевтические и социальные аспекты охраны здоровья медицинских работников в многопрофильном лечебном учреждении : дис. ... канд. мед. наук. Владивосток, 2001. 182 с.
12. Новожилова Н.В. Рабочая программа спецкурса «Основы валеологической культуры» : метод. пособие. Казань : Отечество, 2020. 20 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 25 декабря 2020 г.

Formation of Valeological Culture in Future Middle-Level Medical Workers with Regard to Domestic and Foreign Experience

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 463, 150–155.

DOI: 10.17223/15617793/463/19

Alsu R. Kamaleyeva, Institute of Pedagogy, Psychology and Social Problems (Kazan, Russian Federation). E-mail: kamaleyeva_kazan@mail.ru

Natalia.V. Novozhilova, Institute of Pedagogy, Psychology and Social Problems (Kazan, Russian Federation). E-mail: nata01@list.ru

Keywords: valeological culture; health; healthy lifestyle; formation of valeological culture; educational process; students of medical college; domestic and international experience.

The article presents the results of implementing an algorithm for valeological culture formation in future middle-level medical workers in a special course developed taking into account domestic and international experience. The aim of the study was to develop and implement in the educational process an algorithm for the formation of valeological culture as a component of professional training of medical college students in the form of a step-by-step set of actions directed to the gradual development of students' valeological culture. The objectives of the study were: 1) to study domestic and international experience of valeological culture formation; 2) to develop the composition of the valeological culture of future middle-level medical workers; 3) to test the authorial special course *Fundamentals of Valeological Culture*, which includes the working program, methodological recommendations for studying the course, assignments for independent training. The experimental bases of the study were Kazan Medical College and Zelenodolsk Medical School. The following research methods were used in the experiment: observation, interviews, questionnaire. The participants in the study were 272 first-year students majoring in Nursing: the experimental group was 142 students of Kazan Medical College and the control group was 130 students of Zelenodolsk Medical School. The stages of the algorithm for the formation of valeological culture as a component of professional training of medical college students are the following. Stage 1, preparation and design, includes the students' diagnostic questioning and the subsequent analysis of the questionnaires in order to identify the level of the students' knowledge about valeological culture. Stage 2, organization and information, is the development and implementation of the special course *Fundamentals of Valeological Culture* in the educational process of medical colleges. Stage 3, evaluation and reflection, is the interpretation of the obtained results of the formation of students' valeological culture. The experimental group had a special course that includes lectures, seminars, practical classes, interactive lessons (lesson-conference, lesson-dialogue, and others), and individual conversations. For diagnostics, developed questionnaires of qualitative and quantitative analysis were used. The comparative analysis shows that, at the beginning of the experiment, out of the 142 participants, 47 had a relatively high level of valeological culture, 61 had a middle level, and 34 a low one, while, at the end of experiment, out of the same 142 people, 56 had a high level of valeological culture, 60 had a middle level, and only 26 a low level. This significant increase of the indicators by the end of the experiment proves that the students that participated in the experiment have significantly developed interest in valeological culture.

REFERENCES

1. Zaytsev, G.K. (1998) *Valeologo-pedagogicheskie osnovy obespecheniya zdorov'ya cheloveka v sisteme obrazovaniya* [Valeological and pedagogical foundations of ensuring human health in the education system]. Pedagogy Dr. Diss. St. Petersburg.
2. Kulikov, V.P. (2016) [Problem-motivational approach to health improvement]. *Valeologicheskie aspekty obrazovaniya* [Valeological aspects of education]. Conference Proceedings. Barnaul: Altai State University. pp. 9–10. (In Russian).
3. Ryzhakov, D.I. & Kvasov, S.E. (eds) (1990) *Obraz zhizni i zdorov'e studentov* [Lifestyle and health of students]. Gorky: GMI.
4. Leslie, E., Sparling, P.B. & Owen, N. (2001) University campus settings and the promotion of physical activity in young adults: lessons from research in Australia and the USA. *Health Education*. 101 (3):10. pp. 116–125.
5. Blair, S.N. et al. (2012) How much physical activity is good for health? *Annual Review of Public Health*. 13. pp. 99–126.
6. Noack, N. (1987) Concepts of Health and Health Promotion. In: Abelin, T., Brzeziński, Z.J. & Carstairs, V.D.L. (eds) *Measurements in Health Promotion and Protection*. Copenhagen: WHO. Regional Office for Europe. pp. 5–28.
7. Сериков, В.В. (2012) *Razvitie lichnosti v obrazovatel'nom protsesse* [Personal development in the educational process]. Moscow: Logos.
8. Лисицин, Ю.П. (2010) *Rol' lichnosti v okhrane zdorov'ya* [The role of the individual in health protection]. *Obshchestvennoe zdorov'e i zdravookhranenie*. 2. pp. 5–7.
9. Fakhrutdinova, A.V., Khayrutdinov, R.R. & Gutman, E.V. (2017) Social-pedagogical support technology for university students: individual safety context. *4th International conference on educational, social sciences and humanities (SOCIOINT 2017)*. pp. 758–763.
10. Fakhrutdinova, A.V., Konovalov, I.E., Boltikov, Yu.V. & Fakhrutdinova, G.Zh. (2019) Role of Physical Education in the Process of Professional Musicians Training. *Tarih kultur ve sanat arastirmalari dergisi – Journal of history culture and art research*. 8 (4). pp. 151–157.
11. Таенкова, О.Н. (2001) *Terapevticheskie i sotsial'nye aspekty okhrany zdorov'ya meditsinskikh rabotnikov v mnogoprofil'nom lechebno-muchezhdenii* [Therapeutic and social aspects of health care of medical workers in a multidisciplinary medical institution]. Medicine Cand. Diss. Vladivostok.
12. Новожилова, Н.В. (2020) *Rabochaya programma spetskursa "Osnovy valeologicheskoy kul'tury"* [Working program of the special course *Fundamentals of Valeological Culture*]. Kazan: Otechestvo.

Received: 25 December 2020

Д.О. Малеев

ФОРМИРОВАНИЕ АДАПТОСПОСОБНОСТИ ЛЫЖНИКОВ-ГОНЩИКОВ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАТИВНОГО ТРЕНИРОВОЧНОГО ПРОЦЕССА

Проведено обоснование и сопровождение спортивной подготовки лыжников-гонщиков на специально-подготовительном этапе и соревновательном периоде годового цикла тренировки. Выявлены инновационные подходы к интегрированию дополнительных (нервно-мышечная регуляция и гиперкапния) средств в основной тренировочный процесс. Доказана целесообразность индивидуализации построения тренировочной программы на основе применения метода текущего контроля адаптационного (преморбидного) состояния сердечно-сосудистой системы лыжников-гонщиков в периоды годового цикла тренировки.

Ключевые слова: лыжники-гонщики; гиперкапния; дыхательный тренажер; преморбидное состояние; адаптация; спортивная подготовка; нервно-мышечная регуляция.

Актуальность работы. Запредельные нагрузки, предъявляемые квалифицированным лыжникам-гонщикам в процессе спортивной карьеры, далеко не всегда сопровождаются корректной оценкой текущего функционального состояния, физической подготовленности. Существует вероятность достижения негативных изменений функционирования основных систем организма, которые лимитируют результативность соревновательной деятельности, влияют на адаптоспособность и отражаются на здоровье спортсменов.

В данном контексте под адаптоспособностью подразумевается фазовый, последовательный процесс долговременной адаптации организма лыжников-гонщиков к напряженным тренировочным и соревновательным нагрузкам (А.П. Исаев, В.В. Эрлих, В.В. Апокин, А.С. Аминов, А.А. Повзун и др).

Цель исследования – научно обосновать механизмы достижения устойчивой адаптоспособности организма квалифицированных лыжников-гонщиков к напряженной тренировочной и соревновательной деятельности.

Гипотеза исследования заключается в том, что квалифицированные лыжники-гонщики могут по-

высить уровень эффективной адаптоспособности к тренировочным и соревновательным нагрузкам, если на регулярной основе проводить анализ уровня физической и функциональной подготовленности, а тренировочный процесс и подводу к соревнованиям осуществлять с учетом показателей преморбидного состояния отдельных функциональных систем организма. Также целесообразна интеграция основного тренировочного процесса с дополнительными (нервно-мышечная регуляция (НМР) и гиперкапнические воздействия (ГВ) средствами и методами тренировки на основе индивидуализации тренировочного процесса.

Организация исследования. В исследовании принимали участие квалифицированные лыжники-гонщики 18–19 лет из сборной команды Тюменской области, которые были разделены на две группы: экспериментальную (ЭГ) и контрольную (КГ) по 8 спортсменов в каждой. Все лыжники имели высокий уровень спортивной квалификации (КМС, МС). В табл. 1 указаны характеристики спортсменов экспериментальной и контрольной групп.

Таблица 1

Показатели антропометрии и метаболического состояния лыжников-гонщиков 18–19 лет в начале эксперимента

№ п/п	Показатель	Экспериментальная группа,	Контрольная группа,
		n = 8 M ± m	n = 8 M ± m
1	Длина тела, см	175,00 ± 11, 34	179,00 ± 5, 16
2	Масса тела, кг	70,00 ± 4, 46	68,00 ± 7, 05
3	МПК, мл/мин/кг	68,40 ± 2, 15	69,20 ± 1, 45
4	ЧСС покоя, уд./мин	51,00 ± 1,55	51,00 ± 1,55
5	САД, мм рт. ст.	115,0 ± 1,54	112,0 ± 2,02
6	ДАД, мм рт. ст.	69,0 ± 1,02	70,0 ± 1,02

Основные применяемые средства, методы, инвентарь и план тренировочных мероприятий лыжников-гонщиков экспериментальной и контрольной групп во время реализации эксперимента были одинаковыми. Существенным отличием программы юношей экспериментальной группы была интеграция функциональных, физических и эргогенических (НМР и ГВ) компонентов подготовки на протяжении всего специально-подготовительного этапа тренировки.

Сравнительные результаты начального и итогового тестирования для определения качественных и ко-

личественных сдвигов в физической, функциональной подготовленности спортсменов после проведенного эксперимента определялись по: индексу преморбидного состояния ССС (ИПС), гипоксическому индексу (I-Нур), жизненной емкости легких ЖЕЛ, ЧСС в покое, аэробному порогу (АЭП), анаэробному порогу (АнП), концентрации лактата в капиллярной крови на 5-й ступени стресс-теста на тредмилл-системе модели T 2100 GE. Спортсмены выполняли субмаксимальную мышечную работу (бег) ступенчато-возрастающего характера.

Начальная скорость передвижения в течение первых 5 мин (разминка) составляла от 5 до 8 км/ч при горизонтальном положении дорожки. Протокол тестирования подразумевал увеличение нагрузки через каждые 2 мин за счет повышения скорости на 1 км/ч и увеличения угла подъема беговой дорожки на 1,0%.

Полученные данные обрабатывались на персональном компьютере с использованием прикладных электронных программ. Достоверность различия в показателях оценивали с использованием критериев t-Стьюдента. Для всех полученных данных различия считались достоверными на уровне значимости $p < 0,05$, где минимальная достоверность составляла 95%. Количественные показатели легли в основу построения оценочных таблиц.

Отметим, что определение порогов аэробного и анаэробного энергообеспечения оценивалось по адаптационным показателям функций сердца к предложенной нагрузке в ходе стресс-теста, что, по мнению многих авторов, является наиболее информативным в отношении последующего контроля тренировочного процесса [1. С. 32].

Гиперкапнические экспозиции (ГЭ) использовались лыжниками в расслабленном состоянии (положение сидя) на протяжении 20–30 мин, не позднее чем за 30 минут до ночного сна. Это метод использовался в течение 30 дней, но напряженность воздействий на организм спортсменов корректировалась в соответствии с интенсивностью тренировочных нагрузок, объективным и субъективным состоянием спортсменов.

С целью объективного контроля самочувствия юношей в процессе выполнения гиперкапнических воздействий выполнялся мониторинг функциональных показателей: частота сердечных сокращений (ЧСС) и уровень сатурации (SpO_2).

По итогам оперативного и текущего контроля нисходящая динамика значений указанных параметров и уменьшение индекса преморбидного состояния сердечно-сосудистой системы после ночного сна сигнализировали тренеру о изменениях в состоянии спортсменов, на основании чего принималось решение об увеличении (двухразовое использование в течение дня), снижении или прекращении гиперкапнических воздействий.

Также спортсмены ЭГ за 15 мин до тренировочной или соревновательной нагрузки выполняли индивидуально подобранные по воздействию на различные группы мышц корректирующие упражнения (НМР), которые позволяли добиться последовательного изменения постуральных основ движения тела, что, в свою очередь, приводило к более эффективному и менее энергозатратному способу преодоления дистанции, а также направленному увеличению функциональности нервной системы. Известно, что согласованная работа нервно-мышечного аппарата положительно влияет на силу, выносливость, подвижность и координацию [2. С. 31].

Направленное использование НМР (корректирующих дыхательных упражнений) в тренировочном процессе лыжников-гонщиков стимулировало включение максимального количества межреберных дыхатель-

ных мышц и диафрагмы, тем самым улучшая функцию внешнего дыхания и увеличивая обмен газов между альвеолами и внешней средой как в течение тренировочного занятия, так и при соревновательной нагрузке. Повышение сократительной функции наружных межреберных мышц увеличивало грудную полость в переднее-заднем, боковом и вертикальном направлении путем уплощения куполов диафрагмы, в виду чего объем атмосферного воздуха, поступающего в бронхолегочную систему, влиял на согласованное включение всех мышечных композиций, участвующих в акте дыхания, соответственно, увеличивая эффективность адаптационных процессов при напряженной нагрузке.

Подбор упражнений, способствующих коррекции связочного аппарата тазового пояса, направленных на стабилизацию тазовых костей и крестца в трех плоскостях адекватного физиологического положения, увеличивал подвижность тазобедренного сустава, артериально-венозный трафик и регулировал сбалансированную работу всего подвздошно-большеберцового тракта.

Для этапного и текущего контроля функционального состояния организма спортсменов применялась методика определения индекса преморбидного состояния ССС, разработанная Д.О. Малеевым и Е.Г. Виноградовым (2019 г).

Данный инновационный метод диагностики основан на многопоказательном подходе к оценке функционирования ССС. Одним из наиболее значимых показателей в определении индекса преморбидного состояния является кислородное насыщение миокарда, которое является индикатором негативных процессов перегрузки кровотока продуктами распада в процессе работы мышц. Расчет ИПС способствовал корректной диагностике нарушений функции ССС, которые могут в некоторых случаях лимитировать работу сердца. Эти процессы, происходящие в работе сердца, можно отслеживать как в преднагрузочном, так и постнагрузочном состоянии [3. С. 213]. Указанные особенности отражают ряд показателей. Одним из них является динамика сегмента ST [4. С. 71]:

- горизонтальная депрессия сегмента ST не менее 2 мм;
- косонисходящая депрессия сегмента ST не менее 2 мм;
- куполообразный сегмент ST;
- косовосходящая элевация сегмента ST;
- инверсия зубца T в прикардиальных отведениях.

Одновременно с изменениями показателей работы сердца при изменении физической активности, эмоционального и психофизиологического состояния спортсмена изменяются его метаболизм и коронарный кровоток. Это происходит благодаря автономным механизмам и функционированию сложных процессов регуляции сердечной деятельности [5. С. 329].

Ранее проведенные обследования юношей-лыжников состояли из ряда последовательных, стандартизированных нагрузочных тестов на тредмил-системе. Первоначальное тестирование показало уровень функциональной подготовленности спортсменов и дало предпосылки для выявления текущего индекса

преморбидного состояния (уровня адаптоспособности) ССС, а также величин порогов аэробного и анаэробного обменов.

В дальнейших тестированиях был зафиксирован феномен повышения функционального состояния ССС в ответ на нагрузку ступенчато-возрастающего характера после применения нервно-мышечной регуляции. Реализация экспериментального проекта подразумевала согласование нервно-мышечной диагностики и последующую коррекцию, которая позволяла проводить настройку специфических движений спортсменов в тренировочной и соревновательной деятельности. Данный метод воздействия на различные группы мышц был направлен на совершение двигательных действий спортсмена или преодоление им какой-либо нагрузки на фоне регуляторных манипуляций, увеличивающих способность мышечных композиций к гармоничному напряжению и расслаблению.

Полученные результаты транслировали более высокий уровень адаптоспособности организма спортсменов по таким параметрам, как нормализация ишемического индекса (ST/ЧСС), увеличение индекса преморбидного состояния ССС, повышение уровня АэП и АнП, а также силовых показателей и ЖЕЛ. Во многом именно этот эффект определил направленность дальнейшей исследовательской работы.

Индивидуализация тренировочного процесса позволяла интегрировать подготовку квалифицированных лыжников-гонщиков и избегать возможных процессов переутомления. На протяжении всего исследования в ежедневном (по возможности) режиме перед основной тренировкой определялся уровень физической подготовленности (тредмил-тест, ЖЕЛ, кистевая динамометрия) с учетом индивидуального преморбидного состояния, которое определялось с помощью стресс-системы «CardioSoft» (США), на основании чего каждый спортсмен получал корректную и точную информацию по индивидуальным параметрам тренировочной нагрузки на предстоящий день.

Специально-подготовительный этап подготовки содержал: два недельных микроцикла базовой работы и два чередующихся между собой развивающих микроцикла.

Базовый недельный цикл, направленный на формирование функционального резерва организма лыжников-гонщиков, содержал в себе два микроцикла. Начинался цикл с одной аэробной, преимущественно специализированной тренировки (лыжероллеры (лыжи) без палок или одновременный бесшажный ход, бег с палками, скандинавская ходьба, шаговая имитация и др.). Второй день микроцикла подразумевал (в рамках утренней тренировки) развитие скоростно-силовых качеств гликолитических групп мышц. Применялись упражнения, воспроизводимые в режиме анаэробного ресинтеза АТФ, что подразумевало высокоинтенсивную специфическую нагрузку на отрезках времени от 30 до 40 с. Проведенные исследования показали целесообразность использования данных вариантов тренировки благодаря нивелированию большой концентрации лактата в работающих мышцах, что при неконтролируемом процессе критически сказывается на внутриклеточном дыхании миокарда и

напрямую лимитирует эффективность тренировочной деятельности.

В третий и четвертый дни развивали общую и специальную выносливость (окислительные волокна). В то же время на послеобеденных тренировках осуществлялся дифференцированный подбор совокупных воздействий для увеличения окислительного потенциала специализированных мышечных групп. Силовые упражнения (статодинамического и взрывного характера и др.) на фоне восстановительной аэробной нагрузки способствовали развитию энергетических возможностей, локально-региональной выносливости и статокINETической устойчивости лыжников-гонщиков за счет увеличения митохондриальной массы в локальных мышечных группах. В пятый день решались задачи восстановительного характера через одновременную аэробную циклическую нагрузку в течение 1,5–2 ч. В шестой и седьмой дни выполнялась длительная циклическая нагрузка в аэробной зоне интенсивности со скоростными вставками до 30 с (лыжероллеры (лыжи) – с чередованием стилей; кросс-походы; велосипед; бег с имитацией и др.)

Описанный недельный микроцикл выполнялся (с небольшими изменениями) в течение всего этапа.

Развивающий недельный цикл отличался большим на 20% объемом работы на уровне анаэробного порога энергообеспечения при сохранении структуры и направленности тренировочного процесса.

В соревновательном периоде гиперкапнические воздействия осуществлялись блоками по 14–20 дней. Данный подход позволял сохранить достигнутый уровень функциональных возможностей и увеличить адаптоспособность организма лыжников на протяжении всего периода. Проведение экспозиций в тренировочном процессе возобновлялось по индивидуальным физическим и функциональным показателям, которые также учитывались при решениях использования гиперкапнии в период участия в основных и второстепенных соревнованиях. Напротив, нервно-мышечная регуляция стала неотъемлемой частью спортивной подготовки на протяжении всего соревновательного периода.

Результаты. Исследование показало, что положительный развивающий эффект внедрения интегрированной подготовки, сочетающей в себе индивидуализацию тренировочного процесса с опорой на диагностические данные ежедневных медико-биологических исследований, а также использованием эргогенических средств гиперкапнической направленности и нервно-мышечной коррекции, был зафиксирован уже в середине специально-подготовительного этапа.

Было выявлено, что формирование устойчивой адаптации лыжников-гонщиков 18–19 лет к предложенной экспериментальной программе (с применением гиперкапнии и нервно-мышечной регуляцией) произошла за счет понижения ЧСС покоя, ЧСС под нагрузкой и увеличения МОК, что при продолжительном воздействии на организм спортсменов привело к увеличению метаболической емкости аэробно-го ресинтеза АТФ.

На следующем этапе исследования (вторая половина специально-подготовительного этапа), по-

сле определенных функциональных сдвигов проявились признаки формирования устойчивой адаптоспособности организма спортсменов к планомерно увеличивающимся нагрузкам. Эти сдвиги повлияли на все изучаемые функциональные, физические и биохимические параметры, которые качественно различались в двух изучаемых группах. Из данных литературы следует, что параметры долговременной адаптации обусловлены колебаниями нагрузок, сезонными факторами и специфической нерезистентностью иммунореактивности [6. С. 126]. Ин-

дивидуализация позволяла проводить отбор спортсменов, более устойчивых к гипоксии под влиянием анаэробных или аэробных нагрузок в цикле годовой подготовки.

По окончании исследования зафиксировано, что применяемая экспериментальная программа положительно повлияла на лыжников-гонщиков (ЭГ) в части формирования адаптоспособности, функционального резерва организма и повышения физической работоспособности, о чем транслируют показатели, отраженные в табл. 2.

Таблица 2

Показатели функции дыхания и метаболического состояния лыжников-гонщиков 18–19 лет в условиях эксперимента

Показатель	Экспериментальная группа		Контрольная группа	
	в начале эксперимента	в конце эксперимента	в начале эксперимента	в конце эксперимента
	M ± m	M ± m	M ± m	M ± m
ИПС ср., усл. ед.	400,00 ± 9,15	830,00 ± 11,30 p < 0,001	413,00 ± 14,20	540,00 ± 23,10 p < 0,01
I-Нур ср., усл. ед.	2,20 ± 0,75	8,90 ± 1,10 p < 0,05	3,10 ± 1,74	3,30 ± 2,10 P > 0,05
ЖЕЛ, мл	4 500,00 ± 12,11	5 200,00 ± 1,36 p < 0,001	4 560,00 ± 10,37	4 900,00 ± 15,01 p < 0,001
ЧСС покоя, уд./мин	51,00 ± 1,55	45,00 ± 1,19 p < 0,01	51,00 ± 2,18	50,00 ± 0,09 p < 0,001
АэП, уд./мин	137,00 ± 10,05	165,00 ± 2,02 p < 0,001	136,00 ± 2,05	150,00 ± 9,01 p > 0,05
АнП (уд/мин)	165,00 ± 2,53	180,00 ± 2,91 P < 0,001	165,00 ± 3,01	168,00 ± 4,02 p < 0,01
Лактат на 5-й ступени теста, ммоль/л	5,00 ± 0,51	1,40 ± 0,12 p < 0,05	5,20 ± 0,48	3,00 ± 0,55 p < 0,05

Вышесказанное подтверждается результатами собственных исследований, приведенными в табл. 2. Из таблицы видно, что среднегрупповое значение индекса приморбидного состояния ССС в экспериментальной группе лыжников-гонщиков увеличилось на 207,5%, а в контрольной – на 130,7%. В начале исследования экспериментальная группа имела менее выраженную адаптационную устойчивость по сравнению с контрольной группой вследствие интеграции основного тренировочного процесса с гиперкапническими воздействиями.

Исследования подтвердили необходимость определения гипоксического индекса (I-Нур) – показателя толерантности (устойчивости) организма спортсменов к гипоксическим условиям. Увеличение гипоксического индекса у юношей ЭГ группы составил 404%, КГ – 6,5%.

Отметим увеличение показателей ЖЕЛ в обеих группах. Однако спортсмены ЭГ увеличили данный показатель на 15,5%, а юноши КГ – на 7,5%, что транслирует эффективность экспериментальной программы.

Итоговое обследование испытуемых установило факт снижения ЧСС покоя в ЭГ на 11,7%, в КГ – на 1,9%. По нашему мнению, данный показатель свидетельствует об изменениях, связанных с тоногенной гипертрофией миокарда (дилатация), что косвенно характеризует снижение напряжения миокарда, экономизацию и морфологическую сформированность изменений.

Повышение уровня порога аэробного обмена в ЭГ на 20,4%, а в КГ – на 10,3% свидетельствует об эффективности ССС и адаптоспособности окислительных мышечных волокон за счет увеличения митохондриальной массы.

Процессы повышения или уменьшения уровня порогов энергетического обмена сильно взаимосвязаны, что подтвердили показатели АнП в экспериментальной группе, увеличившиеся на 9,1%, а в контрольной группе повысившиеся на 1,8%.

Как уже было сказано, по итогам тестирования (тредмил-тест), в котором спортсмены обеих групп достигали пятой ступени, было зафиксировано снижение уровня лактата, по сравнению с первоначальным обследованием, в ЭГ на 72%, а КГ – на 42,3%, что на биохимическом уровне показывает большую эффективность экспериментальной методики.

Проведенное исследование выявило, что все выявленные изменения показателей функции дыхания и метаболического состояния лыжников-гонщиков ЭГ являются статистически достоверными (p < 0,05). В тоже время результаты тестирования контрольной группы не зафиксировали статистической значимости в показателях индекса гипоксической устойчивости (I-Нур) и изменений уровня аэробного порога (АэП). Достоверность статистических показателей ЭГ в полной мере отражает общую картину проведенной работы, которую можно считать успешной и адаптированной к использованию в тренировочном процессе со спортсменами более высокого уровня.

Заключение. По окончании исследования были установлены ведущие механизмы достижения устойчивой адаптоспособности квалифицированных лыжников-гонщиков к высоким тренировочным нагрузкам на специально-подготовительном этапе подготовки и созданию фундамента для последующей успешной соревновательной результативности. Этими механизмами являются:

– интеграция основного тренировочного процесса с этапным применением дополнительных дыхательных воздействий гиперкапнического характера, которые в контролируемом режиме увеличения концентрации углекислого газа в крови запускают механизмы аэробного ресинтеза молекул АТФ, повышая метаболическую емкость, и формируют физиологическую гипертрофию тоногенного расширения (дилатации) желудочков сердца. Все перечисленное дает предпосылки к увеличению ударного и минутного объема крови при меньших пульсовых режимах и увеличивает уровень физической работоспособности спортсменов на протяжении всего соревновательного периода;

– включение в разминку перед тренировочным занятием или соревнованием нервно-мышечных воздействий, в зависимости от индивидуального паттерна миофасциальной сети, усиливает эффективность выполнения специализированной работы лыжников-гонщиков и способствуют успешности соревновательной деятельности за счет сбалансированных на клеточном и молекулярном уровнях процессов, способствующих биомеханической целостности всего движения;

– осуществление построение тренировочной программы с учетом показателей преморбидного состояния (адаптоспособности) сердечно-сосудистой системы;

– индивидуальная спортивная подготовка лыжников-гонщиков на основе систематического анализа уровня физической и функциональной подготовленности и определения порогов аэробного и анаэробного обмена исходя из показателей сердечной деятельности. Такой метод может считаться корректным по отношению к выставлению зон интенсивности, так как на сердце (в первую очередь) отражаются процессы «закисления» организма в условиях нагрузки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амосов Н.М., Бендет Я.А. Физическая активность и сердце. Киев : Здоровье, 1989. 216 с.
2. Мясинченко Е.Б., Селуянов В.Н. Развитие локальной мышечной выносливости в циклических видах спорта. М. : Дивизион, 2005. 338 с.
3. Малеев Д.О., Виноградов Е.Г., Исаев А.П. Применение интервальной гипоксической тренировки в подготовке лыжников-гонщиков с учетом показателей индекса преморбидного состояния сердечно-сосудистой системы // Физическая реабилитация в спорте, медицине и адаптивной физической культуре : материалы V всерос. науч.-практ. конф.: Нац. гос. ун-т физ. культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург. СПб., 2019. С. 211–215.
4. Исаев А.П., Эрлих В.В., Шевцов А.В., Малеев Д.О. Система подготовки спортивного резерва: возрастные особенности эффективной адаптации и сохранности здоровья подростков. СПб. : ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2018. 579 с.
5. Аксельрот А.С., Чеомахидзе П.Ш., Сыркин А.Л. Нагрузочные ЭКГ-тесты: десять шагов к практике : учеб. пособие. М. : Медпресс-информ, 2011. 208 с.
6. Колупаев В.А. Динамика состояния системы транспорта кислорода и иммунитета под влиянием сезонных изменений условий внешней среды и физических нагрузок. Челябинск : УралГУФК, 2009. 140 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 24 апреля 2020 г.

Formation of Ski Racers' Adaptability in the Conditions of an Integrative Training Process

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 463, 156–161.

DOI: 10.17223/15617793/463/20

Dmitriy O. Maleev, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: massport@mail.ru

Keywords: ski racers; hypercapnia; respiratory exerciser; premorbid state; adaptation; sports training program; neuromuscular regulation.

The study aims to scientifically justify mechanisms for achieving a stable adaptation of the body of qualified ski racers to intense training and competitive activity. The hypothesis of the study is that professional ski racers can increase their effective adaptability to training and competitive loads if their physical and functional capacities are analyzed on a regular basis and the training and preparation for competitions are based on indicators of the premorbid state of some functional systems of the body. It is advisable to integrate neuromuscular regulation and hypercapnic effects into the main individualized training process. Professional ski racers aged 18 and 19 from the team of Tyumen Oblast took part in the research. They were divided into experimental and control groups, eight athletes in each. All ski racers had a high level of sports training (candidates for masters and masters of sport). The leading methods for achieving the ski racers' sustainable adaptive ability to high training loads at the special preparatory stage were determined at the end of the study: (1) Integration of the main training process with the staged application of additional respiratory hypercapnic effects. These effects activate the actions of aerobic resynthesis of ATP molecules by increasing the metabolic capacity under a controlled regime of increasing the concentration of carbon dioxide in blood. They also form physiological hypertrophy of the tonogenic expansion (dilatation) of the ventricles of the heart. All of the above gives the prerequisites for an increase in stroke and minute blood volume at lower pulse modes, and increases the physical working efficiency of athletes during the competitive period. (2) Inclusion of neuromuscular influences in the warm-up before a training or competition, depending on the individual pattern of the myofascial network. It enhances the ski racers' training and contributes to the success of competitive activity due to balanced processes at the cellular and molecular levels. They advance the biomechanical integrity of the entire motion. (3) Design of the training program with regard to the indicators of the premorbid state (adaptability) of the cardiovascular system. (4) Individualization of sports training for ski racers based on a systematic analysis of the level of physical and functional state, and on the definition of the thresholds for aerobic and anaerobic metabolism based on indicators of cardiac activity. It is this method that works best for setting zones of intensity.

REFERENCES

1. Amosov, N.M. & Bendet, Ya.A. (1989) *Fizicheskaya aktivnost' i serdtse* [Physical activity and the heart]. Kyiv: Zdorov'e.
2. Myakinchenko, E.B. & Seluyanov, V.N. (2005) *Razvitie lokal'noy myshechnoy vynoslivosti v tsiklicheskikh vidakh sporta* [Development of local muscular endurance in cyclic sports]. Moscow: Divizion.
3. Maleev, D.O., Vinogradov, E.G. & Isaev, A.P. (2019) [The use of interval hypoxic training in the preparation of ski racers taking into account the indices of the index of the premorbid state of the cardiovascular system]. *Fizicheskaya reabilitatsiya v sporte, meditsine i adaptivnoy fizicheskoy kul'ture* [Physical rehabilitation in sports, medicine and adaptive physical culture]. Conference Proceedings. St. Petersburg: Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health. pp. 211–215. (In Russian).
4. Isaev, A.P., Erlikh, V.V., Shevtsov, A.V. & Maleev, D.O. (2018) *Sistema podgotovki sportivnogo rezerva: vozrastnye osobennosti effektivnoy adaptatsii i sokhrannosti zdorov'ya podrostkov* [The system of training the sports reserve: age characteristics of effective adaptation and health preservation of adolescents]. St. Petersburg: POLITEKH-PRESS.
5. Aksel'rot, A.S., Cheomakhidze, P.Sh. & Syrkin, A.L. (2011) *Nagruzochnye EKG-testy: desyat' shagov k praktike: ucheb. posobie* [Stress ECG tests: ten steps to practice: textbook]. Moscow: Medpress-inform.
6. Kolupaev, V.A. (2009) *Dinamika sostoyaniya sistemy transporta kisloroda i immuniteta pod vliyaniem sezonnykh izmeneniy usloviy vneshney sredy i fizicheskikh nagruzok* [Dynamics of the state of the oxygen transport system and immunity under the influence of seasonal changes in environmental conditions and physical activity]. Chelyabinsk: Ural State University of Physical Culture.

Received: 24 April 2020

Н.М. Меженная

ОБ ОПЫТЕ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОМЕЖУТОЧНОГО ИТОГА ПО МАТЕМАТИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИСТЕМЫ КАНООТ!

Описан опыт внедрения геймификации с использованием информационно-коммуникационных технологий на базе системы Kahoot! при проведении контрольной работы по математической статистике. Контрольная работа проводилась дистанционно в форме стандартного теста Kahoot!. Осуществлен анализ процесса разработки материалов и их содержания, процесса проведения работы в небольшой группе студентов (22 человека) с целью выявления основных проблем и преимуществ (как для студентов, так и для преподавателей) и возможностей развития данного подхода в будущем.

Ключевые слова: геймификация; контрольная работа; математическая статистика; тестирование; Kahoot!.

Введение

В современном образовании становится популярной геймификация учебного процесса. Под геймификацией понимается использование элементов игрового дизайна в неигровых условиях (аудиторная и самостоятельная работа) для привлечения участников и поощрения желаемого поведения. В современном образовательном процессе используемые технологии должны повышать уровень мотивированности и заинтересованности студентов и, как следствие, достигаемых результатов обучения [1]. Хайманом (Human) [2], Детердингом (Deterding), О'Хара (O'Hara) и др. [3] отмечено, что геймификация приносит элементы реальности в процесс обучения, в результате чего студентам становится легче использовать полученные навыки в своей практической деятельности в будущем. Н.В. Яременко [4] установлено, что в целом обучающие онлайн-игры стимулируют внутреннюю мотивацию и способствуют привлечению студентов к учебной деятельности. Использование онлайн-игр в обучении демонстрирует прямую связь между высоким уровнем конкуренции и повышением мотивации, сохраняя содержание образовательной деятельности, но меняя ее планирование, организацию и сопровождение [5]. М.Д. Ханусом (Hanus) и Дж. Фоксом (Fox) [6], а также М.С. Куо (Kuo) и Т. Чуанг (Chuang) [7] показано, что геймификация повышает вовлеченность студентов в учебный процесс. Согласно исследованию Р. Аб.-Рахмана (Ab. Rahman) с соавт. [8] студенты в целом положительно воспринимают геймификацию, особенно они отмечают простоту и удобство интерфейса используемых систем. Онлайн-платформы Kahoot!, Quizizz, Socrative и др. уже предоставляют преподавателям прекрасные возможности для разработки различных планов уроков и занятий, которые могут увлечь и мотивировать учащихся. Используемые элементы игрового процесса – таблица лидеров, значки, очки и уровни – являются игровыми элементами, которые активизируют роли студентов в образовательном процессе [6, 9, 10].

Безусловно, внедрение элементов геймификации в образовательный процесс имеет определенные сложности и недостатки, требующие совершенствования методологии. Несмотря на это, Е.В. Соболевой с соавт. [11] обоснована целесообразность использования геймификации в рамках образовательного процесса,

однако необходимо искать баланс между используемыми элементами геймификации и классическими составляющими образовательного процесса. Необходимо учитывать, что основная ценность состоит не в игровом процессе и его элементах как таковых, а в выработке навыков принятия стратегически выверенных решений, пригодных для применения в профессиональной деятельности.

При проведении контрольных работ в рамках модульно-рейтинговой системы необходимо использовать дидактические материалы определенного уровня сложности, позволяющие качественно провести контроль знаний и дифференциацию учащихся по уровню освоения материала [12]. Одним из вариантов является использование контрольной работы в форме теста [13, 14]. Стоит также отметить, что поскольку в рамках школьной программы и при обучении в университете работы в такой форме выполняются довольно часто, учащиеся привыкли к данной форме контроля. Следовательно, нет необходимости в затратах времени и ресурсов преподавателя на дополнительную работу по адаптации студентов к выполнению проверочной работы.

Однако в дисциплинах математического цикла такой подход используется достаточно редко [12]. Так как важно не только представление итогового результата (который, например, может быть получен студентом с помощью системы компьютерной математики [15]), но и логика и представление решения, выбор метода и так далее, которые могут вносить большой вклад в итоговую оценку, чем полученный результат. Поэтому при разработке тестов в области дисциплин математического цикла особое внимание следует уделять выбору задач, их формулировке, однозначности решения, порядку следования друг за другом. Положительный опыт использования контрольных работ в форме теста описан М. Боровичком (Borovichik) и Р. Кападия (Kapadia) [16], а также Т. Копараном (Koragan) [17].

Важным является выбор платформы, с помощью которой будут внедряться элементы геймификации. Чайо (Chaiyo) и Р. Нохам (Nokham) [18] изучали влияние использования трех различных систем Kahoot!, Quizizz и Google Forms на уровне вовлечения, удовольствия, концентрации, восприятия и мотивации учащихся на уроках. Они обнаружили, что хотя все три платформы не показали различий в

том, как учащиеся воспринимают свое обучение, студенты были более склонны к Kahoot! и Quizizz по сравнению с Google Forms. Оказалось, что Kahoot! и Quizizz могут улучшить концентрацию, вовлеченность, удовольствие и мотивацию студентов. Аналогичные результаты получены и А. Сулеймен [19].

Использование системы Kahoot! подробно описано Вангом (Wang) [20], а также Ю.В. Никоноровой и Н.И. Чабановой [21]. Установлено, что использование Kahoot! однократно или в течение всего семестра двумя группами студентов дает один и тот же результат. Также выявлено, что продолжительность геймификации не влияла отрицательно на вовлеченность учащихся. Ванг (Wang) и Либерот (Lieberoth) [22] расширили предыдущее исследование, рассматривая влияние игровых элементов, таких как аудио и очки в Kahoot!, на вовлечение студентов в образовательный процесс. Результат показывает, что сочетание звука и очков дало гораздо больший эффект, поскольку с их помощью была обеспечена положительная динамика в классе. Р.Ю. Царевым [23] также отмечено положительное влияние использования Kahoot! на результаты обучения. Вследствие этого для проведения контрольных работ была выбрана данная платформа.

В настоящей работе описан тестовый подход к проведению контрольной работы по математической статистике для студентов третьего курса бакалавриата инженерного направления подготовки с использованием информационно-коммуникационных технологий на базе системы Kahoot!. Выполнен анализ составления материалов и проведения работы в небольшой группе студентов с целью выявления основных проблем, преимуществ (как для студентов, так и для преподавателей) и возможностей развития данного подхода в будущем.

Методология исследования

Выборка. Контрольная работа проводилась в двух группах студентов третьего курса факультета прикладной математики МГТУ им. Н.Э. Баумана, обучавшихся в весеннем семестре 2019/20 учебного года. Для допуска к контрольной работе учащиеся должны сдать обязательное домашнее задание на установленный минимум. Всего таких студентов оказалась 22 (12 девушек и 10 юношей). Контрольная работа выполнялась в системе Kahoot! дистанционно, на нее был выделен 1 час, а время проведения было выбрано таким образом, чтобы в эти часы не проводились занятия по другим дисциплинам и студенты обеих группы могли проходить тестирование одновременно. Учащимся было объявлено, что в первую очередь будет оцениваться количество верно решенных задач, а только потом – время, затраченное на их решение, и, как следствие, рейтинг.

Далее студентам было предложено пройти анкетирование по оценке работы в системе и описать основные сложности, с которыми они столкнулись. Участники опроса были проинформированы о том, что ан-

кетирование анонимное, не влияет на результаты контрольной, и участие добровольное.

Инструмент исследования. Промежуточный контроль знаний проводился в форме теста из 10 стандартных задач по математической статистике, пример варианта теста приведен в прил. 1. Задачи 1–3 связаны с вычислением точечных оценок параметров распределений (методом моментов или максимального правдоподобия) и анализом их свойств, задача 4 – с критерием эффективности и оптимальными оценками, задача 5 – с построением доверительного интервала, задачи 6–8 – с критерием хи-квадрат, задачи 9–10 – с критерием Неймана–Пирсона. Варианты ответов подбирались так, чтобы трудно было угадать верный, исходя из постановки задачи.

Всего было подготовлено 3 варианта заданий. Для успешного выполнения контрольной работы необходимо было правильно решить 7 задач из 10. На каждую задачу давалось 60 или 240 секунд в зависимости от уровня сложности, рейтинговые очки за задачи (1 000 или 2 000 баллов) также варьировались в зависимости от уровня ее сложности. Максимальный рейтинг составлял 13 000 баллов (подробнее см. прил. 1).

Для оценки восприятия работы в системе Kahoot! и формата теста в целом студентам было предложено ответить на вопросы анкеты, представленной в табл. 1. Некоторые вопросы анкеты были открытыми.

Таблица 1
Анкета, предложенная студентам для оценки работы в системе

1	Какие сложности возникли при решении задач? ☐ Недостаточно времени ☐ Неудобный интерфейс ☐ Связь задач друг с другом ☐ Сложные задачи
2	Назовите основную сложность, возникшую при прохождении теста
3	Что еще вызвало трудности и было неудобно?
4	Что понравилось при выполнении работы? ☐ Работа в форме теста ☐ Удобный интерфейс ☐ Задачи не слишком сложные ☐ Можно сразу узнать, правильно ли решена задача
5	Что больше всего понравилось при прохождении теста?
6	Что еще понравилось при прохождении теста?

Результаты решения задач контрольной работы

64% (14 студентов) выполнили контрольную работу на необходимый минимум, что является, с нашей точки зрения, достаточно хорошим результатом. Также отметим, что 6 задач решили 4 студента (18%), результаты представлены в табл. 2. Остальные 4 студента не справились с выполнением задач контрольной работы.

При выполнении работы студенты были ограничены по времени как при решении отдельных задач, так и по времени на всю работу, и соревновались между собой. Разбиение по вариантам осуществлялось по общему алфавитному списку. Поэтому можно предположить, что обучаемые действовали преимущественно самостоятельно. Отметим, что при таком подходе невозможно исключить отгадывание части ответов, а также кооперацию студентов между собой.

Результаты решения задач студентами – участниками тестирования

Номер участника	Кол-во очков	Кол-во верных задач	Кол-во неверных задач	Задача									
				1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	11 055	9	1	1		1	1	1	1	1	1	1	1
2	10 986	8	2		1	1	1	1	1	1	1	1	
3	10 491	8	2			1	1	1	1	1	1	1	1
4	9 866	8	2		1	1	1	1	1	1	1	1	
5	9 473	8	2			1	1	1	1	1	1	1	1
6	9 030	8	2	1	1		1	1		1	1	1	1
7	8 595	8	2	1	1	1		1	1	1	1	1	
8	8 313	8	2	1	1		1	1		1	1	1	1
9	7 957	8	2	1	1	1			1	1	1	1	1
10	7 925	8	2	1	1	1			1	1	1	1	1
11	7 341	8	2	1	1		1	1	1	1	1		1
12	7 122	8	2	1		1	1	1	1	1	1		1
13	7 321	7	2		1	1	1	1	1			1	1
14	5 289	7	3		1	1	1		1	1	1		1
15	7 741	6	4					1	1	1	1	1	1
16	5 392	6	4				1	1	1	1		1	1
17	5 352	6	4	1	1	1			1	1	1		
18	3 953	6	4			1	1		1	1	1		1
19	5 388	5	5	1			1	1			1	1	
20	3 065	4	6				1				1	1	1
21	3 015	3	7							1	1	1	
22	950	1	9				1						
Среднее	7 074	6,73	3,23	0,45	0,50	0,59	0,73	0,64	0,73	0,82	0,86	0,73	0,68

Примечание. Цифра «1» в таблице означает, что задача решена верно. Студенты проранжированы в зависимости от числа решенных задач, а также по числу набранных баллов (второстепенный критерий).

Оказалось, что не было задач, которые не решил ни один участник. В целом это можно считать очень хорошим результатом. Наибольшие трудности вызвали задачи 1–3, связанные с точечными оценками. Предположительно это может быть связано с тем, что решение каждой из задач существенно зависит от вида закона распределения. Как следствие, нет универсального метода, который приводил бы к гарантированному решению задачи. В качестве рекомендации для преподавателя можно сформулировать необходимость более подробного разбора задач по данной теме, возможно составление шаблонов или алгоритмов решения для различных классов распределений (см., например: [24]).

Задачи на критерий хи-квадрат, наоборот, были решены наиболее успешно. Это прежде всего связано с тем, что такие задачи имеют более универсальный метод решения из всех рассмотренных классов задач. Однако стоит проанализировать ответы отдельных участников. Так, участники с номерами полностью не справились с блоком из трех задач. Предположительно, они угадали ответ на задачу 8 либо незначительно ошиблись при вычислениях в задаче 6 (также возможно, что ими был получен верный ответ, но студенты ошиблись при выборе ответа). В этой связи все-таки следует давать задачи, которые требуют выбора правильного варианта более чем из 2 вариантов ответов. Например, задачу 8 можно было бы переформулировать так: вычислить p -value для статистики из вопроса 6.

Также отметим, что медианные значения во всех задачах, кроме 1 и 2, оказались равны 1, т.е. более половины участников решили каждую из задач. В целом можно считать, что полученные результаты контрольной работы являются удовлетворительными.

Оценка работы студентами

Все студенты были предупреждены о том, что участие в опросе является добровольным, анонимным (по желанию) и не влияет на итоговую оценку за контрольную работу.

Начнем с анализа ответов на вопросы 1 и 4 анкеты о том, как студенты восприняли работу в системе. Эти вопросы имели 4 варианта ответов, которые, как мы предполагали, оказывают большее влияние на результат и восприятие прохождения теста. Мы получили ответы 21 из 22 студентов, писавших работу. Распределение ответов представлено на рис. 1.

Подавляющее большинство (86%) указали ограничение по времени основным неудобством при прохождении теста. Также 10% (2 человека) посчитали, что неудобства вызывает связь задач между собой, а 5% (1 человек) отметили сложность задач как основной недостаток.

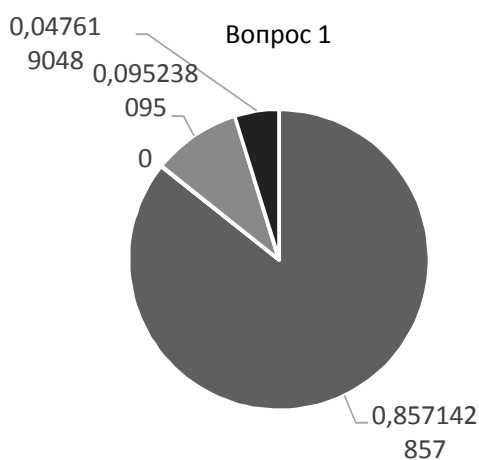
На вопрос 4 о том, что понравилось при прохождении теста, подавляющее большинство (81%) отметили, что можно сразу узнать, правильно ли решена задача. 14% указали, что задачи были не слишком сложными, 5% посчитали удобство интерфейса основным преимуществом.

Также мы дополнили вопрос 1 открытыми вопросами 2 (об основной сложности, возникшей при выполнении работы) и 3 (о второстепенных сложностях, возникших при выполнении работы). На вопрос 2 были получены следующие ответы:

– недостаток времени (в той или иной формулировке, например, «мало времени», «время давит» и т.п.). Это является ожидаемым результатом с учетом ответов на вопрос 1;

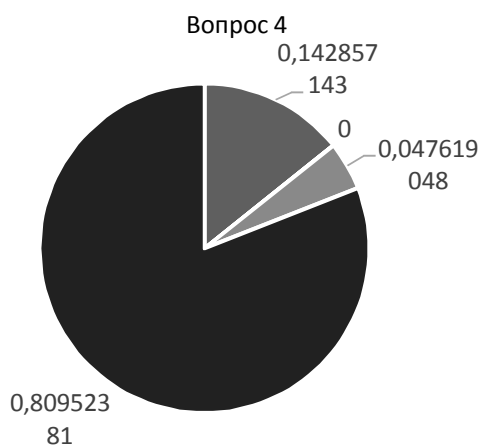
– нестандартность (например, «нестандартно», «немного нестандартно»). Действительно, ранее никто из нишах студентов не выполнял контрольные работы в такой форме, особенно с конкретным временем на каждую задачу;

– трудно сосредоточиться. Данный ответ не был подробно расписан, поэтому нелегко понять, что именно мешало сосредоточиться (возникшие технические сложности, ограничение по времени или что-то еще).

- Недостаточно времени
- Неудобный интерфейс
- Связь задач друг с другом
- Сложные задачи

а

- Работа в форме теста
- Удобный интерфейс
- Задачи не слишком сложные
- Можно сразу узнать, правильно ли решена задач.

б

Рис. 1. Распределение ответов на вопросы 1 и 4

На вопрос 3 ответы были разнообразнее, в них также упоминалось ограничение по времени или отсутствие других сложностей. Стоит также отметить следующие ответы:

– «Звук». Действительно, в системе по умолчанию присутствует звуковое сопровождение, которое легко может быть отключено пользователем на его устройстве. Возможно, студент просто растерялся при выполнении работы;

– «Невозможность переходить к предыдущим задачам». Отметим, что задачи теста были построены в логической последовательности. Кроме того, при выполнении работы студент сразу после ответа на очередной вопрос узнает, какой ответ был правильным. Поэтому при данном подходе возвращение к предыдущим задачам невозможно;

– «Требуется ответ в цифрах». В математической статистике из-за вычислительной сложности некоторых задач для больших выборок многие ответы на семинарских занятиях оставались в виде формул без вычисления. Во время теста надо было проводить вычисления полностью, что является рутинной и кому-то, естественно, это не нравилось. Для устранения этой сложности можно рекомендовать использование систем компьютерной математики при обучении, тогда рутинный вычислительный аспект конкретной задачи будет сведен к минимуму;

– «Отображение ответов». Здесь можно только предположить, что у кого-то возникли определенные сложности с интерфейсом системы.

Подводя итог, отметим, что основная сложность, отмеченная учащимися, – это отведенное конкретное вре-

мя на каждую задачу. Вообще, этот таймер может быть отключен преподавателем, но тогда более вероятно списывание и обсуждение между участниками работы.

Вопрос 4 мы также дополнили открытыми вопросами 5 (о том, что понравилось больше всего) и 6 (о том, что понравилось еще).

На вопрос 5 мы получили следующие ответы:

– получение результата сразу (например, «ответы сразу», «видно ответы», «быстрая проверка» и т.п.). Здесь в целом учащиеся отмечают, правильно ли ответили на вопросы, и готовы самостоятельно работать над задачами, особенно в случае неверного ответа, чтобы понять и разобраться, в чем была их ошибка;

– «формат теста», «формат с рейтингом». Наши учащиеся привыкли к тестовой работе еще в старшей школе при выполнении ГИА и ЕГЭ, а также на других дисциплинах в университете;

– об интерфейсе (например, «оформление», «хороший интерфейс»).

В ответе на вопрос 6 также были упомянуты «музыка», «цвета интерфейса», «милые фигурки» (для обозначения вариантов ответов).

В целом впечатление сложилось положительное с одним основным недостатком, упомянутым выше (о счетчике времени). При подготовке студентов к работе им была предоставлена возможность пройти аналогичный тест по математическому анализу, который никто из них не проходил ранее. При этом участие было добровольным и анонимным, а результаты прохождения теста нигде не учитывались. В нем также был установлен таймер. Студенты были информированы о том, что работа

будет проходить в том же формате. Как оказалось, они психологически были не готовы к выполнению задач на оценку в рамках ограниченного временного интервала (обычно ограничивается время на всю работу, но не на отдельные задачи), хотя справились в целом неплохо. Таким образом, в дальнейшем необходимо особо акцентировать внимание до проведения тестирования на ограничения по времени для каждой задачи, если преподаватель собирается это использовать на контрольной работе.

Сложности использования системы для преподавателя

При использовании системы Kahoot! для составления задач преподаватели столкнулись со следующими сложностями:

– интерфейс системы плохо приспособлен для набора формул. Сложные математические формулы набирались отдельно в Microsoft Word и вставлялись как картинки в соответствующие страницы с задачами. Варианты ответов также могут быть набраны только в простейшем виде или должны быть подготовлены как отдельные картинки. Это затрудняет работу, требует дополнительного времени на разработку и проверку вариантов. В то же время текстовые задачи и варианты ответов могут быть импортированы из файла Microsoft Excel;

– необходимость варьирования времени, устанавливаемого на решение конкретной задачи. Сложно понять, какой именно временной интервал устанавливать. На первом этапе в качестве эксперимента на большинство задач (кроме простейших) было решено установить наибольший интервал времени. В основном это связано с тем, что студенты также не привыкли решать задачи с ограничением по времени. В целом с точки зрения преподавателя сложно объективно оценить, сколько времени нужно «среднему» студенту на решение конкретной задачи;

– необходимость разбивать задачи на отдельные подзадачи, которые будут следовать друг за другом. Вместе с тем при использовании платформы Kahoot! студенты сразу видят правильный ответ на предыдущий пункт. С нашей точки зрения, это хорошо для персонализации процесса обучения, но при этом задачи дополнительно нужно проектировать так, чтобы,

исходя из ответа на одну из подзадач, нельзя было отгадать ответы на другие подзадачи;

– необходимость использовать задачи с максимальным числом ответов (4 в Kahoot!), а ответы подбирать так, чтобы не было априори очевидно, что некоторые из них можно сразу исключить. Это создает дополнительную методическую трудность при разработке вариантов задач, формулировке условий и вариантов ответов.

Однако, с нашей точки зрения, сложности для преподавателей могут быть достаточно успешно разрешены. Для этого нами был применен следующий метод. Одна группа преподавателей составляет полный комплект вариантов заданий, а другая группа проходит работу в тестовом режиме. После этого выявляются и устраняются возникшие ошибки, проводится обсуждение задач и возникших при их решении трудностей, а также вносятся предложения по исправлению или доработке вариантов заданий. Отметим особую важность того, что в ответах вариантов тестов, предоставляемых студентам, категорически не должно быть ошибок. В противном случае придется пересматривать все результаты (что возможно в Kahoot!), но это требует дополнительного времени на анализ результатов, а также вызывает трудности с пересчетом рейтинга каждого студента.

Заключение

Представлены описание и анализ процесса разработки вариантов заданий для контрольной работы по математической статистике для проведения тестирования с использованием информационно-коммуникационных технологий на базе системы Kahoot! Проведен анализ сложностей, с которыми сталкиваются преподавателя, и даны возможные пути их решения. Выполнен анализ результатов контрольной работы и восприятия системы студентами третьего курса бакалавриата инженерного направления подготовки. Установлено, что полученные академические результаты являются достаточно высокими, а система воспринимается студентами в целом положительно. Проведен анализ сложностей, с которыми столкнулись студенты в процессе работы, даны рекомендации по их преодолению.

Приложение 1

Вариант задач контрольной работы с вариантами ответов, рейтингом и временем на выполнение задач.

1. В распределении $L(\xi)$: $f(x; \theta) = \frac{1}{\sqrt{2\pi\sqrt{\theta}}} e^{-\frac{(x-\sqrt{\theta})^2}{2\theta}}$ найти смещение оценки методом моментов для θ при объеме выборки $n = 5$ и истинном значении $\theta = 2$.

2/5	3/4	1/5	1/2
✓□	✗	✗	✗

(2 000 баллов, 240 секунд)

2. Получена выборка 2,3; 2,5; 2,1; 0,8; 0,5 из $L(\xi)$: $f(x; \theta) = \frac{1}{\sqrt{2\pi\sqrt{\theta}}} e^{-\frac{(x-\sqrt{\theta})^2}{2\theta}}$. Найти несмещенную оценку для θ на основе оценки методом моментов.

2,7	1,9	2,2	2,5
✗	✗	✓□	✗

(1 000 баллов, 240 секунд)

3. Для каких функций в распределении $L(\xi)$: $f(x; \theta) = \frac{1}{\sqrt{2\pi\sqrt{\theta}}} e^{-\frac{(x-\sqrt{\theta})^2}{2\theta}}$ существует эффективная оценка?

Θ	$\Theta^{1/2}$	Θ^2	Нет эффективной оценки
X	X	X	☒

(1 000 баллов, 240 секунд)

4. В распределении $L(\xi)$: $f(x; \theta) = \frac{1}{\sqrt{2\pi\sqrt{\theta}}} e^{-\frac{(x-\sqrt{\theta})^2}{2\theta}}$ написать нижнюю границу дисперсии всех несмещенных оценок для θ при $n = 5$ и $\theta = 2$.

16/15	7/8	15/16	Модель нерегулярна
☒	X	X	X

(1 000 баллов, 240 секунд)

5. В партии из 200 деталей 74 первого сорта. Построить 0,9-доверительный интервал для числа деталей первого сорта.

(0,25; 0,44)	(0,28; 0,46)	(0,31; 0,43)	(0,41; 0,54)
X	X	☒	X

(2 000 баллов, 240 секунд)

6. В партии из 200 деталей 74 первого сорта. Найти значение статистики χ^2 для проверки гипотезы: 40% деталей первого сорта.

0,58	0,75	0,81	1,11
X	☒	X	X

(1 000 баллов, 240 секунд)

7. Какое число степеней свободы у предельного распределения статистики из предыдущей задачи?

1	2	3
☒	X	X

(1 000 баллов, 60 секунд)

8. В партии из 200 деталей 74 первого сорта. Принимается ли гипотеза: 40% деталей первого сорта по критерию χ^2 ($\alpha = 5\%$)?

True	False
☒	X

(1 000 баллов, 60 секунд)

9. В $L(\xi)$: $f(x; \theta) = \theta e^{-\theta x}$, $x > 0$, найти вероятность ошибки II рода критерия Неймана–Пирсона для проверки $H_0: \theta = 1$ против $H_1: \theta = 2$ при $n = 10$, $\alpha = 0,1$.

0,1	0,21	0,32	0,79
X	☒	X	X

(2 000 баллов, 240 секунд)

10. Какой вид критической области в предыдущей задаче?

$\{T > c\}$	$\{T < c\}$
X	☒

(1 000 баллов, 60 секунд)

ЛИТЕРАТУРА

- Handelsman M.M., Briggs W.L., Sullivan N., Towler A. A measure of college student course engagement // The Journal of Educational Research. 2005. Vol. 98, № 3. P. 184–192.
- Hyman R.T. Ways of Teaching. Philadelphia : J.B. Lipincott, 1970. 290 p.
- Deterding S., O'Hara K., Sicart M., Dixon D., Nacke L. Gamification: Using game design elements in non-gaming contexts. Conference on Human Factors in Computing Systems – Proceedings, Vancouver, Canada, 2011. P. 2425–2428
- Яременко Н.В. Повышение мотивации студентов в процессе изучения английского языка путем онлайн игр // Информационные технологии и средства обучения. 2017. Т. 59, № 3. С. 126–133.
- Орлова О.Г., Титова В.Н. Геймификация как способ организации обучения // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 9 (162). С. 60–64.
- Hanus M.D., Fox J. Assessing the effects of gamification in the classroom: A longitudinal study on intrinsic motivation, social comparison, satisfaction, effort, and academic performance // Computers and Education. 2015. Vol. 80. P. 152–161. DOI: 10.1016/j.compedu.2014.08.019
- Kuo M.S., Chuang T.Y. How gamification motivates visits and engagement for online academic dissemination – an empirical study // Computers in Human Behavior. 2016. Vol. 55. P. 16–27. DOI: 10.1016/j.chb.2015.08.025
- Ab-Rahman R., Ahmad S., Hashim U. The effectiveness of gamification technique for higher education students engagement in polytechnic Muadzam Shah Pahang, Malaysia // International Journal Of Educational Technology In Higher Education. 2018. Vol. 15, Article 41. DOI: 10.1186/s41239-018-0123-0
- Hamari J. Do badges increase user activity? A field experiment on the effects of gamification // Computers in Human Behavior. 2015. Vol. 71. P. 469–478. DOI: 10.1016/j.chb.2015.03.036
- Attali Y., Arieli-Attali M. Gamification in assessment: Do points affect test performance? // Computers and Education. 2015. Vol. 83. P. 57–63.
- Соболева Е.В., Исупова Н.И., Суворова Т.Н., Соколова А.Н. Применение обучающих программ на игровых платформах для повышения эффективности образования // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. Т. 7, № 4. С. 7–25. DOI: 10.15293/2226-3365.1704.01
- Власова Е.А., Меженная Н.М., Попов В.С., Пугачев О.В. Методические аспекты обеспечения дисциплины «Теория вероятностей» в техническом университете // Современные наукоемкие технологии. 2017. Т. 11. С. 96–103. DOI: 10.17513/snt.36852

13. Вербицкий А.А., Пучкова Е.Б. Возможности теста как средства диагностики качества образования: мифы и реальность // Высшее образование в России. 2013. Т. 6. С. 33–44.
14. Карпенко А.П., Домников А.С., Белоус В.В. Тестовый метод контроля качества обучения и критерии качества образовательных тестов. Обзор // Наука и образование. 2011. № 4. Ст. 1. DOI: 10.7463/0411.0184741
15. Mezhenaya N.M., Pugachev O.V. On the results of using interactive education methods in teaching probability theory // Problems of Education in the 21st Century. 2018. Vol. 76, № 4. P. 678–692.
16. Borovnik M., Kapadia R. Research and Developments in Probability Education // Journal on Mathematics Education. 2009. Vol. 4. P. 111–130.
17. Koparan T. Teaching game and simulation based probability // International Journal of Assessment Tools in Education. 2019. Vol. 6. P. 235–258. DOI: 10.21449/IJATE.566563
18. Chaiyo Y., Nokham R. The effect of Kahoot, Quizizz and Google forms on the student's perception in the classrooms response system // Institute of Electrical and Electronics Engineers (IEEE) (Ed.), 2017 International Conference on Digital Arts, Media and Technology (ICDAMT). Red Hook, N.Y. : Curran Associates, Inc Chiang Mai, Thailand, 1–4 March 2017. P. 178–182.
19. Сулеймен А. Определение наиболее предпочитаемого студентами мобильного приложения геймификации // Аллея науки. 2019. Т. 2, № 6 (33). С. 901–906.
20. Wang A.I. The wear out effect of a game-based student response system // Computers & Education. 2015. Vol. 82. P. 217–227. DOI: 10.1016/j.compedu.2014.11.004
21. Никонорова Ю.В., Чабанова Н.И. Некоторые аспекты развития электронного обучения математике студентов атомной отрасли // Актуальные проблемы преподавания математики в техническом вузе. 2019. Т. 7. С. 211–215.
22. Wang A.I., Lieberoth A. The effect of points and audio on concentration, engagement, enjoyment, learning, motivation, and classroom dynamics using Kahoot! // T. Connolly, & L. Boyle (Eds.). Proceedings from the 10th European conference of game based Learning. Paisley : Academic Conferences and Publishing International Limited, 6–7 October 2016. P. 737–748.
23. Царев Р.Ю. Применение Kahoot! при геймификации в образовании // International Journal Of Advanced Studies. 2017. Vol. 7, № 1. P. 9–17. DOI: 10.12731/2227-930x-2017-1-9-17
24. Mezhenaya N.M., Pugachev O.V. Advantages of using the CAS Mathematica in a study of supplementary chapters of Probability Theory // European Journal of Contemporary Education. 2019. Vol. 8, № 1. P. 4–24. DOI: 10.13187/ejced.2019.1.4

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 14 декабря 2020 г.

On the Experience of Conducting Interim Assessment in Mathematical Statistics Using Kahoot!

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 463, 162–169.

DOI: 10.17223/15617793/463/21

Natalia M. Mezhenaya, Bauman Moscow State Technical University (Moscow, Russian Federation). E-mail: natalia.mezhenaya@gmail.com

Keywords: gamification; test; mathematical statistics; testing; Kahoot!

The article describes the experience of using information and communication technologies based on the system Kahoot! when conducting interim assessment in mathematical statistics in the form of a test in two groups of the third-year bachelor's students at the Faculty of Applied Mathematics of Bauman Moscow State Technical University. The aim of the article is to identify the main advantages and disadvantages (for both the student and the teacher) of using gamification, in particular the system Kahoot!, when teaching mathematical statistics and other disciplines of the mathematical curriculum. The process of designing materials for the test in mathematical statistics was analyzed; the key features that the used teaching materials had to have were identified. A small group of students (22 people) completed the test. To assess the perception of the test by students, an anonymous survey was conducted. The main stages in the development of materials by the teacher are presented. The difficulties teachers of mathematical disciplines encounter when using the Kahoot! as a platform for testing and their possible solutions are described. It has been revealed that the main (and most difficult) task in compiling options for the test is to make the answer options hard to guess, and each of the tasks not too laborious. It makes sense to divide tasks into sections so that tasks are interconnected and logically follow each other in each section. Also, the teacher needs to set time limits for each task to minimize the opportunities for students to communicate with each other. Students perceive working in Kahoot! positively in general. They said the main disadvantage was the time limit for each of the tasks – not for the entire work in general, which is more familiar to them. Therefore, to use Kahoot! within the considered approach of organizing tasks, it is recommended that the teacher thoroughly explain students how the test will be organized in connection with time frames. Additionally, it is worth focusing students' attention on the elements of the gameplay and the final rating table, rewarding successful students with additional rating points within the modular rating system to exclude academic dishonesty and cheating as much as possible. The performed analysis can be used by other teachers in the preparation of options for assignments to test students' knowledge remotely and on the basis of using other systems.

REFERENCES

1. Handelsman, M.M., Briggs, W.L., Sullivan, N. & Towler, A. (2005) A measure of college student course engagement. *The Journal of Educational Research*. 98 (3). pp. 184–192.
2. Hyman, R.T. (1970) *Ways of Teaching*. Philadelphia: J.B. Lipincott.
3. Deterding, S. et al. (2011) Gamification: Using game design elements in non-gaming contexts. *Conference on Human Factors in Computing Systems – Proceedings*. Vancouver, Canada. pp. 2425–2428
4. Yaremenko, N.V. (2017) Povyshenie motivatsii studentov v protsesse izucheniya angliyskogo yazyka putem onlayn igr [Increasing student motivation in learning English through online games]. *Informatsionnye tekhnologii i sredstva obucheniya*. 59 (3). pp. 126–133.
5. Orlova, O.G. & Titova, V.N. (2015) Gamification as a way of learning organization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*. 9 (162). pp. 60–64. (In Russian).
6. Hanus, M.D. & Fox, J. (2015) Assessing the effects of gamification in the classroom: A longitudinal study on intrinsic motivation, social comparison, satisfaction, effort, and academic performance. *Computers and Education*. 80. pp. 152–161. DOI: 10.1016/j.compedu.2014.08.019
7. Kuo, M.S. & Chuang, T.Y. (2016) How gamification motivates visits and engagement for online academic dissemination – an empirical study. *Computers in Human Behavior*. 55. pp. 16–27. DOI: 10.1016/j.chb.2015.08.025
8. Ab-Rahman, R., Ahmad, S. & Hashim, U. (2018) The effectiveness of gamification technique for higher education students engagement in polytechnic Muadzam Shah Pahang, Malaysia. *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 15. Article 41. DOI: 10.1186/s41239-018-0123-0
9. Hamari, J. (2015) Do badges increase user activity? A field experiment on the effects of gamification. *Computers in Human Behavior*. 71. pp. 469–478. DOI: 10.1016/j.chb.2015.03.036

10. Attali, Y. & Arieli-Attali, M. (2015) Gamification in assessment: Do points affect test performance? *Computers and Education*. 83. pp. 57–63.
11. Soboleva, E.V., Isupova, N.I., Suvorova, T.N. & Sokolova, A.N. (2017) Use of training programs based on gaming platforms for improving the effectiveness of education. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 7 (4). pp. 7–25. (In Russian). DOI: 10.15293/2226-3365.1704.01
12. Vlasova, E.A., Mezhenaya, N.M., Popov, V.S. & Pugachev, O.V. (2017) Methodological Aspects of the Discipline “Probability Theory” in a Technical University. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii – Modern High Technologies*. 11. pp. 96–103. (In Russian). DOI: 10.17513/snt.36852
13. Verbitskiy, A.A. & Puchkova, E.B. (2013) Vozmozhnosti testa kak sredstva diagnostiki kachestva obrazovaniya: mify i real'nost' [Possibilities of the test as a means of diagnosing the quality of education: myths and reality]. *Vyshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. T. 6. pp. 33–44.
14. Karpenko, A.P., Domnikov, A.S. & Belous, V.V. (2011) Testovyy metod kontrolya kachestva obucheniya i kriterii kachestva obrazovatel'nykh testov. Obzor [Test method for monitoring the quality of education and criteria for the quality of educational tests. Review]. *Nauka i obrazovanie*. 4. Art. 1. DOI: 10.7463/0411.0184741
15. Mezhenaya, N.M. & Pugachev, O.V. (2018) On the results of using interactive education methods in teaching probability theory. *Problems of Education in the 21st Century*. 76 (4). pp. 678–692.
16. Borovnik, M. & Kapadia, R. (2009) Research and Developments in Probability Education. *Journal on Mathematics Education*. 4. pp. 111–130.
17. Koparan, T. (2019) Teaching game and simulation based probability, *International Journal of Assessment Tools in Education*. 6. pp. 235–258. DOI: 10.21449/IJATE.566563
18. Chaiyo, Y. & Nokham, R. (2017) The effect of Kahoot, Quizizz and Google forms on the student's perception in the classrooms response system. *2017 International Conference on Digital Arts, Media and Technology (ICDAMT)*. Inc Chiang Mai, Thailand, 1–4 March 2017. Red Hook, N.Y.: Curran Associates. pp. 178–182.
19. Suleymen, A. (2019) Opredelenie naibolee predpochitaemogo studentami mobil'nogo prilozheniya geymifikatsii [Determination of the most preferred mobile gamification application by students]. *Alleya nauki*. 2–6 (33). pp. 901–906.
20. Wang, A.I. (2015) The wear out effect of a game-based student response system. *Computers & Education*. 82. pp. 217–227. DOI: 10.1016/j.compedu.2014.11.004
21. Nikonorova, Yu.V. & Chabanova, N.I. (2019) Nekotorye aspekty razvitiya elektronnoy obucheniya matematike studentov atomnoy otrasli [Some aspects of the development of e-learning mathematics for students of the nuclear industry]. *Aktual'nye problemy prepodavaniya matematiki v tekhnicheskoy vuzze*. 7. pp. 211–215. DOI: 10.25206/2307-5430-2019-7-211-215
22. Wang, A.I. & Lieberoth, A. (2016) The effect of points and audio on concentration, engagement, enjoyment, learning, motivation, and classroom dynamics using Kahoot! *Proceedings from the 10th European conference of game based Learning*. Paisley: Academic Conferences and Publishing International Limited. pp. 737–748.
23. Tsarev, R.Yu. (2017) Primenenie Kahoot! pri geymifikatsii v obrazovanii. *International Journal of Advanced Studies*. 7 (1). pp. 9–17. DOI: 10.12731/2227-930x-2017-1-9-17
24. Mezhenaya, N.M. & Pugachev, O.V. (2019) Advantages of using the CAS Mathematica in a study of supplementary chapters of Probability Theory. *European Journal of Contemporary Education*. 8 (1). pp. 4–24. DOI: 10.13187/ejced.2019.1.4

Received: 14 December 2020

Е.А. Мелёхина, К.В. Приставка

КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ КАК КЛЮЧЕВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ В ПОДГОТОВКЕ ПЕРЕВОДЧИКОВ РУССКОГО ЖЕСТОВОГО ЯЗЫКА

Показаны результаты экспериментальной работы по оценке уровня сформированности коммуникативной компетенции у студентов, обучающихся по направлению 45.03.02 Лингвистика, профиль «Переводчик английского языка и русского жестового языка» в Новосибирском государственном техническом университете. Используемые в ходе исследования эмпирические методы анкетирования, беседы и наблюдения позволили определить круг проблем, требующих решения, и описать положительный опыт подготовки переводчиков русского жестового языка, накопленный в университете.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция; русский жестовый язык; подготовка переводчиков; коммуникация; взаимодействие культур.

Введение

Обучение переводчиков русского жестового языка (РЖЯ) на лингвистических направлениях подготовки в вузах актуализировалось как педагогическая проблема после признания в 2011 г. Институтом языкознания РАН этого языка полноценной лингвистической системой, стоящей в одном ряду со звучащими языками, а также получением в 2012 г. статуса официального языка лиц с ограниченными возможностями здоровья (ЛЮВЗ) по слуху в Российской Федерации, что было закреплено в поправке к Федеральному закону «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 30 декабря 2012 г. В части 4 статьи 14 этого закона органам государственной власти и органам местного самоуправления предписано создавать «условия в подведомственных учреждениях для получения инвалидами по слуху услуг по переводу с использованием русского жестового языка» [1]. Таким образом, возникла потребность в подготовке квалифицированных переводчиков РЖЯ для посредничества в коммуникации представителей глухого сообщества с сообществом слышащих людей на официальном уровне, что и обусловило открытие новых профилей подготовки на университетском уровне.

В публикациях последних пяти лет, касающихся обучения РЖЯ, исследователи отмечают такие проблемы, как недостаток квалифицированных преподавателей – очень часто РЖЯ преподают дети глухих родителей (так называемые CODA – children of deaf adults), не имеющие лингвистического (переводческого или методического) образования [2]; недостаточную изученность РЖЯ как лингвистической системы [3]; недостаточную разработанность методики обучения РЖЯ и методики обучения переводу с РЖЯ на звучащий язык и со звучащего на РЖЯ (И.М. Востров и др. [4], Е.С. Минаева [5], О.Е. Никитина [6], О.Ю. Полонская [7], О.И. Рукавишникова, О.С. Рукавишников [8], А.Е. Харламенков [9]); недостаточное обеспечение учебниками и учебными пособиями по изучению РЖЯ (Т.Н. Малиновская [10], А.Е. Харламенков [9]); отсутствие единых требований к квалификации переводчика РЖЯ (И.М. Востров и др. [3], Е.С. Минаева [5]).

Говоря о значимости языковой подготовки переводчиков русского жестового языка, авторы акцентируют внимание на дефиците специалистов, осуществ-

ляющих подготовку обучающихся в области русского жестового языка [2], на том, что проблемам обучения РЖЯ «посвящены единицы исследований, несмотря на существование программы “Доступная среда”» [10. С. 214], что в основном преподавание жестового языка «базируется на языковых интуициях и культурных убеждениях преподавателей и разработчиков учебных программ, большинство из которых являются членами сообщества глухих» [7. С. 318].

Авторы публикаций также пишут о недостатке квалифицированных сурдопереводчиков и качестве их подготовки. Так, О.И. Рукавишникова и О.С. Рукавишников подчеркивают, что несмотря на то, что в нашей стране жестовым языком пользуются более 120 тысяч человек, по данным Всероссийской организации глухих всего лишь 1 100 сурдопереводчиков сопровождают процесс их социальной адаптации [8. С. 65; 11]. На необходимость унификации требований к профессиональным компетенциям переводчика РЖЯ и использование единой методики их аттестации указывают И.М. Востров, В.П. Камнева и В.Э. Ромашкина, признавая недопустимость различий профессионального уровня переводчиков одного квалификационного разряда, работающих в разных регионах страны [4. С. 51].

В качестве одной из ключевых квалификационных характеристик переводчика РЖЯ, требующей особого внимания при обучении в вузе, Е.С. Минаева рассматривает коммуникативную компетенцию, которая определяется не лексическим запасом, а умением легко и успешно взаимодействовать с другими людьми в самых разных ситуациях общения. Для этого, по ее мнению, будущему переводчику РЖЯ необходимо чаще «погружаться» в среду глухих, что должно быть предусмотрено программой обучения [5. С. 64].

Вышеуказанные проблемы учитываются при подготовке переводчиков русского жестового языка в Новосибирском государственном техническом университете (НГТУ). Первый набор студентов на направление 45.03.02 Лингвистика, профиль «Переводчик английского языка и русского жестового языка» был осуществлен в 2013 г. как совместный проект кафедры иностранных языков факультета гуманитарного образования и лаборатории РЖЯ института социальной реабилитации НГТУ. Одновременно с набором по программе бакалавриата для подготовки кадров высшей школы был осуществлен набор в маги-

стратуру по направлению 44.04.01 Педагогическое образование, профиль «Обучение английскому языку и русскому жестовому языку».

Несмотря на то что к настоящему времени в НГТУ уже накоплен опыт подготовки переводчиков РЖЯ (состоялось три выпуска бакалавров), ряд проблем остается актуальным и требует поиска оптимального решения. Одной из таких проблем является формирование коммуникативной компетенции переводчика РЖЯ.

В широком смысле под коммуникативной компетенцией понимают «способность осуществлять общение посредством языка, то есть передавать мысли и обмениваться ими в различных ситуациях в процессе взаимодействия с другими участниками общения, правильно используя систему языковых и речевых норм и выбирая коммуникативное поведение, адекватное аутентичной ситуации общения» [12. С. 45]. Н.Д. Гальскова и Н.И. Гез выделяют три основных компонента коммуникативной компетенции: лингвистический – знания о языке; прагматический – умение использовать эти знания в конкретной ситуации общения; социолингвистический – умение осуществлять речевое и неречевое общение с учетом иностранного культурного контекста [13. С. 19]. Что касается коммуникативной компетенции переводчика, то, по мнению Я.Б. Емельяновой, она состоит из следующих компонентов:

– языковая компетенция (грамматическая, текстовая, функциональная и социолингвистическая);

– стратегическая компетенция (целеполагание, планирование, реализация целей);

– психофизиологические механизмы (эрудиция, интерес к языкам и культурам, умение сосредотачиваться и быстро переключать внимание, стрессоустойчивость, гибкость, быстрое принятие решений, умение поставить себя на место другого человека, коммуникабельность, языковая интуиция, толерантность, организованность и многие другие качества, отличающие хороших переводчиков);

– знаниевый компонент (знание о мире и культуре) [14. С. 65]

Таким образом, в данной работе коммуникативная компетенция переводчика русского жестового языка понимается как система знаний, личностных качеств и умений для межъязыкового посредничества в общении между представителями глухого сообщества и сообщества слышащих людей.

Цель исследования

В статье представлен анализ данных констатирующего этапа экспериментального исследования, проведенного на базе НГТУ среди студентов, обучающихся по профилю «переводчик английского языка и русского жестового языка». Целью данного этапа эксперимента был поиск ответа на следующие вопросы.

1. Как студенты оценивают свой уровень владения коммуникативной компетенцией переводчика РЖЯ?

2. Совпадает ли их оценка с мнением преподавателей, оценивающих их по критериям общеевропей-

ской шкалы «Жестовые языки и общеевропейские компетенции владения иностранным языком – Sign languages and the Common European Framework of Reference for Languages» [15]?

3. Случаются ли в практике взаимодействия студентов с ЛОВЗ по слуху коммуникативные неудачи, и что является их причиной?

Методы исследования

В данном исследовании были использованы такие эмпирические методы как опрос (анкетирование, беседа), наблюдение и рефлексия.

Контекст исследования

Эксперимент был проведен на кафедре иностранных языков факультета гуманитарного образования и института социальных технологий (бывший институт социальной реабилитации) Новосибирского государственного технического университета. В эксперименте принимали участие студенты 2, 3, 4-х курсов, обучающиеся по направлению 45.03.02 Лингвистика, профиль «Переводчик английского языка и русского жестового языка». Всего в исследовании приняло участие 50 человек. Из них: 19 – обучающиеся 2-го курса, 11 – обучающиеся 3-го курса и 20 – обучающиеся 4-го курса.

По социальному составу студенты данных групп являются слышащими и не имеют инвалидности в связи с нарушением слуха. Большинство студентов до поступления на данное направление подготовки не имели опыта общения с людьми с нарушением слуха. Среди опрошенных отсутствовали дети глухих родителей.

Результаты и обсуждение

Данные констатирующего эксперимента были получены от непосредственных субъектов образовательного процесса: преподавателей – через наблюдение и беседу, студентов – через анкетирование. Преподаватели в качестве критериальных показателей сформированности коммуникативной компетенции студентов использовали шкалу «Жестовые языки и общеевропейские компетенции владения иностранным языком – Sign languages and the Common European Framework of Reference for Languages» [15], разработанную в 2016 г. Советом Европы на основе системы уровней владения иностранными языками, принятой в 2001 г.

Результаты педагогического наблюдения в ходе практических занятий по РЖЯ и беседы с преподавателями (5 преподавателей РЖЯ) показали следующее:

– студенты 2-го курса владеют РЖЯ на уровне Basic User (в основном A1, реже A2) – они способны поддержать беседу с преподавателем на пройденные темы, активно применяют изученную лексику, отвечают на вопросы по теме занятия, могут составить монолог с использованием изученных жестов и речевых образцов, однако, восприятие спонтанной речи носителя РЖЯ затруднено;

– студенты 3–4-х курсов демонстрируют коммуникативную компетенцию на уровне Independent User

(B1–B2) – они могут общаться на разнообразные темы, а также осуществлять последовательный и синхронный перевод в среднем темпе под контролем преподавателя с исправлением ошибок и дальнейшей корректировкой перевода того же отрывка текста РЖЯ.

Данные анонимного анкетирования студентов в целом совпадают с результатами наблюдения преподавателей и позволяют получить более детальную информацию о проблемах, которые испытывают сту-

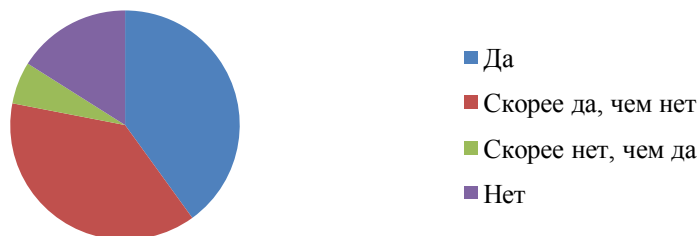

Рис. 1. Лингвистическая компетенция

При ответе на вопросы этого раздела 40% ответивших указали, что они успешно справляются с пониманием и использованием РЖЯ как языковой системы. И почти такое же количество – 38% – отметили, что справляются, хотя иногда испытывают трудности в использовании грамматики РЖЯ и понимании грамматических конструкций, содержащихся в речи носителей. Существующие трудности объясняются в первую очередь пробелами в знаниях системы РЖЯ, которая сегодня недостаточно изучена и описана.

Многие аспекты неизвестны студентам в силу того, что преподаватели-CODA не владеют лингвистическим терминологическим аппаратом и не способны верно объяснить суть того или иного лингвистического явления в РЖЯ так, как это традиционно делают преподаватели-лингвисты. Что касается практической стороны – использования имеющихся знаний, то студентам не хватает практического опыта общения с носителями языка, что препятствует закреплению изученных речевых формул.

Мысль о необходимости постоянного взаимодействия с носителями жестового языка высказывается Д. Квинто-Позосом при описании процесса подготовки переводчиков жестового языка (ЖЯ) в США. По его мнению, предусмотренная учебным планом подготовка ЖЯ в вузе недостаточна для успешной переводческой деятельности. Поскольку ЖЯ по сложности изучения ставится лингвистами в один ряд с китайским и японским языками, человеку в среднем необходимо от 6 до 15 лет для того, чтобы овладеть ЖЯ на профессиональном уровне. Вот почему существенно важными в подготовке переводчиков ЖЯ становятся выбор методов обучения и постоянное взаимодействие с ЛОВЗ по слуху [16. С. 160–161].

Для этой цели преподаватели РЖЯ в НГТУ активно используют информационно-коммуникационные технологии, ролевые игры, организуют обучение с участием носителей языка. Например, записанные студентами видеотексты анализируются глухими по принципу понятно / непонятно, говорят так глухие или не говорят. Также студенты анализируют видео-

денты в процессе формирования коммуникативной компетенции переводчика РЖЯ.

Первый блок анкеты касался непосредственно **языковой компетенции**. Студентов попросили указать, умеют ли они верно (в большинстве ситуаций) использовать грамматические формы и синтаксические конструкции РЖЯ, понимать смысловые речевые отрезки, организованные в соответствии с существующими нормами РЖЯ (рис. 1).

запись с речью носителя языка с точки зрения лексической, грамматической, синтаксической или стилистической организации текста.

Также для методического обеспечения процесса обучения РЖЯ в НГТУ был подготовлен и издан учебник «Введение в лингвистику жестовых языков. Русский жестовый язык» под руководством канд. филол. наук, доцента кафедры филологии С.И. Бурковой, целью которого является «дать представление о лингвистике жестовых языков как о динамично развивающейся науке, ознакомить читателя с ее основными понятиями и терминологией, продемонстрировать разнообразие жестовых языков мира, их специфику по сравнению со звуковыми языками и представить, по возможности полно, имеющиеся на сегодня сведения о русском жестовом языке» [17. С. 10]. Это первое в России столь солидное издание по лингвистике РЖЯ, которое, несомненно, имеет теоретическую и практическую значимость для всех изучающих и преподающих жестовые языки.

Во втором блоке студентам предлагалось ответить, способны ли они выбирать языковые единицы РЖЯ в соответствии с ситуацией коммуникации и коммуникативного намерения собеседника, что характеризует составляющие **социолингвистической компетенции**.

Половина студентов (50%) ответили «да», считая, что они способны в беседе с носителем выбирать лексические единицы, соответствующие ситуации, такие как формулы приветствия, прощания, уместные для данной категории собеседников (друзья, ровесники, взрослые, знакомые или малознакомые люди и т.д.). Многие респонденты всё же испытывают трудности, указывая, что бывает сложно сформулировать высказывание, отвечающее коммуникативному намерению, многие отметили, что справляются с этим не во всех ситуациях (32%), и 18% опрошенных не знают, справляются ли. Многие респонденты всё же испытывают трудности, отмечая, что бывает сложно сформулировать высказывание, отвечающее коммуникативному намерению, многие отметили, что справляются с этим не во всех ситуациях (32%), и 18% опрошенных не знают, справляются ли (рис. 2).

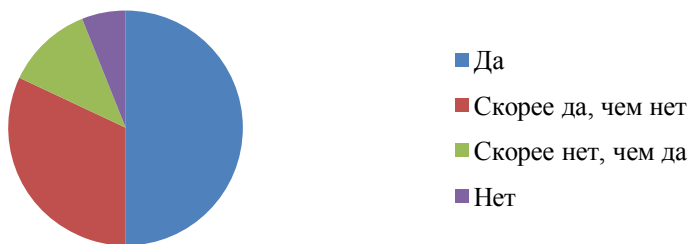

Рис. 2. Социалингвистическая компетенция

Это можно объяснить недостаточными знаниями студентов о субординации в сообществе глухих, а также стилистике РЖЯ и даже выражении лица в различных ситуациях общения.

Мимика очень важна в общении ЛОВЗ по слуху. В процессе общения многое «считывается» с лица. Однако слышащие и говорящие на ЖЯ, согласно исследованию Н.Е. Голдштейн, Дж. Секстона и Р. Фельдмана, отличаются в способности воспринять и выразить эмоции с помощью лица: например, слышащие люди легче понимают выражение добра, привязанности, тогда как носители ЖЯ легко «расшифровывают» и передают выражение отвращения, брезгливости и раздражения. По мнению ученых, именно выражение отвращения чаще всего передается мимикой носителей ЖЯ [18]. Учет таких особенностей невербальной коммуникации необходим в подготовке будущих переводчиков. Постоянное

наблюдение за мимикой преподавателей, переводчиков и носителей жестового языка в реальных ситуациях общения, её «расшифровывание» и копирование в практике коммуникации, как в учебной аудитории, так и за её пределами, способствуют развитию социалингвистической компетенции будущего переводчика РЖЯ.

Третий блок касался **дискурсивной компетенции**, т.е. умения регулировать своё речевое поведение и выбирать языковые единицы в беседе с носителем РЖЯ в зависимости от ситуации общения, коммуникативной задачи и коммуникативного намерения. Данная компетенция имеет сходство с социалингвистической, однако в её развитии акцент делается на собственном коммуникативном намерении обучающегося и построении текста высказывания, а не только на умении понять коммуникативное намерение собеседника (рис. 3).

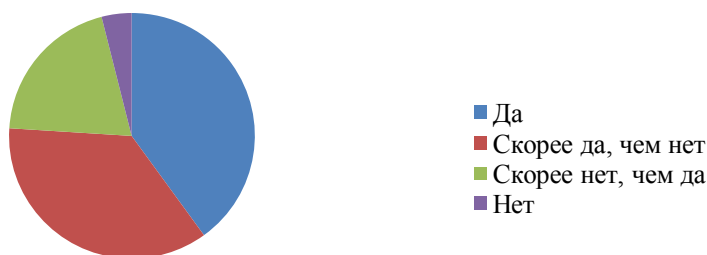

Рис. 3. Дискурсивная компетенция

По результатам опроса – 40% студентов ответили «да» и 36% – «скорее да, чем нет», – можно сделать вывод, что большинство из них полагают, что они способны верно излагать свои мысли в беседе с носителем РЖЯ и умеют донести их до собеседника, чтобы он понял и верно на них отреагировал, однако 20% ответов «не знаю» и 4% – «нет» свидетельствуют о том, что четвертая часть обучающихся не имеет достаточно развитых продуктивных навыков общения и испытывает сложности в применении имеющихся знаний на практике с учетом различий социального и прагматического контекста общения и целей коммуникации.

Для формирования дискурсивной компетенции преподаватели стараются как можно больше задействовать в процессе обучения носителей языка начиная с первых дней изучения РЖЯ, а на более продвинутом этапе к обучению переводчиков подключаются глухие преподаватели РЖЯ. Таким образом, студенты

имеют возможность работать носителями языка на регулярной основе.

Четвертый раздел анкеты относился к **социокультурному компоненту** коммуникативной компетенции. Студенты отвечали на вопросы о знании культурных особенностей сообщества глухих и умении выделять общее и специфическое в культуре носителей этого языка (рис. 4).

Знания о культуре взаимодействующих языков и межкультурных отличий людей, говорящих на этих языках, очень важны для переводчика любого языка, потому что люди, говорящие на разных языках, воспринимают и видят мир по-своему. Поэтому нельзя не согласиться с мнением О.А. Обдаловой и О.В. Одеговой, рекомендующих ориентировать процесс обучения иностранному языку на «раскрытие особенностей проявления национальной специфики в речевой и коммуникативной деятельности» через различные способы «вовлечения обучающихся в активную дея-

тельность по изучению особенностей коммуникативного поведения носителей родной и инофонной куль-

тур и овладению опытом межкультурной коммуникации» [19. С. 76].

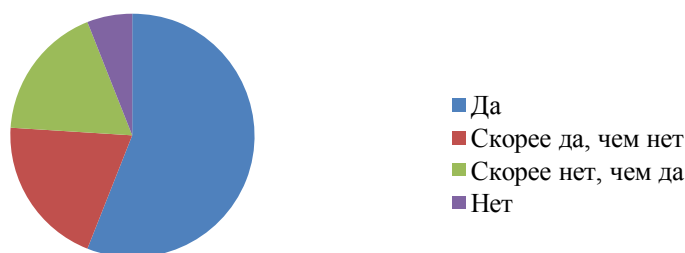

Рис. 4. Социокультурная компетенция

Что касается специфики деятельности переводчиков жестового языка в контексте взаимодействия культур, то А. Купер и Т. Нгуен утверждают, что переводчики обязательно должны быть задействованы в лингвистически обусловленном культурном и политическом переговорном процессе, и что «адекватность перевода с жестового языка на звучащий с учетом коммуникативных намерений носителя жестового языка в значительной степени зависит от того, насколько концептуально и идеологически взгляды переводчика совпадают со взглядами глухого автора исходного сообщения» [20. С. 121].

То, почему большой процент студентов (56%) положительно ответили на вопрос «да» и 20% – «скорее да, чем нет», можно объяснить тем, что в процессе обучения они активно знакомятся с основами культуры глухих:

- историей возникновения сообщества; биографиями выдающихся личностей, внесших вклад в развитие сообщества глухих в России;
- историей становления переводческой профессии;
- историей возникновения и развития Всероссийского общества глухих (ВОГ);

– видами спорта и видами искусства, которыми занимаются глухие;

– основными особенностями коммуникации (зрительный контакт, способы привлечения внимания) и т.п.

Студенты участвуют в мероприятиях регионального и международного уровня – конференциях и семинарах, в том числе и с приглашением представителей зарубежного академического сообщества как слышащих, так и с нарушениями слуха. НГТУ поддерживает контакты с университетами, занимающимися обучением людей с ограниченными возможностями здоровья по слуху, из Франции, США, Германии, Италии и Норвегии.

Четверть респондентов, ответивших отрицательно, представляют студенты 2-го курса, которые ещё не успели погрузиться в культуру глухих.

Социальной компетенции был посвящен пятый блок анкеты, целью которого было получить ответ на вопрос о желании и готовности будущих переводчиков РЖЯ к взаимодействию с другими людьми, умение управлять ситуацией (рис. 5).

Рис. 5. Социальная компетенция

Для развития коммуникативной компетенции умение использовать знания о культуре изучаемого языка на практике имеет не меньшее значение, чем само знание. Неслучайно А.В. Соболева и О.А. Обдалова акцентируют внимание на том, что эффективность межкультурного взаимодействия зависит от умения вступающих в коммуникацию людей понимать и анализировать отличительные особенности иной культуры. Для этого, по их мнению, требуются такие качества личности, как толерантное отношение и уважение к иным взглядам на жизнь, нормам поведения и культурным традициям, а также умение рефлексировать над различием образов сознания двух взаимодействующих культур [21. С. 148].

Ответы на данный раздел анкеты показали, что, с одной стороны, студенты чувствуют готовность к работе в профессии типа «человек–человек» (38% – «да» и 30% – «скорее да, чем нет»), с другой стороны, они осознают сложности, обусловленные как внутренними (личностными), так и внешними факторами. Некоторым студентам, изучающим РЖЯ, как и любой другой иностранный язык, трудно справляться с культурным шоком, когда студент теряет, не зная некоторых норм новой культуры, и не чувствует уверенности, будут ли уместны в конкретной ситуации стратегии поведения, кажущиеся привычными и естественными для него. При этом несколько настаивает то, что треть студентов (22% – «скорее нет, чем

да» и 10% – «нет») отметили полную или частичную неготовность к взаимодействию с людьми. Ведь профессия переводчика, тем более переводчика РЖЯ, предполагает постоянный контакт с людьми. Возможно, работа с ЛОВЗ по слуху оказалась для ответивших отрицательно фактором, сдерживающим готовность к взаимодействию с представителями другой культуры.

Нередко начинающие переводчики чувствуют неловкость, когда глухой человек недоволен их действиями (непонятный перевод, требование высказать своё мнение, помочь). Начинающие переводчики в данном случае не всегда могут выработать оптимальный для взаимодействующих сторон алгоритм действий по управлению ситуацией, под которым понимается умение продуктивно разрешать конфликты и возникающее недопонимание.

Для развития данной компетенции преподаватели максимально задействуют студентов в жизни представителей глухого сообщества города. С этой целью проводятся занятия-экскурсии, погружение в языковую и культурную среду глухих. Студенты принимают участие в культурных, спортивных и общественных мероприятиях, выполняют волонтерские функции. Например, студенты участвовали в синхронном переводе на РЖЯ спектакля по пьесе А.П. Чехова

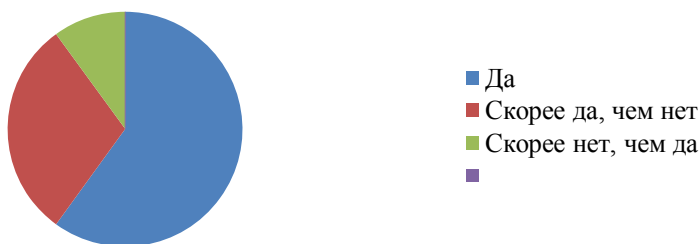

Рис. 6. Стратегическая компетенция

На данный вопрос не было получено ни одного категорически отрицательного ответа. Мы видим, 10% ответивших «скорее нет, чем да» затрудняются найти выход из ситуации «сбой» коммуникации вследствие незнания каких-либо языковых явлений. Возможно, им нужно больше практиковаться с носителями языка для преодоления языкового барьера. При этом большинство студентов в развернутых ответах указали различные стратегии, которые они применяют в общении с носителями: дактилирование (использование пальцевой азбуки), переформулирование, повторный вопрос, просьба повторить или выразить мысль иначе, что вполне согласуется с определением стратегической компетенции, данным Т.И. Тимофеевой, которая рассматривает её как «интегративный феномен, отражающий способность личности на основе полученных знаний и умений адекватно использовать освоенный репертуар стратегий» [24. С. 22].

С целью понимания причин коммуникативных неудач, случающихся в практике взаимодействия студентов с представителями глухого сообщества, студентам предложили дать рефлексивную оценку их коммуникативной деятельности на РЖЯ. В качестве отправной точки рефлексии студентов познакомили с

«Каштанка», поставленного на сцене Новосибирского молодежного театра «Глобус». О подобной практике и её значимости при подготовке переводчиков ЖЯ пишут К. Мониковски и Р. Петерсон, утверждая, что обучение жестовому языку и переводу в практике реальных ситуаций на службе у глухого сообщества способствует его лучшему усвоению. Такой подход они называют Service Learning, что переводится как «практическое обучение с элементами общественной деятельности» или «обучение методом социальных проектов». Именно этот подход позволяет не только сочетать обучение с активной рефлексией на отношения между сообществом и самим студентом, но и служить средством вхождения студента в мир глухих [22. С. 174–175].

Шестая в анкетном списке компетенций – **стратегическая** – определялась через выяснение того, обладают ли студенты умением компенсировать недостаток лингвистических знаний, найти выход из ситуации, если высказывание собеседника непонятно или недостаточно языковых средств, чтобы выразить тот или иной смысл. Стратегическая компетенция формируется на основе когнитивных стратегий, которые побуждают обучающегося использовать осознанные и адекватные действия в процессе речемыслительной деятельности на основе своего лингвистического и личностного опыта [23. С. 293].

наиболее распространенными причинами коммуникативных неудач и определением, предложенным С.Е. Поляковой, рассматривающей это понятие как сбой в общении, при котором определенные фрагменты дискурса не выполняют своего предназначения в силу несовпадения ожидаемого и действительного эффекта речевого высказывания, что может быть обусловлено различиями говорящих в их культурном и психологическом отношении к действительности [25. С. 91].

В качестве основной причины студенты указали недостаток знания культуры глухих, так как практически для всех обучающихся на момент поступления в университет она была совершенно неизвестной. Это согласуется с мнением С.Е. Поляковой, утверждающей, что «культурный барьер <...> опаснее и труднее языкового, потому что он неосознаваем до момента столкновения, конфликта, войны культур и нарушение культурных норм воспринимается гораздо более болезненно, чем языковые промахи» [25. С. 89]. Некоторые студенты, особенно студенты 2-го курса, сообщили, что иногда испытывают чувство страха при общении с инвалидами, поскольку ограничение здоровья по слуху у людей довольно часто сопровождается нарушениями

ми физического и психологического здоровья по другим нозологическим группам. Эти страх и культурное разобщение объясняются исторически сложившимся отношением к людям с инвалидностью в России. Лишь в последнее десятилетие у нас в стране стали решать проблему инклюзии и создания доступной среды для ЛОВЗ.

У студентов старших курсов коммуникативные неудачи объясняются главным образом недостатком языковых средств, обусловленным недостаточным прилежанием – невыполненными заданиями и пропущенными занятиями, что приводит к тому, что какой-то важный для коммуникации по теме материал оказывается неувоенным.

Выводы

Таким образом, проведенное исследование о сформированности компонентов коммуникативной компетенции у будущих переводчиков русского жестового языка, проведенное в Новосибирском государственном техническом университете, позволяет сделать следующие выводы:

– формирование коммуникативной компетенции осуществляется с учетом мирового и отечественного опыта обучения жестовым языкам и критериев, разработанных специалистами Совета Европы;

– в оценке сформированности компонентов коммуникативной компетенции студентов, данной преподавателями и самими обучающимися, нет противоречий;

– коммуникативные неудачи, случающиеся при общении студентов с представителями глухого сообщества, объясняются причинами как психологического, так и социокультурного характера, и преподаватели предпринимают меры для их преодоления в процессе обучения.

Что касается процесса подготовки переводчиков РЖЯ в НГТУ, то он постоянно совершенствуется через активные формы обучения, задействование в преподавании носителей языка, участие в жизни глухого сообщества г. Новосибирска, подготовку и защиту диссертаций, создание учебников и учебно-методических пособий, обмен опытом с российскими и зарубежными стратегическими партнерами университета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 30.12.2012 № 296-ФЗ «О внесении изменений в статьи 14 и 19 Федерального закона О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»
2. Зикратов В.В. О подготовке сотрудников органов внутренних дел к овладению русским жестовым языком // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы международной научно-практической конференции. Барнаул, 2016. № 16-2. С. 213–214
3. Королькова О.О. Изучение функциональной стороны русского жестового языка (к постановке проблемы) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. Т. 15, № 3. С. 67–75.
4. Востров И.М., Камнева В.П., Ромашкина В.Э. От языка улицы до художественного жестового языка // Художественное образование и наука. 2015. № 1. С. 50–55.
5. Минаева Е.С. Формирование готовности переводчиков русского жестового языка к профессиональной деятельности = Formation the Readiness of Russian sign Language Translators for Professional Activities // Сибирский учитель. 2019. № 5 (126). С. 63–68.
6. Никитина Е.О. Значение жестового языка в деятельности полиции // Наука и школа. 2016. № 3. С. 34–37.
7. Полонская О.Ю. К вопросу развития методики преподавания языка жестов сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации // Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные траектории : сб. материалов 23-й всерос. науч.-метод. конф. Иркутск, 2018. С. 317–320.
8. Рукавишников О.И., Рукавишников О.С. Актуальность преподавания языка жестов в подготовке сотрудников органов внутренних дел, курсантов и слушателей системы МВД России к служебной деятельности // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 1 (74). С. 65–67.
9. Харламенков А.Е. Создание «Электронной справочно-аналитической системы “Русско-жестовый толковый словарь”» // Научные труды Института непрерывного профессионального образования. 2016. № 7. С. 97–186.
10. Малиновская Т.Н., Менщикова Г.А. Проблемы преподавания русского жестового языка в БЮИ МВД России // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. Барнаул, 2020. № 20-2. С. 113–115.
11. Рукавишников О.И., Рукавишников О.С. Особенности методик обучения русскому жестовому языку и дактилологии в образовательных организациях России // Интеграционные процессы в системе начального и дошкольного образования: проблемы воспитания и обучения: материалы междунар. науч.-практ. конф. Хабаровск, 2019. С. 141–146.
12. Колесникова И.Л., Долгина О.А. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков. СПб. : Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ»; Cambridge University Press, 2001. 224 с.
13. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. М. : Академия, 2006. 336 с.
14. Емельянова Я.Б. К вопросу о модели коммуникативной компетенции переводчика // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2013. № 3. С. 61–73.
15. Sign languages and the Common European Framework of Reference for Languages. URL: <https://www.ecml.at/Portals/1/mtp4/prosign/documents/Common-Reference-Level-Descriptors-EN.pdf> (дата обращения: 19.03.2020).
16. Quinto-Pozos D. Factor that Influence the Acquisition of ASL for Interpreting Students // Marschak M. et al. (eds). Sign Language Interpreting and Interpreter Education: Directions for Research and Practice (Perspectives on Deafness). 1st Edition. Oxford : Oxford University Press. 2005. P. 159–187.
17. Введение в лингвистику жестовых языков. Русский жестовый язык : учебник / ред. С.И. Буркова, В.И. Киммельман. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2019. 356 с.
18. Goldstein N.E., Sexton J., Feldman R. Encoding of Facial Expressions of Emotion and Knowledge of American Sign Language // Journal of Applied Social Psychology. 2000. № 30 (1). P. 67–76.
19. Обдалова О.А., Одегова О.В. Межкультурная и межкузыковая коммуникация как новая реальность в контексте глобализации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 70–81. DOI: 10.17223/1998863X/44/7
20. Cooper A.C., Nguyễn T.T.T. Signed Language Community-Researcher Collaboration in Việt Nam: Challenging Language Ideologies, Creating Social Change // Journal of Linguistic Anthropology. 2015. Vol. 25, Is. 2. P. 105–128. DOI: 10.1111/jola.12081
21. Обдалова О.А., Колосова А.В. Когнитивная готовность к межкультурному общению как необходимый компонент межкультурной коммуникации // Язык и культура. 2015. № 1 (29). С. 146–155.
22. Monikowski C., Peterson R. “Service Learning in Interpreting Education: Living and Learning” // Marschak M. et al. (eds). Sign Language Interpreting and Interpreter Education: Directions for Research and Practice (Perspectives on Deafness). 1st Ed. Oxford : Oxford University Press, 2005. P. 188–207

23. Обдалова О.А. Когнитивно-дискурсивная технология в обучении иноязычной межкультурной коммуникации // Язык и культура. 2018. № 44. С. 279–305. DOI: 10.17223/19996195/44/18
24. Тимофеева Т.И. Формирование коммуникативной компетенции студентов в коммуникативной деятельности в процессе обучения иностранному языку. Ульяновск : УлГТУ, 2011. 136 с.
25. Полякова С.Е. Понятие и причины возникновения коммуникативных неудач // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 7, № 1. С. 83–92.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 6 июня 2020 г.

Communicative Competence as a Key Competence for Future Interpreters of the Russian Sign Language

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 463, 170–178.

DOI: 10.17223/15617793/463/22

Elena A. Melekhina, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: melekhina@corp.nstu.ru

Kseniya V. Pristavko, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: pristavko-ksuna.15@yandex.ru

Keywords: communicative competence; Russian sign language (RSL); interpreters' training; communication; cross-cultural interaction.

In the article, the problem of training interpreters of the Russian sign language (RSL) is considered. The problem is important for the social support service. The need for RSL interpreters became greater than ever before, as Federal Law 296-FZ (adopted in 2012) treats RSL as an official language for people with hearing disabilities in Russia and requires to provide interpreting services for deaf citizens in all governmental institutions and administration offices. To meet this need, Novosibirsk State Technical University (NSTU) started a new bachelor's degree program – Interpreter of the English Language and the Russian Sign Language – in 2013. It was the second program in the country after Moscow State Linguistic University. That became possible due to the fact that NSTU incorporates the Institute of Social Technologies and Rehabilitation with the Laboratory of RSL Interpreting. As far as communicative competence (CC) is considered to be one of the key interpreter's competences, the aim of this research was to explore how students evaluated their own level of CC development and if their opinion coincided with the teachers' opinion. The participants were 50 students majoring in Linguistics, the Interpreter of the English Language and the Russian Sign Language program, and five RSL teachers. The participants were supposed to answer a questionnaire containing five sections of questions specifying the six components of communicative competence: linguistic, sociolinguistic, discursive, sociocultural, social, and strategic. The findings indicate the positive dynamics of the competence development starting from level A1 at the beginning of studying RSL to demonstrating the level of an independent user (B1–B2) when graduating from the program. That became possible due to the close cooperation of NSTU with the Deaf Community of Novosibirsk. Students are actively involved into different Community's events as volunteers and as a part of the interpreter's field practice. The deaf members of the Community take part in educating students both as RSL teachers and as experts assessing the success and failures of students' interactions with people with hearing disabilities. In spite of the fact that the majority of the students highly evaluated their CC level, the survey revealed some psychological and pedagogical problems. The students reported about occasional communicative failures such as psychological barriers or fears of interacting with the disabled. Sometimes they do not have enough linguistic means to express themselves. That is why the RSL teachers see the prospects of the program development in the formation of interpreters' readiness to effectively fulfill professional duties, in the development of a specific methodology of teaching RSL interpreters, in the designing of materials and writing of textbooks and teaching manuals as well as in their own professional development.

REFERENCES

1. Consultant.ru. (2012) *Federal Law No. 296-FZ of December 30, 2012, "On Amendments to Articles 14 and 19 of the Federal Law on Social Protection of Disabled Persons in the Russian Federation"*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140087/. (In Russian).
2. Zikratov, V.V. (2016) O podgotovke sotrudnikov organov vnutrennikh del k ovladeniyu russkim zhestovym yazykom [On the preparation of employees of internal affairs bodies for mastering the Russian sign language]. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami*. 16-2. pp. 213–214
3. Korol'kova, O.O. (2017) Functional Aspect of the Russian Sign Language: Defining a Research Approach. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 15 (3). pp. 67–75. (In Russian). DOI: 10.25205/1818-7935-2017-15-3-67-75
4. Vostrov, I.M., Kamneva, V.P. & Romashkina, V.E. (2015) Ot yazyka ulitsy do khudozhestvennogo zhestovogo yazyka [From street language to literary sign language]. *Khudozhestvennoe obrazovanie i nauka*. 1. pp. 50–55.
5. Minaeva, E.S. (2019) Formation of the Readiness of Russian Sign Language Translators for Professional Activities. *Sibirskiy uchitel' – Siberian Teacher*. 5 (126). pp. 63–68. (In Russian).
6. Nikitina, E.O. (2016) Znachenie zhestovogo yazyka v deyatelnosti politzii [The value of sign language in police activities]. *Nauka i shkola*. 3. pp. 34–37.
7. Polonskaya, O.Yu. (2018) [On the development of the methodology for teaching sign language to employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation]. *Podgotovka kadrov dlya silovyykh struktur: sovremennye napravleniya i obrazovatel'nye traektorii* [Training staff for power structures: modern trends and educational trajectories]. Conference Proceedings. Irkutsk. pp. 317–320.
8. Rukavishnikova, O.I. & Rukavishnikov, O.S. (2019) The Relevance of Teaching Sign Language in Training of the Employees of Internal Affairs Bodies, Cadets and Listeners of the Russian Ministry of Internal Affairs for Official Activities. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – World of Science, Culture, Education*. 1 (74). pp. 65–67. (In Russian).
9. Kharlamenkov, A.E. (2016) Sozdanie Elektronnoy spravочно-analiticheskoy sistemy "Russko-zhestovyy tolkovyy slovar'" [Creation of the Russian-Sign Explanatory Dictionary Electronic Reference and Analytical System]. *Nauchnye trudy Instituta nepreryvnogo professional'nogo obrazovaniya*. 7. pp. 97–186.
10. Malinovskaya, T.N. & Menshchikova, G.A. (2020) Problemy prepodavaniya russkogo zhestovogo yazyka v BYul MVD Rossii [Problems of teaching the Russian sign language at Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami*. 20-2. pp. 113–115.
11. Rukavishnikova, O.I. & Rukavishnikov, O.S. (2019) [Features of the Russian sign language and dactylology teaching methods in educational organizations of Russia]. *Integratsionnye protsessy v sisteme nachal'nogo i doshkol'nogo obrazovaniya: problemy vospitaniya i obucheniya*

- [Integration processes in the system of primary and preschool education: problems of education and training]. Proceedings of the International Conference. Khabarovsk: Pacific National University. pp. 141–146. (In Russian).
12. Kolesnikova, I.L. & Dolgina, O.A. (2001) *Anglo-russkiy terminologicheskiy spravochnik po metodike prepodavaniya inostrannykh yazykov* [English-Russian terminological reference book on the methodology of teaching foreign languages]. St. Petersburg: Russko-Baltiyskiy informatsionnyy tsentr “BLITs”; Cambridge University Press.
 13. Gal'skova, N.D. & Gez, N.I. (2006) *Teoriya obucheniya inostrannym yazykam. Lingvodidaktika i metodika* [Theory of teaching foreign languages. Linguodidactics and methodology]. Moscow: Akademiya.
 14. Emel'yanova, Ya.B. (2013) To the Question of Translator's Communicative Competence Model. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*. 3. pp. 61–73. (In Russian).
 15. Leeson, L. et al. (2015) *Sign languages and the Common European Framework of Reference for Languages*. [Online] Available from: <https://www.ecml.at/Portals/1/mtp4/pro-sign/documents/Common-Reference-Level-Descriptors-EN.pdf> (Accessed: 19.03.2020).
 16. Quinto-Pozos, D. (2005) Factor that Influence the Acquisition of ASL for Interpreting Students. In: Marschak, M. et al. (eds) *Sign Language Interpreting and Interpreter Education: Directions for Research and Practice (Perspectives on Deafness)*. 1st Edition. Oxford: Oxford University Press. pp. 159–187.
 17. Burkova, S.I. & Kimmel'man, V.I. (eds) (2019) *Vvedenie v lingvistiku zhestovykh yazykov. Russkiy zhestovyy yazyk: uchebnyy* [Introduction to the linguistics of sign languages. The Russian sign language: textbook]. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University.
 18. Goldstein, N.E., Sexton, J. & Feldman, R. (2000) Encoding of Facial Expressions of Emotion and Knowledge of American Sign Language. *Journal of Applied Social Psychology*. 30 (1). pp. 67–76.
 19. Obdalova, O.A. & Odegova, O.V. (2018) Intercultural and interlingual communication as a new reality in the context of globalization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 44. pp. 70–81. DOI: 10.17223/1998863Kh/44/7
 20. Cooper, A.C. & Nguyễn, T.T.T. (2015) Signed Language Community-Researcher Collaboration in Việt Nam: Challenging Language Ideologies, Creating Social Change. *Journal of Linguistic Anthropology*. 25 (2). pp. 105–128. DOI: 10.1111/jola.12081
 21. Obdalova, O.A. & Soboleva, A.V. (2015) Cognitive readiness for intercultural communication as an essential component of intercultural competence. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 1 (29). pp. 146–155. (In Russian). DOI 10.17223/19996195/29/16
 22. Monikowski, C. & Peterson, R. (2005) “Service Learning in Interpreting Education: Living and Learning”. In: Marschak, M. et al. (eds) *Sign Language Interpreting and Interpreter Education: Directions for Research and Practice (Perspectives on Deafness)*. 1st ed. Oxford: Oxford University Press. pp. 188–207
 23. Obdalova, O.A. (2018) Cognitive-Discursive Technology in Teaching Foreign Language Intercultural Communication. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 44. pp. 279–305. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/44/18
 24. Timofeeva, T.I. (2011) *Formirovaniye kommunikativnoy kompetentsii studentov v kommunikativnoy deyatel'nosti v protsesse obucheniya inostrannomu yazyku* [Formation of communicative competence of students via communicative activities in teaching a foreign language]. Ulyanovsk: Ulyanovsk State Technical University.
 25. Polyakova, S.E. (2012) The concept and causes of communication failures. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina – Bulletin of Leningrad State University named after A.S. Pushkin*. 7 (1). pp. 83–92. (In Russian).

Received: 06 June 2020

Л.П. Тарнаева, Г.А. Баева, Т.В. Грецкая

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕОРИИ ВНУТРЕННЕЙ ВАЛЕНТНОСТИ СЛОВА В ОБУЧЕНИИ БЕСПЕРЕВОДНОЙ СЕМАТИЗАЦИИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ МЕДИЦИНСКОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

На основе лингводидактической интерпретации теории внутренней валентности слова разработана методическая технология, нацеленная на формирование умений беспереводной семантизации терминологической лексики как необходимой составляющей иноязычной терминологической компетенции студентов медицинских специальностей. Доказывается, что рост уровня умений анализа внутренней валентности слова способствует положительной динамике в развитии умений беспереводной семантизации терминологической лексики.

Ключевые слова: лингводидактический потенциал; терминологическая лексика; медицинский дискурс; беспереводная семантизация; внутренняя валентность; терминологическая компетенция.

Введение

В свете тенденций развития современного общества растет потребность в специалистах различных направлений, способных к участию в межкультурной профессиональной коммуникации на иностранном языке. Быстрый рост научных знаний, появление новых высокотехнологичных отраслей ведет к стремительному развитию терминологических систем практически во всех разновидностях профессионального дискурса. В этом плане иллюстративным примером является эволюция медицинской терминологии. Появление новых болезней, разработка средств и методов их диагностики, развитие традиционных и нетрадиционных методов лечения, возникновение новых направлений в медицине, быстрый рост фармакологической индустрии – все это вызывает как образование новых наименований, так и приращение дополнительных значений в уже существующих терминологических единицах. Эти тенденции создают потребность в разработке эффективных моделей формирования у студентов медицинских специальностей способности оперировать понятиями, специфическими для определенной области профессиональной деятельности.

В современных условиях владение билингвальным терминологическим аппаратом является необходимой составляющей квалификационных характеристик врачей, поскольку в своей повседневной работе, не говоря уже о перспективах научной деятельности, они постоянно сталкиваются с необходимостью обращаться к медицинской литературе на иностранных языках – это могут быть инструкции по применению лекарственных средств, практические руководства по наблюдению и ведению пациентов с различными группами заболеваний, протоколы и отчеты о результатах клинических исследований в случае участия в международных проектах и т.д. Кроме того, нарастают тенденции профессиональной мобильности врачей, когда владение иностранным языком становится необходимым для общения с коллегами в рамках межкультурной профессиональной коммуникации. В этих условиях одной из значимых квалификационных характеристик специалиста является владение иноязычной терминологической компетенцией, которая

проявляется в способности специалиста оперировать терминологическим тезаурусом в ситуациях межкультурного профессионального общения на иностранном языке. Важной составляющей терминологической компетенции специалиста являются умения беспереводной семантизации специальной лексики, играющие важную роль в восприятии и продуцировании иноязычных речевых высказываний, составляющих пространство профессионально ориентированного дискурса. Тем не менее, несмотря на ряд исследований по обучению иноязычной медицинской терминологии, проблема формирования умений беспереводной семантизации терминологической лексики при обучении профессионально ориентированному дискурсу не нашла в лингводидактических исследованиях должного освещения, что позволяет говорить об актуальности задач, решаемых в рамках данного исследования.

Целью настоящей работы является разработка технологии обучения, направленной на формирование у студентов умений беспереводной семантизации терминологической лексики как необходимого условия развития терминологической компетенции при обучении медицинскому дискурсу. Теоретической базой для разработки представленной в исследовании обучающей технологии стали ключевые положения теории внутренней валентности слова, рассмотренные с лингводидактических позиций.

Теория внутренней валентности слова в свете проблем обучения терминологической лексике

Целесообразность рассмотрения теории внутренней валентности слова в прикладном лингводидактическом аспекте видится прежде всего в том, что валентность, как отмечает Г.Я. Солганик, имеет особую значимость для познания механизма функционирования языка [1], поскольку позволяет объяснить многие структурно-семантические связи слов и / или их составляющих.

Понятие «валентность», введенное в терминологический инструментарий отечественного языкознания С.Д. Кацнельсоном еще в 1948 г., первоначально рассматривалось как «подразумеваемое значение слова или имплицитно содержащееся в нем

указание на необходимость восполнения его словами определенных типов в предложении» [2. С. 21]. В дальнейшем валентность стала рассматриваться в более широком плане как способность не только слова, но и его элементов входить в сочетание друг с другом или с определенным набором словообразовательных аффиксов. Соответственно, формируется представление о внешней и внутренней валентности [3]. Если внешняя валентность понимается как возможность слова вступать в определенные связи с другими словами в предложении, то внутренняя валентность представлена своего рода «внутренним синтаксисом слова» [4] и определяется как избирательная способность основ слова иметь определенное число открытых позиций, которые заполняются (могут или должны заполняться) другими элементами [5].

Со временем теория внутренней валентности слова находит широкое освещение в целом ряде работ отечественных и зарубежных исследователей [5–10 и др.]. Выделяется формально-морфологический (структурный) и семантический типы внутренней валентности слова. Формально-морфологическая валентность рассматривается как способность основ или словообразовательных аффиксов соединяться с основами определенных частей речи. Семантический тип внутренней валентности проявляется в закономерностях семантической сочетаемости лексических основ друг с другом или с аффиксами при наличии у них коррелирующих сем. Это означает, что каждая семантико-понятийная категория представлена определенным семантическим классом производящих основ, которые сочетаются с определенными аффиксами [5–10 и др.].

В последние годы появился ряд работ по медицинской терминологии, анализ которых позволяет сказать, что они прямо или косвенно вносят существенный вклад в развитие теории внутренней валентности слова. В этих исследованиях медицинская терминология освещается в основном в трех аспектах: с позиций лингвистического анализа [11–16]; в контексте проблем перевода [17, 18]; в лингводидактическом плане [19–21].

Рассматривая структурный аспект внутренней валентности слова, исследователи в качестве наиболее частотных моделей терминообразования в немецкоязычном медицинском дискурсе выделяют следующие: сущ. 1 + сущ. 2 (*der Gefäßbahn*); сущ. 1 + сущ. 2 + сущ. 3 (*die Brustwirbelsäule*); сущ. 1 + (e)n + сущ. 2 (*die Gallenblase*); сущ. 1 + -s- + сущ. 2 (*der Nahrungsmangel*); прил. + сущ. (*der Dünndarm*); наречие + сущ. (*der Oberschenkel*); глагол + (-e-) + сущ. (*die Bindegewebe*) [20].

Отмечается, что наиболее продуктивным способом образования немецких медицинских терминов является суффиксация. Среди частотных суффиксов, участвующих в образовании медицинских терминов, исследователи выделяют как **исконно немецкие** (*die Blutung; die Krankheit; die Schwerhörigkeit; die Schwangerschaft; die Schwäche*), так и **заимствованные** (*die Letalität; die Operation; die Diagnostik; die Therapie; die Mixtur*) [11, 20].

Наряду с суффиксацией признается активная терминообразующая роль префиксов. При этом отмечается, что большая часть префиксов имеет исконно немецкое происхождение: (*abklopfen; ausatmen; betäuben; einimpfen; sich erkälten; das Übergewicht; unblutig; zunehmen*). Наряду с исконно немецкими префиксами в терминообразовании отмечены также заимствованные префиксы греко-латинского происхождения, которые по большей части являются интернациональными: *hypo-, hyper-, dys-* (*die Hypogalaktie / гиногалактия, die Hyperämie / гиперемия, die Dystrophie / дистрофия*) [15, 11 и др.].

В качестве терминообразующих формантов выступают также полуаффиксы (аффиксоиды) – корневые морфемы греко-латинского происхождения, выступающие в роли приставки или суффикса (*Endokarditis, myocardium, Zytologie, u др.*) [11, 15 и др.].

Важной характеристикой внутренней валентности слова является избирательность аффиксов. В частности, исследователи обращают внимание на преимущественную сочетаемость суффиксов *-ung; -nis; -tum; -ei, -erei, -lei* – с глагольной основой, *-schaft* – с субстантивной, *-e; -heit, -keit, -igkeit* – с адъективной. При этом ряд аффиксов имеет резко ограниченную валентность. Например, суффикс *-tion* сочетается со связанными производными глагольными основами; суффикс *-keit* – с основами прилагательных, которые оканчиваются на суффиксы *-ig, -lich, -sam, -bar*. Сочетаемость аффиксов *-chen, -lein, un-* ограничена только субстантивными основами [18, 22].

В обучении беспереводной семантизации терминологем медицинского дискурса значительный интерес представляет генетический (этимологический) аспект внутренней валентности слова. Известно, что медицинская терминология во многом формировалась под влиянием греческого и латинского языков. Так, отмечается, что среди терминов в области анатомии латинские заимствования составляют 80%; в наименованиях болезней около 20% представлены единицами греческого происхождения [14]. В одних случаях греческие и латинские элементы соединяются в греко-латинские гибридные словообразования, в других – адаптируются в соответствии со словообразовательными моделями принимающего языка, в третьих – переводятся (*haemoglobin* → *греч. Haima u lat. Globus; arteriae coronariae* → *Koronararterien; Ulcus ventriculi* → *Magengeschwür*) [13, 18].

Важно учесть тот факт, что в настоящее время, как подчеркивает ряд авторов, источником новых терминов чаще всего является английский язык. Во многих случаях материалом для создания новых терминов в медицинской терминологии становятся общеупотребительные слова английского языка или их элементы (*bypass operation, screening, base excess, scanning* и др.). В целом ряде случаев английские термины, заимствованные немецкой медицинской терминосистемой, не имеют немецкоязычных эквивалентов, например, *Compliance, Face lifting, Intent-to-treat, Surfactant* или *Restless-Legs-Syndrome, Acute Respiratory Distress Syndrome* и др. Часть английских аббревиатур была заимствована терминологией других языков в своей «первозданной» форме и настолько прочно вошла в оби-

ход, что в непрофессиональной сфере многие уже не помнят их полную форму (*AIDS / СПИД, HIV / вирус иммунодефицита, IBS / синдром раздражённого кишечника* и др.) [12, 15, 18].

Для обучения беспереводной семантизации терминологии медицинского дискурса особое значение имеет семантический аспект внутренней валентности. При этом важно учесть, что анализ семантических взаимосвязей компонентов термина связан с рассмотрением его отношений с общеупотребительным словом. Причину частого перехода общеупотребительной лексики в разряд медицинской терминологии исследователи видят в таком социальном факторе, как постоянное взаимодействие представителей медицинского сообщества с людьми других социальных групп, когда в общении в основном востребована общеупотребительная лексика [23].

Осознание связи термина и общеупотребительного слова является важной предпосылкой понимания путей реализации значения терминологической единицы в контексте. В исследованиях отмечается, что процесс терминологизации и детерминологизации происходит постоянно. Граница между терминологической и общеупотребительной лексикой нестабильна и имеет функциональный характер [24, 25]. Терминологизация общеупотребительного слова достигается в результате семантической транспозиции общеупотребительного слова, проявляющейся в том, что номинальное значение слова, выводимое из значения его морфемных компонентов в соответствии со стандартными правилами семантической комбинаторики, не совпадает с реальным значением, в котором данная единица употребляется в речи. В таких случаях происходит частичное или полное переосмысление номинального значения языковой единицы [26]. Семантическая транспозиция чаще всего проявляется в метафорическом или метонимическом переосмыслении лексического значения единицы, выступающей мотивирующей основой производного термина. При этом мотивированность, понимаемая как свойство слова «отражать своей морфологической структурой структуру содержательную» [27], находится в прямой зависимости от степени семантической транспозиции и может варьироваться в широком диапазоне. Так, выделяются такие уровни семантической транспозиции, как (а) полная мотивированность (когда форма выражает признак, целиком входящий в значение); (б) частичная мотивированность (когда существует общая для внутренней формы и лексического значения часть языкового содержания единицы); (в) отсутствие мотивированности (т.е. ни одна морфема, входящая в состав внутренней формы, не находит соответствия в значении); (г) абсолютная мотивированность (полное совпадение семантических признаков внутренней формы и лексического значения) [28].

По вопросу абсолютной мотивированности термина у исследователей нет единой позиции. Одни авторы считают, что полностью мотивированных терминов не существует [29], другие отстаивают точку зрения о наличии абсолютно мотивированных терминов и абсолютно компонентно-мотивированных терминов как частного случая абсолютной мотивированности [28, 30].

Исследуя семантический аспект внутренней валентности слова, авторы подчеркивают, что семантическим ядром производных слов являются производящие основы, аффиксы же как словообразовательные форманты выполняют роль уточнителя или модификатора значения [22, 31]. Тем не менее, обладая различным объемом семантического содержания, словообразовательные форманты в определенной мере влияют на семантику производного слова. Так, отмечается, что в терминологическом образовании активны семантические группы аффиксов, имеющие значение отвлеченного качества или качественного состояния (*-heit, -keit, -igkeit*), процессуальности или результата действия (*ge-, -ung, -tion, -nis, -e, -ie, -ing*), собирательности, общности, родственных связей (*-schaft, -tum*), указания на воспалительный процесс (*-itis*), целенаправленного воздействия (*be-*) и т.д. [14, 22, 31, 32]. Данный тезис можно проиллюстрировать такими примерами медицинских терминов, как *die Herzkrankheit, die Tumorerkrankung, die Kurzsichtigkeit, die Übelkeit* (значение качественного состояния), *die Wundinfektion, die Hypertonie, die Diagnose* (результат), *die Bronchitis* (воспалительный процесс) и т.д.

Изучение и анализ выше обозначенных работ позволило прийти к выводу о значительном лингводидактическом потенциале теории внутренней валентности слова. В контексте настоящей работы важное значение имеют исследования, в которых освещаются такие вопросы, как особенности сочетаемости элементов, составляющих структуру слова, связи термина и общеупотребительного слова, семантика словообразовательных формантов и закономерности их функционирования в процессе терминологического формирования системы медицинской терминологии как в историческом развитии, так и на современном этапе. Усвоение студентами релевантного в лингводидактическом плане объема знаний по данным вопросам в процессе обучения терминологии медицинского дискурса является необходимым для формирования умений осуществлять анализ внутренней валентности сложных и производных терминологических единиц с целью прогнозирования их значения как основы беспереводной семантизации специальной лексики при работе с профессионально ориентированными текстами.

Методы исследования

Методологической основой исследования стал системный подход к организации педагогического процесса, нацеленный на решение практических задач овладения языковым материалом, и развитие мыслительной сферы обучаемых с учетом современных социокультурных детерминант. Применялись методы анализа, синтеза, сопоставления различных точек зрения на особенности терминологической лексики, способов ее образования, специфики ее функционирования в профессиональной среде. На основе изучения, систематизации и анализа основных положений теории валентности был выявлен лингводидактический потенциал валентностного анализа. Основными эмпирическими методами исследования послужили педагогическое наблюдение, обобщение практического

опыта и методический мониторинг уровня владения студентами умениями беспереводной семантизации терминологии в процессе работы с профессионально ориентированными текстами.

Результаты и обсуждение

Экстраполяция ключевых положений теории внутренней валентности слова на проблемы обучения терминологической лексике медицинского дискурса позволяет построить обучающую технологию, нацеленную на формирование у студентов умений беспереводной семантизации терминов медицинского дискурса как необходимой составляющей иноязычной терминологической компетенции будущего врача. Разработанная в рамках данного исследования обучающая технология предусматривает двухэтапный алгоритм учебной деятельности студентов: первый этап нацелен на усвоение лингводидактически релевантного объема теоретических знаний в области теории внутренней валентности слова; второй – на формирование умений анализа формально-морфологического, этимологического и семантического аспектов внутренней валентности терминологии с последующим прогнозированием их значения. В структурном плане предлагаемая технология представлена теоретическим и практическим модулями.

Теоретический модуль нацелен на знакомство студентов с ключевыми положениями теории внутренней валентности слова. Содержание теоретического модуля организовано в соответствии с методическим принципом *системности, доступности и достаточности*, который реализуется за счет минимизации учебного материала и обеспечения максимальной его повторяемости в разнообразных упражнениях [33]. Поскольку в данном случае целевой аудиторией являются студенты нелингвистических специальностей, то в соответствии с условиями обучения теоретический материал представлен в методической адаптации. Формой организации учебного материала теоретического модуля избран визуальный комментарий к заданиям практического модуля. Содержание теоретического модуля, отраженное в комментариях практического модуля, охватывает следующую тематику: производные и непроизводные термины; основные способы терминообразования; частотные словообразовательные модели медицинского дискурса; особенности формально-морфологической сочетаемости производящих основ и аффиксов; избирательность аффиксов при терминообразовании, роль латыни и греческого языков в терминообразовании; исконные, заимствованные и гибридные термины в медицинской терминологии; взаимоотношения общеупотребительных слов и терминологии; семантическая транспозиция как способ терминологизации общеупотребительного слова; закономерности семантического согласования мотивирующей основы и словообразующих формантов. Информационная, представленная в теоретическом модуле, дает ключ к выполнению задач, поставленных перед студентами в практическом модуле.

Практический модуль состоит из трех блоков методических приемов, предусматривающих форми-

рование умений анализа внутренней валентности терминологии с целью их беспереводной семантизации.

Первый блок практического модуля нацелен на обучение студентов анализу терминологии с точки зрения формально-морфологической сочетаемости их компонентов. На основе информации, предоставленной в комментариях, студенты выполняют задания, нацеленные на овладение следующими умениями: распознавание простых, производных и сложных терминов; образование термина на основе деривации, словосложения, комбинированного способа (деривация + словосложение); выделение в составе производных и сложных терминов основ и словообразовательных формантов (суффиксов, префиксов и полуаффиксов); выявление особенностей структурной сочетаемости элементов термина. Ниже приводятся задания данного блока.

Найдите в предложенном тексте простые, производные и сложные термины.

Разделите термины, образованные словосложением (деривацией), на составляющие элементы.

Замените термин описательным оборотом (der Dünndarm - der dünne Darm).

Образуйте производные термины с помощью суффиксов -e, -ung, -en, -tum, -heit, -keit, -igkeit, -ie.

Образуйте термины, выбрав из предложенных ниже аффиксов те, которые могут сочетаться с глаголом /существительным / прилагательным (-ung; -nis; -tum; -schaft, -e; heit, keit, igkeit...).

Второй блок практического модуля включает задания на анализ этимологического аспекта внутренней валентности терминологии. В комментариях к данному блоку освещается влияние, которое оказывали на медицинскую терминологию в течение многих столетий два классических языка – древнегреческий и латинский. Обращается внимание на роль английского языка в современном терминообразовании. В соответствии с информацией, представленной в теоретическом блоке, во второй блок включаются задания, нацеленные на формирование таких умений, как определение происхождения термина, выделение в составе термина исконных и заимствованных аффиксов; выявление особенностей сочетаемости заимствованных словообразующих формантов между собой и с основами слов исконного происхождения. Примером могут служить задания, приведенные ниже.

Определите происхождение элементов, из которых состоят следующие термины: der Urinstein, die Pleurahöhle, der Pankreaskörper, Antikörper, der Hyperdruck...

Прочитайте приведенные ниже термины, подумайте, (а) почему в медицинских терминах присутствуют имена мифологических персонажей; (б) почему имя данного персонажа стало медицинским термином. Воспользовавшись интернет-источниками, проверьте свои предположения (tendo Achilles / пяточное сухожилие, caput Medusae / голова медузы...).

Сгруппируйте термины в соответствии с их происхождением: латинские заимствования, греческие заимствования, термины исконно немецкого происхождения, гибридные термины, английские заим-

ствования: *die Bakteriologie, das Bioplasma, base excess, die Psychopatie, screening...*

Обсудите в группе, какой язык послужил источником приведённых ниже терминов. Привлекая интернет-источники, узнайте, какие общеупотребительные слова или элементы слов послужили основой для образования этих терминов. Выясните, есть ли немецкие эквиваленты этих терминов (*bypass operation, acute respiratory distress syndrome, scanning...*).

Третий блок обучающей технологии нацелен на формирование у студентов умений анализа внутренней валентности терминов с точки зрения семантической сочетаемости их компонентов.

Комментарии к этому блоку дают информацию, которая необходима для формирования у студентов умений видеть семантическую связь производного слова и производящей основы, понимать закономерности семантического согласования производящей основы и словообразовательного форманта, анализировать семантическую связь термина и общеупотребительного слова, выступающего в качестве мотивирующей основы термина. Рассмотрение фактора мотивированности играет важную роль в обучении беспереводной семантизации терминологии, поскольку, как отмечают исследователи, мотивированный термин легче запоминается, быстрее и легче устанавливаются ассоциативные связи с другими терминами и именуемыми явлениями [29].

Учет того, что мотивированность термина может варьироваться от достаточно прозрачной связи с мотивирующим словом до максимальной ее потери, обусловил включение в данный блок заданий, предусматривающих работу студентов как с лексикографическими источниками, так и без них.

Задания, не предусматривающие использование словаря, включают термины, образованные на основе общеупотребительного слова и сохраняющие ту или иную степень мотивированности при метафорическом или метонимическом переосмыслении. В задания включаются такие термины медицинского дискурса, как *der Zahnschmerz* / *зубная боль* (значительная степень мотивированности компонентов – *Zahn* / *зуб*; *schmerz* / *боль*); *das Haargefäß* / *капилляр* (достаточно прозрачная мотивированность термина при метонимическом переосмыслении второго компонента – *Haar* / *волос*, *Gefäß* / *сосуд*). При работе с подобными терминами предлагаются задания следующего типа: *Прочитайте фрагменты текстов. Догадайтесь о значении выделенных терминов, исходя из лексического значения их элементов. Проверьте свои предположения, используя словарь.* Для анализа предлагаются термины с достаточно высокой степенью мотивированности, например: *die Speiseröhre, die Herzmuskelerkrankung, die Kurzsichtigkeit, das Senfpflaster, der Knochenbruch...*

При выполнении заданий на семантизацию терминов, образованных на основе метафорического или метонимического переосмысления при полной потере мотивированности используется переводная семантизация, предусматривающая обращение к словарю, поскольку анализ внутренней валентности термина не дает возможности спрогнозировать его значение в

целом. Это имеет место при семантизации таких терминов, как, например, *der Winddorn* / *туберкулезное поражение фаланги пальца* (досл. *Wind* – *ветер*, *Dorn* – *шип*). В случае встречи с подобными терминами студентам предлагаются следующие задания: *Разделите термины на составляющие элементы, работая в парах, обсудите, можно ли понять значение термина в целом, не обращаясь к словарю (der Ausschlag, die Beulenpest, die Gürtelrose, der Milzbrand, der Ziegenpeter, die Schwindsucht...).*

Многие задания третьего блока практического модуля носят комплексный характер, аккумулируя знания и умения, приобретенные студентами в процессе выполнения заданий первого и второго блоков. В качестве примера могут служить задания, приведенные ниже.

Прочитайте фрагменты текстов. Найдите термины с суффиксами -itis, -ung, -keit, -tion, -igkeit. Работая в парах, обсудите, (а) какой язык является источником этих суффиксов; (б) какое значение эти суффиксы придают корню слова. Переведите предложенные фрагменты текстов, не обращаясь к словарю (тексты содержат такие термины, как die Tumorerkkrankung, die Arthritis, die Kurzsichtigkeit...).

Прочитайте приведённые ниже фрагменты текстов. Исходя из названия болезней, выделенных курсивом, догадайтесь о значении суффикса -itis; Работая в парах, обсудите, (а) какой язык является источником этого суффикса; (б) слова какого происхождения служат основой для образования терминов с этим суффиксом (в приведенных фрагментах выделены названия болезней: Die Hepatitis, die Cholezystitis, die Arthritis, die Dermatitis, die Gastritis...).

Прочитайте приведённый ниже фрагмент текста, найдите термины, в состав которых входят суффиксы, придающие корневой основе значение качественного состояния / процессуальности / воспаления... (die Kurzsichtigkeit, die Besserung, die Gastritis...). Переведите предложенный фрагмент, не обращаясь к словарю.

Важно отметить, что несмотря на то, что выполнение ряда заданий предусматривает обращение к словарю, тем не менее, использование словаря не является средством семантизации, а направлено исключительно на самопроверку студентами собственной гипотезы о значении термина, т.е. словарь служит своего рода ключом к проверке корректности прогнозирования значения терминологии. Лишь в некоторых случаях, когда анализ внутренней валентности термина не дает возможности спрогнозировать значение термина в силу полной потери мотивированности, предусмотрено обращение к словарю, как это проиллюстрировано, к примеру, заданием с термином *Die Schwindsucht*.

Таким образом, алгоритм учебной деятельности студентов по овладению умениями беспереводной семантизации терминологии медицинского дискурса сводится к следующему: (а) усвоение определенного объема теоретических знаний по ключевым положениям теории внутренней валентности слова; (б) выполнение заданий на анализ формально-морфо-

логического, этимологического и семантического аспектов внутренней валентности терминологическим с целью прогнозирования их значения.

В ходе исследования осуществлялась проверка рабочей гипотезы о возможности формирования у студентов медицинских специальностей умений беспереводной семантизации терминологической лексики при условии использования в учебном процессе методической технологии, разработанной на основе лингводидактической интерпретации ключевых положений теории внутренней валентности слова, образованного на основе деривации и словосложения (производного в широком смысле).

Анализ результатов опытного обучения, проведенного в течение двух семестров (2018–2019 гг.) в Санкт-Петербургском государственном педиатрическом университете, показал, что применение в учебном процессе описанной выше методической технологии обеспечивает достижение студентами коммуникативно-достаточного уровня умений беспереводной семантизации терминологическим при работе с текстами иноязычного профессионально-ориентированного дискурса.

Мониторинг результативности опытного обучения предусматривал два этапа. На первом этапе оценивалась корректность анализа внутренней валентности производных и сложных терминологическим в формально-морфологическом (К-ФМА), этимологическом (К-ЭА) и семантическом аспектах (К-СА). На втором этапе оценивалась корректность беспереводной семантизации термина и выявлялась корреляция достигнутых умений анализа внутренней валентности термина и умений его беспереводной семантизации.

В рамках опытного обучения использовались аутентичные тексты медицинского дискурса.

В процессе опытного обучения было проведено четыре оценочных среза для выявления уровня владения умениями беспереводной семантизации терминов: констатирующий срез (КС), два промежуточных среза (ПС-1, ПС-2) и контрольный срез (КнтС).

Для оценки корректности анализа внутренней валентности были приняты коэффициенты корректности (КК), которые рассчитывались исходя из процентного соотношения количества баллов, полученных за корректность формально-морфологического, этимологического и семантического анализа внутренней валентности термина (Б-ФМА, Б-ЭА, Б-СА), к баллам, исчисляемым по общему числу терминов (Б-ОЧТ), предъявленных для анализа (каждый правильный ответ по обозначенным выше критериям оценивался в 1 балл): $КК-ФМА = Б-ФМА / Б-ОЧТ * 100\%$; $КК-ЭА = Б-ЭА / Б-ОЧТ * 100\%$; $КК-СА = Б-СА / ОЧТ * 100\%$.

Оценка сформированности умений беспереводной семантизации терминов производилась на основе коэффициента корректности беспереводной семантизации (КК-БПС), который рассчитывался по соотношению баллов, полученных за корректную семантизацию терминов (Б-КСТ), и баллов, исчисляемых по общему числу незнакомых терминов в предложенном тексте (Б-ОЧТ): $КК-БПС = Б-КСТ / Б-ОЧТ * 100\%$.

Далее представлены данные по результатам опытного обучения, направленного на формирование умений беспереводной семантизации терминологическим медицинского дискурса.

В табл. 1 приведены данные по коэффициентам корректности анализа формально-морфологического, этимологического и семантического аспектов внутренней валентности термина и выведен средний коэффициент корректности валентностного анализа по группам (СКК-ВА).

Таблица 1

Показатели умений валентностного анализа терминов

Срез	КК-ФМА		КК-ЭА		КК-СА		СКК-ВА	
	1	2	1	2	1	2	1	2
Кнс. С	47	46	50	50	48	44	48	47
ПС-1	66	62	64	66	64	65	64,6	64,3
ПС-2	75	74	79	80	77	76	77	76,6
Кнт. С	87	84	85	89	90	88	89	87

Приведенные показатели свидетельствуют о положительной динамике в формировании умений валентностного анализа: на контрольном срезе средний коэффициент корректности (СКК-ВА) по группам составил 89 и 87% при 48 и 47% до начала опытного обучения.

Табл. 2 позволяет сопоставить показатели по среднему коэффициенту корректности валентностного

анализа (СКК-ВА) и коэффициенту корректности беспереводной семантизации термина (КК-БПС).

Сопоставление показателей свидетельствует о том, что с ростом среднего коэффициента корректности валентностного анализа растет коэффициент корректности беспереводной семантизации терминологическим.

Таблица 2

Сопоставление коэффициентов корректности валентностного анализа и корректности беспереводной семантизации термина

Показатель	Средний коэффициент корректности валентностного анализа (СКК-ВА)		Коэффициент корректности беспереводной семантизации (КК-БПС)	
	1	2	1	2
Кнс. С	48	47	40	33
ПС-1	64,6	64,3	46	40
ПС-2	77,6	76	60	60
Кнт. С	89	87	80	73,3

Были приняты следующие уровни сформированности умений беспереводной семантизации терминологем: коммуникативно-недостаточный – КК-БПС до 50%, коммуникативно-низкий – КК-БПС от 51 до 70%, коммуникативно-достаточный – КК-БПС от 71 до 90%, коммуникативно-высокий – КК-БПС от 91 до 100%.

Констатирующий срез показал коммуникативно-недостаточный уровень сформированности терминологической компетенции у студентов обеих групп: коэффициенты корректности беспереводной семантизации составили по группам 40 и 33% соответственно. Наблюдение за работой студентов на этапе констатирующего среза показало, что обычно, встретив в тексте незнакомый термин, учащиеся спешат прибегнуть к помощи словаря даже в тех случаях, когда значение производного термина можно было спрогнозировать на основе анализа валентности его элементов. Частое обращение к словарю приводило к неоправданным затратам времени на выполнение заданий и отрицательно сказывалось на организации учебной деятельности студентов.

Уже на этапах промежуточных срезов обозначилось улучшение результатов – в обеих группах был достигнут *коммуникативно-низкий уровень* владения умениями беспереводной семантизации. В первой группе – от 40% на этапе КС до 46 и 60% на этапах промежуточных срезов (ПС-1, ПС-2); во второй группе – от 33% на этапе КС до 40 и 60% ПС-1 и ПС-2.

Результаты контрольного среза показали, что в обеих группах был достигнут коммуникативно-достаточный уровень умений беспереводной семантизации терминологем (80 и 73% соответственно), причем трое студентов достигли коммуникативно-высокого уровня (в первой группе – 2 из 11, во второй – 1 из 12).

О целесообразности использования анализа внутренней валентности производного слова для обучения терминологии иноязычного медицинского дискурса свидетельствует положительная динамика в уровне

сформированности у студентов умений прогнозирования значения незнакомых терминов при работе с текстами медицинского дискурса.

Заключение

В рамках предпринятого исследования был выявлен лингводидактический потенциал теории валентности слова, и на этой основе была разработана обучающая технология, представленная комплексом методических приемов, нацеленных на обучение студентов медицинских специальностей беспереводной семантизации терминологической лексики на основе анализа внутренней валентности слова в процессе работы с текстами профессионально-ориентированного дискурса. Опытное обучение позволило прийти к выводу о том, что овладение студентами умениями анализа формально-морфологического, этимологического и семантического аспектов внутренней валентности производных (в широком смысле) терминологем способствует формированию умений беспереводной семантизации терминологической лексики, что положительно сказывается на динамике развития иноязычной терминологической компетенции специалиста в целом.

Теоретическая значимость работы заключается в раскрытии лингводидактического потенциала теории валентности слова, что способствует развитию теоретико-методологических основ обучения будущих специалистов терминологической лексике иноязычного профессионально ориентированного дискурса. Практическая значимость работы состоит в возможности использования предложенной обучающей технологии в качестве модели для разработки технологий обучения терминологической лексике других видов профессионально-ориентированного дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Солганик Г.Я. Валентность как лингвистическая категория // Русский язык за рубежом. 1994. № 4. С. 49–55.
2. Кацнельсон С.Д. К понятию типов валентности // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 20–32.
3. Степанова М.Д. О «внешней» и «внутренней» валентности слова // Иностранные языки в школе. 1967. № 3. С. 13–19.
4. Степанова М.Д. Теория валентности и валентный анализ (на материале современного немецкого языка). М., 1973. 110 с.
5. Stepanova M.D., Helbig G. Worten und das Problem der Valenz in der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig : Bibliographisches Institut, 1981. 220 s.
6. Stepanowa M.D., Fleischer W. Grundzüge der deutschen Wortbildung. Leipzig : Bibliographisches Institut, 1985. 236 s.
7. Fleischer W., Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Berlin; Boston : De Gruyter, 2012. 484 s.
8. Schlücker B. Die deutsche Kompositionsfreudigkeit. Übersicht und Einführung // Das Deutsche als kompositionsfreudige Sprache. Strukturelle Eigenschaften und systembezogene Aspekte. Livio Gaeta & Barbara Schlücker (Hrsg). Berlin; New York : De Gruyter, 2012. S. 1–25.
9. Donalies E. Basiswissen Deutsche Wortbildung. UTB GmbH, Auflage 2. 2011. 155 s.
10. Römer Ch., Matzke B. Der deutsche Wortschatz. Struktur, Regeln und Merkmale. Tübingen : Narr, 2010. 240 s.
11. Величкова С.М., Таранова Е.Н. Структурно-семантические особенности медицинской терминологической лексики (на материале немецкого языка) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 18 (137). Вып. 15. С. 47–54.
12. Wulff H.R. The language of medicine // JRSM Journal of the Royal Society of Medicine. 2004. 97 (4). P. 187–188.
13. Wermuth M.C., Verplaetse H. Medical terminology in the Western world. Current situation // Handbook of Terminology. Terminology in the Arab world. Edited by Abied Alsulaiman and Ahmed Allaithy. John Benjamins Publishing Company. 2018. P. 83–108. URL: <https://lirias.kuleuven.be/retrieve/531149> (дата обращения: 10.02.2020).
14. Uherová Z., Horňáková A. Medical terminology and its particularities // JAHR: Europski časopis za bioetiku. 2013. Vol. 4, № 7. С. 631–638. URL: <https://hrcak.srce.hr/110381> (дата обращения: 6.12.2019).
15. Džuganová B. English medical terminology – different ways of forming medical terms // JAHR: Europski časopis za bioetiku. 2013. Vol. 4, № 1. P. 55–69. URL: <https://hrcak.srce.hr/file/162511> (дата обращения: 13.12.2019).
16. Brunt R. Medical English since the mid-nineteenth century // Fachsprachen. Languages for Special Purposes. Edited by Hoffmann Lothar, Kalverkämper Hartwig, Wiegand Herbert Ernst. Berlin; New York : Walter de Gruyter, 2008. Band 2. P. 1452–1459.
17. Montalt V., Zethsen K., Karwacka W. Medical translation in the 21st century – challenges and trends // Retos actuales y tendencias emergentes en traducción médica / Current challenges and emerging trends in medical translation. V. Montalt, K. Zethsen, W. Karwacka (eds.). 2018. MonTI 10. P. 27–42. DOI: 10.6035/MonTI.2018.10.1. URL: https://www.academia.edu/25509796/Medical_translation (дата обращения: 12.10.2019).

18. Berghammer G. Translation and the language(s) of medicine: Keys to producing a successful German-English translation // *The Write Stuff*. 2006. Vol. 15, № 2. P. 40–44. URL: <https://www.emwa.org/Documents/Freelancer/GabiBerghammerTranslation.pdf> (дата обращения: 23.01.2020).
19. Nuetzman A., Abdullaev Y. Teaching medical terminology using word-matching games // *The Journal of Continuing Education in Nursing*. 2012. Vol. 43, № 7. P. 297–298. DOI: 10.3928/00220124-20120621-04.
20. Грецкая Т.В. Обучение семантизации профессионально-ориентированной иноязычной лексики студентов медицинских вузов: на материале немецкого языка : автореф. дис ... канд. пед. наук. СПб., 2005. 18 с.
21. Татаренко Т.Д., Нурмухамбетова Б.Н., Лисариди Е.К. Медицинская терминология на занятиях латинского языка // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2016. № 8-2. С. 304–306.
22. Ищенко Н.Г. Потенциал словообразовательной валентности существительных немецкого языка // *Наукові записки. Сер. Філологічна*. 2013. Вип. 35. С. 128–131.
23. Fage-Butler A.M., Jensen M.N. Medical terminology in online patient–patient communication: evidence of high health literacy? // *Health expectations*. 1915. Vol. 19, № 3. P. 643–653.
24. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : Академия, 2008. 304 с.
25. Лейчик В.М. Терминоведение. Предмет, структура, методы. М. : Либроком, 2009. 256 с.
26. Савицкий В.М. Основы общей теории идиоматики. М. : Гнозис, 2006. 206 с.
27. Кубрякова Е.С. Семантика производного слова // *Аспекты семантических исследований*. М., 1980. С. 81–155.
28. Кияк Т.Р. Лингвистические аспекты терминоведения. Киев : УМК ВО, 1989. 104 с.
29. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: вопросы теории М. : Либроком, 2012. 248 с.
30. Шелов С.Д. Еще раз об определении понятия «Термин» // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2010. № 4 (2). С. 795–799.
31. Щигло Л.В. Валентностные свойства глагольных основ с категориальным значением активного движения в современном немецком языке // *Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода*. 2013. Вып. 3. С. 200–208.
32. Чистюхина С.Н. О некоторых особенностях и функциях термина // *Теория и практика общественного развития*. 2011. № 1. С. 287–289.
33. Колкова М.К. Традиции и инновации в методике обучения иностранным языкам / под общ. ред. М.К. Колковой. СПб. : КАРО, 2007. 288 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 12 июля 2020 г.

The Linguodidactic Potential of Valency Theory in Teaching the Untranslatable Semantization of Medical Discourse Terminology (On the Material of the German Language)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 463, 179–187.

DOI: 10.17223/15617793/463/23

Larisa P. Tarnaeva, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: l-tarnaeva@mai.ru

Galina A. Baeva, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: baevaga@mail.ru

Tatyana V. Gretskaaya, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: tat-gr01@yandex.ru

Keywords: linguodidactic potential; terminology; medical discourse; non-translation semantization; internal valency; terminological competence.

Nowadays, teaching professionally oriented discourse becomes an urgent issue of the education policy. The aim of the current research is to reveal the linguodidactic potential of the theory of internal valency as the basis of an educational technology aimed at developing students' skills in untranslatable semantization of medical terminology as an important component of the foreign-language terminological competence that is manifested in the ability to operate with a foreign language terminological thesaurus in cross-cultural professional communication. The methodological basis of the research is the systematic approach to foreign language education as a holistic process of language acquisition and students' cognitive abilities development alongside with societal and cultural determinants of learning. The methods of retrospective study, analysis and synthesis of the works on valency theory and medical terminology as well as pedagogical observations and assessment of the level of students' skills in direct semantization of medical terms were employed. The theoretical foundations of the suggested educational technology are the key issues of the theory of internal valency viewed in a linguodidactic perspective, and studies in term-formation. The focus was on such issues as frequency models of word-formation, structural and semantic compatibility of root stems and word-building formants, formation of terminological thesaurus of medical discourse in diachronic and synchronic aspects. The educational technology designed on the basis of a linguodidactic interpretation of the theory of internal valency consists of a two-stage algorithm of students' learning activities. The first stage implemented through the Theory Module suggests that students acquire a certain amount of knowledge in the key points of the theory of internal valency. The second stage actualized as the Practice Module aims at developing students' skills in the didactically relevant analysis of structural, etymological and semantic aspects of internal valency of the terms as the basis for their untranslatable semantization. The analysis of the data obtained through the experimental teaching shows that the development of the students' skills in analyzing the internal valency of the terms promotes ability in untranslatable semantization, which, in its turn, fosters the positive dynamics in the development of the foreign language terminological competence. The theoretical significance of the research lies in the linguodidactic interpretation of the theory of internal valency, contributing to the development of theoretical and methodological foundations of teaching professionally-oriented discourse in a foreign language. The practical significance of the work manifests in the possibility of applying the suggested learning techniques to teaching terminology of different types of professionally-oriented discourse.

REFERENCES

1. Solganik, G.Ya. (1994) Valentnost' kak lingvisticheskaya kategoriya [Valency as a linguistic category]. *Russkiy yazyk za rubezhom*. 4. pp. 49–55.
2. Katsnel'son, S.D. (1987) K ponyatiyu tipov valentnosti [On the concept of valency types]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 3. pp. 20–32.
3. Stepanova, M.D. (1967) O "vneshney" i "vnutrenney" valentnosti slova [On the "external" and "internal" valency of the word]. *Inostrannyye yazyki v shkole*. 3. pp. 13–19.
4. Stepanova, M.D. (1973) *Teoriya valentnosti i valentnyy analiz (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka)* [The theory of valency and valency analysis (based on the material of the modern German language)]. Moscow: Izd-vo MNPIYa im. M. Toreza.
5. Stepanova, M.D. & Helbig, G. (1981) *Worten und das Problem der Valenz in der deutschen Gegenwartssprache*. Leipzig: Bibliographisches Institut.
6. Stepanova, M.D. & Fleischer, W. (1985) *Grundzüge der deutschen Wortbildung*. Leipzig: Bibliographisches Institut.

7. Fleischer, W. & Barz, I. (2012) *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. Berlin; Boston: De Gruyter.
8. Schlücker, B. (2012) Die deutsche Kompositionsfreudigkeit. Übersicht und Einführung. In: Gaeta, L. & Schlücker, B. (Hrsg.) *Das Deutsche als kompositionsfreudige Sprache. Strukturelle Eigenschaften und systembezogene Aspekte*. Berlin; New York: De Gruyter. pp. 1–25.
9. Donalies, E. (2011) *Basiswissen Deutsche Wortbildung*. Auflage 2. UTB GmbH.
10. Römer, Ch. & Matzke, B. (2010) *Der deutsche Wortschatz. Struktur, Regeln und Merkmale*. Tübingen: Narr.
11. Velichkova, S.M. & Taranova, E.N. (2012) The Structural and Semantic Features of Medical Terminological Vocabulary (Based on German Language Materials). *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 18 (137):15. pp. 47–54. (In Russian).
12. Wulff, H.R. (2004) The language of medicine. *Journal of the Royal Society of Medicine*. 97 (4). pp. 187–188.
13. Wermuth, M.C. & Verplaetse, H. (2018) Medical terminology in the Western world. Current situation. In: Alsulaiman, A. & Allaihy, A. (eds) *Handbook of Terminology. Terminology in the Arab world*. John Benjamins Publishing Company. P. 83–108. [Online] Available from: <https://lirias.kuleuven.be/retrieve/531149> (Accessed: 10.02. 2020).
14. Uherová, Z. & Horňáková, A. (2013) Medical terminology and its particularities // *JAHR: Europski časopis za bioetiku*. 4 (7). pp. 631–638. [Online] Available from: <https://hrcak.srce.hr/110381> (Accessed: 6.12.2019).
15. Džuganová, B. (2013) English medical terminology – different ways of forming medical terms. *JAHR: Europski časopis za bioetiku*. 4 (1). pp. 55–69. [Online] Available from: <https://hrcak.srce.hr/file/162511> (Accessed: 13.12.2019).
16. Brunt, R. (2008) Medical English since the mid-nineteenth century. In: Hoffmann Lothar, Kalverkämper Hartwig & Wiegand Herbert Ernst (eds) *Fachsprachen. Languages for Special Purposes*. Band 2. Berlin; New York: Walter de Gruyter. pp. 1452–1459.
17. Montalt, V., Zethsen, K. & Karwacka, W. (2018) Medical translation in the 21st century – challenges and trends. *Retos actuales y tendencias emergentes en traducción médica / Current challenges and emerging trends in medical translation*. MonTI 10. pp. 27–42. DOI: 10.6035/MonTI.2018.10.1. [Online] Available from: https://www.academia.edu/25509796/Medical_translation (Accessed: 12.10.2019).
18. Berghammer, G. (2006) Translation and the language(s) of medicine: Keys to producing a successful German-English translation. *The Write Stuff*. 15 (2). pp. 40–44. [Online] Available from: <https://www.emwa.org/Documents/Freelancer/GabiBerghammerTranslation.pdf> (Accessed: 23.01.2020).
19. Nuetzman, A. & Abdullaev, Y. (2012) Teaching medical terminology using word-matching games. *The Journal of Continuing Education in Nursing*. 43 (7). pp. 297–298. DOI: 10.3928/00220124-20120621-04.
20. Gretskaia, T.V. (2005) *Obuchenie semantizatsii professional'no-orientirovannoy inoyazychnoy leksiki studentov meditsinskikh vuzov: na materiale nemetskogo yazyka* [Teaching the semantization of professionally oriented foreign language vocabulary to medical students: on the material of the German language]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. St. Petersburg.
21. Tatarenko, T.D., Nurmukhambetova, B.N. & Lisaridi, E.K. (2016) Meditsinskaya terminologiya na zanyatiyakh latinskogo yazyka [Medical terminology in Latin classes]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*. 8-2. pp. 304–306.
22. Ishchenko, N.G. (2013) Potentsial slovoobrazovatel'noy valentnosti sushchestvitel'nykh nemetskogo yazyka [Potential of derivational valence of German nouns]. *Naukovi zapiski. Ser. Filologichna*. 35. pp. 128–131.
23. Fage Butler, A.M. & Jensen, M.N. (1915) Medical terminology in online patient–patient communication: evidence of high health literacy? *Health expectations*. 19 (3). pp. 643–653.
24. Grinev-Grinevich, S.V. (2008) *Terminovedenie: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy* [Terminology studies: textbook for university students]. Moscow: Akademiya.
25. Leychik, V.M. (2009) *Terminovedenie. Predmet, struktura, metody* [Terminology studies. Subject, structure, methods]. Moscow: Librokom.
26. Savitskiy, V.M. (2006) *Osnovy obshchey teorii idiomatiki* [Foundations of the general theory of idioms]. Moscow: Gnozis.
27. Kubryakova, E.S. (1980) Semantika proizvodnogo slova [Semantics of the derivative word]. In: *Aspekty semanticheskikh issledovaniy* [Aspects of semantic research]. Moscow: Nauka. pp. 81–155.
28. Kiyak, T.R. (1989) *Lingvisticheskie aspekty terminovedeniya* [Linguistic aspects of terminology studies]. Kyiv: UMK VO.
29. Superanskaya, A.V., Podol'skaya, N.V. & Vasil'eva, N.V. (2012) *Obshchaya terminologiya: voprosy teorii* [General terminology: issues of theory]. Moscow: Librokom.
30. Shelov, S.D. (2010) Eshche raz ob opredelenii ponyatiya “Termin” [Once again on the definition of the term “Term”]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 4 (2). pp. 795–799.
31. Shchiglo, L.V. (2013) Valentnostnye svoystva glagol'nykh osnov s kategorial'nym znacheniem aktivnogo dvizheniya v sovremennom nemetskom yazyke [Valency properties of verbal stems with categorical meaning of active movement in modern German]. In: *Aktual'nye voprosy perevodovedeniya i praktiki perevoda* [Topical issues of translation studies and translation practice]. Vol. 3. Nizhny Novgorod: Oliver. pp. 200–208.
32. Chistyukhina, S.N. (2011) On some features and functions of the term. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 1. pp. 287–289. (In Russian).
33. Kolkova, M.K. (ed.) (2007) *Traditsii i innovatsii v metodike obucheniya inostrannym yazykam* [Traditions and innovations in the methodology of teaching foreign languages]. St. Petersburg: KARO.

Received: 12 July 2020

I.A. Savchenko, S.S. Barseghyan

BILINGUALISM AS A PHENOMENON OF TRANSCULTURAL COMMUNICATION IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING

This research looks at the trends in the development of language education in the context of globalization and informatization of society and the linguistic interpretation of bilingualism in its broad and narrow understanding, the functional and speech-formulating aspects of transculturalism. It should be noted that, under conditions of institutionally subordinate multilingualism, the features of teaching a foreign language are largely conditioned by the “dynamic” nature of the development of bilingualism.

Keywords: bilingualism; transculturation; globalization; language contacts; transcultural communication; foreign language teaching; multicultural model of education; intercultural model of education; transcultural model of education.

Introduction

Cultural and linguistic exchanges have existed at all times, but nowadays they acquire a special significance against the background of the globalization of the world society. Various linguistic and cultural contacts have become an everyday life phenomenon; international ties in politics, science, industry, art, culture, tourism and other spheres of public activity have been intensively deepening. These processes have led to the expansion of the boundaries of linguistic and cultural contacts. At the same time, people’s mobility and their motivation for learning foreign languages, establishing and maintaining contacts within their own country and abroad have increased. “Indeed, in the present world, contacts between people of different cultures are becoming more and more multi-, rather than bilateral (in the political, professional as well as in the private sphere), but also the cultural configurations for an average individual become less permanent and more flexible, because of an increase in migrations and other kinds of mobilities, commonly multiple during a person’s life-span” [1. pp. 124–125].

The 21st century, as a century of active international, intercultural communication and exchange of information, poses new challenges for nations and states, and, in this context, overcoming language barriers is of paramount importance. The priority of integration in the new conditions requires at least a bilingual society, bilingualism is becoming one of the most important features of a modern person.

Being one of the peoples of the Soviet Union, the Armenians, due to various political, historical, geographical and other circumstances, were influenced by factors contributing to the spread of bilingualism. In multinational societies, the use of bilingual and multicultural teaching methods is seen as an effective mechanism for resolving ethnic conflicts. In this sense, since Armenia is mainly a mono-ethnic republic, the use of such educational models in Armenia at first glance is devoid of logic, and in our case it is simply absurd to discuss such issues. However, at the same time, Armenia is a multilingual society, since most of the population is bilingual. In addition to the aforementioned, representatives of culturally different regions constitute a significant part of the population, and minority cultures are recognized as an important component of Armenia’s cultural diversity. The task of preservation and development of linguistic and cultural diversity

predetermines the priority development of language education. However, the relevance of studying different foreign languages within the framework of language education is becoming more acute as there is a struggle for information ownership in the information space. The ability to work with information in their native and non-native languages gives a person an advantage in any field of activity.

Back in the 1930s–1940s, Armenia set the task to provide bilingual (multilingual) education at all levels. From Soviet times to the present, besides the mother tongue, two foreign languages – Russian and one of the European languages (English, German, French) – are taught in Armenian schools.

The teaching of any foreign language in Armenia – in a foreign language environment – has its own peculiarities, first of all, in relation to the fact that the studied language is detached from the environment of its direct functioning. The situation of learning a foreign language is close to abstract learning, i.e. in isolation from the environment of functioning. Under the conditions of modern life, speaking at least one foreign language of the international communication is rightly considered a necessary factor of a person’s cultural development. Globalization processes and the tendency of their further development undoubtedly contribute to the growth of bilingualism.

The aim of this study is to reveal the trends in the development of language education in the context of globalization and informatization of society and the linguistic interpretation of bilingualism in its broad and narrow understanding, the functional and speech-formulating aspects of transculturalism.

The object of the study is the relationship between bilingualism and transculturalism as the key concepts of modern contact linguistics in foreign language acquisition (Language contact occurs when speakers of two or more languages or varieties interact and influence each other. The study of language contact is called contact linguistics). The imaginative world in bilingual speech, based on the language resources of the two cultures, is compounded by specific discourses that are inherent in each of these languages. Under the influence of ethnic thinking which has been accumulated for the thousands of years of the “generic memory” of the people, associative images are created while switching to another language, associated with the binary representation of the perception of reality in different languages [2]. In this situation, there

is a reception of a dual language image of the world, which is caused by the different coding of the two semiotic structural units.

The theoretical and methodological basis of the research is well-grounded on the works of D.S. Likhachev [3], G.D. Gachev [4], M. Epstein [5], M.V. Tlostanova [6, 7], B.A. Malinovski [8], V. Zamel [9], and others. They make it possible to reveal the multifaceted and controversial phenomenon of transcultural communication, its structure and mechanisms of functioning. A contribution to the understanding of the basics of human communication in society has been made by the theory of social action of Max Weber and Emile Durkheim. In understanding five essences of the phenomenon of communication, Georg Simmel's theory of social interaction has had a remarkable influence. This author introduced the concept of philosophical discourse interaction as the basis of communication involving the interaction and mutual influence of two or more subjects. However, the problem of correlation of transcultural communication and bilingualism in these studies is not fully developed, especially in the framework of understanding bilingualism as an aspect of transculturalism. In this study, the authors used the following research methods: classical methods of linguodidactics, pedagogy and linguistics, such as analogy, generalization and comparison; sociocultural, systemic, structural and functional methods; the comparative analysis of empirical and theoretical generalizations, as well as the methods of narrative analysis and description.

Bilingualism, language contacts and language interaction

The interest in the scientific research of bilingualism arose in the late 19th century. Foundations of the scientific development of the linguistic problems of bilingualism were pledged in the works by J. Baudouin de Courtenay, L. Shcherba, F. Fortunatov, A. Shakhmatov, E. Vereshchagin, A. Meillet, U. Weinreich, H. Schuchardt, E. Haugen, L. Bloomfield, and others. The term "bilingualism" was first introduced in 1938 by V. Avrorin, who defined bilingualism as "the same command of two languages". In other words, bilingualism begins when the degree of speaking the second language approaches close to the degree of speaking the first one [10. P. 51].

There are many definitions of bilingualism in linguistics. Some researchers refer to it as "the practice of alternating the use of two languages" [11. P. 3]; others define bilingualism as "speaking two languages and regular switching from one to another depending on communicative situations" [12. P. 3]; others consider it as "speaking two languages as native" [13. P. 3]. However, there are also other viewpoints on this issue. For instance, E. Haugen believed that in bilingualism the degree of proficiency of one language might be quite low [14. P. 61]. E. Vereshchagin defines bilingualism as the ability "to creatively construct one's speech belonging to the secondary linguistic system [15. P. 16]. M. Siguan and W. Makki propose "to call bilingual the person who apart from the own language to a comparable extent is proficient in another language, able to use any language with the similar efficiency under any circumstances [16. P. 11]. The most

extensive definition of bilingualism was worked out by A. Schweitzer: "Bilingualism is coexistence of two characters in one linguistic (language) collective, which use these languages in different communicative spheres depending on the social situation and other parameters of the communicative act; both languages, serving for one collective, form a unified social and communicative system and functionally complement each other" [17. P. 111].

As can be seen from the definitions, the vast majority of experts admit the possibility of a broad understanding of this phenomenon, such as "... continuum extending from a very basic proficiency in contact language to a very complete and full proficiency" [12. P. 11]. A narrow understanding of bilingualism is reduced to equal proficiency in two languages [18. P. 137].

Meanwhile, in the definition of bilingualism some researchers do not restrict to two languages. According to K. Myers-Scotton, bilingualism is the ability to use two or more languages sufficiently to be able to conduct a limited daily conversation [19. P. 16]. R. Appel and P. Muysken determine a bilingual individual as a person who regularly uses two or more languages alternately [20. P. 23]. Therefore, it is considered necessary to address the phenomenon of multilingualism (polylingualism), which means "the use of several languages within a certain social community (primarily the whole state); the use by an individual (group of people) of several languages, each of which is selected in accordance with a specific communicative situation. Both these phenomena, bilingualism and multilingualism, are interconnected and not rigidly determined" [21. P. 303].

Researchers believe that the phenomenon of bilingualism is multifaceted and that it is impossible to determine the dominant social science for studying it; therefore, it is possible to consider various types of this phenomenon. The aspects of bilingualism are examined in various social sciences. According to E. Vereshchagin, bilingualism in psychology appears as a mechanism for the production of speech; in linguistics it is learned in the framework of the theory of language contacts; in sociology the phenomenon of bilingualism is considered in the context of problems related to the behavior or place of the bilingual person in the society [15].

It can be stated that bilingualism occurs only upon contact of languages, which is preceded by the long coexistence of two nations speaking different languages.

Language contacts arise where two or more linguistic structures occur in the speech use. It is known that languages, like cultures, are rarely self-sufficient. "The needs of communication cause the speakers of one language to enter into direct or indirect contact with the speakers of neighboring or culturally dominant languages" [15. P. 173].

The issue of contact linguistics is based on the following main categories – language contact, bilingualism, adoption and interference, substratum and superstratum, convergence and divergence, code switching, pidgin and creole languages. Obviously, the concept of language contacts occupies a central place in the conceptual construct of contact linguistics.

The result of interaction of two or more languages is a change in one or all contacting languages. These language changes are called language interference (Burdeniuk &

Grigorevsky, 1978; Lafage, 1973; Vinogradov, 1983, 1990).

A special section of contact linguistics is a study of the origin and functioning of pidgins and creole languages (Bickerton, 1975; Chaudenson, 1988; Molodkin, 2001). Pidgin is a special language formation occurring in the context of establishing contacts between representatives of different language communities who do not have a common language, and therefore pidgin does not have a group of native speakers. The appearance and nativization of pidgin in contact linguistics is called creolization.

In the diachronic process all the languages are influenced by the neighboring languages. "Language contact is an extremely broad class of the language processes caused by the different kinds of interaction of the languages" [23. P. 178]. Changes caused by language contacts take place in the history of every language. Language development is impossible without the influence of the surrounding environment. Cross-language connections, which lead to the appearance of bilingualism, are established between native speakers of these languages. Native speakers of contacting languages can belong to different social and professional groups, ethnic cultures and are heterogeneous in demographic terms; therefore, a demographic factor should be considered in teaching languages at educational institutions. Thus, bilingualism calls in question the possibility of existence of a monolingual culture. In this sense, bilingualism raises concerns for the preservation of the native culture, and at the same time expands the cultural range, brings the experience of foreign communities speaking other languages. When it comes to a bilingual individual, it is necessary to mention not only the influence of two language systems on their thinking, but also the fact that the person is under the influence of two cultural systems forming their mentality. Becoming members of a language community, bilingual speakers learn to structure their own ideas, value system, experience and behavior in order to adjust to the cultural system of the group they want to join. "Since language is a means of expression of meaning, this meaning, at least to a certain extent, must be independent of language and transfer from one language to another. Meanwhile, this important characteristic of division – and divisibility – of meaning from language is often denied by researchers. Thus, the German philosopher of the 18th century J.G. Herder argued that thinking in its essence is identical to speaking, and therefore changes from language to language, and from nation to nation. "The human spirit, he wrote, thinks with words" [24. P. 185].

The issue of transcultural communication and contemporary bilingualism

The experience that a person acquires using one language is always different from the experience acquired from the use of the second language. The usual requirement for a bilingual person is the regular use of each of the languages and elements of culture in various types of activities, such as reading, writing, speaking, and listening comprehension of an interlocutor. Nevertheless, even similar good language and sociocultural competence of an individual does not guarantee the acquisition of the lan-

guage for its use in each sphere of human activity. Most often, a person prefers to use different languages in different situations. For example, in situations related to learning and technical aspects of knowledge, preference will be given to one language, and in emotional or domestic situations to another one. A person understands humor, dialectal differences and folklore in one language, and jargon and modern literature in another language; it is much easier to read and write in one language, and easier to understand and speak in another one. This again proves that the coexistence of the two completely identical social spheres of the languages and cultures represented by them is impossible. In mutual language and cultural contacts, bilingual speakers are forced to either reject the other culture or adjust to the new conditions. Binary perception occurs in the mind of a bilingual person who collides with two cultures – their own and another. The binary culture of a bilingual person is being formed in this confrontation. The binary is manifested both in the unity of the two cultures and in their contradiction: texts (symbols) of the cultures (their own and another) are being opposed in the consciousness of a bilingual. At the same time they cannot exist without each other, they are in symbiosis since the bilingual speaker lives in an intermediate environment between the two cultures.

Communicative units of speech of a bilingual person can be understood not only as a result of a purposeful study of languages in the learning environment, but also as a result of unconscious (unfocused) acquisition and incidental learning in various informal spheres, and sometimes on the level of separate words or simple recognition.

Bilingualism is known to involve the use of other language for successful communication. However, such communication can occur not only in a foreign language, but also in the form of mixed language with other bilingual speakers within a given community. The second language as a component of bilingualism is almost not used by members of the given community for direct everyday communication.

The occurring integration processes separately influence each language, which develops under the impact of many external factors. The main factor is allocation and influence of another culture, when not only language units are accepted, but also their cultural components such as show, makeup, pub, shopping, etc. The imaginative world in bilingual speech, based on the language resources of the two cultures, is compounded by specific discourses that are inherent in each of these languages. Under the influence of ethnic thinking which has been accumulated for thousands of years in the "generic memory" of the people, associative images are created while switching to another language, associated with the binary representation of the perception of reality in different languages [2]. In this situation, there is a reception of a dual worldview, which is caused by the different coding of the two semiotic structural units.

A question is bound to arise: which culture do bilingual speakers represent if they speak two languages? The above-mentioned description allows us to conclude that learning bilingualism in the framework of a traditional theory of contact linguistics does not provide a comprehensive image of it. It is necessary to draw attention to a

relatively new field of contactology – the sphere of transcultural processes. This phenomenon reflects real processes occurring in the modern world.

In modern linguistics, the understanding of the notion “transculturation” reflects a new stage in the development and study of language contacts in the era of globalization and the formation of the modern bilingualism.

The term “transculturation” was firstly coined by the Cuban anthropologist Fernando Ortiz in 1947. According to Ortiz, the process of transculturation requires synthesis of two other processes taking place simultaneously – acculturation and deculturation. Acculturation is moving away from one’s own traditions in order to integrate with another culture. Deculturation is a loss or rearrangement of the given culture. The result of the synthesis of these two terms is neoculturation, which might also be called transculturation [25].

It is appropriate to give a definition of transculturation from the dictionary of linguistic terms edited by Bobakho: “Transculturation is a process and result of a voluntary or forced geographical displacement of a certain formed type of culture to remote areas where another cultural environment is either completely absent, or it is not able to provide proper resistance and influence of the ‘incoming’ culture” [26. P. 382].

Transculture, which appears as a result of transculturation, means “a new sphere of cultural development beyond the boundaries of the established national, racial, gender and professional cultures” by overcoming “the isolation of their traditions, language and value determinations [27. P. 419]. By the definition of Tlostanova, “transculturation as a new episteme is based on a cultural polylogue, in which, however, there should not be a complete synthesis, fusion and full cultural translation; in which the cultures meet, interact, but do not merge, retaining their right to ‘opacity’ ” [6. P. 28].

An additional explanation of the concept of transculturalism is explained in the book *The Transcultural Journey* by Richard Slimbach, in which the author states that transculturalism is sharing values without taking into account cultural and national limitations. At the same time, Slimbach raises transculturalism to the situation when a person in their own thinking emerges beyond the borders of the homeland, but does not lose the center of their own culture, and namely the national culture [28].

Transculturalism/transculturation involves the simultaneous coexistence of a person in different cultures, but with the preservation of the imprints of each of them. The result of transculturation is reflected in gradual changes of culture, including hybridization. Thus, transculturation, or a synonymic term “transculturation”, leads to “reconciling differences” [29. P. 8]. As a result, an individual performs the role of several identities at once in both cultures. Toslanova, on the basis of Ortiz’s definition, argues that “acculturation is the acquisition of culture in a unidirectional process, and transculturation involves two phases – losing or uprooting (deculturation) of a previous culture and creation of a new cultural phenomenon (neoculturation)” [7. P. 151].

However, it should be noted that, under the influence of the contacting cultures, a new worldview and new cultural ideologies are formed, which, to a certain extent, can

be identified as borderline – neither here nor there, depending on the individual experience of this condition.

Transculturation implies the indirect influence and penetration of other cultural elements [7]. Transculturalism, according to Epstein, is an internal cultural multiplicity. Based on this, it is possible to state that transculturation means being both internal and external, i.e. local and global cultural multiplicity. However, this harmonious and coordinated system of culture flowing into culture could not function without intermediaries, which always turn out to be the bilingual members of the interacting communities. As stated by N. Mechkovskaya, “Even a minimal mutual understanding is impossible until either side (or at least one of the sides) makes at least one step towards their partners” [23. P. 171]. This step, consisting of mastering the main words of the contact language, has been carried out by bilinguals; i.e. the interaction of cultures (and, obviously, languages) has occurred and still occurs through the mediation of individual bilingualism of a certain number of speakers. American researchers G. Chen and W. Starosta argue, “As a culture bearer, communication influences the structure of culture, and culture necessarily manifests itself, reveals itself in our communicative models, predetermining how we should talk and behave” [30. P. 29]. Culture affects not only communication, but is also exposed to its effects, and most often it occurs when the subject of communication in one or another form of communication assimilates the norms and values of the culture [31. P. 27].

Bilingualism as a phenomenon of transcultural communication can be refined with the help of such concepts as “dynamic bilingualism” [32. P. 100] or “flexible bilingualism” [33], which is opposed to the traditional “disparate bilingualism”. In contrast to the traditional dichotomy of “mixed bilingualism” and “coordinate bilingualism”, which emphasizes mixing or non-mixing of two languages in the consciousness and languages of a bilingual person due to external circumstances and/or language competence. “Dynamic bilingualism” in opposition to “disparate bilingualism” reflects a fundamentally new ideology of using languages as resources in linguistic activities of bilingual people and the merge of the new contact-linguistic phenomena.

“Disparate bilingualism” occurs from the existence of isolated language systems, and therefore the main attention in the consideration of the language contact is drawn to the phenomenon of “code-alternation”, which includes the cases of code-switching, i.e. transition from one language system to another in a single utterance, and “code-mixing”, i.e. hybridization of two language systems. However, some linguists state that there exist “other” contact language phenomena, which do not fit into this classification, especially when the boundaries between languages are not clear [34. P. 446].

The emergence and increasing dissemination of new informational and media technologies only strengthen the ongoing transcultural processes in bilingualism. Due to the level of the development of communication technologies, the style and form of communication are changing; the unwritten rules of the speech organization and speech behavior of bilinguals in internet communication extend beyond the Internet; the cultures of different nations and

countries are wide spread and disseminated. The media of communication and information are a natural satellite of globalization, and are the ground for the formation and dissemination of transcultural communication. Here people are faced with different cultures and languages, which are being reconstructed under the influence of their “social worlds” or “social life-worlds” [35]. E-mail, TV, Internet, mobile phones and other means of communication and information are not only equipment, each of them carries the forms and patterns of our communication. Such models are confined not only to the written form, but also to the oral form.

“In transcultural communication, a process of ‘crossing the border’ from one cultural unity to another is at the forefront of consideration. In each transcultural interaction, a certain bilateral and reciprocal connection may be assumed; however, the main emphasis is primarily placed not on the mutual exchange of cultural elements, but on one-way ‘crossing the border’ from one culture to another. For example, this is clearly manifested in the sphere of mass communication (‘one-way communication’), although the selective ability of the hosting side (the ability to select and choose, interpret and adjust to the culture) hinders this prospect of one-way communication” [36. P. 78].

Transcultural communication is the successful usage of languages within the repertoire of a bilingual, in which language codes for their communication purposes are violated or adapted. In transcultural communication, bilinguals use different communication strategies: the mixing and switching of language codes, borrowings and distortions, language hybridization, pidginization, and others. This process can be characterized as the collection of information in two languages and its transfer by a third, intermediate language.

As a result, a new type of bilingualism appears. This type is formed not only through direct contact of representatives of two or more cultures and languages, but also through the global Internet network. Here research perspective is shifted from a language to “language options” or “speech repertory”. This type of bilingualism is subject to a limited knowledge of the language; i.e., successful communication with other bilinguals within a given society can occur not only in a foreign language, but also in the form of a mixed speech. Linguistic identity does not always coincide with ethnic identity, but together they form a unity, which is called cultural identity [37]. Moreover, a new cultural identity reflecting the trends of the globalizing world comes to be based on transcultural communication.

One of the forms of realization of transcultural communication is the recognized system World Englishes (English as a lingua franca), or the contact variant of English (in foreign literature – World Englishes Paradigm) formed in the 1970s–1980s [38]. It allows the world cultures to express their values, originality, achievements and much more through the codified variant of English. A fairly complete description of the new and old codified variants, including Irish, Singaporean, West African, East African, South Asian, and others can be found in the book *Standards of English. Codified Varieties around the World* by Raymond Hickey.

Another typical example of transcultural communication is the bilingual speech strategy of “code ambigua-

tion” [39], which refers to the intentional creation of linguistic units with an indefinite language status blurring the boundaries between the contacting languages. Below are some examples of code ambiguity based on the examples of ironical use of Latin and Cyrillic intersection: *Веерлога* (beerhouse), *Манхеттен* (restaurant), *База* (business-center), *Зажигалка* (bar), *История*, *ЧеРДак* (night club), *Территория shoppinga* (shopping complex), *Бетонhoff* (company-manufacturer of concrete), *Гатеназия* (newspaper), *GLAMOURный бизнес* (beauty saloon), *Салон татооировки* (tattoo salon), *КосметичКА* (cosmetic shop), *Дятловs* (animated series), *Духless* (book), *Доверие* (the Dove soap ad on the Internet), *VIPендриваться* (to show off), *БарбеQ* (barbecue).

In this case, we are dealing with the intentional ironical use of the “blurry”, “indefinite” and integrated language resources. Thus, the most important characteristic of transcultural bilingual communication is its clearly defined activity and speech-creative character. The study of transculturalism is aimed at describing a qualitatively new, creative, transformative and integrative use of all the language resources available to a bilingual, irrespective of separate languages. This fundamentally new approach to describing the language of bilinguals is reflected in the increasingly popular terms “transculturalism” or “transcultural communication”.

“Models of the Modern Humanitarian Education” in foreign language teaching

Globalization, in particular the transcultural processes, could not but affect education. The model of an educated person, knowledgeable and skilled in the main spheres of life activity is already insufficient. The model of a cultural person came to replace it, which presupposes a cultural and linguistic approach to the study of objects based on transcultural approaches. This approach allows creating a system-holistic view of the world and culture, a humanization of the educational process, developing a model of high school, creating a sociocultural educational platform based on the principle “education–science–culture”. In this case, practical studies, for example, works on the phenomenon of bilingualism, the possibilities and limits of multicultural education in Palestinian-Jewish schools in Israel, are of particular interest [40].

In the context of the integration of countries into world space, cooperation, and the exchange of scientific, cultural and spiritual values, an important place is given to a foreign language as a multi-level communication medium. In the modern world, a high level of knowledge of foreign languages is considered as one of the basic requirements, as an instrument of mutual understanding and respect for foreign cultures in world society. In the information society, knowledge of foreign languages implements the function of knowledge management also performing a motivational and educational function. Learning foreign languages is an element of humanitarian education. The purpose of teaching a foreign language should be to prepare students for interlinguistic and intercultural communication, a cultural dialogue and to form the student as a subject of intercultural communication.

At present, in teaching foreign languages, two interconnected yet independent methodological concepts are actively developing: the concept of a multicultural linguistic personality [41–44] and the concept of cultural dialogue [45–47]. Based on these concepts, in the framework of modern language education, new approaches are outlined aimed at creating a multicultural basis for the content of education in teaching a foreign language, creating an integrated educational space, implementing the idea of developing education through the positions of the heritage of foreign and native languages and cultures, perceiving a foreign culture and forming multicultural educational environment.

Education and upbringing of a person who can adequately coexist in the modern polycultural environment and recognize one's own cultural identity in the surrounding sociocultural environment is one of the priorities of the modern higher education [48. Pp. 133–134].

There are several versions of the modern educational model, such as multicultural, intercultural and transcultural. All of them, one way or other, express an attitude towards the nation, state, national culture and identity, sharpening or smoothing the issue of the need of a non-mononational model of education. Particular attention to the educational models has been drawn in the work "Models of the Modern Humanitarian Education" by N. Kirabayev and M. Tlostanova. The authors believe that the mildest form of rethinking the national model is the concept of multicultural education. The meaning of multicultural education is in the integration, in which students receive the opportunity only "to taste" another culture or knowledge without going beyond their national, ethnic or other subjectivity. Multiculturalism changes neither the condescending patronizing attitude towards others, nor the rigid attitude to its exclusion from the decision-making sphere [49. P. 27].

Analyzing intercultural education, researchers conclude that an intercultural model of education remains within the existing disciplines, but at the same time there is a dialogue between them as they are interdisciplinary in nature. The main component in the strategy of intercultural education is not providing students with the amount of facts or some absolute knowledge, but providing them with the opportunity to learn "to be themselves", which is connected not so much with mastering positive knowledge, but with the need to correlate them with the direct personal and social experience [49. P. 29].

Tlostanova and Kirabayev consider transcultural education to be ideal in the conditions of the global domination of the corporate universalism and technocratic model of education. The goal of transcultural education is training a special worldview, in which another culture, tradition and civilization are viewed not as an obstacle that needs to be brought to a common denominator (most often, its own), but as a completely independent subject or phenomenon with its own dispositions and characteristics, with which it is necessary to engage in dialogue, egalitarian intellectual and cultural interaction [50]. This new transcultural subjectivity will inevitably go beyond national limits, but will be better adapted to the new global flows of information [51]. Upbringing and education of this kind will be based not on providing people with an

amount of multicultural facts, but on cultivating their critical thinking, increasing their ethical and political responsibility, and a subtle hearing regarding the history, memory and languages [49. P. 30].

In a transcultural educational model, education and upbringing are considered as a necessary condition and the most important means of transition to the development of the heights of the human culture. "However, it is also useful to state that 'transcultural' as an adjective for learning or awareness entails more precision than solely 'cultural awareness' (as used by Tomalin and Stempleski), as the former evokes automatically the global context and a multilateral character of interactions" [1. P. 125].

Conclusion

The main conclusion that can be drawn from the conducted theoretical analysis is that the phenomenon of bilingualism is closely related to the spread of transcultural communication. On the one hand, bilingualism contributes to strengthening transcultural processes; on the other hand, bilingualism develops due to the spread of transculturalism in various spheres of life. Accordingly, the description of bilingualism presented at the beginning of the article can be complemented by the following correctional remarks.

– The repertoire of the language means of bilingual speakers is largely transcultural, i.e. is characterized by "blurring", "uncertainty", a peculiar "interlinguistic" or "extralinguistic" status; the interaction of languages and cultures is manifested through the phenomenon of "code ambiguity" and new informational and media technologies, which only strengthen the ongoing transcultural process.

– Bilingualism as a phenomenon of transculturalism can be described as "dynamic" and "flexible" in opposition to the traditional "disparate" and "segregate" understanding of bilingualism.

– Modern bilingualism can be characterized as a result of "ordinary/popular globalization", which includes a large number of people with limited, "truncated" knowledge of a foreign language.

The new transcultural paradigm broadens the horizons of opportunities for learning the phenomenon of bilingualism, fills the established concepts and terms with new meaning, and enables consideration of the linguistic contacts that previously remained out of the context of research.

The methodology of teaching foreign languages and approaches to it should be subjected to fundamental changes: a transition from a passive academic study to the practical tasks of ensuring effective communication. Currently, the language education system of Armenia should be oriented towards the development of multilingualism and meeting the needs of intercultural communication.

Teaching foreign languages should be reoriented to teaching communication through cultures, since language acts as a translator of culture. Considering the process of teaching foreign languages, one should pay attention to the content of intercultural education and the conditions for its implementation, since channels of communication themselves bear a cultural content. "As a result, the illusion of social solidarity is formed due to education, often

aimed at some transethnic or transnational perspective. In such a situation, the instrumental and value-related components of linguocultural dynamics can have very unexpected manifestations, which scientists and educators have yet to comprehend” [52].

The development of multilingualism is not only the provision of bilingual (multilingual) communication, but

also the basis for intercultural dialogue. In our opinion, teaching three foreign languages should be implemented in the educational system, and four for minority groups. Under the conditions of institutionally subordinate multilingualism, the features of teaching a foreign language are largely conditioned by the “mobile” nature of the development of bilingualism.

REFERENCES

- Hadaś, J. (2016) Developing transcultural awareness as a basis for intercultural dialogue: between theory and pedagogical reflection. In: Mikolajczak, A.W. & Dymczyk, R. (eds) *World in Dialogue. Intercultural Problems in the Religious, Economic, Communication and Educational Contexts*. Poznań. pp. 121–138.
- Maslova, V. (2004) *Introduction to Cognitive Linguistics*. Moscow: Flinta. (In Russian).
- Likhachev, D.S. (2000) *Russian Culture*. Moscow: Iskusstvo. (In Russian).
- Gachev, G.D. (2004) *National images of the world. Caucasus*. Moscow: Izdatelskiy servis. (In Russian).
- Epstein, M. (2004) *Space Sign: About the future of human sciences*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Tlostanova, M. (2004) *Post-Soviet literature and esthetics of transculturation. Never live, write from nowhere*. Moscow: Editorial URSS. (In Russian).
- Tlostanova, M. (2008) *From the Philosophy of Multiculturalism to the Philosophy of Transculturation*. Moscow: Universytet družbi narodov. (In Russian).
- Malinovski, B.A. (2004) *Scientific Theory of Culture*. Moscow: OGI. (In Russian).
- Zamel, V. & Spack, R. (2004) *Crossing the Curriculum: Multilingual Learners in College Classrooms*. Routledge.
- Avrorin, V.A. (1972) *Bilingualism and School. Problems of Bilingualism and Multilingualism*. Moscow: Nauka. pp. 49–62. (In Russian).
- Weinreich, U. (2011) *Languages in Contact. French, German and Romansh in twentieth-century Switzerland*. John Benjamins Publishing Company.
- Rosenzweig, V. (1972) *Language contacts: Linguistic problems*. Vol. 5. Leningrad: Nauka. (In Russian).
- Bloomfield, L. (2012) *Language*. New Delhi, India.
- Haugen, E. (1972) *Language contact. The new In Linguistics: Language Contacts*. Vol. VI. Moscow: Progress. pp. 61–80. (In Russian).
- Vereshchagin, E. (2014) *The psychological and methodological characteristic of bilingualism*. Moscow: Berlin, Direct-Media. (In Russian).
- Siguan, M. & Makki, U.F. (1990) *Education and bilingualism*. Moscow: Pedagogika. (In Russian).
- Szwajczer, A. (1978) *Contemporary Sociolinguistics: Theory, Problems, Methods*. Moscow: URSS. (In Russian).
- Yumoto, K.A. (2004) Study of Cognitive Level of Bilingual Proficiency: What Makes Balanced Bilinguals? *The Journal of Asia TEFL*. 1 (2). pp. 135–160.
- Myers-Scotton, C. (2006) *Multiple voices: an introduction to bilingualism*. Blackwell Publishing.
- Appel, R. & Muysken, P. (2006) *Language Contact and Bilingualism*. Amsterdam University Press.
- Zograf, A. (1998) *Multilingualism. Language Studies*. Moscow: Great Russian Encyclopedia.
- Sapir, E. (2002) *Selected works on linguistic and cultural studies*. Moscow: Progress. (In Russian).
- Mechkovskaya, N. (2000) *Sociolinguistics*. Moscow: Aspect-Press. (In Russian).
- Wierzbicka, A. (2003) *CrossCultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction (Mouton Textbook)*. De Gruyter Press.
- Ortiz, F. (2013) *Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Spanish edition*. Transl. into English by Harriet de Onis. New York: Knopf Press.
- Bobakho, V.A. & Levikova, S.I. (2000) *Culturology: basic course program, reader, glossary of terms*. Moscow: Grand: Fair-Press. (In Russian).
- Zhukova, I.N. (2013) *Glossary of intercultural communication terms*. Moscow: Flinta; Nauka. (In Russian).
- Slimbach, R. (2005) The Transcultural Journey. *Frontiers. The Interdisciplinary Journal of Study Abroad*. 11. pp. 205–230.
- Guilherme, M. (2015) Difference in diversity: multiple perspectives on multicultural, intercultural, and transcultural conceptual complexities. *Journal of Multicultural Discourses*. 10 (1). pp. 1–21.
- Chen, G.-M. & Starosta, W.J. (2005) *Foundations of Intercultural Communication*. Boston: University Press of America.
- Grushevitskaya, T.G. (2003) *Bases of Intercultural Communication*. Moscow: YUNITI-DANA. (In Russian).
- Garcia, O. (2009) *Bilingual education in the 21st century: A global perspective*. Malden, MA, Oxford and Chichester: Wiley-Blackwell.
- Zhang, H. & Chan, B. H.-S. (2015) Translanguaging in multimodal Macao posters: Flexible versus separate multilingualism. *International Journal of Bilingualism*. [Online] Available from: <http://ijb.sagepub.com/content/early/2015/07/23/1367006915594691.abstract> (Accessed: 12.04.2017). DOI: 10.1177/1367006915594691
- Auer, P. (2001) Code-switching: Discourse Models. In: Mesthrie, R. (ed.) *The Concise Encyclopedia of Sociolinguistics*. Oxford: Elsevier Science Ltd. pp. 443–446.
- Strauss, A. (2003) *Qualitative Analysis for Social Scientists*. Cambridge University Press.
- Shamne, N. (2003–2004) Intercultural and transcultural communication: to the definition of concepts. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Yazykoznanie – Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. Ser. 2. Vol. 3. pp. 73–80. (In Russian).
- Savchenko, I.A. (2010) Linguistic identity and sociocultural conditions for the development of ethnic communities. *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina – Bulletin of Leningrad State University named after A.S. Pushkin*. 3. pp. 281–296. (In Russian).
- Proshyna, Z. (2010) The variance of the English language and intercultural communication. *Personality. Culture. Society*. XII:2 (55–56). pp. 242–252.
- Moody, A. & Matsumoto, Y. (2003) Don’t touch my moustache: Language blending and code-ambiguity by two J-pop artists. *Asian Englishes*. 6 (1). pp. 4–33.
- Bekerman, Z. (2004) Potential and Limitations of multicultural education in conflict-ridden areas: Bilingual Palestinian-Jewish schools in Israel. *Teachers College Record*. 106 (3). pp. 574–610.
- Isaev, E.A. (2015) Student’s linguistic personality and multicultural self-organization through foreign language teaching. *Language and Culture*. 1 (29). pp. 96–103. (In Russian).
- Gural, S.K. & Pavlenko, E.I. (2011) Formation of Multicultural Multilingual Personality as a new type by third foreign language. *Language and Culture*. 2 (14). pp. 115–120. (In Russian).
- Kuklina, S.S. et al. (2017) Educational autonomy of a multicultural linguistic personality. *Revista Espacios*. 38 (40). p. 24
- Savchenko, I.A. (2013) Sociocultural aspects of the modern educational process. *Training, Testing and Evaluation*. 13. pp. 215–217. (In Russian).
- Sysoyev, P.V. (2018) Revising a structure of intercultural competence: training intercultural interaction in the conditions of “dialogue of cultures” and “non-dialogue of cultures”. *Language and Culture*. 43. pp. 261–281. DOI: 10.17223/19996195/43/16
- Rostova, E. & Shamin, S. (2013) Dialogue of cultures and comparison of cultures in both modern multicultural society and educational process. *Ethnic Dialogues*. 1 (42). pp. 82–89. (In Russian).

47. Millrood, R.P. & Maksimova, I.R. (2017) Learner bilingualism: Yesterday, Today and Tomorrow. *Language and Culture*. 37. pp. 185–204. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/37/13
48. Balashov, E., Pasichnyk, I. & Kalamazh, R. (2016) Intercultural Components of Student Self-Realization in International Volunteering Programmes. *Annual of Social Work*. 23 (1). pp. 123–139. DOI: 316.723 : 364.467-057.87
49. Kirabayev, N. & Tlostanova, M. (2009) Models of modern humanitarian education. *Higher Education in Russia*. 1. pp. 24–32. (In Russian).
50. Soboleva, A.V. & Obdalova, O.A. (2015) Cognitive readiness for intercultural communication as an essential component of intercultural competence. *Language and Culture*. 1 (5). pp. 55–62. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/29/16
51. Obdalova, O.A. & Odegova, O.V. (2018) Intercultural and interlingual communication as a new reality in the context of globalization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 44. pp. 70–81. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/44/7
52. Savchenko, I.A. & Vikulina, M.A. (2018) Linguocultural dynamics and educational process. *Language and Culture*. 43. pp. 199–216. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/43/13

Received: 10 December 2020

Bilingualism as a Phenomenon of Transcultural Communication in Foreign Language Teaching

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 463, 188–195.

DOI: 10.17223/15617793/463/24

Irina A. Savchenko, Linguistics University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation); Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: teosmaco@rambler.ru

Svetlana S. Barseghyan, Vanadzor State University (Vanadzor, Republic of Armenia). E-mail: svetlana-barseghyan@yandex.ru

Билингвизм как феномен транскультурной коммуникации в процессе преподавания иностранного языка

Вестник Томского государственного университета, 2021, 463, 188–195

Савченко Ирина Александровна, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова; Нижегородская Академия МВД России (Нижний Новгород, Российская Федерация). E-mail: teosmaco@rambler.ru

Барсегян Светлана Сергеевна, Ванадзорский государственный университет им. О. Тумаяна (Ванадзор, Республика Армения). E-mail: svetlana-barseghyan@yandex.ru

Ключевые слова: двуязычие; транскulturация; глобализация, языковые контакты; транскультурная коммуникация; мультикультурная модель образования; межкультурная модель образования; транскультурная модель образования.

В статье рассматриваются тенденции развития языкового образования в процессе преподавания иностранных языков в условиях глобализации и информатизации общества, а также собственно лингвистические интерпретации билингвизма, его широкое и узкое понимания, деятельностный, речетворческий аспекты транскulturации. Объектом изучения является вопрос о соотношении транслингвизма и билингвизма как ключевых понятий современной лингвистической контактологии, а также транскulturальное коммуникативное поведение и творческий характер транслингвальной речи билингвов. В научно-исследовательской работе были применены классические методы лингводидактики, педагогики и языкознания, такие как аналогия, обобщение и сравнение; использовались методы социокультурного, системного, структурно-функционального анализа, нарративного анализа и описания. Языковым материалом данного исследования послужили примеры названий кафе, ресторанов, разных салонов и компаний. При исследовании подобных названий внутригородских объектов авторы применили метод анализа и синтеза информации, а также метод изучения, обобщения и сравнения теоретического и практического материала по заданной теме. Поскольку идеологической основой транскulturации является эпистемологическое переосмысление понятий традиционной культуры, в данном исследовании авторы трактуют транскulturальную коммуникацию как процесс успешного использования языков репертуара билингва, при котором порою нарушаются или приспосабливаются языковые коды для своих коммуникативных целей. Типичным примером транскulturальной коммуникации может послужить билингвальная речевая стратегия «кодовой амбигуации». В статье приводятся примеры игрового использования пересечений кириллицы и латиницы: *GLAMOURный бизнес* (beauty saloon), *Салон татуировки* (tattoo salon), *КосметичКА* (cosmetic shop) (КА в армянском языке обозначает «наличие чего-либо») и др. Мы рассматриваем этот процесс как сбор информации на двух языках и передачу ее посредством третьего, промежуточного языка. Вследствие этого возникает новый тип билингвизма. В результате исследования мы пришли к следующему выводу: репертуар языковых средств билингвов в значительной степени транскulturален, т.е. характеризуется «размытостью», «неопределенностью», своеобразным «меж-языковым» или «внеязыковым» статусом. Вместе с тем надо отметить, что в условиях институционально подчиненного многоязычия особенности преподавания иностранного языка в большинстве своем обусловлены динамичным характером развития двуязычия.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 10 декабря 2020 г.

ПРАВО

УДК 341.6

А.Г. Архипова, Е.А. Абросимова

АРБИТРАБЕЛЬНОСТЬ МОРСКИХ СПОРОВ С ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫМ ЭЛЕМЕНТОМ

Статья подготовлена в рамках гранта МГИМО МИД России на выполнение научных работ молодыми исследователями под руководством докторов наук – X конкурса молодых ученых «75 лет МГИМО».

Целью статьи является выявление специальных критериев арбитрабельности морских споров с публичным элементом. Морской арбитраж выбран в связи с тем, что в последнее время в России растет число отказов в выдаче исполнительного листа на решения морских арбитражей: в России множество аспектов морской перевозки обнаруживают присутствие публичного элемента; российские суды оперируют чрезмерно абстрактным критерием концентрации публичного элемента.

Ключевые слова: арбитрабельность; объективная арбитрабельность; субъективная арбитрабельность; специальная арбитрабельность; морские споры с публичным элементом; концентрация публичного элемента.

Международный коммерческий арбитраж традиционно является актуальным способом разрешения споров, связанных с торговым мореплаванием. Стороны таких споров часто выбирают альтернативные формы разрешения споров, поскольку в этом случае спор может рассматриваться арбитрами, имеющими специальные знания в области торгового мореплавания и морского права. Важную роль играет также готовность арбитров учитывать и корректно оценивать влияние иностранных элементов, которыми часто осложнены морские споры, и обычаев торгового мореплавания. Эти особенности международного коммерческого арбитража востребованы в рамках разрешения традиционных морских споров, например, связанных с договорами перевозки, фрахтования, морского страхования, буксировки. Они также будут весьма актуальными при рассмотрении морских споров, которые могут возникать в рамках новых тенденций в развитии российского морского права, например, в связи с судоходством по Северному морскому пути.

Однако в последние годы в российской судебной практике наблюдаются некоторые тенденции, которые могут поставить под сомнение возможность передачи некоторых видов морских споров в арбитраж. Эти тенденции касаются прежде всего случаев, в которых спор осложнен теми или иными публично-правовыми элементами. Такие элементы связаны в первую очередь с субъектным составом споров, а именно с участием в них государственных компаний, государственных корпораций, хозяйственных обществ с государственным участием, государственных предприятий и тому подобных субъектов. Публично-правовой элемент может также усматриваться в основании возникновения спора (например, спор возник в связи с исполнением так называемого госконтракта) либо в особенностях исполнения спорного обязательства (например, финансирование по спорному договору осуществлялось за счет бюджетных средств).

С учетом важности международного коммерческого арбитража для морских споров и наметившейся в судебной практике тенденции к избыточному и не всегда обоснованному ограничению арбитрабельно-

сти необходим более детальный анализ, который позволит показать, в каких случаях спор, связанный с торговым мореплаванием, действительно не является арбитрабельным, а в каких вывод о неарбитрабельности является необоснованным и нуждается в корректировке.

Такой анализ уместно начать с общего обзора проблемы арбитрабельности. Речь идет об арбитрабельности в целом как явлении, а также об арбитрабельности отдельных категорий споров по объективным и субъективным признакам. Необходимо выделять и специальную арбитрабельность, а именно относимость спора к компетенции конкретного арбитражного института (различные виды арбитрабельности будут подробно рассмотрены далее). При всем разнообразии имеющихся исследований авторам настоящей статьи не удалось обнаружить ни одной работы, отдельно посвященной вопросам арбитрабельности морских споров или специальной компетенции Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате РФ (далее – МАК) и ее зарубежных аналогов. Такие работы отсутствуют как у российских, так и у зарубежных авторов, что обосновывает несомненную научную новизну настоящего исследования. Исключение лишь отчасти может составлять работа профессора Алсопа, посвященная морскому арбитражу в целом и затрагивающая, таким образом, критерии арбитрабельности в указанной сфере [1]. Исходя из этого, далее будет представлен обзор литературы, посвященной вопросам арбитрабельности в целом, а также отдельным ее субъективным и объективным аспектам.

Первая значимая волна работ наблюдается в конце XX – начале XXI в., что объясняется скачком развития международного торгового оборота в целом и ростом популярности арбитража как способа рассмотрения споров в частности. Хотя наиболее известные арбитражные институты возникли еще в начале XX в.¹, а отдельные работы по вопросам арбитрабельности встречаются и ранее, но на данный момент они отчасти потеряли свою актуальность [2. С. 209–214].

Из отечественных работ конца XX в. следует отметить исследования профессора С.Н. Лебедева [3, 4].

Именно он в 1988 г. ввел термин «арбитрабельность» в российский (тогда – советский) и русскоязычный научный оборот. Не будем подробно останавливаться на разногласиях относительно гласной, используемой в суффиксе (арбитрабельность / арбитрабельность), и соответствующего ударения: с точки зрения авторов настоящей статьи, данная дискуссия никак не влияет на смысловое наполнение термина.

Из зарубежных исследований того периода можно выделить статью профессора Хёлеринга, посвященную вопросам арбитрабельности [5]. В этой статье профессор отмечает, что стороны могут договориться о передаче на рассмотрение в арбитраж почти любого спора, и с учетом этого анализирует решения, вынесенные по вопросам арбитрабельности на уровне федерации и штатов в США с точки зрения материально-правовой и процессуальной составляющей.

Нельзя обойти вниманием классические зарубежные исследования международного коммерческого арбитража – работы Гэри Борна [6] и Фушара, Гайара и Голдмана [7]. В них анализируется правовая природа арбитража и, разумеется, авторы не обошли вниманием вопросы общей арбитрабельности, а также арбитрабельности с точки зрения действительности арбитражного соглашения.

Важный вопрос оценки арбитрабельности рассматривается в статье «A Second Look at Arbitrability...» [8]. Авторы пишут о последующей оценке спора на предмет его арбитрабельности государственным судом в случае, если одна из сторон ходатайствует об отмене арбитражного решения или оспаривает промежуточное постановление о компетенции. Это важный вопрос, поскольку он затрагивает не только арбитрабельность как таковую, но и ее оценку судом, которая основана в том числе на текущей государственной политике и взаимоотношениях государственного суда и арбитража. Таким образом, можно говорить о субъектно-ориентированной оценке арбитрабельности, что в морском арбитраже является важным. Кроме того, зачастую, ввиду принципа конфиденциальности арбитража, у исследователя есть возможность рассмотреть проблему арбитрабельности только на основании судебной практики по отмене арбитражных решений. Эта особенность актуальна и для российской практики, в частности по морским спорам.

Общие вопросы арбитрабельности также анализируются в различных учебных изданиях, посвященных международному коммерческому арбитражу, в частности, Б.Р. Карабельниковым, однако такой анализ носит общий характер, направленный на разъяснение особенностей понятия для учебных целей, и не касается частных вопросов, одним из которых является арбитрабельность морских споров [9]. Такие исследователи, как С.А. Курочкин [10–12] и В.В. Ерёмин [13], соотносят в своих работах понятие арбитрабельности и подведомственности, рассуждая о применимости последнего понятия к третейским судам и международным коммерческим арбитражам. Это также актуально для морского коммерческого арбитража, в том числе и потому, что морские арбитражные институты являются учреждениями более специальной ком-

петенции по сравнению с постоянно действующими арбитражными институтами общей компетенции. Как известно, термин «подведомственность» предполагает разделение компетенции с точки зрения предмета спора между органами общей и специальной компетенции. Спорным является его применение для разделения компетенции государственных судов и арбитражей. Следует также оценить, насколько он применим для разделения компетенции международного коммерческого и морского арбитража.

Вопросам арбитрабельности (общей и специальной) ряд специальных статей, а также диссертацию на соискание степени кандидата юридических наук посвятила А.И. Минина [14–16]. В работах ученого термин и явление арбитрабельности подвергается скрупулезному исследованию, оцениваются ее отдельные виды и критерии, рассматривается практика различных арбитражных институций, а также государственных судов (по отмене арбитражных решений и определений по вопросам компетенции). А.И. Минина в диссертации и статье, посвященной субъективной арбитрабельности, исследует существенный массив практики МАК, однако деятельность данного арбитражного института не находится в центре исследования, а лишь является одним из примеров.

Вопросам субъективной арбитрабельности также посвящена статья А.И. Коломиец [17], в которой аспекты арбитрабельности рассматриваются применительно к заключению арбитражного соглашения. Критерий субъективной арбитрабельности используется в том числе и для оценки действительности арбитражного соглашения. В данной статье, однако, не уделено достаточно внимания субъективной арбитрабельности в спорах, передаваемых на рассмотрение в морской арбитраж.

В настоящей статье рассматриваются, в частности, проблемы арбитрабельности споров, возникающих из контрактов, заключенных в результате проведения специальных процедур закупки. Этот вопрос неоднократно исследовался в научных статьях [18–21]. Авторы расходятся во мнении относительно необходимости признания таких споров арбитрабельными. При этом А.И. Муранов отмечает ряд неточностей, допущенных в запросе, направленном в Конституционный Суд Российской Федерации, относительно разъяснения возможности передачи на рассмотрение в третейский суд споров, возникающих из договоров, заключенных на основании Ф3-223 [22]. В настоящей статье вопрос арбитрабельности таких категорий споров рассмотрен исключительно применительно к морскому арбитражу, что представляется важным, поскольку в спорах, связанных с морской перевозкой, сравнительно часто затрагивается публично-правовой аспект, который и является камнем преткновения при решении вопроса об арбитрабельности споров, возникающих из отношений, регулируемых упомянутым законом.

Хотелось бы отдельно отметить статью К. Дрличковой [23], которая посвящена учету публичного интереса при определении арбитрабельности спора. Автор подчеркивает, что понятия арбитрабельности (и как минимум критерий его определения) не суще-

ствуется на международном уровне, закрепляется индивидуально в национальном законодательстве и, как следствие, отражает тот самый государственный интерес. К. Дрличкова пишет о том, что наличие публичного интереса как такового в споре не означает автоматически неарбитрабельности такого спора, нельзя приравнять публичный интерес и неарбитрабельность. Автор подчеркивает, что экономические споры, подразумевающие публичную составляющую, в целом вполне могут быть переданы на рассмотрение в арбитраж.

Если говорить о самом понятии арбитрабельности, то следует отметить, что при всей логичности термина и очевидности лексической структуры оно имеет множество оттенков смысла. Распространенный в заимствованных терминах суффикс «-абель (-ибель)» означает дословно «возможность» или «способность». Арбитрабельность – способность спора быть предметом арбитражного разбирательства. Оттенки и значения смысла определяются тем, с точки зрения каких критериев такая арбитрабельность оценивается.

Термин широко используется в отечественной и зарубежной доктрине и практике. По словам Х.К. Блэка, английскому праву он известен с 1910 г. [24], причем подразделяется на процессуальную и материальную, или сущностную арбитрабельность. Последняя определяет на основании оценки существа спора, может ли тот или иной спор быть предметом арбитражного разбирательства. С этой точки зрения нет единого подхода к арбитрабельности на международном уровне. Различные международные договоры и конвенции в сфере международного коммерческого арбитража оставляют определение категорий арбитрабельных споров на усмотрение национального законодателя, что отмечает в уже упомянутом исследовании К. Дрличкова [23]. Чаще всего законодатель исходит из презумпции арбитрабельности частноправовых споров, устанавливая конкретные ограничения в виде перечисления неарбитрабельных споров. В частности, именно на таком подходе настаивал Конституционный Суд Российской Федерации в своем известном постановлении [25].

Такую арбитрабельность еще иногда именуют объективной, она «представляет собой определение категорий споров, которые могут быть переданы для разрешения в арбитражном порядке, и категорий, которые подлежат разрешению исключительно в государственном суде» [26. С. 109]. В противоположность объективной арбитрабельности выделяют еще субъективную. Она определяется исходя из свойств субъектов спора, из их специальной правоспособности, которая может препятствовать передаче на рассмотрение в арбитраж споров, в которых они являются стороной [12. С. 142]. В частности, вопрос о наличии субъективной арбитрабельности может ставиться в случаях, когда стороной спора является государственное предприятие, хозяйственное общество с государственным участием и т.п.

Субъективную неарбитрабельность, на наш взгляд, можно разделить на односторонне-обусловленную и двусторонне-обусловленную. В последнем случае каждый из субъектов по отдельности может переда-

вать споры на рассмотрение в арбитраж, но при одновременном участии в отношениях определенных категорий субъектов споры, вытекающие из таких отношений, становятся неарбитрабельными. Примером могут служить отношения профессионального предпринимателя и потребителя. В отношениях между собой индивидуальные и коллективные коммерсанты, как и физические лица, не связаны запретом на рассмотрение споров в арбитраже, отрицательный эффект достигается лишь при условии сочетания субъектов.

Также выделяют оценку арбитрабельности спора в зависимости от существующего арбитражного соглашения [17]. Такой подход охватывает вопросы действительности арбитражного соглашения, компетенцию указанного в нем арбитражного института с точки зрения правильности его обозначения, компетенцию избранных сторонами арбитров применительно к порядку их избрания / назначения, а также охват рассматриваемого спора предметом соглашения.

Последний значимый для настоящего исследования аспект арбитрабельности, на котором хотелось бы остановиться, – это специальная арбитрабельность. Она, наряду с общей возможностью рассмотрения спора в порядке арбитража, в принципе оценивается исходя из существа спора. Отличительной чертой специальной арбитрабельности является то, что при ее оценке учитывается относимость спора к компетенции конкретного арбитражного института с точки зрения его специфики (зернотрейдерский, спортивный, нефтяной, морской арбитраж). Авторы намеренно не включают в этот перечень инвестиционный арбитраж, поскольку в нем всегда используется объективно-субъективный критерий. Применительно к содержанию настоящего исследования вопросы специальной компетенции имеют особое значение, поскольку речь идет о Морской арбитражной комиссии и ее аналогах. Несмотря на то, что в большинстве стран, имеющих специальную морскую арбитражную институцию, круг «морских споров» очерчен примерно одинаково, расхождения все же существуют. Кроме того, существуют споры, в отношении которых не всегда просто определить, носят ли они морской характер. Примером могут быть споры, вытекающие из смешанных перевозок, где лишь один из этапов перевозки осуществляется морским транспортом.

В.В. Ерёмин пишет [13], что арбитрабельность представляет собой мозаику, в которой элементами выступают возможность рассмотрения спора в арбитраже с точки зрения природы такого спора, наличия арбитражного соглашения, его действительности, наличия компетенции конкретного института и состава арбитров, а также факта утверждения арбитрами своей компетенции. С учетом проведенного выше анализа к приведенному здесь перечню элементов арбитрабельности следует добавить субъективную арбитрабельность.

Анализ основных элементов арбитрабельности применительно к морским спорам уместно начать с объективной арбитрабельности. В российском законодательстве и судебной практике сформировался подход, основанный на презумпции арбитрабельности

гражданско-правовых споров [25, 27]. Согласно п. 3 ст. 1 Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (далее – Закон об арбитраже) в арбитраж по соглашению сторон могут передаваться споры между сторонами гражданско-правовых отношений, если иное не предусмотрено федеральным законом². Аналогичный подход закреплен в п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами РФ функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража». Таким образом, любой гражданско-правовой спор по умолчанию арбитрабелен. Для вывода о неарбитрабельности спора необходимо, чтобы арбитрабельность была прямо исключена нормой закона.

Следовательно, формально для ответа на вопрос о том, какие морские споры с публично-правовым элементом являются арбитрабельными с позиций объективной арбитрабельности, а какие – нет, достаточно перечислить нормы закона, которые исключают арбитрабельность тех или иных споров.

Такие положения можно условно разделить на две категории. Во-первых, это общие исключения арбитрабельности, относящиеся в том числе к морским спорам. Например, очевидно, что в сфере торгового мореплавания могут возникать как гражданско-правовые споры, так и споры публично-правового характера (о нарушении пограничных правил, правил вылова водных биологических ресурсов и др.). Публично-правовые споры в сфере торгового мореплавания, безусловно, не являются арбитрабельными.

Кроме того, известным ограничением субъективной арбитрабельности является признание «условно неарбитрабельными» споров, возникающих из так называемых госконтрактов (Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»)³. При этом в судебной практике признается [27, 29], что в отсутствие соответствующего законодательного исключения являются арбитрабельными споры, связанные закупками товаров отдельными видами юридических лиц (Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»).

Во-вторых, некоторые морские споры не являются арбитрабельными в силу специальной нормы закона или международного договора, которые относятся к сфере морского права. Например, согласно ст. 187 Конвенции ООН по морскому праву споры между сторонами контрактов по поводу работ в Районе морского дна подчиняются особому режиму, предусмотренному конвенцией. Хотя по своей природе эти споры могут носить частно-правовой характер, они не являются арбитрабельными. Аналогичным образом признаются неарбитрабельными споры, связанные с возмещением экологического вреда, поскольку ст. 76 Закона «Об охране окружающей среды» предусматривает лишь судебный порядок их разрешения. Говоря о более специфических категориях экологических споров в сфере торгового мореплавания, стоит упо-

мянуть, что споры, связанные с ответственностью за загрязнение с судов нефтью (глава XVIII Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации, далее – КТМ), с ответственностью за ущерб в связи с морской перевозкой опасных и вредных веществ (глава XIX КТМ) и с ответственностью за ущерб от загрязнения бункерным топливом (глава XIX.1 КТМ), также не являются арбитрабельными. На наш взгляд, подобное решение законодателя связано прежде всего с тем, что эти споры предполагают множественность истцов (лиц, которым причинен вред). Сам по себе деликтный характер обязательства, лежащего в основе спора, не является препятствием для передачи спора в арбитраж. Примерами арбитрабельных морских споров, имеющих деликтную основу, являются споры о столкновении судов.

В связи с общим исключением арбитрабельности споров, связанных с возмещением экологического ущерба, может возникнуть вопрос об арбитрабельности споров, вытекающих из договоров спасания, в той степени, в которой спор касается уплаты так называемой специальной компенсации спасателям, связанной с предотвращением экологического вреда (ст. 343 КТМ). Поскольку этот спор возникает между конкретными, определенными лицами (спасателями и владельцами спасенного имущества) и не предполагает множественности на стороне истца или ответчика, препятствий для его передачи в третейский суд нет. О возможности разрешения арбитражем вопроса о размере специальной компенсации в рамках спора, вытекающего из договора спасания, прямо говорит п. 2 ст. 343 КТМ.

В отношении иных гражданско-правовых споров, связанных с торговым мореплаванием, отсутствуют нормы закона, исключающие их арбитрабельность. Следовательно, с точки зрения закона препятствий для признания объективной арбитрабельности таких споров нет.

Более сложным является вопрос о субъективной арбитрабельности споров, вытекающих из отношений, связанных с торговым мореплаванием. В последние годы в этой сфере участвует все больше организаций, так или иначе связанных с государством: государственных унитарных предприятий, государственных корпораций, акционерных обществ с государственным участием и т.п. В судебной практике просматривается тенденция, направленная на ограничение арбитрабельности таких споров по критерию, который носит смешанный характер, однако прежде всего относится к субъективной арбитрабельности. Речь идет о так называемой «концентрации публично-правовых элементов», а именно о представлении, согласно которому сочетание в одном споре нескольких публично-правовых элементов, пусть даже и не перечисленных в законе, ограничивающем арбитрабельность, может приводить к тому, что гражданско-правовой спор утрачивает арбитрабельность.

Ссылки на концентрацию публичных элементов встречаются в судебных актах Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации [30, 31], Верховного Суда Российской Федерации [27, 32], а также нижестоящих судов [29, 33]. При этом наблюдается посте-

пенное размывание понятия «концентрации публичных элементов». Например, в Постановлении ВАС от 28.01.2014 № ВАС-11535/13 указывается на четыре элемента, одновременное наличие которых позволило суду сделать вывод о неарбитрабельности спора: заключение договора в публичных интересах, специальным публичным субъектом, с целью удовлетворения государственных и муниципальных потребностей и с финансированием, осуществляемым за счет средств соответствующего бюджета. В некоторых более поздних актах признается, что в рассматриваемом споре присутствуют не все эти элементы (иногда – лишь один из них), и тем не менее делается вывод о неарбитрабельности спора [33; 34;35]. Имеются также примеры, в которых суд ссылается на дополнительные, не обозначенные в первоначальной судебной практике публично-правовые элементы, наличие которых также приводит к выводу о неарбитрабельности: речь идет, в частности, об участии в споре государственной корпорации, осуществляющей некоторые государственные функции [36], или о том, что в результате разрешения спора имущество, находившееся в публичной собственности, перешло в частную собственность [32].

Подчас в подобных случаях суды ссылаются не на отсутствие арбитрабельности, а на нарушение публичного порядка Российской Федерации. На наш взгляд, в таких случаях происходит подмена понятий: в тех случаях, когда вывод об отсутствии арбитрабельности не удается обосновать со ссылкой на применимое положение закона, его подменяют доводом о нарушении публичного порядка, имеющим, однако, иную природу.

Практически во всех случаях в состав публичных элементов, на «концентрацию» которых указывают суды, входит тот или иной субъективный фактор, относящийся к стороне спора. Речь идет об участии в споре субъектов с особым статусом: государственных компаний и корпораций, государственных унитарных предприятий, хозяйственных обществ с государственным или муниципальным участием и т.п.

К иным публичным элементам, присутствие которых создает «концентрацию», можно отнести исполнение спорного договора в рамках государственного или муниципального заказа, применение бюджетных средств при исполнении денежных обязательств по договору и т.п. Подобные элементы стоит относить к субъективной арбитрабельности.

Стоит, однако, заметить, что концепция «концентрации публичных элементов» не выдерживает критики сразу по нескольким причинам. Во-первых, она не основана на законе и, напротив, противоречит действующему законодательному регулированию. Исходя из концепции презумпции арбитрабельности, для признания тех или иных категорий споров неарбитрабельными (в том числе в смысле субъективной арбитрабельности) необходима норма закона. Однако законодательных оснований для утверждения о том, что спор с участием «специальных публичных субъектов» не может передаваться в арбитраж, нет. Организации, относящиеся к этой категории, участвуют в гражданском обороте как самостоятельные

субъекты хозяйственной деятельности и действуют на равных основаниях с иными, «негосударственными» субъектами. Нет оснований и для вывода об объективной неарбитрабельности споров, где присутствуют перечисленные выше публичные элементы, поскольку законом арбитрабельность таких споров не исключена.

Во-вторых, применяемый в рамках этой концепции критерий не поддается какой-либо объективной оценке. Невозможно оценить, в каких единицах измеряется «концентрация» публичных элементов, какой уровень этой «концентрации» превращает спор в неарбитрабельный. По этим причинам применение этой концепции приводит к утрате какой-либо предсказуемости в отношении арбитрабельности споров с публичным элементом.

Приведенную выше позицию можно проиллюстрировать примером из судебной практики, а именно судебными актами по делу № А40-117331/2018. Необходимо оговориться, что формально этот спор не относится к морским. Однако, как показано ниже, сделанные в рамках этого дела выводы могут иметь серьезное значение для решения вопроса о возможности передачи в арбитраж некоторых категорий морских споров.

В рамках этого дела рассматривался вопрос о выдаче исполнительного листа на решение зарубежного арбитража по спору об обращении взыскания на находившиеся в залоге акции. Залогодателем ценных бумаг и эмитентом акций были российские судостроительные предприятия, входящие в группу компаний с АО «Объединенная судостроительная корпорация». Зарубежный арбитраж принял решение об обращении взыскания на заложенные акции в связи с неисполнением обязательства по требованию, обеспеченному залогом. Истцом и залогодержателем выступало иностранное юридическое лицо.

Российские суды отказали в выдаче исполнительного листа, сославшись на следующие доводы. Конечным бенефициаром залогодателя, а также конечным бенефициаром эмитента заложенных акций является государственная корпорация, а значит, в итоге бенефициаром является Российская Федерация. По мнению судов, при таких обстоятельствах «приведение в исполнение решения иностранного арбитражного суда... может нанести ущерб бюджету Российской Федерации в результате вывода денежных средств на счета иностранных компаний». Суды также сослались на то, что государственная корпорация входит в перечень стратегических предприятий.

Можно предположить, что вывод судов по анализируемому делу основан на применении концепции субъективной неарбитрабельности. По мнению судов, ситуация, в которой ответчиком является общество, чьим конечным бенефициаром является Российская Федерация, и при этом истцом, в пользу которого обращается взыскание, является иностранная организация, создает столь высокую «концентрацию» публично-правовых элементов, при которой спор не может считаться арбитрабельным⁴.

Однако, на наш взгляд, применение подобного подхода приводит к полной утрате предсказуемости

по вопросу об арбитрабельности. Анализ судебных актов не позволяет точно определить, изменился ли бы вывод судов, если бы истцом было не иностранное, а российское юридическое лицо. Предположив утвердительный ответ на вопрос, мы пришли бы к выводу о том, что один и тот же спор с участием российского истца арбитрабелен, а аналогичный спор с участием иностранного истца арбитрабельным не является, либо – уточним наше предположение – к выводу о том, что арбитрабельность такого спора с участием иностранного истца зависит от того, будет ли удовлетворен иск. На наш взгляд, абсурдность обоих выводов очевидна.

По нашему мнению, не основаны на законе выводы судов о неарбитрабельности споров, касающихся имущества организаций, конечным бенефициаром которых является Российская Федерация, а также о неарбитрабельности споров с участием дочерних организаций лиц, включенных в перечни стратегических предприятий. Довод о недопустимости «ущерба бюджету Российской Федерации» также не выдерживает критики, поскольку субъекты экономической деятельности, участвуя в гражданских отношениях, действуют в своих интересах, их акционеры, в том числе Российская Федерация, по их обязательствам не отвечают.

В то же время если предположить, что принятый в анализируемом деле подход, основанный на принципе «концентрации публичных элементов», будет применяться и далее, то это будет означать невозможность передачи в арбитраж целого ряда морских споров. Например, речь может идти о неарбитрабельности практически всех споров, связанных с судостроением и судоремонтом. Это связано с тем, что на данный момент значительное количество российских судостроительных и судоремонтных предприятий входит в группу компаний АО «Объединенная судостроительная корпорация», а следовательно, к ним теоретически применим довод о Российской Федерации как о конечном бенефициаре.

При применении концепции «концентрации публичных элементов» существует также риск признания неарбитрабельными большинства споров, связанных с плаванием по Северному морскому пути. Это связано с тем, что согласно ст. 5.1 КТМ плавание по Северному морскому пути осуществляется при содействии Государственной корпорации по атомной энергетике «Росатом» (далее корпорация «Росатом»). Корпорация «Росатом» осуществляет общую организацию плавания судов в акватории Северного морского пути, согласовывает выдачу разрешений на плавание и осуществление ледовой лоцманской проводки, согласовывает ряд нормативных актов, регулирующих плавание по Северному морскому пути (правила ледовой и ледовой лоцманской проводки, положение о гидрометеорологическом обеспечении плавания судов и др.). Согласно п. 4.1 ст. 4 Федерального закона от 01.12.2007 № 317-ФЗ «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»» корпорация «Росатом» «действует в целях проведения государственной политики, управления государственным имуществом, оказания государственных услуг в сфере раз-

вития и устойчивого функционирования Северного морского пути». В то же время обеспечение ледокольной проводки в акватории Северного морского пути указано в п. 5 ст. 4 названного закона как самостоятельный вид деятельности корпорации «Росатом», не связанный с осуществлением государственной политики. При этом согласно п. 6.1 ст. 6 закона корпорация «Росатом» осуществляет, в частности, функции главного распорядителя и получателя бюджетных средств в области развития и устойчивого функционирования Северного морского пути. Таким образом, корпорация «Росатом» в рамках своей деятельности, связанной с плаванием по Северному морскому пути, осуществляет как публично-правовые, так и частно-правовые функции.

Как указано выше, в судебной практике имеются судебные акты, в которых был сделан вывод о неарбитрабельности споров с участием корпорации «Росатом» в связи с осуществлением этой организацией функций по государственному управлению в сфере использования атомной энергии [39]. В связи с этим возникает вопрос об арбитрабельности споров, связанных с плаванием, ледовой и лоцманской проводкой по Северному морскому пути. На наш взгляд, следует разделять случаи, в которых стороной потенциальных споров является непосредственно корпорация «Росатом», при этом, исходя из предмета спора, речь может идти об осуществлении корпорацией функции по государственному управлению; случаи, в которых стороной спора также является корпорация «Росатом», однако спор вытекает из гражданско-правовых отношений; и случаи, в которых сторонами спора являются иные лица, а корпорация «Росатом» выступает в роли организации, выдающей согласования, разрешения и т.п. Представляется, что ответы на вопрос об арбитрабельности должны быть следующими. Первая категория споров относится к публично-правовым и, как следствие, не является арбитрабельной по признаку объективной арбитрабельности. Вторая категория является арбитрабельной, поскольку отсутствуют положения законодательства, исключающие передачу гражданско-правовых споров с участием корпорации «Росатом» в арбитраж. Арбитрабельной является и третья категория споров; на этот вывод не влияет и то, что в настоящее время существенная часть организаций, оказывающих услуги по ледокольной и ледовой лоцманской проводке в акватории Северного морского пути [37], относится к «специальным публичным субъектам» (государственные бюджетные учреждения, государственные унитарные предприятия и т.п.).

В то же время применение понятия «концентрации публичных элементов» может существенно исказить приведенную выше картину. При этом нельзя исключить ограничения возможности передачи в арбитраж морских споров в отсутствие для этого правовых оснований. Такое развитие событий представляется неблагоприятным не только потому, что право на третейское разбирательство является одной из экономических свобод участников гражданских отношений, но и потому, что таким образом снижается уровень предсказуемости для участников отношений по торговому мореплаванью.

Как было указано выше, имеется еще два критерия арбитрабельности: арбитрабельность в зависимости от наличия действительного арбитражного соглашения и специальная арбитрабельность, предполагающая, что спор подпадает под специальную компетенцию того или иного арбитражного учреждения. Арбитрабельность морских споров применительно к этим двум критериям позволяет поставить ряд актуальных вопросов. В частности, к ним относится вопрос о возможности распространения действия арбитражного соглашения на третьих лиц, которые участвуют в некоторых морских спорах (например, на грузополучателей по спорам, вытекающим из договора перевозки; на выгодоприобретателей по спорам, вытекающим из договора страхования). Интересен также вопрос о форме и формальностях заключения арбитражного соглашения в некоторых особых ситуациях, скажем, по спорам о столкновении судов. Кроме того, актуален вопрос о корректном определении предметной компетенции специализированных морских арбитражных учреждений. Тем не менее, по нашему мнению, эти вопросы являются самостоятельными и заслуживают отдельного рассмотрения.

В заключение укажем, что в силу п. 3 ст. 1 Закона об арбитраже гражданско-правовые споры являются арбитрабельными, если законом не установлено иное. Это относится, на наш взгляд, как к объективной, так и к субъективной арбитрабельности. Некоторые категории морских споров не являются арбитрабельными в объективном смысле, поскольку они не относятся к гражданско-правовым, либо в силу специальных норм закона, исключающих их арбитрабельность. К последним случаям относятся, например, споры, связанные с ответственностью за загрязнение нефтью и бун-

керным топливом. Поскольку возможность передачи в арбитраж споров, сторонами которых являются государственные компании и корпорации, хозяйственные общества с государственным участием и тому подобные «специальные публичные субъекты», не исключена законом, такие споры являются арбитрабельными в субъективном смысле.

Применение судами критерия «концентрации публичных элементов» для обоснования неарбитрабельности споров является некорректным, поскольку, во-первых, нарушает изложенный выше общий критерий арбитрабельности. Во-вторых, этот критерий не позволяет установить, какие именно элементы должны учитываться и как они должны измеряться для того, чтобы «концентрация» привела бы к неарбитрабельности спора. В рамках этого критерия происходит размытие состава публичных элементов, учитываемых для измерения «концентрации», что создает высокую степень непредсказуемости в вопросе об арбитрабельности. Применение этого критерия может быть весьма неблагоприятным для морских споров, поскольку в них часто встречаются некоторые публичные элементы, не меняющие, однако, гражданско-правовую природу споров. Для дальнейшего развития торгового мореплавания важным является сохранение возможности передачи споров в арбитраж по соглашению сторон. По этим причинам представляется важным отказ от применения критерия «концентрации публичных элементов» для решения вопроса об арбитрабельности морских споров. В случае если законодатель стремится ограничить или исключить передачу того или иного морского спора в арбитраж, корректным является законодательный путь решения этой задачи.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Например, МАК при Торгово-промышленной палате СССР (ТПП СССР) была создана еще в 1930 г., Внешнеторговая арбитражная комиссия при ТПП СССР – в 1932 г., а история Лондонского международного третейского суда (LCIA) восходит к 1891 г.
- ² Аналогичная норма содержится в п. 2 ст. 1 Федерального закона от 24.07.2002 № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» [28].
- ³ Невозможность передачи споров, вытекающих из указанного закона, в арбитраж предусмотрена п. 6 ч. 2 ст. 33 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.
- ⁴ Формально в данном случае основанием для отказа в выдаче исполнительного листа стало нарушение публичного порядка. Однако трудно заметить, что фактически аргументация судебных актов строится на тезисе о невозможности рассмотрения подобных споров в арбитраже. Таким образом, речь идет лишь о технической подмене одного основания для отказа в выдаче исполнительного листа (неарбитрабельность спора) другим (нарушение публичного порядка).

ЛИТЕРАТУРА

1. Allsop J.J. International Maritime Arbitration: Legal and Policy Issues (FCA) // FedJSchol. 2007. № 7. URL: <http://classic.austlii.edu.au/au/journals/FedJSchol/2007/7.html> (дата обращения: 25.02.2020).
2. Fleming R.W. Arbitrators and Arbitrability // Washington University Law Quarterly. 1963. № 2 (200). P. 200–221. URL: https://openscholarship.wustl.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://www.google.com/&httpsredir=1&article=3184&context=law_lawreview (дата обращения: 25.02.2020).
3. Лебедев С.Н. Международный коммерческий арбитраж: компетенция арбитров и соглашение сторон. М. : ТПП СССР, 1988. 124 с.
4. Лебедев С.Н. Избранные труды по международному коммерческому арбитражу, праву международной торговли, международному частному праву, частному морскому праву / сост. А.И. Муранов. М. : Статут, 2009. 717 с.
5. Hoellering M.F. Arbitrability of Disputes // The Business Lawyer. 1985. Vol. 41, № 1. P. 125–144. URL: www.jstor.org/stable/40686674 (дата обращения: 25.02.2020).
6. Born G.B. International arbitration: law and practice. Wolters Kluwer, 2012. XXVIII + 480 p.
7. Fouchard Ph., Gaillard E., Goldman B. Fouchard, Gaillard, Goldman on International Commercial Arbitration / E. Gaillard, J. Savage (eds.). The Hague; L.; N. Y. : Kluwer Law International, 1999. XXXIII + 1280 p.
8. Baron P.M., Liniger S. A Second Look at Arbitrability: Approaches to Arbitration in the United States, Switzerland and Germany // Arbitration International. 2003. Vol. 19, № 1. P. 27–54. URL: <https://doi.org/10.1093/arbitration/19.1.27> (дата обращения: 25.02.2020).
9. Карабельников Б.Р. Международный коммерческий арбитраж : учебник. М. : Инфотропик Медиа, 2012. 554 с.
10. Курочкин С.А. Арбитрабельность и подведомственность: вопросы теории // Третейский суд. 2015. № 1 (97). С. 32–46.
11. Курочкин С.А. Подведомственность дел третейским судам // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2003. № 2. С. 322–331.

12. Курочкин С.А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж. М. : Статут, 2017. 288 с.
13. Еремин В.В. Подходы к определению арбитрабельности: соотношение арбитрабельности, подведомственности и компетенции // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8 (105). С. 95–107. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-opredeleniyu-arbitrabelnosti-sootnoshenie-arbitrabelnosti-podvedomstvennosti-i-kompetentsii> (дата обращения: 25.02.2020).
14. Минина А.И. Арбитрабельность: теория и практика международного коммерческого арбитража. М. : Инфотропик Медиа, 2014. 128 с.
15. Минина А.И. Понятие и содержание субъективной арбитрабельности // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 5. С. 982–987.
16. Минина А.И. Понятие и виды арбитрабельности в теории и практике международного коммерческого арбитража : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 202 с.
17. Коломиец А.И. Особенности проявления субъективной арбитрабельности в практике заключения международных арбитражных соглашений // Право и экономика. 2014. № 8. С. 55–61.
18. Муранов А.И. Анализ запроса Верховного Суда РФ в КС РФ насчет неарбитрабельности споров в связи с закупками отдельными видами юридических лиц // CIS Arbitration Forum – Online Journal about Dispute Resolution in Russia, Ukraine, Kazakhstan, Belarus and the Region. 2018. URL: <http://cisarbitration.com/wp-content/uploads/2018/04/Арбитрабельность-споров-по-Закону-№-223-ФЗ-А.-Муранов.pdf> (дата обращения: 25.02.2020).
19. Усокин С.В. Арбитрабельность споров из договоров, заключаемых в рамках специальных процедур закупки (Закон № 223-ФЗ): шаг вперед и прыжок назад // Закон.ру – первая социальная сеть для юристов; Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 12. URL: <https://igzakon.ru/magazine/article?id=7639> (дата обращения: 25.02.2020).
20. Беляева О.А., Габов А.В. Арбитрабельность споров, возникающих в сфере закупок // Журнал российского права. 2017. № 5 (245). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arbitrabelnost-sporov-voznikauschih-v-sfere-zakupok> (дата обращения: 26.02.2020).
21. Беляева О.А. Третейская оговорка в договорах, заключаемых по результатам торгов и иных конкурентных процедур // Право и экономическая деятельность: современные вызовы / Е.Г. Азарова, А.А. Аюрова, М.К. Белобабченко и др.; отв. ред. А.В. Габов. М., 2015.
22. Федеральный закон «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18.07.2011 № 223-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
23. Drlićková K. Arbitrability and Public Interest in International Commercial Arbitration // International and Comparative Law Review. 2017. № 17. P. 55–71. URL: <https://doi.org/10.2478/iclr-2018-0015> (дата обращения: 25.02.2020).
24. Black's Law Dictionary / ed. in chief: H.C. Black. 10th ed. St. Paul : Thomson Reuters, 2014.
25. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 мая 2011 г. № 10-П по делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации // Российская газета. 2011. Федеральный выпуск № 122 (5498). URL: <https://rg.ru/2011/06/08/ksrf-dok.html> (дата обращения: 17.02.2020).
26. Blackaby N., Partasides C., Redfern A., Hunter M. Redfern and Hunter on International Arbitration. 6th ed. Oxford : Oxford University Press, 2015. 928 p.
27. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 11.07.2018 № 305-ЭС17-7240 // СПС КонсультантПлюс.
28. Федеральный закон от 24.07.2002 № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
29. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10.12.2019 по делу № А40-118040/19 // СПС КонсультантПлюс.
30. Постановление ВАС РФ от 28.01.2014 № ВАС-11535/13 // СПС КонсультантПлюс.
31. Определение ВАС РФ от 09.06.2014 № ВАС-863/14 // СПС КонсультантПлюс.
32. Определение ВС РФ от 27.12.2017 № 310-ЭС17-12469 // СПС КонсультантПлюс.
33. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.09.2018 по делу №А40-100592/17 // СПС КонсультантПлюс.
34. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.09.2018 по делу №А40-224481/17 // СПС КонсультантПлюс.
35. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.08.2018 по делу №А40-167895/17 // СПС КонсультантПлюс.
36. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.08.2018 по делу № А40-148669/17 // СПС КонсультантПлюс.
37. Северный морской путь / Министерство транспорта Российской Федерации; Федеральное агентство морского и речного транспорта (Росморречфлот). URL: http://www.morflot.ru/deyatelnost/napravleniya_deyatelnosti/morskoy_flot/ledokolnoe_obespechenie/_severnyiy_morskoy_put.html (дата обращения: 25.02.2020).

Статья представлена научной редакцией «Право» 25 июля 2020 г.

Arbitrability of Maritime Disputes with a Public Element

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 463, 196–205.

DOI: 10.17223/15617793/463/25

Anna G. Arkhipova, MGIMO University (Moscow, Russian Federation); Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation named after S.S. Alekseev (Moscow, Russian Federation); Maritime Arbitration Commission at the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: a.g.arkhipova@gmail.com

Ekaterina A. Abrosimova, MGIMO University (Moscow, Russian Federation). E-mail: abrosimova_e_a@mgimo.ru

Keywords: arbitrability; objective arbitrability; subjective arbitrability; special arbitrability; maritime disputes with public element; concentration of public element.

This article has been prepared within the scope of the grant issued by MGIMO University for works carried out by young researchers supervised by doctors of science, the 10th young scientists contest MGIMO Is 75.

The article moves from general views to particular details. It starts with the analysis of arbitrability from various angles in a comparative perspective. The authors explore the division of the general concept of arbitrability into smaller concepts such as objective and subjective arbitrability, material arbitrability of the dispute, arbitrability in terms of arbitration agreement, and other aspects which are relevant to determine whether a dispute may be subject to arbitration. The authors then analyze the Russian state courts' approach to the arbitrability of disputes. Despite the existence of comprehensive rulings issued by the Constitutional Court of the Russian Federation as to the arbitrability of disputes, relevant presumptions and ways to establish it, there is still a serious discussion on the topic. The issue becomes complex for a number of reasons. Firstly, the courts often tend to confuse the issues of arbitrability of disputes involving a public element and the breach of public policy. Secondly, there are various types of arbitrability, and in each case the issue of arbitrability should be carefully considered with a view to these types. This is, however, not always followed by Russian courts. The third problem is that the courts tend to use the principle of “concentration of public element”. The aim of the article is to define special criteria of the arbitrability of maritime disputes with a public element. The object of analysis are

marine disputes containing one or more public elements. Marine arbitration has been chosen as recent Russian court practice demonstrates a growth of cases where enforcement of arbitral awards on maritime cases is unduly denied. If current trends pursue, a further growth may be supposed for the following grounds: many maritime disputes in Russia contain a public element; Russian courts tend to use too abstract a criterion of “concentration of public element”. The authors make a number of conclusions. In particular, some maritime disputes are clearly non-arbitrable in the objective sense, and the lack of arbitrability is stipulated in the law. Such is, for example, the case with oil pollution claims. However, exclusion of arbitrability on subjective grounds is, according to the authors, improper as it is not provided by the law. Current court practice, based on the principle of concentration of public element, does not allow determining which tests the courts use in each particular case and which level of concentration is required to result in lack of arbitrability. Application of the said criterion is dangerous for maritime disputes as it creates unpredictability for certain types of such disputes which do involve a public element.

REFERENCES

- Allsop, J.J. (2007) International Maritime Arbitration: Legal and Policy Issues (FCA). *FedJSchol.* 7. [Online] Available from: <http://classic.austlii.edu.au/au/journals/FedJSchol/2007/7.html> (Accessed: 25.02.2020).
- Fleming, R.W. (1963) Arbitrators and Arbitrability. *Washington University Law Quarterly.* 2 (200). pp. 200–221. [Online] Available from: https://openscholarship.wustl.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://www.google.com/&httpsredir=1&article=3184&context=law_lawreview (Accessed: 25.02.2020).
- Lebedev, S.N. (1988) *Mezhdunarodnyy kommercheskiy arbitrazh: kompetentsiya arbitrov i soglasenie storon* [International Commercial Arbitration: Competence of Arbitrators and Agreement of the Parties]. Moscow: TPP SSSR.
- Lebedev, S.N. (2009) *Izbrannyye trudy po mezhdunarodnomu kommercheskomu arbitrazhu, pravu mezhdunarodnoy trgovli, mezhdunarodnomu chastnomu pravu, chastnomu morskomu pravu* [Selected works on international commercial arbitration, international trade law, private international law, private maritime law]. Moscow: Statut.
- Hoellering, M.F. (1985) Arbitrability of Disputes. *The Business Lawyer.* 41 (1). pp. 125–144. [Online] Available from: www.jstor.org/stable/40686674 (Accessed: 25.02.2020).
- Born, G.B. (2012) *International arbitration: law and practice*. Wolters Kluwer.
- Fouchard, Ph., Gaillard, E. & Goldman, B. (1999) *Fouchard, Gaillard, Goldman on International Commercial Arbitration*. The Hague; London; N. Y.: Kluwer Law International.
- Baron, P.M. & Liniger, S. (2003) A Second Look at Arbitrability: Approaches to Arbitration in the United States, Switzerland and Germany. *Arbitration International.* 19 (1). pp. 27–54. [Online] Available from: <https://doi.org/10.1093/arbitration/19.1.27> (Accessed: 25.02.2020).
- Karabel'nikov, B.R. (2012) *Mezhdunarodnyy kommercheskiy arbitrazh: uchebnik* [International commercial arbitration: textbook]. Moscow: Infotropik Media.
- Kurochkin, S.A. (2015) Arbitrabel'nost' i podvedomstvennost': voprosy teorii [Arbitrability and jurisdiction: theoretical issues]. *Treteyskiy sud.* 1 (97). pp. 32–46.
- Kurochkin, S.A. (2003) Podvedomstvennost' del treteyskim sudam [Jurisdiction of cases to arbitration courts]. *Rossiyskiy ezhegodnik grazhdanskogo i arbitrazhnogo protsessa.* 2. pp. 322–331.
- Kurochkin, S.A. (2017) *Treteyskoe razbiratel'stvo i mezhdunarodnyy kommercheskiy arbitrazh* [Arbitration proceedings and international commercial arbitration]. Moscow: Statut.
- Eremin, V.V. (2019) Approaches to Arbitrability Determination: Arbitrability, Jurisdiction and Competence Correlation. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava.* 8 (105). pp. 95–107. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-opredeleniyu-arbitrabelnosti-sootnosheniya-arbitrabelnosti-podvedomstvennosti-i-kompetentsii> (Accessed: 25.02.2020). (In Russian).
- Minina, A.I. (2014) *Arbitrabel'nost': teoriya i praktika mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha* [Arbitrability: Theory and Practice of International Commercial Arbitration]. Moscow: Infotropik Media.
- Minina, A.I. (2014) The concept and content of subjective arbitrability. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava.* 5. pp. 982–987.
- Minina, A.I. (2013) *Ponyatie i vidy arbitrabil'nosti v teorii i praktike mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha* [The concept and types of arbitrability in the theory and practice of international commercial arbitration]. Law Cand. Diss. Moscow.
- Kolomiets, A.I. (2014) Osobennosti proyavleniya sub'ektivnoy arbitrabel'nosti v praktike zaklyucheniya mezhdunarodnykh arbitrazhnykh soglaseniy [Features of the manifestation of subjective arbitrability in the practice of concluding international arbitration agreements]. *Pravo i ekonomika.* 8. pp. 55–61.
- Muranov, A.I. (2018) Analysis of the request of the Supreme Court of the Russian Federation to the Constitutional Court of the Russian Federation regarding the non-arbitrability of disputes in connection with the procurement by certain types of legal entities. *CIS Arbitration Forum.* [Online] Available from: <http://cisarbitration.com/wp-content/uploads/2018/04/%D0%90%D1%80%D0%B1%D0%B8%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C-%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2-%D0%BF%D0%BE-%D0%97%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%83-%E2%84%96-223-%D0%A4%D0%97-%D0%90-%D0%9C%D1%83%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2.pdf> (Accessed: 25.02.2020). (In Russian).
- Uoskin, S.V. (2018) Arbitrabil'nost' sporov iz dogovorov, zaklyuchaemykh v ramkakh spetsial'nykh protsedur zakupki (Zakon № 223-FZ): shag vpered i pryzhok nazad [Arbitrability of disputes arising from contracts concluded within the framework of special procurement procedures (Law No. 223-FZ): a step forward and a jump back]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya RF.* 12. [Online] Available from: <https://igzakon.ru/magazine/article?id=7639> (Accessed: 25.02.2020).
- Belyaeva, O.A. & Gabov, A.V. (2017) Resolution of Disputes Arising In the Sphere of Purchases through an Arbitration Proceeding. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law.* 5 (245). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/arbitrabelnost-sporov-voznikayuschih-v-sfere-zakupok> (Accessed: 26.02.2020). (In Russian).
- Belyaeva, O.A. (2015) Treteyskaya ogovorka v dogovorakh, zaklyuchaemykh po rezul'tatam trgov i inykh konkurentnykh protsedur [Arbitration clause in contracts concluded based on the results of tenders and other competitive procedures]. In: Gabov, A.V. (ed.) *Pravo i ekonomicheskaya deyatel'nost': sovremennyye vyzovy* [Law and economic activity: modern challenges]. Moscow: IZiSP.
- Consultant.ru. (2011) *Federal Law 223-FZ “On the Procurement of Goods, Works, Services by Certain Types of Legal Entities” of 18.07.2011.* [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116964/. (In Russian).
- Drličková, K. (2017) Arbitrability and Public Interest in International Commercial Arbitration. *International and Comparative Law Review.* 17. pp. 55–71. [Online] Available from: <https://doi.org/10.2478/iclr-2018-0015> (Accessed: 25.02.2020).
- Black, H.C. (ed.) (2014) *Black's Law Dictionary.* 10th ed. St. Paul: Thomson Reuters.
- Rossiyskaya gazeta. (2011) Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 10-P of May 26, 2011 on the case of verifying the constitutionality of the provisions of Clause 1 of Article 11 of the Civil Code of the Russian Federation, Clause 2 of Article 1 of the Federal Law “On Arbitration Courts in the Russian Federation”, Article 28 of the Federal Law “On State Registration of Rights to Real Estate and Transactions Therewith”, Clause 1 of Article 33 and Article 51 of the Federal Law “On Mortgages (Pledge of Real Estate)” in connection with the request of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 122 (5498). [Online] Available from: <https://rg.ru/2011/06/08/ksrf-dok.html> (Accessed: 17.02.2020). (In Russian).

26. Blackaby, N., Partasides, C., Redfern, A. & Hunter, M. (2015) *Redfern and Hunter on International Arbitration*. 6th ed. Oxford: Oxford University Press.
27. Consultant.ru. (2018) *Determination of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ES17-7240 of 11.07.2018*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/>. (In Russian).
28. Consultant.ru. (2002) *Federal Law No. 102-FZ of 24.07.2002 "On Arbitration Courts in the Russian Federation"*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/>. (In Russian).
29. Consultant.ru. (2019) *Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of 10.12.2019 in case No. A40-118040/19*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/>. (In Russian).
30. Consultant.ru. (2014) *Resolution of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 28.01.2014 No. VAS-11535/13*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/>. (In Russian).
31. Consultant.ru. (2014) *Determination of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 09.06.2014 No. VAS-863/14*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/>. (In Russian).
32. Consultant.ru. (2017) *Determination of the Supreme Court of the Russian Federation No. 310-ES17-12469 of 27.12.2017*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/>. (In Russian).
33. Consultant.ru. (2018) *Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of 06.09.2018 in case No. A40-100592/17*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/>. (In Russian).
34. Consultant.ru. (2018) *Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of 06.09.2018 in case No. A40-224481/17*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/>. (In Russian).
35. Consultant.ru. (2018) *Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of 30.08.2018 in case No. A40-167895/17*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/>. (In Russian).
36. Consultant.ru. (2018) *Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of 29.08.2018 in case No. A40-148669/17*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/>. (In Russian).
37. Morflot.ru. (2020) *Severnyy morskoy put'* [Northern Sea Route]. [Online] Available from: http://www.morflot.ru/deyatelnost/napravleniya_deyatelnosti/morskoy_flot/ledokolnoe_obespechenie_severnyiy_morskoy_put.html (Accessed: 25.02.2020).

Received: 25 July 2020

Н.В. Данилова

ИНСТИТУТ ВОЗМЕЩЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВРЕДА В РОССИЙСКИХ ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЗА 2009–2019 гг.)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-111-50447.

Предметом исследования являются позиции современных российских ученых на институт возмещения экологического вреда. Обзор позволяет получить представление о круге актуальных проблем, степени их изученности, основных научных концепциях и отдельных предложениях по совершенствованию экологического законодательства. Определение правовой природы рассматриваемого института формирует ключевые векторы его развития и позволяет найти решения для более частных проблем: форм, способов и порядка возмещения.

Ключевые слова: экологический вред; возмещение вреда; экологическая ответственность; гражданская ответственность; экологическое право России; обзорная статья.

Введение

Сохранение благоприятной окружающей среды является стратегической целью государственной политики России в области экологического развития, а восстановление нарушенных экосистем, предотвращение и снижение негативного воздействия на окружающую среду – важнейшей ее задачей. Проблема неэффективности существующих правовых механизмов возмещения экологического вреда стоит в ряду актуальных не только на национальном уровне, она включена и в мировую повестку.

В российской науке институту возмещения вреда, причиненного окружающей среде, традиционно уделяется большое внимание. Вместе с тем работ обзорного характера немного и в основном они посвящены исследованиям советского и постсоветского периода [1, 2]. Предметом исследования в настоящей работе стали позиции российских ученых в области экологического права по обозначенной проблематике за период с 2009 по 2019 г., изложенные в монографиях, диссертациях, научных статьях в периодических научных журналах. Настоящий обзор позволяет получить представление о круге актуальных проблем, степени их изученности, основных научных концепциях и отдельных предложениях по совершенствованию российского правового института возмещения экологического вреда, увидеть ключевые потенциальные векторы его развития на настоящем этапе.

Ключевым вопросом института возмещения вреда является определение его правовой природы с точки зрения действующего законодательства и возможных вариантов ее трансформации в дальнейшем. Выбор того или иного варианта позволяет определить пути решения более частных проблем: форм, способов и порядка возмещения.

Институт возмещения экологического вреда как вид гражданско-правовой ответственности

В современной юридической литературе преобладающей точкой зрения является признание возмещения экологического вреда частным случаем

гражданско-правовой ответственности. В теории права такую ответственность часто называют «тактовой» и относят к подвиду гражданско-правовой ответственности наряду с семейно-правовой и материальной [3. С. 81–82].

В основе этой позиции лежит утверждение, что вред, причиненный экологическим правонарушением, представляет собой разновидность гражданско-правового вреда, обусловленного нарушением норм экологического права. Нормы, регулирующие обязательства по возмещению вреда, причиненного экологическими правонарушениями, хотя и закреплены в экологических законах, имеют гражданско-правовую природу. По выражению И.Ю. Ребикова, гражданско-правовая (деликтная) ответственность в этом случае «все же лишь расширяет свои горизонты и осваивает новые ниши» [4. С. 123–124]. Соответственно, обязательство вследствие причинения вреда природным объектам и комплексам – это гражданско-правовое внедоговорное отношение, возникающее в результате совершения экологического деликта, повлекшего отрицательные изменения природной среды из-за ее загрязнения, а также деградацию естественных экологических систем и истощение природных ресурсов. Его субъектами являются должник (причинитель вреда) и кредитор (собственник природных ресурсов или орган публичной власти). На должника возлагается обязанность по возмещению вреда, заключающаяся в проведении работ по восстановлению качества природного объекта в натуре или выплате денежной компенсации [5. С. 7–8].

При этом большинство ученых не отрицают возможность применения специальных норм экологического и природоресурсного законодательства, которые призваны дополнять нормы Гражданского кодекса РФ по следующим основаниям. Сторонники процивилистической концепции признают, что вред, причиненный природной среде, имеет ряд существенных особенностей. И.О. Ребиков пишет, что «природные объекты не вписываются в общепринятые классификации вреда (по субъекту причинения; характеру вреда; характеру противоправной деятельности)... Отсюда следует, что по критерию “характера вреда” наряду с вре-

дом имуществу, жизни и здоровью существует и вред, причиненный природным объектам». Автор предлагает дополнить Гражданский кодекс РФ отдельной статьей, посвященной данному виду вреда [5. С. 8].

Е.С. Болтанова отмечает, что гражданскому законодательству не известны такие сложные и комплексные объекты, как окружающая среда, природная среда, природный объект, экологическая система, качество окружающей среды [6. С. 10]. Сложность объекта определяет специфические особенности экологического вреда, которые гражданское законодательство не может учитывать. В их числе Е.С. Болтанова называет: невозможность (зачастую) восстановления разрушенной системы (даже на уровне микроэкосистемы); нарушение внутрисистемных связей; возможность трансграничного распространения возникающих неблагоприятных последствий; латентный характер последствий правонарушения и др. [6. С. 12]. Эта позиция находит поддержку у Н.Г. Жаворонковой и Г.В. Выпхановой [7. С. 55].

Важной особенностью экологических отношений является то, что имущественная составляющая не играет в них такой роли, как в гражданских отношениях. Природные богатства являются основой устойчивого развития, жизни и деятельности народов, проживающих на территории Российской Федерации. Причинением экологического вреда (в узком смысле) нарушаются не только имущественные, но и экологические права граждан, в частности право каждого на благоприятную окружающую среду. Нормы о компенсации экологического вреда в узком смысле обеспечивают публичный интерес [6. С. 10]. С.М. Сагитов, признавая рассматриваемый институт разнородностью гражданско-правовой ответственности, отмечает, что она выступает компонентом единого механизма обеспечения права на благоприятную окружающую среду, специальным правовым инструментом, позволяющим решать как определенные частноправовые, так и публично-правовые задачи [8. С. 8].

Чаще всего необходимость специального регулирования объясняется спецификой оценки вреда, причиненного природной среде, которую невозможно учесть в гражданском законодательстве. Делается вывод, что специальные нормы закреплены в Федеральном законе «Об охране окружающей среды», однако они нуждаются в уточнении, конкретизации, устранении внутренних противоречий [9. С. 58].

Таким образом, оставаясь в рамках цивилистического понимания института возмещения экологического вреда как гражданско-правовой деликтной ответственности, большинство современных исследователей признают его комплексный характер. Исходя из этого, при обсуждении вектора развития рассматриваемого института основной акцент делается на согласовании норм гражданского и экологического законодательства и определении приоритетов в той или иной отрасли.

В числе немногих сторонников процивилистической концепции, отрицающих комплексный характер рассматриваемого института, можно назвать А.Г. Ивлиеву. Комментируя известное Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июня 2015 г. № 12-П,

она утверждает, что «логически невозможно одновременно квалифицировать правоотношение и как частноправовое, подчиняющееся общим принципам гражданско-правовой ответственности, и как правоотношение смешанной природы, не подчиняющееся таким принципам». «Представления о смешанной природе или особом характере экологической ответственности не имеют под собой оснований», – делает вывод автор. Решительно настаивая на гражданско-правовой природе рассматриваемого института, она полагает, что «“объектная” специфика вреда... не оправдывает использования такого метода расчетов как основной формы исчисления размера вреда, поскольку это сопряжено с сильными искажениями общих принципов юридической ответственности и часто приводит к несправедливым результатам» [10. С. 151]. Процессуальная экономия, на которую ссылаются сторонники такого метода, является мнимой, поскольку схема определения вреда неоправданно трудоемка. Более того, «как только к институту возмещения вреда окружающей среде добавляется штрафной элемент, она вынужденно теряет свои преимущества упрощенного порядка, поскольку должны включаться все процессуальные гарантии, характерные для публично-правового преследования» [10. С. 54]. Это мнение автор отстаивает и в более поздней своей работе [11. С. 157–173].

Возмещение экологического вреда как экологическая ответственность

Специфика объекта экологических отношений и их публично-правовая природа, основанная на характере защищаемых экологическим правом интересов, дают основание исследователям утверждать, что использование правовой конструкции гражданской ответственности является ошибочным. Одним из первых об этом четко заявил М.М. Бринчук: «применительно к сфере взаимодействия общества и природы одним из наиболее общих и существенных охраняемых законом интересов является сохранение благоприятной окружающей среды, экологическое благополучие» [12. С. 22–23]. Поскольку природа представляет собой «объект публичной собственности, публичное благо, объект, выражающий публичный интерес, демонстрирующий и олицетворяющий публичное право», а экологические интересы носят преимущественно публично-правовой характер, нарушение этих интересов не может являться основанием гражданской ответственности, применяемой за нарушение частных интересов [13. С. 35].

Схожую аргументацию приводит Л.И. Брославский. «Гражданско-правовой институт “обязательства вследствие причинения вреда”, на основании которого привлекаются к имущественной ответственности экологические правонарушители, традиционно направлен и обеспечивает защиту личных, индивидуальных интересов субъектов права, – пишет он. – Причинение экологического вреда – это нарушение не только личных, но и общественных интересов. Предусмотренные российским гражданским и гражданско-процессуальным законодательством средства право-

вой защиты представляются недостаточными, когда речь идет о деликтной ответственности за нарушения в области экологии и / или возмещении экологического вреда». Считая причинение экологического вреда особым видом деликта, автор аргументирует это тем, что «потерпевшими являются неопределенное число лиц, причем оно может многократно возрастать, имея в виду распространение негативных последствий нарушения среды обитания человека во времени и пространстве» [14. С. 153].

Исходя из этого, М.М. Бринчук предлагает ввести в российское законодательство самостоятельный вид юридической ответственности – эколого-правовую [12. С. 22–23]. Следует отметить, что автор не отождествляет экологическую ответственность исключительно с институтом возмещения экологического вреда. «Содержание эколого-правовой ответственности образуют два вида экологических правонарушений, предметом которых являются: возмещение вреда, причиненного природе, т.е. экологического вреда, и неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей, предусмотренных договором на природопользование и охрану окружающей среды» [12. С. 36–37]. Таким образом, он делит экологическую ответственность на внедоговорную и договорную. В качестве основания введения последней он указывает на публично-правовой характер договоров в сфере природопользования [12. С. 35–36].

Предложение М.М. Бринчука о необходимости формирования в российском праве нового вида юридической ответственности – эколого-правовой – нашло поддержку у ряда авторов [15–18].

А.В. Кодолова считает, что целесообразность внедрения публично-правового режима ответственности за вред окружающей среде обусловлена необходимостью установления и реализации целей ответственности в виде предупреждения причинения вреда и восстановления окружающей среды, приоритета возмещения вреда в натуральной форме, пересмотра порядка оценки экологического вреда, в том числе отказа от косвенных методов оценки в отношении природных компонентов, возможность восстановления которых в натуральной форме существует, определения размера экологического вреда в приоритетной форме прямым методом, по фактическим затратам на восстановление нарушенного состояния объектов охраны, с учетом упущенной выгоды. Трудность установления публично-правовой ответственности за причинение вреда окружающей среде автор видит в необходимости пересмотра существующего порядка привлечения к ответственности и внесения существенных изменений в действующее экологическое и природоресурсное законодательство [18. С. 31].

По мнению В.Г. Мельниковой и Е.М. Сурановой, разграничение гражданской и экологической ответственности позволит не только усилить защиту публичных экологических интересов, но и обеспечить защиту частных интересов природопользователей. Дело в том, что, как правило, при рассмотрении исков органов государственной власти о возмещении экологического вреда не принимается во внимание тот вред, который был причинен частно-

му лицу – правообладателю природного объекта. Вместе с тем взыскание убытков в пользу публично-правового образования не освобождает природопользователя от необходимости выполнения восстановительных мероприятий, которые он, при таком положении дел, фактически должен осуществить за свой счет. Распространение принципа многоаспектности значения природных объектов на сферу ответственности за причиненный вред позволит решить эту проблему [15. С. 196].

Эколого-правовая ответственность как самостоятельный вид юридической ответственности успешно применяется в странах Европейского Союза. В связи с этим интерес представляют работы, посвященные исследованию опыта этих стран. В числе наиболее значимых в рассматриваемый период можно назвать работы, подготовленные коллективом Института права и публичной политики [19], В.Б. Агафоновым [20. С. 48–61], Л.И. Брославским [14; 21. С. 342–364], В.Г. Мельниковой [21. С. 327–342], А.В. Кодоловой [18], Н.В. Даниловой и А.П. Гогловым [22].

Возмещение экологического вреда как публично-правовой платеж

Публично-правовой характер отношений, возникающих в процессе возмещения экологического вреда, позволяет В.А. Савиных поставить вопрос о том, стоит ли вообще использовать правовую конструкцию деликтной ответственности. Автор убедительно доказывает, что возмещение вреда посредством проведения природопользователем восстановительных мероприятий осуществляется в рамках деятельности надзорных органов государственной власти, которые обладают властными полномочиями. Государственный орган вправе своим односторонним предписанием обязать природопользователя к устранению нарушения посредством проведения восстановительных работ. Поскольку для отношений сторон по поводу возмещения вреда окружающей среде не характерно равенство, то места для гражданско-правовой ответственности в этом случае не остается. На основании этого В.А. Савиных предлагает довести до логического завершения тенденцию смещения правового регулирования в публично-правовую сферу: «В конечном счете, лишь внешняя правовая форма деликтного обязательства заставляет нас считать, что вред окружающей среде возмещается природопользователем, в то время как реальным субъектом возмещения как восстановления нарушенного состояния остается государство, реализующее свою обязанность по обеспечению благоприятного состояния окружающей среды. Конкретный природопользователь служит лишь инструментом, за счет которого или руками которого государство проводит восстановительные мероприятия. Таким образом, отношения между природопользователем и государством всецело попадают в область публично-правовых отношений по надзору за состоянием окружающей среды. Возмещение же происходит в рамках реализации конституционно-правовой обязанности государства перед своими гражданами» [23. С. 159–161].

В то же время проблему денежной компенсации вреда, причиненного окружающей среде, автор предлагает решить посредством введения публично-правовых платежей, схожих по своей природе с платой за негативное воздействие на окружающую среду. При этом таксы и методики предлагается рассматривать как акты, регулирующие порядок определения размера данной компенсации. Публично-правовой характер компенсации отчасти снимет вопрос об обоснованности такс и методик в аспекте соотношения размера вреда, установленного на их основании, с размером вреда, определенного по фактическим затратам на восстановление окружающей среды, как частноправовой категорией. Если денежная компенсация вреда окружающей среде носит публично-правовой характер, то она вполне может включать в себя и экономически неисчислимый вред и даже общие издержки государства на проведение мониторинга состояния нарушенных объектов [23. С. 161–162]. «В конечном счете, отношения по возмещению вреда окружающей среде перестанут искусственно выдаваться за частноправовые и получат адекватную публично-правовую форму» [23. С. 163], – делает вывод автор.

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время в доктрине экологического права предлагается три направления дальнейшего развития института возмещения экологического вреда.

Первое – дальнейшее совершенствование в рамках гражданско-правовой деликтной ответственности посредством устранения правовых дефектов, выявленных в доктрине и судебной практике. При этом признается наличие существенных особенностей экологического вреда, диктующих установление особых правил возмещения в специальном экологическом законодательстве.

Второе – легальное признание нового вида эколого-правовой ответственности, позволяющей использовать несвойственные гражданскому праву публично-правовые инструменты и подходы.

Третье – оформление отношений возмещения экологического вреда посредством исключительно публично-правовых институтов: проведение восстановительных работ в рамках государственного экологического надзора и введение нового вида публично-правовых платежей, призванных компенсировать неисчислимы потери в природной среде и затраты государства на охрану окружающей среды.

Несмотря на внешнее различие указанных векторов развития института возмещения экологического вреда, анализ работ позволяет увидеть, что в рамках каждого из них обсуждается общий круг проблем:

- необходимость уточнения легальной дефиниции «вред, причиненный окружающей среде»;
- соотношение различных форм возмещения вреда – натуральной и стоимостной;
- несовершенство такс и методик как специальных способов расчета размера экологического вреда;
- возможность использования прямого метода определения размера вреда по фактическим затратам;
- порядок учета затрат причинителя вреда на восстановление нарушенного состояния окружающей среды при определении размеров вреда.

Рассмотрим далее эти вопросы более детально.

Понятие экологического вреда. Критика легальной дефиниции

Вне зависимости от оценки правовой природы института возмещения экологического вреда, все авторы единодушно признают, что экологический вред не является тождественным гражданско-правовому вреду. Такое понимание экологического вреда было заложено еще в советский период. Рассматривая правовые формы возмещения экологического вреда, один из основоположников отечественной науки экологического права, профессор В.В. Петров характеризовал вред, возникающий вследствие нарушения природоохранительного законодательства, как охватывающий всю сферу взаимодействия общества и природы, прежде всего природную среду, а через нее – здоровье человека, материальные ценности общества. Он подразделял вред на экономический (посягающий на имущественные интересы природопользователей, в том числе собственников), экологический (посягающий на экологические интересы общества в чистой, здоровой, продуктивной, генетически многообразной природной среде обитания), антропологический (посягающий на здоровье человека (физиологический вред) и состояние будущих поколений (генетический вред)) [24. С. 151–154]. Эта классификация вреда, причиненного экологическим правонарушением, находит свою поддержку у современных исследователей [6, 7, 16, 25–27]. Предлагаются разные термины для обозначения элементов вреда, но суть – выделение экологического вреда как его специфического вида – остается неизменной.

Что показательное, доктринальное понимание экологического вреда находит свое отражение в практике Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ [25. С. 118]. Так, согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в постановлении от 2 июня 2015 г. № 12-П, ущерб, причиненный экологическим правонарушением, отличает сложность его проявлений: он включает экологический вред окружающей среде, вред, причиняемый здоровью человека (социальный вред), вред имуществу, находящемуся в частной или публичной собственности (экономический вред). Решение Верховного Суда Российской Федерации от 15 апреля 2008 г. № ГКПИ08-52 упоминает материальный и экологический вред, причиненный природной среде. Верховный Суд Российской Федерации в определении от 3 июня 2015 г. № 310-ЭС15-1168 по делу № А54-503/2014 подчеркивает: «При определении экологического вреда в денежном выражении подлежат учету не только затраты на восстановление нарушенной природной среды, но и экологические потери».

Следует отметить, что Федеральный закон «Об охране окружающей среды» вместо термина «экологический вред» использует «вред, причиненный окружающей среде». Можно ли рассматривать эти понятия как тождественные? Большинство исследователей используют их именно в таком контексте. Однако в судебной практике очень часто можно встретить подход, при котором экологический вред пони-

мается очень узко, только как невосполнимый и трудновосполнимый вред, часто его именуют «экологическими потерями» в противовес вреду, который может быть исчислен и возмещен, – «затратам на восстановление нарушенной природной среды».

Здесь возникает вопрос, являются ли затраты на восстановление природных объектов частью имущественного (экономического) вреда правообладателей природных объектов или это часть экологического вреда, причиненного природе как экосистеме? Преобладающей в теории и судебной практике является точка зрения, согласно которой они входят в состав экологического вреда [15. С. 194; 28].

Однако нельзя считать, что точка в этом вопросе поставлена. Неожиданно он приобрел актуальность в свете оценки изменений, внесенных в Лесной кодекс РФ Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 218-ФЗ. Анализируя их, И.А. Игнатьева справедливо указывает на то, что «разделение вреда, причиненного вследствие нарушения лесного законодательства, на имущественный вред, причиненный лесным участкам и имущественным правам, возникающим при использовании лесов, и на вред, причиненный лесам как экологической системе, и соответствующее разделение порядка исчисления каждого, потенциально создает возможность не всегда учитывать такую часть вреда окружающей среде и её компонентам, которую судебные органы вслед за доктринальным подходом экологического права именуют экологическим вредом» [25. С. 119]. Представляется, что ответ на данный вопрос не ограничивается сферой действия лесного законодательства, а имеет концептуальное значение для определения пределов действия экологической ответственности и ее разграничения с гражданско-правовой. Полагаем, что имущественный вред, причиненный правообладателям природных объектов, должен возмещаться в рамках гражданско-правовой ответственности, в то время как экологический вред – в рамках эколого-правовой. Поэтому следует дать четкое законодательное определение такого вреда с указанием всех его элементов.

Критику вызывает и легальная дефиниция «вреда, причиненного окружающей среде», содержащаяся в ст. 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды». Под вредом окружающей среде понимается негативное изменение окружающей среды в результате ее загрязнения, повлекшее за собой деградацию естественных экологических систем и истощение природных ресурсов.

В научной литературе справедливо указывается на то, что в данном определении не учитываются иные виды негативного воздействия, выражающиеся в сверхлимитном использовании природных ресурсов, уничтожении объектов растительного и животного мира и др. [29. С. 135]. В свою очередь, научное сообщество пришло к единому мнению о том, что экологический вред – это «любое ухудшение состояния окружающей среды». Следовательно, доктринальное толкование экологического вреда шире и содержательнее, чем легальное [28. С. 187].

По мнению Н.Г. Жаворонковой и Г.В. Выпхановой, базовые определения вреда, причиненного от-

дельным компонентам окружающей среды, должны содержаться непосредственно в основных кодифицированных актах природоресурсного законодательства и раскрываться в таксах и методиках возмещения вреда, причиненного окружающей среде. Тем самым понятие «вред, причиненный окружающей среде» должно быть комплексным и содержать не только те или иные негативные последствия для окружающей среды, но и те возможные действия, которые приводят к причинению данного вреда [7. С. 58].

Н.Г. Нарышева обращает внимание на сложную, двойную конструкцию указанного определения: «Если следовать логике приведенной дефиниции, о возникновении обязательства вследствие причинения вреда водным объектам можно говорить только в том случае, если доказаны как деградация естественных экологических систем, так и истощение природных ресурсов, причем и деградация, и истощение находятся в причинно-следственной связи с загрязнением (сбросом сточных вод), допущенным причинителем вреда». Она считает, что дефиниция не отвечает требованиям юридической техники, поскольку формально определенные критерии деградации естественных экологических систем и истощения природных ресурсов действующим законодательством не установлены [30. С. 13–14]. Что примечательно, помимо этой дефиниции, Федеральный закон «Об охране окружающей среды» содержит и иные формулировки вреда как основания для наступления ответственности, не способствуя тем самым правовой определенности в данной сфере [31. С. 10–11].

В связи с этим ставится вопрос о совершенствовании легальной дефиниции «вред, причиненный окружающей среде», которая была бы пригодна для целей практического применения. В этой связи Н.Г. Нарышева обращает внимание на взаимосвязь между оценкой вреда, подлежащего возмещению, и экологическими нормативами: «...Причиненный вред должен быть определен как изменение физических, химических и биологических показателей по сравнению с нормативно установленными показателями качества окружающей среды... Иными словами, если сверхнормативное негативное воздействие на водный объект (сброс загрязняющих веществ в составе сточных вод) привело к изменению химических показателей водного объекта по сравнению с нормативно установленными (нормативами предельно допустимых концентраций загрязняющих веществ), то указанные обстоятельства (изменение химических показателей и факт нарушения водного законодательства, выразившийся в сверхнормативном сбросе загрязняющих веществ) в совокупности с причинно-следственной связью между фактом нарушения водного законодательства и изменением химических показателей водного объекта будут являться основанием для возмещения вреда водным объектам по правилам, установленным Водным кодексом Российской Федерации. Отсутствие установленных в рамках проверки государственного экологического надзора изменений химических, физических и биологических показателей водного объекта в результате нарушения водного законодательства должно означать, что имело место негативное

воздействие, не являющееся основанием для возмещения вреда. В этом случае неблагоприятные последствия для водопользователя должны ограничиваться только платой за сверхнормативное воздействие на водный объект» [30. С. 16].

Данный вывод, сделанный автором применительно к водным объектам, актуален и для иных компонентов природной среды, качество которых нормируется. Развивая данную мысль, Н.В. Данилова и С.А. Каримова предлагают конкретизировать легальную дефиницию «вред, причиненный окружающей среде», увязав ее с экологическими нормативами: «вред, причиненный окружающей среде – это негативное изменение окружающей среды в результате ее загрязнения, истощения, порчи, уничтожения, нерационального использования природных ресурсов, и иного нарушения требований законодательства, приведших к превышению установленных нормативов в области охраны окружающей среды» [32. С. 77].

Формы возмещения и способы оценки экологического вреда

Как известно, действующее законодательство предусматривает две формы возмещения экологического вреда – стоимостную и натуральную, при этом приоритет той или иной формы не установлен. Стоимостная форма возмещения экологического вреда преобладает на практике и в то же время постоянно подвергается жесткой критике в доктрине.

Во-первых, критикуются таксы и методики, используемые для расчета размера денежной компенсации.

С одной стороны, таксы и методики рассматриваются как необходимая мера, обусловленная невозможностью точного определения размера вреда, подчеркивается их нормативный и условный характер. Их преимущества видятся в упрощении расчета убытков, снижении размера судебных расходов на проведение экспертиз, экономии времени [21. С. 32].

С другой стороны, ставится вопрос об отсутствии юридических оснований учета того или иного элемента экологического вреда, что ставит под сомнение обоснованность расчета его размеров [15. С. 193; 21. С. 32–34]. В частности, остается открытым вопрос об учете не только прямых, но и косвенных потерь, вызванных экологическим правонарушением [21. С. 28–30]. Отмечается, что размеры вреда, рассчитанные по таксам и методикам, зачастую ниже реальной стоимости необходимых работ [13. С. 39; 29. С. 137–138; 33–35], существует возможность занижения органами надзора размера причиненного природным объектам вреда, в частности, с целью снять с себя бремя доказывания некоторых юридически значимых обстоятельств по делу [15. С. 195]. Кроме того, таксы и методики утверждены не для всех природных объектов [7. С. 58; 36. С. 64] либо учитывают не все элементы вреда [37. С. 112; 38], отсутствуют методики для расчета комплексного вреда окружающей среде [39. С. 19; 40. С. 69–70]. В этой связи И.А. Игнатьева верно отмечает, что имеет место неопределенность соотношения вреда, причиненного окружающей среде в

целом и отдельным природным компонентам: «Как классифицировать соответствующие виды вреда, образуют ли они в общей сложности вред, причиняемый окружающей среде, со всеми общими вытекающими из этого требованиями и принципиальными подходами или представляют собой каждый нечто вполне самостоятельное – это открытые на сегодня вопросы правового регулирования» [31. С. 13].

Недостатки такс и методик заставляют исследователей предлагать использовать прямой метод определения размера вреда по фактическим затратам на восстановление нарушенного состояния природных объектов. Так, С.М. Сагитов считает, что порядок исчисления вреда «по фактическому размеру» следует оценивать как основной [8. С. 11, 13]. Его поддерживает Н.В. Барбахова [41]. Е.В. Кремнева соглашается с тем, что действующие правила допускают альтернативный способ расчета: если размер убытков превышает размер вреда, исчисленного по таксам, то в расчет принимается сумма убытков; если сумма, рассчитанная по таксам и методикам, выше, то именно она принимается во внимание [42; 43. С. 233]. Полагаем, что данное предложение сводит на нет принцип процессуальной экономии, которым обосновывается применение такс и методик. Ведь в таком случае истец должен произвести расчет двумя способами, сравнить полученные результаты и взять за основу определения цены иска больший размер. Кроме того, признание способа расчета убытков по фактическим затратам основными (приоритетным) выводит на первый план необходимость проведения судебных экологических экспертиз [34; 29. С. 137–138], что приводит удорожанию процесса.

Во-вторых, при выборе стоимостной формы возмещения вреда существует проблема учета затрат, произведенных причинителем вреда для ликвидации последствий правонарушения. Этот вопрос длительное время был предметом научных дискуссий, которые подогревались неоднозначной судебной практикой. Правовые позиции, сформулированные Пленумом Верховного Суда РФ, Конституционным Судом РФ (их обзор представлен в работах [21. С. 126–127; 44]), отчасти сняли остроту проблемы, однако не решили ее окончательно в силу отсутствия утвержденного порядка и условий учета затрат по устранению вреда, причиненного нарушением природоохранного законодательства. В частности, остается неясным, должны ли будут компенсироваться невосполнимые и трудновосполнимые экологические потери в случае, если размер понесенных причинителем вреда затрат на устранение вреда будет превышать размер вреда, определенный в соответствии с таксами и методиками. Следует согласиться с Н.Г. Нарышевой, что этот вопрос должен быть разрешен федеральным законом [21. С. 127–128].

Фактически в этой ситуации причинитель вреда может нести двойную ответственность в силу того, что одновременно используются и натуральная, и стоимостная формы возмещения вреда. Указанная проблема имеет концептуальное значение, поскольку выводит на первый план вопрос о карательном (штрафном) элементе в содержании имущественной

ответственности за экологический вред. По данному вопросу в литературе нет единого мнения. Одни авторы считают, что двойная ответственность в такой ситуации отсутствует, поскольку проведение работ по восстановлению нарушенного состояния окружающей среды, в частности рекультивации земель, вообще нельзя считать возмещением вреда [45, 46]. Другие утверждают, что имеет место двойная ответственность, в связи с чем возмещение вреда неосновательно приобретает публично-правовой штрафной элемент, ей не свойственный [47, 48].

В-третьих, главным недостатком стоимостной формы возмещения вреда является отсутствие в действующем отечественном законодательстве норм, обеспечивающих целевое использование полученных денежных средств, в итоге конечная цель института возмещения экологического вреда не достигается. На этот факт единодушно указывают практически все авторы – как сторонники, так и противники натуральной формы возмещения вреда. Н.Г. Нарышева пишет: «Учитывая восстановительный характер возмещения экологического вреда, действующее законодательство должно детально регулировать <...> проведение рекультивационных и иных восстановительных работ на средства, взысканные с причинителя вреда. Однако к числу принципов бюджетной системы РФ относится принцип общего (совокупного) покрытия расходов бюджетов, который, согласно ст. 35 Бюджетного кодекса РФ, означает, что расходы бюджета не могут быть увязаны с определенными доходами бюджета и источниками финансирования дефицита бюджета. Это положение предполагает отсутствие правовых оснований, которые с необходимостью влекли бы обязанность органов местного самоуправления использовать денежные средства, полученные по искам о возмещении экологического вреда на восстановление нарушенного состояния окружающей среды, либо на какие-либо иные природоохранные мероприятия». Ситуация усугубляется тем, что законодательство о местном самоуправлении к вопросам местного значения не относит организацию восстановления нарушенного состояния окружающей среды. В итоге происходит нивелирование восстановительных начал возмещения экологического вреда [21. С. 122].

Решение описанных выше проблем видится в установлении приоритета натуральной формы возмещения экологического вреда, которая, в отличие от возмещения убытков, позволит достичь основной цели ответственности – обеспечения наиболее полного восстановления нарушенного состояния окружающей среды. Эта идея, сформулированная Г.А. Мисник в 2008 г. в докторской диссертации [49. С. 45], в исследуемый период была поддержана практически всеми современными исследователями [10, 11, 13, 15, 29, 35, 50–52].

В числе немногих, кто возражает против возложения на причинителя вреда обязанности проведения восстановительных работ, – В.А. Савиных. Он пишет о том, что не всегда оправданно обязывать природопользователя к осуществлению непрофильной деятельности: вынуждать его искать организации, которые смогли бы провести восстановительные меропри-

ятия, возлагать риски выбора ненадлежащей организации, а также риски безуспешности восстановительных мероприятий. Природопользователь, как правило, не специалист в данной сфере, поэтому ему проще заплатить справедливую компенсацию в бюджет, чтобы уже государство, на котором лежит обязанность по обеспечению охраны окружающей среды, самостоятельно занималось проведением восстановительных мероприятий. В таком аспекте возложение на природопользователя обязанности по возмещению вреда в натуре должно допускаться только с его согласия [23. С. 154].

Полагаем, что привлечение к ответственности и не должно преследовать цель удобства и простоты для нарушителя, однако возмещение экологического вреда в натуре может иметь и объективные ограничения, связанные со свойствами природных объектов и характером вреда. Так, невозможно устранить вред, причиненный загрязнением атмосферного воздуха. Может ли это служить основанием для отказа от натуральной формы в пользу стоимостной? По всей видимости, нет.

А.Г. Ивлиева совершенно справедливо пишет, что предпочтение натуральной формы возмещения не должно зависеть от возможности или невозможности полного восстановления на нарушенном участке, поскольку в последнем случае загрязнитель может исполнить свое обязательство альтернативным способом, например очистить другой аналогичный участок или выкупить и передать в фонд особо охраняемых территорий какой-то природный объект. При этом загрязнитель имеет стимул к самостоятельному оперативному устранению ущерба, поскольку это позволяет ему избежать дополнительных расходов в виде административных штрафов [11. С. 168].

В качестве альтернативы Н.Г. Нарышева предлагает проведение мероприятий, направленных на недопущение причинения экологического вреда в будущем. На примере загрязнения водных объектов она убедительно показывает, что причинение вреда в значительной степени обусловлено изношенностью очистных сооружений и (или) их технологической неспособностью обеспечить нормативное негативное воздействие на водный объект. Замена (ремонт) очистных сооружений силами и средствами водопользователя создаст материальную основу для недопущения причинения вреда в будущем и будет иметь больший экологический эффект, нежели пополнение бюджета. Автор считает необходимым дифференцировать обязательства природопользователя в зависимости от того, может ли быть фактически устранен причиненный вред или на данном этапе развития науки и техники это невозможно. В первом случае причиненный вред должен стать основанием для разработки проекта восстановительных работ, во втором – проекта ремонта / замены / переоснащения очистных или иных сооружений природоохранного назначения, дефекты которых стали причиной причинения вреда. При этом замена или переоснащение очистных и иных сооружений до уровня, соответствующего наилучшим существующим технологиям, должны рассматриваться как возмещение вреда в полном объеме. Если по истечении сроков, установленных для реализации проекта,

природопользователь не подтвердит выполнение проектных работ, орган государственного экологического надзора должен потребовать возмещения вреда в денежном выражении [30. С. 15–17].

Предлагаемые механизмы, безусловно, заслуживают самого пристального внимания. Они позволяют задать новое содержание института возмещения экологического вреда, трансформировав его цели из преимущественно карательной в превентивную и восстановительно-компенсационную.

Интересно то, что в судебной практике этот подход уже получил определенное распространение, хотя и в весьма своеобразном виде. Суды в отдельных случаях отказывают в удовлетворении исков при установлении факта проведения превентивных мероприятий на сумму, превышающую размер вреда, также имеет место практика заключения мировых соглашений между органами государственного экологического надзора и причинителями вреда, предметом которых является выполнение правонарушителем в течение определенного срока работ, направленных на недопущение в дальнейшем загрязнения окружающей среды, на сумму причиненного вреда [21. С. 128–129].

Сходные подходы к возмещению вреда окружающей среде установлены Директивой № 2004/35/СЕ Европейского парламента и Совета Европейского Союза «Об экологической ответственности, направленной на предотвращение экологического ущерба и устранение его последствий». В качестве целей возмещения экологического вреда Директива называет не только восстановление окружающей среды, но и предотвращение экологического вреда. Она представляет компетентным органам государства право требовать от руководства компаний принимать превентивные меры, направленные на предотвращение экологического вреда, либо вообще самим принять подобные меры. Согласно позиции Суда Европейского Союза (решение С-683/16 от 13.06.2018) превентивные меры могут быть предписаны только в ответ на событие, действие или бездействие, которые создали неминуемую угрозу экологического ущерба. Помимо этого у уполномоченных органов есть право требовать в административном порядке возмещения и уже свершившегося экологического вреда [18, 22].

Интересно, что такой подход к возмещению вреда заставляет по-новому взглянуть на саму категорию экологического вреда. Г.А. Мисник пишет, что «понятие “экологический вред” надлежит использовать для характеристики не только реального вреда окружающей среде, являющегося условием гражданско-правовой ответственности, но и потенциального экологического вреда, вызванного негативным воздействием на окружающую среду и включающего в себя совокупность затрат на предотвращение реального вреда окружающей среде... Однако, реализация данного подхода не получила в законодательстве логического завершения» [21. С. 22].

Вместе с тем натуральная форма возмещения вреда окружающей среде ставит вопрос о том, что следует считать выполнением обязанности по возмещению вреда. Согласно цивилистическому подходу такая обязанность считается выполненной, если послед-

ствия противоправного поведения фактически устранены, восстановлено прежнее состояние. В экологических отношениях конечный результат натуральной реституции определяется следующим образом: а) восстановление первоначального состояния объекта; б) восстановление состояния, которое могло бы быть достигнуто при естественном развитии событий; в) просто исправление явных негативных последствий. Указанные критерии, сформулированные А.Л. Ивановой в диссертационном исследовании в 2006 г. [53. С. 14], нуждаются в конкретизации. Ответ на вопрос, может ли такая конкретизация быть произведена и необходима ли она применительно к отдельным видам природных объектов, пока остается открытым.

Очевидно, что в законе необходимо определить, когда для причинителя вреда обязанность по его полному возмещению считается выполненной: при выполнении всех мероприятий, предусмотренных проектом восстановительных работ, либо при установлении факта полной ликвидации последствий правонарушения. Следует согласиться с В.А. Савиных, что «в связи с комплексным характером окружающей среды и протекающих в ней процессов крайне затруднительно учесть все потенциальные факторы и последствия при разработке мероприятий по восстановлению окружающей среды. Целенаправленно проводимые изменения в ходе восстановительных мероприятий способны привести к изначально непрогнозируемым последствиям и необходимости принятия дополнительных мер. В этом аспекте восстановление состояния окружающей среды представляет собой плановую, постоянно осуществляемую деятельность, требующую непрерывного мониторинга за текущим состоянием окружающей среды, изменениями, происходящими в связи с предпринятыми мероприятиями, и коррекцию проводимых мероприятий с учетом полученной информации» [23. С. 155]. Учитывая изложенное, установление факта полной ликвидации негативных последствий для природной среды может быть невозможным. В то же время факт согласования компетентным органом проекта восстановительных или превентивных работ должен свидетельствовать о необходимости и достаточности предусмотренных в нем мероприятий. Дискреционные полномочия органов государственного экологического надзора по определению таких мероприятий могут быть довольно широкими. Однако основой их должна стать конституционная обязанность государства по охране природы. В конечном итоге именно на государстве как «хранителе окружающей среды» лежит ответственность за её благоприятное состояние.

Заключение

Представленный обзор научных исследований за последние десять лет позволяет увидеть, что, с одной стороны, большая часть проблем правового регулирования отношений по возмещению экологического вреда и соответствующей правоприменительной практики сохраняется. Отчасти это обусловлено ригидностью доктрины, отчасти – отсут-

ствием реальных шагов законодателя на пути решения выявленных исследователями проблем. С другой стороны, более широкое признание получила концепция развития возмещения экологического вреда как публично-правового института, в том числе в рамках его трансформации в экологи-

правовую ответственность. Можно предположить, что именно в рамках этого вектора возможно разрешение большинства рассмотренных внутренних противоречий. В то же время часть вопросов по-прежнему остаются открытыми и нуждаются в дальнейшей научной проработке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ефимова Е.И. Развитие института юридической ответственности за экологические правонарушения в эколого-правовых исследованиях // Экологическое право. 2007. № 3. С. 5–12.
2. Нарышева Н.Г. Правовые проблемы возмещения вреда окружающей среде в научных исследованиях кафедры экологического и земельного права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова // Экологическое право. 2012. № 4. С. 14–19.
3. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд., испр. и доп. М.: НОРМА, 2009. 432 с.
4. Ребиков И.Ю. Возмещение вреда, причиненного природным объектам и комплексам : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2011. 199 с.
5. Ребиков И.Ю. Возмещение вреда, причиненного объектам и комплексам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2011. 30 с.
6. Болтанова Е.С. Возмещение экологического вреда: соотношение норм экологического и гражданского законодательства // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2017. № 8. С. 6–15.
7. Жаворонкова Н.Г., Выпханова Г.В. Теоретико-правовые проблемы возмещения вреда, причиненного окружающей среде // Lex Russica. 2018. № 3 (136). С. 52–67.
8. Сагитов С.М. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда окружающей среде : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. 27 с.
9. Рекомендации VIII Ежегодных научных чтений, посвященных памяти профессора С.Н. Братуся, «Юридическая ответственность: современные вызовы и решения» // Журнал российского права. 2014. № 1. С. 52–58.
10. Ивлиева А.Г. [Не] дважды за одно: особый характер экологического ущерба и общие принципы юридической ответственности. Комментарий к Постановлению Конституционного Суда РФ от 2 июня 2015 года № 12-П // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 4. С. 145–158.
11. Ивлиева А.Г. Направления и перспективы экологического регулирования. М.: Издательский Дом «Городец», 2019. 192 с.
12. Бринчук М.М. Так существует ли эколого-правовая ответственность? // Экологическое право. 2009. № 2–3. С. 16–23.
13. Бринчук М.М. Эколого-правовая ответственность – самостоятельный вид ответственности // Lex russica. 2016. № 6. С. 26–47.
14. Брославский Л.И. Ответственность за окружающую среду и возмещение экологического вреда: законы и реалии России, США и Евросоюза. М.: ИНФРА-М, 2014. 229 с.
15. Мельникова В.Г., Суганова Е.М. О формах и порядке возмещения вреда, причиненного окружающей среде // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 193–199.
16. Анисимов А.П., Устюкова В.В., Чикильдина А.Ю. Эколого-правовая ответственность за причинение вреда окружающей среде: проблемы обоснования // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2017. Т. 12, № 4. С. 133–161.
17. Майоров В.И., Данилова Н.В., Геймур О.Г., Краснова Т.В. Формирование новых видов ответственности в российском праве // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 428. С. 216–229.
18. Кодолова А.В. Правовая природа ответственности за вред окружающей среде в России и Европейском союзе: сравнительно-правовой анализ // Экологическое право. 2018. № 2. С. 27–32.
19. Сравнительно-правовое исследование института ответственности за причинение вреда окружающей среде в российском и зарубежных правовых системах. М.: Ин-т права и публичной политики, 2014.
20. Правовое регулирование возмещения вреда, причиненного окружающей среде и отдельным природным ресурсам / отв. ред. Н.Г. Жаворонкова, В.Б. Агафонов, Г.В. Выпханова. М.: Проспект, 2020. 144 с.
21. Правовое регулирование возмещения экологического вреда : науч.-практ. пособие / С.А. Боголюбов, Е.С. Болтанова, М.М. Бринчук и др.; отв. ред. Н.В. Кичигин. М.: ИНФРА-М; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2017. 368 с.
22. Данилова Н.В., Гоглов А.П. Экологическая ответственность в праве Франции // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 232–240.
23. Савиных В.А. Особенности правового режима возмещения вреда окружающей среде природопользователями // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2014. № 3. С. 148–163.
24. Петров В.В. Правовая охрана природы в СССР. М.: Высш. школа, 1979. 176 с.
25. Игнатъева И.А. Возмещение вреда, причиненного вследствие нарушения лесного законодательства, и проблемы понятийного аппарата // Аграрное и земельное право. 2017. № 9 (153). С. 114–119.
26. Захаров Д.Е. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный животному миру // Власть закона. 2018. № 3 (35). С. 126–134.
27. Никишин В.В. Теоретические проблемы возмещения экологического вреда: идеи В.В. Петрова и современность // Экологическое право. 2009. № 2/3. С. 28–32.
28. Оль Е.М., Шадров М.А. Соотношение правовых категорий «вред», «ущерб», «убытки» в экологической сфере // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 3 (45). С. 184–191.
29. Жаворонкова Н.Г., Агафонов В.Б. Возмещение экологического вреда: законодательные новеллы // Lex Russica. 2016. № 8 (117). С. 130–140.
30. Нарышева Н.Г. Возмещение вреда, причиненного вследствие нарушения водного законодательства, в системе правовых мер охраны окружающей среды // Экологическое право. 2014. № 6. С. 11–17.
31. Игнатъева И.А. Актуальные проблемы возмещения вреда окружающей среде (аспекты правового регулирования, судебной практики и реализации государственной политики в области экологического развития) // Экологическое право. 2016. № 4. С. 10–17.
32. Данилова Н.В., Каримова С.А. О понятии вреда, причиненного окружающей среде // Юридические исследования. 2017. № 7. С. 72–77.
33. Некрасов А. Как оценить экологический вред? // ЭЖ-Юрист. 2013. № 44.
34. Омелянюк Г.Г., Михалева Н.В., Голубева С.Г. Судебная экспертиза объектов окружающей среды по определению размера ущерба от экологического правонарушения // Судья. 2015. № 9. С. 34–37.
35. Грачева О.С. Некоторые проблемные аспекты возмещения вреда, причиненного окружающей среде // Вопросы российского и международного права. 2016. № 7. С. 42–54.
36. Иванова С.А. Гражданско-правовая ответственность за нарушение законодательства о животном мире: теория и практика // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 2. С. 62–66.
37. Куделькин Н.С. Проблемы возмещения вреда в сфере недропользования // Вестник Коми Республиканской академии государственной службы и управления. 2018. № 25. С. 111–113.
38. Спиридонов Д.В. Возмещение вреда в порядке гражданско-правовой ответственности в сфере недропользования // Аграрное и земельное право. 2016. № 8 (140). С. 105–114.

39. Анисимов А.П. Правовые проблемы возмещения вреда, причиненного изменением климата: опыт России и США // Вопросы российского и международного права. 2015. № 10. С. 10–29.
40. Пономарев М.В. Возмещение вреда окружающей среде при строительстве, реконструкции и эксплуатации линейных объектов: правовой аспект // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2012. № 6 (129). С. 67–80.
41. Барбашова Н.В. Особенности гражданско-правовой ответственности за экологические правонарушения // Известия Юго-Западного государственного университета. 2016. № 6 (69). С. 196–206.
42. Кремнева Е.В. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный окружающей среде // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2015. № 6 (50). С. 55–59.
43. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об охране окружающей среды» (постатейный) / Е.Н. Абанина, А.П. Анисимов, А.В. Кодолова и др.; под ред. А.П. Анисимова. М.: Деловой двор, 2010. 600 с.
44. Шубин Ю.П. Некоторые аспекты судебной практики по спорам, связанным с возмещением вреда, причиненного окружающей среде // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2018. № 1 (38). С. 58–67.
45. Богатырева Н.А. Анализ актуальных проблем практики возмещения ущерба, причиненного землям сельскохозяйственного назначения // Аграрное и земельное право. 2017. № 4 (148). С. 13–16.
46. Лунева Е.В. Правовая позиция судов о соотношении рекультивации земель и восстановления окружающей среды // Марийский юридический вестник. 2016. № 2 (17). С. 70–72.
47. Кирюшина О.Н. Правомерность возмещения вреда, причиненного лесам, в кратном размере // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2014. № 3. С. 120–126.
48. Кодолова А.В. Взыскание убытков в кратном размере при причинении вреда экологическим правонарушением: обзор судебной практики // Хозяйство и право. 2016. № 2. С. 113–118.
49. Мисник Г.А. Возмещение экологического вреда в российском праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 6 с.
50. Данилова Н.В. Совершенствование института возмещения экологического вреда // Экологическое право. 2015. № 3. С. 3–6.
51. Шубин Ю.П. Принцип возмещения экологического вреда как основополагающий принцип охраны окружающей среды // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2016. № 16-1. С. 301–302.
52. Кодолова А.В. Оценка экологического ущерба в странах СНГ: сравнительно-правовой анализ // Евразийский юридический журнал. 2018. № 3 (118). С. 369–372.
53. Иванова А.Л. Возмещение экологического вреда: сравнительно-правовой анализ европейского, немецкого и российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 25 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 15 апреля 2020 г.

Compensation for Environmental Damage in Russian Legal Studies (Review of Literature for 2009–2019)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 463, 206–217.

DOI: 10.17223/15617793/463/26

Natalia V. Danilova, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: n.v.danilova@utmn.ru

Keywords: environmental damage; compensation for damage; environmental liability; civil liability; environmental law of Russia; review article.

The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-111-50447.

In Russian science, the institute of compensation for environmental damage has traditionally received much attention. At the same time, there are few works of a review nature, and they are mainly dedicated to studies of the Soviet and post-Soviet period. The subject of research in this work is Russian scientists' view on the identified issues for the period from 2009 to 2019. The key issue of the institute in question is the determination of its legal nature. The prevailing point of view is that this is a special case of civil liability. It is recognized that environmental legislation should supplement the norms of the Civil Code of the Russian Federation. It is also recognized that this institute performs the functions of protecting public interests in a favorable environment, which is not characteristic of civil liability. This takes it beyond the scope of private law. The internal contradictions of the institute, generated by its complex legal nature, reduce its effectiveness. Attempts to resolve them, as a result, put the question of transforming civil liability for environmental damage into environmental liability on the agenda. In this regard, of interest are studies of foreign experience in introducing environmental liability (USA, European Union countries), including its goals, functions, areas and limits of action. The advantages of environmental liability are seen in the fact that it performs not only a compensatory, but also a preventive function. A third way is proposed for legalizing relations of compensation for environmental harm through exclusively public law institutions: carrying out restoration work within the framework of state environmental supervision and introducing a new type of public law payments designed to compensate for the incalculable losses in the natural environment and the state's environmental costs. The focus is still on the terminology of the institute under study, in particular, the key legal definition "environmental damage" needs to be clarified. It seems that, from a practical point of view, primarily in the context of determining the necessary and sufficient evidence of harm, it is important to link it with environmental quality standards, which, in turn, determine the favorable state of the environment. A significant share in modern research is occupied by the correlation of various forms of compensation for harm: in kind and in value, the improvement of rates and techniques as special methods for calculating the amount of environmental harm, the possibility of using the direct method of determining the amount of harm according to actual costs, the procedure for accounting for the costs of the harm inflicter to restore the damaged state of the environment when determining the extent of harm.

REFERENCES

1. Efimova, E.I. (2007) Razvitie instituta yuridicheskoy otvetstvennosti za ekologicheskie pravonarusheniya v ekologo-pravovykh issledovaniyakh [Development of the Institute of Legal Responsibility for Environmental Offenses in Environmental and Legal Research]. *Ekologicheskoe pravo – Environmental Law*. 3. pp. 5–12.
2. Narysheva, N.G. (2012) Pravovye problemy vozmeshcheniya vreda okruzhayushchey srede v nauchnykh issledovaniyakh kafedry ekologicheskogo i zemelnogo prava yuridicheskogo fakul'teta MGU im. M.V. Lomonosova [Legal problems of compensation for damage to the environment in the research of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University]. *Ekologicheskoe pravo – Environmental Law*. 4. pp. 14–19.
3. Vitruk, N.V. (2009) *Obshchaya teoriya yuridicheskoy otvetstvennosti* [General theory of legal responsibility]. 2nd ed. Moscow: NORMA, 432 s.
4. Rebikov, I.Yu. (2011) *Vozmeshchenie vreda, prichinennogo prirodnykh ob'ektam i kompleksam* [Compensation for damage caused to natural objects and complexes]. Law Cand. Diss. Volgograd.

5. Rebikov, I.Yu. (2011) *Vozmeshchenie vreda, prichinennogo ob "ektam i kompleksam* [Compensation for damage caused to objects and complexes]. Abstract of Law Cand. Diss. Volgograd.
6. Boltanova, E.S. (2017) *Indemnification of Environmental Hazards: Ratio of Environmental and Civil Legislation. Imushchestvennyye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii – Property Relations in the Russian Federation*. 8. pp. 6–15. (In Russian).
7. Zhavoronkova, N.G. & Vypkhanova, G.V. (2018) Theoretical and Legal Problems of Compensation for Harm Caused to the Environment. *Lex Russica*. 3 (136). pp. 52–67. (In Russian).
8. Sagitov, S.M. (2012) *Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' za prichinenie vreda okruzhayushchey srede* [Civil liability for causing harm to the environment]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.
9. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. (2014) Rekomendatsii VIII Ezhegodnykh nauchnykh chteniy, posvyashchennykh pamyati professora S.N. Bratusya, “Yuridicheskaya otvetstvennost': sovremennyye vyzovy i resheniya” [Recommendations of the VIII Annual Scientific Readings dedicated to the memory of Professor S.N. Bratus', “Legal responsibility: modern challenges and solutions”]. 1. pp. 52–58.
10. Ivlieva, A.G. (2015) [Non] Bis in Idem: Special Character of Environmental Damages vs. General Liability Principles Case Commentary. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie – Comparative Constitutional Review*. 4. pp. 145–158. (In Russian).
11. Ivlieva, A.G. (2019) *Napravleniya i perspektivy ekologicheskogo regulirovaniya* [Directions and prospects of environmental regulation]. Moscow: Izdatel'skiy Dom “Gorodets”.
12. Brinchuk, M.M. (2009) Tak sushchestvuet li ekologo-pravovaya otvetstvennost'? [So is there environmental legal responsibility?]. *Ekologicheskoe pravo – Environmental Law*. 2–3. pp. 16–23.
13. Brinchuk, M.M. (2016) Ecological responsibility as an independent type of responsibility. *Lex russica*. 6. pp. 26–47. (In Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2016.115.6.026-047
14. Broslavskiy, L.I. (2014) *Otvettvennost' za okruzhayushchuyu sredu i vozmeshchenie ekologicheskogo vreda: zakony i realii Rossii, SShA i Evrosoyuza* [Responsibility for the Environment and Compensation for Environmental Damage: Laws and Realities of Russia, the USA and the European Union]. Moscow: INFRA-M.
15. Mel'nikova, V.G. & Sukanova, E.M. (2017) On forms and procedure for compensation of harm caused to the environment. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 415. pp. 193–199. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/415/27
16. Anisimov, A.P., Ustyukova, V.V. & Chikil'dina, A.Yu. (2017) Environmental (Ecological) Liability: The Problem of Definition. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk – Proceedings of the Institute of State and Law*. 12 (4). pp. 133–161. (In Russian).
17. Mayorov, V.I., Danilova, N.V., Geymur, O.G. & Krasnova, T.V. (2018) The formation of new types of liability in the Russian law. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 428. pp. 216–229. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/428/30
18. Kodolova, A.V. (2018) The Legal Nature of the Liability for Damage to the Environment in Russia and the European Union: Comparative Law Analysis. *Ekologicheskoe pravo – Environmental Law*. 2. pp. 27–32. (In Russian).
19. Institute of Law and Public Policy. (2014) *Sravnitel'no-pravovoe issledovanie instituta otvetstvennosti za prichinenie vreda okruzhayushchey srede v rossiyskom i zarubezhnykh pravoporyadkakh* [A comparative legal research of the responsibility for causing harm to the environment in the Russian and foreign legal order]. Moscow: Institute of Law and Public Policy.
20. Zhavoronkova, N.G., Agafonov, V.B. & Vypkhanova, G.V. (eds) (2020) *Pravovoe regulirovanie vozmeshcheniya vreda, prichinennogo okruzhayushchey srede i otdel'nym prirodnym resursam* [Legal regulation of compensation for harm caused to the environment and certain natural resources]. Moscow: Prospekt.
21. Kichigin, N.V. (ed.) (2017) *Pravovoe regulirovanie vozmeshcheniya ekologicheskogo vreda* [Legal regulation of compensation for environmental damage]. Moscow: INFRA-M; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.
22. Danilova, N.V. & Goglov, A.P. (2019) Environmental Liability in French Law. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 447. pp. 232–240. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/447/28
23. Savinykh, V.A. (2014) Peculiarities of the Legal Framework for Compensation of Environmental Damages by Natural Resource Users. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo – Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. 3. pp. 148–163. (In Russian).
24. Petrov, V.V. (1979) *Pravovaya okhrana prirody v SSSR* [Legal protection of nature in the USSR]. Moscow: Vyssh. shkola.
25. Ignat'eva, I.A. (2017) *Vozmeshchenie vreda, prichinennogo vsledstvie narusheniya lesnogo zakonodatel'stva, i problemy ponyatiynogo apparata* [Compensation for harm caused as a result of violation of forest legislation, and problems of the conceptual apparatus]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo*. 9 (153). pp. 114–119.
26. Zakharov, D.E. (2018) *Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' za vred, prichinennyi zhivotnomu miru* [Civil liability for harm caused to the animal world]. *Vlast' zakona*. 3 (35). pp. 126–134.
27. Nikishin, V.V. (2009) Teoreticheskie problemy vozmeshcheniya ekologicheskogo vreda: idei V.V. Petrova i sovremennost' [Theoretical problems of compensation for environmental damage: ideas of V.V. Petrov and the present]. *Ekologicheskoe pravo – Environmental Law*. 2/3. pp. 28–32.
28. Ol', E.M. & Shadrov, M.A. (2016) Sootnoshenie pravovykh kategoriy “vred”, “ushcherb”, “ubytki” v ekologicheskoy sfere [Correlation of legal categories “harm”, “damage”, “losses” in the environmental sphere]. *Leningradskiy yuridicheskii zhurnal*. 3 (45). pp. 184–191.
29. Zhavoronkova, N.G. & Agafonov, V.B. (2016) Reparation of Environmental Damage: Legislation Novelties. *Lex Russica*. 8 (117). pp. 130–140. (In Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2016.117.8.130-140
30. Narysheva, N.G. (2014) Compensation for Harm Caused by Violation of Water Legislation in the System of Legal Measures of Environmental Protection. *Ekologicheskoe pravo – Environmental Law*. 6. pp. 11–17. (In Russian).
31. Ignat'eva, I.A. (2016) Topical Problems of Indemnification of Environmental Damage (Aspects of Legal Regulation, Judicial Practice and Realization of State Policy in the Field of Ecological Development). *Ekologicheskoe pravo – Environmental Law*. 4. pp. 10–17. (In Russian).
32. Danilova, N.V. & Karimova, S.A. (2017) O ponyatii vreda, prichinennogo okruzhayushchey srede [On the concept of harm to the environment]. *Yuridicheskie issledovaniya*. 7. pp. 72–77.
33. Nekrasov, A. (2013) Kak otsenit' ekologicheskii vred? [How to assess environmental harm?]. *EZh-Yurist*. 44.
34. Omel'yanyuk, G.G., Mikhaleva, N.V. & Golubeva, S.G. (2015) Forensic examination of environmental objects to determine the amount of damage from an environmental offense. *Sud'ya – Judge*. 9. pp. 34–37. (In Russian).
35. Gracheva, O.S. (2016) Nekotorye problemnye aspekty vozmeshcheniya vreda, prichinennogo okruzhayushchey srede [Some problematic aspects of compensation for harm caused to the environment]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava – Matters of Russian and International Law*. 7. pp. 42–54.
36. Ivanova, S.A. (2017) Civil Liability for Violation of Legislation on Wildlife: Theory and Practice. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii – The Review of Economy, the Law and Sociology*. 2. pp. 62–66. (In Russian).
37. Kudel'kin, N.S. (2018) Problems of Indemnification in the Sphere of Subsoil Exploration. *Vestnik Komi Respublikanskoy akademii gosudarstvennoy sluzhby i upravleniya*. 25. pp. 111–113. (In Russian).
38. Spiridonov, D.V. (2016) Reparation in Order of Civil Liability in the Field of Subsoil Use. *Agrarnoe i zemel'noe pravo*. 8 (140). pp. 105–114. (In Russian).
39. Anisimov, A.P. (2015) Pravovyye problemy vozmeshcheniya vreda, prichinennogo izmeneniem klimata: opyt Rossii i SShA [Legal problems of compensation for harm caused by climate change: the experience of Russia and the United States]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava – Matters of Russian and International Law*. 10. pp. 10–29.
40. Ponomarev, M.V. (2012) *Vozmeshchenie vreda okruzhayushchey srede pri stroitel'stve, rekonstruktsii i ekspluatatsii lineynykh ob'ektov: pravovoy aspekt* [Compensation for harm to the environment during the construction, reconstruction and operation of linear facilities: the legal aspect]. *Imushchestvennyye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii – Property Relations in the Russian Federation*. 6 (129). pp. 67–80.

41. Barbashova, N.V. (2016) Civil Liability for Environmental Crimes Characteristics. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta – Proceedings of Southwest State University*. 6 (69). pp. 196–206.
42. Kremneva, E.V. (2015) Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' za vred, prichinenny okruzhayushchey srede [Civil liability for harm caused to the environment]. *Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii*. 6 (50). pp. 55–59.
43. Anisimov, A.P. (ed.) (2010) *Nauchno-prakticheskiy kommentariy k Federal'nomu zakonu "Ob okhrane okruzhayushchey sredy" (postateynnyy)* [Scientific and practical commentary to the Federal Law "On Environmental Protection" (itemized)]. Moscow: Delovoy dvor.
44. Shubin, Yu.P. (2018) Some Aspects of Judicial Practice on the Disputes Connected with Compensation for Harm Caused to the Environment. *Vestnik Sankt-Peterburgskoy yuridicheskoy akademii*. 1 (38). pp. 58–67. (In Russian).
45. Bogatyreva, N.A. (2017) Analiz aktual'nykh problem praktiki vozmeshcheniya ushcherba, prichinennogo zemlyam sel'skokhozyaystvennogo naznacheniya [Analysis of topical issues of the practice of compensation for damage caused to agricultural land]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo*. 4 (148). pp. 13–16.
46. Luneva, E.V. (2016) Legal Proposition for Correlation between Recultivation of Lands and Environmental Restoration. *Mariyskiy yuridicheskiy vestnik*. 2 (17). pp. 70–72. (In Russian).
47. Kiryushina, O.N. (2014) Lawfulness of multiple compensation for damages to forests. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo – Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. 3. pp. 120–126. (In Russian).
48. Kodolova, A.V. (2016) Vzyskanie ubytkov v kratnom razmere pri prichinenii vreda ekologicheskim pravonarusheniem: obzor sudebnoy praktiki [Multiple recovery of damages caused by an environmental offense: an overview of judicial practice]. *Khozyaystvo i pravo*. 2. pp. 113–118.
49. Misnik, G.A. (2008) *Vozmeshchenie ekologicheskogo vreda v rossiyskom prave* [Compensation for environmental harm in Russian law]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
50. Danilova, N.V. (2015) Improvement of the Institute of Compensation for Ecological Harm. *Ekologicheskoe pravo – Environmental Law*. 3. pp. 3–6. (In Russian).
51. Shubin, Yu.P. (2016) Printsip vozmeshcheniya ekologicheskogo vreda kak osnovopolagayushchiy printsip okhrany okruzhayushchey sredy [The principle of compensation for environmental harm as a fundamental principle of environmental protection]. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami*. 16-1. pp. 301–302.
52. Kodolova, A.V. (2018) Methods of environmental damage assessment in the CIS countries: comparative legal analysis. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal – Eurasian Law Journal*. 3 (118). pp. 369–372. (In Russian).
53. Ivanova, A.L. (2006) *Vozmeshchenie ekologicheskogo vreda: sravnitel'no-pravovoy analiz evropeyskogo, nemetskogo i rossiyskogo prava* [Compensation for environmental harm: a comparative legal analysis of European, German and Russian law]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.

Received: 15 April 2020

СОДЕРЖАНИЕ СВОБОДЫ СОВЕСТИ И ИНДИЙСКАЯ ДОКТРИНА «ОСНОВНОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ПРАКТИКИ»: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ОБЗОР

Рассмотрена выработанная в практике Верховного суда Индии доктрина «основной религиозной практики», которая используется для определения содержания свободы совести и установления границ возможного государственного вмешательства в ее реализацию. Анализу подвергнут общественно-политический контекст страны, который оказывает влияние на правоприменительную практику в Индии. Делается вывод о том, что исследуемая доктрина является актуальным инструментом для толкования принципа секуляризма, который сыграл ключевую роль в определении идентичности постколониальной Индии.

Ключевые слова: свобода совести; светское государство; Верховный суд Индии; доктрина «основной религиозной практики»; религиозные объединения.

Введение

Вопрос о роли религии в публичной сфере приобретает все большую актуальность в Индийском Союзе со времен учредительных дебатов (1946–1950 гг.). Его правовое осмысление во многом основано на решениях Верховного суда (далее – Суд) страны. Из-за того, что религия занимает центральное место в регулировании социальной жизни индийских общин, Суд часто рассматривает дела о возможных нарушениях прав и принципов, закрепленных в Конституции 1949 г. [1], вытекающих из применения религиозных предписаний. Как будет показано далее, следование религиозным предписаниям зачастую идет вразрез с положениями Основного закона. Поэтому Суд разработал доктрину «основной религиозной практики». Она позволяет установить, какие элементы являются основополагающими для той или иной религиозной практики, а какие могут рассматриваться как простое суеверие, а потому подвергаться ограничениям путем вмешательства органов публичной власти без нарушения принципа государственного нейтралитета в религиозных делах. Таким образом, названная доктрина позволяет лучше выявить внутреннюю структуру свободы совести.

В российской практике такой опыт может быть весьма востребованным ввиду необходимости раскрытия в правоприменительных актах подлинной сущности свободы совести с учетом содержания самой Конституции 1993 г. и реалий общественно-политического развития государства в конкретный исторический период.

Неотъемлемым элементом структуры свободы лица является ее «ядро» [2. С. 226–231; 3. Р. 332–368], т.е. та часть, в которую недопустимо какое бы то ни было вмешательство и введение ограничений, так как это ведет к размыванию самой сущности свободы совести. Конституционный Суд РФ неоднократно в своих решениях подчеркивал, что ни законодатель, ни правоприменитель, включая суд, не должны посягать на само существо данной свободы [4, 5].

Однако отечественный орган конституционного нормоконтроля четко не раскрывает содержание сущности свободы совести или принципов, позволяющих его выявить. Поэтому доктрина «основной религиозной практики», позволяющая это сделать Верхов-

ному суду Индии в схожих с российскими условиях многоконфессионального общества и доминирования ряда религий, может быть востребована российской доктриной конституционного права и правоприменительной практикой. Исследуемая доктрина «основной религиозной практики» может быть рассмотрена как один из возможных подходов к выявлению сущностного «ядра» свободы совести.

В начале настоящего исследования представлено краткое изложение индийского общественно-политического контекста и основных дебатов по вопросу о роли религии. Затем изложены истоки доктрины «основной религиозной практики», то, как она развивалась и применялась, анализируется соответствующая прецедентная практика Верховного суда Индии. В заключении сделаны некоторые выводы о роли, которую доктрина «основной религиозной практики» сыграла в обеспечении уважения секуляризма в стране.

Роль религий в Индийском Союзе

Религии всегда оказывали значительное влияние на общественную жизнь страны, а индуистский «образ жизни» предопределял социальную структуру населения на протяжении всей истории Индии. Во времена Империи Великих Моголов (1526–1720 гг.) мусульманская элита доминировала в стране [6. Р. 391–413]. Ислам пронизывал закон и культуру индийского народа. Позже, во время британской колонизации (1757–1947), соединение в одном лице короля государства и главы Англиканской церкви повлекло за собой некоторые последствия для статуса христиан. Кроме того, во времена британского управления был признан религиозный плюрализм, и каждая община имела право регулировать свою жизнь в соответствии с предписаниями своей собственной религии в той мере, пока они не нарушали спокойствие «цивилизаторов».

В момент обретения независимости (1947 г.), страдая от разделения страны, включавшей два мусульманских образования на границах, и от столкновения между мусульманами и индусами внутри нее, «отцы-основатели» Индии должны были принять учредительный акт, способный сохранить огромное разнообразие языков, этнических и религиозных

групп, одновременно закрепляя принципы, позволяющие обеспечить равенство и недискриминацию. В результате в 1949 г. была принята очень объемная и подробная Конституция [7, 8].

Осознавая, что религии играют важную роль в самоидентификации отдельных групп населения, разработчики конституционного текста в первую очередь столкнулись с необходимостью закрепления «правильного значения религии», уважения религиозного плюрализма, а также принципа секуляризма, который они пытались провозгласить как фундаментальный¹. Но по этому вопросу возникли разные позиции. Бхимрао Рамджи Амбедкар, первый министр юстиции независимой Индии, предложил ограничить роль религии в публичной сфере, в то время как Канайялал Манеклал Мунши, член Учредительного собрания Индии, настаивал на необходимости признать, что религии имеют огромное значение для индийского народа. Окончательная и преобладающая позиция была выдвинута Джавахарлалом Неру, первым премьер-министром независимой Индии, который предложил равное уважение и признание всех религий, исповедуемых в стране, в соответствии с принципом секуляризма, который защищает все религии до тех пор, пока они не будут противоречить друг другу или основам конституционного строя самого государства. Однако, как будет показано далее, Верховный суд, вероятно, принял во внимание и предложение Бхимрао Рамджи Амбедкара, в частности, его заявление, что «нет ничего экстраординарного в том, чтобы сказать, что в дальнейшем мы должны стремиться ограничить влияние религии таким образом, чтобы мы не распространяли ее за пределы верований и таких ритуалов, которые могут быть связаны с церемониями, которые, по сути, являются религиозными» [цит. по: 9. Р. 98]. Это заявление легло в основу доктрины «основной религиозной практики», разработанной впоследствии Верховным судом.

Намерение как разработчиков Конституции 1949 г., так и Верховного суда состояло в том, чтобы предоставить стране правовую систему, способную преодолеть неравенство, с которым сталкивается население, и уделить особое внимание тем дискриминационным положениям, которые были связаны с системой индуистских каст [10. Р. 363] и предыдущим опытом обращения с религиозными меньшинствами².

Таким образом, сложность, обусловленная религиозным плюрализмом, сделала необходимым закрепление в Конституции Индии 1949 г. принципа равенства, призванного запрещать дискриминационное обращение между отдельными группами и меньшинствами, обеспечить нейтралитет государства по отношению к любым религиозным убеждениям. Тем не менее, принимая во внимание особенности страны, действующая Конституция налагает на государство также обязанность устранить все препятствия на пути осуществления основных прав людей, которые исторически были предметом традиционных культурных и религиозных догм [11. Р. 196].

Конституция Индии и положение доминирующих религий

Хотя общий подход Конституции 1949 г. был основан на секуляризме, только в 1976 г. 42-я поправка ввела секуляризм в качестве основополагающего принципа государства в преамбулу Конституции. Эта поправка также подтвердила намерение государства быть нейтральным по отношению ко всем религиям, что закреплено в ст. 25–28 Конституции, сгруппированных в специальный раздел, озаглавленный «Право на свободу религии». В частности, государство не должно принуждать какое-либо лицо платить какие-либо налоги, поступления от которых специально предназначаются для покрытия расходов на цели содействия или поддержания какой-либо определенной религии или религиозной секты (ст. 27), и никакое преподавание религии не должно иметь места в учебных заведениях, полностью содержащихся за счет государственных средств (ст. 28). Конституция также гласит, что все люди в равной степени имеют право на свободу совести и право свободно исповедовать религию, отправлять религиозные обряды и вести религиозную пропаганду, при условии соблюдения публичного порядка, морали и народного здоровья. Однако это не затрагивает действия какого-либо существующего закона и не препятствует государству в издании какого-либо закона: регулирующего или запрещающего какую-либо экономическую, финансовую или политическую, а также иную светскую деятельность, которая может находиться в связи с отправлением религиозных обрядов; имеющего в виду общественное благосостояние и реформы, а также открытие доступа в индуистские религиозные учреждения, носящие публичный характер, всем классам и слоям индусов (ст. 25).

Очевидно, что свобода религии возникла как индивидуальный факт, который не может быть предметом какого-либо различия между гражданами и негражданами или между лицами разного социального положения. Тем не менее эта свобода может быть ограничена, если она препятствует достижению других задач, выполнение которых призвана обеспечить Конституция. Под влиянием ч. 2 ст. 44 Конституции Ирландии (Эйре) 1937 г. индийская Конституция 1949 г. вводит возможность ограничения свободы религии, если это необходимо для защиты общественного порядка, нравственности и здоровья. В ней также делается особая ссылка на индийский общественно-политический контекст при закреплении принципа равенства путем упразднения традиционного разделения верующих на касты, с особой ссылкой на касту неприкасаемых (ст. 17 Конституции 1949 г.). Обязанность обеспечивать равенство лежит не только на государстве, но и на гражданах, которые обязаны содействовать «согласию и общему духовному братству между всеми народами Индии независимо от их религиозных, лингвистических и региональных или местных различий» (п. е ст. 51А Конституции 1949 г.).

Кроме того, Конституция гарантирует свободу управления религиозными делами, подтверждая права любой религиозной конфессии или любой ее части

создавать и поддерживать учреждения в религиозных и благотворительных целях, управлять своими собственными делами в религиозных вопросах и приобретать имущество и управлять им в соответствии с законом (ст. 26). В данном случае содержание ст. 26 заслуживает особого внимания, так как ее положения относятся не только в целом к религиозным организациям, но и к их составным частям. Это дает легальное признание их внутреннему разделению. В то же время, однако, она налагает на группу верующих обязательство получить юридическую идентификацию в качестве религиозной.

Наконец, с целью подтверждения нейтралитета государства ст. 60 Конституции Индии 1949 г. позволяет Президенту Союза указывать или не указывать Бога в клятве, которую она или он должны произнести перед вступлением в должность. На самом деле этот подход, по-видимому, влияет на всю Конституцию, где нет полного упоминания о существующей Церкви или доминирующей религии.

Доктрина «основной религиозной практики»

Как уже упоминалось, Конституция 1949 г. придает большое значение признанию групп верующих в качестве религиозных организаций и в целом той роли, которую они могут играть на общественной арене, но не дает четкого определения того, что следует понимать как религию. Поэтому эта очень сложная задача, которую приходится разрешать Верховному суду. Он должен определить понятие «религия», чтобы указать, какие виды практики могут иметь право на конституционную защиту, каковы пределы независимости религиозных конфессий и какое государственное законодательное вмешательство допустимо в деятельность религиозных объединений [12]. То есть отсутствие соответствующего определения в Конституции 1949 г. наложило на Суд обязанность решать, какие элементы являются по существу религиозными, превращая его в толкователя догматов религий. Это, в свою очередь, способно «разрушить те религиозные постулаты, которые вступают в противоречие с Конституцией» [13. Р. 259].

С этой целью в деле *Шурура Матта* [14] Суд впервые разработал так называемую доктрину основной религиозной практики, чтобы провести черту между тем, что является вопросом религии, а что нет, обратившись к прецедентной практике США и Австралии. В этом решении Суд сначала оценил определение религии, предложенное Верховным судом США в деле *Дэвиса против Бисона* [15], основанное на различии между отношением человека к его Создателю (религия) и формами поклонения (религиозная практика). Но оно было отвергнуто, так как Суд счел его несовместимым с индийскими условиями, где есть буддисты или джайны, которые не верят в Бога или в какую-либо Разумную Первопричину (англ. *Intelligent First Cause*). Вместо этого индийский суд, напомнив о влиянии Конституции Эйре 1937 г. на разработку ст. 25 и 26 Конституции Индии 1949 г., опирался на решение *Компания Аделаида Свидетелей Иеговы против Содружества* [16], где австралийские судьи

подтвердили, что Конституция защищает как религиозные убеждения, так и действия, совершаемые в соответствии с ними. Учитывая эту позицию, Верховный суд Индии постановил, что «ритуалы и обряды, церемонии и иные формы поклонения рассматриваются как неотъемлемая часть религии» [14]. В свою очередь, деятельность религиозных организаций может оцениваться правоприменителем с целью выяснения является ли она основной религиозной практикой или нет, так как последняя защищается государством до тех пор, пока она не нарушает пределы, предусмотренные ст. 25 и 26 Конституции 1949 г. [17]. Поэтому дело *Шурур Матта* стало знаковым для Суда. В заключении соответствующего решения отдельные статьи Мадрасского закона 1951 г., регулирующего деятельность индуистских храмов и учреждений, были признаны недействительными как противоречащие основным правам человека. Это дело послужило прецедентом для принятия решений по следующим обращениям о соответствии Конституции 1949 г. актов, регулирующих вопросы религии.

Следуя изложенной правовой позиции, Верховный суд отменил решение Высокого суда Бомбея 1952 г., где судья Чангла отметил, что Конституция 1949 г. под религией имеет в виду все, что связывает человека с его собственной совестью, и те моральные и этические принципы, которые регулируют жизнь людей. Аналогичную позицию, но не в столь развернутом виде, Верховный суд сформулировал в деле *Сарасвати Аммале* [18], в отношении богослужений, организованных женами в местах захоронения их мужей. В этом последнем случае Суд проанализировал индуистские писания и постановил, что общество должно признавать соответствующую практику, которая должна рассматриваться как религиозная.

Однажды созданная доктрина «основной религиозной практики» стала главной проверкой в судебных решениях, затрагивающих религиозные вопросы. Например, Суд использовал ее в деле *Шри Венкатрамана Девару* [19], когда ему нужно было решить, можно ли считать исключение некоторых людей, неприкасаемых, из числа тех, кому позволено входить в индуистский храм, неотъемлемой частью индуизма. Дело возникло ввиду традиционного для Индии деления общества на касты и поставило под сомнение попытку государства реализовать конституционный принцип равенства (ст. 14–15 Конституции 1949 г.). Суд опирался на решение Судебного комитета Тайного совета по делу *Санкарлинга Надан против Раджа Раджешвара Дорай* [20, 21, 22], а также на религиозные писания и индуистские традиции. Он напомнил, что, хотя согласно Упанишадам³ поклонение в храме не было задумано как неотъемлемая часть этой религии, оно стало обязательным для верующих во время пуранического периода⁴, и что Агамы⁵, когда предписывают верующим, как должен быть построен храм и где должны находиться идолы, разъясняют, где должны стоять верующие. Затем Суд напомнил, что в решении Судебного комитета Тайного совета судьи подтвердили, что в соответствии с церемониальным законом определение тех, кто имеет право входить в храм для поклонения, где они имеют

право стоять и поклоняться, а также то, как должно совершаться поклонение, – все это относится к вопросам религии. Действительно, однажды выяснив суть различия между верующими в соответствии с религиозными обычаями индусов и связанной с этим необходимостью защищать его в соответствии с положениями о свободе вероисповедания, Суду пришлось выяснить, препятствует ли та или иная практика выполнению обязанностей государства, установленных Конституцией 1949 г., в частности отменной неприкасаемости (ст. 17), и правом государства открывать публичные храмы для всех индусов (ст. 25). Поэтому Верховный суд подтвердил, что ст. 17 не распространяется на деноминационные храмы, проводя различие между исключением лиц из храмов, открытых для целей поклонения индуистской общественности в целом, на том основании, что они принадлежат к исключенным группам лиц, и исключением лиц из деноминационных храмов на том основании, что они не являются их основателями. Напротив, суд счел ст. 25 Конституции 1949 г. применимой ко всем религиозным учреждениям индусов, включая деноминационные храмы. Таким образом, Суд объявил неконституционным исключение неприкасаемых из храма. Но была сделана и незначительная уступка браминам, которые основали храм. Решение позволяет им во время определенных церемоний сохранить различие между верующими, чья характеристика была установлена посредством теста основной практики.

Актуальность этого решения очевидна. Здесь Суд обосновывал свое решение интерпретацией религиозных положений, анализируя индуистские писания при определении того, является ли различие между верующими существенным для индуизма или нет и, принимая на себя ответственность за решение, из каких церемоний неприкасаемые могут быть исключены в соответствии с этими источниками.

Более шестидесяти лет этот прецедент оставался определяющим для соответствующей категории дел, что подтверждается решением Высокого суда Бомбея 2016 г., постановившим, что попечители гробницы Хаджи Али не могут запретить женщинам входить во внутреннее святилище. Суд, явно ссылаясь на аргументацию Верховного суда, утверждал, что конституционная защита религий применяется только к тем правилам, которые являются «основной и неотъемлемой частью религии». А так как Коран не запрещает женщинам входить в мечети или гробницы, попечители гробницы Хаджи Али не могли запретить женщинам входить во внутреннее святилище и претендовать на какую-либо конституционную защиту такого запрета.

В действительности правила, касающиеся храмов, часто давали Суду материалы для применения критерия «необходимой практики». Например, это имело место в Дурге, когда суфийские мусульманские хадимы храма Мойнуддин Чишти в Аджмере⁶ оспаривали закон Дурга Хаваджа Сахеб 1955 г., полагая, что он нарушил права мусульманского ордена суфийских Чиштия, лишив их возможности управлять святыней и получать подношения от паломников. В связи с этим судья Гаджендрагадкар взглянул на историю

аджмерского храма и, признав Чиштийский орден религиозным вероисповеданием, подтвердил, что со времен дохугальского периода его управление всегда осуществлялось должностными лицами, назначенными государством. Таким образом, обжалуемый закон был объявлен соответствующим Конституции, а нарушения религиозных прав не было установлено. Тест основной религиозной практики имел важное значение как предостережение, выявлял существующие практики, которые обычно рассматривались как часть религии, но на самом деле являлись просто суевериями, необязательными для религии и, следовательно, не подпадающими под защиту Конституции 1949 г.

Эти рассуждения, очевидно, явились значимым продвижением вперед для Суда, который не только подтвердил свою роль в определении того, что является сущностной составляющей в религии, а что нет, но также признал за собой способность рационализировать ее и очистить от простых суеверий.

В деле *Сардаре Съедне* [23] относительно того, может ли отлучение от церкви считаться основной практикой для шиитской секты Давуди Бохра, Суд привел положения Корана и принципы, утвержденные во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. Он постановил, что подобная практика существует вопреки обоим, а также утверждал, что она «устарела в наше время». Поэтому, учитывая, что отлучение от церкви может поставить под угрозу гражданские права на управление имуществом отлученных от церкви лиц, Суд подтвердил конституционность оспариваемого Закона Бомбей, запрещающего отлучение от церкви, и отклонил жалобу заявителя.

Вопрос о различии между суеверием и религией вновь был поставлен в деле *Тилкаят Шри Говиндладжи* [24], когда Суд, подтверждая свою уверенность в отличии светских и суеверных практик от религиозных, указал, что позиции, выраженные заявителями в отношении спорных религиозных практик, не могут рассматриваться как истинное толкование того, что организация считает неотъемлемой частью их религии, так как от ее лица выступает целое сообщество единомышленников. Действительно, вновь цитируя австралийское дело *Компания Аделаида Свидетелей Иеговы против Содружества* – что является религией для одного верующего, может быть суеверием для другого, Суд подчеркнул свою особую обязанность – анализировать, является ли эта практика основной частью религии, отграничивая ее от светских убеждений.

Такая позиция Суда при принятии решений по весьма спорным делам путем самостоятельного определения содержания религиозных убеждений остается неизменной в прецедентном праве. Например, в 2015 г. коллегия из трех судей отклонила два заявления в пользу общественного интереса, поданных католической монахиней, недопущенной к тестированию из-за ее отказа снять завесу с лица, и Студенческой исламской организацией Индии, утверждавшей, что «вера не исчезнет», если человек не наденет завесу на короткий период времени с целью соблюдения правил, установленных для обеспечения справедливости процедуры.

Позже не менее строгий и, как представляется, ограниченный подход Суд использовал при принятии решений, в которых рассматривался вопрос признания религиозного характера за некоторыми группами верующих. В деле *Шастри Ягнапуруидасджи против Мулдаса* [25] Суд подтвердил, что требование этой группы сатсанги быть признанной в качестве независимой конфессии наряду с учением Сваминараяна было основано на суеверии, невежестве и полном недопонимании истинного учения индуистской религии и реального значения принципов и философии, которой учил сам Сваминараян⁷. Однако решение Суда об отказе в признании этой группы в качестве религиозной может рассматриваться как следствие консолидации его прецедентного права, которое постепенно привело к консервативной позиции, исключающей возможность получения официального признания как религиозных нескольких объединений одного и того же исповедания.

Такой подход особенно очевиден в деле *С.П. Миттал* [26], когда мнение большинства постановило, что «учение Шри Ауробиндо представляло только его философию, а не религию», поэтому он лишил своих последователей религиозного статуса деноминации. Тем не менее судья Чиннаппа Редди, автор мнения меньшинства, утверждал, что понятие религии не может быть ограничено традиционной, устоявшейся, известной и популярной религией, прямо ссылаясь на индуизм, исламу, буддизм и христианство, но должно быть интерпретировано в широком смысле.

Несмотря на это возражение, Суд продолжал придерживаться консервативного подхода, о чем свидетельствует серия жалоб, касающихся группы Ананда Маргис и признания танца тандава. Сначала в деле *Джагадешваран* [27] в 1984 г. Суд признал за Ананду Маргис статус религиозного вероисповедания и подтвердил, что типичный танец их последователей, тандава⁸, является частью необходимых обрядов, но из-за недавнего подтверждения этой формы поклонения танец не может рассматриваться среди его основных элементов. Однако в 1990 г. Высокий суд Калькутты безуспешно просил Верховный суд пересмотреть это решение, указывая, что тандава упоминалась в индуистской литературе, которую Суд должен тщательно изучить. Затем в деле *Комиссар полиции против Ачарьи Дж. Авадхута* [28] в 2004 г. Верховный суд вновь обсудил эту проблему, но так и не определил тандаву как основной элемент религиозной практики. Большинство рассматривало тандаву как простую «надстройку», а не как существенную часть религии, которая, по мнению Суда, должна состоять из основного убеждения и той практики, которая является фундаментальной для следования этому убеждению. Но мнение несогласных вызывало некоторые сомнения в таком жестком применении доктрины «основной религиозной практики». В частности, судья Лакшманан подчеркнул, что, поскольку основными религиозными практиками являются те, которые принимаются последователями духовного лидера как метод достижения их духовного подъема, тот факт, что такая практика была недавно введена, не может сделать ее тем более вопросом религии.

В свете этого ограниченного подхода при определении основных элементов религии, Суд также подтвердил, что управление религиозными учреждениями не является важной частью религиозной практики. В итоге это увеличивает влияние государства на них. В деле *Брахмачар Сидхесвар Бхай* [29] Суд заявил, что учреждение образовательных организаций для миссии Рамакришны не является основной практикой этой религиозной конфессии, как и обычная процедура назначения на должности в указанные учебные заведения. Представляется, это сделано с тем, чтобы государство могло вмешиваться в процедуры отбора кандидатов без нарушения конституционного положения о свободе вероисповедания. Точно так же в деле *А.С. Нараяна Дикшитулу* [30] Суд подтвердил, что назначение главы индуистского храма в соответствии с наследственными правилами не является основной частью поклонения. Следовательно, вмешательство государства в этой области должно рассматриваться в соответствии с Конституцией. Наконец, следуя этому же рассуждению, в деле *Панналал Бансилал Патил* [31] управление религиозными учреждениями было определено как светская деятельность, находящаяся вне религиозных практик.

Заключительные замечания

Доктрина «основной религиозной практики» представляет собой весьма актуальный инструмент для толкования основополагающего принципа секуляризма, который сыграл ключевую роль в определении идентичности постколониальной Индии.

Разрабатывая доктрину «основной религиозной практики» в 1950-е гг., Суд, казалось, строго следовал идее Неру о свободной игре для всех религий, отвергая слишком узкое определение религии и позволяя каждой религиозной конфессии определять основную практику своего поклонения. Однако в последующее десятилетие Суд признал защиту только тех религиозных практик, которые подходят для модернизации, тем самым констатируя сильное различие между религией и суевериями, несмотря на мнение представителей отдельных религиозных конфессий.

В течение этого периода была также подтверждена конституционность законов, регулирующих вмешательство государства в управление храмами. Такое толкование сформировалось в 1980-е и 1990-е гг., вероятно, из-за растущего политического влияния индуистского национализма, которое сместило роль Суда с толкования содержания религии и исключения иррациональных элементов к легитимации государственного вмешательства в религиозные дела [12].

В целом консолидация индуистского национализма представляет собой серьезную проблему для Суда. Суд уже в 1994 г. вынужден был напомнить об актуальности, которую секуляризм имел для формирования Союза, и подчеркнуть, что светский идеал в смысле государства, которое одинаково относится ко всем религиям и проявляет доброжелательность к ним, в большей степени соответствует индийской среде, чем идеал того типа светскости, под которым подразумевается государство, которое создает полное

разделение между религией и публичными институтами [32]⁹. Представляется, что Суд не всегда оказывался независимым от влияния набирающего силы индуистского национализма, как это было продемонстрировано в деле *М. Исмаила Фаруки против Союза Индии* [33]. Судья Верма, которому было поручено написать решение, выражая мнение большинства, несмотря на желание защитить идеи секуляризма, закрепленные в Конституции Индии 1949 г., в итоге поддержал интерпретацию в соответствии с индуистским подходом, когда цитировал выступление действовавшего тогда президента Индии Шанкара Даяла Шармы, где говорилось, что индийский секуляризм опирается главным образом на индуистские писания и принцип религиозной терпимости.

Таким образом, можно согласиться с индийской правовой доктриной в том, что проверка «существенной религиозной практики» позволила Суду решить несколько вопросов, вытекающих из неточности конституционных формулировок. В частности, стало возможным определение того, какая практика считается конституционно защищенной как выражение религиозной свободы или легитимизация общественных целей государства. Но в то же время такой переход предоставляет широкие возможности для усмотрения со стороны судей [34. Р. 322–329]. Тем не менее последняя особенность существует не только в Индии, так как почти в каждой стране, когда суды должны принять решение по делам в сфере религии, они вынуждены выяснять, что важно для этой традиции, а что нет [35].

В этой сложной, а иногда и произвольно решаемой задаче правовые позиции, изложенные в предыдущих решениях по аналогичным делам, могут послужить точкой отсчета. По этой причине доктрина, разработанная в Индии, также актуальна при изучении влияния правоприменительной практики Индии на иностранные правовые системы, особенно Пакистана и Малайзии. Такое распространение моделей демонстрирует влияние, которое глобализация оказала на решения судов, поскольку они не могут избежать обсуждения и сравнения аргументов, выдвинутых заявителями, или опоры на иностранные прецеденты и доктрины, когда речь идет об одной и той же рас-

сматриваемой проблематике. Хотя стоит отметить, что, интерпретируя национальные конституционные нормы, проявляя живой интерес к опыту коллег других юрисдикций и тому, как те толкуют свои собственные традиции, судьи в Индии не склонны к простому заимствованию. Здесь правоприменители выбирают лишь те решения, которые могут соответствовать их точке зрения. Индийские судьи широко обсуждают иностранные интерпретации, решая следовать им или нет, обеспечивая адаптацию соответствующих подходов к своей внутренней ситуации. Таким образом, когда это уместно, сравнительные и зарубежные аргументы становятся инструментами для интерпретации национальных положений в свете международных стандартов или тенденций.

В заключение можно отметить, что, хотя доктрина «основных элементов религии» и не лишена критики, она является еще одним признаком, например, наряду с доктриной «базовой структуры Конституции», которая позволяет практике Верховного суда внести свой вклад в определение основ независимой правовой системы Индии.

В России индийский опыт может быть востребован. Конституционным судом Российской Федерации, хоть и не имеет столь обширной практики по религиозным вопросам, но он также не раз рассматривал дела о реализации свободы совести и принципа светского государства в нашей стране. С одной стороны, доктрина «основной религиозной практики» может быть использована для определения существа свободы совести, выявления в необходимых случаях того, что может пониматься под религией (определения которой нет в действующем российском законодательстве), и, соответственно, того, какие правомочия могут быть включены в ее объем. С другой стороны, опыт Индии может служить сигналом для отечественных правоприменителей учитывать выявленные риски, а именно: усмотрение со стороны суда и предпочтительное отношение к отдельным религиям в зависимости только лишь от срока существования в стране, а также легитимации государственного вмешательства в религиозные дела и вопросы внутренней жизни религиозных организаций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Секуляризм стал основополагающим принципом Конституции, признанным в преамбуле, после поправки, внесенной в 1976 г.

² В Индии живут последователи разных религий: индуисты (79,8%), мусульмане (14,2%), христиане (2,3%) и сикхи (1,7%) (CIA Factbook, 2011. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/in.html> (дата обращения: 01.07.2020)).

³ Упанишады – древнеиндийские трактаты религиозно-философского характера, которые подытоживают учения отдельных глав четырех Вед. Это тексты неизвестных авторов, представляющие философские принципы индуизма.

⁴ История индуизма традиционно делится на разные периоды: ведический период, начавшийся примерно с 1750 г. до н.э.; формирующий период индуизма, между 800 и 200 гг. до н.э.; пуранический период с 200 г. до н.э. до 500 г. н.э., также известный как «золотой век» индуизма, совпадающий с империей Гупта; средневековье, примерно с 650 до 1100 г. н.э., когда началось исламское господство.

⁵ Агамы – термин в индуизме, который употребляется как общее название одной из категорий индуистских священных писаний и также применяется для обозначения конкретных текстов некоторых направлений индуизма.

⁶ Мойнуддин Чишти (1141–1236) был исламским ученым, который работал имамом в Южной Азии и окончательно обосновался в Аджмере. Он ввел Орден суфизма чишти в Индии и имел среди своих последователей нескольких императоров моголов.

⁷ Этимологически сатсанг означает «встреча в поисках истины». Так как в индуизме условием достижения спасения считается собрание группы для общей медитации и молитв, создание нескольких групп по учению конкретного лидера является обычной практикой среди верующих.

⁸ Название указывает на танец, который Шива сделал, чтобы начать круг «создание, сохранение, распад». В своей версии Ананды он отмечает создание вселенной.

⁹ В деле Боммае Суд также заявляет, что секуляризм является частью базовой структуры Конституции, еще одной фундаментальной доктрины, разработанной Судом в середине 1950-х гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Constitution of India 1949. URL: <https://www.india.gov.in/my-government/constitution-india> (дата обращения: 01.06.2020).
2. Исаева А.А. Пределы свободы совести в практике Европейского суда по правам человека и Конституционного суда Российской Федерации // *Вестник Томского государственного университета*. 2019. № 448. С. 226–231.
3. Brkan M. The Concept of Essence of Fundamental Rights in the EU Legal Order: Peeling the Onion to its Core // *European Constitutional Law Review*. 2018. Vol. 14, Is. 2.
4. Постановление Конституционного суда РФ от 05.12.2012 № 30-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 16 Федерального закона “О свободе совести и о религиозных объединениях” и пункта 5 статьи 19 Закона Республики Татарстан “О свободе совести и о религиозных объединениях” в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2012. № 51. Ст. 7324.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.11.1999 № 16-П «По делу о проверке конституционности абзацев третьего и четвертого пункта 3 статьи 27 Федерального закона от 26 сентября 1997 года “О свободе совести и о религиозных объединениях” в связи с жалобами Религиозного общества Свидетелей Иеговы в городе Ярославле и религиозного объединения “Христианская церковь Прославления”» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1999. № 51. Ст. 6363.
6. Lapidus M. A History of Islamic Societies. Cambridge : Cambridge University Press, 2014. 1002 p.
7. Rau B.N. India’s Constitution in the Making. Bombay : Orient Longmans, 1960. 510 p.
8. Kashyap S.C. Our Constitution: An introduction to India’s Constitution and Constitutional Law. New Delhi : National Book Trust, 2008. 283 p.
9. Jacobsohn G.J. The Wheel of Law: India’s Secularism in Comparative Constitutional Context. Princeton : Princeton University Press, 2009.
10. Shah G. Caste and Democratic Politics in India. London : Anthem Press, 2004. 363 p.
11. Alicino F. Libertà religiosa e principio di laicità in India // D. Amirante, C. Decaro, E. Poestl (eds). *La Costituzione dell’Unione Indiana. Profili introduttivi*. Torino : Giappichelli, 2013.
12. Sen R. Legalizing Religion: The Indian Supreme Court and Secularism. Washington, D.C. : East-West Center, 2007. 64 p.
13. Dhavan R., Nariman F. The Supreme Court and the Group Life: Religious Freedom, Minority Groups and disadvantaged Communities / B.N. Kirpal (ed). *Supreme but not Infallible: Essays in Honour of the Supreme Court of India*. Delhi : Oxford University Press, 2000.
14. Supreme Court of India. Commissioner, Hindu Religious Endowments, Madras v. Sri Lakshimindra Thirtha Swamiar of Sri Shirur Mutt. Judgment of 16 April 1954. URL: <https://main.sci.gov.in/jonew/judis/933.pdf> (дата обращения: 01.06.2020).
15. U.S. Supreme Court. Davis v. Beason, 133 U.S. 333 (1890). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/133/333/> (дата обращения: 01.06.2020).
16. Adelaide Company of Jehovah’s Witnesses Incorporated v The Commonwealth of Australia. 1943. 67 CLR 116. URL: <http://www.austlii.edu.au/au/cases/cth/HCA/1943/12.pdf> (дата обращения: 01.06.2020).
17. Mudaliar C. The Secular State and Religious Institutions in India: A Study of the Administration of Hindu Public Religious Trusts in Madras. Stuttgart : Schriftenreihe des Sudasien-Instituts der Universitat Heidelberg, Steiner Verlag, 1974. 261 p.
18. Supreme Court of India. Saraswathi Ammal and another v. Rajagopal Ammal. Judgment of 20 October 1953. URL: <https://main.sci.gov.in/jonew/judis/1003.pdf> (дата обращения: 01.06.2020).
19. Supreme Court of India. Sri Venkatramana Devaru and other v. State of Mysore and others. Judgment of 8 November 1957. URL: <https://indiankanoon.org/doc/1896039/> (дата обращения: 01.06.2020).
20. Supreme Court of India. ankarlinga Nadan v. Raja Rajeswara Dorai. Judgment of 1 July 1908. URL: <https://indiankanoon.org/doc/441330/> (дата обращения: 01.06.2020).
21. Bombay High Court. Dr. Noorjehan Safia Niaz and another. vs. State of Maharashtra and others. Judgment of 26 August 2016. URL: <https://indiankanoon.org/doc/139113138/> (дата обращения: 01.06.2020).
22. Supreme Court of India. The Durgah Committee, Ajmer Andanother vs. Syed Hussain Ali And Others. Judgment of 17 March 1961. URL: <https://indiankanoon.org/doc/1262157/> (дата обращения: 01.06.2020).
23. Supreme Court of India. Sardar Syedna Taher Saifuddin Saheb vs. State of Bombay. Judgment of 9 January 1962. URL: <https://indiankanoon.org/doc/1262157/> (дата обращения: 01.06.2020).
24. Supreme Court of India. Tilkayat Shri Govindlalji Maharaj v. The State of Rajasthan and others. Judgment of 21 January 1963. URL: <https://indiankanoon.org/doc/1913766/> (дата обращения: 01.06.2020).
25. Supreme Court of India. Sastri Yagnapurushadji and others vs. Muldas Brudardas Vaishya and another. Judgment of 14 January 1966. URL: <https://indiankanoon.org/doc/145565/> (дата обращения: 01.06.2020).
26. Supreme Court of India. S.P. Mittal Etc. Etc vs. Union Of India And Other. Judgment of 8 November 1982. URL: <https://indiankanoon.org/doc/312939/> (дата обращения: 01.06.2020).
27. Supreme Court of India. Acharya Jagdishwaranand avadhuta, etc. vs. Commissioner Of Police, Calcutta & ANR. Judgment of 20 October 1983. URL: <https://indiankanoon.org/doc/798012/> (дата обращения: 01.06.2020).
28. Supreme Court of India. Commissioner Of Police & Others vs. Acharya J. Avadhuta And Another. Judgment of 11 March 2004. URL: <https://indiankanoon.org/doc/1612501/> (дата обращения: 01.06.2020).
29. Supreme Court of India. Bramachair Sidheswar Bhai vs. State of West Bengal. Judgment of 2 July 1995. URL: <https://indiankanoon.org/doc/967081/> (дата обращения: 01.06.2020).
30. Supreme Court of India. Shri A.S. Narayana Deekshitulu vs. State Of Andhra Pradesh & Others. Judgment of 19 March 1996. URL: <https://indiankanoon.org/doc/28343/> (дата обращения: 01.06.2020).
31. Supreme Court of India. Pannalal Bansilal Pitti & Ors. Etc vs. State Of Andhra Pradesh & Another. Judgment of 17 January 1996. URL: <https://indiankanoon.org/doc/1494202/> (дата обращения: 01.06.2020).
32. Supreme Court of India. Bommai v. Union of India. Judgment of 11 March 1994. URL: <https://indiankanoon.org/doc/60799/> (дата обращения: 01.06.2020).
33. Supreme Court of India. Dr. M. Ismail Faruqui Etc, Mohd. vs. Union Of India and others. Judgment of 24 October 1994. URL: <https://indiankanoon.org/doc/37494799/> (дата обращения: 01.06.2020).
34. Mehta P.B. Passion and Constraint: Courts and the Regulation of Religious Meaning // R. Bhargava (ed.). *Politics and Ethics of the Indian Constitution*. Oxford : Oxford University Press, 2008.
35. Sullivan W. The Impossibility of Religious Freedom. Princeton : Princeton University Press, 2005. 292 p.

Статья представлена научной редакцией «Право» 23 июля 2020 г.

The Content of Freedom of Conscience and the Indian “Essential Practice of Religion” Doctrine: A Constitutional Legal Review

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 463, 218–226.

DOI: 10.17223/15617793/463/27

Anastasia A. Isaeva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tess@mail2000.ru

Keywords: freedom of conscience; secular state; Supreme Court of India; “essential practice of religion”; religious organizations.

In this study, the author addresses the problem of determining the competencies that comprise the essence of freedom of conscience. As one of the possible approaches, the “essential practice of religion” doctrine developed in the law enforcement practice of the Supreme Court of India is considered. The subject of the study is the history of the role of religion in Indian society, the normative constitutional and legal consolidation of freedom of conscience and secular state, as well as the content of the “essential practice of religion” doctrine. The aim of this article is to identify the effects that this doctrine may have to build a secular state and the risks that must be taken into account in the Russian law enforcement practice when determining the powers constituting freedom of conscience. The study is based on the theoretical material from works of foreign researchers (F. Alicino, S.C. Kashyap, M. Lapidus, R. Dhavan and F. Nariman, B.N. Rau, R. Sen, G. Shah, G. Jacobsohn, and others). The regulatory legal acts of India, decisions of the Supreme Court of India, and of the Constitutional Court of the Russian Federation were also used. The methodological basis of the study was dialectical, comparative legal and formal legal methods. In particular, the use of the dialectical method contributed to the study of law enforcement at different stages of the development of legislation on freedom of conscience and on religious associations in India. The use of comparative legal and formal legal methods helped to identify the content and distinctive features of the doctrine of the “essential practice of religion”, and the prospects for its use in Russia. As a result, the author came to the conclusion that, based on the “essential practice of religion” doctrine, rituals, rites, ceremonies, and other forms of worship are considered an integral part of religion. Moreover, activities of religious organizations can be assessed by the law enforcer in order to find out whether it is the main religious practice or not since the latter is protected by the state until it violates the limits provided for in Articles 25 and 26 of the Indian Constitution of 1949. In Russia, Indian experience may be in demand. On the one hand, the doctrine of the “essential practice of religion” can be used to determine the essence of freedom of conscience, to identify, if necessary, what can be understood as religion. On the other hand, the experience of India can serve as a signal for domestic law enforcement, which should take into account the identified risks, namely: the preferred attitude to individual religions depending only on the period of their existence in the country and the legitimization of state interference in religious affairs and questions of the internal life of religious organizations.

REFERENCES

1. *Constitution of India 1949*. [Online] Available from: <https://www.india.gov.in/my-government/constitution-india> (Accessed: 01.06.2020).
2. Isaeva, A.A. (2019) The Limits of Freedom of Conscience in the Practice of the European Court of Human Rights and the Constitutional Court of the Russian Federation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 448. pp. 226–231. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/448/28
3. Brkan, M. (2018) The Concept of Essence of Fundamental Rights in the EU Legal Order: Peeling the Onion to its Core. *European Constitutional Law Review*. 14 (2).
4. Russian Federation. (2012) Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 05.12.2012 No. 30-P “On the case of verifying the constitutionality of the provisions of Clause 5 of Article 16 of the Federal Law ‘On freedom of conscience and on religious associations’ and Clause 5 of Article 19 of the Law of the Republic of Tatarstan ‘On freedom of conscience and religious associations’ in connection with the complaint of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation”. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 51. Art. 7324. (In Russian).
5. Russian Federation. (1999) Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 23.11.1999 No. 16-P “In the case of verifying the constitutionality of paragraphs 3 and 4 of Clause 3 of Article 27 of the Federal Law of September 26, 1997, ‘On freedom of conscience and on religious associations’ in connection with the complaints of the Religious Society Jehovah’s Witnesses in Yaroslavl and the religious association Christian Church of Glorification”. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 51. Art. 6363. (In Russian).
6. Lapidus, M. (2014) *A History of Islamic Societies*. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Rau, B.N. (1960) *India's Constitution in the Making*. Bombay: Orient Longmans.
8. Kashyap, S.C. (2008) *Our Constitution: An introduction to India's Constitution and Constitutional Law*. New Delhi: National Book Trust.
9. Jacobsohn, G.J. (2009) *The Wheel of Law: India's Secularism in Comparative Constitutional Context*. Princeton: Princeton University Press.
10. Shah, G. (2004) *Caste and Democratic Politics in India*. London: Anthem Press.
11. Alicino, F. (2013) Libert  religioza e principio di laicit  in India. In: Amirante, D., Decaro, C. & Poestl, E. (eds) *La Costituzione dell'Unione Indiana. Profili introduttivi*. Torino: Giappichelli.
12. Sen, R. (2007) *Legalizing Religion: The Indian Supreme Court and Secularism*. Washington, D.C.: East-West Center.
13. Dhavan, R. & Nariman, F. (2000) The Supreme Court and the Group Life: Religious Freedom, Minority Groups and Disadvantaged Communities. In: Kirpal, B.N. (ed.) *Supreme but not Infallible: Essays in Honour of the Supreme Court of India*. Delhi: Oxford University Press.
14. Supreme Court of India. (1954) *Commissioner, Hindu Religious Endowments, Madras v. Sri Lakshimindra Thirtha Swamiar of Sri Shirur Mutt. Judgment of 16 April 1954*. [Online] Available from: <https://main.sci.gov.in/jonew/judis/933.pdf> (Accessed: 01.06.2020).
15. U.S. Supreme Court. (1890) *Davis v. Beason*, 133 U.S. 333 (1890). [Online] Available from: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/133/333/> (Accessed: 01.06.2020).
16. High Court. (1943) *Adelaide Company of Jehovah's Witnesses Incorporated v The Commonwealth of Australia*. 1943. 67 CLR 116. [Online] Available from: <http://www.austlii.edu.au/au/cases/cth/HCA/1943/12.pdf> (Accessed: 01.06.2020).
17. Mudaliar, C. (1974) *The Secular State and Religious Institutions in India: A Study of the Administration of Hindu Public Religious Trusts in Madras*. Stuttgart: Schriftenreihe des Sudasien-Instituts der Universitat Heidelberg, Steiner Verlag.
18. Supreme Court of India. (1953) *Saraswathi Ammal and another v. Rajagopal Ammal. Judgment of 20 October 1953*. [Online] Available from: <https://main.sci.gov.in/jonew/judis/1003.pdf> (Accessed: 01.06.2020).
19. Supreme Court of India. (1957) *Sri Venkatramana Devaru and other v. State of Mysore and others. Judgment of 8 November 1957*. [Online] Available from: <https://indiankanoon.org/doc/1896039/> (Accessed: 01.06.2020).
20. Supreme Court of India. (1908) *Ankarlinga Nadan v. Raja Rajeswara Dorai. Judgment of 1 July 1908*. [Online] Available from: <https://indiankanoon.org/doc/441330/> (Accessed: 01.06.2020).
21. Bombay High Court. (2016) *Dr. Noorjehan Safia Niaz and another. vs. State of Maharashtra and others. Judgment of 26 August 2016*. [Online] Available from: <https://indiankanoon.org/doc/139113138/> (Accessed: 01.06.2020).
22. Supreme Court of India. (1961) *The Durgah Committee, Ajmer Andanother vs. Syed Hussain Ali And Others. Judgment of 17 March 1961*. [Online] Available from: <https://indiankanoon.org/doc/1262157/> (Accessed: 01.06.2020).
23. Supreme Court of India. (1962) *Sardar Syedna Taher Saifuddin Saheb vs. State of Bombay. Judgment of 9 January 1962*. [Online] Available from: <https://indiankanoon.org/doc/1262157/> (Accessed: 01.06.2020).
24. Supreme Court of India. (1963) *Tilkayat Shri Govindlalji Maharaj v. The State of Rajasthan and others. Judgment of 21 January 1963*. [Online] Available from: <https://indiankanoon.org/doc/1913766/> (Accessed: 01.06.2020).
25. Supreme Court of India. (1966) *Sastri Yagnapurushadji and others vs. Muldas Brudardas Vaishya and another. Judgment of 14 January 1966*. [Online] Available from: <https://indiankanoon.org/doc/145565/> (Accessed: 01.06.2020).
26. Supreme Court of India. (1982) *S.P. Mittal Etc. Etc vs. Union Of India And Other. Judgment of 8 November 1982*. [Online] Available from: <https://indiankanoon.org/doc/312939/> (Accessed: 01.06.2020).

27. Supreme Court of India. (1983) *Acharya Jagdishwaranand avadhuta, etc. vs. Commissioner of Police, Calcutta & ANR. Judgment of 20 October 1983.* [Online] Available from: <https://indiankanoon.org/doc/798012/> (Accessed: 01.06.2020).
28. Supreme Court of India. (2004) *Commissioner Of Police & Others vs. Acharya J. Avadhuta And Another. Judgment of 11 March 2004.* [Online] Available from: <https://indiankanoon.org/doc/1612501/> (Accessed: 01.06.2020).
29. Supreme Court of India. (1995) *Bramachair Sidheswar Bhai vs. State of West Bengal. Judgment of 2 July 1995.* [Online] Available from: <https://indiankanoon.org/doc/967081/> (Accessed: 01.06.2020).
30. Supreme Court of India. (1996) *Shri A.S. Narayana Deekshitulu vs. State Of Andhra Pradesh & Others. Judgment of 19 March 1996.* [Online] Available from: <https://indiankanoon.org/doc/28343/> (Accessed: 01.06.2020).
31. Supreme Court of India. (1996) *Pannalal Bansilal Pitti & Ors. Etc vs. State Of Andhra Pradesh & Another. Judgment of 17 January 1996.* [Online] Available from: <https://indiankanoon.org/doc/1494202/> (Accessed: 01.06.2020).
32. Supreme Court of India. (1994) *Bomma v. Union of India. Judgment of 11 March 1994.* [Online] Available from: <https://indiankanoon.org/doc/60799/> (Accessed: 01.06.2020).
33. Supreme Court of India. (1994) *Dr. M. Ismail Faruqui Etc, Mohd. vs. Union Of India and others. Judgment of 24 October 1994.* [Online] Available from: <https://indiankanoon.org/doc/37494799/> (Accessed: 01.06.2020).
34. Mehta, P.B. (2008) Passion and Constraint: Courts and the Regulation of Religious Meaning. In: Bhargava, R. (ed.) *Politics and Ethics of the Indian Constitution.* Oxford: Oxford University Press.
35. Sullivan, W. (2005) *The Impossibility of Religious Freedom.* Princeton: Princeton University Press.

Received: 23 July 2020

Ю.А. Кашуба, А.Ю. Алексеев

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ РЕЖИМЫ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ: НЕКОТОРЫЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Рассмотрена проблема правового положения осужденных при введении на территории пенитенциарного учреждения специального правового режима. Изменение статуса осужденных в рассматриваемых государствах отличается набором правовых ограничений, приостановлением действия законных интересов осужденных и возложением на них дополнительных юридических обязанностей. Специальный правовой режим регулируется нормативно-правовыми актами, отличающимися по юридической силе, и выступает эффективным средством преодоления различного рода чрезвычайных ситуаций.

Ключевые слова: общественная безопасность; чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера; военное положение; санитарно-эпидемиологическая обстановка.

Современный период характеризуется значительным возрастанием случаев чрезвычайных ситуаций военного, техногенного и природного характера. Указанная тенденция выражается как в нарастании частоты и масштабов чрезвычайных ситуаций, так и в близости государств со сложной военно-политической обстановкой [1. С. 170]. Таким образом, государство обязано придавать решающее значение проблеме обеспечения общественной безопасности при их возникновении.

Реализацию императивов, установленных уголовным законодательством, зачастую затрудняют чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, военное положение, а также иные экстремальные ситуации. Обеспечение безопасности в государстве и его отдельных местностях традиционно базируется на использовании специальных правовых режимов (СПР). Чрезвычайные ситуации, происходящие в местах принудительного содержания, не являются исключением. Границы правовых ограничений при введении СПР определены международным и национальным законодательством и должны соответствовать сущности и характеру возникшей чрезвычайной ситуации. Между тем применение ограничений не может быть распространено на основополагающие права и свободы личности: право на жизнь, защита от пыток заключенных, рабства, принудительного труда, соблюдение принципа законности при отправлении правосудия. Вместе с тем «универсальные» [2. С. 153] международные правовые акты в своем содержании имеют лишь фрагментарное упоминание об институте чрезвычайного положения.

Первым международным правовым актом, регулирующим введение СПР, выступает «Всеобщая декларация прав человека» (1948), положения которой предусматривают следующие правовые последствия: «При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения признания и уважения прав и свобод других, удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе» [3].

Следующим международным актом, корректирующим общественные отношения при возникновении чрезвычайной ситуации, является «Конвенция прав человека и основных свобод» (1950). Из содержания

указанного международного соглашения следует, что в случае войны или при иных чрезвычайных обстоятельствах, угрожающих жизни нации, любая из участвующих в договоре сторон может принимать решение об отступлении от обязательств только в той мере, которая не противоречит иным международным обязательствам и чрезвычайности обстоятельств» [4].

Важным международным документом, регулирующим отношения в условиях дестабилизации, является «Международный пакт о гражданских и политических правах», 1966 (далее – Пакт). Данный акт значительно расширил перечень прав и свобод, не подлежащих ограничению. Государства «во время чрезвычайного положения, если при этом жизнь нации находится под угрозой, и о наличии которого, сделано официальное заявление, могут принимать меры в отступлении от принятых на себя обязательств. Однако такое отступление должно осуществляться только в той степени, в которой это требуется остротой положения. При условии, что такие меры не являются несовместимыми с другими обязательствами международного права и не влекут дискриминации на основе пола, расы, цвета кожи, языка, религии или социального происхождения...». Принципы о положениях, касающихся ограничения и умаления прав в Международном пакте о гражданских и политических правах, приняты по итогам конференции, проведенной ГА ООН в 1984 г. в г. Сиракузы [5].

Конвенция Международной организации труда № 29 «Относительно принудительного или обязательного труда» (1930) расширяет общие юридические обязанности граждан, а также лиц без гражданства при введении СПР. В соответствии с международным договором «принудительным трудом не является всякая работа или служба, требуемая в условиях чрезвычайных обстоятельств, то есть в случаях войны или бедствия или угрозы бедствия. Таких, как: пожар, наводнение, голод, землетрясение, сильные эпидемии или эпизоотии, нашествия вредных животных, насекомых или паразитов растений и вообще обстоятельства, ставящие под угрозу или могущие поставить под угрозу жизнь или нормальные жизненные условия всего или части населения» [6].

Перечисленные международные правовые акты устанавливают возможное изменение правового положения граждан в период действия чрезвычайного или военного положения, возникновения чрезвычайной

ной ситуации на территории государства. Вместе с тем практика применения международных стандартов выработала отдельные универсальные договоры, направленные на защиту специальных субъектов (инвалиды, осужденные и т.д.). При этом международные соглашения не содержат отступления от обязательств, несмотря на чрезвычайность положения. Действие универсальных договоров направлено на защиту заключенных и задержанных лиц от пыток и других бесчеловечных или унижающих человеческое достоинство обращений (1982). Конвенция «О правах инвалидов» (2006) гарантирует защиту и обеспечение безопасности инвалидам в ситуациях риска, вооруженных конфликтах, гуманитарных и стихийных катастрофах [7]. Принципы защиты прав и свобод граждан в условиях действия чрезвычайного законодательства сформулированы в 1982 г. на Экономическом и Социальном совете ООН [8]. Принципы о положениях, касающихся ограничения и умаления прав, – в Международном пакте о гражданских и политических правах (1984).

Принципиальные основы и порядок введения СПР раскрываются в «специальных» [2. С. 153] международных правовых актах. Детальная регламентация, отражающая все правовые аспекты введения чрезвычайной ситуации, чрезвычайного или военного положения, приведена в «Минимальных стандартах норм об основных правах человека при исключительном положении» (1984) [9. С. 153]. Содержание документа изложено достаточно лаконично и состоит из следующих положений:

- чрезвычайное положение в зависимости от характера распространяется на всю территорию или часть местности, требует официального объявления, может быть оправдано исключительной действительностью, наличием и критичностью создавшейся ситуации для государства, общества и жизни нации;

- институт чрезвычайного положения должен соответствовать принципу законности и вноситься на утверждение в национальное законодательство заблаговременно, т.е. до наступления чрезвычайной ситуации;

- конституция каждого государства должна предусматривать процедуру введения СПР, а в случае если принятие решения возложено на уполномоченные федеральные органы исполнительной власти, согласование с законодательным органом должно осуществляться в максимально короткий срок;

- период введения чрезвычайного положения не должен переходить разумные границы, необходимые для стабилизации обстановки, при этом максимально возможный срок введения чрезвычайного положения должен быть указан в основном законе (исключая случаи военной агрессии);

- законодательная власть должна в равной степени иметь возможность аннулировать решение о введении чрезвычайного положения, а также об изменении и продлении срока введения чрезвычайного положения;

- в период действия чрезвычайного положения законодательная власть должна оставаться интактной, независимо от правоограничительных мер. В случае когда в период действия СПР подошло время перевы-

боров, то перевыборы проводятся после нормализации общественных отношений;

- чрезвычайное положение не может противоречить принципу недопустимости посягательств на абсолютные права и свободы человека;

- акты, принятые в целях обеспечения СПР, должны быть одновременно отменены с прекращением обстоятельств, дестабилизирующих ситуацию в обществе, без специального на то уведомления;

- ограничения, установленные при введении СПР, отменяются автоматически, чрезвычайные меры не должны сохраняться.

Таким образом, международные стандарты демонстрируют возможное отступление от обязательств посредством применения СПР. Между тем следует отметить, что применение исключительных мер, направленных на стабилизацию и восстановление правопорядка, не должно нарушать абсолютные права человека (в том числе осужденных). В случае введения СПР, необходимо принимать во внимание возможность отмены и изменения срока введения чрезвычайного положения законодательной властью. Введение СПР подлежит публичному объявлению и не может превышать максимально возможного срока, указанного в основном законе.

Выработанные международные соглашения в области реализации рассматриваемого особого правового режима указывают на возможность изменения правового положения гражданина вследствие наступления обстоятельств, создающих непосредственную опасность для общества и суверенитета государства. Применение общих положений к лицам, отбывающим наказание в пенитенциарных учреждениях, учитывая их специальный статус, крайне затруднительно ввиду ограничительного толкования указанных норм. Конвенция Международной организации труда содержит основания привлечения к принудительному труду, в том числе в случае возникновения чрезвычайной ситуации, чрезвычайного или военного положения. Данное обстоятельство позволяет сделать вывод о возможном привлечении осужденных к предупреждению и ликвидации последствий чрезвычайной ситуации, чрезвычайного и военного положения. При этом участие лиц, содержащихся в местах принудительного содержания, в рассматриваемых действиях, связано с определенными рисками и процессуальными трудностями.

Практика распространения исключительных мер имеет достаточно обширный характер за рубежом и рассматривается не как противоречащая международным стандартам, а, напротив, как эффективное и оправданное средство реагирования на угрозы, дестабилизирующие общественные отношения. Введение в зарубежных государствах чрезвычайной ситуации, чрезвычайного и военного положения регулируется нормативными правовыми актами, отличающимися по юридической силе. Рассмотрим нормативное регулирование введения СПР в пенитенциарных учреждениях отдельных стран, отличающихся способом правового воздействия, процедурой, сроком и основанием введения указанного режима.

Государствами, в которых введение СПР в пенитенциарных учреждениях *регулируется законода-*

тельными актами, являются: Франция, Япония, Южно-Африканская Республика и ряд других стран континентальной правовой семьи. Например, законодательство Франции содержит ряд законов, предусматривающих отступление от международных обязательств.

Кодекс обороны Республики Франции в статье L2171-1 устанавливает, что в случае возникновения серьезного кризиса на всей территории или части территории страны, ставящего под угрозу безопасность государства, населения или нации, правительством задействуется национальный резерв. Мобилизация состоит из лиц, которые, в силу своей профессиональной и психофизиологической подготовки, могут быть полезны в решении различных служебных задач [10. С. 432].

Пенитенциарный закон Франции 2009 (далее – Пенитенциарный закон) закрепляет базовые принципы международных договоров в национальном законодательстве. Однако в случае возникновения угрозы стабильному функционированию пенитенциарных учреждений допускается ограничение в правах заключенных с целью восстановления правопорядка и безопасности. В условиях дестабилизации могут быть ограничены: «право осужденного на свободу убеждений, совести и свободы вероисповедания, отказано в свидании с родственниками и иными лицами; запрещен доступ осужденному к телефону, осуществлен контроль или изъятие переписки осужденного; установлен запрет на ознакомление с письменными и аудиовизуальными источниками информации» [10. С. 433].

Отдельное внимание в рамках применения особого правового режима следует уделить Японии – государству, на долю которого приходится наибольшее количество чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Концепция, принятая Японией, надежно вписалась во всю государственную политику, в том числе пенитенциарную, и исключила применение правовых ограничений при возникновении чрезвычайных ситуаций. Так, Закон Японии «Об исполнении уголовных наказаний» (далее – Закон Японии) предусматривает возложение специальных обязанностей на осужденных, связанных с ликвидацией последствий чрезвычайной ситуации (для борьбы с огнем, спасения жизни или для проведения любых экстренных работ внутри пенитенциарного учреждения и на прилегающей к нему территории – статья 82) [11]. Преобладание одного из правовых средств, входящих в арсенал особого правового режима при возникновении чрезвычайной ситуации, путем возложения позитивных обязываний позволяет отнести приведенную норму к последствиям, применяемым при введении СПР. Следует отметить, что подзаконные нормативно-правовые акты Российской Федерации предусматривают бесплатное привлечение осужденных к выполнению хозяйственной деятельности в исправительном учреждении. Однако данный регламент не распространяет действие на ликвидацию последствий чрезвычайной ситуации, что указывает на необходимость урегулирования уголовно-исполнительных правоотношений при возникновении чрезвычайных ситуаций.

Для обеспечения безопасности лиц, содержащихся в пенитенциарном учреждении, начальник обязан эвакуировать осужденных. Директору пенитенциария в случае отсутствия возможности эвакуации принадлежит исключительное право их освобождения от отбывания наказания.

Лица, к которым применен институт освобождения, должны явиться в пенитенциарное учреждение или в место, указанное начальником, незамедлительно после отпадения условий, необходимых для эвакуации (статья 83 Закона Японии). Государство принимает на себя обязательства по выплате родственникам осужденного компенсации в размере, установленном Правительством Японии. Перечисление осуществляется в случае увечья или смерти осужденного при выполнении работ по ликвидации последствий чрезвычайной ситуации. Денежные средства, находящиеся на лицевом счете осужденного, также подлежат выплате родственникам.

Законом Южно-Африканской Республики «Об исправлении» предусмотрено введение некоторых правовых ограничений для осужденных, однако статья, закрепляющая институт СПР пенитенциарных учреждений, в структуре рассматриваемого закона отсутствует. Правовые ограничения, способствующие восстановлению правопорядка в пенитенциарных учреждениях, можно с определенной оговоркой отнести к СПР. В случае возникновения угрозы дестабилизации руководитель учреждения при наличии достаточных оснований может разрешить сотрудникам осуществлять цензуру за перепиской осужденных, ставящих под угрозу безопасность мест принудительного содержания [12].

Начальник вправе ограничить использование в пределах пенитенциарного учреждения аудио- и видеоматериалов, компьютерных программ, которые, по его мнению, могут угрожать безопасности пенитенциарного учреждения или осужденным. В случае возникновения групповых неповиновений и массовых беспорядков руководитель пенитенциарного учреждения принимает решение о введении группы экстренной поддержки. Деятельность группы направлена на физическое подавление лиц, создающих угрозу стабильному функционированию мест принудительного содержания.

Одним из немногих государств, где введение СПР в пенитенциарных учреждениях *регулируется подзаконным актом*, является Республика Эквадор. Вместе с тем уголовно-исполнительные правоотношения регулируются Законом Республики Эквадор «Об исполнении уголовных наказаний», правовые нормы которого регламентируют процесс преодоления условий, дестабилизирующих обстановку в пенитенциарном учреждении. В статье 725 предусматривается введение санкций, обоснованных характером и степенью общественной опасности [13].

Вмешательство сил правопорядка предусматривается по запросу руководителя в уполномоченный орган при возникновении групповых неповиновений и массовых беспорядков. Следует отметить, что применение физического воздействия на осужденных является не единственным средством стабилизации уго-

ловно-исполнительных правоотношений. Аналогично вышеприведенной практике введения СПР применяются правовые ограничения: ограничиваются внешние коммуникации и вводится максимальный режим безопасности.

Основной закон Республики Эквадор наделяет президента исключительными полномочиями по введению СПР на территории государства и ее отдельных местностях. Так, например, в целях обеспечения безопасности осужденных декретом президента от 16 мая 2019 г. во всех пенитенциарных учреждениях вводился СПР продолжительностью 60 суток, в ходе которого были установлены следующие правовые последствия:

- мобилизованы Вооруженные силы, Национальная полиция, Национальная служба надзора над осужденными, лишенными свободы, и несовершеннолетними осужденными для координации деятельности пенитенциарных учреждений;

- приостановлены права на неприкосновенность корреспонденции, свободу информации и ассоциаций. Пенитенциарные учреждения обязаны располагать резервом сил и средств обеспечения безопасности и поддержания правопорядка внутри пенитенциарных учреждений и за их пределами.

Государством, на территории которого введение СПР регулируется рядом законов и подзаконных актов, является Испания, что соответствует *смешанному способу правового воздействия*. Порядок применения СПР изложен в следующих документах: Конституция 1978 [14], Закон Испании «Об особом, чрезвычайном или осадном положении» 1981 (далее – Закон Испании) [10. С. 434], Закон «О защите безопасности граждан» 2015, Королевский Указ Испании «О временных правилах координации деятельности пенитенциарных учреждений» 1985 [10. С. 434].

По общему правилу введение СПР на территории государства и ее отдельных местностях устанавливается на срок, не превышающий 15 дней, решение о продлении СПР в обязательном порядке согласуется с Конгрессом Испании. Открытый перечень условий, на основании которых может быть применен СПР, дает возможность применять расширительное толкование. Так, особое положение вводится при возникновении: «природных катастроф (землетрясения, наводнения, городских и лесных пожаров, иных крупномасштабных происшествий); кризиса в области здравоохранения (эпидемии, серьезных загрязнений); аварий и временного прекращения подачи коммунальных услуг, имеющих значение в обеспечении жизнедеятельности общества; ситуаций, связанных с нехваткой предметов первой необходимости».

Действие СПР предусматривает изменение общего правового положения и применение следующих видов правовых ограничений: комендантский час, осуществление временной реквизиции всех видов имущества, ограничение передвижения, изменение порядка функционирования промышленных предприятий, мастерских, хозяйств независимо от характера производства, за исключением частных домов. Государству предоставлено право мобилизации работников предприятий для выполнения приоритетных за-

дач, связанных с особым положением. Кроме перечисленных правовых ограничений общего правового статуса, Закон Испании содержит принципиальное отличие, направленное на приостановление права подачи осужденными и рассмотрения ходатайств по условно-досрочному освобождению.

Служебная деятельность сотрудников пенитенциарных учреждений Испании при возникновении чрезвычайной ситуации и введении СПР раскрывается в Королевском Указе Испании «О временных правилах координации деятельности пенитенциарных учреждений» 1985. В данном подзаконном акте закрепляется возможность перевода осужденных в другие пенитенциарные учреждения по причине мятежа, катастрофы и других экстремальных событий.

Таким образом, регулирование введения СПР основывается на законодательных и подзаконных актах. Положения, регулирующие введение СПР на территории пенитенциарных учреждений Испании, не предусматривают введение рассматриваемого института на основании чрезвычайных ситуаций криминального характера.

Порядок введения на территории пенитенциарных учреждений СПР, несмотря на рекомендации международных соглашений, не всегда закреплен в национальном законодательстве. Рассмотрим государства, задающие тон в общемировой практике применения экономических и правовых аспектов (Великобритания, Соединенные Штаты Америки). В целях объективности сравнения проанализируем введение особых правовых режимов в пенитенциарных учреждениях стран с развивающейся экономикой (Республика Гондурас), где СПР регулируется при помощи *локальных нормативно-правовых актов*.

Так, в Соединенных Штатах Америки введение СПР допускается на федеральном, региональном (штат) и местном уровнях. Полномочия введения СПР на территории пенитенциарного учреждения принадлежат его директору. В целях обеспечения безопасности осужденных губернатор может рекомендовать их эвакуацию, однако окончательное решение зависит от реальной возможности ее проведения, преодоления транспортных и экономических трудностей. При этом, вне зависимости от причин введения СПР, во всех без исключения пенитенциарных учреждениях штата вводится максимальный уровень безопасности, который сопровождается рядом правовых ограничений («Lockdown»). Прекращается вывод осужденных на прогулку, ограничиваются внешние коммуникации, осуществляется мобилизация всех сотрудников. Так, в настоящее время для предотвращения распространения инфекции Covid-19 бюро тюрем приняли беспрецедентные меры: приостановлены на 30 дней социальные связи и перемещения осужденных; юридические визиты адвокатов и общественности также приостановлены на указанный срок [15].

Решение о введении СПР в случае групповых неповиновений, массовых беспорядков или иных условий криминального характера принимается уполномоченным органом. Строгая изоляция осужденных и физическое воздействие группой экстренного реагирования способствует достижению главной цели –

восстановлению ординарного исполнения уголовных наказаний.

Анализ международного законодательства в сфере применения особых правовых режимов позволяет констатировать, что основания их применения, а также связанные с этим правовые последствия в виде дозволений, запретов, правовых ограничений, стимулов, рекомендаций и позитивных обязываний требуют закрепления в законодательстве до их реального наступления. В ходе настоящего исследования было выявлено, что в пенитенциарных законодательствах рассматриваемых государств – Республики Гондурас и Соединенных Штатов Америки – они не отражены. Основные признаки СПР в этих государствах:

- введение СПР закреплено в локальных нормативно-правовых актах;
- преимущественное физическое подавление чрезвычайных ситуаций криминогенного характера с помощью групп экстренного реагирования;
- тотальный объем правовых ограничений;
- предоставление дополнительных полномочий сотрудникам пенитенциарной службы.

Критерии, предложенные нами, позволяют сопоставить законодательство с рекомендациями вышеприведенных международных соглашений. Изучение нормативно-правовых актов, регламентирующих введение СПР, указывает на типичность рассматриваемого института. Наличие равнозначных предметов сравнения побуждает к использованию методологии сравнительного правоведения. Так, общими признаками введения СПР являются «криминальные условия» [16. С. 79] (групповые неповиновения, массовые беспорядки, бунты и др.), а особенными – «условия непреодолимой силы» [16. С. 79] (чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера). Законодательство рассмотренных государств отражает существенные отличия в содержании статуса специальных субъектов (осужденных) при введении СПР.

Результаты исследования правовых последствий указывают на значительный диапазон отличий в правовом положении осужденных. Законодательство в отдельных нормативно-правовых актах содержит правовые ограничения и приостановление законных интересов, в том числе абсолютных прав и свобод. Концепция национального развития, закрепленная в законодательстве других государств (например, Японии), отказывается от использования правовых ограничений, изменяя правовое положение осужденных путем возложения дополнительных юридических обязанностей и освобождения от отбывания наказания вследствие чрезвычайности ситуации. Превалирующей целью в условиях дестабилизации уголовно-исполнительных правоотношений выступает обеспечение безопасности.

Таким образом, методология правовой компаративистики введения СПР на территории пенитенциарных учреждений позволяет сделать следующие выводы:

– СПР во всех приведенных государствах имеют равное функциональное назначение;

– существующие отличия в способе правового воздействия не умаляют степени государственной активности в проблеме стабильного функционирования и исполнения императивов, установленных уголовным наказанием;

– отдельные государства придерживаются международных рекомендаций введения чрезвычайной ситуации, чрезвычайного или военного положения;

– рекомендации для национальных законодательств, регулирующих данный вид правоотношений, публично объявлять о введении исследуемого института в пенитенциарных учреждениях, не принимается во внимание;

– чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера выступают особым основанием введения СПР, применяемого в отдельных государствах. При этом следует отметить, что условия непреодолимой силы при определенных обстоятельствах могут приводить к увеличению пенитенциарной, постпенитенциарной и пенальной преступности, поэтому необходимость введения СПР вполне обоснована.

Введение СПР, с учетом международных соглашений о введении чрезвычайного или военного положения в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, позволяет отметить согласованность отечественных правовых норм с большинством положений указанных соглашений. Исключением соответствия международным универсалиям в российской правовой действительности выступает отсутствие требования публичного объявления введения СПР в пенитенциарных учреждениях.

Элементы трансформации правового положения осужденных в случае возникновения чрезвычайной ситуации, чрезвычайного и военного положения заслуживают имплементации в российское законодательство. Необходимость возложения дополнительных юридических обязанностей, связанных с ликвидацией последствий чрезвычайной ситуации, частично отражена в национальном законодательстве. Но их применение затруднительно к участникам рассматриваемых правоотношений ввиду порока субъектного состава. Представляется возможной имплементация зарубежного опыта приостановления рассмотрения ходатайств осужденных в случае возникновения чрезвычайных ситуаций. Вместе с тем следует предусмотреть учет интенсивности правовых ограничений в зависимости от оснований введения специального правового режима. Кроме того, следует отметить, что в соответствии с международными соглашениями в случае введения особых правовых режимов в пенитенциарных учреждениях администрацией должны быть приняты меры, направленные на защиту и безопасность инвалидов. В связи с чем, по нашему мнению, введение некоторых правовых ограничений и позитивных обязываний к этой категории осужденных должно применяться с осторожностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения / Д.В. Горбань, Ф.В. Грушин, И.А. Давыдова и др. ; под. общ. ред. А.А. Крымова; под. науч. ред. А.П. Скибы. 2-е изд., исправл. и доп. М. : Криминологическая библиотека, 2018 296 с.

2. Курс уголовно-исполнительного права. В 3 т. Т. 1: Общая часть: учебник / Ю.М. Антонян, С.Л. Бабаян, С.В. Бошно и др.; под общ. ред. Г.А. Корниенко; под науч. ред. А.В. Быкова. М.: ФКУ НИИ ФСИН России; Криминологическая библиотека, 2017. 512 с.
3. Всеобщая декларация прав человека. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 30.01.2020).
4. Европейская конвенция по правам человека. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf (дата обращения: 30.01.2020).
5. Международный пакт о гражданских и политических правах. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 30.01.2020).
6. Конвенция № 29 Международной организации труда (с изм. от 11.06.2014) «Относительно принудительного и или обязательного труда» (принята в г. Женеве на 14-й сессии МОТ). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120759/ (дата обращения: 30.01.2020).
7. Конвенция о правах инвалидов. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата обращения: 30.01.2020).
8. Qnestiaux N. Study of the Implications for Human rights of Recent Developments Concerning Known as State of Siege of Emergency. N. Y., 1982. P. 15–19.
9. Соловьев А.И. Конституционно-правовое регулирование режима чрезвычайного положения в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.
10. Скиба А.П., Сиряков А.Н. Некоторые аспекты исполнения уголовных наказаний в экстремальных условиях во Франции и в Испании // Человек: Преступление и Наказание. 2018. С. 430–436.
11. PENAL CODE. URL: <https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/hourei/data/PC.pdf> (дата обращения: 30.01.2020).
12. 5 National policy conference. URL: <https://www.sahistory.org.za/archive/correctional-services-act-no-111-1998> (дата обращения: 30.01.2020).
13. Ley de ejecucion penal y supervision. URL: http://www.oas.org/juridico/spanish/gapeco_sp_docs_bol2.pdf (дата обращения: 30.01.2020).
14. Конституция королевства Испании. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/spain.pdf> (дата обращения: 30.01.2020).
15. Временные меры безопасности в случае возникновения чрезвычайной ситуации. URL: <https://www.bop.gov/> (дата обращения: 30.01.2020).
16. Алексеев А.Ю. Режим особых условий в учреждениях уголовно-исполнительной системы: сравнительно-правовой анализ // Уголовная юстиция. 2019. № 14. С. 77–80.

Статья представлена научной редакцией «Право» 15 апреля 2020 г.

Special Legal Regimes in Penitentiary Institutions of Foreign States: Some Legal Consequences

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 463, 227–233.

DOI: 10.17223/15617793/463/28

Yuri A. Kashuba, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation).

E-mail: koshianatol@yandex.ru

Andrei Yu. Alekseev, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation).

E-mail: alex_vostok@mail.ru

Keywords: public security; emergency situations of natural and technogenic character; martial law; sanitary-epidemiological situation.

The article discusses the problem of peculiarities of the legal status of convicts when a special legal regime is introduced on the territory of penitentiary institutions. The execution of criminal penalties is often complicated by natural and man-made emergencies, as evidenced by the current sanitary and epidemiological situation in the world. The change in the status of convicts in the states under review is characterized by a set of legal restrictions, suspension of the legal interests of convicts, and imposition of additional legal obligations on them. The practice of extending exceptional measures abroad is quite extensive and is considered not as contrary to international standards, but, perversely, as an effective and justified means of responding to threats that destabilize public relations. However, the legislation of some states contains provisions allowing for exemption from serving a sentence due to an emergency situation. The research uses the methodology of legal comparative studies. The comparison has revealed that the special legal regime is typical and has the same functional purpose – the restoration of law and order and the normal functioning of penitentiary institutions. The special legal regime is regulated by legal acts that differ in legal force, and is an effective means of combating penitentiary crime. In the introduction of a special legal regime, taking into account international agreements on the application of a state of emergency or martial law in institutions of the penal system of the Russian Federation, the domestic legal norms are consistent with most of the provisions of these agreements. The exception to compliance with international recommendations in Russian legal reality is the absence of a requirement for public announcement of the regime. Elements of transformation of the legal status of convicts in the event of an emergency, state of emergency or martial law should be implemented in Russian legislation. The need to impose additional legal obligations related to the elimination of the consequences of an emergency is only partially reflected in the legislation. These obligations are difficult to apply to convicts due to the defect of the subject composition. The possibilities of borrowing relevant foreign experience, evacuating prisoners, suspending the right to submit and consider applications for parole (and other) require differentiation of the intensity of legal restrictions depending on the grounds for their introduction.

REFERENCES

1. Krymov, A.A. (ed.) (2018) *Ugolovno-ispolnitel'noe zakonodatel'stvo v usloviyakh stikhiynogo bedstviya, vvedeniya chrezvychaynogo ili voennogo polozheniya* [Penal legislation in conditions of natural disaster, declaration of a state of emergency or martial law]. 2nd ed. Moscow: Kriminologicheskaya biblioteka.
2. Bykov, A.V. (ed.) (2017) *Kurs ugolovno-ispolnitel'nogo prava. V 3 t.* [The course of penal law. In 3 volumes]. Vol. 1. Moscow: FКУ НИИ ФСИН России; Kriminologicheskaya biblioteka.
3. UN. (1948) *The Universal Declaration of Human Rights*. [Online] Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (Accessed: 30.01.2020). (In Russian).
4. ECHR. (1950) *The European Convention on Human Rights*. [Online] Available from: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf (Accessed: 30.01.2020). (In Russian).
5. UN. (1966) *The International Covenant on Civil and Political Rights*. [Online] Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (Accessed: 30.01.2020). (In Russian).
6. International Labor Organization. (2014) *ILO Forced Labour Convention, 1930 (No. 29) (as amended on 11.06.2014)*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120759/ (Accessed: 30.01.2020). (In Russian).

7. UN. (2007) *Convention on the Rights of Persons with Disabilities*. [Online] Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (Accessed: 30.01.2020). (In Russian).
8. Questiaux, N. (1982) *Study of the Implications for Human rights of Recent Developments Concerning Known as State of Siege of Emergency*. N.Y.: UN. pp. 15–19.
9. Solov'ev, A.I. (2001) *Konstitutsionno-pravovoe regulirovanie rezhima chrezvychaynogo polozheniya v Rossiyskoy Federatsii* [Constitutional and legal regulation of the state of emergency in the Russian Federation]. Law Cand. Diss. Moscow.
10. Skiba, A.P. & Siryakov, A.N. (2018) Some Aspects of the Execution of Criminal Penalties in Extreme Conditions in France and Spain. *Chelovek: Prestuplenie i Nakazanie*. 26 (1–4):4. pp. 430–436. (In Russian).
11. *Penal Code of Japan*. [Online] Available from: <https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/hourei/data/PC.pdf> (Accessed: 30.01.2020).
12. South African History Online. (1998) *Correctional Services Act No. 111 of 1998*. [Online] Available from: <https://www.sahistory.org.za/archive/correctional-services-act-no-111-1998> (Accessed: 30.01.2020).
13. OAS. (2001) *Ley de ejecucion penal y supervision*. [Online] Available from: http://www.oas.org/juridico/spanish/gapeca_sp_docs_bol2.pdf (Accessed: 30.01.2020).
14. *Constitution of the Kingdom of Spain*. [Online] Available from: <https://legalns.com/download/books/cons/spain.pdf> (Accessed: 30.01.2020). (In Russian).
15. Federal Bureau of Prisons. (2020) *Vremennye mery bezopasnosti v sluchae vozniknoveniya chrezvychaynoy situatsii* [Interim security measures in the event of an emergency]. [Online] Available from: <https://www.bop.gov/> (Accessed: 30.01.2020).
16. Alekseev, A.Yu. (2019) Special Conditions Regime in Penitentiary Institutions: A Comparative Analysis. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 14. pp. 77–81. (In Russian). DOI 10.17223/23088451/14/16

Received: 15 April 2020

С.В. Корнакова

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРАВИЛ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СТРАН СНГ

Приводится сравнительно-правовой анализ регламентации правил оценки доказательств в уголовно-процессуальном законодательстве стран СНГ, на основании которого сделан обобщающий вывод о наличии некоторых недостатков регламентации оценки доказательств в российском уголовно-процессуальном законе. К таким недостаткам относятся отсутствие определений, раскрывающих содержание употребленных в ч. 1 ст. 88 УПК РФ терминов, и нуждающаяся в изменении формулировка ч. 1 ст. 17 УПК РФ.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; законодательство стран СНГ; доказательственное право; доказательства; признаки доказательств; критерии оценки доказательств.

Вопрос об оценке доказательств, получаемых органами предварительного расследования в процессе доказывания по уголовному делу, является одним из ключевых вопросов в теории доказательственного права. Безусловно, вопрос о том, какими качественно необходимыми признаками должны обладать уголовно-процессуальные доказательства, нельзя отнести к недостаточно исследованным в науке. Для многих теоретиков и практиков не вызывающим сомнения является постулат о том, что только наличие у собираемых в ходе производства по уголовному делу сведений таких необходимых признаков, как относимость, допустимость и достоверность, позволяет использовать их в качестве доказательств, а также о том, что лишь достаточная совокупность имеющих указанные признаки доказательств может стать основанием для вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора. Поэтому целью статьи является не характеристика качественно необходимых признаков уголовно-процессуальных доказательств, а обращение к вопросу о том, является ли достаточно определенной законодательная регламентация правил проверки и оценки доказательств, отраженная в российском уголовно-процессуальном законе. Для ответа на этот вопрос представляет интерес проведение сравнительного анализа норм уголовно-процессуального законодательства стран СНГ, регламентирующих соответствующие процедуры.

Прежде всего, отметим, что требования относимости, допустимости, достоверности и достаточности, предъявляемые к уголовно-процессуальным доказательствам, отражены в каждом кодексе стран СНГ, хотя и с некоторой терминологической разницей, обусловленной, по всей видимости, особенностями семантики и прагматики языковых выражений при адекватности перевода на русский язык.

Так, согласно ч. 1 ст. 145 УПК Азербайджанской Республики [1] (далее – УПК Азербайджана), доказательства должны оцениваться с позиции их «принадлежности, возможности и надежности», а их совокупность, как и в УПК РФ, – с позиции «достаточности». Очевидно, что в приведенном в указанной норме азербайджанского закона перечне необходимых признаков доказательств признаку относимости соответствует признак принадлежности. Эквивалентными

понятиями для понятия «достоверность», согласно справочным источникам, является понятие «надежность», а для понятия «допустимость» – «возможность» (приемлемость) [2. С. 55, 54]. Что касается последнего из приведенных признаков, то и в русском языке допустимым, согласно толковому словарю С.И. Ожегова и Ю.Н. Шведовой, также является что-то возможное, позволительное, разрешенное [3. С. 117].

Между тем, в уголовно-процессуальном законодательстве большинства стран СНГ, в отличие от УПК РФ, указанные критерии оценки доказательств имеют более конкретизированное нормативное выражение, заключающееся в наличии отдельных самостоятельных норм, в которых раскрывается их содержание. Так, согласно ст. 95 УПК Кыргызской Республики [4] (далее – УПК Киргизии), доказательство будет относимым, если оно «представляет собой сведения о фактах, которые подтверждают, опровергают или ставят под сомнение выводы о существовании обстоятельств, имеющих значение для дела» (ч. 3), допустимым – если «получено в соответствии с требованиями» кодекса (ч. 4), достоверным – «если в результате исследования выясняется, что оно соответствует действительности» (ч. 5). Если же «собраны все относящиеся к делу допустимые и достоверные доказательства», их совокупность «признается достаточной для разрешения дела» (ч. 6).

Аналогичные определения содержатся в чч. 2, 3, 5, 6 ст. 104 УПК Республики Беларусь [5] (далее – УПК Беларуси), в чч. 2–5 ст. 88 УПК Республики Таджикистан [6] (далее – УПК Таджикистана), в чч. 3–6 ст. 125 УПК Республики Казахстан [7] (далее – УПК Казахстана) и в ст. 95 УПК Республики Узбекистан [8] (далее – УПК Узбекистана). Некоторые из перечисленных норм обладают достойной для заимствования опыта тщательной детальностью. В частности, подобное прослеживается в развернутом определении понятия «допустимость доказательств», сформулированном законодателем Республики Беларусь. Согласно ч. 3 ст. 105 УПК Беларуси, допустимыми признаются лишь такие доказательства, которые получены ведущим уголовный процесс органом, в том порядке и из тех источников, которые установлены для них кодексом. В отдельной норме (ч. 4) нашло отражение и понятие «недопустимого доказательства», каковым бу-

дет являться доказательство, полученное не только с нарушением правил уголовного процесса, но и с нарушениями конституционных прав и свобод гражданина.

Отметим, что регламентация правил допустимости доказательств в УПК Азербайджана выгодно отличается от регламентации этого критерия в законодательстве всех других стран СНГ. Во-первых, статья, посвященная допустимости доказательств, помимо определения в отдельной норме (ч. 1 ст. 125) самого понятия «допустимость», содержит достаточно содержательную норму, раскрывающую условия недопустимости доказательств (пп. 1–10 ч. 2 ст. 125). Во-вторых, ч. 4 ст. 125 УПК Азербайджана закреплено положение, согласно которому материалы, полученные с нарушениями Кодекса, могут быть использованы в доказывании фактов соответствующего нарушения и виновности допустивших их лиц, что с превентивной точки зрения следует оценить положительно. И в-третьих, УПК Азербайджана – единственный, где на законодательном уровне отражено правило асимметрии допустимости доказательств, исходя из которого «принятие в виде доказательства материала, который вследствие нарушения стороной обвинения требований уголовно-процессуального законодательства может быть признан утратившим доказательственное значение, допускается по ходатайству стороны защиты», что «не препятствует оспариванию его достоверности» (ч. 5 ст. 125). Думается, что подобная регламентация, возможно, демонстрирует более чуткое отношение законодателя данной республики к рекомендациям по совершенствованию законодательства, высказываемым в научных исследованиях, с учетом потребностей практики.

Напротив, в УПК РФ единственный случай попытки дать определение критериям оценки доказательств ограничивается лишь одним из них, но и тот можно оценить критически, поскольку законодатель, не закрепляя в ст. 75 понятия допустимости, идет от обратного и вносит в уголовно-процессуальное законодательство понятие недопустимого доказательства.

Таким образом, российский уголовно-процессуальный закон в этом отношении «проигрывает» кодексам иных стран СНГ, поскольку четкое и однозначное раскрытие содержания употребленных в ч. 1 ст. 88 УПК РФ терминов способствовало бы такому же однозначному их восприятию и четкому разграничению как правоприменителем, так и исследователями, обращающимися к вопросам доказательственного права. Об отсутствии такой однозначности восприятия свидетельствуют встречающиеся на страницах научных изданий высказывания ученых, в которых производится смешение содержания необходимых признаков доказательств. В частности, смешение признаков допустимости и достоверности прослеживается в утверждении С.А. Шейфера, по мнению которого, при применении недостаточного эффективного познавательного приема доказательство может быть признано недопустимым [9. С. 20–21].

Некоторые авторы производят смешение допустимости с относимостью, считая, что свойство допустимости доказательства проявляется в способности со-

держаться в нем информации быть использованной в процессе уголовно-процессуального доказывания в этом качестве [10. С. 125]. Но если относимость – это характеристика доказательства с точки зрения его содержания, то допустимость – с точки зрения процессуальной формы его получения. При этом нарушение процессуальных правил получения доказательства, влекущее его недопустимость, никоим образом не отразится на его содержании – составляющая его информация не перестанет являться относимой к делу. Тем не менее само доказательство будет утрачено, поскольку, чтобы считаться таковым, оно должно соответствовать всем требуемым законом критериям (ч. 1 ст. 88 УПК РФ) – быть и относимым, и допустимым, и достоверным.

Таким образом, в уголовно-процессуальном законодательстве практически всех стран СНГ отражены аналогичные критерии оценки доказательств и их совокупности, чем в определенном отношении подтверждается их необходимость и практическая значимость для обеспечения назначения уголовного судопроизводства. По справедливому мнению М.Ш. Буфетовой, именно в этом заключается цель оценки доказательств [11. С. 141]. С этой позиции критически можно оценить точку зрения некоторых авторов, выделяющих в качестве основных признаков, которыми должно обладать каждое доказательство, только два – относимость и допустимость [12. С. 17; 13. С. 371]. При этом в корне несостоятельным, на наш взгляд, следует признать аргумент (якобы подкрепляющий вывод об ошибочности отнесения достоверности к необходимым свойствам доказательств) о проблематичности истинности любого доказательства до завершения процесса доказывания [12. С. 17].

Действительно, в момент получения доказательства его достоверность зачастую только вероятна, но из этого отнюдь не следует отсутствие необходимости в принятии мер для проверки получаемых посредством него сведений на соответствие действительности. Более того, российский законодатель, закрепляя положение о необходимости производства дополнительных следственных и иных процессуальных действий, в некоторых случаях озабочен именно проверкой достоверности доказательств, отсутствие которой может повлиять на законность итогового судебного решения по уголовному делу (п. 3 ч. 5 ст. 226.7 УПК РФ). Следует подчеркнуть, что ч. 4 ст. 7 УПК РФ предъявляет требование обоснованности к каждому процессуальному решению и на любой стадии процесса. Обоснованность же, в свою очередь, немислима без проверки сведений, на которых основывается процессуальное решение, на соответствие критерию достоверности. Поэтому представляется недопустимым игнорирование или принижение значения такого признака доказательств, как достоверность, на всем протяжении расследования уголовного дела.

Кроме этого, предложенная законодателем очередность перечисления критериев оценки доказательств (сначала на относимость и допустимость и лишь затем на их достоверность) также может свидетельствовать о естественности первоначальной проблематичности оценки доказательств по признаку

достоверности. Отметим, что такая же очередность перечня критериев оценки доказательств закреплена и во всех иных уголовно-процессуальных кодексах стран СНГ, который завершается критерием достаточности доказательств, применимом на завершающих этапах процесса доказывания. Тем не менее необоснованно только на этом основании исключать из числа необходимых признаков совокупности доказательств их достаточность, оценка которой также может различаться в зависимости от стадии процесса. Более того, в принципе доказательствами в прямом смысле этого слова можно считать лишь те из них, которые, отвечая критериям относимости, достоверности, допустимости, а в совокупности – достаточности, положены в основу судебного решения.

Гораздо более принципиальное отношение к категории «достоверность доказательств» прослеживается в законодательстве ряда других стран СНГ. Так, в УПК Республики Армения [14] (далее – УПК Армении) понятие «достоверное доказательство» отражено законодателем в норме-принципе. В частности, в ст. 18 УПК Армении, закрепляющей принцип презумпции невиновности, подчеркивается, что она может быть опровергнута только «достаточной совокупностью взаимосвязанных достоверных доказательств» (ч. 3). К условиям постановления обвинительного приговора в ст. 365 УПК Армении, среди прочих, относится положение о том, что утвердительные ответы на вопросы, подлежащие разрешению судом при постановлении приговора, должны быть основаны на достоверных доказательствах.

В ч. 5 ст. 88 УПК Таджикистана и в ч. 6 ст. 125 УПК Казахстана, закрепляющих определение достаточности совокупности доказательств, отражено, что таковой она может быть признана лишь в случае, «если собраны относящиеся к делу допустимые доказательства, неоспоримо (а в УПК Казахстана – и «без всякого сомнения») устанавливающие истину обо всех и каждом из обстоятельств, подлежащих доказыванию».

В ч. 6 ст. 105 УПК Беларусь, закрепляющей определение достоверности доказательств, не только отражено, что таковыми являются лишь соответствующие действительности доказательства, но и то, что только они могут быть положены в основу принимаемых органом уголовного преследования или судом процессуальных решений.

Если критериями, служащими основаниями для надления получаемой в процессе расследования уголовного дела информации статусом доказательств, является ее относимость, допустимость и достоверность, то критериями оценки доказательств со стороны уполномоченных лиц уголовного судопроизводства, влияющими на формирование их внутреннего убеждения, являются, согласно ст. 17 УПК РФ, закон и совесть принимающего решение лица. Согласно ст. 71 УПК РСФСР 1960 г., такими критериями являлись закон и социалистическое правосознание. Подобное сочетание критериев оценки доказательств, на наш взгляд, не вполне корректно. Речь здесь идет не об употребленном законодателем признаке правосознания – «социалистическое» (его использование в

нормах закона, исходя из идеологии того времени, вполне объяснимо и закономерно), а о самом сочетании критериев (закон и правосознание), которые являются в некотором отношении тавтологичными. Поясним приведенное утверждение.

Если исходить из того, что существенными признаками сформированного правосознания являются, во-первых, знание закона (а без этого надление статусом властного участника уголовного судопроизводства просто немислимо) и, во-вторых, наличие установки, личного убеждения лица в необходимости в своей деятельности руководствоваться исключительно требованиями закона, то становится очевидным, что критерий оценки доказательств, по сути, один, и этот критерий – закон. Вместе с тем в законодательстве двух стран СНГ – УПК Таджикистана (ст. 88) и УПК Узбекистана (ст. 95) – в качестве критериев оценки доказательств закреплены и закон, и правосознание.

В законодательстве большинства стран СНГ единственным критерием оценки доказательств является закон. В частности, согласно ч. 2 ст. 22 УПК Киргизии, «судья оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности исследованных в судебном заседании доказательств, руководствуясь при этом законом». Подобным же образом, но без упоминания о внутреннем убеждении субъекта оценки, сформулирована соответствующая норма в УПК Азербайджана (ст. 33). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в приведенных нормах кодексов Киргизии и Азербайджана правило оценки доказательств адресовано только суду, а вопрос о том, какими критериями руководствуются лица, осуществляющие уголовное преследование, и прокурор остается открытым, что можно отнести к недостаткам регламентации оценки доказательств уголовно-процессуальным законодательством указанных республик.

В России с принятием в 2001 г. нового уголовно-процессуального закона подверглась существенной корректировке норма, посвященная оценке доказательств по внутреннему убеждению. Во-первых, положительным явлением стало помещение этого правила во вторую главу УПК РФ и признание его тем самым базовой процессуальной ценностью. Во-вторых, категория «социалистическое правосознание» была не только правомерно исключена из критериев оценки доказательств, но и, как уже отмечалось, заменена на категорию «совесть».

Требование к результату свободной оценки доказательств – формированию внутреннего убеждения уполномоченного лица – возведено в ранг принципа и в ряде других стран СНГ (ст. 25 УПК Армении, ст. 19 УПК Беларусь, ст. 22 УПК Киргизии, ст. 25 УПК Республики Молдова [15] (далее – УПК Молдовы)).

В настоящее время УПК РФ – единственный кодекс стран СНГ, где в качестве критерия оценки доказательств закреплён не только закон, но и совесть. Наличием данного критерия оценки доказательств, на наш взгляд, акцентируется внимание не только на правовой, но и на моральной ответственности уполномоченного лица за принимаемые в ходе производ-

ства по уголовному делу решения, что следует отнести к достоинствам формулировки ст. 17 УПК РФ. Но, к сожалению, только этим и исчерпываются достоинства содержания указанной нормы российского закона.

В частности, при конструировании ст. 17 УПК РФ российским законодателем наряду с исключением из содержания нормы, посвященной оценке доказательств в УПК РСФСР (ст. 71), понятия «правосознание» был неоправданно и непродуманно, на наш взгляд, дискредитирован и принцип всесторонности, полноты и объективности рассмотрения обстоятельств дела. В этом отношении прослеживается явная нелогичность российского законодателя, который, с одной стороны, счел ненужным при оценке доказательств руководствоваться требованием всесторонности, полноты и объективности, а с другой – все же озабочен всесторонностью и объективностью предварительного расследования (ч. 2 ст. 154 УПК РФ) и разрешения уголовного дела (ст. 33, 239.1, 325 УПК РФ) и даже наделяет в ч. 6 ст. 340 УПК РФ требование объективности и беспристрастности статусом принципа, что, на наш взгляд, совершенно оправданно. Еще А.М. Бобрищев-Пушкин в качестве аксиом правосудия выделял не только юридическую и нравственную независимость, но и необходимость беспристрастия [16. С. 567]. Кроме этого, все предусмотренные российским уголовно-процессуальным законом основания для отвода властных субъектов уголовно-процессуальных отношений направлены именно на достижение объективности принимаемых ими решений, свободных от искажения субъективной предвзятостью.

В юридической литературе нередко критические высказывания ученых относительно исключения из УПК РФ принципа всесторонности, полноты и объективности [17. С. 21; 18. С. 82]. На наш взгляд, отказ от необходимости следования требованиям этого принципа при исследовании обстоятельств дела также несообразен, как если бы вдруг было предложено отказаться от следования требованиям объективности и всесторонности при проведении претендующего на научность исследования. Заметим, что в самом общем смысле расследование и разрешение уголовного дела представляет собой именно исследование обстоятельств прошлого события, а сам термин «исследование» встречается в уголовно-процессуальном законе более 60 раз. Если же исходить из посылки о том, что одним из основных требований принципа объективности является обоснованность, которая, как известно, является обязательной чертой результата уголовно-процессуального доказывания, то тем более необъяснимо решение законодателя отказаться при совер-

шенствовании уголовно-процессуального законодательства от включения в гл. 2 УПК РФ принципа, содержащегося в ст. 20 УПК РСФСР.

Между тем, в отличие от УПК РФ, в уголовно-процессуальном законодательстве Азербайджана (ст. 28), Казахстана (ст. 24), Таджикистана (ст. 21) и Туркменистана (ст. 23) [19] требование всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела закреплено в нормах-принципах. В ряде стран СНГ данное требование, хотя и не нашло закрепления в качестве принципа, тем не менее, отражено в нормах, посвященных правилам оценки доказательств (ст. 19 УПК Беларуси, ст. 101 УПК Молдовы, ст. 95 УПК Узбекистана), а, согласно ч. 2 ст. 95 УПК Киргизии, «рассмотрение доказательств должно быть объективным и достаточным». В этом отношении нам видится явное преимущество уголовно-процессуальных законов указанных республик перед российским законом.

Но дело даже не в том, что посредством исключения из содержания ст. 17 УПК РФ рассматриваемого требования было неоправданно принижено его значение, а в том, что наряду с исключением слов «основанному на всестороннем, полном и объективном», содержащихся в ст. 71 УПК РСФСР, при формулировании новой нормы «потерялось» и слово «рассмотрение». В результате чего в настоящее время ст. 17 УПК РФ сформулирована явно некорректно, поскольку, исходя из ее содержания, оценка доказательств осуществляется на основании доказательств, т.е. самих себя. Такое положение трудно признать правильным, поскольку представляется очевидным, что для оценки доказательств необходимо их объективное рассмотрение, исследование. В этой связи полагаем, что ч. 1 ст. 17 УПК РФ нуждается в корректировке и должна иметь следующее содержание:

«1. Судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на объективном рассмотрении совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью».

Таким образом, анализ некоторых норм доказательственного права, отраженных в уголовно-процессуальных законах стран СНГ, позволил выявить некоторые недостатки регламентации оценки доказательств в УПК РФ. К таковым следует отнести отсутствие определений, раскрывающих содержание терминов, употребленных в ч. 1 ст. 88 УПК РФ, и не вполне корректную формулировку ч. 1 ст. 17 УПК РФ, нуждающуюся в изменении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (утв. Законом Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 года №907-IQ) (с изм. и доп. по состоянию на 29.11.2019 г.). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30420280
2. Гусейнов Г. Русско-азербайджанский словарь. Баку : АЗФАН, 1941. 381 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Ю.Н. Толковый словарь русского языка. М. : Азъ, 1995. 928 с.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 года № 20 (с изм. и доп. по сост. на 04.06.2020 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36313326#pos=16;-24
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 года № 295-3 (с изм. и доп. по сост. на 09.01.2019 г.). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414958
6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 года (с изм. и доп. по сост. на 02.01.2019 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30594304

7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V (с изм. и доп. по сост. на 25.05.2020 г.). URL: https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=31575852
8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан (утв. Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2013-XII) (с изм. и доп. по сост. на 14.05.2020 г.). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30421101#pos=6;-245
9. Шейфер С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. П.А. Лупинская. М. : РИО ВЮЗИ, 1972. 130 с.
10. Гельдибаев М.Х., Вандышев В.В. Уголовный процесс : учебник. М. : ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2012. 719 с.
11. Буфетова М.Ш. Вопросы оценки показаний потерпевшего в российском уголовном процессе // Криминалистические чтения на Байкале – 2015: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Д.А. Степаненко. Иркутск, 2015. С. 140–145.
12. Шейфер С.А. Понятие доказательства как предмет научной дискуссии // Вестник ОмГУ. Серия: Право. 2008. № 1. С. 12–19.
13. Дунаева М.С. Актуальные проблемы использования электронных носителей в доказывании по уголовным делам // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9, № 4–1. С. 369–373.
14. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения (принят 01.07.1998 г.) (с изм. и доп. по сост. на 11.05.2020 г.). URL: https://www.legislationline.org/download/action/download/id/4261/file/Armenia_CPC_am2006_ru.pdf
15. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 года № 122-XV (с изм. и доп. по сост. на 06.02.2019 г.). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30397729
16. Смолькова И.В. Великие и выдающиеся, знаменитые и известные личности об уголовном судопроизводстве. М. : Юрлитинформ, 2012. 688 с.
17. Смолькова И.В. Принципы современного российского уголовного судопроизводства. М. : Юрлитинформ, 2015. 384 с.
18. Зеленская Т.В. Реализация принципа охраны прав и свобод человека и гражданина беспристрастным расследованием уголовных дел // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 4 (26). С. 80–89.
19. Уголовно-процессуальный кодекс Туркменистана от 18 апреля 2009 года (с изм. и доп. по сост. на 30.11.2019 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31344376

Статья представлена научной редакцией «Право» 24 июня 2020 г.

A Comparative Legal Analysis of the Regulation of Rules for Evaluating Evidence in the Criminal Procedure Legislation of the CIS Countries

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 463, 234–239.

DOI: 10.17223/15617793/463/29

Svetlana V. Kornakova, Baikal State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru

Keywords: criminal proceedings; legislation of CIS countries; evidentiary law; evidence; signs of evidence; criteria for evaluating evidence; proving.

The article discusses the question of whether the legislative regulation of the rules for evaluating evidence reflected in the Russian criminal procedure law is sufficiently defined. For this purpose, a comparative legal analysis of the relevant norms of the criminal procedure laws of the CIS countries is conducted. It is noted that the requirements of relevance, admissibility, reliability and sufficiency of evidence are reflected in each code of the CIS countries. However, in the criminal procedure legislation of most CIS countries, in contrast to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, these requirements for evidence have a more specific normative expression, consisting in the presence of separate independent rules that disclose their content. It is concluded that the Russian criminal procedure law “loses” in this respect since a clear and unambiguous disclosure of the content of the requirements imposed on evidence would contribute to the same unambiguous perception of them and a clear distinction between both law enforcement and researchers who address issues of evidentiary law. Examples of legislative definitions of evidence features contained in the codes of some CIS countries that the Russian legislator could borrow are given. The legislative consolidation of the principle of free evaluation of evidence by inner conviction in the criminal procedure codes of the CIS countries is analyzed, which allowed to critically assess the wording of the relevant rule contained in the RF Code of Criminal Procedure. According to the author, when designing Article 17 of the RF Code of Criminal Procedure, the Russian legislator discredited – crudely and unfairly – the principle of a comprehensive, complete and objective consideration of the circumstances of the case. In addition, there is an obvious inaccuracy of the wording of Part 1 of Article 17 of the RF Code of Criminal Procedure, based on which evidence evaluation is based on evidence, i.e. on itself. It is difficult to recognize this situation as correct since it is obvious that, to be evaluated, evidence must be examined. On the basis of the comparative analysis, a general conclusion has been made about the presence of some shortcomings in the regulation of evidence evaluation in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The shortcomings include the lack of definitions revealing the content of the terms used in Part 1 of Article 88 and the need of changing the wording of Part 1 of Article 17 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

REFERENCES

1. Republic of Azerbaijan. (2019) *The Criminal Procedure Code of the Republic of Azerbaijan (approved by the Law of the Republic of Azerbaijan of July 14, 2000, No. 907-IQ) (as amended and supplemented as of November 29, 2019)*. [Online] Available from: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30420280. (In Russian).
2. Guseynov, G. (1941) *Russko-azerbaydzhanskiy slovar'* [Russian-Azerbaijani dictionary]. Baku: AzFAN.
3. Ozhegov, S.I. & Shvedova, Yu.N. (1995) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Az'.
4. Kyrgyz Republic. (2020) *The Criminal Procedure Code of the Kyrgyz Republic of February 2, 2017, No. 20 (as amended and supplemented as of June 4, 2020)*. [Online] Available from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36313326#pos=16;-24. (In Russian).
5. Republic of Belarus. (2019) *The Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus of July 16, 1999, No. 295-3 (as amended and supplemented as of January 09, 2019)*. [Online] Available from: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414958. (In Russian).
6. Republic of Tajikistan. (2019) *The Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan of December 3, 2009 (as amended and supplemented as of February 02, 2019)*. [Online] Available from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30594304. (In Russian).
7. Republic of Kazakhstan. (2020) *The Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan of July 4, 2014, No. 231-V (as amended and supplemented as of May 25, 2020)*. [Online] Available from: https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=31575852. (In Russian).
8. Republic of Uzbekistan. (2020) *The Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan (approved by the Law of the Republic of Uzbekistan of September 22, 1994, No. 2013-XII) (as amended and supplemented as of May 14, 2020)*. [Online] Available from: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30421101#pos=6;-245. (In Russian).

9. Sheyfer, S.A. (1972) *Sushchnost' i sposoby sobiraniya dokazatel'stv v sovetskom ugovnom protsesse* [The essence and methods of collecting evidence in the Soviet criminal procedure]. Moscow: RIO VYuZI.
10. Gel'dibaev, M.Kh. & Vandyshev, V.V. (2012) *Ugovnyy protsess: uchebnyy* [Criminal procedure: textbook]. Moscow: YuNITI-DANA; Zakon i pravo.
11. Bufetova, M.Sh. (2015) [Issues of assessing the testimony of the victim in the Russian criminal procedure]. *Kriminalisticheskie chteniya na Baykale – 2015* [Criminalistic readings at Baikal–2015]. Proceedings of the International Conference. Irkutsk. pp. 140–145. (In Russian).
12. Sheyfer, S.A. (2008) Ponyatie dokazatel'stva kak predmet nauchnoy diskussii [The concept of proof as a subject of scientific discussion]. *Vestnik OmGU. Seriya: Pravo – Herald of Omsk University. Series: Law*. 1. pp. 12–19.
13. Dunaeva, M.S. (2019) Some issues relating to electronic media in the criminal procedure of evidence. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava – Matters of Russian and International Law*. 9 (4–1). pp. 369–373.
14. Republic of Armenia. (2020) *Code of Criminal Procedure of the Republic of Armenia (adopted on July 01, 1998) (as amended and supplemented as of May 11, 2020)*. [Online] Available from: https://www.legislationline.org/download/action/download/id/4261/file/Armenia_CPC_am2006_ru.pdf. (In Russian).
15. Republic of Moldova. (2019) *Code of Criminal Procedure of the Republic of Moldova of March 14, 2003, No. 122-XV (as amended and supplemented as of February 06, 2019)*. [Online] Available from: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30397729. (In Russian).
16. Smol'kova, I.V. (2012) *Velikie i vydayushchiesya, znamenitye i izvestnye lichnosti ob ugovnom sudoproizvodstve* [Great and outstanding, famous and well-known persons on criminal proceedings]. Moscow: Yurлитinform.
17. Smol'kova, I.V. (2015) *Printsipy sovremennogo rossiyskogo ugovnogo sudoproizvodstva* [Principles of modern Russian criminal proceedings]. Moscow: Yurлитinform.
18. Zelenskaya, T.V. (2019) The Implementation of the Principle of Protecting the Rights and Freedoms of Man and Citizen through an Impartial Investigation of Criminal Cases. *Sibirskie ugovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya – Siberian Criminal Process and Criminalistic Readings*. 4 (26). pp. 80–89. (In Russian).
19. Turkmenistan. (2019) *The Criminal Procedure Code of Turkmenistan of April 18, 2009 (as amended and supplemented as of November 30, 2019)*. [Online] Available from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31344376. (In Russian).

Received: 24 June 2020

Т.И. Отческая, Н.В. Мишакова, Т.И. Голощапова

ЧЕСТНОСТЬ КАК БАЗИСНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРОФИЛЯ СУДЬИ

Объект исследования – честность судей как правовой феномен международного и национального законодательства. Взаимосвязанным процессом, по мнению авторов, является разработка методики надежной оценки морально-этических качеств у кандидатов на должность судьи. Авторами впервые вносятся конкретные предложения по реализации рекомендаций, данных Российской Федерации ГРЕКО, в части определения критериев «честности» как неотъемлемого нравственного качества судьи.

Ключевые слова: судебная деятельность; судья; критерии отбора; назначение; продвижение; беспристрастность и честность судьи; коррупция.

Бангалорские принципы поведения судей как совокупность правовых норм и правил поведения судей, адресованных государствам с учетом особого статуса судей в реализации конвенционных прав человека, были приняты в Гааге 26 ноября 2002 г. Подразумевается, что сами судьи, осознавая степень оказанного им доверия со стороны общества, должны своим профессионализмом и высокими морально-нравственными качествами укреплять доверие к судебным институтам в современном демократическом обществе [1].

Конвенционно определены шесть базовых показателей: независимость, объективность, честность и неподкупность, соблюдение этических норм, равенство, компетентность и старательность. Для нашего исследования наибольший интерес представляет третий показатель – честности и неподкупности. Если для всех остальных показателей даются развернутые области применения, то для принципа честности и неподкупности определены всего 2 параграфа фактически декларативного свойства. Сущностное содержание указанных принципов заключается в следующих аспектах: безупречное поведение судьи в любом месте; образ действия и поведение судьи должны поддерживать уверенность общества в честности и неподкупности судебных органов на условиях открытости судопроизводства [1].

Важно отметить, что впервые в международном акте выделены в самостоятельные диспозиции не только соблюдение судьями этических норм, но и демонстрация соблюдения, чтобы ни один субъект права не смог усомниться в безупречном поведении судьи. Безусловно, указанные положения должны быть реализованы в национальных стандартах этического поведения судей; использоваться судьями не только в судебной практике, но и в быту, а судебным сообществом применяться при разрешении споров о конфликте интересов и неэтичном поведении судей.

Принципиальность показателя честности и неподкупности заключается в том, что он регулирует нравственную сторону деятельности судьи не только при фактическом исполнении профессиональных функций, но и во внеслужебной деятельности.

Авторы статьи обозрели доктринальные работы российских исследователей¹ на предмет выявления семантических составляющих термина «честность».

Практически во всех работах в области права этот термин употребляется в качестве проходной, имеющей априорное значение дефиниции. Парадокс заключается в том, что мини-опрос, проведенный одним из авторов среди профессионально ориентированной аудитории, показал: никто, абсолютно никто, не смог с ходу дать определение «честности».

Для нас важно проанализировать общедоступный правовой контент, касающийся формализации судебного поведения, и в частности «честности» как основы нравственного служения судьи. Мы избрали хронологический метод анализа, т.е. в данной работе проследим эволюцию термина по мере опубликования соответствующих документов-источников.

А.А. Гравина проанализировала декларативные документы Организации Объединённых Наций, выпущенные в 1985 г. В своем исследовании ученый пишет:

«Основные принципы независимости судебных органов, принятые Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в 1985 г. и одобренные резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН, одним из основных принципов называют гарантирование государством независимости судебных органов и предписывают закрепить эти принципы в конституции и законах страны. “Судебные органы, – подчеркивается в пп. 1 и 2 Основных принципов, – решают переданные им дела беспристрастно, на основе фактов и в соответствии с законом, без каких-либо ограничений, неправомерного влияния, побуждения, давления, угроз или вмешательства, прямого или косвенного с чьей бы то ни было стороны и по каким бы то ни было причинам”. Не должно иметь место неправомерное или несанкционированное вмешательство в процесс правосудия и судебные решения (п. 4). Эта же идея подчеркивается при характеристике статуса судей в Руководящих принципах, касающихся роли лиц, осуществляющих судебное преследование, принятых Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 1990 г. Государства обязываются создать условия, “чтобы лица, осуществляющие судебное преследование, могли выполнять свои профессиональные обязанности в обстановке, свободной от угроз, препятствий, запугивания, ненужного вмешательства или неоправданного привлечения к ответственности” (п. 4).

Международные принципы обеспечения судебной власти имеют фундаментальное значение для осуществления правосудия по любым делам» [Цит. по: 2. С. 121–122].

Как видим, в документах ООН нет отсылок к нравственным установкам судей, однако презюмируется обязанность государства создать такую высоко-нравственную обстановку, в которой судья смог бы осуществлять свои служебные полномочия в условиях свободы и невмешательства иных лиц в процесс отправления правосудия.

Вместе с тем, по нашему мнению, судей призывают соблюдать нравственные нормы, обладать личным моральным достоинством, чтобы постоянно поддерживать в обществе доверие к авторитету судебной власти.

В англоязычном первоисточнике Европейской хартии о статусе судей (1998) «честность» ни в транскрипции «honesty», ни в транскрипции «integrity» не упоминается. Однако, судьям в императивной форме предписывается воздерживаться от поведения или действий, которые могут нарушить веру в их беспристрастность и независимость [3].

В Бангалорских принципах поведения судей (2002) третий показатель сформулирован как диспозиция «честность и неподкупность», что, на наш взгляд, существенно сужает этически широкий термин «честность» до материальной составляющей. В условиях российского менталитета, определяемого спецификой общественных отношений, когда цинизм промышленных и иных корпораций еще не дошел до прямого и открытого подкупа судей с целью юридического устранения конкурентов, можно говорить о «честности» как об императиве, где деньги как таковые занимают не ключевые позиции.

Несомненный исследовательский интерес представляют законодательные акты стран постсоветского пространства. В силу политических процессов, происходивших после 1991 г., правовые системы вновь образованных независимых государств оказались наиболее восприимчивы к западноевропейским доктринальным установкам. Опыт имплементации уникального восточного менталитета в части нравственных и этических ценностей в демократические ценности классического английского права заслуживает пристального внимания научного сообщества (2012 г.) [4].

Интерпретируя Бангалорские принципы поведения судей эксперты Кыргызской Республики называют судебную власть последним бастионом (термин «бастион» взят из аналитического обзора «Принципы поведения судей – основа доверия к судебной системе Кыргызской Республики» [4]), когда перестают действовать все иные механизмы защиты прав человека. Тот же теоретический посыл положен в основу принципа непререкаемости авторитета судебной власти [4], который не может быть никем подвергнут сомнению, так как является основой основ демократической системы и верховенства права [4].

Кыргызские коллеги признают «честность и неподкупность» абсолютными категориями, трудно поддающимися формализации. Тем не менее полага-

ют их наличие как обязательное условие отправления правосудия и ношения звания судьи, акцентируя внимание на том, что это не добродетель, а безусловная обязанность судьи, главное профессиональное требование к его личности.

Кыргызские эксперты цитируют из Бангалорских принципов поведения судей слова судьи, который обращается ко вновь назначенным судьям своего округа. Обращение судьи представляет профессиональный интерес в целом, но мы приведем дословно лишь фрагмент публичной речи, в котором, на наш взгляд, изложена квинтэссенция честности как нормы права: «Закон господствует в обществе только тогда, когда общество уверено в честности и неподкупности судей и их способности надлежащим образом исполнять возложенные на них обязанности» [4]. Универсальность этой сентенции в том, что она применима к любой правовой системе, Российская Федерация не является в этом смысле исключением.

В 2018 г. под эгидой Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и Университета Париж I Пантеон-Сорбонна была издана коллективная монография «Суд и государство», посвященная неординарной проблеме давления, которому подвергается государство при осуществлении функции правосудия. Нельзя не согласиться с авторами коллективной монографии, что для отправления судьей справедливого правосудия его честность является важнейшим условием. Он должен восприниматься таковым своим профессиональным окружением и участниками судебных процессов [5. С. 130].

В рамках рассматриваемой темы не можем обойти вниманием оценочный доклад международного объединения Группы государств против коррупции (ГРЕКО), в которую Российская Федерация входит в качестве полноправного члена с 2007 г. В настоящее время деятельность ГРЕКО признана авторитетной международной площадкой обмена наилучшими антикоррупционными практиками, действенными механизмами совершенствования национального законодательства. В практике ГРЕКО приняты раунды оценки, которые включают оценочный доклад и рекомендации для дальнейшей реализации страной-участницей.

На 77-м пленарном заседании ГРЕКО (Страсбург, 16–18 октября 2017 г.) был принят четвертый оценочный доклад по противодействию коррупции среди парламентариев, прокуроров и судей. До официального перевода на русский язык доклад носил конфиденциальный характер и впервые был опубликован на сайте Генеральной прокуратуры РФ весной 2018 г. Нашей стране поступили для обсуждения 22 рекомендации по дальнейшему совершенствованию антикоррупционной работы. При этом 8 рекомендаций относятся к деятельности парламентариев, 9 – к работе судей и 5 касаются прокуроров [6].

До настоящего времени работа по исполнению четвертого раунда оценки проводится под эгидой Генеральной прокуратуры Российской Федерации для подготовки итогового отчета, завершения раунда оценки и принятия конкретных мер в целях совершенствования правового регулирования предупре-

ждения коррупции среди упомянутых категорий должностных лиц.

В целом в докладе дана положительная оценка нормам российского антикоррупционного законодательства, регламентирующим вопросы предотвращения и урегулирования конфликта интересов, в том числе и практике применения.

Рассмотрим детальнее высказанные рекомендации относительно совершенствования правового статуса судьи и критику некоторых аспектов процедуры отбора кандидатов на должность судьи. На основе результатов проведенного нами анализа предложим собственное видение разрешения поставленных вопросов.

В докладе отмечается, что отбор судей имеет решающее значение для обеспечения независимости судебных органов и беспристрастности системы правосудия. Данный процесс должен гарантировать, что отобранные кандидаты действительно являются надежными, включая их иммунитет к внешнему давлению, а также к неправомерному давлению внутри системы [6. С. 49].

Вместе с тем комиссия указала на иной аспект, связанный с тем, как представители судебной власти воспринимаются общественностью, поскольку указанный момент имеет первостепенное значение для доверия, которое общество должно испытывать к системе правосудия. В адрес Российской Федерации высказана конструктивная критика, в частности предложено определить *объективные* (выделено авторами) критерии, которыми следует руководствоваться при применении требований к честности в процессе отбора, назначения и продвижения судей и сделать их доступными для общественности (параграф 146) [7. С. 93].

Если бы в законодательстве хотя бы одной страны были определены объективные критерии честности, не было бы тех объемов коррумпированности, которая воспринимается мировой общественностью как угроза номер один. Тем более с учетом особого российского менталитета в отношении многокомпонентных этических понятий «душа», «сознание», «сущность», «честность». В культовой книге Роджера Пенроуза², изданной Кембриджским университетом в 1997 г., подробно описаны процессы, протекающие во Вселенной, 30 лет назад определены мельчайшие квантовые единицы, но полшутливые попытки определить организацию человеческого мозга в терминах квантовой физики не увенчались успехом. В первую очередь по причине того, что «идеальный» мир человеческого сознания, включающий этические стереотипы поведения, не поддается просчету при помощи компьютерных программ. Нельзя не согласиться с предисловием переводчика к первому изданию книги на русском языке: термины типа русских «душа», «самосознание» не только плохо определены и расплывчаты, но и гораздо хуже поддаются переводу [Цит. по: 8. С. 7].

Фактически ГРЕКО дала Российской Федерации рекомендацию выступить первопроходцем в части выработки объективных критериев честности, так как данный принцип также должен быть отражен в про-

цессе отбора судей, и необходимо, чтобы такой процесс отбора был как можно более прозрачным³.

Обращаясь к критериям отбора, группа экспертов ГРЕКО (ГЭГ) подтверждает, что честность принимается во внимание в рамках общего процесса отбора судей ККС, в том числе посредством психологической оценки.

Здесь следует напомнить, что независимость судьи поддерживается конкретными государственными мерами защиты. При этом беспристрастность судьи не зависит от установленных государственных гарантий, а связана с отсутствием у него какой-либо предвзятости и личной позиции. Соблюдение судьей норм права зависит от его юридико-технической компетентности, следовательно, от его образования. Но знания только в области права недостаточно, чтобы сделать хорошего судью.

Профессиональный профиль (или идеальный образ) судьи, к которому стремятся во всех правовых государствах, включает, как правило, несколько критериев: независимость, беспристрастность, справедливость, честность, компетентность. Указанные качества важно выявлять на стадии отбора среди кандидатов на должность судей, поэтому перед уполномоченными в этой сфере квалификационными коллегиями всегда стоит вопрос о выявлении морально-нравственных качеств кандидата.

Однозначного руководства при правилах отбора нет, но для цивилизованных обществ профессиональным ориентиром служат базовые Бангалорские принципы.

Проблема комплектования судейского корпуса высокопрофессиональными кадрами существовала всегда, но особенно актуальной она стала в настоящее время, поскольку руководством страны поставлена задача рекомендовать на должность судей лиц, не только способных осуществлять основную деятельность профессионально, но и обладающих нравственным потенциалом и устойчивых к психологическим нагрузкам.

В рамках судейской реформы происходит постоянный рост нагрузки, расширение категорий дел, усложнение их содержания – все это требует совершенно новых критериев оценки потенциальных кандидатов, исключает возможность ошибок при комплектовании судейского корпуса страны. При этом, безусловно, не должен оставаться без должного внимания вопрос о физической и психологической безопасности судей.

Для работы в качестве судьи лицо должно обладать многими качествами. Разглядеть их наличие (или отсутствие) в претенденте на вакантную должность судьи – сложная задача квалификационных коллегий судей.

Феномен честности, прежде всего, рассматривается и описывается как этическая категория. Это моральное качество отражает одно из важнейших требований нравственности. Оно включает: правдивость (говорить истину, не скрывать от других людей и самого себя действительное положение дел); принципиальность (верность).

В психологии не существует не только единых представлений о честности, но и каких бы то ни было

фундаментальных исследований этого феномена. Можно найти лишь обращения к различным, связанным с честностью, явлениям, таким как искренность и неправда, правдивость и ложь.

Так, в отечественной психологической науке, например, рассматривалась правдивость как черта характера, выражающая стремление субъекта говорить только то, что он считает правдой. Для оценки этого феномена (несколько отличающегося от нечестности) отечественный ученый В.В. Знаков адаптировал русскоязычный вариант методики исследования макиавеллизма личности под названием «Макшкалы», получив в результате валидный инструмент диагностики.

За рубежом оценка устойчивой черты личности, определяющей готовность сотрудника к обману, хищению, разглашению информации, производится с помощью большого числа методов, направленных в основном на диагностику деструктивного поведения и декларируемой честности персонала. Такой инструмент определяется двояко – «honesty tests» и «integrity tests» (тесты честности). В США широкое распространение получило тестирование на честность с помощью личностных опросников, разрабатываемых в качестве альтернативы детектору лжи.

В России психологическая оценка кандидатов на должность судьи проводится на основании приказа Судебного департамента при Верховном Суде от 17 марта 2009 г. № 44 «Об утверждении методических рекомендаций по организации психологического сопровождения работы по отбору кандидатов на должность судьи» [9]. Ядро данной процедуры заключено в психологическом тестировании кандидата на должность судьи, которое синхронизируется с собеседованием. В процессе отбора привлеченные специалисты пытаются определить уровень правосознания, дисциплинированность, добросовестность, преданность профессии, и, конечно же, честность, совестливость и устойчивость нравственных установок.

Что касается зарубежного опыта, то во многих странах понятия «добропорядочность» и «честность» отождествляются, а как критерии отбора судей проявляются в интересных инструментах.

Например, в разных частях Великобритании существуют детально регламентированные процедуры. На определенных этапах оценки добропорядочности применяются такие методики, как анализ объективности данных аппликационной формы; проверка отсутствия уголовных производств, штрафов, налоговых задолженностей; запросы профессиональным организациям; проведение интервьюирования по конфликту интересов.

Кроме этого, распространена практика, согласно которой при назначении судей высшего звена учитывается письменная рекомендация влиятельных, политически значимых лиц, поскольку Актом о конституционной реформе 2005 г. определено, что отбор судей, включая судей Верховного Суда Соединённого Королевства, должен происходить в соответствии с «заслугами» и «хорошей репутацией» (merits and good character), с уточнением, что базовым является критерий «заслуг», однако лицо не может быть отобрано,

номинировано, назначено при несоответствии критерию «хорошей репутации».

В Австралии положения о добропорядочности в отношении судей высших (федеральных) судов получили конкретизацию в ходе реформы 2008 г. Заявитель там подает декларацию частных интересов, часть положений которой касаются добропорядочности: отсутствия / наличия уголовных производств; отсутствия непогашенных обязательств; привлечения к дисциплинарной ответственности; отсутствия фактов лоббирования (регистрации в качестве лоббиста).

Американские специалисты отработали критерии оценки судьи (при этом требования к будущему судье не закреплены в нормативных актах, не существует и преимущества для претендентов с судебным опытом), к которым отнесли: беспристрастность при решении дела; хорошие теоретические знания и определенный опыт практической (юридической) деятельности; способность думать и писать ясно, логично; большую личную честность; хорошее физическое здоровье и умственное развитие; судебный характер (уравновешенность, внимательность, коммуникабельность, терпеливость); способность разумно применять судебную власть. Процедура позволяет общественности не только получать информацию о самом процессе, но и влиять на него. Важно учитывать, что влияние происходит через формирование определенного общественного отношения, позиций и оценок СМИ, с которыми не могут не считаться ни члены Комитета по правосудию Сената, ни сенаторы в целом при окончательном голосовании. Случается, что обращается внимание и на определенные проблемы в профессиональной и личной жизни кандидатов, а также имеют место идеологические разногласия при обсуждении в Сенате.

Европе свойственно многообразие систем назначения судей, и одной применяемой для всех стран модели не существует. В качестве примера остановимся на некоторых европейских странах, которые озвучила Н.К. Жукова. Так, в Нидерландах кандидаты в судьи подразделяются на так называемых внешних и внутренних. Внешние кандидаты – это лица, уже имеющие стаж работы по юридической специальности, подготовленные работники. Внутренние – молодые специалисты после окончания вуза. От этого разделения зависит подход к формированию судейского корпуса. Внешние кандидаты назначаются на должность судьи после годичной подготовки [10. С. 331]. К внутренним применяется особый механизм отбора и подготовки. При подаче заявления они проходят специальный психологический тест, в ходе которого выясняются их интеллектуальный и профессиональный уровень, а также личностные качества. В результате жесткого отбора, проводимого специальными комиссиями, состав которых представлен судьями, судейскими администраторами, учеными, кандидаты проходят шестилетнюю поэтапную подготовку по стандартным программам в системе судов на оплачиваемых вспомогательных должностях. И только после этого, с учетом мнения судей-старшин, а также проявленных качеств (профессиональных знаний, производительности труда, способностей к преодолению стрессов и прочих

критериев), выявляемых периодически проводимыми тестированиями и опросами, комитетом отбирается кандидат, который назначается на должность судьи указом Королевы [10. С. 332].

Впрочем, как не раз отмечала в своих заключениях Венецианская комиссия, должно быть найдено равновесие между судебской независимостью и самоуправлением, с одной стороны, и подотчетностью судебной власти во избежание негативных последствий корпоратизации судебной системы – с другой.

Авторам хотелось бы отметить, что честность и неподкупность являются абсолютными категориями, не имеющими степеней. В нашей стране понятие честности сегодня не имеет четкого и единого, единообразного понимания со стороны как общества и общественных институтов, так и самих судей, что вызывает неразрешимые коллизии.

С позиции И.С. Власова, «В аспекте этическом коррупция всегда связана с деморализацией публичной власти и вытекающим из этого отношением общества к власти. С юридической точки зрения коррупция означает в первую очередь нелегальность определенных форм поведения, например, влияние противоправными методами на принятие решений органов публичной власти» [11. С. 6].

Международные принципы противодействия коррупции составлены с понятной долей формализма, поскольку предполагают соблюдение судьями следующих требований: этических норм, честности, неподкупности, урегулирования конфликтов интересов, прозрачности сведений об активах, а также создание государством гарантий обеспечения независимости судей при осуществлении правосудия; созданы основы для применения эффективных мер, упреждающих коррупционные факторы при осуществлении правосудия [2. С. 122–123].

Чтобы предупредить и искоренить коррупцию, на международном уровне были приняты нормативные акты Организации Объединенных наций: Конвенция ООН об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г., против транснациональной организованной преступности 2000 г., против коррупции 2003 г. [13].

Конвенция против коррупции предусматривает принцип правосудия, характеризующийся следующим: государства без ущерба для независимости судебных органов принимают меры по укреплению честности и неподкупности судей и работников судебных органов, принимают меры к недопущению любых возможностей для коррупции среди них. Обеспечивается достаточная прозрачность, транспарентность работы судов, позволяющая существенно снизить уровень коррупционности среди судей и поднять авторитет судебной власти (ст. 11) [12].

Судья, исполняя свои полномочия, а также во внесудебных отношениях должен избегать всего, что может умалить авторитет судебной власти, достоинство судьи или вызвать сомнение в его объективности, справедливости и беспристрастности. Если судья занимается педагогической или творческой деятельностью, она не может финансироваться исключительно за счет средств иностранных государств, международных и иностранных организаций или граждан (ст. 3) [12].

Это является одной из гарантий обеспечения независимости судей.

В Российской Федерации на государственном уровне установлены дополнительные требования к судьям, которые должны в большей степени обеспечить их независимость и свести до минимума возможные коррупционные риски [13].

Судьи не вправе: иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации или вне юрисдикции Российской Федерации, владеть или пользоваться иностранными финансовыми инструментами (запрет распространяется на членов семьи, в том числе несовершеннолетних детей); получать не предусмотренные законодательством Российской Федерации вознаграждения в любой форме от физических и юридических лиц; принимать без разрешения квалификационной коллегии судей почетные и специальные звания, награды и иные знаки отличия иностранных государств, политических партий, иных общественных объединений и других организаций; выезжать в служебные командировки за пределы территории Российской Федерации за счет средств физических и юридических лиц. На судью распространяются требования о предоставлении сведений о его доходах, расходах и об имуществе, принадлежащем ему на праве собственности, и обязательствах имущественного характера. Эти требования в равной мере распространяются на супругу (супруга) судьи и несовершеннолетних детей [14].

Вопрос противодействия коррупции был предметом обсуждения руководством страны, для реализации положений ежегодного послания Президента РФ Федеральному Собранию с 2012 г. [16] введен контроль за расходами лиц, занимающих государственные должности РФ и некоторые должности федеральной государственной службы. Перечень должностей ежегодно расширяется, а контроль за заполнением деклараций ужесточается. Лица, чьи расходы не соответствуют их доходам, увольняются в связи с утратой доверия.

Введение этого положения вместе с установленными в уголовном законодательстве кратными штрафами, увольнением в связи с утратой доверия при совершении коррупционных правонарушений и другими, уже принятыми мерами, по сути, является реализацией идеи об установлении ответственности за незаконное обогащение в соответствии с принципами российской правовой системы.

Коррупционным фактором, который может оказать влияние на судью, является конфликт интересов, упомянутый в Конвенции против коррупции [2. С. 123]. Понятие конфликта интересов и пути его разрешения нормированы Законом Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» [14].

Конфликт интересов означает ситуацию, при которой личная заинтересованность судьи влияет или может повлиять на надлежащее исполнение им должностных обязанностей и при которой возникает или может возникнуть противоречие между личной заинтересованностью судьи и правами и законными инте-

ресами граждан, организаций и т.д., способное привести к причинению вреда их правам и законным интересам [14].

В 2016 г. IX Всероссийский съезд судей после многолетней профессиональной дискуссии, наконец, принял решение исключить три положения, связанные с беспристрастностью судей, из Кодекса судейской этики.

Данные положения требовали от судей:

- избегать ситуаций, когда близкие родственники заинтересованы в разбирательстве;
- воздерживаться от действий, которые могли привести к конфликту интересов;
- избегать ситуаций, когда личные отношения со сторонами разбирательства могут вызвать подозрения или создать впечатление отсутствия беспристрастности.

Председатель Высшей квалификационной коллегии судей акцентировал внимание участников съезда на том, «что в связи с буквальным пониманием ч. 4 ст. 9 Кодекса судейской этики судейское сообщество потеряло грамотных судей с безупречной репутацией, в действиях которых имелось лишь формальное несоблюдение норм Кодекса» [15].

Однако в настоящее время дискуссия по теме не утратила актуальности и все настойчивее сторонники исключенных положений рекомендуют вернуть их в Кодекс судейской этики. Аргументация исходит из следующего.

Данные положения представляют собой важные гарантии беспристрастности судей, как реальные, так и предполагаемые, которые являются общими в кодексах поведения судей в соответствии с принципом, согласно которому правосудие должно не только осуществляться, но и быть видимым в действии. В этой связи нет противоречия в том, что данные принципы должны быть закреплены как в законодательстве, так и непосредственно в Кодексе этики как совокупности базовых принципов, которым должны следовать судьи при исполнении своих обязанностей. ГРЕКО настаивает, что Кодекс этики не имеет статуса закона и не будет иметь приоритета над кодифицированными правилами отвода судей [7. С. 61].

Актуален и вопрос о том, занимались ли судьи несовместимыми видами деятельности. Эта информация в обязательном порядке проверяется до назначения судьи и в случае изменения должности (будь то должность того же класса или более высокого класса). Косвенным образом эта же информация фиксируется в ежегодной декларации о доходах, расходах и об обязательствах имущественного характера судей [7. С. 62] и подлежит проверке.

Изучив информацию о том, что участие в коммерческих организациях не отражается в публично доступных частях деклараций, и, по-видимому, не существует каких-либо требований, обязывающих судей включать в декларацию какую-либо иную деятельность, кроме той, которой они занимаются, или осуществлять специальный контроль за такой деятельностью, ГРЕКО пришел к выводу, что необходима большая прозрачность в отношении вспомогательной деятельности, в которую вовлечены судьи. Это

будет способствовать тому, чтобы независимость и беспристрастность судей не были поставлены под сомнение в результате конфликта интересов, возникающего в результате такой деятельности, в соответствии с Кодексом судейской этики. Особенно важно не только требование о том, чтобы судьи не были замешаны в конфликтах интересов, но также и то, чтобы авторитет судебной власти у широкой общественности был непререкаем. Судьи должны декларировать любую дополнительную деятельность, которую они осуществляют, и чтобы такие декларации публиковались и контролировались, так как повышение прозрачности в отношении доходов судей является, по мнению ГРЕКО, целесообразным [7. С. 62]. В этих целях в докладе рекомендуется повысить прозрачность декларирования доходов, расходов, интересов, имущества и обязательств судей в отношении источников доходов, в том числе от дополнительной деятельности, с надлежащим соблюдением конфиденциальности и безопасности самих судей и их родственников [7. С. 63].

При всем уважении к позиции экспертов ГРЕКО, мы как представители профессионального судейского сообщества не можем согласиться с тем, что современное российское общество недостаточно полно информировано о доходах судей и их родственников. Процедуры назначения судей во вновь образованные апелляционные и кассационные суды показали, что гражданское общество проявляет небывалую активность и интерес в части обсуждения кандидатов. В то же время возникла новая проблема, когда судья фактически оказался беззащитен в части обсуждения личной жизни в средствах массовой информации. Сегодня судьи столкнулись с новой угрозой: фактической невозможностью защитить интересы своих несовершеннолетних и совершеннолетних детей, бывших родственников (жен, мужей), их конституционного права на личную жизнь.

Конвенция против коррупции формирует принцип активного противодействия такому коррупционному риску, как оказание давления на судей в целях принятия противоправного решения. Судьи при рассмотрении дел самостоятельны и независимы в принимаемых ими решениях [16].

По нашему мнению, все это составляющие многокомпонентного понятия «честность и неподкупность судебных органов» в той трактовке, как они изложены в Бангалорских принципах поведения судей. Очень важно, чтобы на ментальном уровне каждого судьи было заложено противодействие внешнему воздействию, а не только тогда, когда право судьи будет нарушено [17].

Прозрачность правосудия и объективное информирование общества о деятельности судов – цели, которые поставлены в ходе беспрецедентного реформирования судебной системы.

Законодательную базу по этому вопросу составляют: Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» и Постановление Пленума Верховного Суда РФ «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» [18], в

которых содержится информация о движении дела и о деятельности судов, обзоры судебной практики.

Это повышает уровень правовой информированности населения, обеспечивает общественный контроль за осуществлением правосудия, является одним из средств поддержания доверия общества к суду.

Из п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 апреля 2016 г. № 13 «О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности судей» следует, что за совершение дисциплинарного проступка согласно п. 1 ст. 12.1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» на судью может быть наложено дисциплинарное взыскание в виде замечания, предупреждения, досрочного прекращения полномочий судьи [19].

При определении соразмерности примененной к судье меры дисциплинарной ответственности тяжести совершенного им дисциплинарного проступка суд должен учитывать характер этого проступка, обстоятельства и последствия его совершения, форму вины судьи, совершившего дисциплинарный проступок, степень нарушения его виновным действием (бездействием) прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, а также данные, характеризующие личность судьи, и его профессиональную деятельность (морально-нравственные качества судьи, обстоятельства, связанные с его семейной жизнью, стаж работы в должности судьи, принятие ранее мер, направленных на предотвращение совершения им нарушений, и т.п.).

При исследовании вопроса о причинах нарушения судьей процессуальных сроков рассмотрения дел или сроков изготовления судебных актов суду следует выяснять, не обусловлены ли эти нарушения обстоятельствами, затрудняющими служебную деятельность судьи (чрезмерная нагрузка судьи, ненадлежащая организация работы суда и иные заслуживающие внимания обстоятельства, не позволившие судье выполнить свои должностные обязанности в течение установленных законом сроков) [19].

Оценивая степень влияния допущенного судьей нарушения, предъявляемых к нему требований на авторитет судебной власти и репутацию самого судьи, суду также следует учитывать, что в соответствии с Бангалорскими принципами поведения судей (одобрены резолюцией Экономического и Социального Совета ООН 2006/23 от 27 июля 2006 г.) беспристрастность, честность, компетентность и добросовестность при исполнении обязанностей судьи имеют первостепенное значение для поддержания независимости судебной власти (п. 1.6); следование высоким стандартам поведения в ходе судебного заседания и вне стен суда способствует поддержанию и росту у общества, коллег и участвующих в судопроизводстве сторон уверенности в беспристрастности как самого судьи, так и судебной власти в целом (п. 2.2).

Судья при исполнении своих обязанностей по осуществлению правосудия должен исходить из того, что защита прав и свобод человека и гражданина определяет смысл и содержание деятельности органов

судебной власти. Он должен добросовестно исполнять свои профессиональные обязанности и принимать все необходимые меры для своевременного рассмотрения дел и материалов.

Судья обязан быть беспристрастным, не допускать влияния на свою профессиональную деятельность со стороны кого бы то ни было. При исполнении своих обязанностей судья не должен проявлять предубеждения расового, полового, религиозного или национального характера. Общественное мнение, возможная критика деятельности судьи не должны влиять на законность и обоснованность его решений.

Судья должен быть терпимым, вежливым, тактичным и уважительным в отношении участников судебного разбирательства. Судье следует требовать аналогичного поведения от всех лиц, участвующих в судопроизводстве.

Огромное значение в современный период придается неподкупности судей. Очень важно, чтоб каждый начинающий судья знал пределы дозволенного и недозволенного в осуществлении своих должностных полномочий.

Авторы настоящего исследования провели небольшой эксперимент. На заседании научного кружка с темой, аналогичной названию данной статьи, предложили студентам, магистрантам и аспирантам определить понятие «честность», т.е. попытаться выполнить одну из рекомендаций ГРЕКО: определить объективные критерии честности.

Из ответов аудитории получилось, что честность – это важнейшее требование нравственности. Она включает правдивость, принципиальность, субъективную убежденность в правоте своего дела, искренность перед другими и перед самим собой в отношении мотивов своего поведения.

Любая нравственная категория, честность в этом смысле не исключение, подразумевает отношение к человеку как к высшей ценности. Не нуждается в доказывании тот факт, что честное исполнение обязанностей судьи, предписанное присягой, предполагает честность судьи как человека.

Участники эксперимента отмечали важным критерием честности судьи прежде всего моральную потребность самого человека в демонстрации высоко-нравственного образа жизни, постоянного повышения квалификации и адекватной реакции на конструктивную критику.

Не остались без внимания такие характеристики, как мужество, приверженность ценностям гражданского общества, свобода выражения собственного мнения и отстаивания собственных моральных принципов, осознание общественного долга, профессиональная честь, общественная значимость профессии, профессиональная гордость, судейская репутация – все эти компоненты, по мнению участвующих в дискуссии, составляют многозначный термин «честность».

В качестве точки отсчета было предложено прочитать рассказ Л. Пантелеева «Честное слово». Авторы статьи с удивлением констатировали, что никто из поколения 20–25-летних не читал ранее этот рассказ, на котором воспитывались миллионы советских

мальчишек и девочек. Пусть современной молодежи сюжет этого художественного произведения кажется, безусловно, наивным, но все без исключения сочли его интересным, добрым, замечательным.

Вспомним вкратце историю создания рассказа. В начале 1941 г. редколлегия журнала «Костёр» обратилась к советским писателям с просьбой: ответить детям на важные этические вопросы, связанные с представлениями о долге, чести, честности. В самые первые дни Великой Отечественной войны в № 6 за 1941 год был опубликован рассказ «Честное слово». В прямом смысле это был государственный заказ, то есть государство выстраивало систему координат нравственных ценностей. С младенчества человека воспитывали: если ты дал честное слово, ты ни при каких обстоятельствах не можешь его нарушить. Это было понятно, наглядно, доступно.

А что сейчас? Последние 30 лет умение обманывать прививается как *полезный* (выделено авторами) социальный навык. Молодые люди нравственно дезориентированы, отсюда и метания в разные стороны, включая сферы деятельности, запрещенные законом. По каким причинам мы боимся признаться, что нужен новый государственный заказ на выстраивание (настройку) нравственной системы координат? Что сегодня мы можем предложить молодым судьям?

Сегодня в Кодексе судейской этики [20] в главе «Принципы и правила поведения судьи» названы принципы: независимости (ст. 8), объективности и беспристрастности (ст. 9), равенства (ст. 10), компетентности и добросовестности (ст. 11), в которых отражено, что:

– судья должен осуществлять профессиональную деятельность в строгом соответствии с законом, опираясь на внутреннее убеждение и не поддаваясь влиянию кого бы то ни было. Публичное обсуждение деятельности судьи, критические высказывания в его адрес не должны влиять на законность и обоснованность выносимого им решения (п. 3 ст. 8);

– судья при исполнении своих полномочий и вне служебных отношений должен способствовать поддержанию уверенности общества и участников процесса в объективности и беспристрастности судьи и органов судебной власти (п. 1 ст. 9);

– судья при исполнении своих обязанностей должен руководствоваться принципом равенства, поддерживать баланс между сторонами, обеспечивая каждой из них равные возможности, проявляя объективность и беспристрастность, с одинаковым вниманием относиться ко всем участникам судопроизводства вне зависимости от их пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств (п. 2 ст. 10);

– судья должен исполнять свои профессиональные обязанности без какого-либо предпочтения и без действительной либо видимой предвзятости, дискриминации, обеспечивая необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав, обеспечивая справедливое рассмотрение дела в разумный срок (п. 6 ст. 10);

– компетентность и добросовестность являются необходимыми условиями надлежащего исполнения судьей своих обязанностей по осуществлению правосудия (п. 1 ст. 11);

– судья должен соблюдать высокую культуру поведения в процессе, поддерживать порядок в судебном заседании, вести себя достойно, терпеливо, вежливо в отношении участников процесса и других лиц, присутствующих в судебном заседании (п. 7 ст. 11).

Авторы настоящей статьи, проанализировав имеющееся российское законодательство, приходят к выводу, что декларативно все рекомендации, данные ГРЕКО, в нашем законодательстве имеются, но дать объективные критерии честности практически невозможно. Категория «честности» по-прежнему остается философской? этической? лингвистической? юридической? неопределённостью, в которую каждый субъект права вкладывает свой смысл.

В любом случае в соответствии с правилом 30.2 Правил процедуры ГРЕКО предложено властям Российской Федерации предоставить отчет о мерах, принятых для выполнения 22-х рекомендаций, до 30 апреля 2019 г. Согласно справочной информации из Генеральной прокуратуры Российской Федерации, работа по реализации рекомендаций продолжается. Если на нашу страну возложены функции первопроходца в части установления определенных критериев честности, мы предлагаем следующие процедуры:

– на базе уполномоченного вуза, имеющего авторитетный научно-педагогический состав с опытом практической судебной деятельности, провести научно-исследовательскую работу по разработке определенных критериев честности в рамках государственного заказа;

– апробировать полученные результаты с помощью кандидатов на должность судьи и действующих судей для закрепления соответствующих положений в Кодексе судейской этики;

– разработать методические указания с четким алгоритмом действий в случае получения подарка от третьих лиц, включая подарки в натуральной форме;

– использовать положительный опыт других стран по предварительному обучению кандидатов на должность судей (например, Казахстан, Белоруссия, Франция), внести необходимые изменения в профессиональные образовательные стандарты;

– нормативно урегулировать процедуру обязательного проведения в отношении кандидатов в судьи проверочных мероприятий в соответствии с Федеральным законом от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», в том числе установления процедур использования оперативно-розыскных данных. Такие мероприятия позволят выявить наличие или отсутствие у кандидата в судьи порочащих гражданина поступков.

Процесс выявления морально-этических качеств кандидатов на должность судьи невозможен без участия специалистов, владеющих методиками в области психологии и педагогики, поэтому важно при работе с кандидатами вовлекать специалистов из разных областей психологии.

В рамках проведенного пилотного исследования отметим, что в Российской Федерации принцип честности судьи нашел отражение в присяге судьи, изложенной в ст. 8 Закона Российской Федерации от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» [13]⁴.

Текст с аналогичным смыслом содержится и в присяге судьи Европейского Суда по правам человека [21]⁵. Различие состоит в том, что по Регламенту Европейского Суда по правам человека судья обязуется соблюдать тайну совещаний судей.

В перечисленных профессиональных качествах усматриваются не только институциональные индикаторы правосудия в демократическом обществе, но и личностные морально-нравственные качества [22].

В данном случае нашел свое отражение третий показатель Бангалорских принципов, а именно честность. Выведение честности на первый план в очередной раз убеждает в том, что суд ориентирован на справедливое

правосудие, ибо именно честность, как это показывает известный американский философ Дж. Роулз, является смысловой осью справедливости [23. С. 186].

В заключение нельзя не процитировать слова академика Д.С. Лихачёва: «Между совестью и честью есть одно существенное различие. Совесть всегда исходит из глубины души. Совесть не бывает ложной. Но представления о чести бывают совершенно ложными, и эти ложные представления наносят колоссальный ущерб обществу. Я имею в виду то, что называется “честью мундира”. “Честь мундира” заставляет руководителей отстаивать ложные или порочные проекты, настаивать на продолжении явно неудачных строек и т.д. Честь истинная – всегда в соответствии с совестью. Честь ложная – мираж в пустыне, в нравственной пустыне человеческой души» [24. С. 48–49].

Всеми судейскому сообществу предстоит большая работа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Анишина В.И. Правовые основы судебной власти в Российской Федерации: учеб. пособие / В.И. Анишина, П.А. Гук. М.: Юрлитинформ, 2015. 248 с.; Правосудие в современном мире / В.М. Лебедев, Т.Я. Хабриева [и др.]; ред.: В.М. Лебедев, Т.Я. Хабриева; Верх. Суд РФ, Ин-т законод. и сравн. правовед. при Правительстве РФ. М.: Норма; ИНФРА-М, 2013. 720 с.; Суд как субъект правовой политики / А.В. Аверин, С.Ф. Афанасьев [и др.]; ред. А.В. Малько. М.: Юрлитинформ, 2014. 232 с.; Ершов В.В., Петухов Н.А. Судебные системы государств, образовавшихся на постсоветском пространстве // Российское правосудие. 2014. № 5 (97). С. 5–28. (СПС КонсультантПлюс); Репина Л.А., Сафонов В.Е., Лиска О.М. Итоги международной научно-практической конференции «Судебная власть в России, становление и развитие» // Российское правосудие. 2015. № 11 (115). С. 109–112. (СПС КонсультантПлюс); Ермошин Г.Т. Статус судьи в РФ. Социально-правовые аспекты. М.: РАП, 2010.

² Имеем в виду книгу Roger Penrose with Abner Shimony, Nancy Cartwright and Stephen Hawking «The Large, the Small and the Human Mind». Cambridge University Press, 1997.

³ России даны рекомендации по борьбе с коррупцией в отношении судей, прокуроров и парламентариев. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/rossii-dany-rekomendatsii-po-borbe-s-korrupsiei-v-otnoshenii-sudey-prokurorov-i-parlamentariev/> (дата обращения: 26.12.2018).

⁴ См.: ст. 8 «1. Судья, впервые избранный на должность, приносит в торжественной обстановке присягу следующего содержания: «Торжественно клянусь честно и добросовестно исполнять свои обязанности, осуществлять правосудие, подчиняясь только закону, быть беспристрастным и справедливым, как велят мне долг судьи и моя совесть» [15].

⁵ См.: ст. 3 Регламента «1. Перед вступлением в должность каждый избранный судья приносит Суду на первом пленарном заседании, на котором такой судья присутствует после своего избрания, или, в случае необходимости, перед Председателем Суда следующую присягу или делает следующее торжественное заявление: “Клянусь” – или “Торжественно заявляю” – “что буду выполнять обязанности судьи честно, независимо и беспристрастно и буду соблюдать тайну совещаний судей”» [22].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бангалорские принципы поведения судей. Гаага, 2002 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangalore_principles.shtml (дата обращения: 25.01.2020).
2. Гравина А.А. Реализация международных принципов противодействия коррупции при осуществлении правосудия // Журнал российского права. 2017. № 11. С. 121–122.
3. Европейская хартия о статусе судей, утверждена 8–10 июля 1998 г. в Совете Европы. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901927869> (дата обращения: 26.01.2020).
4. Саткыналиева Ч., Гутниченко Л., Алымбаев Н., Джакупова Г., Сатылганова А. Аналитический обзор «Принципы поведения судей – основа доверия к судебной системе Кыргызской Республики». URL: <https://pandia.ru/text/78/335/44.php> (дата обращения: 26.01.2020).
5. Суд и государство / под ред. Л.В. Головки, Б. Матъё. М.: Статут, 2018.
6. Оценочный доклад ГРЕКО: Сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: https://genproc.gov.ru/smi/interview_and_appearances/interview/1403150 (дата обращения: 25.01.2020).
7. Оценочный доклад ГРЕКО. URL: <https://genproc.gov.ru/anticor/international-cooperation/greco/greco2018.pdf>.
8. Хокинг С. и др. Большое, малое и человеческий разум. СПб.: Амфора, 2013.
9. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде от 17 марта 2009 г. № 44 «Об утверждении методических рекомендаций по организации психологического сопровождения работы по отбору кандидатов на должность судьи» // СПС КонсультантПлюс.
10. Жукокова Н.К. Вопросы отбора судей по законодательству Российской Федерации // Вестник КазНУ. Серия юридическая. 2014. № 2 (70). С. 330–336.
11. Уголовное законодательство зарубежных государств в борьбе с коррупцией / под ред. И.С. Власова. М., 2009.
12. Конвенции ООН: об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г., против транснациональной организованной преступности 2000 г., Конвенция против коррупции 2003 г. // СПС КонсультантПлюс.
13. Федеральный закон от 12 марта 2014 г. № 29-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации “О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации”» // СПС КонсультантПлюс.
14. Закон Российской Федерации от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648
15. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2012 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138990

16. Конвенция против коррупции 2003 г. // СПС КонсультантПлюс.
17. Постановление ЕСПЧ от 26.02.2009. Дело «Кудешкина (Kudeshkina) против Российской Федерации» (жалоба № 29492/05) // СПС КонсультантПлюс.
18. Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» от 22.12.2008 № 262-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
19. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 апреля 2016 г. № 13 «О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности судей» // СПС КонсультантПлюс.
20. Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012) (ред. от 08.12.2016) // СПС КонсультантПлюс.
21. Регламент Европейского Суда по правам человека, утвержденного 01.12.2005 (с изменениями) // СПС КонсультантПлюс.
22. Шугуров М.В. Вопросы этики судей в деятельности Европейского Суда по правам человека // Закон. 2013. № 11.
23. Phlogaites S.I., Zwart T., Fraser J. The European Court of Human Rights and Its Discontents: Turning Criticism into Strength. Cheltenham, 2013.
24. Лихачёв Д.С. Письма о добром и прекрасном. М.: Дет. лит., 1989. 207 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 26 мая 2020 г.

Honesty as a Basic Component of the Judge's Professional Profile

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 463, 240–250.

DOI: 10.17223/15617793/463/30

Tatyana I. Otcheskaya, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russian Federation). E-mail: otcheskaya-proff@gmail.com

Nadezhda V. Mishakova, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russian Federation). E-mail: nvmishakova@msal.ru

Tatyana I. Goloshchapova, independent researcher (Moscow, Russian Federation). E-mail: zzzzz53@yandex.ru

Keywords: judicial activity; judge; selection criteria; appointment; promotion; impartiality and integrity of judge; corruption.

Corruption continues to be a leading threat to the global community. International legal institutions are interested in improving legal mechanisms for overcoming corruption among various categories of officials, including presidents, senior officials, parliamentarians, prosecutors, and judges. The subject of the study was the well-established criteria for selecting candidates for appointment to the post of judge, mainly moral and ethical, which are enshrined in international acts ratified in the Russian Federation. The study focuses on the honesty of judges as a legal phenomenon of international and national legislation. The article analyzes the Bangalore principles of judicial conduct as a set of legal norms and rules of conduct of judges addressed to states; the special status of judges in the implementation of the Convention on Human Rights is taken into account. This aspect was examined and presented in the fourth assessment report on the Russian Federation, adopted at the 77th plenary meeting of the GRECO (Group of States against Corruption). Using the comparative legal method of the study, the authors analyzed international and Russian legislative acts and, based on the results obtained, come to the conclusion that the trends in regulating requirements in terms of the moral and ethical qualities of judges coincide. According to the authors, an interrelated process is the development of a method for reliable assessment of moral and ethical qualities of candidates for the position of judge. The analysis of published sources shows that there are no doctrinal studies on this issue, but also no common practical recommendations from practitioners who are familiar with the real situation in terms of selecting candidates for courts of various instances. The formal legal method of research has shown that at present it is almost impossible to regulate the essential moral categories, but the demand for an exact definition of the concepts “justice”, “honesty”, “equality of law” of the public legal consciousness has actually reached the maximum pre-crisis point. As long as the law does not clearly define the boundaries of the term, each legal entity will put its own meaning in this term, which usually leads to conflicts, including internal ones. Judges as subjects of legal relations need a standard definition of ethical categories more than others. The inner qualities of the judge as a person should determine the judge as a professional. For the first time, the authors make specific proposals for implementing the recommendations given to the Russian Federation by GRECO in determining the criteria for “honesty” as an integral moral quality of a judge. The proposals can be used in the development of professional standards, as well as in the preparation of ethical codes and rules for regulating judicial conduct.

REFERENCES

1. UN. (2002) *The Bangalore Principles of Judicial Conduct*. [Online] Available from: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangalore_principles.shtml (Accessed: 25.01.2020). (In Russian).
2. Gravina, A.A. (2017) Implementation of the International Anti-corruption Principles during Administration of Justice. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 11. pp. 121–122. (In Russian).
3. Council of Europe. (1998) *European Charter of the Statute for Judges*. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/901927869> (Accessed: 26.01.2020). (In Russian).
4. Satkynaliyeva, Ch. et al. (2012) *Analiticheskiy obzor "Printsipy povedeniya sudey – osnovaya doveriya k sudebnoy sisteme Kyrgyzskoy Respubliki"* [Analytical review “Principles of Judicial Conduct – the Basis of Trust in the Judicial System of the Kyrgyz Republic”]. [Online] Available from: <https://pandia.ru/text/78/335/44.php> (Accessed: 26.01.2020).
5. Golovko, L.V. & Mat'е, B. (eds) (2018) *Sud i gosudarstvo* [Court and State]. Moscow: Statut.
6. General Prosecutor's Office of the Russian Federation. (2018) *Interview of the First Deputy Prosecutor General of the Russian Federation Alexander Buksman to the Interfax news agency*. [Online] Available from: https://genproc.gov.ru/smi/interview_and_appearances/interview/1403150 (Accessed: 25.01.2020). (In Russian).
7. General Prosecutor's Office of the Russian Federation. (2017) *The Group of States against Corruption Evaluation Report: Russia*. [Online] Available from: <https://genproc.gov.ru/anticor/international-cooperation/greco/greco2018.pdf>. (In Russian).
8. Hawking, S. et al. (2013) *Bol'shoe, maloe i chelovecheskiy razum* [The Large, the Small, and the Human Mind]. Translated from English. St. Petersburg: Amfora.
9. Consultant.ru. (2009) *Order of the Judicial Department under the Supreme Court No. 44 of March 17, 2009, "On the approval of guidelines for the organization of psychological support for the selection of candidates for the position of a judge"*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/>. (In Russian).
10. Zhukokova, N.K. (2014) *Voprosy otbora sudey po zakonodatel'stvu Rossiyskoy Federatsii* [Issues of selection of judges under the legislation of the Russian Federation]. *Vestnik KazNU. Seriya yuridicheskaya – KazNU Bulletin. Law Series*. 2 (70). pp. 330–336.
11. Vlasov, I.S. (ed.) (2009) *Ugolovnoe zakonodatel'stvo zarubezhnykh gosudarstv v bor'be s korruptsiyey* [Criminal legislation of foreign states in the fight against corruption]. Moscow: Eksmo.

12. Consultant.ru. (2003) *UN Conventions: On Criminal Responsibility for Corruption 1999, Against Transnational Organized Crime 2000, Convention Against Corruption 2003*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/>. (In Russian).
13. Consultant.ru. (2014) *Federal Law No. 29-FZ of March 12, 2014: On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Adoption of the Law of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation 'On the Supreme Court of the Russian Federation and the Prosecutor's Office of the Russian Federation'*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/>. (In Russian).
14. Consultant.ru. (1992) *Law of the Russian Federation No. 3132-1 of 26.06.1992 "On the status of judges in the Russian Federation"*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648. (In Russian).
15. Consultant.ru. (2012) *Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of 12.12.2012*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138990. (In Russian).
16. Consultant.ru. (2003) *Convention against Corruption of 2003*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/>. (In Russian).
17. Consultant.ru. (2009) *ECHR Judgment of 26.02.2009 in the Case Kudeshkina v. Russia (Application No. 29492/05)*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/>. (In Russian).
18. Consultant.ru. (2008) *Federal Law No. 262-FZ "On ensuring access to information on the activities of courts in the Russian Federation" of 22.12.2008*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/>. (In Russian).
19. Consultant.ru. (2016) *Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 14, 2016, No. 13 "On the judicial practice of the application of legislation governing the disciplinary liability of judges"*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/>. (In Russian).
20. Consultant.ru. (2016) *Code of Judicial Ethics (approved by the VIII All-Russian Congress of Judges on 19.12.2012) (as amended on 08.12.2016)*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/>. (In Russian).
21. Consultant.ru. (2005) *Regulations of the European Court of Human Rights, approved on 01.12.2005 (as amended)*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/>. (In Russian).
22. Shugurov, M.V. (2013) *Voprosy etiki sudey v deyatel'nosti Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka* [Issues of ethics of judges in the activities of the European Court of Human Rights]. *Zakon*. 11.
23. Phlogaites, S.I., Zwart, T. & Fraser, J. (2013) *The European Court of Human Rights and Its Discontents: Turning Criticism into Strength*. Cheltenham.
24. Likhachev, D.S. (1989) *Pis'ma o dobrom i prekrasnom* [Letters about the good and the beautiful]. Moscow: Det. lit.

Received: 26 May 2020

А.В. Стомба

КЛАССИЧЕСКАЯ И НЕКЛАССИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА

Рассматриваются основные тенденции современного правопонимания, их ключевые характеристики, философские и методологические предпосылки. Подчеркивается, что, несмотря на фундаментальные различия классических и неклассических подходов к праву, необходимо выявить условия, делающие возможным диалог между ними. В качестве сферы возможной дискуссии предлагается проблемное поле теории права, переосмысленной с позиций современной философии права.

Ключевые слова: философия права; теория права; права человека; норма права; правопонимание.

Обзор современного правопонимания на постсоветском пространстве обнаруживает его стойкие дуалистические тенденции. Можно предположить, что это является своеобразным наследием советского периода, когда все правовые учения делились на «буржуазные», якобы основанные на «субъективном идеализме», и «марксистские», стоящие на диалектико-материалистической основе. В конце XX в. указанная оппозиция сменилась классическим противостоянием правового позитивизма и естественно-правового подхода. В последнее же десятилетие следует говорить о новом теоретико-методологическом водоразделе, образованном дискуссией классического и неклассического вариантов правопонимания [1, 2].

Следует отметить, что неклассическая философия права возникла в контексте классического правоведения в ходе поисков того «третьего пути», который бы позволил превзойти дихотомию учений естественного и позитивного права. Однако те противоречия, которые существуют в понимании права между представителями классической правовой науки и неклассического правоведения, носят не просто частный либо терминологический характер, но базируются на кардинально отличных мировоззренческо-методологических установках. Так, сторонники классического подхода к праву опираются на догму, согласно которой право как идеальная сущность (идея права, основная норма, категорический императив и пр.) всегда уже существует как некое внеопытное основание, независимо от конкретно-исторических условий существования права как эмпирического феномена [3. С. 220–221]. Эта идеальная сущность права есть то Должное, которое противостоит сущему, детерминируя его правовой либо противоправный статус. В итоге все усилия классического правопонимания направлены на поиск этой идеальной сущности права и ее фиксацию в соответствующем понятии.

В свою очередь, представители неклассических подходов разрабатывают принципиально новую онтологию права, акцентируя тот факт, что оно существует не континуально, но дискретно, воспроизводясь в ходе совместного бытия людей [4. С. 13]. В таком случае право оказывается не отделенным от сущего Должным, но частью той самой реальности, в которой оно воспроизводится в качестве составляющей человеческих отношений. В результате все усилия неклассического правопонимания направлены не на поиск идеальной сущности, но на осмысление закономерностей существования права.

Исходя из сказанного, в самом общем виде противоречие между классическим и неклассическим подходами к праву можно сформулировать на уровне деонтологического правового различия – сущего и Должного [5. С. 15]. В классической парадигме право исходно предстает как континуальное бытие-долженствование его идеальной сущности, в то время как в неклассике оно трактуется как дискретное бытие-воспроизводство права как сущего. В конечном счете дискуссия между представителями классического и неклассического учений о праве зашла в тупик, поскольку даль между их языком и философско-методологическими предпосылками кажется непреодолимой.

В связи с этим особую актуальность и звучание обретает вопрос о возможности дискуссии между концепциями, исходящими из фундаментально разных представлений о праве. Представляется, что ответ на него можно отыскать не в сфере философии права (которая по определению является плюралистичной), но в области теории права. Можно предположить, что именно плоскость теории права как «теории среднего уровня», занимающей промежуточное положение между отраслевыми юридическими науками и философией права, может стать тем «общим знаменателем», который позволит возобновить плодотворную дискуссию между представителями различных вариантов правопонимания.

Представляется, что формированию общего проблемного поля классической и неклассической философии права может помочь осмысление права не на уровне его глубинных оснований (фундаментальные противоречия, которые как раз и служат ключевым фактором невозможности диалога), а в плоскости повседневности. Иными словами, интересы «классики» и «неклассики» в праве смыкаются там, где можно констатировать наличие чего-то общего для них. А таким «общим» является не что иное, как факт наличия позитивного законодательства, воздействующего на людей и формирующего условия их совместного бытия. В свою очередь, в прикладном аспекте теория права есть не что иное, как юридическая техника «управления социальными телами» (М. Фуко), которая направлена на разработку адекватного инструментария для юридического регулирования отношений между людьми.

Вместе с тем любая теория права базируется на определенной философии, независимо от того, признает она это или нет. Так, классическая теория права

основывается на ряде постулатов, которые имплицитно в ее понятийных конструктах. Философские понятия субъекта, объекта, предмета, вещи, материи были трансформированы теорией права в такие конструкции, как «субъект права», «объект преступления», «предмет правоотношений» и т.п. Характерной чертой такой рецепции было то, что упомянутые философские построения заимствовались правовой наукой некритически, как нечто само собой очевидное, не нуждающееся в обосновании. Так, например, в ст. 179 Гражданского кодекса Украины вещь определяется как «предмет материального мира, относительно которого могут возникать гражданские права и обязанности». Это определение сформулировано на базе ряда философских установок, принимаемых за нечто самоочевидное: разделение мира на «идеальный» и «материальный», наличие в данном «мире» неких «предметов», касаемо которых могут возникать права и обязанности и т.п. Однако, как подобное разделение, так и номенклатура самих «вещей» в значительной мере уже оказываются устаревшими. Например, такие «вещи», как акции, выпущенные в бездокументарной форме, криптовалюта, электронные билеты, достаточно проблематично идентифицировать в рамках дихотомии «идеальной» и «материальной» субстанций.

В свою очередь и «субъект» права как «материальный индивид», противостоящий в этом качестве некоему «объекту», является достаточно спорной категорией, которая не способна адекватно отразить такие явления, как аватары, ники, логины, аккаунты в соцсетях и т.п. Да и сам «субъект права» как таковой на поверку оказывается абстракцией, обретая возможность «быть субъектом», т.е. иметь права и обязанности лишь при одновременном наличии «других» субъектов. Тем самым мнимо самоочевидная конструкция индивидуального «субъекта правоотношений» дрейфует в сторону диалогичности (И.Л. Честнов), триалогичности (И.Д. Невважай), полисубъектности (А.В. Стомба), интересубъективности (А.В. Поляков, С.И. Максимов).

Соответственно перед нами стоит задача «переписать» классическую теорию права, пересмотрев некоторые мнимо самоочевидные ее постулаты и предложив взамен те представления, которые в гораздо большей степени будут отвечать реальным процессам, существующим в настоящее время в сфере юридического.

Фундаментальной подвижкой, лежащей в основе наших дальнейших рассуждений, будет *строгое методологическое разграничение сфер правового и юридического*. Под *правовой сферой* мы будем понимать те глубинные основания права, которыми обусловлена идентификация того либо иного сущего как релевантного в правовом отношении. Эти основания различны в зависимости от избранного варианта правопонимания и недоступны для методологического инструментария теории права, являясь предметным полем философии права. В свою очередь, *сфера юридического* есть та сфера действия позитивного права, которую возможно исследовать при помощи понятийного аппарата теории права.

Тем самым следует предположить, что сферы правового и юридического не имеют между собой никакой жесткой взаимосвязи. Так, в сферу регулирования позитивного права в силу политической целесообразности либо иных факторов могут попадать любые отношения независимо от их природы – религиозные, моральные, сексуальные, эстетические и пр. Однако данные сферы не имеют необходимой связи с правом постольку, поскольку имманентные закономерности этих предметных областей зачастую являются иррелевантными в правовом отношении. Так, законами государства могут быть запрещены либо разрешены какие-то произведения искусства, религиозные верования, моральные обычаи или сексуальные предпочтения. Однако любая дискуссия относительно того, соответствуют ли подобные дозволения и запреты *праву*, либо же противоречат ему, является бессмысленной в силу того, что в данном случае позитивно-правовое регулирование вторгается в то происходящее, которое само по себе иррелевантно в правовом отношении. Подобные запреты либо дозволения могут быть рациональными, иррациональными, полезными либо вредными – однако нейтральными в правовом отношении, будучи детерминированы исключительно конкретным интересом законодателя. Отсюда, независимо от того, совпадают либо различаются между собой сферы правового и юридического в своем конкретном взаимодействии, необходимая связь между ними отсутствует.

Таким образом, даже самый поверхностный взгляд на историю позитивно-правовых установлений обнаружит не только их неисчислимое разнообразие, но и противоречия между ними. Нельзя отыскать никакой позитивно-правовой нормы, которая не имела бы своего антипода в истории права. Единственной константой всех подобных установлений являлась даже не связь с принуждением либо формальная определенность, но исключительно их властная природа. Тем самым можно вслед за М. Фуко предположить, что позитивное право есть не что иное, как способ самокодировки существующей власти, иррелевантный в любом отношении, кроме политического (моральном, правовом, религиозном, экономическом, эстетическом и всех прочих) [6. С. 184]. Из этого можно вывести ряд весьма интересных следствий для теории права.

Так, исходя из подобных постулатов, первичным и непосредственным адресатом норм позитивного права будет агент власти – судья, государственный служащий, полицейский, иными словами, «чиновник» в самом общем смысле этого слова. В противовес распространенным убеждениям, согласно которым позитивное право *непосредственно* устанавливает права и обязанности для всех граждан, мы сталкиваемся с тем, что те граждане, которые якобы являются адресатами норм позитивного права, зачастую не имеют о них никакого представления. Как можно заметить, люди всего лишь некритически заимствуют из социальной практики некоторые шаблоны поведения, каковые они затем воспроизводят в своей собственной жизни. Нормы же позитивного права способны влиять на их поведение лишь *опосредованно*, позволяя людям на основе жизненного опыта делать более или

менее обоснованные предположения относительно возможной реакции представителей власти на их поведение, внося тем самым соответствующие коррективы в него. Тем самым о *прямой* детерминации человеческого поведения нормами позитивного права можно говорить весьма условно лишь применительно к «чиновникам». «Закон» есть всего лишь диспозиция законодателя иным представителям власти относительно их поведения на случай тех либо иных деяний обычных людей.

Сказанное верно не только в отношении норм уголовного права, которые не могут удержать людей от совершения преступлений, но всего лишь дают возможность соответствующим должностным лицам полномочно применять к таким лицам средства уголовного принуждения. Также наши утверждения не исчерпываются и сферой права гражданского, которое всего лишь устанавливает определенные процедуры, при соблюдении которых человек может обратиться за государственной защитой своего нарушенного права. Даже область конституционного права, а именно так называемые права человека, имеет своим первичным адресатом не человека, но чиновника.

Рассмотрим это, на первый взгляд, неожиданное утверждение на примере. Так, согласно традиционным воззрениям, конституционное право на свободу передвижения означает субъективную возможность людей передвигаться, которая дарована им (или признана) законодателем. Однако что это означает на практике? Очевидно, что подавляющее большинство людей едва ли смогут назвать норму Конституции, которая якобы «дает им соответствующее право». О такой норме они смогут узнать лишь в том случае, если их лишат возможности свободного передвижения и они будут вынуждены обратиться за «защитой своего нарушенного права». Чиновники в случае подобного обращения должны будут детально изучить соответствующие нормы и принять решение, устранив препятствия на пути свободного передвижения гражданина либо же отказав ему в этом. Следовательно, мнимо «субъективное» право человека на свободу его передвижения в сфере позитивного права реально означает всего лишь директиву законодателя должностным лицам не препятствовать лицу в его передвижении, за исключением случаев, предусмотренных соответствующей нормой. А потому связь между содержанием юридической нормы (в данном случае так называемыми правами человека) и поведением людей исходно существует не между человеком и законом, но между подразделениями государственной власти. Более того, в идеальном случае, – когда передвижение человека происходит беспрепятственно, соответствующие нормы могут оказаться вообще не востребованными людьми, т.е. безотносительными к их фактическому поведению.

Отсюда с точки зрения неклассической теории права следует строго различать естественные человеческие возможности (жить, питаться, передвигаться и т.п.) и так называемые права человека. Первые превращаются во вторые лишь в том случае, когда «естественная» возможность человека поставлена под сомнение и может не реализоваться, не сбыться. В свою

очередь, несбывание этой фактической возможности еще автоматически не означает «нарушения права человека». Как абсолютно правильно отмечает российский правовед И.Д. Невважай, понятие права зачастую используется неправомерно. Люди путают наличие у них желаний, интересов с обладанием правом. Если человек хочет есть, это не означает, что у него есть право на то, чтобы есть [7. С. 49]. Как подчеркивает И.Д. Невважай, о праве в данном случае можно говорить лишь тогда, когда существует притязание на то, кем ты не являешься, но можешь и хочешь им быть, либо притязаешь на сохранение того, что есть, поскольку существует вероятность утратить имеющийся статус, свойство и т.п. по вине другого [7. С. 49]. Классическая теория права, отождествляя «естественные возможности» и «естественные права» человека, осуществляет произвольную догматизацию правового измерения человеческого поведения, когда фактические возможности человека априори объявляются его «правами» безотносительно их реального отношения к праву.

Однако если нормы закона, устанавливающие должное, дозволяемое либо требуемое поведение, оказываются лишь директивами законодателя чиновнику, то какие пределы поставлены человеку в его бытии с другими людьми? Обладает ли закон какой-либо *непосредственной нормативностью* по отношению к человеку либо же имеет своим адресатом, как уже неоднократно отмечалось, лишь должностное лицо?

В повседневной деятельности человек регулируется синкретичным комплексом тех дозволений и запретов, которые имеют самые разные корни – начиная от морально-религиозных и заканчивая юридическими. Поэтому вычленив конкретную нормативно-правовую детерминанту человеческого поведения всякий раз оказывается весьма затруднительным, в той мере, в какой одно и то же деяние (например, воздержание от агрессивного насилия) может иметь религиозные, мистические, моральные либо рационально-юридические основания. В то же время необходимо отметить, что смысл и действенность любому ограничению и запрету придает не только и не столько формальный авторитет его автора (законодателя, общества, Бога и т.п.), сколько само наличие рядом других людей, которые самим фактом совместного бытия налагают друг на друга поведенческие ограничения [5. С. 284].

Следовательно, можно предположить, что в неклассической теории права переосмысливается такой краеугольный камень юридической действительности, как *норма*. Если в классической теории права норма представляла собой формально определенный *текст*, изданный компетентным субъектом и подкрепленный государственным принуждением, то в неклассике источником нормы и ее воплощением будут те *люди*, которых мы повсеместно встречаем в различных способах нашего повседневного бытия друг-с-другом. Тем самым, согласно вышеприведенным постулатам неклассики, право из Должного, дистанцированного от сущего социальной реальности, оказывается онтологически воплощено в способе бытия тех, чье поведение оно призвано регулировать. Иначе говоря, если

норма закона дана людям лишь опосредованно, так, что лишь профессионалы в сфере юриспруденции могут судить о ее действительном содержании и соответственно корректировать свои поступки, то регулирование нашего поведения на практике возможно лишь благодаря тому, что его *мера* задана всегда уже находящимися рядом другими людьми. Эту меру поведения, вслед за российским правоведом А.В. Поляковым, мы охарактеризуем тройко: как *границу, направление и модальность* наших деяний [8. С. 10].

В своем повседневном бытии с другими людьми мы встречаем этих последних в разнообразных образах занятости: как водителей, продавцов, почтальонов, полицейских и т.д. При этом, в отличие от сферы моральных отношений, мы не вникаем в их «индивидуальное бытие»: они есть те, «какое нам до них дело» [9. С. 91]. Иными словами, встречая других людей не «просто как таковых», но в их бытии *как* кого-то (В. Майхофер), мы тем самым сообразуем свое поведение с тем, «в качестве кого» мы их встретили [9. С. 91]. При этом, в зависимости от конкретного способа встречаемости, один и тот же человек может задавать нам самые разные меры поведения в отношении него. Так, когда «Иванов» входит в судебное заседание «как» судья, мы обязаны встать при его появлении и выказывать ему всяческое почтение. Однако встретив того же человека «как» соперника на футбольном поле (во время встречи любительских команд), мы можем без особого зазрения совести в подкате ударить его по ногам либо же в резкой форме выказать свое недовольство его игрой. Действия, которые были бы категорически неприемлемы в одних обстоятельствах, иногда представляя собой даже состав преступления, в другом случае, благодаря иному модусу встречаемости, оказываются вполне уместными.

Таким образом, тот человек, которого мы встречаем в своем повседневном обхождении с Другими «как» кого-то, *фактически заступает на место классической нормы права*, задавая *меру* нашего поведения как *границу, направление и модальность* наших поступков. Все наши поступки, для того чтобы оказаться юридически релевантными, всегда должны быть прямо либо опосредовано *направлены* на других людей, поскольку в противном случае они не имеют никакого значения. Аналогичным образом, в силу факта совместного бытия с другими людьми, *предел, границу* нашим деяниям изначально ставит не позитивно-правовая норма, а именно сами люди. Так, например, когда человек, сидя за столом, кладет на него свой мобильный телефон, он «запрещает другим людям посягать на него» самим фактом своего нахождения рядом с ним, физически воплощая ту «границу», которую нельзя перейти другим индивидам. В то же время если он оставляет свой телефон на долгое время в людном месте без присмотра, несмотря на то что формально-юридически эта вещь не перестает быть его собственностью, упомянутая граница как бы «бледнеет», «стирается», ставится под сомнение, а по истечении какого-то срока – исчезает. Здесь мы вступаем на философско-правовую почву, когда мера права напрямую оказывается связанной со временем (что, однако, выходит за рамки настоящей ста-

ты) [5]. В данном случае следует лишь подчеркнуть, что упомянутое «воплощение» нормы в лике конкретного человека, ее «гипостазирование» учитывается и в юридической практике. Так, в приведенном примере похищение телефона в присутствии его владельца будет квалифицировано как тяжкое преступление – грабеж, тогда как завладение телефоном, брошенным на долгое время без присмотра, будет в самом худшем случае расценено как кража, а если он будет оставлен владельцем на весьма долгое время – как деяние, иррелевантное в уголовно-правовом смысле.

Аналогичным образом и юридически значимая *модальность* нашего поведения непосредственно зависит не от позитивно-правовой нормы, но от того, кто и как присутствует рядом с нами, тем самым задавая нам способ поведения в отношении других людей. Так, в уже упомянутом примере, появление судьи в зале судебных заседаний превращает сидящую рядом девушку в прокурора, других людей – в истцов, потерпевших, свидетелей, как бы «включая» соответствующий правовой режим. Выход судьи из зала и окончание судебного заседания осуществляет «обратное превращение», когда сидящие рядом обретают свое «человеческое лицо», превращаясь из процессуальных фигур, задающих соответствующие модальности поведения, в тех, с кем возможно выпить кофе, обсудить футбольный матч либо пригласить на свидание. Сказанное верно и в обратном отношении: я, со-присутствуя с Другими «как» Некто, задаю им модальность поступков по отношению ко мне. При этом, разумеется, содержательно наполненные *конкретные модальности* – способности совершения возможного деяния и его юридические последствия – заданы соответствующей ситуацией (культурной, исторической и рядом иных). Однако все они воплощены в том *общем пределе*, которым выступает Другой «как он есть передо мной».

Переосмысление нормы как «гипостазированной», т.е. исходно воплощенной не в авторитетном юридическом тексте, но «в лице» конкретно сосуществующего со мной человека, влечет за собой и пересмотр такой фундаментальной конструкции классической юриспруденции, как субъект права. Традиционно последний понимался как индивидуально определенный субъект, носитель прав и обязанностей, закрепленных за ним в соответствующей норме права. Однако рассмотрение нормы как изначально существующей «в» самом человеке, притом не в одиночке, но всегда уже пребывающем в совместном бытии с другими людьми, делает фигуру субъекта права как индивида абсолютно бессмысленной в правовом отношении. Иными словами, если правовую меру нашему поведению задают другие люди в своих многообразных способах сосуществования друг с другом, то следует вывод, что в правовой сфере мы имеем дело не с отдельным индивидом (как субъектом прав и обязанностей, которыми его наделяет норма), но с многообразными *конstellациями* (т.е. *динамическими фигурами взаимного расположения*) людей. Ведь в сфере юридической действительности мы никогда не встречаем *субъекта права как такового*, но всегда сталкиваемся

с кем-то, кто, задавая мне меру поведения в отношении себя «как» кого-то, в свою очередь оказывается зависимым от моего способа бытия.

Следует заметить, что упомянутая закономерность не исчерпывается сферой права частного, где коррелятивные связи продавца и покупателя, арендатора и арендодателя, подрядчика и заказчика составляют саму живую ткань гражданского, хозяйственно-либо предпринимательского права. Даже в сфере права публичного мы вынуждены признать, что фигура судьи как субъекта права получает свой смысл исключительно при наличии истца и ответчика, подсудимого и защитника, прокурора и свидетеля – словом, всех тех, кто, в свою очередь, нуждается в судье как мере своего бытия в соответствующем качестве. При этом следует отметить, что, в отличие от сферы морали, где уникальный предел нашему поведению задает такая же неповторимая личность Другого – друга, жены, брата либо сына, в юридической плоскости эта мера будет независима от фигуры конкретного индивида: например, любой судья как таковой ставит один и тот же предел бытию иных участников процесса. Отсюда в сфере неклассической теории права гораздо более уместным будет говорить уже не о статичном и изолированном «субъекте права», но о динамичной «правовой субъективации» (В.И. Павлов) [10. С. 320] либо «правовой стратегии» (Ю.Е. Пермяков) [11. С. 207]. Подобные конструкции неклассической теории права, переосмысляющие категорию «субъекта» в плоскости интересубъективности (С.И. Максимов, А.В. Поляков) или полисубъективности (А.В. Стомба), подчиняются смысловым закономерностям «диалогичности» (И.Л. Честнов)

либо даже «триалогичности» (И.Д. Невважай), когда на место любого из участников правового диалога либо коммуникации всегда готов заступить тот «Третий», который только и делает возможной единую для всех меру права, воплощенную в фигуре конкретного «участника правоотношения». Соответственным образом трансформируется и классическая категория «правоотношений», когда на место общественных отношений, *непосредственно и континуально* урегулированных юридической нормой, становится *дискретная и конкретно-ситуативная* правовая коммуникация. К слову, подобные конструкции уже имплицированы в институте частного обвинения, когда, в зависимости от конкретной ситуации, одни и те же отношения (например, кража внутри семьи) могут оказаться как релевантными в юридическом отношении, так и наоборот.

В заключение следует отметить, что в силу ограниченности объема данной статьи нет возможности в полной мере переосмыслить все фундаментальные перспективы неклассической теории права применительно к конкретным отраслям права. Помимо уже упомянутого пересмотра природы прав человека в конституционном праве, следствием экспликации постулатов неклассической теории права будет выявление диспозитивности метода правового регулирования в уголовном и административном праве, субсидиарной природы норм гражданского и хозяйственно-права, а также ряд иных следствий. Подводя итоги, следует лишь сказать, что сфера теории права, без сомнения, выглядит наиболее интересной и продуктивной для полемики идей классического и неклассического правоведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Максимов С.И., Пермяков Ю.Е., Поляков А.В. и др. Неклассическая философия права: вопросы и ответы / ред. А.В. Стомба. Харьков : Библиотека международного журнала «Проблемы философии права», 2013. 272 с.
2. Мартышин О.В. Об особенностях философско-правовой методологии // Государство и право. 2016. № 6. С. 20–30.
3. Павлов В.И. Синергичная антропология и постклассическая антропология права: к вопросу об антропологическом подходе к пониманию права // Фонарь Диогена. 2015. № 1. С. 211–239.
4. Честнов И.Л. Научная новизна постклассической юриспруденции // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 2. С. 7–15.
5. Стомба А.В. Темпоральная онтология права. СПб. : Алеф-пресс, 2017. 355 с.
6. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М. : Касталь, 1996. 448 с.
7. Невважай И.Д. Нормогенез в процессе коммуникации // Проблемы методологии и философии права. Самара : Самар. гуманит. акад., 2015. С. 38–50.
8. Поляков А.В. Нуждается ли теория права в идеях М. Хайдеггера? // Правоведение. 2013. № 4. С. 6–11.
9. Maihofer W. Recht und Sein. Prolegomena zu einer Rechtsontologie. Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann, 1954. 125 s.
10. Социокультурная антропология права / под ред. Н.А. Исаева, И.Л. Честнова. СПб. : Издательский дом «Алеф-пресс», 2015. 840 с.
11. Пермяков Ю.Е. Правовые стратегии как коммуникативные модели: проблема описания // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции : к 60-летию А.В. Полякова : в 2 т. Т. 1. Коммуникативная теория права в исследованиях отечественных и зарубежных ученых. СПб. : ООО Издательский дом «Алеф-пресс», 2014. С. 207–215.

Статья представлена научной редакцией «Право» 28 сентября 2020 г.

Classical and Non-Classical Theory of Law

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 463, 251–256.

DOI: 10.17223/15617793/463/31

Oleksiy V. Stovba, Kharkiv Institute of Management Personnel (Kharkiv, Ukraine). E-mail: stovba34@mail.ru

Keywords: philosophy of law; theory of law; human rights; legal norm; understanding of law.

The article discusses the possibility of the dialogue of the classical and non-classical trends of law understanding. In reaching this aim, author tries to research its philosophical and methodological foundations. The classical philosophy of law is grounded on the presupposition of the Being-Oughtness of law. The Being-Oughtness of law is the certain concept which marks the dogmatic presupposition of the ideal normative dimension of law, both natural and positive. The non-classical philosophy of law is based on the statement that law exists not as a continual phenomenon, but as a discrete one. It means, that law does not exist in itself as such, but is reproduced in the everyday life of the human beings. Thus, in the classical paradigm, law originally expresses itself as the

continual Being-Oughtness of its ideal essence. At the same time, in the non-classical paradigm, law is interpreted as the discrete Being-Reproduction of the legal entity. As a result, the discussion between the scientific schools that belong to the different kinds of law understanding seems impossible. Searching for the conditions that make the dialogue between the classical and non-classical approaches to law possible, the following hypothesis can be made: the dialogue can take place not in the sphere of the philosophy of law, but in the problem field of the legal theory. It is possible due to that fact that the theory of law as a middle-level theory is higher than specific legal sciences, but, by virtue of its practical focus, it minimizes the philosophical and methodological difference. The fundamental working hypothesis of the article is the strict methodological difference between the field of law and the field of the legal. The field of law is the deep foundations of law, which determine the law identity of any entity as relevant in terms of law. The field of the legal is the sphere of the application of valid legal norms, which can be examined using the conceptual means of the legal theory. As a result, positive law presents itself as a method of the state power's self-coding through legal concepts. Thus, the primary recipient of legal norms is the official, while the ordinary person is only a secondary one. By applying this hypothesis to the problem field of the legal theory, it is possible to identify three different kinds of legal issues. The first is the reconsideration of the human rights phenomenon. The second consists in the new interpretation of the legal norm. The third includes the new view on the issue of the legal subject. As we can see, it is the sphere of the legal theory that is a very fruitful problem field for discussions between the classical and non-classical understanding of law.

REFERENCES

1. Maksimov, S.I. et al. (2013) *Neklassicheskaya filosofiya prava: voprosy i otvety* [Non-classical philosophy of law: questions and answers]. Khar'kov: Biblioteka mezhdunarodnogo zhurnala "Problemy filosofii prava".
2. Martyshin, O.V. (2016) Ob osobennostyakh filosofsko-pravovoy metodologii [On the Peculiarities of the Legal-Philosophical Methodology]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 6. pp. 20–30.
3. Pavlov, V.I. (2015) Synergic Anthropology and Postclassical Anthropology of Law: To the Problem of Anthropological Approach to the Interpretation of Law. *Fonar' Diogena*. 1. pp. 211–239. (In Russian).
4. Chestnov, I.L. (2016) Nauchnaya novizna postklassicheskoy yurisprudentsii [Scientific novelty of postclassical jurisprudence]. *Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy*. 2. pp. 7–15. DOI: 10.17816/RJLS18119
5. Stovba, A.V. (2017) *Temporal'naya ontologiya prava* [Temporal ontology of law]. St. Petersburg: Alef-press.
6. Foucault, M. (1996) *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti* [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality]. Translated from French. Moscow: Kastal'.
7. Nevvazhay, I.D. (2015) Normogenez v protsesse kommunikatsii [Normogenesis in communication]. In: Kasatkin, S.N. (ed.) *Problemy metodologii i filosofii prava* [Problems of methodology and philosophy of law]. Samara: Samara Humanitarian Academy. pp. 38–50.
8. Polyakov, A.V. (2013) Nuzhdaetsya li teoriya prava v ideyakh M. Khaydeggera? [Does the theory of law need the ideas of M. Heidegger?]. *Pravovedenie*. 4. pp. 6–11.
9. Maihofer, W. (1954) *Recht und Sein. Prolegomena zu einer Rechtsontologie*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann.
10. Isaev, N.A. & Chestov, I.L. (eds) (2015) *Sotsiokul'turnaya antropologiya prava* [Sociocultural anthropology of law]. St. Petersburg: Izdatel'skiy dom "Alef-press".
11. Permyakov, Yu.E. (2014) Pravovye strategii kak kommunikativnye modeli: problema opisaniya [Legal strategies as communicative models: the problem of description]. In: Antonov, M.V. (ed.) *Kommunikativnaya teoriya prava i sovremennye problemy yurisprudentsii: k 60-letiyu A.V. Polyakova: v 2 t.* [Communicative theory of law and modern problems of jurisprudence: to the 60th anniversary of A.V. Polyakov: in 2 volumes]. Vol. 1. St. Petersburg: OOO Izdatel'skiy dom "Alef-press". pp. 207–215.

Received: 28 September 2020

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБРОСИМОВА Екатерина Андреевна – канд. юрид. наук, ответственный секретарь Информационного центра Гаагской конференции по международному частному праву, доцент кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России. E-mail: abrosimova_e_a@mgimo.ru

АЛЕКСЕЕВ Андрей Юрьевич – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии права и управления ФСИН России (г. Рязань). E-mail: alex_vostok-@mail.ru

АРХИПОВА Анна Григорьевна – канд. юрид. наук, доцент кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России; консультант Исследовательского центра частного права им. С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации (г. Москва); заместитель председателя Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации (г. Москва). E-mail: a.g.arkhipova@gmail.com

БАЕВА Галина Андреевна – д-р филол. наук, зав. кафедрой иностранных языков и лингводидактики Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: baevaga@mail.ru

БАРСЕГЯН Светлана Сережаевна – преподаватель кафедры иностранных языков и литературы Ванадзорского государственного университета (г. Ванадзор, Армения). E-mail: svetlana-barsegyan@yandex.ru

БАРЫШЕВА Галина Анзельмовна – д-р экон. наук, профессор Школы инженерного предпринимательства Томского политехнического университета. E-mail: ganb@tpu.ru

БОЙКО Владимир Петрович – д-р ист. наук, профессор кафедры философии и истории Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: vrbjko@yandex.ru

БУДНИКОВА Наталья Николаевна – ст. преподаватель кафедры казахской, русской филологии и журналистики Восточно-Казахстанского государственного университета им. Сарсена Аманжолова (г. Усть-Каменогорск, Казахстан). E-mail: nbh177@mail.ru

БУЯНОВ Дмитрий Евгеньевич – соискатель ученой степени кандидата исторических наук Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). E-mail: dmit2b@gmail.com

ВИКТОРОВ Дмитрий Валерьевич – канд. пед. наук, доцент Института спорта, туризма и сервиса Южно-Уральского государственного университета; доцент Южно-Уральского института искусств им. П.И. Чайковского (г. Челябинск). E-mail: viktorovdv@yandex.ru

ВЛАСКИНА Татьяна Юрьевна – старший научный сотрудник лаборатории филологии Южного научного центра Российской академии наук» (г. Ростов-на-Дону). E-mail: vlaskiny@mail.ru

ВНУКОВА Любовь Борисовна – канд. полит. наук, старший научный сотрудник лаборатории политических исследований Южного научного центра Российской академии наук» (г. Ростов-на-Дону). E-mail: vnukoval@yandex.ru

ВОЛКОВА Евгения Владимировна – зав. центром тестирования иностранных граждан Томского политехнического университета. E-mail: evolkova@tpu.ru

ГОЛОЩАПОВА Татьяна Ивановна – канд. филол. наук, магистр юриспруденции. E-mail: zzzzz53@yandex.ru

ГОНЧАРОВА Наталия Владимировна – канд. филол. наук, зав. сектором хранения фонда Научной библиотеки Томского государственного университета. E-mail: Nauchka@mail.ru

ГРЕЦКАЯ Татьяна Владимировна – канд. пед. наук, доцент кафедры иностранных языков и лингводидактики Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: tat-gr01@yandex.ru

ДАНИЛОВА Наталья Владимировна – канд. юрид. наук, доцент кафедры административного и финансового права Тюменского государственного университета. E-mail: n.v.danilova@utmn.ru

ИСАЕВА Анастасия Александровна – канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного и международного права Томского государственного университета. E-mail: tess@mail2000.ru

КАМАЛЕЕВА Алсу Рауфовна – д-р пед. наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела Института педагогики, психологии и социальных проблем (г. Казань). E-mail: kamaleyeva_kazan@mail.ru

КАМИНСКАЯ Юлия Вадимовна – аспирант кафедры журналистики и литературоведения, Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: yuliaglazkova96@mail.ru

- КАШУБА Юрий Анатольевич** – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовно-исполнительного права Академии права и управления ФСИН России (г. Рязань). E-mail: koshianatol@yandex.ru
- КОЛЕВ Жеко Митков** – канд. техн. наук, доцент кафедры разработки и эксплуатации нефтяных и газовых месторождений Тюменского индустриального университета. E-mail: jackkolev@gmail.com
- КОЛЕВА Галина Юрьевна** – д-р ист. наук, профессор кафедры гуманитарных наук и технологий Тюменского индустриального университета. E-mail: gukoleva@gmail.com
- КОРНАКОВА Светлана Викторовна** – канд. юрид. наук, доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности Байкальского государственного университета (г. Иркутск). E-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru.
- МАЛЕЕВ Дмитрий Олегович** – канд. пед. наук, доцент кафедры технологий физкультурно-спортивной деятельности Тюменского государственного университета. E-mail: massport@mail.ru
- МАТХАНОВА Наталья Петровна** – д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: istochnik_history@msil.ru
- МЕЖЕННАЯ Наталья Михайловна** – канд. физ.-мат. наук, доцент кафедры «Прикладная математика» Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана. E-mail: natalia.mezhennaya@gmail.com
- МЕЛЁХИНА Елена Анатольевна** – канд. пед. наук, зав. кафедрой иностранных языков Новосибирского государственного технического университета. E-mail: melexina@corp.nstu.ru
- МИШАКОВА Надежда Валерьевна** – канд. юрид. наук, преподаватель кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). E-mail: nvmishakova@msal.ru
- НАДТОЧИЙ Екатерина Евгеньевна** – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: nadtokaterina@gmail.com
- НЕДОСПАСОВА Ольга Павловна** – д-р экон. наук, профессор Школы инженерного предпринимательства Томского политехнического университета; профессор Института экономики и менеджмента Томского государственного университета. E-mail: olgaeconomy@mail.ru
- НОВОЖИЛОВА Наталия Викторовна** – аспирант лаборатории компаративных исследований профессионального образования Института педагогики, психологии и социальных проблем (г. Казань). E-mail: nata01@list.ru
- ОТЧЕСКАЯ Татьяна Ивановна** – д-р юрид. наук, зав. кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). E-mail: otcheskayaproff@gmail.com
- ПАВЛОВА Ирина Анатольевна** – канд. экон. наук, доцент Школы инженерного предпринимательства Томского политехнического университета; старший научный сотрудник Лаборатории устойчивого развития социально-экономических систем Томского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук; доцент кафедры «Управление инновациями» Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: iarav@mail.ru
- ПОПЛАВСКАЯ Ирина Анатольевна** – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: lady-plvs@yandex.ru
- ПРИСТАВКО Ксения Владимировна** – магистрант факультета гуманитарного образования Новосибирского государственного технического университета. E-mail: pristavko-ksuna.15@yandex.ru
- РОДИГИНА Наталия Николаевна** – д-р. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: natrodigina@list.ru
- РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Елена Михайловна** – канд. экон. наук, доцент Института экономики и менеджмента Томского государственного университета. E-mail: elena.rojdestvenskaya@gmail.com
- РОСТОВА Наталья Николаевна** – д-р филос. наук, профессор кафедры философской антропологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: nnrostova@yandex.ru
- САВЧЕНКО Ирина Александровна** – д-р социол. наук, начальник международной междисциплинарной научной лаборатории «Технологии социально-гуманитарных исследований», профессор кафедры философии, социологии и теории социальной коммуникации Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова; профессор кафедры психологии и педагогики Нижегородской Академии МВД России. E-mail: teosmaco@rambler.ru
- САИНИ Сону** – PhD, доцент центра русских исследований Университета Джавахарлала Неру (г. Нью-Дели, Индия). E-mail: sonusaini@mail.jnu.ac.in

САКСЕНА Ранджана – PhD, зав. кафедрой славянских и финно-угорских исследований Университета Дели (г. Нью-Дели, Индия). E-mail: ranjana200580@gmail.com

СОЛОМКО Дмитрий Витальевич – канд. филос. наук, доцент кафедры философии Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск). E-mail: dimiurg85@mail.ru

СТОВБА Алексей Вячеславович – д-р юрид. наук, проректор по вопросам научной и методической работы Харьковского института кадров управления (г. Харьков, Украина). E-mail: stovba34@mail.ru

ТАРНАЕВА Лариса Петровна – д-р пед. наук, профессор кафедры иностранных языков и лингводидактики Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: l-tarnaeva@mail.ru

ТЕПЛЯКОВ Дмитрий Александрович – аспирант кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: dmitryteplyakoff@yandex.ru

ШАБАЛИНА Анастасия Олеговна – аспирант Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: nastyaplr1003@gmail.com

ШЕВЦОВ Дмитрий Викторович – аспирант Российского университета дружбы народов (г. Москва). E-mail: ShevtsovDmitry93@yandex.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2021. № 463. Февраль

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Н.А. Глушенко

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 26.02.2021 г. Формат 60×84 ¹/₈. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 32,5. Усл. печ. л. 30,2. Тираж 50 экз.
Заказ № 4669. Цена свободная.

Дата выхода в свет 13.05.2021 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомьтесь с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательство Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru